

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

6

2016

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 6 **Том 22**

2 0 1 6 **Volume 22**

№ 6
Ноябрь – Декабрь

№ 6
November – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

Уважаемые авторы и читатели!

Редакция журнала сообщает, что в августе 2016 года в результате объединения в Костроме был создан единый Костромской государственный университет, ставший преемником, в том числе и функций учредителя издающихся научно-методических журналов.

Указанное обстоятельство побудило редакцию к корректировке и внесению незначительных изменений в название журнала. Сейчас журнал уже перерегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с названием – **«Вестник Костромского государственного университета»** (новый номер Свидетельства о регистрации СМИ можно найти на последней странице нашего журнала).

Корректировка названия журнала не отразилось на работе редакции. На страницах журнала продолжает рассматриваться широкий спектр вопросов в области филологии (литературоведения и лингвистики), истории и юриспруденции. Редакция стремится к всестороннему освещению основных проблем теоретической и практической науки, продолжает принимать к публикации оригинальные, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований статьи, отличающиеся актуальностью и высокой степенью научной новизны.

Ждем новых интересных работ!

Главный редактор журнала
«Вестник Костромского государственного
университета», доктор юридических наук

В.В. Груздев

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2016 **Том 22**

№ 6
Ноябрь – Декабрь

VESTNIK
OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2016 **Volume 22**

№ 6
November – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
действительный член РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA
STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Natural
Sciences Academy full member, chairman of scientific council
of Russian Academy of Sciences on the issues of Russian and
world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 10 Кочешков Г.Н., Аграфонов П.Г.**
«Русские иностранцы» XVIII века и Ярославский край
- 15 Кочергина М.В., Дзюбан В.В.**
Благотворительность и меценатство в среде русских старообрядцев: региональный аспект
- 20 Табаченко А.А.**
Деятельность РПЦ по организации помощи раненым воинам в начале Первой мировой войны (август – декабрь 1914 г.)
- 23 Князев А.С.**
К вопросу о формировании и функционировании сети уездных архивов в Верхнем Поволжье (на материалах Костромской, Иваново-Вознесенской, Ярославской губерний): 1918–1929 гг.
- 27 Дзюбан В.В., Кочергина М.В.**
Старообрядческие общины Стародубья и Ветки в 1940-х гг.: трудный путь возрождения
- 32 Зинчук С.М.**
Основные направления государственно-церковных отношений в СССР (1946–1953 гг.)
- 36 Нежигай Э.Н.**
Реализация функций праздничной культуры посредством революционных праздников в Советской России (региональный аспект)
- 40 Усманов С.М.**
Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссионные проблемы и варианты научной интерпретации

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 45 Яценко М.В.**
Древнеанглийская поэма «Даниил» в контексте Кодекса Юниуса
- 50 Голубков А.В.**
У истоков прециозности: французская галантная топография 1650-х гг.
- 55 Филипповский Г.Ю.**
«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: аспекты эпической типологии
- 61 Иванов В.В.**
Рассказ как структурно-силовое ядро полифонического романа
- 65 Щербакова М.И.**
Кострома в судьбе Н.Н. Стрехова
- 69 Строганова Е.Н.**
М.Е. Салтыков-Щедрин и его литературные современницы
- 72 Тихомиров В.В.**
«Снегурочка» А.Н. Островского: проблемы оценки и интерпретации (1873–1900)
- 79 Холодова З.Я.**
Художественное мышление М.М. Пришвина: фольклорный аспект
- 84 Копцов А.Н.**
О поэтике повести А.С. Серафимовича «У холодного моря»
- 87 Огородникова Е.А.**
Жанр элегии в сборнике Игоря Северянина «Громокопящий кубок»
- 91 Бокарев А.С.**
Иероглифическое слово в лирике Леонида Аронсона
- 96 Жарников Г.С.**
Мистерия и балаган русской революции (о «Конармии» Исаака Бабеля)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 10 G.N. Kocheshkov, P.G. Agrafonov**
«Russian foreigners» of the 18th century and Yaroslavl region
- 15 M.V. Kochergina, V.V. Dzyuban**
Charity and patronage of art and literature among Russian Old Believers: a regional issue
- 20 A.A. Tabachenko**
Activities of the Russian Orthodox Church in aiding the wounded warriors in the beginning of the World War I (August to December, 1914)
- 23 A.S. Knyazev**
The formation and functioning of regional archives in the Upper Volga (on materials of Kostroma, Ivanovo-Voznesensk, Yaroslavl Province): 1918—1929
- 27 V.V. Dzyuban, M.V. Kochergina**
The old believers' community of Starodubye and Vetka in the 1940s: the hard path of recovery
- 32 S.M. Zinchuk**
The main directions of state Church relations in the USSR in 1946—1953
- 36 E.N. Nezhigay**
Realisation of functions of festive culture by means of revolutionary holidays in the Soviet Russia (regional aspect)
- 40 S.M. Usmanov**
The intelligentsia members and the intellectuals in the modern world: the discussion issues and variations of scientific interpretation

SCIENCE OF LITERATURE

- 45 M.V. Yatsenko**
Old English poem “Daniel” in the Context of the Codex Junius
- 50 A.V. Golubkov**
At the beginnings of the «preciosité»: French gallant topography in the 1650s
- 55 G.Yu. Filippovskiy**
«A Song about Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik, and the Valorous Merchant Kalashnikov»: aspects of epic typology
- 61 V.V. Ivanov**
A short story as a power-structural kernel of a polyphonic novel
- 65 M.I. Shcherbakova**
Kostroma in Nikolay Strakhov's life
- 69 Ye.N. Stroganova**
Mikhail Saltykov-Shchedrin and contemporary authoresses
- 72 V.V. Tikhomirov**
«The Snow Maiden» by Alexander Ostrovsky: the problems of estimation and interpretation (1873—1900)
- 79 Z.Ya. Kholodova**
Mikhail Prishvin's artistic outlook: the folklore aspect
- 84 A.N. Koptsov**
On the poetics of the novel «By the Cold Sea» by Alexander Serafimovich
- 87 Ye.A. Ogorodnikova**
Genre of elegy in Igor Severyanin's poetic collection «The Cup of Thunder»
- 91 A.S. Bokarev**
Hieroglyphic word in the lyrics of Leonid Aronson
- 96 G.S. Zharnikov**
The mystery play and the farce of the Russian Revolution (on Isaac Babel's «Red Cavalry»)

- 101 Морозов А.С.**
«Дом на набережной» Ю. Трифонова и «На первом дыхании» В. Маканина: повествовательные параллели
- 105 Кучина Т.Г., Ахапкина Д.Н.**
«Конвертировать бытие в слово»: Nomoscribens в прозе Евгения Водолазкина
- 109 Страшнов С.Л.**
О тенденциях развития стихотворного фельетона
- 114 Захарова Н.В.**
Переводы православных текстов с русского на китайский язык в конце XIX в. К вопросу о становлении литературного перевода в России
- 119 Гадзаова Л.П.**
Сравнительно-сопоставительный анализ баллады Ф. Шиллера «Геро и Леандр» и ее художественного поэтического перевода В.В. Левика как средство освоения студентами искусства перевода
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 122 Третьякова И.Ю.**
К вопросу об окказиональном преобразовательном потенциале глагольных фразеологизмов
- 125 Ермакова Е.Н., Прокопова М.В.**
Фразеобразовательный потенциал лексем, номинирующих денежные единицы
- 130 Гусева Е.Р.**
Партикулярные лексемы *нале, ноли* и дериваты (по данным севернорусских говоров)
- 135 Золотых Л.Г., Фирсова М.А.**
Языковая агрессия как компонент современного медиaprостранства (на материале телепередачи «Однако»)
- 140 Ухова Л.В., Гусева Л.А.**
Толерантность: к проблеме осмысления слова
- 146 Иванов Д.И., Иткулов С.З.**
Вербальный компонент синтетической языковой личности в русской литературе нонсенса конца XX века
- 150 Степанова М.М., Ковалева Е.В.**
Сопоставительный анализ мемов как современных паремииологических единиц в русском, английском и испанском интернет-дискурсе
- 155 Левина Т.В., Наумова Н.А.**
Эпентеза в современном английском языке: пережиток прошлого или тенденция будущего?
- 159 Шитикова А.В.**
Оригинальные и видоизмененные пословицы в немецкой прессе
- 164 Бабаян В.Н.**
Диалог как специфическая форма диадического межличностного взаимодействия
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 167 Губаева Т.В., Гумеров Л.А.**
Система принципов правового регулирования научно-технической сферы
- 172 Гумерова З.З.**
Идея права как детерминанта правового воспитания
- 175 Аксенова О.В.**
Проблемные аспекты законодательного оформления норм гражданского права
- 179 Закиров Р.Ю.**
Правопреемство в обязательственном правоотношении
- 182 Климова А.Н.**
К вопросу о понятии и признаках предпринимательской деятельности
- 185 Сулейманова К.М.**
Толкование норм как механизм обеспечения вынесения справедливых решений по гражданским делам

- 101 A.S. Morozov**
«The House on the Embankment» by Yury Trifonov and «In One Breath» by Vladimir Makanin: the narrative parallels
- 105 T.G. Kuchina, D.N. Akhapkina**
To Convert the Existence into the Word: Homo scribens in the prose of Eugene Vodolazkin
- 109 S.L. Strashnov**
On the main trends of modern poetic feuilleton
- 114 N.V. Zakharova**
Orthodox text's translation from Russian into the Chinese in the late 19th century. On the question of creature of the literary translation in Russia
- 119 L.P. Gadzaova**
Comparative analysis of the ballad of F. Schiller «Gero and Léandre» and her literary poetic translation of V. V. Levik as means of development by students of art of the translation
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 122 I.Yu. Tret'yakova**
Towards the question of occasional transforming potential of verbal phraseological units
- 125 Ye.N. Yermakova, M.V. Prokopova**
Phrase-formation potential of the lexemes denominating monetary units
- 130 Ye.R. Guseva**
Particularal lexemes *нале, ноли* and derivatives (according to Northern Russian patois)
- 135 L.G. Zolotykh, M.A. Firsova**
Language aggression as a component of modern media space (based on the Russian TV program «However»)
- 140 L.V. Ukhova, L.A. Guseva**
Tolerance: the problem of understanding words
- 146 D.Yu. Ivanov, S.Z. Itkulov**
Verbal component as a synthetic language personality in Russian nonsense literature of the late 20th century
- 150 M.M. Stepanova, Ye.V. Kovalyova**
Comparative analysis of memes as modern paremiological units in Russian, English and Spanish Internet discourse
- 155 T.V. Levina, N.A. Naumova**
Epenthesis in modern English: a survival of the past or a future tendency?
- 159 A.V. Shitikova**
Original and modified proverbs in the German press
- 164 V.N. Babayan**
Dialogue as a specific form of dyadic interpersonal interaction
- JURAL SCIENCES**
- 167 T.V. Gubayeva, L.A. Gumerov**
The system of principles of legal regulation of scientific and technical sphere
- 172 Z.Z. Gumerova**
The idea of law as determinant of legal education
- 175 O.V. Aksyonova**
About some problematic aspects of legislative support of the norms of Civil law
- 179 R.Yu. Zakirov**
Legal succession in obligations' legal relationship
- 182 A.N. Klimova**
On the concept and signs of entrepreneurial activity
- 185 K.M. Suleymanova**
Statutory construction as a law mechanism of a just rendition proceeding

190 Ноздрина Н.А., Харитонова Н.Н.

Органы «контрольной ветви власти»
в Российской Федерации

194 Саско С.И.

Норма административного права
в спектре современной доктринальной интерпретации

198 Бабичев Д.А.

Информационное обеспечение подразделений уголовного розыска в Российской Федерации и Луганской Народной Республике: сравнительный анализ

205 Павлюков В.В.

Оперативное распознавание лица по фото-, видео- и аудиоданным: перспективы внедрения современных технологий в деятельности органов внутренних дел

209 Розенко С.В.

Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему как обстоятельство, смягчающее уголовное наказание

212 Лебедева Т.С.

О роли комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в реализации ювенальных технологий

216 Мартынова Т.Н., Сгибнева О.В.

Актуальные тенденции судебной практики по спорам, связанным с расторжением трудового договора по соглашению сторон

220 Бриль Г.Г.

Возникновение и разрешение социально-экономических конфликтов в Советском государстве: теоретико-правовой аспект

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

224 Андреева В.Г.

Роль и место Костромской земли
в судьбах русских писателей

227 Горохова О.В.

Генеалогия костромского купечества
(концепция исследования)

230 К юбилею наших учителей:

М.И. Синяжникова, К.А. Булдакова, В.Л. Миловидова

232 Лебедева О.А.

О тех, кого помню и люблю

235 Голубева И.В.

Владимир Леонидович Миловидов:
историк и его эпоха

240 Шигарева А.Н.

Творчество Михаила Никитича Белова в контексте потенциала локальной советской историографии в послевоенный период

243 Новиков А.В.

История рабочего движения в научном наследии кафедры истории России Костромского государственного педагогического института имени Н.А. Некрасова

250 SUMMARY

266 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

190 N.A. Nozdrina, N.N. Kharitonova

Bodies of «control branches of government»
in the Russian Federation

194 S.I. Sayenko

The norm of administrative law
in the spectrum of modern doctrinal interpretations

198 D.A. Babichev

Information support units CID in the Russian Federation and in the unrecognised state of Lugansk People's Republic: a comparative analysis

205 V.V. Pavlyukov

Operative face recognition for photo, video and audio data: perspectives for implementation of modern technologies in the activity of law enforcement authorities

209 S.V. Rozenko

Medical and other assistance to the victim immediately after the crime, voluntary compensation for material and moral damage caused as a result of a crime, other actions directed on smoothing down of harm, caused to the victim as a circumstance mitigating criminal punishment

212 T.S. Lebedeva

On the role of the commissions on affairs of minors and on protection of their rights in implementation of technologies of juvenile justice

216 T.N. Martynova, O.V. Sgibneva

Current trends of judicial practice on disputes connected with the termination of the employment contract by agreement of the parties

220 G.G. Bril'

Emergence and resolving
of the social and economic conflicts in Soviet state:
theoretical-legal aspect

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

224 V.G. Andreyeva

Role and the place of the Kostroma earth
in destinies of the Russian writers

227 O.V. Gorokhova

Kostroma merchants' genealogy
(concept study)

230 Timing to our educators' jubilee: Mikhail Sinyazhnikov,

Konstantin Buldakov, Vladimir Milovidov

232 O.A. Lebedeva

Of those who I remember and love

235 I.V. Golubeva

Vladimir Leonidovich Milovidov:
the historian and his epoch

240 A.N. Shigareva

Mikhail Nikitich Belov's creative work
in terms of post-WW II period
of the Soviet local historiography potential

243 A.V. Novikov

Labour movement history
in scientific heritage of Russian
history department
of Nekrasov Kostroma State Pedagogic Institute

250 SUMMARY

266 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470)''17...

Кочешков Геннадий Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Аграфонов Петр Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ppeter@yandex.ru

«РУССКИЕ ИНОСТРАНЦЫ» XVIII ВЕКА И ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ

В статье рассматривается особая категория источников по региональной отечественной истории XVIII–XIX веков – труды так называемых «русских иностранцев». В обзоре представлены главы о Переславле из «Топографических известий, служащих для полного географического описания Российской империи» Л.И. Бакмайстера, «Описания городов Московской провинции» Г. Миллера, а также соответствующий отрывок из «Путешествия по разным местам Российской империи» П.С. Палласа и фрагменты нескольких работ Якоба Штелина.

Анализ собранных в обзоре материалов свидетельствует о самостоятельном подходе «русских иностранцев» к изучению российской истории. Считая себя частью России, они смотрели на нее по-иному (сравнительно с подходом приезжих). Взгляд «русских иностранцев» на реалии российской хозяйственной, общественной и духовной жизни на местах отличается стремлением к точности, достоверности и в конечном итоге характеризуется большей объективностью и последовательностью в сравнении со взглядом извне.

Ключевые слова: «русские иностранцы», Ярославский край, Переславль-Залесский, Л.И. Бакмейстер, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, Я. Штелин.

Среди источников по региональной отечественной истории XVIII века особую и немаловажную, хотя и немногочисленную, группу составляют материалы, оставленные так называемыми «русскими иностранцами». Категория населения, получившая у современников такое наименование, была представлена иностранцами по рождению, которые вследствие жизненных обстоятельств или целенаправленного решения прожили всю (или практически всю) свою жизнь в России.

Рожденные и сформировавшиеся далеко за ее пределами, «русские иноземцы» стали частью российской реальности, приняв в значительной степени новое место жительства как свою вторую родину. Это стало возможным в значительной степени благодаря тому, что российское общество и государство в XVIII столетии – периоде очевидного исторического «рывка» – отличались наряду с бурным развитием и стремительным движением вперед способностью привлекать и употреблять на пользу этому развитию усилия и творческий потенциал, носителями которого были уроженцы иных стран.

В новых российских реалиях активно раскрывались таланты искренне увлеченных, отдававших свой труд на благо России и наиболее одаренных «русских иностранцев». Объективно эти усилия служили делу поступательного движения вперед различных отраслей хозяйственной, общественной, научной жизни российского государства. Иноземцы, со своей стороны, ощущали необозримые возможности новой России, видели в ней многообещающую сферу для своей самореализации, приложения творческих сил, применения деловой активности. Эта деятельность иностранцев, осевших

в России навсегда или надолго, в лучших и широко известных своих примерах была поистине плодотворной.

Категория населения, известная в течение XVIII века под названием «русских иностранцев», была не столь ограниченной, как может показаться на первый взгляд. Источниками ее пополнения нередко были военнопленные, оставшиеся в России, а также иностранцы, приезжавшие на восток Европы в поисках работы и средств к существованию. Конечно, хватало среди них и авантюристов, прибывавших «на ловлю счастья и чинов». Впрочем, именно последние – мигранты с авантюрным оттенком – менее всего задерживались в России надолго. Люди более основательного склада, искавшие не приключений, а применения своих сил и постоянного заработка, чаще оседали на новой почве, реализовывали здесь свои профессиональные возможности и получали относительно устойчивый доход.

В группе «русских иностранцев» выделяются имена нескольких представителей научной интеллигенции, проживших в России почти всю жизнь и занимавшихся, в частности, изучением истории своей родины – фактической, если не юридической. Будучи иностранцами по рождению, они приехали в новую для себя страну очень молодыми людьми и формировались уже в новых условиях и обстоятельствах.

Взгляд представителей этой группы на прошлое и настоящее, события и нравы, на окружающую их в России действительность представляет особый интерес вследствие следующих обстоятельств. По сравнению с воспоминаниями или историческими трудами о России, оставленными теми, кто приезжал сюда ненадолго, пусть даже на несколько

лет, и взирал на происходящее со стороны, работы «русских иностранцев» не имеют оттенка знакомства чужаков с экзотическими дальними странами, часто отличающегося низкой достоверностью и недостаточной объективностью.

«Русские иностранцы» проявляли искренний и уважительный интерес к местной российской истории. При этом материалы достаточно сильно отличаются в соответствии с поставленными авторами целями, особенностями их личности и уровнем одаренности. Тем не менее все материалы, собранные ими в своих работах, посвященных конкретным районам территории государства Российского, представляют очевидную ценность.

Один из таких районов, ставший, наряду с другими, предметом изучения для двух «русских иностранцев», – город Переславль с уездом, который во второй половине XVIII века достаточно подробно исследовали два российских историка немецкого происхождения – Л.И. Бакмайстер и Ф.И. Миллер.

Перу Л.И. Бакмайстера принадлежат обобщенные информационные материалы о Переславле и Переславском крае, входившие в качестве одного из разделов в его обширные «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи» [2].

Логин Иванович Бакмейстер (Хартвиг Людвиг Кристиан Бакмейстер, 1730–1806) был мекленбургским немцем, с тридцатилетнего возраста до самой смерти жил в Санкт-Петербурге. С 1766 по 1778 год он занимал должность инспектора Академической гимназии в Петербурге. В этот же период Бакмайстер параллельно занимался научной деятельностью [3].

В первой половине 70-х годов XVIII столетия Бакмайстер выступил также в роли составителя объемного труда «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи». Эта его работа содержала обширную подборку информационных материалов по современному состоянию и хозяйственному развитию территорий империи.

«Топографических известия» были составлены на основе сведений, предоставленных в Академию наук уездными и губернскими властями. При этом информация была собрана в соответствии с единым принципом – на основании присланного Академией вопросника-анкеты. Этим определяется своеобразный, но имеющий признаки определенной системы, методичный экономико-географический характер материалов, объединенных «Известиями».

Все это в полной мере подтверждается характером материалов, касающихся города Переславля и Переславского уезда. Выпуск «Топографических известий», содержащий эту главу, был опубликован в 1771 году.

В соответствии с перечнем вопросов раздел открывается определением географического положения Переславля. Описание самого города с ближайшей округой начинается с краткого наброска городской планировки. В частности, перечислены основные водоемы с указанием их градообразующей функции, а также приведены очертания городских валов, с упоминанием основных данных по их обмеру [2, с. 97–98].

Бакмайстер приводит один из важнейших статистических показателей, характеризующий статус города – количество церквей, в том числе каменных и деревянных. Первых насчитывается 14, вторых – 23; для уездного города цифра весьма значительная. Между тем «обывательские дома» в Переславле исключительно деревянные [2, с. 98–99].

С точки зрения экономики города основное внимание в «Известиях» уделено местным промыслам и торговле, не отличающимся, впрочем, по этим данным, особенно бурным развитием.

Так, «первостатейных купцов» в городе очень немного, а преобладает у них торговля «суровскими и разными товарами». Ремесел, по собственной оценке Бакмайстера, в Переславле имеется мало. Тем не менее приводится довольно содержательный перечень ремесленных производств, пусть и очень мелких. Относительно кожевенного ремесла особо указано, что в этой отрасли действуют «небольшие заводы». Основное же население города обеспечивает себе средства к существованию огородничеством [2, с. 99]. Единственное исключение из общего мелкотоварного характера промыслов и ремесел в городе – полотняная фабрика Угрюмова. Это предприятие объединяет, по сообщению Бакмайстера, более двухсот ткацких станков [2, с. 99]. Между тем на территории Переславского уезда имеется еще несколько небольших заведений, именуемых Бакмайстером фабриками [2, с. 101].

Следующий аспект местной хозяйственной жизни, представленный у Бакмайстера – торговая деятельность. По его сведениям, крупнейшая ярмарка в Переславле объединяет прежде всего торговлю хлебом, а также льняными холстами. Помимо нее еженедельно действуют три торговых дня. Особого разнообразия товаров, по-видимому, не наблюдается; в основном это обычные предметы домашнего обихода [2, с. 99].

Информация о местной торговле на территории Переславского уезда у Бакмайстера ограничивается сообщением о действующих торговых рядах в дворцовой Александровой слободе, а также об однодневных ярмарках, проводимых в других «знатных» селах, куда по этому случаю съезжается вся округа [2, с. 99].

В соответствии с запрошенными Академией наук параметрами в «Известиях» перечислены также виды засеваемого в уезде хлеба и других сельскохозяйственных культур, с приведением по-

казателей средней урожайности. В отношении скотоводства отмечено, что в Переславле обыватели держат только крупный рогатый скот, а в помещичьих хозяйствах на территории уезда имеется большее разнообразие пород [2, с. 100–101].

Любопытны также заметки о календарно-климатических чертах местности. Бакмайстер приводит время и характер ледостава и паводков на территории Переславля и уезда, отмечает несудоходный характер местных рек. Коротко обозначены также особенности течения Трубежа, перечислены названия практически всех рек, через которые есть мосты и дорожные переправы [2, с. 100].

Кроме того, в «Известиях» представлен едва ли не исчерпывающий перечень видов диких животных, птиц и рыб, которые водятся на территории Переславского уезда [2, с. 101].

Таким образом, собранная в этих заметках информация представляет собой материал весьма выразительный, несмотря на краткость и некоторую сбивчивость. Эти материалы, имеющие характер частью статистический, частью описательно-бытовой, частью экономико-географический, представляют собой достаточно наглядную характеристику жизни в Переславле и округе, в соответствии с несколькими изначально заданными параметрами.

Особое место в региональной отечественной истории занимают работы Герхарда Миллера, в том числе его труд, посвященный описанию Переславля и уезда. Его статья об этом районе, весьма внушительная по объему и насыщенности собранным материалом, была опубликована в составе цикла очерков «Описание городов Московской провинции».

Знаменитый современник Бакмайстера, «русский немец» Герхард Фридрих Миллер (в русифицированном варианте Фёдор Иванович Миллер, 1705–1783) не нуждается в представлениях. Он хорошо известен как российский историограф немецкого происхождения.

Получив степень бакалавра в Лейпцигском университете, Миллер приехал в Россию в двадцатилетнем возрасте и остался здесь навсегда. На протяжении своей многолетней научной деятельности он занимал ключевые должности, связанные с работой в Санкт-Петербургской академии наук и художеств. В 1765 году Миллер перебирается из Петербурга в Москву, посвятив с этого времени почти все свои силы обработке и изучению обширных материалов, накопленных в московских архивах.

Миллер становится одним из наиболее деятельных участников нескольких долговременных историко-географических научных экспедиций, организованных на территории Сибири и Урала. Одно из важнейших предприятий Миллера в этой сфере – активное участие в организации знаменитой «Второй Камчатской экспедиции».

Помимо материалов по региональной истории и географии Миллер в этот же период собрал огромный комплекс материалов, относящихся к периоду Смутного времени и разбросанных тогда в местных архивах. Наконец, помимо прочих многочисленных направлений деятельности, требовавшихся его энергичной натуре, именно Миллеру принадлежит инициатива организации Московского главного архива [6].

Наряду с длительными путешествиями в отдаленные окраины страны, «русский немец» Миллер также живо интересовался историей и современным ему состоянием повседневной жизни на территориях средней полосы России. Одним из значимых свидетельств этого интереса стало его «Описание городов Московской провинции», издававшееся в 1780–90-х годах отдельными выпусками в альманахе «Новые ежемесячные сочинения» [4].

«Описание...» стало результатом целенаправленных объездов отдельных городов и уездов центральной России, предпринимавшихся Миллером на протяжении нескольких лет. В итоге появился цикл статей по истории Коломны, Можайска, Звенигорода, Дмитрова, Троицко-Сергиевской лавры и пр., в том числе и Переславля-Залесского. По мнению современных исследователей, можно с полным основанием утверждать, что этими небольшими работами было положено начало выделению самостоятельной проблемы изучения древнерусского города в отечественной историографии.

В выпуске альманаха за декабрь 1789 года представлены результаты знакомства Миллера с городом Переславлем и Переславским уездом. За это время ученому удалось собрать немалое количество разнообразных заинтересовавших его сведений.

Свое описание прошлого и настоящего города и уезда Миллер начинает описания самого Переславля, начав его кратким перечислением летописных свидетельств по истории города и уделив особое внимание основанию его Юрием Долгоруким. Затем, как и у Бакмайстера, следует характеристика современного ему состояния городских укреплений. От городских стен, по словам Миллера, «теперь и следа не видно», сохранился только земляной вал и следы рва [4, с. 102].

Отметив размеры озера, Миллер называет его древнее имя – Кишино. «Славящееся своими сельдями», – добавляет Миллер, – «гораздо более, чем петровской флотилией» [4, с. 102–103].

Интересуясь более всего пребыванием здесь Петра Первого, Миллер сразу определяет местонахождение его временной резиденции. Оценивая свои первые впечатления, опытный путешественник отмечает, что вид на озеро и город сверху великолепны, чего не скажешь о месте въезда в него обыкновенным путем [4, с. 102].

Перейдя к описанию собственно города, в числе важнейших строений в нем Миллер называет рас-

положенную внутри земляного вала «старинную каменную соборную церковь» (Переславский Спасо-Преображенский собор). Отметив, что рядом с собором некогда находился дворец, служивший местом пребывания царствующих особ во время посещений Переславля, далее Миллер переходит к гражданским зданиям города. Этой теме он уделяет большое внимание, пересчитывая едва ли не каждое строение как внутри городского вала, так и за его пределами [4, с. 104].

О городском воеводе Переславля Василии Петровиче Чичерине у Миллера упомянуто при описании его трехдневного пребывания в городе. Чичерин оказывал приезжему ученому необходимую помощь, Миллер отмечает его благородство и обходительность [4, с. 101].

Среди частных домов Переславля самым лучшим оказывается дом полотняного фабриканта, коллежского асессора Александра Угрюмова, уже знакомого нам по сообщениям Бакмейстера. Крупнейшее в городе предприятие, замечает в этом месте Миллер, основано отцом нынешнего фабриканта Филиппом Угрюмовым, занимавшимся помимо полотняной фабрики откупам и имевшим чин обер-директора. Старший Угрюмов известен также строительством монастыря, служащего «украшением городу» [4, с. 104].

Самый большой раздел статьи Миллера о Переславлe посвящен церковно-монастырской застройке города. При этом автор не может не заметить, что, в отличие от жилой застройки, церкви и монастыри в Переславлe содержатся очень хорошо.

Пространному описанию планировки, архитектуры и истории главных монастырей Переславля Миллер уделяет немало внимания. Данилов и Никитский, как наиболее старинные, наряду с Горичским сопровождаются достаточно обширными историческими описаниями, с пересказом относящихся к ним легенд и перечнем основных построек, с указанием времени возведения [4, с. 105].

Затем кратко перечислены другие обитатели города и прилегающей территории. «Поистине довольно монастырей в Переславском уезде», – таким высказыванием заключает Миллер эту главу своей работы [4, с. 105].

Несколько меньше внимания, если судить по объему материала, Миллер уделяет экономике города. Тем не менее представленные им сведения отличаются наглядностью, подробностью и репрезентативностью, особенно в части статистических данных.

Так, в отличие от Бакмейстера, он достаточно подробно останавливается на численности и профессиональном составе населения. Приведены статистические данные по численности населения Переславского уезда по данным ревизии 1763 года. Впрочем, приводя различные способы подсчета населения, Миллер выражает некоторое сомнение

в их полноте и достоверности, а также высказывает подозрение в «нерадении» при сборе данных [4, с. 107–109].

Занятия местных жителей охарактеризованы весьма подробно. В представленном перечне ремесленных специальностей фигурируют сапожники, перчаточники, кузнецы, набойщики, серебряники, канатники, кирпичники, скорняки, шапошники и пр., а также два живописца и один стекольщик. В числе наиболее многочисленных категорий ремесленников – кузнецы. Любопытно также количество имеющихся «при городе» ямщиков – 165 человек [4, с. 109].

Как и Бакмайстер, на фоне мелких промыслов Миллер выделяет фабрику Угрюмова. По его данным, на ней действуют 312 станков, а продукцию возят на продажу в Санкт-Петербург и Архангельск. Миллеру известны также небольшие полотняная и шляпошная фабрики в уезде – в деревне Скопино. Кроме того, он насчитывает «у разных городских жителей» еще 37 станков для изготовления сукна и 17 – для выделки шелковых материй. Помимо текстильного промысла в Переславлe работают также четыре кожевенных завода и две мыльные варницы, производящие изделия для местного обихода [4, с. 110].

Тему, связанную с переславской торговлей, Миллер открывает характеристикой питейного откупа, составляющего значительную часть оборота хозяйственной деятельности в городе и уезде [4, с. 110]. Прочих лавок в Переславлe насчитывается 61. Основной предмет торгового промысла составляет полотно и холсты. Действуют несколько купцов, организующих разветвленную разъездную торговлю по России с доставкой товаров, сбываемых в уезде. О характере лавочной торговли Миллер дает исчерпывающее представление, перечислив все группы торговых помещений в зависимости от представленных в них товаров [4, с. 110].

Географическое положение Переславля Миллер, как и Бакмайстер, определяет, приводя данные о расстоянии от него до ближайших крупных городов. Эти сведения подытоживают статью, наряду с определением юридического статуса описываемого города. Если прежде Переславль был главным городом провинции, в которую входил Ростов, то после того, как учреждено Ярославское наместничество и Ростов отошел к Ярославлю, Переславль был причислен к Владимирскому наместничеству [4, с. 112].

Материалы очерка о Переславлe свидетельствуют о строго продуманном программном подходе. Миллер приводит данные по основным интересующим его позициям исторического, современного, географического хозяйственного развития, до некоторой степени – по демографической и социальной ситуации. Такой же подход отличает и другие статьи из цикла «Описание городов Московской провинции».

Несколько немаловажных штрихов к характеристике экономического положения Ярославского края добавляют замечания, сделанные в работах Петра Палласа – ученого, совершившего во второй половине XVIII века неоднократные путешествия по различным регионам России с целью их изучения и описания.

Немец по рождению, Петер Симон Паллас завоевал себе имя как знаменитый географ, биолог и естествоиспытатель, известный научной активностью и многочисленными путешествиями, проводимыми с исследовательскими целями. Родившись в 1741 году, Паллас учился в Берлине, университетах Галле, Гёттингена и Лейдена. Доктор медицины, Паллас получил также известность как ученый-энциклопедист, он стал членом Берлинской, Парижской, Стокгольмской, Римской академий наук и Лондонского королевского общества.

В 1766 году Паллас был приглашен в Россию, где проработал много лет, почти до самой своей смерти в 1811 году. Практически все эти годы были отданы научной деятельности в Петербургской академии наук (с 1767 по 1810 год).

Паллас заслужил мировое признание как зоолог, ботаник и палеонтолог. Отличаясь редкостным даже для века Просвещения разнообразием научных интересов и уникальной работоспособностью, своими исследованиями и трудами он внес значительный вклад в развитие геологии, минералогии и горного дела [1].

В 1768–1774 и 1793–1794 годах Паллас руководил проведением масштабных научных экспедиций, организованных Петербургской академией наук. Сводные отчеты о маршрутах и результатах экспедиций опубликованы в труде Петра Симона Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» [5].

По информации Палласа, представленной в одной из глав этой работы, Ярославль относится к числу значимых очагов развития кожевенных и мыловаренных промыслов, наряду с Казанью и Арзамасом. Вместе с этими центрами Ярославль служит пунктом крупных поставок сырых кож и сала из животноводческих районов [5, с. 422].

Кроме того, в разделе, посвященном изучению вопроса о добыче и переработке в России сырья, использовавшегося для получения серы, Паллас упоминает о наличии этого промысла в Ярославской губернии. По его сообщению, объем выработки чистой горючей серы из колчедана в Ярославле составляет до 500 пудов в год [5, с. 285].

Сведения о политической и культурной жизни города Ярославля в XVIII веке содержатся в нескольких сочинениях Якоба Штелина. Он родился в 1709 году в швабском городе Меммингене. В 1732 году поступил в Лейпцигский университет. В 1735 году он был выписан по контракту в Санкт-Петербургскую академию «для словесных наук и аллегорических изобретений для фейерверков,

иллюминаций и медалей»; в 1738 году стал профессором «элоквенции и поэзии» и членом академии. В 1741 году начал руководить основанным при академии художественным департаментом.

В 1742 году Штелин принят на должность учителя наследника российского престола Петра Фёдоровича. Он был в числе ближайших доверенных лиц Петра III и после того, как тот был провозглашен императором. После восшествия на престол Екатерины II пользовался её благосклонностью. Штелин принимал участие в подготовке издания Академией первого атласа Российской империи (1745). Когда художественный департамент в 1747 году был преобразован в Академию изящных искусств, состоящую при Академии наук, управление этим учреждением было поручено Штелину.

В своих «Записках о Петре Третьем, императоре Всероссийском» Штелин упоминает Ярославль как место ссылки герцога Курляндского Бирона, а Углич – как место ссылки графа Лестока, придворного лейб-медика Елизаветы Петровны [7, с. 19]. В другом своем сочинении – «История театра в России» – он дает одно из немногих описаний создания Федором Волковым театра в Ярославле: «По своему возвращению в Ярославль в одной большой комнате в доме своего отца он соорудил сцену, украсил ее сам и сформировал первую труппу... Наконец в 1750 году Волков построил свой собственный театр на небольшом тесном месте, купленном специально под театр... С этого времени они ставили свои пьесы за деньги» [8, S. 399].

Представленные выше материалы со всей определенностью свидетельствуют о самостоятельном подходе «русских иностранцев» к изучению российской истории. Считая себя частью этой страны, они смотрели на нее по-иному (сравнительно со взглядами приезжих иностранцев). Обратившись к какому-либо региону, они старались – на основании теоретических изысканий или личного знакомства с территорией – отразить в своих работах фактическое положение дел в отношении народонаселения, хозяйственных занятий жителей, уровня развития и качества жизни, а также природных особенностей изучаемой местности.

Очень непосредственно и очень по-русски звучит итоговая фраза Миллера, завершающая его работу о Переславле и Переславском уезде: «Здесь сообщил я все то, что во время девятидневного моего пребывания в Переславле приметить, изведать и собрать мог» [4, с. 422].

Библиографический список

1. *Архинова Н.* Пётр Симон Паллас – учёный и путешественник // Наука Урала. – 2001. – № 29–30 (декабрь).
2. *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1771. – 432 с.

3. Луанова Е.М. Иоганн Бакмейстер // Вопросы истории. – 2014. – № 6. – С. 18–37.

4. Миллер Герхард Фридрих. Описание городов Московской провинции // Новые ежемесячные сочинения. – 1789 (декабрь). – С. 3–34.

5. Паллас П.С. П.С. Палласа, доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской императорской Академии наук и Санкт-петербургского Вольного экономического общества, также Римской императорской академии испытателей естества и Королевского Аглинского учена-

го собрания, Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. – СПб., 1773.

6. Чернобаев А.А. Г.Ф. Миллер – выдающийся ученый России XVIII века // Исторический архив. – 2006. – № 1. – С. 3–63.

7. Штелин Я.Я. Записки о Петре Третьем, императоре Всероссийском // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1866. – Кн. 4, отд. 5.

8. Stahlin J. Geschichte des Theaters in Russland // Haigoldrs. Beylagen zum Neuveranderten Russland. – Riga; Mitau, 1769. – Bd. I.

УДК 94(47+57)19... ; 281.2

Кочергина Марина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент
Брянский институт управления и бизнеса
kochergina_mv@mail.ru

Дзюбан Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, профессор
Брянский институт управления и бизнеса
bryanskstudzuban@mail.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МЕЦЕНАТСТВО В СРЕДЕ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена благотворительности и меценатству в русской провинции. Авторы приводят факты, касающиеся вклада старообрядцев и единоверцев в строительство новых школ, храмов, богаделен. Если благотворительная и меценатская деятельность этих представителей русского делового мира Москвы и Санкт-Петербурга является достаточно изученной, то деятельность их сторонников по вере в русской провинции является малоизученным и слабоосвещенным вопросом в современных отечественных исследованиях. Предметом более пристального рассмотрения авторов является благотворительность и меценатство старообрядцев и единоверцев в русской провинции – на территории такого духовного центра, как Стародубье, куда в начале XX в. входили северные уезды Черниговской губернии. Доходы от производства промышленники и предприниматели из этой среды использовали, в частности, на благотворительные цели и меценатскую деятельность. Эти традиции были продолжены их потомками, единоверцами, сохраняющими приверженность идее передачи накопленных богатств общине.

Ключевые слова: старообрядцы, единоверцы, благотворительность, меценатство, русская провинция, культурные ценности.

Вклад старообрядцев-предпринимателей в экономику России начала XX вв. является очень значительным и заслуживает особого внимания. Этот период называют золотым веком русского старообрядчества. Из среды старообрядцев-предпринимателей вышли выдающиеся общественные деятели, просветители, труды которых были направлены на благо России – Д.В. Сироткин, К.Т. Солдатенков, братья Степан, Павел, Николай, Владимир, Дмитрий Рябушинские, А.И. Гучков. Эти представители русского делового мира Москвы и Санкт-Петербурга были тесно связаны с научной и творческой интеллигенцией России. Но если их благотворительная и меценатская деятельность является достаточно изученной, то деятельность их сторонников по вере в русской провинции является малоизученным и слабоосвещенным вопросом в современных отечественных исследованиях. Предметом более пристального рассмотрения авторов статьи является благотворительная и меценатская деятельность старообрядцев и единоверцев на территории такого духовного

центра, как Стародубье, куда в начале XX в. входили северные уезды Черниговской губернии. На основании изучения документов, ранее не введенных или недостаточно освещенных в исследованиях по данному вопросу, представляется возможным раскрыть традиции благотворительности и меценатства среди старообрядцев и единоверцев духовного центра Стародубья. Это документы Государственного архива Брянского области, статистические отчеты, коллекций региональных краеведческих музеев г. Клинцы, Новозыбкова Брянской области и частных собраний, публикации периодической печати дореволюционного периода.

Как свидетельствуют дореволюционные статистические данные, в начале XX в. в Черниговской губернии насчитывалось 62 385 старообрядцев. Наиболее значительная их часть сосредотачивалась в Новозыбковском, Суражском, Городнянском уездах Черниговской губернии. При этом старообрядчество было неоднородным: окружники составляли 23 176 чел., противоокоужники – 6 417 чел., беглопоповцы – 21 150 чел., беспоповцы – 10 942 чел.

Лидирующее положение занимали старообрядцы-окружники. Среди них были крупные фабриканты (посад Клинцы), купцы-миллионеры (посад Елионка), мещане [5, с. 6]. По нашему мнению, нарождающаяся в русской провинции экономически сильная старообрядческая буржуазия становилась приверженицей Белокрыницкой иерархии. Для утверждения своего положения в обществе стародубские предприниматели усиливали влияние на сторонников по вере и настаивали на объединении окружников и противокружников. Значительное преимущество в численном составе и более выгодное социальное положение окружников впоследствии и предопределило это объединение. Стародубские посады были центрами полемики, здесь проживали начетчики-миряне и писатели – апологеты старообрядчества, известные в России. После 1905 г. на территории Стародубья происходила активизация духовной жизни старообрядцев, созывались съезды Новозыбковской епархии, в которых принимали участие как местные, так и гомельские общины и их представители (К.Т. Грошиков). Старообрядцы Стародубья являлись делегатами общероссийских съездов старообрядцев (епископ Иннокентий (Иван Григорьевич Усов, 21–23 августа 1916 г.), братья Мельниковы). Епископ Новозыбковский Флавиан принимал участие в Освященном соборе старообрядческих епископов.

Высокие моральные устои всегда были характерны для старообрядцев. Они поддерживали меры правительства против пьянства и алкоголизма, настаивали на необходимости искоренения этого социального зла. В золотой век русского старообрядчества старообрядцы Стародубья открыто совершали богослужения в собственных храмах, здесь же совершались рукоположения епископов. В сан епископа возводились выдающиеся личности, тесно связанные с местными общинами, мещанаты и благотворители. Стародубские посады посещало высшее духовенство сторонников Белокрыницкой иерархии.

Духовным центром старообрядцев-окружников был г. Новозыбков, а наиболее зажиточная часть старообрядцев-окружников проживала в посаде Клинцы. Именно этим старообрядцам принадлежала руководящая роль в стародубском расколе. Однако в старообрядческой церкви священноначалие всегда было выборным. Здесь не было подразделений на купцов, мещан. «Здесь равно объединены одним священным званием: христиане. Никаким каноническим преимуществом торгово-промышленники не пользуются в старообрядчестве. Им здесь отводится такое же место, как и остальным членам церкви. Своим усердием, ревностью, пожертвованиями они имеют возможность больше других поддержать какое-либо начинание в Церкви в виде постройки храмов, колоколен, школ, богоделен... И за это они не награждаются какими-либо привилегиями. Они только добротные датели. За них молятся. И только одни молитвы они получа-

ют за свои жертвы и приношения» [3, с. 819–822]. Но по своей социальной принадлежности это были владельцы крупных промышленных предприятий в посаде Клинцы: Степунины, Машковские, Гусевы. Они считались столпами местного раскола. Среди представителей старообрядцев-окружников были также мещане, работающие на клинцовских предприятиях, занимающиеся кустарными промыслами, торгующие и нанимающиеся на работу в качестве батраков. Всего в посаде Клинцы насчитывалось 5 647 старообрядцев [5, с. 7]. Новозыбков также сохранял роль духовного центра старообрядцев-окружников. В нем насчитывалось 5 273 человека окружников [5, с. 7]. Однако здесь было большее количество беглопоповцев. По своему социальному положению это были мещане. Лишь немногочисленная их часть была представлена купцами. Однако это не умоляло духовно-религиозной значимости Новозыбкова как центра старообрядцев-окружников. К этому толку принадлежала самая богатая и многочисленная по числу прихожан моленная – Шведовская. Попечителями этой моленной были новозыбковские купцы – миллионеры Павел Абросимов и Ефим Петухов. Священником в этой моленной был Ефим Павлович Мельников, отец известных в России начетчиков Василия, Федора и Ивана Мельниковых. Вместе с епископом Арсением (Швецовым) они упорно отстаивали окружничество и придавали ему особую значимость [5, с. 10]. По мнению миссионеров официальной православной церкви, старообрядцы-окружники в посаде Елионка проживали в благоприятных условиях, покровительствуемые богатыми купцами-миллионерами Гусевыми и духовно защищенные старообрядческими начетчиками [5, с. 13–14]. Именно Гусевы финансировали поездку на Восток в 1875 и 1893 гг. старообрядческих начетчиков в поисках «истинного священства». Под руководством купца Гусева проходил знаменитый собор в посаде Лужки 30 июля 1892 г. [4, с. 168]. Он отражал духовные искания старообрядческого населения, был свидетельством напряженных поисков старообрядцами «истинно православного священства», сохранившего незыблемыми традиции православия. В старообрядческих поселениях Стародубья проживало большое количество старообрядцев-беглопоповцев и беспоповцев, объединение с которыми достичь не удалось.

В исследуемый период большую роль в развитии промышленности играли предприниматели-единоверцы, потомки старообрядцев-первопоселенцев, вынужденные под давлением правительственной политики принять единоверие. Они были выходцами из старообрядческой среды и не порывали с ней связей. На их предприятиях работало значительное количество старообрядцев. Среди них были Исаев, Барышниковы – основатели самого крупного суконного производства в посаде Клинцы, Осиповы – основатели спичечного производства в посаде Злынка, а также в других населенных пунктах Но-

возыбковского уезда Черниговской губернии: слободе Деменке, хуторе Софиевка. Переход в единоверие для них являлся вынужденной мерой и был вызван необходимостью сохранить свои капиталы и уберечь сыновей от рекрутской повинности. В целом они придерживались тех же принципов трудовой этики, что и старообрядцы, поддерживали тесную связь со своими единомышленниками по вере, были меценатами и благотворителями в своих общинах. Глава акционерного общества «Товарищество Стодольской суконной фабрики Василия Барышникова сыновей» единоверец Дмитрий Васильевич Барышников был старостой общины храма Вознесения в Клинцах. Принципы трудовой этики, заложенные в старообрядчестве, сохранялись в среде предпринимателей-единоверцев. Прибыль, получаемая ими в процессе производства, шла также на «социальное призрение».

В дореволюционный период промышленный потенциал посада Клинцы, входившего в состав Суражского уезда, составлял $\frac{1}{4}$ промышленного потенциала Черниговской губернии. В 1830–1917 гг. это был центр производства сукна. По мнению дореволюционных исследователей, в рассматриваемый период Клинцы превратились в «старообрядческий Манчестер», вырабатывавший лучшие сорта разных сукон. Высокий уровень суконного производства в Клинцах был достигнут благодаря «цементу, сплавляющему старообрядчество – церковному приходу. Силы, укрепляющие этот цемент, – вера в традицию, освященную былыми испытаниями и радостями верующих, а также добрые семейные традиции, добрый русский уклад» [6, с. 773].

Первые суконные предприятия в посаде Клинцы возникли в первой половине XIX в. За период с 1860 по 1868 г. произошло значительное увеличение производства, а вместе с ним и рост капитала. В 1868 г. уже работало 14 клинцовских фабрик и фабрика П.С. Исаева в Новых Мизирчах рядом с Клинцами. Они вырабатывали изделий на сумму в 2 295 тыс. руб. Высокий уровень концентрации рабочей силы был на предприятиях, принадлежавших Т.И. Сапожковой, Н.А. Степунину, Д.А. Черкаскову, П.С. Исаеву, М.Б. Кубареву, Барышниковым. В 1861 г. сукна фабрик Степунина, Исаева и Миклашевского экспонировались на выставке русских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге. Это свидетельствовало о высоком уровне качества выпускаемой продукции. В 1872 г. фабриканты Барышниковы построили по немецкому типовому проекту новую фабрику в деревне Стодолы. Это была самая крупная из клинцовских фабрик. После смерти отца в 1882 г. его дети Дмитрий и Василий открыли «Торговый дом “Василия Барышникова сыновья”». Совместное управление фабричным производством и торговыми операциями позволили сохранить промышленный капитал, обновить производственные мощности, поднять производство сукна и довести стоимости основного и оборотного капиталов до 925 тыс. рублей.

С 1894 г. «Торговый дом “Василия Барышникова сыновья”» имел право на казенные подряды. На предприятии работало много иностранных мастеров. Наем иностранцев давал возможность привлечения высококвалифицированных специалистов. Барышниковы содержали 4 склада: в Москве, Петрограде, Харькове, Ростове-на-Дону. Их представительства находились в разных городах России, крупных промышленных и торговых центрах [2, с. 104]. В 1910 г. производительность клинцовских фабрик составляла 100 тыс. пудов товара на 6 млн рублей. В 1912 г. на четырех фабриках было сосредоточено 90 % всего промышленного производства. Рабочих в посаде в это время насчитывалось около 4 тыс. человек, они вырабатывали 4 млн аршин сукна на 9 млн рублей. Главное интендантское управление русской армии заключало контракты с клинцовскими суконными предприятиями на поставку армейского сукна. Среди поставщиков сукна в русскую армию в период Первой мировой войны клинцовские предприятия являлись самыми значительными. Во все воинские части и интендантские службы поставка сукна Барышниковыми осуществлялась свободно, без доплат. На благотворительные цели, связанные с Первой мировой войной, ими было потрачено 20 000 рублей, остаток прибыли на предприятии шел на благотворительность. Он составлял 352 руб. 62 коп. [4, с. 113].

Процесс развития спичечного производства в Новозыбковском уезде Черниговской губернии приходится на 1870–1900 гг. Владельцами спичечных фабрик являлись как русские старообрядцы, единоверцы, так и еврей-предприниматели. В 1873–1880 гг. открылось 7 спичечных фабрик в Новозыбкове и Злынке. Среди владельцев были старообрядцы Волков, Санников, Воронин, единоверцы – Осипов и Шведов. Позже предприятие Шведова будет продано товариществу «Певзнера, Геллера и К^о». Изначально новозыбковские спичечные фабрики изготавливали самый низкий сорт спичек – серные, которые были предназначены для людей с небольшим доходом. Но на спичечной фабрике М. Волкова в слободе Деменке для производства спичек применяли паровые машины. Эта фабрика выпускала более высокий сорт спичек – «шведские». Производство спичек было сезонным, на предприятиях работали крестьяне-отходники. Широко была распространена надомная работа. Годовое производство спичек на 11 фабриках в 80-е гг. XIX в. достигало 290 000 ящиков на сумму 638 000 руб. [4, с. 116]. В начале XX в. Новозыбковский уезд Черниговской губернии стал крупнейшим в России производителем спичек. В 1906 г. предприятия Новозыбковского уезда поставляли свою продукцию в различные губернии России. Сбыт спичек в России происходил в тех губерниях, с которыми традиционно поддерживались не только торговые, но и духовные контакты, – Область Войска Донского, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Курская, Орловская

губернии. В 1910 г. продукция спичечных фабрик этого уезда поставлялась за границу – в Персию и Китай. В 1909 г. производство спичек увеличилось до 45,6 млрд штук. Это было связано с открытием новой спичечной фабрики, которая по уровню своего технического оснащения была значительно выше действующих. Ее владельцем был А.Ф. Родионов, выходец из старообрядцев. Вместе со своими сыновьями А.Ф. Родионов основал «Акционерное общество А.Ф. Родионов с сыновьями». Сбыт спичек этого предприятия производился через торговый дом этих же владельцев. Производство спичек «Акционерного общества А.Ф. Родионов с сыновьями» было отмечено в 1898 г. золотой медалью «Благородного Императорского Московского общества сельского хозяйства». До появления фабрики Родионова самой крупной из спичечных фабрик оставалась старейшая фабрика Осипова и его наследников – единоверцев Григория Федоровича и Ефима Федоровича Осиповых. Создание «Акционерного общества А.Ф. Родионов с сыновьями» свидетельствовало о концентрации производства спичек в Новозыбковском уезде в начале XX в. Злынковская и Софиевская фабрики Ф.И. Осипова и его наследников были награждены бронзовыми, серебряными, золотыми медалями 1896–1913 гг. Производство спичек на этих предприятиях получило международное признание на Парижской выставке 1900 г. За свой вклад в развитие спичечного производства Ф.И. Осипов был удостоен почетного потомственного гражданства. Один из его сыновей, Г.Ф. Осипов, проявил себя на почве благотворительности и просвещения. Интересным представляется послужной список этого спичечного фабриканта. В 1912 г. в возрасте 38 лет он являлся земским начальником 5-го участка Новозыбковского уезда Черниговской губернии, имел ордена Святой Анны и Святого Станислава III степени, окончил полный курс Новозыбковского реального училища, состоял студентом коммерческого отделения Рижского коммерческого института, но полный курс которого не окончил по личному желанию. На свои средства на хуторе Софиевка, где находилась одна из фабрик Осиповых, открыл школу, библиотеку и избу-читальню. Изначально школа являлась школой грамоты, впоследствии была преобразована в церковно-приходскую. В обращении к Новозыбковскому отделению училищного совета от 20 декабря 1899 г. он писал: «Открытую мною в хуторе Софиевка школу грамоты я ходатайствую переименовать в церковно-приходскую и обязываюсь предоставлять школе отопление, освещение, прислугу и жалованье учителям по 120 рублей в год в дополнение к суммам отведенным. В случае, если не окажется препятствий, то прошу определить учительницей окончившую 8 классов Новозыбковской женской гимназии Циркунову» [4, с. 119].

Старообрядцы и единоверцы-предприниматели были уважаемыми людьми в своем посаде, городе.

Они возводили храмы, промышленные и гражданские сооружения. На рубеже XIX–XX вв. старообрядческие поселения в Стародубье были крупными торгово-ремесленными поселениями, даже городами. Дореволюционные исследователи относили их к поселениям городского типа. Например, посад Клинцы представлял собой компактное образование, к которому примыкал ряд селений, впоследствии вошедших в городскую черту (Стодолы, Дурни). Окружавшие посад сосновые леса вклинивались в застройку, сливаясь с садами, в зелени которых утопали Клинцы. Застройка была в основном одно- и двухэтажная, деревянная, усадебного типа. В начале XX в. центральные улицы были застроены каменными жилыми домами и общественными зданиями. В посаде развивались как промышленная архитектура, так и строительство каменных гражданских сооружений. В 90-е гг. XIX в. здесь возводятся целый ряд жилых купеческих зданий с торговыми лавками на первом этаже. В 1894 г. для «Товарищества Стодольской мануфактуры Василия Барышников с сыновьями» были построены промышленные корпуса, жилье для рабочих, дома владельца фабрики и управляющего. Общее число домов к этому времени достигло 2 тыс., население составляло около 12,5 тыс. человек. Мастерских, ремесленников и рабочих в посаде насчитывалось 5 тыс. человек. В начале XX в. в посаде Клинцы возводятся ряд общественных зданий в стиле модерн: здания женской гимназии, купеческого собрания. Украшением посада Клинцы были и его старообрядческие и единоверческие храмы: Спасо-Преображения (1823 г.), Петра и Павла (вторая четверть XIX в.) (единоверческая), часовня церкви Вознесения (церковь Николая Чудотворца) начала XX в. О высокой культуре быта свидетельствовало то, что освещение посада было преимущественно газовое: 28 посадских фонарей из 50 были газовыми. Посад имел систему канализации. При фабрике Барышниковых также была создана пожарная команда.

Уездный город Новозыбков с 1826 г. имел генеральный план застройки. Новозыбков был крупным торговым центром. Развитие спичечного производства, а также других предприятий города способствовало росту городского населения. В 1897 г. в Новозыбкове насчитывалось 1 597 дворов, домов в городе было 1 811, из них 119 – каменные. В городе было 8 церквей, из которых две были каменные. На рубеже XIX–XX вв. в городе появляются новые каменные здания: отделение Орловского банка – как образец уездного общественного здания рубежа XIX–XX вв., здание женской гимназии [4, с. 304]. Однако большая часть домов была построена старообрядцами из дерева. Купцы Абросимовы, владельцы спичечной фабрики Волковы украшали их в русском стиле, с резным декором фасадов. В 1867–1898 гг. шло строительство в русско-византийском стиле каменного собора Чуда Архангела Михаила. Этот храм возводился как собор офици-

альной церкви, в противовес старообрядческим храмам – Никольско-Рождественской церкви. В 1911 г. на средства старообрядца Кублицкого был сооружен деревянный старообрядческий храм Спасо-Преображения. 21 октября 1912 г. был торжественно освящен старообрядческий храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построенный по инициативе председателя новозыбковской старообрядческой общины В.Е. Петухова и прихожан [4, с. 305].

В конце XIX – начале XX в. в застройке Злынки появляются кирпичные одно- и двухэтажные дома, в убранстве которых прослеживается влияние деревянного зодчества. Во второй половине XIX – начале XX в. развивающееся спичечное производство способствовало росту посадского населения. В 1897 г. в Злынке насчитывалось 1 053 двора и 4 209 жителей. В XIX – начале XX в. она входила в Людковскую волость Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Украшением посада являлись каменная церковь Вознесения Господня, созданная во второй половине XIX в., каменная церковь Святого Николая Чудотворца, построенная на средства фабриканта Ф. Осипова в конце XIX в., деревянная единоверческая церковь во имя Святого Великомученика Никиты, деревянный моленный дом старообрядцев-федосеевцев (Покровская беспоповская моленная). Церковь Святого Великомученика Никиты была построена «тщанием и усердием злынковского общества», освящена в 1844 г. В храме имелись два клироса резной позолоченной работы. Четырехъярусный иконостас «столярной работы» был позолочен в 1890 г. Большой колокол весил 101 пуд и 10 фунтов. Он был пожертвован единоверцем меццанином Афанасием Ивановичем Шведовым и его женой Анастасией Павловной. Памятниками архитектуры деревянного и каменного зодчества начала XX в. являлись особняки Осиповых. Рядом с этими домами и были построены на средства Осиповых два храма – Вознесения (летний) и Николая Чудотворца (зимний). Служащие фабрики Барышниковых в Клинцах были заняты в благотворительных спектаклях, средства от которых передавались ученикам из бедных семей [4, с. 305].

Итак, на рубеже XIX–XX вв. старообрядческие поселения Стародубья имели высокий уровень развития, здесь существовали генеральные планы застройки, поселения старообрядцев отличала высокая морально-бытовая культура. Улицы, на которых проживали старообрядцы, отличались большей благоустроенностью. Старообрядцы отличались более высоким уровнем материально-бытовой культуры, чем окружающее население. Воздействие старообрядчества на общественный, семейный быт и культуру было значительным. Лучшие черты культурно-бытового уклада старообрядцев – хозяйственность, чистота, трезвость, грамотность женщин и детей. Активизация промышленного развития, рост числа фабрик отразился на росте

населения посадов Стародубья и их внешнем облике. Храмы являлись не только центрами духовной жизни старообрядцев, но и украшением уездного города Новозыбкова и старообрядческих посадов Стародубья. Одним из наиболее красивых посадов Стародубья была Злынка. В ней сложился своеобразный облик застройки, состоявшей из домов, богато украшенных пропиленной резьбой. Нарождающаяся в русской провинции (Стародубье) экономически сильная старообрядческая буржуазия становилась приверженицей Белокрыницкой иерархии. Так же как и столичные старообрядцы-капиталисты, для утверждения своего положения в обществе стародубские предприниматели усиливали влияние на сторонников по вере и настаивали на объединении окружников и противоокружников. Значительное преимущество в численном составе и более выгодное социальное положение окружников впоследствии и предопределило приоритет этого объединения. Стародубские посады были центрами полемики, здесь проживали начетчики-миряне и писатели – апологеты старообрядчества, известные в России. После 1905 г. на территории Стародубья происходила активизация духовной жизни старообрядцев, созывались съезды Новозыбковской епархии. Промышленники и предприниматели из этой среды занимались благотворительностью и меценатством. Доходы от промышленного производства шли на благотворительные цели и меценатскую деятельность. Традиции благотворительности, характерные для старообрядцев, были продолжены их потомками, единоверцами по своему вероисповеданию, сохраняющими приверженность идее передачи накопленных богатств общине, миру.

Библиографический список

1. *Брянцев М.В.* Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.). – М.: Компания Спутник+, 2000. – С. 82.
2. *Кочергина М.В.* Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. – Брянск: ООО Ладомир, 2011. – 451 с.
3. *Купцы и представители ремесленных цехов в роли избирателей патриарха // Церковь. – 1911. – № 34. – 908 с.*
4. *Летопись происходящих в расколе событий. Письмо из Стародубья: «Собор в Лужках» // Братское слово. – 1892. – № 12. – С. 153–168.*
5. *Скворцов Д.И.* Историко-статистическое обозрение современного старообрядческого раскола в Черниговской епархии. – Чернигов: Типография губернского правления, 1901. – 47 с.
6. *Старообрядческий Манчестер // Церковь, 1912. – № 32. – С. 772–774.*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РПЦ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ ВОИНАМ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август – декабрь 1914 г.)

В статье рассматриваются основные направления патриотической деятельности Русской православной церкви в начальный период Первой мировой войны как в духовном, так и в материальном измерении. Прежде всего уделяется внимание открытию и содержанию госпиталей при костромских Ипатьевском и Богоявленском Анастасиинском монастырях, Макарьевской Решемской обители Кинешемского уезда Костромской губернии, организации благотворительных акций для раненых и больных воинов и членов их семей, поддержке духовенством и мирянами Российского общества Красного Креста, проведению специальных кружечных сборов для нужд фронта и тыла в годы войны. Стоит отметить, что РПЦ при этом не забывала и о своей главной функции – духовном окормлении своих членов. База источников основана в основном на материалах Государственного архива Костромской области (ГАКО) и местной периодической печати, определённое внимание уделяется персоналиям. Подчеркивается поддержка Церковью государственных инициатив, прежде всего «сухого закона», что привело к резкому спаду преступности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская православная церковь, патриотизм, духовная сфера общества.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, ролью религиозных организаций и, в частности, Русской православной церкви (далее РПЦ) в современном обществе; во-вторых, не так давно, в 2014 г., исполнилось столетие с начала Первой мировой войны; в-третьих, всегда существует интерес к взаимоотношениям государства, духовенства и мирян в различные исторические периоды. В связи со всем этим важным представляется вопрос о патриотической деятельности Церкви в 1914 г., показывающей непосредственную реализацию ее духовного-нравственного потенциала, что нашло отражение в материалах Костромской епархии.

С первых дней войны как Церковь, так и государственные структуры, а также земство в губернии развернули активную деятельность, направленную на помощь как фронту, так и тылу. Местное население было охвачено большим патриотическим подъемом. Жизненно важной в деле борьбы с немцами стала организация помощи раненым в условиях кровопролитных и масштабных сражений на Западном фронте.

Имея огромный опыт благотворительной деятельности, РПЦ направила все свои силы на организацию помощи пострадавшим от военных действий. По определению Святейшего синода 1914 г., при всех церквях Костромской епархии за богослужениями по воскресным и праздничным дням открылись кружечные сборы в пользу Российского общества Красного Креста [1, с. 238].

С первых дней войны Костромская губерния, находящаяся в глубоком тылу, начала готовиться к приёму раненых. К декабрю 1914 г. только в г. Костроме было открыто 14 госпиталей и лазаретов. Одним из первых был открыт лазарет на 20 кроватей при Костромском Богоявленском Анастасиинском женском монастыре. В сентябре 1914 г. лазарет был расширен до 35 кроватей, из которых 20 содержались на средства монастыря, 15 полу-

чали пособие от местного управления Красного Креста [2, с. 9].

Можно сделать вывод, что духовенство и монашество Костромской епархии принимали самое активное участие в оказании помощи семьям нижних чинов, призванных в действующую армию. Настоятельница Костромского Богоявленского Анастасиина монастыря игуменья Сусанна (Мельникова) входила в состав местного отделения Комитета Её Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Её попечением в 1914 г. при этой обители был открыт приют для 50 девочек из семей нижних чинов, призванных на военную службу [3, с. 15].

С 25 августа 1914 г. начал действовать лазарет на 6 кроватей при Макарьевском Решемском женском монастыре Кинешемского уезда. Заведующей лазаретом была назначена врач М.А. Покрасова, в 1916 г. – Б.Д. Монзайм. Всего за период с 1914 по 1917 г. лечение в монастырском лазарете прошли 87 человек, на содержание которых было потрачено 4 858 руб. Кроме того, были организованы три лазарета для раненых и больных воинов на общие средства монастырей и духовенства Костромской епархии. 6 августа 1914 г. по распоряжению церковного начальства на общее собрание в Костромской духовной консистории были созваны настоятели и настоятельницы монастырей епархии для обсуждения вопроса об оказании монастырями и их насельниками помощи больным и раненым воинам и семьям лиц, посланных на войну. На этом собрании присутствующие пришли к единодушному решению учредить на средства монастырей и братии Костромской епархии лазарет для раненых и больных воинов, с его полным оборудованием и содержанием [5, с. 18]. 1 сентября 1914 г. был открыт лазарет на 50 кроватей при Кинешемском Успенском женском монастыре. Лазарет содержался на общие средства монастырей епархии, отчислявших на его содержание 755 руб. ежемесячно.

Эта ассигнованная монастырями сумма ежемесячного взноса была распределена между ними следующим образом: от Николо-Бабаевского монастыря – 150 руб., Макариево-Унженского – 100 руб., Кривоезерского – 100 руб., Паисиева – 25 руб., Ипатьевского – 50 руб., Железно-Боровского – 50 руб., Тихоново-Лухского – 50 руб., Богородице-Игрицкого – 50 руб., Высоковского – 10 руб., Свято-Троицкого женского – 55 руб., Белбажского – 50 руб., Боголюбского – 30 руб., Николо-Надеевского – 25 руб., Богородице-Феодоровского г. Солигалича – 10 руб., Богородицкого (Ветлужского уезда) – 10 руб. [7, с. 106–107].

Было установлено, что кроме денег монастыри пожертвовали для нужд лазарета 2 950 аршинов холста, а настоятельницы женских монастырей – Костромского, Богоявленского, Кинешемского Успенского и Решемского – изъявили желание из жертвуемого холста изготовить постельные принадлежности и белье для воинов. Оборудование и заведение лазарета было возложено на настоятельницу Кинешемского Успенского монастыря игуменью Александру с ее согласия. В помощь сестрам Успенского монастыря для ухода за больными и ранеными были направлены пять сестер Троицкого Белбажского женского монастыря. В последних числах сентября лазарет был готов к замещению; причтом монастыря был отслужен водосвятный молебен, святой водой окроплено помещение лазарета, а 11 октября 1914 г. был первый прием раненых воинов, прибывших в Кинешму Костромской губернии с поездом из Москвы. Встречали раненых в лазарете попечительница монастыря игуменья Александра и священник монастыря отец Константин Разумов, причем он осенял входивших святым крестом при пении певчими – сестрами монастыря – тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя...» и окроплял их святой водой. 13 октября в лазарете монастырским причтом, при участии певчих сестер монастыря, в присутствии игуменьи-попечительницы Александры и раненых воинов был отслужен молебен Спасителю и Божией Матери, после молебна были возглашены многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святейшему синоду и преосвященнейшим епископам Евгению Костромскому и Галичскому и Севастиану Кинешемскому, учредителям и заведующей лазарета, трудящимся в нем, и христолюбивому воинству. Затем молебны служились довольно часто, иногда были и всенощные бдения, причем больные и раненые воины с радостью приветствовали сообщения о назначении службы и усердно молились. Ежедневно для них сестрами, живущими в обители, читались молитвы; причем общеупотребительные – «Отче наш...», «Спаси, Господи, люди Твоя...» – часто пелись самими ранеными солдатами. Нередко, особенно перед выпиской из лазарета на позиции, воины приступали к исповеди и Святому причастию.

Для чтения в лазарете имелась библиотека, состоящая из книг духовно-нравственного содержания, выписывалась газета «Русское слово». Лазарет находился под наблюдением уездного врача Н.С. Поленова. Ему помогали фельдшер, получавший за это зарплату в 5 руб. в месяц, и две послушницы Кинешемского монастыря, исполнявшие обязанности сестер милосердия безвозмездно. За август – декабрь 1914 г. монастырским лазаретом помощь была оказана 510 военнослужащим, на его содержание было перечислено 8 947 руб. 90 коп. от монастырей епархии и 1 261 руб. от Красного Креста.

Важным фактом является то, что 4 сентября 1914 г. общим собранием духовенства и старост г. Костромы было принято решение об учреждении в доме при Костромском кафедральном соборе лазарета для раненых и больных воинов на 20 мест. На его содержание было решено отчислять ежемесячно 300 руб. из личных средств духовенства в доле, соответствующей доходу, получаемому каждым из членов причта, и 300 руб. с доходов городских церквей. Для управления лазаретом был учрежден особый комитет, в который вошли: протоиерей кафедрального собора Сергей Воскресенский, протоиерей Богоявленского женского монастыря Василий Владимиров, староста соборной церкви С.Н. Прянишников, староста Стефановской церкви В.С. Пастухов.

Торжественное открытие лазарета состоялось 3 октября 1914 г., а через две недели в него поступила первая партия раненых. Всего же на оборудование лазарета и на содержание раненых за десять месяцев (с сентября 1914 г. по июль 1915 г.) было истрчено более 3,5 тыс. руб. [1, с. 238–245].

На средства церковей и духовенства Костромской епархии был учрежден лазарет в помещении Арсеньевской богадельни при Ипатьевском монастыре. Решение об его открытии было принято Костромским епархиальным съездом духовенства 12 октября 1914 г. На оборудование и содержание лазарета был установлен особый сбор: 75 коп. священника каждой церкви, 50 коп. с диакона, 25 коп. с псаломщика и по 2 % – из церковных доходов. Для решения организационных вопросов был образован особый комитет, в состав которого вошли: протоиерей Василий Спасский, священники Иоанн Орфанитский и Михаил Звездкин, эконом Архиерейского дома иеромонах Ипполит, столоничальник Костромской духовной консистории Иван Нагорский. Вскоре было получено высочайшее соизволение на присвоение лазарету наименования «Лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича». 21 ноября 1914 г. состоялось его торжественное открытие. Из Соборной церкви Ипатьевского монастыря в 12 часов дня в помещение лазарета был принесён чудотворный образ Тихвинской Божией Матери, перед которым

Его Преосвященством епископом Евгением был совершён водосвятный молебен.

Первоначально лазарет был оборудован на 30 кроватей, число которых вскоре было увеличено до 35 благодаря отчислениям заведующих и преподавателей церковно-приходских школ епархии. Преподаватели церковных школ Галичского уезда на содержание кровати при епархиальном лазарете ежемесячно отчисляли 1,5 % получаемого жалования, преподаватели Макарьевского уезда – от 1 до 3 %. Регулярно поступали пожертвования от Юрьевецкого, Нерехтского, Кологривского, Варнавинского, Ветлужского уездных отделений епархиального училищного совета. Свою лепту на содержание лазарета внесла и педагогическая корпорация Костромского епархиального женского училища, ежемесячно отчисляя по 2 % жалования.

Для размещения госпиталей и расквартирования войск была передана часть помещений духовных учебных заведений. Так, в августе 1914 г. значительная часть помещений епархиального общежития Костромской духовной семинарии была передана для размещения 210 раненых 25-го свободного эвакуационного госпиталя. Вместе с тем учебный процесс преподавательская корпорация старалась поддерживать на должном уровне, поэтому занятия там не прекращались. Большой подъем патриотических чувств, охвативших российское общество, конечно же, коснулся и семинарии. Воспитанники Костромской духовной школы в начале сентября 1914 г. в своей среде собрали деньги на содержание лазарета русских духовно-учебных заведений имени преподобного Серафима Саровского. Имя этого святого было избрано потому, что объявление Германией войны России совпало с днем его прославления. Учащиеся устраивали патриотические вечера, а преподаватели выступали с речами, в которых рассказывали о многовековой борьбе русского народа за Православное Отечество. Семинарский хор исполнял духовные песнопения и произведения, проникнутые любовью к Родине. Несмотря на войну, жизнь в семинарии продолжалась. Каждую субботу в семинарском храме служилась ранняя заупокойная литургия, на которой присутствовали все классы поочередно. Служились частые панихиды по убиенным воинам. При хороших известях с фронта семинарский хор пел благодарственные молебны, а начало занятий предвлялось пением перед портретом императора гимна «Боже, Царя храни...».

Еще одной формой, в которой выражались патриотические чувства воспитанников семинарии, стало устройство досуга для раненых воинов. Семинаристами устраивались вечера и концерты для них как в госпиталях, так и в помещениях семинарии. По инициативе местного инспектора учебных заведений генерал-майора А.П. Маргаритского семинаристы выступали перед ранеными бойцами, исполняя духовные и патриотические стихи и песнопения [8, с. 33].

На плечи приходского духовенства легла также забота о погребении по христианскому обряду воинов русской армии и военнопленных, умерших от ран и болезней в местных госпиталях. Первоначально захоронение умерших в костромских госпиталях производилось на Лазаревском кладбище г. Костромы. На основании приказа по Костромскому гарнизону № 99 от 16 сентября 1914 г. место для воинского захоронения было отведено на Новом кладбище г. Костромы [4, с. 80].

14 октября Его Преосвященство преосвященный епископ Евгений особой телеграммой просил доложить Государю Императору о «верноподданнических чувствах» Костромского епархиального съезда духовенства и церковных старост по поводу инициативы властей о проведении антиалкогольной кампании и введении «сухого закона». Ее реализация была освещена в костромской епархиальной печати: так, по данным «Костромских епархиальных ведомостей» от 15 сентября 1914 г., закрытие казенных винных лавок и пивных резко повлияло на уровень преступности [6, с. 13].

Таким образом, можно заключить, что в течение 1914 г. РПЦ играла на территории Костромской губернии значительную роль в обеспечении тыла и фронта всем необходимым. Ее благотворительная деятельность реализовывалась в следующих направлениях: кружечные сборы в пользу Российского общества Красного Креста, открытие и содержание трех лазаретов при монастырях и одного на базе семинарии для раненых и больных воинов, организация их досуга, оказание благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, погребение по христианскому обряду воинов русской армии и военнопленных, умерших от ран и болезней в местных госпиталях, поддержка инициативы при реализации «сухого закона». Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о высоком духовном и нравственном уровне РПЦ в начале XX века и несостоятельности ее критики тогдашними либеральными и социалистическими общественными деятелями.

Библиографический список

1. Бадьина Н.В. Деятельность Костромской епархии в годы Первой мировой войны // Светочь. – 2010. – № 6. – С. 38–41.
2. ГАКО. – Ф. 130. – Оп. 7. – Д. 920.
3. ГАКО. – Ф. 130. – Оп. 10. – Д. 371.
4. ГАКО. – Ф. 707. – Оп. 1. – Д. 1448.
5. Костромские епархиальные ведомости. – 1914. – 15 августа. – № 16. – С. 27.
6. Костромские епархиальные ведомости. – 1914. – 15 сентября. – № 18. – С. 10
7. Лазареты в святых обителях // Губернский дом. – 2008. – № 4–5. – С. 85–86.
8. Пушкарев А. Костромская духовная семинария в годы Первой мировой войны // Светочь. – 2007. – № 2. – С. 16.

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ
СЕТИ УЕЗДНЫХ АРХИВОВ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ, ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ,
ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ): 1918–1929 ГГ.**

В статье рассматриваются процессы формирования и функционирования сети уездных архивов Верхнего Поволжья после Октябрьской революции – фрагмент общей истории формирования централизованной архивной сети. Декрет от 1 июня 1918 года заложил основы реформы архивного дела в РСФСР, с него началось формирование централизованной архивной системы государства. И если в центре и губернских городах достаточно быстро были достигнуты определённые успехи, то в уездах архивное строительство столкнулось с рядом проблем – отсутствием законодательства, финансовых средств, помещений.

Первоначально уездные архивы находились в ведении сотрудников губернских архивных бюро, командированные из центра, затем – уполномоченные губернских архивных бюро, отправленные в уезды из губернского города или же набранные среди местного населения, однако даже положительные результаты их работы показывали необходимость формирования уездных архивов. Процесс создания последних вновь поставил перед губернскими архивными бюро проблемы, характерные для большей части всех архивных учреждений того периода – дефицит финансов, средств и штата. Несмотря на это, в Верхнем Поволжье была сформирована весьма обширная сеть уездных архивов, достаточно успешно справлявшаяся с задачами поиска и сохранения документов. Однако административно-территориальные преобразования конца 20-х – начала 30-х годов XX века серьёзно дестабилизировали её работу.

Ключевые слова: архивы, реформа, губернское архивное бюро, уездный архив, районный архив, Верхнее Поволжье.

1 июня 1918 года Советом народных комиссаров был принят декрет, положивший начало созданию централизованной сети архивных учреждений и нового административного органа, всецело занимавшегося вопросами архивного строительства в РСФСР, – Главного управления архивным делом (ГУАД) [18, с. 383–385].

Реформа архивного дела, начавшаяся в 1918 году, была на том историческом этапе одним из важнейших и необходимейших преобразований. Унаследованная РСФСР (Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой) от Российской империи архивная система находилась в крайне тяжёлом положении, особенно в провинции.

Декрет от 31 марта 1919 года расширил возможности ГУАД [20, с. 14–15]. Фактически именно после его принятия во многих губерниях начали формироваться губернские архивы (губернские архивные бюро), должны заниматься розыском и сохранением местных архивов.

Главное управление архивным делом достаточно быстро (к 1920-му году) достигло определённых успехов в формировании губернских архивов в Верхнем Поволжье, их функционировании, работе с имевшимися в них документарными материалами. Однако оставался ещё один аспект деятельности, который не устраивал руководство Главного управления архивным делом – это работа по сохранению архивов в уездах и волостях.

Архивное законодательство было весьма и весьма несовершенным в этом вопросе – положение об организации уездных архивов как таковое в нём отсутствовало. Инструкции ГУАД предусматривали только обследования уездных архивов, постановку на учёт, поэтому меры по спасению уездных собраний документов предпринимались

сотрудниками губархивбюро самостоятельно и зависели от многих факторов, прежде всего от финансирования и наличия личного состава.

В 1918–1920 гг. основной формой работы с уездными архивами, помимо рассылки анкет и опросных листов, были командировки. Часто, особенно в 1919–1920 гг., эта обязанность падала непосредственно на сотрудников губархивов – институт уездных уполномоченных губернских архивных бюро только начинал формироваться и не мог оказать сколь-нибудь значительную помощь, а местные отделы народного образования хотя и имели предписания оказывать содействие командируемым архивистам, не всегда имели таковую возможность – всё упиралось в дефицит средств и штата.

При необходимости в уезды отправлялись все сотрудники бюро, имевшие таковую возможность. В Иваново-Вознесенском губернском архивном бюро, состоявшем на 1919/20 г. всего из двух человек, в командировке по охране уездных архивов довелось побывать делопроизводителю губархива Н.И. Бородину – по вопросу об архиве Шуйской городской управы [4, л. 96]. В Ярославском губархивбюро, первоначально состоявшем из бывших членов Ярославской губернской ученой архивной комиссии, в командировках в первые годы постоянно находились 1–2 члена комиссии, включая председателя комиссии, уполномоченного Главного управления архивным делом по Ярославской губернии Н.Г. Первухина [13, л. 12 об.]. Впрочем, самым результативным и творческим подходом, несмотря на нехватку средств и людей, отличилось Костромское губернское архивное бюро, помощь которому оказало Костромское научное общество по изучению местного края: оставив службу в основном составе губархива, сотрудники Костромского научного

общества перемещались в уезды, зачастую совмещая основную, краеведческую, деятельность с архивной работой [21, с. 233]. С 1919 г. в Чухломском уезде сохранением архивов занимался Л.Н. Казаринов [11, л. 13], в Галичском уезде – В.Э. Тиден [11, л. 14], в Ветлуге – Д.А. Марков [19, с. 38].

Определённую помощь архивистам на этом этапе оказывали местные представители властных структур, разыскивавшие и выяснявшие состояние некоторых архивов по просьбе губернских управлений архивным делом. Не следует забывать и о внештатных работниках, например о А.И. Батуеве – техническом редакторе Иваново-Вознесенского «Губернского ежегодника», помогавшем искать архивы в Юрьевце [4, л. 91, 92], сотруднике архитектурного отдела Управления работами г. Ярославля А.И. Мальгине, неоднократно отправлявшемся в командировки по Ярославской губернии по указаниям губернского архива [13, л. 23 об.].

Однако командировочная система имела ряд недостатков. Первой и самой главной проблемой являлись большие расходы на отправку и пребывание сотрудника в уезде (например, командировка в город Шую Н.И. Бородина летом 1920 г. обошлась Ивановскому губархивбюро в 4 259 рублей при месячной ставке командированного сотрудника в 2 700 рублей [4, л. 93, 6; 1, л. 28]). Второй, не менее серьёзной – постоянная нехватка личного состава, вызванная сложностью работы и низкой оплатой труда [2, л. 1, 1 об.; 13, л. 23 об.; 11, л. 13].

В подобных условиях архивные бюро начинают отказываться от командировочной системы, переходя к системе уполномоченных на местах, набирая своих представителей из местного населения или служащих, посылаемых в уезды на длительный срок.

Самые первые шаги в этом направлении сделало Костромское губернское архивное бюро – сотрудники Костромского научного общества взяли эту непростую ношу на себя [22, с. 77–78]. Следом за Костромской губернией аналогичные действия были предприняты в Ярославской губернии – первым городом, где появился уполномоченный Ярославского губархива, стал Углич. Должность уполномоченного заняла библиотечный инструктор подотдела народного образования А.Н. Таланова [14, л. 20, 20 об.; 15, л. 2]. Иваново-Вознесенское бюро тоже спешно начало обзаводиться уполномоченными в уездах, к концу 1920 г. отыскав подходящие кандидатуры по Кинешме, Юрьевцу и Шуе [2, л. 25].

Результаты работы уполномоченных, несомненно, были положительными, однако губернские архивные бюро подталкивали к созданию уездных архивов. Уполномоченные активно разыскивали архивные материалы, а потому помещения, снимаемые в уездах для временного хранения, заполнялись весьма быстро [5, л. 17]. Вывезти же документы в губернские архивы часто не представлялось возможным в связи с недостатком площадей, сле-

довательно, работу по хранению и упорядочению документов следовало разворачивать и в уездах в условиях отсутствия законодательной базы, недостатка штата, финансовых средств, подходящих помещений.

Пробел в законодательстве серьёзно усложнял задачу по формированию уездных архивов, поскольку положение архивохранилищ было крайне неустойчивым – оно зависело от способности договариваться представителей губархивов и желания или нежелания местных властей предоставлять помещение; однако там, где шло активное сотрудничество, результат был успешным. Так, например, здание архива в Угличе было получено в 1920 г. [15, л. 4, 4 об., 10, 10 об.].

Однако очень скоро губернским архивным бюро пришлось обращаться к уездным властям, помимо переговоров о выделении помещений, ещё и за финансированием, и данный вопрос отнюдь не всегда решался положительно.

Крайне резкое снижение финансирования, и, как следствие, – сокращение и без того небольшого штата в 1920–1924 гг. сказалось на всех без исключения губернских архивных бюро Верхнего Поволжья. Первым сокращение штата затронуло Ярославское губернское архивное бюро. Вопрос стоял настолько остро, что его решали сами сотрудники закрытой баллотировкой, по результатам которой трое служащих, начинавших работу ещё в Ярославской губернской ученой архивной комиссии, были уволены [16, л. 1]. Естественно, что подобные действия приводили к ослаблению работы в уездах.

Костромское губернское архивное бюро попало под сокращение дважды. Первый раз 15 апреля 1922 г., когда Костромским губархивом было получено указание Центрархива (позже, чем соседними архивбюро – Ярославским [16, л. 1] и Ивановским [3, л. 83]), что по Костромской губернии Центрархив может содержать трёх сотрудников [19, с. 39]. По многочисленным просьбам заведующего губархива Е.Ф. Дюбюка штат с 15 марта 1922 г. был утверждён в количестве пяти человек. В отчёте за январь – март 1922 г. заведующий отмечал, что «указанный персонал являлся совершенно недостаточным. Ряд уездов, таких как Буйский, Галичский, Варнавинский, Макарьевский, Нерехтский, Ковернинский, Кологривский, Солигаличский, вовсе не обслуживаются...» [19, с. 40].

Новые кадры за счёт местных средств были приняты только почти год спустя: с февраля по май 1923 г. были укомплектованы научными сотрудниками Галичский, Кологривский, Солигаличский, Буйский, Нерехтский уезды [10, л. 1]. Одновременно подыскивались и подходящие помещения под уездные архивы.

Второе распоряжение о сокращении штатов попало в Костромской губархив 1 октября 1924 г. Все шесть научных сотрудников, обслуживающих уезды, были сняты с губернского финансирования.

Было предложено провести их по уездным бюджетам, но в четырёх уездах губернии, а именно: Буйском, Кологривском, Солигаличском и Чухломском, уездные исполнительные комитеты, ссылаясь на недостаток средств, отказались взять на своё содержание архивных работников [10, л. 1 об.], тем самым серьёзно осложняя процесс формирования сети уездных архивов [10, л. 1 об.].

Более всех при сокращении штатов в конце 1921 г. пострадало Иваново-Вознесенское архивное бюро, лишившееся не только уполномоченных по уездам, но фактически переставшее существовать [6, л. 6а об.]. Только со сменой руководителя (Я.А. Осипов заменил на посту уполномоченного Центрархива И.И. Власова) разворачивается активная деятельность бюро, в том числе и в уездах.

Приступив к исполнению своих обязанностей, Я.А. Осипову удалось в конце 1922 г. вновь сформировать ряд уездных архивов – в Кинешме, Шуе, Юрьевце [8, л. 140 об. – 143]. В 1923 г. в этот список добавится Середской уезд [9, л. 20] (Середа – современный г. Фурманов Ивановской области).

Учреждались уездные архивы в Иваново-Вознесенской губернии по результатам работы уездных уполномоченных. Они занимались выявлением, сбором и транспортировкой архивов в специальные помещения или же в музеи, библиотеки, а в ряде случаев – и в архивы уездных исполнительных комитетов. Начавшийся 1922 г. в Иваново-Вознесенской губернии постепенный процесс замены уполномоченных по уездам заведующими уездными архивами завершился довольно быстро – менее чем за два года (к 1925 г.). Тому способствовало, в частности, рациональное использование средств Центрархива (перевод архивов на местный бюджет) и даже сокращения штатов.

Можно сказать, что архивным работникам Иваново-Вознесенской губернии удалось сформировать самую устойчивую сеть уездных архивохранилищ в Верхнем Поволжье. Например, одним из первых уездных архивов стал архив в городе Кинешме. Организатором его был М.К. Казанский, уполномоченный Иваново-Вознесенского губархива по Кинешемскому уезду [5, л. 1]. М.К. Казанский приложил все усилия, чтобы обеспечить функционирование первого уездного архива: подыскал подходящие помещения для хранения архивных материалов, сумел получить средства из бюджета уездного исполкома [5, л. 2–6].

К началу 1925 г. в 19 губерниях РСФСР были организованы уездные архивы [12, л. 2]; Ярославская, Иваново-Вознесенская и Костромская губернии входили в их число. В конечном счёте процесс организации уездных архивов, начавшийся снизу, был поддержан центральным архивным руководством. Благодаря постановлению Центрархива РСФСР от 31 марта 1925 г. начала свою работу комиссия по выработке мероприятий по спасению уездных и волостных архивов. До завершения ра-

боты комиссии (июнь 1925 г.) состоялось девять заседаний. На одном из них вспыхнула дискуссия по вопросу об организации уездных архивных органов. Определились две позиции: сторонники первой (например, Я.Н. Жданович) считали, что для уездов достаточно ограничиться штатной ведомственной единицей при уездном исполкоме, вторые (Журавлева, И.В. Хрипач) настаивали на необходимости создания сети уездных архивных бюро. В итоге комиссия пришла к заключению, «что для спасения волостных и уездных архивов необходима организация сети уездных архивных органов в законодательном порядке» [12, л. 1]. До приведения в жизнь этого законопроекта было решено просить губернские и уездные исполнительные комитеты взять под свою ответственность все материалы учреждений, существовавших как до 1917 г., так и после 1917 г. [12, л. 1].

15 марта 1926 г. ВЦИК был принят декрет «О концентрации архивных фондов и создании на местах архивов». Декрет имел ряд как положительных, так и отрицательных последствий. Положительными результатами декрета стали: учреждение уездных архивов в тех уездах и губерниях, где они ранее не существовали; упрочение позиций уездных архивов там, где сеть уже была сформирована. Закон был определённой гарантией, что архивное учреждение не останется без помещения, не будет выселено, должен был обеспечить бережное отношение к архивному материалу и выделение средств на жалование архивных служащих в противовес бывшим ранее постоянным задержкам в выплатах уездным уполномоченным и заведующим уездными архивами. С другой стороны, уездные архивы по-прежнему были «слабым звеном» (например, при сокращении расходов местных органов власти), подлежащим сокращению едва ли не в первую очередь [8, л. 78].

Действия Иваново-Вознесенского архивного бюро, успешно сформировавшего большую часть уездной архивной сети к 1927 г., были довольно высоко оценены в Центрархиве. Пусть новообразованные уездные архивы сталкивались с дефицитом личного состава, средств и помещений, но они спасали и сохраняли архивные документы. Положение уездных архивов Иваново-Вознесенской губернии стабилизировалось не только из-за появившейся законодательной базы, но и благодаря сотрудникам, оказавшимся на должностях уездных архивариусов, которые, несмотря на маленькое жалование и прочие сопутствующие негативные факторы, остались верны архивному делу. В 1927 г. 50 % личного состава всего Иваново-Вознесенского Управления архивным делом (УАД) (11 человек) приходилось на 7 уездных архивов. Этого количества сотрудников было мало для эффективной работы, но позволяло управлению архивным делом следить за положением дел в уездах для принятия неотложных мер [8, л. 23].

Уездная архивная сеть Иваново-Вознесенской губернии на 1927 г. выглядела следующим образом:

в Иваново-Вознесенске находился, помимо губернского, исторического и фабричного архивов, уездный Иваново-Вознесенский архив, своими уездными архивами располагали Шуя, Кинешма, Тейково, Середя, Юрьевец, Макарьев, Юрьев-Польский. Начинаясь организация ещё двух архивов – Вичугского и Родниковского [8, л. 146 об.]. Личного состава в уездах всегда было немного – двумя сотрудниками располагали только Иваново-Вознесенский и Тейковский архивы, прочие довольствовались только должностями заведующих [8, л. 140 об. – 143]. Рост фондов в архивах шёл довольно быстро – настолько, насколько позволяли помещения и скудные финансовые ресурсы.

В полной мере отследить развитие уездной архивной сети в Иваново-Вознесенской губернии позволяют результаты второго Иваново-Вознесенского губернского совещания архивных работников, состоявшегося 6–7 августа в городе Кинешме Иваново-Вознесенской губернии. Почти все краеведческие, музейные и архивные организации отправили на него своих делегатов: «...49 делегатов: Центрархив – 1, Губархбюро – 5, Уархивов – 11, Испартотдела – 1, Истпроф – 1, Губисполком – 2, Общества Краеведения – 1...» [7, л. 2].

Совещание отметило довольно серьёзные положительные стороны в архивном строительстве как в стране, так и по губернии: «закреплены под органы Центрархива достаточное количество помещений под архивохранилища...», «улучшился и упрочился персонал архивных работников, также материальная обеспеченность значительно возросла...» [7, л. 3].

Естественно, что помимо общих и частных достижений в своих докладах уездные архивы не стали умалчивать и о проблемах: нехватке площадей, непригодности помещений под архивохранилища, негативном отношении к архивным материалам со стороны ряда уездных и волостных органов [7, л. 8–16].

Работы, с организационной точки зрения, оставались ещё изрядное количество, был не описан и не принят ряд фондов, следовало устранять выявленные недостатки.

Чуть в менее выгодном положении находилось Ярославское губернное архивное бюро. К 1929 г. в Ярославской губернии было сформировано 7 уездных архивов (по числу уездов), испытывавших ряд проблем с личным составом, оснащением и помещениями под архивохранилища [17, л. 3–6 об.].

Таким образом, из-за несовершенства законодательной базы и недостатка финансовых средств Центрархива создание и финансирование уездных архивов оказывалось в значительной мере зависящим от органов местной власти, осуществлявших финансирование. Из-за отсутствия средств организационный период архивов в уездах продолжался до последней трети 1920-х гг., но, несмотря на имевшиеся проблемы, большая часть уездной архивной сети была сформирована и функционировала.

Перестройка административного деления страны в конце 1920-х гг. негативно отразилась на архивах. С понижением административного статуса территории (с губернии до района) происходило и уменьшение статуса ее архива. Это влекло за собой значительное сокращение финансирования, и, как следствие, сокращение штата, что в конечном счете зачастую приводило к сворачиванию работы архива.

Административно-территориальные преобразования и соответствующая реорганизация архивной системы оказались тяжелым испытанием для местных архивных органов. На уездном и районном уровне обострились проблемы, связанные с отсутствием помещений для архивохранилищ, малочисленностью штата, недостатком финансирования. На грани уничтожения оказались бывшие уездные архивы, чья недосформированная или недавно сформировавшаяся система стала ненужной в условиях нового административно-территориального деления.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. Р. 354. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 3.
3. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 6.
4. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 7.
5. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 17.
6. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 18.
7. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 70.
8. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 1. – Д. 73.
9. ГАИО. – Р. 354. – Оп. 3. – Д. 23.
10. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. Р. 34. – Оп. 3. – Д. 4.
11. ГАКО. – Р. 2450. – Оп. 1. – Д. 7.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р. 5325. – Оп. 9. – Д. 990.
13. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. Р. 1411. – Оп. 1. – Д. 2.
14. ГАЯО. – Р. 1411. – Оп. 1. – Д. 5.
15. ГАЯО. – Р. 1411. – Оп. 1. – Д. 11.
16. ГАЯО. – Р. 1411. – Оп. 1. – Д. 16.
17. ГАЯО. – Р. 1411. – Оп. 1. – Д. 320.
18. Декреты Советской власти: в 18 т. – М., 1959. – Т. 2. – 647 с.
19. *Долинская О.Ю.* История государственного архива Костромской области в 1918–1945 гг. [Рукопись]. – М., 1983.
20. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 гг.). – М., 1961. – 266 с.
21. *Флейман Е.А.* Краеведческое движение в Поволжье: 1917–1930: дис. д-ра ист. наук. – Ярославль, 1997. – 454 с.
22. *Флейман Е.А., Шитлов А.Д.* Костромское научное общество по изучению местного края (1912–1930) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – № 1. – С. 74–80.

Дзюбан Валерий Валерьевич
доктор исторических наук, профессор
Брянский институт управления и бизнеса
bryanskstudzuban@mail.ru

Кочергина Марина Викторовна
кандидат исторических наук, доцент
Брянский институт управления и бизнеса
kochergina_mv@mail.ru

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ СТАРОДУБЬЯ И ВЕТКИ В 1940-Х ГГ.: ТРУДНЫЙ ПУТЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В статье анализируются события Великой Отечественной войны: положение населения на оккупированной территории пограничных районов России и Белоруссии – территории Западного региона – в 1940-е гг., его стойкость и мужество, стремление русских старообрядцев сохранить религиозные обычаи и традиции и возродить духовно-религиозную деятельность. Авторы приводят факты идеологического воздействия советской власти на старообрядцев, репрессий против старообрядческого населения. Вместе с тем в статье показан патриотизм, духовная жизнь старообрядцев в послевоенные годы. Авторы исследуют архивные документы, мемуары местных жителей и немецких офицеров, доказывая, что именно в годы Великой Отечественной войны произошло сплочение старообрядческого населения, было возобновлено молитвенное общение, происходило восстановление старообрядческих храмов. Это способствовало официальной регистрации старообрядческих общин органами советской власти после освобождения этой территории от немецко-фашистских захватчиков. В годы войны старообрядческое священство не покидало свою паству, выступало с призывами стать на защиту Родины от врага.

Ключевые слова: старообрядческие общины, духовные центры, идеологическое воздействие, Великая Отечественная война, возрождение.

В 2015 г. исполнилось 70 лет победы советского народа в Великой Отечественной войне. Однако в настоящее время существует острая проблема, связанная с изучением малоизвестных ранее страниц истории Великой Отечественной войны: положения населения на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории, его стойкости и мужества, умения сохранить традиции и обычаи предков как в условиях жесткого идеологического давления со стороны советского государства, так и во время голода, насильственного угона молодежи на работу в Германию, массовой гибели мирного населения.

Актуальность этой проблемы связана также с попыткой пересмотра западными историками основных событий и итогов Второй мировой войны, принижением роли СССР в качестве державы, внесший самый значительный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков. На протяжении ряда лет авторы ведут поиск документов в центральных государственных архивах Российской Федерации и Республики Беларусь, архивах духовных центров русского старообрядчества, а также региональных и личных архивах местного населения, изучают мемуарную литературу бывших офицеров вермахта и книги, которые издавала фашистская Германия в годы Второй мировой войны для идеологической обработки населения на оккупированных территориях. Вместе с тем в настоящее время опубликованы воспоминания жителей Западного региона, дополняющие и расширяющие сведения о масштабах разрушений промышленного потенциала региона, описывающие стойкость и мужество людей, желание сохранить традиции и обычаи предков в эпоху тяжелых испытаний. Экспедиции в места компактного проживания русского старообрядчества под-

тверждают, что, несмотря на тяжелые испытания в XX веке, приверженцы старого обряда сохранили духовные святыни предков – книги кириллической печати и рукописи, иконы, произведения медной художественной пластики – ту материальную и духовную культуру, которая помогла выжить старообрядческим общинам России на протяжении XVII–XX веков. Все это помогает реконструировать региональные историко-культурные аспекты истории Великой Отечественной войны.

Источниками для написания статьи послужили архивные изыскания и материалы экспедиционных исследований авторов, личных архивов старообрядцев разных согласий, мемуары П.М. Храмченко «Мои Клинцы», воспоминания старообрядки Белокриницкого согласия Н.А. Тычковой, книга немецкого офицера Вальтера Энгельгарда «Клинцы» в переводе П.А. Марченкова (немецкий офицер Вальтер Энгельгард был командирован в г. Клинцы в 1941 г. с целью усиления агитации населения оккупированных территорий Западного региона и принуждения его к выезду в Германию), а также фотографии старообрядческих поселений как довоенного, так и военного времени.

Изученные источники позволяют говорить, что в период Великой Отечественной войны произошло возрождение старообрядческих общин Стародубья и Ветки. Однако путь к этому возрождению был трудным и долгим. В ходе исследований было установлено, что еще в 1920-х гг. общность двух крупных центров русского старообрядчества – Стародубья и Ветки (это соответствует нынешним сопредельным территориям юго-западных районов Брянской области Российской Федерации и северо-восточным районам Гомельской области Республики Беларусь) – постепенно теряла свой сплоченный

характер. Имущественное и социальное расслоение общества привело к разобщению членов старообрядческих общин; ликвидация старообрядческих духовных центров способствовала утрате единого молитвенного общения. Более всего советская власть пыталась воздействовать на молодое поколение старообрядцев, на его беднейшие слои, на женскую часть старообрядческих общин. Для этого усиливалась культурно-просветительная работа среди старообрядцев. Здания бывших как старообрядческих, так и единоверческих храмов и монастырей насильственно изымались у старообрядческих общин, передавались для нужд культурно-просветительных и детских учреждений – Покровский Климовский и Малино-Островский, в собственность коммунальных учреждений – Клиновский Красноборский Предтечий монастырь. На территории Клиновского девичьего монастыря размещался лагерь для репрессированных [5, с. 383]. Атеистическое воздействие предполагало изъятие предметов религиозного культа из частных домов, принадлежащих учителям, из помещений школ, в которых размещался технический персонал учебных заведений. Пункты по ликвидации безграмотности не предусматривались в тех поселениях, где не было детей школьного возраста и молодежи. Однако, несмотря на столь интенсивное идеологическое воздействие, в старообрядческих поселениях сохранялись старообрядческие общины. Архивные документы, фотографии и мемуары свидетельствуют о том, что они находились в селе Воронок, городе Злынка. Идеологическое воздействие со стороны государства в 1930-х гг. сменилось репрессиями против старообрядческого священства и мирян. Происходило насильственное разрушение сохранявшихся духовных центров, репрессии способствовали утрате конфессионального единства и корпоративной сплоченности старообрядческого населения. Среди жителей старообрядческих поселений были лишеныцы – граждане, лишённые избирательных прав.

В результате этой активной антирелигиозной кампании, проведённой местными органами советской власти, уже к 1940-му г. на территории Гомельщины были закрыты все старообрядческие храмы и молельни. Религиозная жизнь местных старообрядцев была практически парализована. Староверы Ветки были вынуждены приспособляться к новым реалиям [10]. Старообрядческие общины Стародубья продолжали действовать в г. Клинцы, Новозыбков, Гомель, Злынка, селе Ардонь как до, так и после окончания Великой Отечественной войны.

Очень сильно пострадало старообрядческое священство. В годы Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, военного коммунизма было арестовано, расстреляно и умерло больше половины всех старообрядческих епископов Русской православной старообрядческой церкви. После смерти архиепископа Мелетия в 1934 г. собрать Освященный собор для избрания нового Первосвяти-

теля было невозможно. В живых на свободе оставалось три архиерея, и над каждым висела угроза ареста или гибели. С 1941 г. предстоятелем старообрядческой церкви стал вышедший из сталинских лагерей епископ Самарский Иринарх (Парфенов, 1881–1952). В сан архиепископа Московского его возвел престарелый епископ Калужский Сава (умер в 1945 г.), единственный, кто остался на свободе. Третий выживший в советских гонениях – епископ Геронтий (Лякомкин, 1872–1951) – до 1942 г. также находился в лагерях. Существование Белокрыницкой иерархии могло пресечься в любой момент [4, с. 33]. До Великой Отечественной войны, в 1930-х гг., происходило уничтожение старообрядческих церквей и монастырей г. Клинцы. В это же время «в Покрово-Никольском храме была открыта пекарня, в Вознесенской церкви – склад зерна, в Преображенской – детский сад, в Покровской, рядом с Троицкой, – после войны устроили театр, а позже – склад Клинецторга. Но постепенно церкви стали исчезать» [12, с. 251].

Однако тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны сплотили население. Вскоре после начала войны Первосвяитель Иринарх обратился к пастве с архипастырским посланием. В нем говорилось: «Старообрядцы никогда не были изменниками Родины. Они до последней капли крови защищали свое родное отечество. Мы уверены, что в годину тяжелых испытаний, которые нам в настоящее время приходится переживать, старообрядчество, также верное своим вековым традициям, дружно даст отпор коварному врагу, посягнувшему на наши священные границы» [4, с. 26]. В августе 1941 г. старообрядческие поселения (г. Клинцы, Новозыбков, Злынка, Ветка, Гомель) подверглись вражеской оккупации. Новозыбков был оккупирован 16 августа 1941 г. В новозыбковских лесах началось формирование партизанского соединения А.Ф. Федорова. За время немецко-фашистской оккупации все предприятия города были уничтожены. Злынка была оккупирована немецко-фашистскими войсками 25 августа 1941 г. Клинцы стали значительной тыловой базой немецко-фашистских войск, где находились госпитали, ремонтные части. Среди оккупантов были также итальянцы и венгры. Отсюда было угнано в Германию на принудительные работы большое количество молодежи. Павел Максимович Храмченко (1916–2000), клиновский краевед, конструктор завода имени Калинина, из-за болезни не смог эвакуироваться. В своих мемуарах он писал, что эвакуация проводилась спешно. Город был оставлен без боя 20 августа 1941 г. Ни одно предприятие не было взорвано. Запасы сырья оставались на предприятиях. Заняв город, оккупанты потребовали, чтобы население сдало радиоприемники, печатные машинки и оружие. Всем работоспособным жителям надо было выйти на свои рабочие места, а остальным гражданам в возрасте от 14 до 60 лет зарегистрироваться на бирже труда. Вско-

ре в городе работали все фабрики. Рабочий день начинался в 6 часов утра, работа в ткацких цехах велась в две смены. Для этого было изменено время комендантского часа [12, с. 373]. Были открыты школы, кинотеатры, местный театр, танцплощадки в парке, в клубах, радиостудия, местная газета под названием «Новый путь», затем «Клинцовская газета». Улицам вернули их старинные названия. Были открыты курсы немецкого языка. Жителям города, рабочим фабрик было разрешено вернуть землю в пригороде, отнятую у них в годы раскулачивания, рабочим выдавали хлебный паек – 200 г. Инвалидам первой и второй групп через больничную кассу выдавали паек – 300 г хлеба. В феврале 1942 г. пайки иждивенцам и инвалидам отменили. В большом недостатке были продукты первой необходимости [12, с. 375]. Оккупанты заняли все крупные общественные здания. В них они разместили тыловые госпитали. Медицинскую помощь гражданскому населению в случае острого хирургического заболевания оказывали немецкие врачи [12, с. 376]. Однако, несмотря на масштабное размещение немцев в г. Клинцы, дух сопротивления оккупантам у местного населения был не сломлен. Немцы прочесывали леса, вылавливая и уничтожая партизан. Клинцовский партизанский отряд был рассеян. С весны 1942 г. в близлежащие деревни стали проникать группы партизан и уничтожать полицаяв и немецких солдат. Начались расстрелы заложников. Клинцовская тюрьма была переполнена крестьянами-заложниками и подозреваемыми в связях с партизанами [12, с. 381]. На территории Клинцов, Новозыбкова, Злынки с 1942 г. немцы стали агитировать молодежь ехать на работу в Германию. Облавы с последующей принудительной отправкой людей на работы в Германию начались летом 1943 г. [12, с. 387]. Из Клинцов было угнано в Германию 170 человек. О тяжелой судьбе угнанных и вернувшихся обратно свидетельствуют воспоминания уроженки г. Злынки, старообрядки Белокриницкого согласия Натальи Акимовны Тычковой 1924 г. р. Оказавшись в Германии, она батрачила в хозяйстве зажиточной немецкой семьи, с трудом преодолевая хроническую усталость и голод. По воспоминаниям старожилов, массовые расстрелы мирного населения происходили в селе Святск, недалеко от Новозыбкова. Среди местного населения сохранились воспоминания о том, что старообрядцы прятали еврейских детей во время облав оккупантов.

19 августа 1941 г. после массированного штурма войска вермахта захватили г. Гомель. 50-дневная борьба на Гомельском направлении, 12-дневная оборона Гомеля имели большое значение в начальный период войны. Немецкое командование действовало на этом направлении 25 дивизий, тем самым ослабив наступательную мощь своих войск на Смоленском направлении. Гитлеровцы потеряли 80 тыс. солдат и офицеров, более 200 танков, около 100 самолётов, много другой боевой техники. Ок-

купация г. Гомеля продолжалась с августа 1941 г. по ноябрь 1943 г. Гомель был включен захватчиками в «зону армейского тыла», так же как г. Клинцы и Новозыбков. «Сражения на белорусской земле, характеризовавшиеся большим размахом, жестокостью, стали важной частью Великой Отечественной войны, яркой страницей ее героической и трагической истории» [7, с. 5]. Власть в Гомеле оказалась в руках командования 221-й дивизии, военно-полевых комендатур. Террор стал обыденным явлением на территории Западного региона. В Гомеле, так же как в Новозыбкове, Клинцах, Злынке происходил массовый угон молодежи в Германию.

В 1941 г. оккупанты разрешили верующим восстанавливать свои храмы и свободно исповедовать религию. Таким отношением к религии оккупанты пытались противопоставить себя советской власти. П.М. Храмченко упоминает в своих воспоминаниях мастера одной из ткацких фабрик – М.Г. Малеванкина, который после войны являлся старообрядческим священником храма Преображения Господня в г. Клинцы [12, с. 375]. Немецкий офицер В. Энгельгард писал: «В деревнях и небольших городах, вопреки террору, люди втайне придерживались старой веры. В день своего вступления в Клинцы немецкие солдаты совершали полевое богослужение в единственной пощаженной безбожной советской пропагандой скромной деревянной церкви – это произвело на жителей глубокое впечатление. Когда населению позволили совершать богослужения после десятилетнего большевистского запрета, измученные люди свободно вздохнули и снова водрузили в “Святой угол” тайком спрятанные иконы. Возвращенная деревянная церковь вновь нарядилась прекрасными старинными образами» [6]. В его книге приведено много фотографий, в том числе снимки богослужений в Троицкой церкви, крестины в этом храме. В 1930–1940 гг. большое количество родившихся детей не были крещены. Летом 1941 г. состоялись массовые крестины в г. Клинцы детей разного возраста, о чем свидетельствуют фотографии, сделанные В. Энгельгардом. Оккупация города немецко-фашистскими войсками закончилась 25 сентября 1943 г.

Однако за годы войны органы советской власти изменили свое отношение к религии. Храмы, открытые в годы оккупации, не были закрыты. Происходила регистрация религиозных общин, в том числе и старообрядческих. Старообрядческие общины были зарегистрированы в Клинцах, Новозыбкове, Злынке после их освобождения от оккупации. Старообрядческий календарь 1948 г., освещая деятельность приходов Русской православной старообрядческой церкви Белокриницкого согласия, писал, что после освобождения Клинцов старообрядцы стали ходатайствовать перед местной властью о восстановлении храма Преображения Господня и регистрации. Верующие провели добровольный сбор денег и начали ремонт и вос-

становление храма. При этом особенно большую работу проявили старообрядцы А.П. Смирнов, Ф.Г. Кондратьев, И.С. Бондарев. В 1943 г. была избрана и зарегистрирована двадцатка и учреждена община. В храме стали совершаться богослужения, но священника не было. Члены общины обратились с просьбой к архиепископу Иринарху. 22 января 1945 г. М.Г. Малеванкин был рукоположен архиепископом Иринархом во священники и определен в храм во имя Преображения Господня и Введения Пресвятыя Богородицы в г. Клинцы. [3, с. 133]. В 1944 г. был создан новый иконостас храма.

В г. Новозыбкове богослужения в старообрядческом Рождественско-Никольском храме также проходили в годы оккупации. Запись, сделанная на колокольне храма 29 августа 1942 г., свидетельствует, что в храме производился ремонт. Уставщиком храма в это время был Феодор Никитович Щербаков (1887–1958). В 1945 г. Феодор Щербаков был рукоположен во священники архиепископом Иринархом. В храме Спаса-Преображения этого города богослужения возобновились после Великой Отечественной войны.

Злынковская старообрядческая община старообрядцев Белокриницкого согласия была зарегистрирована после войны. Однако молитвенное общение не прекращалось в период оккупации города. В 1948 г. их молитвенный дом располагался на ул. Ленина, 22. Старообрядческая община беспоповцев (поморцев-федосеевцев) – Покровская моленная – находилась на том же месте, что и до революции. Община насчитывала свыше 150 человек. Молитвенный дом старообрядцев-беспоповцев в г. Злынка Брянской области функционировал в довоенный период, а также в период оккупации города. Ранее советскими органами никогда не закрывался и являлся единственным молитвенным домом поморцев-федосеевцев. Община старообрядцев состояла из 150 членов. Уставщиком являлся М.М. Чернышев [9]. В довоенный период уставщиком был Степан Данилович Ефремов [1].

По словам информанта Смирновой Евдокии Фроловны, 1922 г. р., старообрядческая община беспоповцев федосеевского толка (рабская) сохранялась в посаде Ардонь в 1940-х гг. XX в. Население продолжало заниматься исконными промыслами и ремеслами. Здесь были свои бондари, каретники [5, с. 386]. Несмотря на то, что Е.Ф. Смирнова работала учителем в школе, она смогла сохранить прекрасную коллекцию меднолитых икон, доставшихся ей от предков.

За время немецко-фашистской оккупации г. Новозыбкова все предприятия были уничтожены. Массовые захоронения немецких и итальянских солдат были сделаны возле православной церкви Чуда Архангела Михаила. Аналогичных захоронений у старообрядческих храмов сделано не было, хотя довоенные кладбища возле храмов сохранялись. В послевоенный период в первую очередь восста-

навливалась промышленность города. На месте бывшей спичечной фабрики «Волна Революции», ранее принадлежавшей старообрядцу М.М. Волкову, были выстроены корпуса станкостроительного завода. Сразу же после войны началось активное вовлечение старообрядцев в общественную жизнь, в созидательную деятельность по восстановлению разрушенного хозяйства. Это сопровождалось восстановлением духовно-религиозной деятельности в старообрядческих общинах, проведением богослужений в храмах. С именами архиепископа Иринарха и епископа Геронтия в первые послевоенные годы связано восстановление духовно-религиозной деятельности в Западном крае, куда совершались их пастырские поездки. 16 августа 1946 г. Клинцы посетил архиепископ Русской православной старообрядческой церкви Иринарх (Парфенов) в сопровождении диакона Сергея Кленова. 18 августа им был освещен антиминс во имя Преображения Господня, а 19 августа 1946 г. совершены соборная литургия и молебен с участием священников о. Федора Щербакова и о. Кира Беспаликова. О. Максим Малеванкин был определен благочинным по Новозыбковской епархии. 7 мая 1947 г. он был возведен в сан протоиерея [10, с. 76–77].

Епископ Русской православной старообрядческой церкви Геронтий (Лакомкин), совершивший в августе 1948 г. поездку в г. Клинцы, Новозыбков, Мильчи, Гомель, докладывал архиепископу Иринарху, что 14–15 августа 1948 г. состоялось богослужение в Рождественско-Никольском храме г. Новозыбкова, которое было проведено им в сослужении настоятеля храма о. Федора Щербакова и священника о. Игнатия Абрамова. «Литургия совершена соборно, а после литургии сказано слово о молитве, о почитании святых храмов, об исполнении святых обетов, данных нами при святом крещении, с призывом ко всем к честному труду, что быть лучшими гражданами своей родины». Епископ Геронтий отмечает в новозыбковском храме наличие церковного совета, хорошее пение, ремонт, образцовую чистоту, убранство храма [3, с. 131–136]. Особое впечатление осталось у епископа Геронтия от пребывания в Клинцах. «Храм был переполнен молящимися и за всенощной, и за литургией. Певцы пели очень хорошо. Славники все нараспев и «Свете тихий» и «Святым Духом» демеством. За литургией «Единородный» демеством и почти вся литургия демеством. На молебне весь канон пели нараспев. Подлинная старина, чинность и порядок, в чем ясно видна деятельность и заботливость настоятеля святого храма прот[оиерея] о. Максима Малеванкина» [3, с. 134]. Необходимо отметить, что о. Максим Малеванкин с 1912 г. был псаломщиком в этом храме. Он хорошо знал церковное пение. Более того, в клинцовских старообрядческих монастырях в 1920–30-е гг., накануне их фактического закрытия, детей и молодежь учили церковному пению. Свидетельства единоверческих священни-

ков 1840-х гг., что в Стародубье поют демественным распевом, подтверждались в традиционных старообрядческих общинах даже в 1940-е гг., через 100 лет. Сведения, которые привел епископ Геронтий (Лакомкин), очень важны для понимания высокой духовности старообрядцев. Большинство из них были солдатами, пришедшими с войны, людьми, пережившими оккупацию, голод, потерю близких, рабочими клинцовских фабрик, где существовали партийные и комсомольские органы, велась коммунистическая пропаганда. Но народная религиозность продолжала сохраняться в семьях, в церковных общинах. Она способствовала высокой духовности этих людей. У священника о. М. Малеванкина двое сыновей находились на фронте, старший сын был награжден орденом Отечественной войны I степени, но погиб в 1944 г. В тяжелый период испытаний о. Максим не оставил своих прихожан, а стал их духовным наставником, способствуя возрождению общины. Епископ Геронтий призывал «преобразиться из грешников в угодников Божиих, в лучших и истинных христиан и преданных сынов и дочерей отечества» [3, с. 133]. Это еще раз подтверждает, что старообрядчество всегда отличал патриотизм, любовь к своей Родине, твердость духа и воли, высокая нравственность. Такая же поездка состоялась в г. Гомель, где епископ Геронтий посетил храм, служил литургию в сослужении со священником Игнатием Абрамовым и о. М. Малеванкиным, благочинным Новозыбковской епархии [3, с. 134]. Поездка епископа Геронтия и богослужения совершались под жестким присмотром уполномоченного по делам религии в г. Брянске т. Ивановым, а также горсоветом Гомеля. В Гомеле епископ Геронтий настоятельно требовал ускорить избрание церковного совета и передать ему ведение хозяйственных дел, зарегистрировать старообрядческую общину в г. Мильчи. Это было связано с тем, что духовная жизнь старообрядческих приходов в Ветке возрождалась не такими быстрыми темпами, как в Стародубье. Из-за отсутствия регистрации общин были закрыты храмы в г. Мильче и селе Огородня.

Итак, накануне войны старообрядческое население Стародубья и Ветки подвергалось репрессиям, сильному идеологическому воздействию со стороны советской власти. Храмы старообрядческих духовных центров подлежали закрытию, имущество монастырей и церквей – изъятию. От репрессий страдало как старообрядческое священство, так и старообрядцы-миряне. В годы войны на оккупированной территории были открыты храмы, что способствовало сплочению старообрядческого населения, возрождению молитвенного общения. Для старообрядцев был характерен патриотизм, чувство долга, высокая духовная нравственность. В годы войны старообрядческое священство не покидало свою паству, выступало с призывами стать на защиту Родины от врага. Это свидетельствует о сплочении всего населения страны, в том числе представителей религиоз-

ных конфессий, перед угрозой внешней опасности. Эти процессы актуальны и на современном этапе развития нашего общества, что требует их глубокого изучения в историко-культурологическом аспекте. После освобождения этих территорий от немецко-фашистских захватчиков были зарегистрированы старообрядческие общины в Клинцах, Новозыбкове, Злынке. Сведения о регистрации старообрядческих общин в Ветке в первые годы после оккупации в настоящее время не обнаружены.

Библиографический список

1. Автобиография Михаила Михайловича Чернышева // Личный архив М.А. Чижевского.
2. Гомельская область: 75 славных лет / Н.Н. Мезга и др.; под общ. ред. В.А. Дворника. – Гомель: Ред. газеты «Гомельская праўда», 2012. – 251 с.
3. Геронтий (Лакомкин, еп.) Докладная записка о поездке в Новозыбков и Гомель Его высокопреосвященству Иринарху, архиепископу Московскому и всея Руси // Во время оно... История старообрядчества в свидетельствах и документах. – 2006. – Вып. 3. – С. 131–135. – (Приложение к журналу «Церковь»).
4. Епископы Русской православной старообрядческой церкви в 1930-х гг.: Библиографический словарь // Во время оно... История старообрядчества в свидетельствах и документах. – 2009. – № 5. – С. 3–40. – (Приложение к журналу «Церковь»).
5. Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. – Брянск: ООО Ладомир, 2011. – 451 с.
6. Марченков П.А. Перевод книги Вальтера Энгельгарда «Клинцы», с примечаниями [Рукопись] // Личный архив авторов. – Брянск, 2012.
7. Освобождение Беларуси: 1943–1944 / В.В. Абатуров, А.М. Литвин, Н.Ф. Азяский и др. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 943 с.
8. Рогинский Р.М. Старообрядчество Гомельщины и советская власть: 1920–1930-е годы (по архивным данным и устным источникам) [Электронный ресурс]. – <http://www.anti-raskol.ru/pages/2175> (дата обращения: 17.12.2016).
9. Справка Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Брянской области А. Иванова для Совета по делам религиозных культов при Совнаркомом Союза ССР от 22 марта 1946 г. // Личный архив М.А. Чижевского. – Копия.
10. Старообрядческий календарь на 1948 год. – М.: Старообрядческая Архиепископия Московская и всея Руси, 1948. – 91 с.
11. Старообрядчество в России: Энциклопедический словарь. – М.: ФАС-медиа, 2005. – 127 с.
12. Храменко П.М. Перекрестов Р.И. Мои Клинцы // Клинцовский летописец: сборник. Кн. 1. – Клинцы: Изд-во Клинцовской городской типографии, 2004. – 500 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР (1946–1953 ГГ.)

В статье рассматривается эволюция государственно-церковного взаимодействия в 1945–1953 гг. Особое внимание уделяется анализу причин, обусловивших смягчение отношения советской власти к Русской православной церкви в первые послевоенные годы, и факторов ужесточения государственной политики и возрастания антирелигиозной составляющей в государственно-церковных отношениях в последние годы пребывания у власти И.В. Сталина. С одной стороны, государство не могло не учитывать патриотической позиции Церкви в годы Великой Отечественной войны, участия священнослужителей и верующих в военных действиях, ответив на них восстановлением патриаршества и некоторой нормализацией церковной жизни. Но, с другой стороны, тезис о борьбе с религией и восприятие Церкви как идейного врага не были отменены и оставались одним из идеологических приоритетов. Власть воспользовалась подконтрольностью церкви, добываясь с ее помощью достижения собственных целей, особенно в сфере внешней политики. Подробно рассматривается и позиция Церкви по основным вопросам внешней политики СССР в первое послевоенное десятилетие, а также позиция по ним патриарха Алексия и роль митрополита Николая (Ярушевича) в международном церковном и миротворческом движениях.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, Русская православная церковь, атеистическая политика, патриарх Алексий I, митрополит Николай (Ярушевич).

Возрастание роли Русской православной церкви (РПЦ) в современном российском обществе, потребность в обращении к историческому опыту, его урокам (как позитивным, так и негативным) со стороны ученых, государственных деятелей, священнослужителей способствует совершенствованию государственно-церковных отношений на современном этапе. Необходимость же обобщения исторического опыта делает весьма актуальными исследования данной проблематики. Повышенный интерес к работе Поместного собора, процедуре избрания и интронизации Патриарха Московского и всея Руси Кирилла свидетельствуют о пристальном внимании государства и общества к делам церкви. Однако не столь далеким прошлым были времена, когда красной нитью религиозной политики государства была борьба с Церковью [4, с. 52–57].

На протяжении всего советского периода государственно-церковные отношения не оставались неизменными и трансформировались в зависимости от смены не только экономической, но и политической составляющей или корректировки «генеральной линии» партии. Так, один из пиков в улучшении церковно-государственных отношений пришелся на 1945–1946 гг. Это изменение было обусловлено целым рядом причин: во-первых, значительным ростом религиозного сознания среди населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны; во-вторых, патриотической позицией, занятой РПЦ в тяжелые для советского режима годы; в третьих, острой заинтересованностью советской правящей элиты страны в международной деятельности Московской патриархии. Однако стоит обратить внимание, что «эти процессы по-разному проявлялись в союзных республиках (в Прибалтике, Средней Азии отношение к Русской православной церкви было более

негативным). Многие иерархи правильно оценивали ситуацию, сознавая, что, несмотря на все заверения властей, относительно благоприятные условия, вероятно, продлятся недолго» [13, с. 332].

10 апреля 1945 г. И.В. Сталин вновь встретился с руководством Русской церкви – патриархом Алексием I (Симанским), митрополитом Николаем (Ярушевичем), протопресвитером Н. Колчицким. В рамках беседы обсуждались поставленные властью перед Патриархией задачи в области международных отношений. Настаивая на том, что Церковь должна предпринять определенные шаги, председатель СНК, в свою очередь, обещал поддержку планам церковного руководства. Последние в большей степени касались налаживания и «восстановления» нормального цикла внутрицерковной жизни. «Именно эта встреча предопределила характер государственной религиозной политики в ближайшие два года. На ней шла речь о сооружении в Москве специального православного центра с дворцом, икографией, духовными учебными заведениями, свечным заводом и т. д.» [11, с. 140].

Но только небольшая часть обещаний, данных главой государства, была выполнена. Можно предположить, что И.В. Сталину приходилось учитывать настроение большей части партийного и государственного аппарата, считавшей даже некоторые незначительные уступки Церкви – чрезмерными. 22 мая 1945 г. председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов обратился к В.М. Молотову с предложением оказать поддержку просьбе Московской патриархии о выделении земельного участка. Предполагалось использовать этот участок в Москве для строительства здания, где планировалось разместить резиденцию первоиерарха, некоторые духовные учебные заведения и мастерские. Соответствующий проект был представлен на утверждение. По итогам встречи был подго-

товлен проект текста постановления Совнаркома, принятие которого так и не состоялось. Немного дальше продвинулось и решение вопроса о создании церковной типографии, хотя И.В. Сталин еще 17 марта 1945 г. лично утвердил соответствующее предложение Совета по делам РПЦ. Спустя два месяца было издано соответствующее распоряжение СНК, благодаря чему Патриархия осуществила закупку полиграфического оборудования, шрифтов на четырех языках. С осени 1945 г. имелись планы осуществить выпуск Священного Писания, богословских трудов и церковных календарей. Однако ожидаемого выделения здания для типографии не состоялось, а типографское оборудование последующие годы лежало «мертвым грузом» на территории Новодевичьего монастыря.

Не оправдались и расчеты окружения патриарха на открытие существовавших в дореволюционной России четырех духовных академий и «духовных семинарий чуть ли не в половине епархий, а также развертывание широкой миссионерской работы, хотя И.В. Сталин утвердил предложение Г.Г. Карпова от 15 марта 1945 г. об организации при Синоде миссионерского Совета и создании Богословско-пастырских курсов, кроме Москвы и Саратова, в Ленинграде, Киеве, Минске, Одессе, Луцке, Львове и Ставрополе. В итоге не удалось осуществить даже, казалось бы, согласованное открытие Духовной Академии в Киеве и семинарий во Львове и Вильнюсе. Так, действовавшая в период оккупации Вильнюсская православная семинария была закрыта по постановлению Совнаркома Литовской ССР» [9, с. 97]. Учитывая угрозу роста напряженности в церковно-государственных отношениях и осознавая свое фактическое бессилие, церковное руководство призывало рядовых прихожан быть «светильниками добра и милосердия» [7], то есть даже в самые трудные моменты церковной жизни быть образцами христианской морали.

В 1947 г. вновь проявилось и «стремление оживить практически свернутую атеистическую пропаганду. До И.В. Сталина доходили сведения, что среди партийных кадров некоторая часть критикует «забвение ВКП (б) о необходимости решительной антирелигиозной борьбы». Вождь не мог полностью игнорировать такие настроения. Выдвинув 1947 г. на пост секретаря ЦК М.А. Суслова, он посоветовал ему «не забывать об атеистической пропаганде среди народа», в то же время отметив, что этот вопрос сейчас не самый главный. В июле 1947 г. было создано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний» на основе материализма. Секретариат ЦК ВКП (б) в октябре на закрытом заседании обсудил состояние отношений правительства с Церковью и пришел к выводу, что их надо развивать, не переоценивая перспективы последней и без ее излишне настойчивой опеки. Тем не менее советская пропаганда, называвшая ре-

лигию «враждебной советскому здравоохранению, советскому спорту, советской заботе о повышении материального и культурного уровня жизни трудящихся» [14, с. 45], продолжалась.

Пытаясь укрепить духовные связи между православными церквями, патриарх Алексей I в 1949 г. направил предстоятелям поместных православных церквей послание с просьбой сообщить имена новопрославленных этими Церквями святых, с житийными сведениями о них и богослужебными последованиями для внесения в месяцеслов Русской православной церкви, что вызвало среди предстоятелей поместных православных церквей активный отклик [3, с. 56].

В целом в период с 1945 по 1953 г. Патриаршая церковь подверглась заметному сокращению количественных показателей. На 1 января 1952 г. в стране насчитывалось 13 786 официально открытых православных храмов, 120 из которых не действовали ввиду использования их для хранения зерна. В дальнейшем эта тенденция лишь усугублялась: в СССР на 1 января 1957 г. действовало 11 439 приходов, в 1958 г. – 11 363, а в 1966 г. их число сократилось до 7 523. Катастрофичнее ситуация была только в 1941 г., когда в стране насчитывалось всего 3 732 храма (из них по РСФСР 350–400). Количество священников и диаконов уменьшилось до 12 254 (в ближайшие годы и этот показатель изменился – по официальным данным, к 1967 г. численность зарегистрированного духовенства снизилась до 7 410 человек), монастырей – до 62 с 4 639 насельниками. Уже распались братства, ранее существовавшие в Западной Украине почти при каждой сельской церкви. Не лучшее время переживали духовные школы. Количество учащихся на дневном отделении по сравнению с 1948 г. почти не увеличилось, составив 633 человека. Показательно, что в 1,5 раза сократилось число подававших заявления на первый курс академии или семинарии. Совет по делам религии энергично отсеивал абитуриентов по политическим мотивам. Исключение составляло заочное отделение в Ленинграде, где численность учащихся бурно росла, достигнув к июлю 1952 г. 216 человек. Это особенно беспокоило власти, и намеченное на сентябрь открытие подобного отделения в московских духовных школах так и не состоялось [13, с. 346].

Учитывая вышеизложенные факторы – постепенное охлаждение отношений РПЦ и государства, снижение количества приходов, усиление антирелигиозной пропаганды – Церковь с 1950-х гг. все более активно участвовала в международном движении по защите мира, что, впрочем, было выгодно советскому правительству, рассчитывавшему использовать РПЦ как рычаг для усиления своего влияния за рубежом.

В начале марта 1950 г. патриарх Алексей обратился к главам всех православных церквей с при-

зывом объединить усилия православных верующих всего земного шара в защиту мира. От целого ряда предстоятелей церквей: Румынии, Болгарии, Польши, Чехословакии, Албании, стран Ближнего Востока, были получены сочувственные отклики и соответствующие заверения. В июле 1950 г. на Лугачовицкой конференции духовенства всех христианских исповеданий Чехословакии митрополит Николай (Ярушевич), поставленный во главе делегации РПЦ, призвал всех христиан «умножать наши труды в борьбе за мир...», заклеив при этом Ватикан и высшую католическую иерархию «за их звериную ненависть к миру и странам народной демократии», что перекликалось с официальной советской пропагандой, выставившей католическую церковь защитницей интересов США [1, с. 17] и сеющей среди трудящихся вражду к коммунизму и революционному рабочему движению [12, с. 9]. Можно предположить, что данное и аналогичные высказывания митрополита были вызваны давлением на РПЦ со стороны советской власти. Руководству СССР в условиях противостояния двух социально-экономических и политических систем Запада и Востока было выгодно некоторое нагнетание обстановки и формирование отрицательного имиджа Ватикана.

В августе 1950 г. по инициативе патриарха Алексия в Тбилиси состоялось совещание трех патриархов – Русской, Грузинской и Армянской церквей. После этого в прессе было опубликовано Обращение этих трех патриархов к христианам всего мира, в частности к Англиканской церкви, рядовым массам верующих Католической церкви, протестантскому Всемирному совету церквей. Три патриарха, по словам митрополита Николая (Ярушевича), «взывали к христианской совести, к христианскому долгу верующих всего мира в целях предотвращения войны» [5, с. 237–238]. В ноябре 1950 г. поддержку позиции РПЦ по миротворческой деятельности оказали: известный богослов, католический аббат Булье, настоятель Кентерберийского собора д-р Хьюлетт Джонсон и профессор Кембриджской богословской семинарии в Америке священник Епископальной церкви Джозеф Флетчер. Кроме того, к ним присоединились некоторые католические священники и епископы Польши, Чехословакии, Венгрии, Франции, Бельгии, Италии, стран Латинской Америки, выступлениями навлекая на себя санкции со стороны официального Ватикана [8, с. 248].

В конце февраля 1951 г. митрополит Николай (Ярушевич) официально выступил с поддержкой строительства социализма в странах Восточной Европы, приводя в пример ГДР: «В восточной части своей страны немецкий народ с энтузиазмом воплощает в жизнь идеи подлинной демократии, увеличивает свои материальные блага, строит свое счастливое духовное и материальное будущее»,

при этом осудив деятельность Запада в период Корейской войны: «Все человечество стало... свидетелем американской агрессии в Корее... господа из империалистического лагеря повторяют злодеяния своих бывших врагов и даже во многом их превосходят» [2, с. 277–278]. Очевидно, что советская власть также оказала давление на официальных иерархов РПЦ для того, чтобы подобные высказывания стали возможны.

В июле 1951 г. в Москве встретились главы пяти поместных православных церквей – Антиохийской, Русской, Грузинской, Румынской и Болгарской – и по инициативе патриарха Алексия еще раз обратились к христианам всего мира с призывом умножить свои усилия для защиты мира [10, с. 312].

В начале мая 1952 г. по призыву патриарха Алексия в Москву съехались на конференцию делегаты всех церквей, существовавших в СССР: Русской православной, Армянской, Старообрядческой, Римско-католической, Евангелическо-лютеранской, Реформаторской, Методистской и т. д. В результате было принято единое обращение к Церквам, религиозным объединениям, духовенству и верующим людям всех религий о поддержке решений Всемирного совета мира [6, с. 25].

Стоит отметить, что, несмотря на многочисленные попытки высших иерархов РПЦ показать свою лояльность режиму, вскоре после смерти Сталина в 1953 г. стали появляться признаки еще большего ухудшения положения религии в СССР. Газетные статьи предвещали скорую перемену климата, ссылаясь на мнение ЦК КПСС, неоднократно подчеркивалась необходимость усиления атеистической пропаганды, которую ЦК считал находящейся в «запущенном состоянии», при этом, правда, предостерегая от слишком «резких выпадов» против верующих.

Таким образом, в течение первого послевоенного десятилетия в государственно-церковных отношениях в Советском Союзе произошли важные перемены. Во-первых, политическому руководству страны приходилось считаться с ростом религиозного сознания после Великой Отечественной войны. Во-вторых, атеистическая основа советского государства не исчерпала себя, и было очевидно, что гонения на Церковь вполне могут возобновиться. В-третьих, пытаясь выстоять в идеологической изоляции, РПЦ уже с начала 1950-х гг. активно выступала на международной арене как один из главных участников борьбы за мир, что было обусловлено ростом числа вооруженных конфликтов после Второй мировой войны и постепенным осложнением отношений СССР и США в процессе холодной войны. Принимая участие в различных миротворческих собраниях, съездах, Церковь могла найти свое место в обществе и доносить информацию о себе широким слоям населения в сложных условиях усиления атеистической пропаганды в начале 1950-х гг.

Библиографический список

1. *Возчиков М.* Зарубежная реакционная повощина – орудие американского империализма: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. – М.: Правда, 1949. – 40 с.
2. *Николай (митр.)* Вперед!: Речь на первой сессии Всемирного совета мира // Слова и речи. Т. 3 (1950–1954 гг.). – М.: Издание Московской Патриархии, 1954. – 486 с.
3. *Кырлежев Г.* 1000 лет в семье Православных Церквей // Журнал Московской Патриархии. – 1988. – № 6. – С. 77.
4. *Майорова Н.С.* Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во всероссийском масштабе // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 52–57.
5. *Николай (митр.)* Мир: Речь на Второй всесоюзной конференции сторонников мира (Москва, 17 октября 1950 г.) // Слова и речи. Т. 3 (1950–1954 гг.). – М.: Издание Московской Патриархии, 1954. – 486 с.
6. *Николай (Ярушевич, митр.)* Нельзя молчать: Речь на чрезвычайной сессии Всемирного совета мира (Берлин, 3 июля 1952 г.) // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – № 8. – С. 68.
7. Пасхальное Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Церкви (Пасха Христова, 1946 г., Москва) // Архив Канцелярии Костромской епархии РПЦ МП.
8. *Николай (митр.)* Почему?: Заявление на пресс-конференции в Советском комитете защиты мира, в присутствии советской делегации на Всемирный конгресс сторонников мира (Москва, 10 ноября 1950 г.) // Слова и речи. Т. 3 (1950–1954 гг.). – М.: Издание Московской Патриархии, 1954. – 486 с.
9. Русская православная церковь стала на правильный путь // Исторический архив. – 1994. – № 4. – С. 266–268.
10. *Николай (митр.)* Усилим борьбу!: Речь на Второй сессии Всемирного совета мира (Вена, 5 ноября 1951 г.) // Слова и речи. Т. 3 (1950–1954 гг.). – М.: Издание Московской Патриархии, 1954. – 486 с.
11. *Цытин В.* История Русской православной церкви. – М: Изд-во Московской Патриархии, 1994. – 248 с.
12. *Шейнман М.М.* Ватикан и католицизм на службе империализма: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. – М.: Правда, 1950. – 468 с.
13. *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве : Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. – М., 1999. – 400 с.
14. *Эдмин М.В.* Наука и религия: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1948 г. в Ленинграде. – Л., 1948. – 60 с.

Нежигай Элеонора Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Кубанский социально-экономический институт, г. Краснодар
myclub99@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСРЕДСТВОМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРАЗДНИКОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (региональный аспект)

Статья представляет собой микроисторическое исследование, посвященное проблеме становления советской праздничной культуры. Отправной точкой исследования является представление автора о празднике как о событии, противопоставленном будничной повседневной жизни, в котором в концентрированном виде отражаются духовные, идейные основы общества и его ценностные установки.

Описательный метод, использованный автором, позволил проследить начало процесса перехода реального исторического события, связанного с захватом политической власти большевиками в октябре 1917 года, в разряд ритуального, мифологизированного, зрелищного праздничного действия, регулярно повторяющегося в дальнейшем на протяжении всего советского периода.

На примере празднования годовщины Октябрьской революции описывается феномен революционного праздника, представляющего собой разновидность светского праздника, сформировавшегося в условиях коренной ломки политического и социокультурного строя, получившего полное огосударствление и превратившегося в официально-парадное торжество.

Источниковую базу статьи составили документы официального происхождения, к которым относятся директивные письма и циркуляры центральных и местных партийных органов власти.

Богатый фактологический материал, содержащийся в исследовании, является необходимой базой для разработки и обоснования общетеоретических положений, связанных с изучением феномена праздничной культуры и массового сознания в рамках философии, культурологии, антропологии, психологии, социологии и других гуманитарных наук.

Ключевые слова: революционные праздники, обряды, Октябрьская революция, театрализованное шествие, агитация, пропаганда, лозунги, «кустовые объединения», массовые гуляния.

Радикальные общественно-политические и экономические преобразования в стране, произошедшие вместе со сменой власти в России в октябре 1917 года, повлекли за собой столь же решительные изменения и в культурной сфере. Их немаловажной частью явилась разработка новой (по своему социальному содержанию) системы праздников и обрядов, которая выступила действенным орудием коренного изменения духовного облика людей, внедрения в массовое сознание новой государственной идеологии и поведенческих стереотипов.

В первые же годы советской власти, когда праздничный календарь еще не установился, некоторые даты революционных событий были безоговорочно отнесены к числу наиболее значимых, судьбоносных. На первом месте среди них, безусловно, была дата свершения Октябрьского переворота. Первоначально подавляющее число населения не склонно было отождествлять этот день с праздничным событием, и еще значительное количество людей как в России, так и вынужденных покинуть ее пределы предпочли бы вообще забыть эту дату, ставшую началом крушения их жизни. Однако, учитывая число людей, недовольных старым политическим режимом, стоит признать, что с помощью широко-масштабной массивной агитации и пропаганды можно было добиться того, чтобы надежды на лучшую жизнь, оптимизм и воодушевление связывались именно с революцией, начало которой положил шторм Зимнего дворца 7 ноября 1917 года.

Первые торжества, посвященные годовщине Октябрьского переворота, прошедшие в столице, стали образцовыми. Все последующие празднества, организованные в городах и селениях, представляли собой уменьшенную копию грандиозных столичных торжеств.

Приданию новым праздникам определенного единообразия способствовали основные принципы их организации, разработанные агитационным отделом ЦК ВКП(б). Планы празднований рассылались на места в форме директивных и циркулярных писем, обязательных для исполнения. И если циркуляры первых лет настаивали на максимуме местной инициативы с целью внесения «побольше новых форм в работе» при проведении праздников, то в последующие годы приходящие на места планы отличаются все большей подробностью, детальностью, регламентированностью. Подобного рода документальные источники дают наглядную картину целей, форм и методов внедрения в сознание людей новых идеалов, облеченных в доступную, наглядную художественную форму, какой и являлись новые революционные праздники и обряды, задуманные как массовые театрализованные действия. При этом основное внимание уделялось созданию положительного эмоционального тона, на фоне которого происходило утверждение и закрепление базовых ценностных ориентаций, внедряемых в сферу массового сознания.

Циркуляры, рассылаемые на места, регламентировали буквально каждый этап подготовки

и проведения празднеств, включая перечень лозунгов, примерных тем для торжественных вечеров и сценарии художественных постановок. При таком положении вещей инициатива устроителей праздничных торжеств на местах была сильно стеснена заданными рамками и сводилась в большинстве случаев к изысканию средств, необходимых для проведения праздника. А учитывая хозяйственную разруху первых лет советской власти и значительность материальных затрат, связанных с торжествами, нужно признать, что в данном вопросе действительно необходимо было проявить максимум изобретательности.

Впервые празднование годовщины революции на Кубани состоялось в 1920 году. Учитывая политическую значимость этого события, организации праздника уделялось особое внимание. В регионе, где лишь полгода назад шли активные боевые действия, это первое празднование годовщины пролетарской диктатуры должно было послужить ярким доказательством ее несокрушимости, продемонстрировать силу советской власти и стать «новым могучим средством к еще большему сплочению под ее знаменем в беспощадной борьбе с царским последышем – бароном и с повторением попыток повстанчества на Кубани». При этом организаторы торжеств указывали на особую необходимость «сделать все возможное, чтобы устройство этого празднования охватило и привлекло к участию в нем самые широкие массы фабрично-заводских и сельскохозяйственных рабочих, трудовых казаков, городскую и станичную рабочую молодежь, а где возможно и детей» [3].

Основной целью этой и всех последующих праздничных кампаний была необходимость «добиться осознания не только у организованного населения (рабочих, делегатов Советов, учащихся и проч.), но и у неорганизованного той великой миссии, которая предстает пролетариату в дальнейшей борьбе за освобождение трудящихся всего мира от ига капитализма» [7].

Подобные предписания были нацелены на реализацию посредством праздника важнейшей задачи интеграции, осознания каждым индивидом своего места и роли в новом обществе, личной сопричастности к коллективной деятельности по преобразованию жизни на новых, более справедливых основаниях.

Вся подготовительная работа по организации торжеств на местах осуществлялась специально создаваемыми для этого случая комиссиями, в состав которых входили представители местных ревкомов, исполкомов, совпрофа, комсомольских и партийных организаций, культурно-просветительных учреждений, организаторы по работе среди женщин, допризывников (количество представителей от каждой организации регламентировалось). Помимо этого, созданная таким образом комиссия при выработке плана празднования с учетом местных особенностей привлекала на

свои заседания представителей изб-читален, клубов, школ, детских домов, кварткомов и пр.

После первого же своего заседания комиссия через своих представителей оповещала все учреждения, организации, школы, заводы и фабрики, кварталы о предстоящем празднике и обращалась к ним с призывом принять самое активное участие в его подготовке и проведении и поручала им составить индивидуальные планы празднования. Это было необходимо для того, чтобы «все организации и население проявили инициативу по устройству праздника, энергично готовились к нему, проникнувшись сознанием огромного значения того акта, какой совершил пролетариат, взяв власть в свои руки» [7].

Новый праздник, таким образом, был призван легитимизировать в массовом сознании факт государственного переворота, совершенного верхушкой партии большевиков, разделить ответственность за него с трудящимися массами, в интересах которых он был совершен, стабилизировать новую политическую систему, укрепить основы «пролетарского государства».

Октябрьские празднования длились два дня. Но своей предварительной работой комиссия должна была «заставить думать, говорить о празднике и готовиться к нему», другими словами, осознать значимость его задолго до официального проведения [7].

Основной и особенно важной частью праздничной агитационной компании были лекции, доклады, митинги, собрания, проводимые в каждой ячейке, районе, завкоме или профсоюзе под руководством «заранее взятой на строжайший учет, лучшей части живых партсил, способной к ведению бесед и массовой агитации» [3]. Между докладчиками распределялись лекции на заданные темы, например: «Наши достижения», «Международное положение», «Почему нужно ликвидировать неграмотность» или «Что такое продналог» (в зависимости от текущего момента). Во избежание вольной трактовки событий к докладам прилагались тезисы. Как видим, праздничные доклады служили прежде всего пропаганде политики новой власти. Для массы людей, не умеющих ни читать, ни писать, подобные доклады были зачастую единственным источником «достоверных» сведений о жизненно важных событиях и возбуждали у неграмотной аудитории массу вопросов, на которые в меру сил докладчик пытался ответить. Существенную черту этих докладов составляли однозначные и категоричные оценки описываемых событий, которые моделировали по заранее определенному образцу отношение к ним слушателей. Лейтмотивом подобных лекций были призывы к продолжению борьбы с классовыми внутренними и внешними врагами, что в итоге вызывало ответную реакцию аудитории, принимавшую типичную формулировку: «Перед лицом революции клянемся, что не забудем тех борцов, павших 25 октября 1917 года за счастье и лучшее будущее

для человечества. Мы будем твердо стоять на посту революции и продолжим начатое ими дело до конца» [4]. Подобными клятвами и обещанием «принять самое активное участие в празднике» завершались предпраздничные собрания.

Таким образом, видно, что через праздник реализовывался механизм моделирования представлений, закладывалась своеобразная программа, которая в результате многократного повторения превращалась в стереотип поведения с заложенной в нем информацией, способствующей адекватному функционированию нового общества [1, с. 120].

Предварительная агитационно-пропагандистская работа сменялась конкретными мероприятиями, предшествующими официальной части торжеств, намеченных на 6 и 7 ноября.

Массовость участия в празднике обеспечивалась организованным прекращением работы 5 ноября в 16 часов всех организаций, учреждений, учебных заведений, которые приступали к украшению помещений, занимаемых ими, с внутренней и наружной сторон. Учреждения, участвующие в декорации зданий, разбивались по своей мощности на три группы. Чисто художественное руководство – распределение эскизов – осуществлялось приглашенными для этой цели из Отдела народного образования художниками. Кроме того, для украшения города привлекались комячейки, рабочие клубы, профсоюзы. С утра 6 ноября до часу дня производились работы по поправке и украшению могил «павших борцов революции». Примерно в это же время, с 11 до 15 часов, проходили торжественные заседания местных парткомов, ревкомов, исполкомов. С 13 часов до 16 часов вечера во всех городах и населенных пунктах Кубани начинался детский праздник. Для этого в распоряжение детей предоставлялись кинотеатры, цирки, а также автомашины «для доставки длительным маршрутом по городу детей из детских домов до места спектаклей и обратно с целью ознакомления детей с автомашинами как одним из средств удобного и быстрого передвижения» [3]. Вполне можно себе представить, какое впечатление подобные мероприятия производили на голодных, оборванных детей, обделенных вниманием взрослых, и с каким нетерпением они ожидали следующего праздника.

К семи часам вечера во всех клубах и организациях устраивались вечера воспоминаний. Так, например, в 1923 году такие вечера прошли во всех одиннадцати крупных клубах г. Краснодара, охвативших рабочее население города и служащих промышленных предприятий, а также в организациях, не имеющих своих собственных клубов: городской больнице, областной больнице, конвойной команде, на мельницах 1 и 13 и сельхозинституте.

Вечера воспоминаний также проходили в четком соответствии с единой программой, разработанной и утвержденной агитотделом. Для их проведения предоставлялись залы театров, декорированные со-

образно моменту, что, кстати сказать, наносило последним значительный материальный ущерб.

Открывались вечера, как правило, пением «Интернационала», «Дубинушки» или другой революционной песни, затем выступал докладчик, освещавший историю проводимого торжества, подчеркивал достижения в области строительства новой жизни. 15–20 минут отводилось собственно воспоминаниям участников революционных событий. Темы этих коротких докладов-воспоминаний распределялись заранее, проверялись и утверждались партийными органами. До слушателей доходила лишь совершенно однозначная информация, идеализирующая «героизм бойцов за правое дело», стирающая нюансы классовой борьбы. Подобные доклады формировали идеальный собирательный образ положительного революционного героя, который внедрялся в общественное сознание.

Не удивительно, что уже первые опыты организации таких вечеров выявили опасность формального подхода к ним. Во избежание превращения вечеров воспоминаний в подобие «кабинетных заседаний» рекомендовалось привлекать к выступлениям не только партийных лидеров, но и рядовых членов партии, а доклады сменять «концертом, спортивной игрой, для оживления можно допустить танцы» [8].

С восьми часов в клубах и кинотеатрах начинались бесплатные концерты, спектакли, вечера политической сатиры и пролетарской поэзии, специальные номера живой газеты, танцевальные вечера. Эта развлекательная часть праздничной программы, бесспорно, была наиболее привлекательной для публики, что вызывало тревогу партийных организаторов торжеств. «Репертуары должны быть подобраны, насколько возможно, чтобы они касались... хотя бы в некоторой степени революционного движения вообще или знаменательных эпох истории культуры и народного хозяйства», – предписывали циркуляры [3].

Вечерними культурными мероприятиями завершался первый день Октябрьских праздников. Своего апогея торжества достигали 7 ноября, когда главным событием становился парад. Все учреждения, организации, воинские части и вузы, организованные в «кустовые объединения», к десяти часам утра являлись к месту сбора. Отсюда «кусты» под руководством особо выдвинутых товарищей по имеющимся у них маршрутам собирались к центру, где предполагалось проведение основной части торжеств. В 1922 году в Краснодаре таким местом стала Крепостная площадь, в 1923 – площадь Сельскохозяйственного института. Можно предположить, что уже само место, выбираемое для начала торжественной церемонии, должно было символизировать очередные «завоевания» советской власти. Так, ровно за месяц до проведения Октябрьского парада, 8 ноября 1922 года, на Крепостной площади был демонтирован памятник Екатерине II, напоминающий о «рабских временах».

Что же касается площади Сельхозинститута, то 1923 год знаменовал собой первый год существования этого вуза в статусе самостоятельного учебного заведения, отделившегося в марте 1922 года от Кубанского политехнического института.

Кульминационным моментом торжеств был общий митинг на площади. Перед всеми собравшимися зачитывался доклад об истории Великой революции и ее значении, с приветственными речами выступали представители областного партийного комитета, областного исполкома, совпрофа, командующий войсками. Учреждениям и организациям вручались знамена, зачитывался список «граждан бедняков, отличившихся при выполнении мероприятий Советской власти», чьи имена позже заносились на Красную доску [6]. Подобные знаки отличия рождали чувство гордости и некоторого превосходства у обладателей этих имен, создавая одновременно стимулы в общественной деятельности для остальных.

Этот момент в проведении важнейшего из новых государственных праздников являлся наиболее яркой «манifestацией власти, силы и значения государства». И в дальнейшем порядок проведения Октябрьских торжеств неизменно «включал отдачу почестей символам и знакам, воплощающим идею государства, памяти национальным героям, демонстрацию вооруженной силы для подчеркивания мощи, суверенности и международного значения нации, публичное награждение отличившихся перед властью и правительством» [2, с. 144].

Основной целью празднеств было создание атмосферы единства, сплоченности и непобедимости первого социалистического государства.

«По истечении порядка дня, кустовое объединение двигалось с оркестром по городу, охватив его со всех сторон» [8]. Очевидно, таким образом предполагалось привлечь к шествию внимание тех, кто не участвовал вместе с остальным «организованным населением» во всеобщем митинге. Домохозяйки, мелкие торговцы и прочие обыватели, заинтересовавшиеся праздничным шумом, выходили на улицу и превращались из сторонних наблюдателей в невольных участников событий. Шествие со знаменами и транспарантами направлялось к братским могилам, где оратор «оттенял деятельность борцов, погибших за дело революции» [5]. К часу дня наиболее торжественная официальная часть праздника заканчивалась. До 16 часов объявлялся обеденный перерыв, который использовался для «раздачи подарков, карнавалов, шествий, карнавалов поездов и посещения детьми биографов» [8]. В это же время проходили торжественные заседания исполкомов, горсоветов, парткомов и других властных структур.

В 16 часов начинались всеобщие гулянья. Для развлечения публики к различным частям города прикреплялись специально созданные разъездные группы артистов, оркестры, передвижные кино. Необходимо заметить, что и эта часть праздничных

торжеств, лишенная официального пафоса и наиболее привлекательная для массы населения, была тщательно продумана. Организацией разъездных групп занимался политпросвет, репертуар артистов тщательно просматривался цензурными органами, которые с особой внимательностью следили за тем, чтобы праздничное веселье не превратилось в пустой «балаган», не стало источником идеологически чуждых настроений. Так что с передвижных эстрадных площадок неслись «советские частушки», в яркой сатирической форме высмеивающие общественные недостатки, разыгрывались шуточные политические баталии «хорошего» рабочего с карикатурными буржуа, нэпманами и т. д., что поддерживало враждебные чувства и пренебрежительное отношение к бывшим и новым предпринимателям, невзирая на то, что во многом за счет последних восстанавливалась разрушенная экономика.

Праздничный день завершался вечерним шествием с факелами, после чего жизнь входила в обычный рабочий ритм. Подогретое активной пропагандой, задобренное подарками и почестями, подгоняемое директивами и постановлениями трудящееся население стремилось отметить очередную годовщину своей власти новыми достижениями.

Таким образом, видно, что основным смыслообразующим фактором появления в Советской России нового государственного праздника стало реальное политическое событие, связанное с захватом власти большевиками в октябре 1917 года. Благодаря интенсивной агитационно-пропагандистской работе партийных органов в общественное сознание было внедрено представление о нем как о явлении особой важности.

Реализация на практике многообразных психологических механизмов и художественных приемов позволила перевести это событие «из мира повседневности в мир интенсивных эмоций», сопричастующих праздничной культуре [1, с. 120].

Событие, ставшее символическим, на протяжении всего советского периода выполняло важнейшие функции, связанные с интеграцией и коммуникацией членов общества на базе единой идеологии и духовно-нравственных ценностей, а также способствовало укреплению государственных основ.

Библиографический список

1. Брыжак О.В. Праздничная культура: функциональный анализ // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 197. – Т. 2. – С. 118–121.
2. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. – М.: Прогресс, 1985. – 335 с.
3. ЦДНИКК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 4.
4. ЦДНИКК. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 505. – Л. 82.
5. ЦДНИКК. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 634. – Л. 60.
6. ЦДНИКК. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 636. – Л. 60.
7. ЦДНИКК. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 819. – Л. 158.
8. ЦДНИКК. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 890. – Л. 25.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВАРИАНТЫ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

В статье исследуются методологические проблемы участия интеллигенции и интеллектуалов в социальных трансформациях нашего времени. Значительное место отводится критическому анализу трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых по обозначенной тематике. Автор изучает проблемы участия российских интеллигентов и европейских интеллектуалов в социально-политических процессах современного мира в контексте вариативной модели их участия в общественной и политической жизни. Выделяются проблемы научной интерпретации данной проблематики в российской науке. Подчеркивается ценность конкретных исследований сравнительно с общими рассуждениями об интеллигенции и интеллектуалах. Автор считает особенно актуальным учитывать культурно-исторические аспекты исследования роли российской интеллигенции и западных интеллектуалов в современном мире.

Ключевые слова: российские интеллигенты, европейские интеллектуалы, современный мир, социальные трансформации, дискуссионные проблемы, варианты научной интерпретации, проблемы методологии.

Изучение истории, деятельности и судьбы российской интеллигенции – тема огромная, дискуссионная, очень сложная для интерпретации. Несомненно, не менее сложна для исследований и проблематика западных интеллектуалов. Зачастую для интересующихся этими сюжетами читателей полноценные научные изыскания оказываются заслоненными громкими публицистическими упражнениями дилетантов, которые не имеют никакой научной состоятельности.

Обращает на себя внимание и нечеткость терминологии в изысканиях по данной проблематике. Для многих непонятно то, насколько соотносятся два основных термина в такого рода исследованиях – «интеллигенты» и «интеллектуалы». Тут обязательно возникает вопрос: являются ли они синонимами, близкими понятиями или, может быть, исключают друг друга? Сразу отметим, что среди исследователей существуют совершенно разные представления на этот счет. Одни считают термины «интеллигент» и «интеллектуал» близкими по содержанию, другие полагают, что правильным является только понятие «интеллигенция», а третьи предпочитают термин «интеллектуал» (воспринимая интеллигенцию как незрелое и недоразвитое социальное образование). На наш взгляд, вполне уместно употребление обоих терминов – при том понимании, что они отражают разные явления. В этом смысле мы вполне согласны с А.В. Репниковым, который подчеркивает: «разграничение российских интеллигентов и европейских интеллигентов необходимо» [9, с. 132]. А также и с другим его наблюдением: когда исследователи смешивают понятия «интеллигенция», «интеллектуалы», «интеллектуальные круги», «интеллектуальная жизнь», то в этом проявляется приверженность

(«уважение», по словам самого А.В. Репникова) к установившимся в нашей науке приоритетам и негласным правилам [9, с. 132].

Однако, как нам представляется, уважение к таким стереотипам и негласным правилам мало что дает в научном поиске, в том числе и в изучении интеллигенции и интеллектуалов. Причиной тому является сложность и неоднозначность данной тематики, в изучении которой, говоря словами известного итальянского руриста Витторио Страды, «возникают многочисленные вопросы, на которые нет простых ответов...» [12, с. 29].

Тщательное научное изучение интеллигенции и интеллектуалов, а также необходимое методологическое разграничение этих феноменов встречает серьезные трудности и проблемы. В данном контексте уместно вспомнить соображения британского ученого Лоренса Уайтхеда: «Если сбор данных и проверка гипотез может показаться простым и не хлопотным занятием в стабильных и безопасных политических системах, те же самые операции становятся **сомнительными и двусмысленными** (выделено нами. – С. У.), когда они проводятся в неустойчивых и раздираемых конфликтами государствах» [13, с. 349]. Поскольку же в современном мире стабильность и безопасность являются чем-то уходящим из реальной действительности, а интеллигенция и интеллектуалы это ощущают, как правило, куда рельефнее, чем массы обывателей, подобное уже довольно давнее наблюдение британского исследователя представляется нам весьма актуальным.

Впрочем, мы не хотели бы отказываться от поисков плодотворных методологических основ в научной интерпретации проблем интеллигенции и интеллектуалов. В этой связи нам представляются весьма полезными те контуры социологии

* Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации. № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность».

интеллигенции, которые предложил еще в 70-е гг. XX в. польско-американский ученый Александр Гелла. По его мнению, интеллектуалы нужны для любого общества, в то время как интеллигенция появляется лишь в период индустриализации феодальных обществ. Причем интеллектуалы не становятся отдельной «социальной стратой», а вот интеллигенция с самого начала появляется именно как отдельная «страта» [22, с. 22]. Хотя в этих соображениях польско-американский исследователь перемешал научную терминологию XIX–XX столетий (так что получился какой-то гибрид концепций марксизма и теории модернизации), главное в его анализе выделено очень четко: интеллигенция есть продукт модернизации традиционных обществ.

Надо отметить, что в западной науке есть более тенденциозная версия этой концепции, весьма привлекательная для многих ученых. Может быть, наиболее ясно ее выразил французский исследователь Р. Филиппо, согласно соображениям которого интеллигенция (в частности, русская) в своей обособленности – это эффект «незавершенной модернизации» [23, с. 74]. Подобные же аргументы, пусть в не столь резкой форме, излагали И. Валлерстайн, А. Валицкий, Ч. Тимберлейк и многие другие [1; 2; 21].

Однако стоит отдать должное соображениям Александра Геллы. В них нет тенденции к нормативистскому возвышению западного интеллектуала (как представителя «передового», едва ли не идеального общества) над «периферийным» интеллигентом (в качестве выразителя отсталости и уродств недостаточно модернизированного общества). Напротив, Гелла предчувствует появление «мировой интеллигенции», которая будет сплочена «общей культурой» и ориентироваться на «универсальные цели» [22, с. 27].

Очевидно, здесь польско-американский исследователь использует другой основополагающий подход в изучении интеллигенции и интеллектуалов – культурологический. Согласно этому научному воззрению, не только будущая «мировая интеллигенция», но и нынешняя, и прежние ее генерации – это прежде всего «круг людей культуры», разделяющий общие ценности, нормы и традиции культуры [5, с. 254]. Этот ценностный фундамент самосознания и мировоззрения интеллигенции чрезвычайно важен в ее самоопределении, что отнюдь не противоречит не только основам «социологии интеллигенции», но и самой теории модернизации, из которой такая социология выводится.

Дело в том, что, как отмечал известный французский ученый Ален Турен, процесс модернизации представляет собой не просто какое-то внеличное рациональное изменение существующего порядка вещей, а сознательное саморазвитие общества [24, с. 452]. А значит, интеллигенция неиз-

бежно является одним из активных агентов такого саморазвития.

Итак, и «социология интеллигенции», и «культурология интеллигенции» определенно разграничивают интеллигентов и интеллектуалов и по положению в обществе, и по ценностным ориентирам, и по своему назначению. В этом контексте актуально применение и других научных методов: структурно-функционального анализа, использование методик из арсенала этнометодологии, просопографического метода, наконец – включение деятельностного принципа в анализ ученых-интеллигентоведов и «интеллектуаловедов» (оба термина крайне тяжеловесные. – С. У.).

Напомним, что необходимость применять деятельностный принцип в изучении интеллигенции особенно подчеркивал в своих последних работах известный петербургский ученый В.С. Волков [3, с. 62]. Это своего рода научное завещание маститого исследователя для нас очень значимо. Правда, отстаивая деятельностный принцип, Валерий Степанович со свойственной ему аккуратностью добавлял: «Но он требует дальнейшей теоретической разработки...» [3, с. 62]. Вероятно, тут есть немало вариантов научных изысканий. Как нам представляется, возможно, в частности, научно корректное сочетание тщательно проведенного структурно-функционального анализа (где функциональность действительно выявляется и должным образом оценивается), теоретического моделирования с использованием научного инструментария этнометодологии и основательно поставленного просопографического метода.

Намерение дать научно аргументированное разграничение положения и деятельности российских интеллигентов и европейских интеллектуалов нашло свое выражение в ходе исследования в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющихся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность». Основные теоретические аспекты этого исследования были изложены в нескольких публикациях руководителя данного научного исследования доктора исторических наук, профессора Ивановского государственного университета Василия Львовича Черноперова и автора этих строк [14; 16; 17]. Есть также две англоязычные версии наших изысканий, опубликованные в зарубежных журналах [19; 20]. В них отражены некоторые дополнительные соображения и аргументы. Как отмечал рецензент одного из этих исследований доктор исторических наук, профессор А.В. Репников, В.Л. Черноперов и С.М. Усманов тщательно проанализировали три модели социально-политического самоопределения российской интеллигенции, а затем три со-

вершенно иных модели социально-политического самоопределения европейских (по сути, всех западных) интеллектуалов: «В частности, В.Л. Черноперов и С.М. Усманов отмечают, что внутри российской интеллигенции постоянно воспроизводится разделение на “своих” и “чужих”. В то время как западные интеллектуалы в своем поведении проявляют себя либо как конформисты, либо как нонконформисты» [9, с. 132].

На наши изыскания отреагировал и другой московский исследователь – доктор исторических наук, профессор А.Б. Оришев. Как видно из написанной им рецензии, А.Б. Оришева волнуют прежде всего судьбы российской интеллигенции, а траектории развития западных интеллектуалов интересуют его гораздо меньше. Поэтому он одобряет представленные нами совместно с В.Л. Черноперовым и другими авторами коллективного исследования соображения об основах участия отечественных интеллигентов в нынешних и будущих программах развития российского общества: «Подобный подход не может не вызывать одобрения, поскольку ощущается острый недостаток в действительно продуманных, осуществимых и конструктивных проектах преобразований нашей действительности, рассчитанных на длительную перспективу» [7, с. 508]. Впрочем, соглашаясь в целом с предложенной нами концепцией, А.Б. Оришев делает существенные замечания принципиального характера: «Прежде всего, стоит пожелать исследователям не просто откликаться на многие новые и новейшие разработки западных ученых, но и конструктивно с ними полемизировать, отстаивать, так сказать, интересы нашей, отечественной науки. Кроме того, некоторые новаторские соображения авторов заслуживали более развернутой аргументации» [7, с. 509].

Однако как именно углублять такие «новаторские соображения» и, вообще, как концептуально совершенствовать изучение проблем интеллигенции и интеллектуалов – это вопрос, требующий основательного осмысления и дальнейших обсуждений.

Рассмотрим сначала, может ли дать необходимое нам углубление анализа «социология интеллигенции», точнее – ее дальнейшее развитие. Здесь нельзя пройти мимо уже упомянутой нами концепции происхождения и развития интеллигенции, основанной на теории модернизации. Наиболее жесткая ее версия представляет интеллигенцию как продукт незавершенной или деформированной модернизации, в ходе которой появляются не обычные для Европы (и всего Запада) интеллектуалы современного мира (*modern society*), а именно **интеллигенция**, с присущими ей внутренними противоречиями и комплексами общественного сознания. Поэтому она ориентируется на чужие примеры и образцы, а значит, почти обязательно

вестернизирована [21; 23]. Интеллигенция также неизбежно противостоит власти, ведь она не может по-настоящему интегрироваться в переходном обществе (данную черту, может быть, лучше и ярче других в сравнении с западными интеллектуалами показал Умберто Эко [18]). В этом смысле социальное бытие интеллигенции изначально некомфортно: недаром же горьковский Буревестник «просит бури».

Но, пожалуй, самая существенная черта интеллигенции, отличающая ее от западных интеллектуалов, в таком понимании – недостаточная интеллектуальность интеллигенции, ее склонность к морализаторству и эмоциональным всплескам. Короче говоря, подобный взгляд на интеллигенцию можно описать с помощью весьма меткого образа, найденного Александром Кустаревым: «нервные люди» [6].

В целом такая «социология интеллигенции» выглядит весьма внушительно. Тем не менее в данной ее версии явственно ощущается нормативизм, приводящий к некоторому окарикатуриванию сущности и деятельности интеллигенции. Особенно много подобного рода карикатур было написано на русскую и современную российскую интеллигенцию.

Думается, все-таки вполне возможно применение и других социологических методов в изучении интеллигенции и интеллектуалов. Скажем, деятельностный подход (пусть он и не относится целиком к сфере социологии) действительно позволяет открыть много новых аспектов в научном анализе места и роли интеллигенции и интеллектуалов в прошлом и настоящем. Именно применение деятельностного подхода позволило нам совместно с В. Л. Черноперовым выявить различия в моделях участия российской интеллигенции и европейских интеллектуалов в общественно-политической деятельности, а в конечном счете, и обусловленность этих различий: на Западе существующая система так или иначе еще сохраняет стабильность, в России же этого нет [16; 17].

Тем не менее инструменты социологического анализа оказываются недостаточными для многомерной интерпретации интересующей нас научной проблемы. В частности, они еще позволяют истолковать причины разделения западных интеллектуалов на конформистов и нонконформистов. Здесь основной критерий разделения, а именно отношение к существующей системе, поддается анализу методами социологической науки. Конформисты ее приемлют, нонконформисты так или иначе ее не одобряют.

Однако «социология интеллигенции», как нам представляется, не позволяет надежно классифицировать расхождения внутри российской интеллигенции на «своих» и «чужих». В данном случае нам приходилось обращаться уже к культурологическому анализу Ю.М. Лотмана (определявшие

му российских интеллигентов как испорченных «своих» и неправильных «чужих») [17, с. 26]. Хотя в исследованиях В.Л. Черноперова это разделение на «своих» и «чужих» среди советских интеллигентов вполне последовательно проводилось на основе деятельностного подхода [15].

И все-таки разделение на «чужих» и «своих» может быть достаточно интерпретировано лишь с использованием методов «культурологии интеллигенции». Ведь споры и противоречия раздирали русскую и советскую интеллигенцию не только ввиду разного отношения интеллигентов к существующей власти, что, конечно, было для них очень существенным элементом их мировосприятия. Но были и «раскол в нигилистах» в 60-е гг. XIX в. (при том, что разошедшиеся между собой группы интеллигентов определенно выступали против российского самодержавия), и ожесточенные споры в русской эмиграции 20–30-х гг. XX столетия (бывшей противником советской власти), и многочисленные разделения на течения и группы советской интеллигенции 60-х гг. XX в. (в той или иной степени старавшейся освободиться от опеки советских партийных и государственных органов). В этих и других случаях сплошь и рядом оказывалось, что «чужие» «не понимают», «не слышат» тех ключевых аксиом, которые были бесспорны для «своих».

Очевидно, что здесь главными оказывались культурные и духовные предпочтения тех или иных интеллигентских групп, которые и разводят их в разные стороны при совпадении или близости политических и социальных ориентиров.

Стоит принять во внимание, что и для западных интеллектуалов культурные и духовные ценности, как правило, имеют немаловажное значение. Особенно для нонконформистов. В самом деле, почему одни западные интеллектуалы принимают существующие «правила игры», а другие не хотят этого делать? Так, российский культуролог Г.С. Померанц подчеркивал влияние кризисных ситуаций в развитии западной культуры, что как раз и выводило часть европейских и американских интеллектуалов из их обычного спокойного комфортного существования [8].

В любом случае нам представляется, что необходимо усилить внимание именно к культурологическим аспектам анализа самосознания и деятельности как российской интеллигенции, так и западных интеллектуалов. Думается, именно в рамках такого рода изысканий возможно получение новых, весьма обещающих научных результатов.

В российской науке нередко высказываются не слишком одобрительные, а то и откровенно насмешливые суждения об исследованиях деятельности интеллигентов и интеллектуалов. Так, уже упоминавшийся нами Александр Кустарев иронически отзывался о конференциях интеллигентове-

дов в Ивановском государственном университете, точнее – о тех участниках этих конференций, которые с большим пафосом обосновывали, так сказать, всемирно-историческую миссию интеллигенции [6]. Такие критические замечания – при всей их тенденциозности – все-таки не являются совершенно беспочвенными, поскольку в интеллигентоведении все еще слишком много общих рассуждений, постановочных выступлений, мало обоснованных обобщений и выводов. Есть также желающие пооригинальничать, создав какую-либо теоретическую схему, что называется, «с нуля», не очень-то считаясь с имеющимся научным опытом. К числу подобных разработок, вероятно, относится объемный труд петербургского библиографа А.В. Соколова, построенный на разграничении интеллектуальности и «интеллектности» [11].

Нам же представляется, что в изысканиях по тематике интеллигенции и интеллектуалов куда более нужными сейчас являются конкретные исследования, которые нередко корректируют внушительные теоретические конструкции и абстрактные типологии. Удачным образцом такого исследования, вносящего и полезные методологические уточнения, является, на наш взгляд, работа Н.А. Дмитриевой и Е.С. Чичина о концептуальных размышлениях Антонио Грамши в его «Тюремных тетрадах». Как известно, в русских переводах трудов Грамши не использовался авторский термин «интеллектуалы», а всегда применялось слово «интеллигенция». Но ведь сам итальянский мыслитель писал именно об интеллектуалах. Как показывают Н.А. Дмитриева и Е.С. Чичин, все-таки А. Грамши в определенном контексте размышлял и об интеллигенции, не используя, правда, для ее обозначения какого-то единого термина [4, с. 42].

Другой вопрос – насколько данные содержательные изыскания петербургских ученых будут приняты во внимание и учтены отечественными интеллигентоведами. Пока что в работах российских исследователей очень не хватает конструктивной критики разработок других авторов – как отечественных, так и зарубежных, что зачастую заменяется риторическими упражнениями по избранному предмету. Собственно, в современной России это проблема всех гуманитарных наук, о чем, в частности, весьма саркастически отзывался философ из Новосибирска Н.С. Розов [10, с. 195].

Наконец, стоит особенно подчеркнуть актуальность существенного расширения культурного и цивилизационного контекста исследований траекторий развития и исторических судеб российских интеллигентов и западных интеллектуалов. Пока же приходится признать, что узость культурно-исторических и духовных горизонтов многих российских интеллигентоведов зачастую делает их аналитические попытки недостаточными и концептуально беспомощными. Для того, чтобы

сделать здесь что-то существенное, надо этот вызов для начала хотя бы сформулировать. Только в таком случае можно было бы избавиться от самодовольства достигнутыми объемами научной продукции, создав возможности для новых достижений в научном поиске.

Библиографический список

1. *Валицкий А.* Интеллектуальная традиция до-революционной России // *Общественные науки и современность.* – 1991. – № 1. – С. 145–158.
2. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // *Свободная мысль.* – 1996. – № 5. – С. 30–42.
3. *Волков В.С.* Приближение к универсальности: методологические искания профессора В.С. Меметова // *Интеллигенция и мир.* – 2014. – № 3. – С. 57–64.
4. *Дмитриева Н.А., Чичин Е.С.* Интеллигенция или интеллектуалы? Систематическое значение понятия «gli intellettuali» в философии Антонио Грамши // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.* – 2013. – № 2. – Т. 2. – С. 35–45.
5. *Кондаков И.В.* Интеллигенция // *Культурология, XX век: энциклопедия.* – СПб., 1998. – С. 253–256.
6. *Кустарев А.* Нервные люди. Интеллигенция – новый раунд рефлексии // *Неприкосновенный запас.* – 2006. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ku-4pr.html>.
7. *Оришев А. Б.* Рецензия на коллективную монографию «Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности» // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – № 5. – С. 506–509.
8. *Померанц Г.* Вечное противостояние интеллигенции // *Российская газета.* – 1997. – 7 августа. – С. 3.
9. *Репников А.В.* Между интеллигентами и интеллектуалами // *Интеллигенция и мир.* – 2015. – № 4. – С. 130–136.
10. *Розов Н.С.* (Не)мыслящая Россия: анти-теоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // *Прогнозис.* – 2007. – № 3. – С. 284–303.
11. *Соколов А.В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. – СПб., 2007. – 341 с.
12. *Страда В.* Интеллигенция как зеркало европейской революции // *Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология.* – М., 1999. – С. 28–31.
13. *Уайтхед Л.* Сравнительная политология: исследования по демократизации // *Политическая наука: новые направления.* – М., 1999. – С. 345–361.
14. *Усманов С.М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // *Интеллигенция и мир.* – 2014. – № 4. – С. 20–32.
15. *Черноперов В.Л.* Противоборство «дипломатов ленинской школы» во время советско-германского конфликта 1924 г. // *Личность. Культура. Общество.* – 2005. – Т. 7. – Вып. 2 (26). – С. 254–274.
16. *Черноперов В.Л., Усманов С.М.* Российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения // *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности.* – Иваново: Ив. гос. ун-т, 2014. – С. 8–28.
17. *Черноперов В.Л., Усманов С.М., Буданова И.А.* Российские интеллигенты и европейские интеллектуалы XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью // *Интеллигенция и мир.* – 2015. – № 4. – С. 9–31.
18. *Эко У.* Быть интеллигентом в России – знак противостояния // *Литературная газета.* – 1998. – 13 мая. – С. 3.
19. *Chernoperov V., Usmanov S.* The Intellectuals in Contemporary Europe: Between Conformism and Non-Conformism // *Applied Economics and Finance.* – 2016. – Vol. 3. – № 4 (November). – P. 1–6.
20. *Chernoperov V., Usmanov S.* Russian Intelligentsia in the Socio-Political Transformations of the XX Century: Between Ideals, Virtuality and Creation Reality // *International Review of Management and Marketing.* – 2016. – № 6 (S 3). – P. 65–70.
21. *Essays on Russian Liberalism / ed. by Ch.E. Timberlake.* – Columbia (Missouri), 1972. – 192 p.
22. *Gella A.* An introduction to the sociology of the intelligentsia // *Intelligentsia and the intellectuals.* – Beverly Hills, 1976. – P. 14–31.
23. *Philippot R.* La modernization inachevée, 1985–1900. – P., 1974. – 223 p.
24. *Touraine A.* Modernity and Cultural Specificities // *International Social Science Journal.* – 1988. – № 118. – P. 443–457.

Яценко Мария Вадимовна
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
yatsenm@mail.ru, toma345@yandex.ru

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ПОЭМА «ДАНИИЛ» В КОНТЕКСТЕ КОДЕКСА ЮНИУСА*

Статья посвящена специфике организации наиболее целостной древнеанглийской поэтической рукописи – Кодекс Юниуса. Объединение в кодексе поэм на ветхозаветные («Бытие», «Исход» и «Даниил») и новозаветные («Христос и сатана») темы означало не только их внутреннюю общность, но и различия. Объединяет все поэмы кодекса использование смешанных источников. Среди специфических черт рукописи в статье выявляется ориентация авторов поэм на церковную гимнографию: соположение поэмы на сюжет книги Исхода и книги пророка Даниила объясняется связью Песни Моисея и Песни трех отроков в богослужебной последовательности. Специфика художественного мира поэм во многом определяет особенности представления в них песнопений. Значительное отличие песни Моисея в «Исходе» от библейского источника определяется героическим характером текста. В «Данииле» же Песнь трех отроков и песнь Азарии представляют почти дословное воспроизведение латинских текстов. Сама коммуникативная ситуация в обеих поэмах схожа с ситуацией богослужения или театрального действия. Значительно выделяет поэму «Даниил» из всего кодекса и особый способ представления нравственного идеала, который не совпадает с идеалом героического мира. С этим связано включение в текст «Даниила» комментариев пороков и разъяснение причин поведения героев, многочисленные нравственные оценки.

Ключевые слова: древнеанглийская поэма «Даниил», Кодекс Юниуса, библейские парафразы, гимнография, Песнь трех отроков, древнеанглийская поэма «Исход», героический эпос, библейский эпос.

Древнеанглийская поэма «Даниил» была записана в самом начале XI века вместе с поэмами «Бытие», «Исход» и «Христос и сатана» в одной рукописи, позже названной по имени своего первого издателя Франциска Юниуса – Кодекс Юниуса. Эта рукопись обладает не только завидной сохранностью, но и целостностью содержания: она построена вокруг тем и сюжетов Священного Писания. Остальные три кодекса, в которых дошли до нас древнеанглийские поэтические памятники, обычно воспринимаются как случайные собрания текстов, совершенно различных по наполнению. Так, Кодекс «Беовульфа» (или Codex Vitellius), помимо этой крупной эпической поэмы, содержит ряд прозаических текстов, а также переложение библейского сюжета о Юдифи. В Верчелльской книге (Vercelli) объединены как прозаические проповеди, так и поэтические рассказы об апостолах. Эксетерская книга (Exeter Book) содержит множество текстов «малых жанров» (в том числе загадки), а также ряд поэтических житий святых и поэм на новозаветные темы.

Кодекс Юниуса (Codex Junius XI) выделяется из этого сравнительно небольшого ряда как единством излагаемого материала, так и вполне осознанной композицией, в основе которой лежит стремление создать своеобразный свод библейской истории, охватывающий Ветхий и Новый Заветы. Эти особенности данной рукописи позволяют рассматривать ее составные части в сравнении друг с другом. Сравнение это предполагает не только выявление индивидуальных и общих черт, характерных для каждого текста, но и осмысление принципа их «работы» в составе нарративного един-

ства, которое представляет собой рукопись. Поэмы кодекса значительно отличаются друг от друга, что дает ученым возможность предполагать, что они принадлежат разным авторам [9], поскольку все четыре текста как бы дополняют друг друга.

Кодекс Юниуса – это рукопись крупного формата, с достаточно широкими полями. Большая ее часть (поэмы «Бытие», «Исход» и «Даниил») записана одной рукой. Иллюстрации содержатся в первой части (поэма «Бытие»), на протяжении остальной части рукописи оставлены места для иллюстраций. Текст разбит на главы, большая часть которых отмечена сквозной латинской нумерацией. Ни одна из поэм не названа. Заглавия поэм «Бытие», «Исход» и «Даниил» даны современными издателями в соответствии с книгами Библии, из которых почерпнуты их сюжеты. Однако все указанные поэмы не ограничены только одним библейским источником. В поэме «Бытие», кроме истории сотворения мира и человека, а также жизни ветхозаветных праотцев вплоть до Авраама и Лота, достаточно большая часть посвящена сотворению ангельского мира и отпадению сатаны. Эти сведения взяты не только из книги Бытия, но и из других книг Библии, а также из святоотеческой литературы. Поэма «Исход», помимо основного сюжета (бегство израильтян из Египта и переход через Красное море), содержит большой фрагмент, соотносимый с книгой Бытия, в котором кратко излагаются истории Ноя и Авраама. В начале поэмы «Даниил» автор повествует о жизни евреев после бегства из Египта, воспроизводя содержание, главным образом, 1-й и 2-й книги Царств. Последняя же поэма кодекса («Христос и сатана») построена

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-04-50082 а(ф).

большей частью на апокрифическом материале «Евангелия от Никодима», лишь заключительная часть поэмы излагает сюжет об искушении Христа в пустыне, известный из канонических Евангелий. Таким образом, хотя все поэмы кодекса и соотносимы с библейскими текстами, принцип следования единственному библейскому источнику не соблюдается ни в одной из них.

Не менее важным общим моментом для всех поэм Кодекса Юниуса является уникальность композиции. Ни одна из них не только не воспроизводит в точности библейский оригинал, но и не заимствует композиционную структуру какой-либо латинской поэмы-переложения Библии. Как правило, заимствование из таких текстов происходит на уровне отдельных образов¹. Исключение представляет собой часть поэмы «Бытие», которую традиционно называют «Genesis B» и которая является почти дословным переводом с саксонского оригинала (поэмы с одноименным названием). Древнеанглийский поэт делает этот перевод частью своей поэмы, особым образом встраивает его в текст. Таким образом, композиционное решение поэм Кодекса Юниуса уникально.

Что же определяет специфику поэмы «Даниил» в контексте Кодекса Юниуса? Исследователи выделяют здесь прежде всего стилистические особенности. Наиболее заметная из них – это «нейтральность», или «прозрачность», стиля [8]. Рядом с поэмой «Исход», перенасыщенной яркими, подчас фантастическими образами, «Даниил» выглядит как сухое изложение фактов, простое описание действий. Даже фрагмент, повествующий о чудесном спасении отроков в огненной печи, содержит лишь один запоминающийся образ летнего дождя или росы. Простота повествовательной манеры проявляется и в очевидном стремлении к последовательному изложению книги пророка Даниила. Причем, избрав этот принцип, автор ограничивается по большей части событиями 1–5 глав этой библейской книги, «оставляя за скобками» своего рассказа ряд знаменитых сюжетов. Среди них история Сусанны, пребывания Даниила во рве со львами, а также и пророческая часть книги.

Другая уникальная для «Даниила» черта относится к метрике. В основной части поэмы в большом количестве содержатся так называемые «гиперметрические» строки, то есть строки, которые не вписываются в традиционную парадигму метрических моделей древнеанглийской поэзии [8]. Такого типа строк совсем нет в той части «Даниила», которая содержит переложение песнопений. В поэме есть две песни: песнь (или молитва) Азарии и Песнь трех отроков, разделенные в тексте незначительным поясняющим фрагментом. Они представляют собой как бы единое целое, которое иногда издают отдельно от всей поэмы под названием «Daniel B» [12, p. 338–349]. Уникальность это-

го фрагмента состоит не только в его метрической «выверенности», но уже в самом факте включения в повествовательную поэму двух текстов церковной гимнографии. Исидор Севильский пишет, что Песнь трех отроков употреблялась три раза в ходе суточного богослужения. Песнь эта относится исследователями к текстам, которые вошли в христианское богослужение, вероятно, еще в апостольские времена [1, с. 56–66]. Использование ее в гимнографии Древней Англии подтверждается тем фактом, что она оговорена в Уставе Св. Бенедикта и засвидетельствована в рукописях богослужбных книг [8]. Богослужение в Древней Англии велось на латинском языке, который был понятен далеко не всем прихожанам. Поэтому естественно, что существовала потребность в переводе церковной службы или ее фрагментов не только для монахов, изучавших латынь, но и для мирян. Логично предположить, что именно такую роль – перевода для мирян – играли и все древнеанглийские переложения Библии. Отчасти это объяснение может способствовать осмыслению возможной сферы использования текстов библейских переложений². Помещение песнопений в состав поэмы «Даниил» обеспечивало принципиально иной, отличный от литургического, контекст, поскольку не только переводился сам текст песнопения, но оно осмысливалось в Священной истории. Можно предположить, что и вся поэма «Даниил» создавалась как своеобразное «обрамление» для двух центральных в композиции песнопений.

Песнопения за счет своей устойчивой связи с богослужебным циклом изменяли сам характер художественного времени нарративной поэмы. Безусловно, любая книга Библии воспринималась в Средние века прежде всего как книга для чтения за богослужением, что автоматически связывало с богослужением и любой перевод или переложение Библии. Однако чтения прозаических фрагментов происходили с меньшей периодичностью, чем пение гимнографических сочинений, в частности Песни трех отроков. Само это песнопение построено вокруг центральной темы – призыва славить Бога, грамматически оформленного как повелительное наклонение и настоящее время (которое использовалось в значении будущего). Песни Азарии и трех отроков в огненной печи как бы обращены к Богу и его творениям постоянно, как и события любого богослужебного песнопения постоянно совершаются в момент их исполнения за литургией. Так, художественное время в «Данииле» перестает быть только временем эпическим.

Тенденция включать в нарративные поэмы песнопения может быть прослежена на протяжении всего Кодекса Юниуса. «Бытие» содержит достаточно много речей, но ни одна из них не названа песнью. В «Исходе» в кульминационный момент перехода через Красное море пророк Моисей про-

износит речь (точнее – песнь *leod*), напоминающую по функции заклинание: он описывает разделение вод Красного моря в момент совершения этого чуда. Песнь эта не имеет практически ничего общего с Песнью Моисея из книги Исхода, содержащей благодарение за чудесное спасение. Большая часть последней поэмы кодекса «Христос и сатана» состоит из песнопений и славословий небесных ангелов и плачей ангелов падших. В «Данииле» роль песни Азарии в повествовании отлична от роли, которую выполняет песнь в поэме «Исход». Чудесное спасение, о котором просит Азария, описывается в поэме и до произнесения им песни, и после. Причем во втором случае об этом событии говорят удивленные зрители: Навуходоносор и его советник. Появление последнего персонажа тем более удивительно, что он не имеет прямого отношения к библейскому тексту. Повторные описания чудесного спасения, на первый взгляд, лишают песнопения в «Данииле» прямой нарративной нагрузки. Поэтому многие исследователи предполагают, что фрагмент с песнопениями («Daniel B») является позднейшей вставкой. При сравнении описания чуда в «Данииле» и в «Исходе» можно выделить не только существенные различия, но и ряд общих моментов. В обоих случаях автор передает нить рассказа своим героям. Причем в «Исходе» Моисей оказывается единственным говорящим свидетелем и соучастником чуда, тогда как в «Данииле» каждый из героев описывает происшедшее как бы с новой «точки зрения». Примечательна используемая при этом схожая формула. В «Исходе» Моисей говорит: «Hwæt, ge nu eagam / on lociað, // folca leofost, / færgwundra sum, //» – «Истинно! Вы сейчас очами / [своими] видите (увидите), // народ возлюбленный, / чудо невиданное, //» (Ex 277–278³). А в «Данииле» – советник царя: «Fæt is wundra sum // fæt we ðæg eagam / on lociað //» – «Это чудо дивное, // что мы там очами / видим» (Dan 417–418⁴). Очевидно, что в обоих случаях автор показывает происходящее как театральное действие⁵. Только в «Исходе» у этого действия есть один говорящий зритель (и соучастник – Моисей), а в «Данииле» зрителей больше. Возможно, это отражает ассоциацию песнопения с богослужением, в котором участвует не один человек, а все вместе.

Появление песнопений в поэмах «Даниил» и «Исход» может до некоторой степени объяснить и причину включения в Кодекс Юниуса самого сюжета из книги пророка Даниила, далеко отстоящего от сюжетов Пятикнижия Моисея. Помещение поэмы «Даниил» в ряд с поэмами на сюжеты из книг Бытия и Исхода уникально для Кодекса Юниуса. Подобной последовательности мы не встретим ни в списках ветхозаветных книг, дошедших до нас из Древней Англии, ни в латинских сводах библейских переложений. Одним (если не единственным) основанием для соположения сюжетов

книги пророка Даниила и книги Исход является их связь в гимнографии: Песнь Моисея из книги Исход и Песнь трех отроков входят в канон и в состав ветхозаветных паремий, читаемых на богослужении Великой субботы. Этот фрагмент богослужбного года был особенно примечателен, поскольку в древней Церкви именно в это время, в преддверии Пасхи, совершалось таинство крещения⁶. Кроме того, Песнь Моисея и Песнь трех отроков следовали друг за другом в древнейших сборниках антифонов⁷. Примечательно при этом, что песнопение в поэме «Исход» не является переложением ветхозаветной Песни пророка Моисея. Возможно, что сближению сюжетов «Исхода» и «Даниила» способствовали не сами песнопения, но ассоциации, связывающие их в богослужбной последовательности. Характер же песнопений в двух поэмах был обусловлен индивидуальным стилем каждого текста. «Исход» близок героической традиции, это рассказ о чудесной воинской победе. «Даниил» же значительно от него отличается.

«Даниил» может быть осмыслен как продолжение «исторического» изложения Священной истории, начатого в «Бытии» и «Исходе». Такому восприятию этого текста способствует его первая глава, содержащая краткое изложение истории израильского народа после вхождения в Землю Обетованную и до вавилонского плена. Не менее важным, чем историческая точность рассказа, в этой поэме оказывается и нравственный идеал, что обусловлено самой фабулой. В центре поэмы – противостояние гордого царя и трех отроков, а также царя и пророка Даниила. Автор существенно сокращает исходный сюжет библейской книги для того, чтобы более последовательно проработать образ царя, правителя, проследить причины его нравственного разложения. Даниил и отроки сохранили в плену у иноверцев веру и верность своему Богу и представляют собой идеал чистоты [4]. Навуходоносор же описан как воплощение гордости [4; 5]. Безусловно, в христианской традиции нравственные смыслы представляют неотъемлемую часть всей Священной истории. Так, история гибели египтян и фараона в Красном море традиционно осмысливается как аллегория гибели греха в водах крещения. Однако нигде в поэме «Исход» прямого указания на это истолкование мы не найдем. В «Исходе» можно без труда обнаружить нравственные ориентиры, очевидные любому христианину, но они представлены принципиально иным образом, в основном через сам сюжет. Осуждение египтян при этом проявлено лишь вскользь во фразе: «Они против Бога восстали» (Hie wið God wunnon! (Ex 515)), причем фраза эта является разъяснением к обозначению самохвальства, похвалы – *gylp*. В поэме «Даниил» как похвала, так и гордость последовательно и постоянно осуждаются. В начале поэмы говорится, что израильтяне утратили помощь Бога, когда «их

охватила гордость / при винопитии» (oðræt hie wlenco anwod/ æt winþege (Dan 17)). Когда в центре внимания оказывается царь, в плен к которому попали израильтяне, – Навуходоносор – отмечается, что он не благодарил Бога за дар, ему переданный, сам же «он по закону не поступал, // но по гордости жил» (No he æ fremede, // ac in oferhygde / æghwæs lifde (Dan 106–107)). Если использованное в «Исходе» обозначение гордости *gylp* (*gilp*) может соотноситься не только с гордыней (*vain glory*), но и со славой (*fame*) и похвалой – важным атрибутом поведения воина перед боем (*boasting*)⁸, то гордость Навуходоносора уже описывается как превознесение (*oferhygde*) себя перед другими людьми. Это слово представляет собой кальку с латинского обозначения гордыни – *superbia* [5]. При истолковании снов царя на первое место выходит не их содержание, но тот факт, что собственные сны Навуходоносора ему не понятны в силу гордости, тщеславия и пьянства. Постоянное акцентирование внимания на нравственных пороках царя и рассказ о преимуществе перед ним Даниила и его друзей делает поэму «Даниил» наиболее «нравоучительной» из всех поэм Кодекса Юниуса.

Часто такого рода нравоучительность входит в противоречие с нравственным идеалом героического мира. Похвала героя перед битвой, как и винопитие, – необходимые атрибуты героического мира, восплаемого в «Беовульфе». В «Данииле» же они последовательно осуждаются, автор постоянно видит в них причину нравственного разложения как израильтян, забывших истинного Бога, так и вавилонского царя. При сравнении «Даниила» с «Бытием» и «Исходом» очевидно, что именно это специфическое восприятие героического идеала значительно отличает поэму от первых двух. В «Исходе» героический идеал во многом совпадает с идеалом христианским [2, с. 141–156]. Преданность воинов-израильтян своему вождю Моисею является и воплощением героического идеала, и примером верности Божественной воле, выразителем которой является пророк. Не менее характерна в этом смысле и первая часть поэмы «Бытие», где отношения Бога и сатаны описываются как отношения вождя и дружинника. Отпадение от вождя воспринимается как поведение, достойное осуждения. В «Данииле» же нравственные ориентиры несколько смещаются по сравнению с героическим идеалом, а потому большая часть поступков героев требует разъяснения, комментариев и оценки с позиций новой религии. Понятно, что появление такого текста с прямыми нравоучениями могло быть возможным в рукописи только после первых двух поэм, где нравственный идеал выражен в самих сюжетах, выстроенных в соответствии с героической системой ценностей.

Нравоучительный характер повествования в «Данииле», очевидно, выбран вполне намерен-

но, о чем косвенно свидетельствует и тот факт, что наиболее «востребованная» в средневековых комментариях часть книги пророка Даниила, а именно пророчества и сны, в поэме не описаны⁹. Пророческая часть библейской книги была наиболее сложной для передачи, поскольку требовала подробного истолкования.

Основу пророчества в библейской книге составляют рассказы о царях и царствах, которые появятся после Вавилона, а также о приходе в мир Спасителя. Популярность этих тем была настолько велика, что христианские авторы даже выстраивали свои комментарии на книгу пророка Даниила в форме видений, несколько изменяя последовательность библейского изложения¹⁰. Возможно, что подобного рода прием использовал и древнеанглийский поэт. Не излагая пророчества Даниила в поэме буквально, он как бы переосмысливает все события поэмы как аналог пророчеств. Каждая глава поэмы последовательно проработана и закончена с точки зрения композиции. Сравнение шести глав, составляющих поэму «Даниил», с другими аналогичными делениями во всей рукописи показывает законченность каждой из них. Связь содержания «Даниила» с пророчествами особенно очевидна в последних двух главах: пятой – посвященной концу жизни Навуходоносора, и шестой – рассказывающей о Вальтасаре. Причем описание правления нового царя Вальтасара выдержано в тех же словах и выражениях, в которых до этого описывался и осуждался Навуходоносор: новый царь не назван по имени, но он так же горд, предаётся пьянству и разгулу. Аналогия между двумя правителями в поэме создает до некоторой степени обобщенный образ царя. Интересно, что при описании последних лет жизни Навуходоносора появляется неожиданная, отсутствующая в Библии деталь: сообщается, что он исправился и был взят Богом на небо (Dan 660–670), а его потомкам было даровано процветание. Из такого рода оптимистического финала логично было бы сделать вывод о необходимости послушания Богу для земных царей. Подобная рекомендация лежит и в основе пророчеств книги пророка Даниила. Важнейшая идея пророчеств передается и в восьмой главе поэмы. Рассказ о Вальтасаре обрывается в момент истолкования Даниилом чудесной надписи на стене. Причем «оборванный» финал в данном случае не является следствием порчи рукописи [8]. Он еще раз напоминает о неожиданности смерти и Божьего суда.

Таким образом, «Даниил» в большей степени, чем остальные произведения, входящие в Кодекс Юниуса, может быть назван текстом нравоучительным: он содержит не только изложение сюжета ветхозаветной истории, но и его истолкование в контексте нравственного идеала христианства. Идеал этот в «Данииле» уже не во всем совпадает с идеалом героического мира. В поэме видна новая грань

древнеанглийской поэтической традиции переложения Библии: интерес не только к нарративной, но и нравственной стороне Священной истории.

Примечания

¹ Эта особенность относится прежде всего к поэме «Исход». См. об этом [12].

² О месте и способах использования текстов этих поэм ничего не известно. П. Ремли называет поэмы-переложения Библии «поэзией без контекста» [12, p. 1]

³ Текст поэмы «Исход» приводится по изданию [7] с опущением долгот и указанием номера строки с сокращением Ex (Exodus). Перевод на русский язык автора статьи.

⁴ Текст поэмы «Даниил» приводится по изданию [6] с опущением долгот и указанием номера строки с сокращением Dan (Daniel). Перевод на русский язык автора статьи.

⁵ Связь германского эпоса с протодрамой традиционно рассматривается на примере скандинавской литературы [11].

⁶ О связи с литургией и богослужением Великой Субботы поэмы «Исход» написано достаточно много (обзор этих исследований есть в работе [12, p. 168–230]), «Даниил» же не исследовался в плане сравнения с пасхальным богослужением.

⁷ Подобная последовательность, в частности, встречается в Бангорском Антифонарию – одной из древнейших богослужебных книг Британских островов [10].

⁸ Перевод лексем дается по словарю [3].

⁹ Исключение составляет сон Навуходоносора о его собственном сумасшествии: в поэме приводится как истолкование сна пророком Даниилом, так и история его исполнения.

¹⁰ Так поступил, например, Святой Ипполит Римский в «Толковании на книгу пророка Даниила».

Библиографический список

1. *Василик В.В.* Происхождение канона (богословие, история, поэтика). – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 310 с.

2. *Мельникова Е.А.* Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. – М.: Мысль, 1987. – 208 с.

3. *Bosworth J., Toller T. N.* An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth / ed. and enlarged by T.N. Toller. – Oxford, 1882–1898; Neudruck 1964; Supplement 1955. – 753 p.

4. *Bugge J.* Virginité and prophecy in the Old English *Daniel* // *English Studies*. – 2006. – Vol. 87, N 2 (April). – P. 127–147.

5. *Clark G.* The Anglo-Saxons and Superbia: Finding a Word for it // *Old English Philology: Studies in Honour of R.D. Fulk* / ed. L. Niedorf, L. J. Pascaul, T. Sippey. – Cambridge, 2016. – P. 172–189.

6. *Daniel and Azarias* / ed. with Intr., Notes and Glos. by R.T. Farrell. – London, 1974. – 139 p.

7. *Exodus: Old English Exodus* / ed. with Intr., Notes and Glos. by E.B.Jr. Irving. – New Haven, 1953. – 134 p.

8. *Farrell R.T.* Introduction // *Daniel and Azarias* / ed. with Intr., Notes and Glos. by R.T. Farrell. – London, 1974. – P. 1–45.

9. *Krapp G.P.* Introduction // *The Junius Manuscript* / ed. by G.P. Krapp. *Anglo-Saxon Poetic Records I*. – New York, 1931; Repr. 1964. – P. 9–43.

10. *McLoughlin E.* Old English Exodus and the Antiphony of Bangor // *Neuphilologische Mitteilungen*. – 1969. – Vol. 70, N 4. – P. 658–667.

11. *Phillpotts B. S.* The Elder Edda and Ancient Scandinavian Drama. – Cambridge, 1920. – 216 p.

12. *Remley P. G.* Old English Biblical Verse. *Studies in Genesis, Exodus and Daniel*. – Cambridge, 1996. – 476 p.

У ИСТОКОВ ПРЕЦИОЗНОСТИ: ФРАНЦУЗСКАЯ ГАЛАНТНАЯ ТОПОГРАФИЯ 1650-Х ГГ.

В центре исследования оказывается традиция аллегорических карт, получивших широкое распространение во французской аристократической культуре 1650-х гг. преимущественно в салонах «прециозниц» (Мадлены де Сюдери и др.), а также в среде их оппонентов, которые использовали похожие карты для критики взглядов хозяек салонов: «Карта Королевства Прециозниц» Молевриера, «Карта Страны Нежности» М. де Сюдери, «Карта Королевства Любви» Тристана Л'Эрмита, «Карта Страны Легкомыслия» Бюсси-Рабютена, «Аллегорическая новелла» А. де Фюретьера и др. Галантные «карты», будучи изысканным литературным текстом в духе эстетики барокко, выполняли дидактические функции, в доступной и наглядной форме объясняя принципы изысканного светского поведения или высмеивая их. В статье анализируются французские истоки жанра, а также показывается, что французская аллегорическая карта XVII столетия – воплощение магистральной традиции западной культуры и восходит к античности. Высказывается предположение, что взлёт популярности салонного жанра в 1650-е гг. связан с переводом и усвоением греческого литературного памятника – «Картины» Кебета.

Ключевые слова: прециозность, галантность, французская аристократическая культура, аллегория, топография, М. де Сюдери.

Для истории французской культуры XVII века исключительный интерес представляет адресованное савойской герцогине Кристине Французской письмо от 3 апреля 1654 года, написанное Рене-Рено Севинье (René Renaud Sévigné, 1607–1676; дядя знаменитой маркизы де Севинье, получившей известность своей перепиской с дочерью). Рене-Рено рассказывает об аресте кардинала де Реца (известного фрондэра и автора «Мемуаров») и скором приезде в Париж королевы Кристины Шведской, мимоходом сообщая о новой «разновидности» парижских дам: «Есть такой вид (nature) девиц и дам в Париже, коих именуют прециозницами, у них свой собственный жаргон и свои повадки, отличающиеся какой-то прелестной надрывностью; кто-то смастерил им карту для того, чтобы передвигаться в их стране. Мне бы хотелось, чтобы она на какое-то время отвлекла Ваше Королевское Величество от всех горестей, которые доставляет *il nostro briguello*» (имеется в виду кардинал Мазарини) [10, с. 246].

Заметим, Рене-Рено Севинье обращает внимание на особый стиль поведения, а также культивирование в их среде особого «жаргона», который спустя четыре с половиной года в пьесе Мольера «Смешные жеманницы» (то есть «Смешные прециозницы», «Les précieuses ridicules», 1659) будет устами одного из героев-резонеров назван «дьявольским»; там же будут приведены примеры языкового узуса прециозниц вроде «Скорее подай нам наперсника Граций» (перифраз зеркала) [4, с. 37]; «Поскорее вкатите сюда удобства собеседования» (перифраз стульев) [4, с. 39].

Упомянутая Севинье карта – созданная салонным завсегдатаем Молевриером (Maulévrier; биографические сведения о нём крайне скудны; атрибуция карты неокончательная) к апрелю 1654 г. «Карта Королевства Прециозниц». Она циркули-

ровала долгое время в рукописном виде, будучи изданной только в марте 1658 г. в известном сборнике «Очаровательных вещей в прозе, созданных в наше время» Шарля де Серси. Молевриер предлагает читателю аллегорическое путешествие по данной карте: «Мы отправляемся в путешествие по реке “Откровенность” и прибываем в порт “Шёпот”; оттуда проезжаем через “Восхитительная”, через “Божественная” и через “моя Дорогая”, являющимися тремя городами на большой дороге в “Церемонность”, столицу королевства. В одном лье от этого города есть хорошо укрепленный замок, который именуется “Галантностью”. Этот замок крайне величественен, имея многочисленные вотчины в подчинении, такие как “Скрытое терзание”, “Нежные и страстные Чувства” и “Влюбленные привязанности”. Есть рядом две большие равнины “Кокетства”, которые покрыты с одной стороны горами “Манерности”, а с другой горами “Добродетели”. Позади всего находится озеро “Заброшенность”, являющееся окраиной Королевства» [9, с. 322–323].

Не будет преувеличением сказать, что 1654 год стал поистине «золотым периодом» французских галантных аллегорических карт. Гораздо больший успех, нежели рукописная карта Молевриера,нискала «Карта Страны Нежности» («Carte du pays du Tendre»), которую её автор, Мадлена де Сюдери, выпустила в качестве приложения к первому тому своего романа «Клелия. Римская история»; описание путешествий по местностям, обозначенным на данной карте, наличествует в том же первом томе романа. Ж. Таллеман де Рео, известный французский мемуарист XVII в. и близкий друг другой светской дамы и держательницы салона – госпожи де Рамбуи, таким образом описывал обстоятельства создания карты: «Та карта Нежности, которую г-н Шаплен посоветовал присовокупить к «Кле-

лии», была создана м-ль де Скюдери – она сказала как-то Пелиссону, что он ещё недостойн быть включённым в число *нежных друзей*. Я сомневаюсь, что это хорошее выражение» [11, с. 690].

Создание карты по сюжету романа Скюдери связано с разговором, во время которого галантная римлянка Клелия объясняет своим слушателям, «как далеко от Новообретённой Дружбы до Нежности»: «Может статься, вы воображаете, – молвила Клелия, – что путь от Новообретённой Дружбы до Нежности – всего лишь маленькая прогулка; а потому я согласна обещать вам, прежде чем вы на этот путь вступите, снабдить вас картой» [1, с. 119]. При этом Клелия рисует три возможные дороги: до Нежности-на-Склонности, Нежности-на-Уважении и Нежности-на-Благодарности. Путь до первого указанного города самый короткий и на нём нет никаких промежуточных пристанищ. Ко второму городу можно пройти только через Блестящий Ум, Прелестные Стихи, Любезное Послание, Искренность, Сердечность, Честность, Великодушие, Почтительность, Обязательность и Доброту. Третий путь включает в себя множество промежуточных остановок: Предупредительность, Покорность, Услужливость, Усердие, Рвение, Великие Услуги, Чувствительность, Душевное Расположение, Послушание и Постоянство-в-Дружбе. Клелия описывает и «ошибочные» пути; так, если из пункта Блестящий Ум свернуть к Небрежности, то дорога приведёт к озеру Равнодушия через Изменчивость Настроения, Душевную Вялость, Непостоянство и Забвение. Есть и другие ложные пути – если от Новообретённой Дружбы пойти влево через Нескромность, Коварство, Гордыню, Злословие и Озлобленность, то можно прийти к морю Враждебности. В стране Нежность протекает река Душевной Склонности, которая впадает в Опасное море, за ним уже находятся Неведомые Земли. Заметим, ни на карте Клелии, ни в описании аллегорического путешествия по карте в романе Мадлены де Скюдери мы не находим ни одного «прециозного» топонима, то есть она не использует слова «прециозный» и его производные.

На волне моды свою «Карту Королевства Любви» («*Carte du Royaume d'Amour*») создал и поэт Тристан Л'Эрмит; в ней есть лишь одно упоминание о прециозницах – «Море Прециозниц» («*La mer des Précieuses*»), которое оказывается северо-восточной границей Страны Любви. Карта была опубликована в том же сборнике Серси, что и «Карта Страны Прециозниц» аббата Молевьеря.

Очевидно, ещё летом 1654 г. кузен маркизы де Севинье, известный вольнодумец Роже Бюсси-Рабютен, начал составлять «Карту Страны Легкомыслия» («*Carte du pays de Braquerie*»), которая была опубликована позднее под названием «Географическая карта двора» («*La carte géographique de la cour*»). Известно, что Бюсси сопровождал прин-

ца Конти во время каталонской кампании 1654 г., когда принц забавлялся рисованием аллегорической карты; впоследствии он, вероятно, передал Бюсси свои наброски. Целью произведения является описание наиболее известных дам, а также аллегорическое «кодирование» информации об их любовных похождениях. Произведение принца де Конти и Бюсси-Рабютена вписывается в традицию «романов с ключом» – повествований, в которых иносказательно рассказывалось о реальных действующих лицах, преимущественно об их любовных приключениях. В частности, Жеден Таллеман де Рео ссылается на анонимную (приписываемую принцессе де Конти) «Историю любовных проказ Алькандра» (то есть Генриха IV), распространяющуюся в рукописном виде в 1640-е гг. и изданную в 1651 или 1562 г. Таллеман де Рео указывает, что «ключ» (то есть список соответствия романских героев и их реальных прототипов) к рукописи «Любовных проказ» у него имеется [5, с. 7].

На «Карте» Бюсси имена дам совпадают с названиями географических объектов, обыкновенно городов, при этом краткие описания происходивших в этих местностях событий или особенности правления в городе отсылают читателя к любовным приключениям, например, как в случае с городами Помрэй и Ледигьер: «В полумиле оттуда (города Юксель. – *А. Г.*) – город Помрэй: его когда-то прославило пребывание одного из князей Церкви. В то время там находилась епархия, но, так как епископ был недоволен условиями своего проживания, епископскую кафедру перенесли в Ледигьер... стены его неприступны, и взять его можно, лишь действуя с осторожностью. Тем не менее, как все знают, он был взят и разорён» [1, с. 114]. Некоторые описания оказываются достаточно грубыми и весьма в бурлескном стиле представляют репутацию женщины, чьим именем названы, как в случае со стоящим на берегу реки Похоть городом Гримо (маркиза Гримо Мари де Ла Бом де Монревель): «Неподалеку, в краю Гримодан, у подножия гор, приютился Гримо. Город очень грязен по причине потоков, низвергающихся здесь отовсюду в Похоть. Это делает реку в указанном месте до такой степени мутной, что трудно поверить, будто это та же река, что и в двух лье оттуда. Посреди города она прячется под землю при помощи обширного водостока, устроенного природой и называемого в просторечии дыркой Гримо. Река выходит на поверхность только в двух лье ниже по течению, то есть в том месте, где впадает в Жеманницу (Précieuse)» [1, с. 117].

В Стране Ветрениц у Бюсси текут несколько рек, «истоки всех таятся в краю Рогоносцев»; главные из них – Похоть и Кокетство; река Прециозность (*la rivière Précieuse*) не слишком полноводна, и её берега не особенно заселены. На карте фигурируют четыре города, расположившиеся

по её течению. Во-первых, *Монтозье* («большой город, который не очень красив, но опрятен. Посреди него протекает река Жеманность, известная всем и каждому; вода в ней чиста и прозрачна. В мире нет другого места, где земля была бы так хорошо возделана»). Следующий населённый пункт – *Олонн* («Он весьма ценим за красоту своих зданий... Там бывает много проезжих; стол всегда накрыт для всех желающих. В благодарность за гостеприимство нужно хорошо поусердствовать либо оплатить ночлег»), затем *Гиз* («довольно большой город; там есть прекрасные старинные здания»), *Лонгвиль* (который «стоит на той же реке, что и Гиз»). Еще два города отстоят от реки «на 4 лье» – *Шатийон* («город большой и красивый, если смотреть на него извне, но внутри устроенный плохо») и *Лавернь* («город большой, весьма милый и столь набожный, что одно время в нём находился архиепископ»). Таким образом, если верить Бюсси, то летом 1654 г. к «прециозницам» в парижском свете приписывали шесть дам – Жюли д'Анженн (дочь маркизы де Рамбуе; в замужестве маркиза де Монтозье), г-жу д'Олонн, г-жу де Гиз, г-жу де Лонгвиль, г-жу де Шатийон и г-жу де Лавернь (будущую г-жу де Лафайет и автора известного и важнейшего для истории французской словесности романа «Принцесса Клевская»). Кого из них имел в виду Рене-Рено Севинье в своём написанном за три – четыре месяца до этого письме, мы, вероятно, уже не узнаем.

В конце того же 1654 года мы оказываемся свидетелями появления ещё одной аллегорической карты, приведённой в труде «История [нашего] времени, или Реляция о королевстве Кокетства: Отрывки из последнего путешествия голландцев в Индию из Леванта» (*Histoire du temps ou Relation du royaume de Coquetterie. Extrait du dernier voyage des Hollandais aux Indes du Levant. Paris: Marin Leche, 1655*), созданном аббатом д'Обиньяком к 11 ноября 1654 г. (в этот день была получена Королевская привилегия на печать текста). О существовании «прециозниц» лишь упоминается в самом начале этой весьма пространной аллегории, рассказывающей о сказочном путешествии по острову, управляемому Кокетством, и представляющей собой сатиру на вольные нравы современников и современниц в гораздо более морализаторском ключе, нежели фривольные описания Бюсси. Заметим, что в оригинальной версии труда д'Обиньяка есть только описание пути, но самой карты не содержится, тем не менее почти сразу же после издания произведения появилась анонимная карта по мотивам этого описания, её приводит в своей статье Д. Дени [7, с. 191]. Через пять лет, 10 ноября 1659 г. (за неделю до постановки пьесы Мольера «Смешные жеманницы»), вышла из печати книга того же аббата д'Обиньяка «Письмо Ариста к Клеонту, содержащее апологию Истории времени, или

Защита Королевства Галантности», в этом тексте не упоминаются прециозницы, однако д'Обиньяк резко обличает госпожу де Скюдери в плагиате, утверждая, что её «Карта Нежности» с «четырьмя городами, тремя реками, двумя морями, озером и 30 деревеньками» не идёт ни в какое сравнение с размахом ландшафта Королевства Кокетства, утверждая также своё первенство в галантной топографии: «Кокетство отнюдь не дочка Нежности, оно постарше той будет» [6, с. 23].

Инициированная Обиньяком в начале ноября 1659 г. полемика с госпожой де Скюдери, возможно, спровоцировала новый интерес к романам Мадлены де Скюдери и повлияла на то, что в мольеровских «Смешных прециозницах» Мадлон (обратим внимание и на переключку имён) обвиняет отца в том, что тот мещанин, используя отсылки именно к романам Скюдери: «О боже! Если бы все думали, как вы, романы кончались бы на первой же странице. Вот было бы восхитительно, если бы Кир сразу женился на Мадане, а Аронс без дальних размышлений обвенчался с Клелией!» [4, с. 34]. Идеальная любовная связь оказывается устроенной, согласно Мадлон, в точности по трафаретам «Карты Нежности» из «Клелии», когда промедление оказывается важнее результата. Като напрямую указывает, что кавалеры не читали романа Мадлены де Скюдери: «Я готова об заклад побиться, что эти неучтивцы никогда не видали карты Страны Нежности, что селения Любовные Послания, Любовные Услуги, Галантные Изъяснения и Стихотворные Красоты – это для них неведомые края» [4, с. 35]. Заметим, Таллеман де Рео отдавал первенство именно госпоже де Скюдери, утверждая, что именно она «внедрила галантность (sic!), ибо все эти карты нежности и портреты исходят из её книг» [11, с. 691]. Карта Клелии, безусловно, идеально вписывается в галантную эстетику *l'art de distance*, при котором мужчина должен получать удовольствие от бесконечного ухаживания за женщиной, а не от обладания ею. Карта Бюсси предстаёт, таким образом, своего рода пародией на традицию изысканно-утончённых карт; в ней внимание сконцентрировано уже скорее на физиологическом, а не на галантно-возвышенном аспекте. В любом случае, примечательным оказывается тот факт, что все карты так или иначе соотносились с прециозными светскими кружками, появление которых было анонсировано в письме Рене-Рено Севинье.

Одна из самых ярких аллегорических карт была представлена в 1658 году Антуаном де Фюретьером в его «Аллегорической новелле», рассказывающей о битве армий двух королевств – Красноречия (во главе с принцессой Риторикой) и Педантства (возглавляемого принцем Галиматьей). Значительная часть текста посвящена описанию войск; так, на стороне Галиматьи сражаются «Намки», «Отсылки», «Гиперболы» (которых в бой ведут разные

авторы), в то время как Риторика слушает советы исключительно своего главного министра – «Здравого смысла». Сражение, описанное весьма красочно и представленное в виде гравированной карты, заканчивается победой Риторики и перемирием, согласно которому разграничиваются земли, на которые простирается власть каждого суверена. Труд Фюретьера, безусловно, вписывается в традицию бурлескных «сражений на Парнасе», популяризованных в культуре Возрождения; заметим, что одно из самых ярких сочинений такой тематики «Известия с Парнаса» («Ragguagli del Parnasso», 1613) Траяно Боккалини была переведена на французский язык Т. де угасом и издана в 1615 году под названием «Advis de Parnasse». Антуан де Фюретьер в своей «Аллегорической новелле, или Истории последних неприятностей, случившихся в Королевстве Красноречия», вышедшей в апреле 1658 с сарказмом обращается к госпоже де Скюдери: «Светлейшая принцесса Риторика мирно правила вот уже много столетий... Её суверенный совет находился в Академии, её столице, и состоял из сорока доверенных баронов королевы, которые сосредоточили в своих руках почти всю власть. Они собирались на совет два раза в неделю для обсуждения государственных дел, и главным образом они трудились над исчислением количества и установлением точной роли жителей этой большой империи, которая на языке этой страны именовалась «Словарём», в который они включали только лишь тех, кто имел право на гражданство, подкрепляемое патентными письмами. Они все были неподкупны в своей комиссии и доходили до шепетильности, да так, что всю компанию стали именовать Точностью, поскольку её члены безжалостно изгоняли варваров и иностранцев. Но всё же иногда случалось, что эмигранты, желая осесть здесь, получали право гражданства по ходатайству какой-нибудь прециозницы, но это было всегда предметом проверки на суде, без решения которого вновь прибывшие не осмеливались показаться на публике» [8, с. 1–2]. Данное выступление Фюретьера оказывается одной из первых саркастических реплик в отношении прециозниц и культивируемых ими лингвистических экспериментов: Фюретьер показывает, что прециозницы оказываются активными реформаторами языка, часто используют иностранные «варварские» слова и пытаются их легитимизировать, и уже именно решение официальной Академии становятся для него истиной в последней инстанции. Мы оказываемся в ситуации, когда Академия ещё не набрала своей мощи, однако уже ощущает себя тем кружком, который находится в более привилегированном положении, нежели остальные.

Безусловно, аллегорическая сюжетная схема, связанная с перемещением (реальным или вымышленным) по некой картине, схеме, нарисованному пейзажу, весьма древняя. Она может быть

прочитана как одна из манифестаций описанного Ф. Йейтс «искусства памяти» [2, с. 6–165], восходящего к Античности и связанного с расположением на вымышленной или реальной карте объектов (локусов), которые упорядочиваются и таким образом консервируются в памяти. Кроме этого, так же традиционно со времен Античности рассказ о символическом перемещении по манускрипту или картине оказывается элементом экзегезы и морализаторского дискурса; архетипом такого рода текстов, безусловно, оказывается аллегорический диалог «Картина», приписываемый ученику Сократа фиванцу Кебету (Кевиту), но в реальности составленный в I в. до н. э. или в I в. н. э. В этом тексте содержится экфрастическое описание огромной фрески, изображающей человеческую жизнь в замкнутом пространстве, в центре которого находится крепость, в которую можно попасть исключительно по крутой узкой дороге «истинного учения». Как писал А.В. Михайлов, «изображение даёт толчок к толкованию тайн, к их “откровению”; таков диалог “Картина” Кебета (I в. до н. э. – I в. н. э.) – произведение, весьма важное и для новоевропейской культуры, поскольку оно было очень популярно в XVI – XVIII вв. Подобный тип откровения, или видения, в основе которого – изъяснение таинственного изображения или художественного создания спутником-толкователем, сохраняет постоянные структурные черты на протяжении тысячелетий» [3, с. 426]. Текст Кебета в 1655 году был переведён на французский язык Жилем Буало, братом знаменитого теоретика классицизма Никола Буало, и издан (с гравюрой) как приложение к труду «Жизнь Эпиктета» (*La vie d'Épictète, et l'Enchiridion ou l'abrégé de sa Philosophie, avec le Tableau de Cébès*. Paris: Guillaume de Luyne, 1655). Примечательно, что «волна» аллегорических карт пришла на год раньше, то есть говорить о прямом влиянии французского текста «Картины» Кебета на увлечение галантной топографией в Париже в 1654 г., очевидно, не приходится, однако не менее важным представляется как раз его опосредованное воздействие через всю пронизанную аллегоризмом западную культуру: действительно, форма восхождения к истине, почти материализованного и воплощённого пути к тайне оказывает на читателя суггестивный, почти эзотерический эффект и служит одним из способов дидактики и «мягкой» пропаганды ценностей и идеалов, в описанном нами случае – галантных.

Библиографический список

1. *Бюсси-Рабютен*. Любовная история галлов. – М.: Наука: Ладомир, 2010. – 328 с.
2. *Йейтс Ф.* Искусство памяти. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 480 с.
3. *Михайлов А.В.* Языки культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 912 с.

4. *Мольер Ж.Б.* Комедии. – М.: Художественная литература, 1972. – 664 с.
5. *Таллеман де Рео Ж.* Занимательные истории. – Л.: Наука, 1974.
6. *Aubignac, abbé de.* Lettre d'Ariste à Cléonte contenant l'apologie de l'Histoire du temps ou la Défense du Royaume de Coquetterie. – Paris: Denys Langlois, 1659.
7. *Denis D.* «Sçavoir la carte». Voyage au Royaume de la Galanterie // Etudes littéraires. – 2002. – Vol. 34. – №. 1–2. – P. 191.
8. *Furetière A.* Nouvelle allégorique ou histoire des derniers troubles arrivés au Royaume d'Eloquence. – Paris: G. de Luynes, 1658.
9. Recueil des pièces en prose les plus agréables de ce Temps. – Paris: Charles de Sercy, 1658.
10. *Sévigné R.-R. de.* Correspondance. – Paris: Laurens, 1909.
11. *Tallemant des Réaux G.* Historiettes. T. 2. – Paris: Gallimard, 1961.

«ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА»: АСПЕКТЫ ЭПИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Романтические, байронические влияния на ранние поэмы Лермонтова несомненны. Также несомненна оригинальная, творческая природа его произведений позднего периода. Очевидны народно-фольклорные и средневеково-эпические черты в «Песне про... купца Калашникова». Христианские черты эпической образности «Песни про... купца Калашникова» связаны с древнерусской легендой о Св. Георгии Победоносце, а также со староанглийской эпической поэмой «Беовульф». Создание после трагической дуэли лермонтовской «Смерти поэта» усилило черты пушкинской поэтики в «Песне про... купца Калашникова», соединило древние языческие и христианские мотивы образности в поэме. Идея защиты правды, чести, достоинства в применении не только к герою, но и к героине «Песни» прослеживается к средневековой литературе, таким поэмам, как древнеанглийский «Беовульф» и древнерусское «Слово о полку Игореве». «Песня про... купца Калашникова» – одно из величайших творений русского поэтического гения, принадлежит и к вершинам мировой эпической поэзии и литературы.

Ключевые слова: эпическая образность, «Песня про... купца Калашникова», христианские мотивы, защита правды и чести, «Беовульф», «Слово о полку Игореве».

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в том 1814 году, когда великий английский поэт лорд Джордж Ноэль Гордон Байрон написал свою поэму «Гяур» (1813), но жить английскому романтику оставалось ровно десять лет. Влияние Байрона на творчество Лермонтова-романтика всегда признавалось, хотя по большей части относительно первой половины жизни поэта [15, с. 186; 3, с. 702–703]. Также признано несомненным не только движение Лермонтова к самобытности, но и к всё большей связи с русской поэтической стихией [11, с. 462–484; 13, с. 252–263]¹; не только европейско-романтическими, но и русскими, в частности народно-поэтическими, традициями.

Тем не менее характерные для поэм Лермонтова эпитафии изначально несут следы европейско-романтических влияний. Эпитафия к первой поэме «Кавказский пленник», созданной вслед Пушкину, взятый из немецкого поэта-романтика Конца, говорит о романтическом ученичестве молодого русского поэта (Германия – один из истоков европейского романтизма). Поэма «Корсар» напрямую свидетельствует о связях и влиянии Байрона, как, впрочем, в значительной мере и Пушкина, его поэмы «Братья разбойники» (эпитафия здесь из французского поэта Лагарпа). Текст Байрона из поэмы «Гяур» взят в качестве эпитафии в лермонтовской «повести» «Последний сын вольности», где две строки поэтического постскриптума: «A tale of the times of old! ... The deeds of days of other years!...» [4, т. 1, с. 302] – происходят из стихов Оссиана шотландского автора-поэта XVIII века Дж. Макферсона (поэма «Carthon» 1765 г.). Примечательно, и это уже отмечалось неоднократно, эти же строки интерпретировал Пушкин в «Руслане и Людмиле» («Дела давно минувших дней, / Преданья старины глубокой»). Лермонтов в молодые годы

и позднее шёл вслед Пушкину [10, с. 84–97] как в европейского типа поэтических влияниях и взаимодействиях, так и русских, в том числе народно-поэтических. Характерна приверженность Лермонтова 30-х годов историко-романтической теме [3, с. 719–724] как в поэме 1830–1831 гг. «Последний сын вольности», так и поэме 1835–1836 гг. «Боярин Орша». Здесь опять видим эпитафии из поэм Байрона «Гяур» и «Паризина», и тоже на английском языке. Лоренс Келли в своей книге о Лермонтове весьма характерно отмечает, что юный Лермонтов «читал на английском и немецком так же хорошо, как и на французском, ... под руководством учителя-англичанина читал Вальтера Скотта и Тома Мура, делал попытки самостоятельно переводить Байрона... сочинил стансы в стиле средневековых бардов под названием «Могила Оссиана» [2, с. 28].

Общеизвестно, что европейские и русские поэты-романтики испытывали определённую тягу к средневековой легенде, даже больше, чем к средневековой истории². Отсюда и мотив древнего, средневекового барда, сказителя, гусяра, который у юного Пушкина воплотился в образе Бояна в поэме «Руслан и Людмила», а у юного Лермонтова – старика-певца Ингелота («Другую песню я спою: / Садись и слушай песнь мою!») в поэме «Последний сын вольности». Уже отмечено, что во вступлении к этой поэме включён мотив гуслей («Прими же песню родины моей, / Хоть эта песнь, быть может, милый друг, – / Оборванной струны последний звук!...»). Вполне вероятно, что жанровый мотив «песня (песнь)» вкупе с мотивом гуслей – гусяра – гусяров мигрировали в поэмах Лермонтова от «Последний сын вольности» к «Песне про... купца Калашникова». Разумеется, практически все поэмы Лермонтова созданы на мотивы романтической легенды, как, впрочем, и все поэмы европейских романтиков. Другое дело, что эта романтическая

легенда имеет, как правило, экзотический характер, точнее, погружена в экзотический колорит, часто восточный. Здесь, конечно, проявляются черты романтического восприятия мира, далёкого от обыденности, часто необычного, необычайного, фантастического, может быть даже мифопоэтического.

Известно, что культура русского образованного общества первой половины XIX века была европоцентричной, – дамы и господа предпочитали общаться, в том числе и в письмах, на французском языке. Лермонтов в этом отношении не исключение, но не случайно ему принадлежит портрет маслом воображаемого «Предка Лермонтова» (обладавший необычайно живым воображением, он был хорошим художником). В роду Лермонтовых прочно жила легенда о шотландских предках, один из которых – средневековый бард XII века Томас Стихотворец [2, с. 20]. Отчасти поэтому во многих поэмах Лермонтова присутствует не только средневековая легенда, но и образ певца-сказителя. Как уже отмечалось, присутствуют они в поэме «Последний сын вольности», а также в поэме «Боярин Орша». Если первая погружена в пространство скандинаво-древнерусской, новгородской легенды о Рюрике, основоположнике русской княжеской династии, то вторая обращена к эпохе московско-литовских исторических связей (упомянута Москва, царь Иоанн Грозный, Литва, боярин Орша – герой поэмы, царский любимец). Если в первой старик-сказитель Ингелот поёт «дикую и простую» песнь – пророчество о «дерзостных варягах» в Новгороде, где утрачена «милая вольность» «родины святой» славянского края, то во второй – «припомнив старину», любимый раб боярина Сокол поёт ему песню – «сказку», балладу о молодом царском конюхе и царской дочери, их запретной любви и трагической гибели («вместе в бочку засмолить и в сине море укатить...»). В отличие от героико-эпической песни Ингелота песня Сокола фактически перекликается по теме и сюжету с известной народной песней-балладой «Ванька-ключник», чисто русским фольклорным материалом (скорее всего, Миша Лермонтов слышал эту очень популярную песню-балладу в имении бабушки от крестьянской дворни). Иными словами, достаточно условно-романтический антураж скандинаво-древнерусской по сюжету поэмы «Последний сын вольности» уже в поэме «Боярин Орша» встаёт не только на более прочную историческую почву, но и более прочную фольклорную основу³. Кроме упомянутой сюжетной основы известной русской народной баллады здесь подключается излюбленный для европейских поэтов-романтиков мотив «мёртвой невесты» (в Европе чаще – «мёртвого жениха»).

В плане типологии лермонтовской поэмы, в её становлении и динамике многие мотивы ранних поэм дублируются, лучше сказать совершенствуются в такой, например, более поздней (на исто-

рическую или фольклорно-историческую тему) поэме, как «Песня про... купца Калашникова». Как и в поэме «Боярин Орша», речь идёт о Москве времени Ивана Грозного, о царском любимце, его просьбе-жалобе царю. Правда, в названной поэме повествование затем переходит на трагическую историю Орши и его дочери, её возлюбленного Арсения, боярского воспитанника, с её трагическим финалом. Во всех отмеченных поэмах трагическая концовка отмечена гибелью кого-то из центральных персонажей (в первом случае – Леды и Вадима, во втором – любимой дочери боярина и его самого, в третьем – купца Степана Парамоновича Калашникова и опричника-искусителя Кирибеевича). В третьем случае любовно-трагический треугольник представлен: мужем – женой – искусителем (в отличие от второго случая в поэме «Боярин Орша»: отцом – дочерью – искусителем). Можно добавить, что в поэме «Последний сын вольности» подобный треугольник включает Рюрика-искусителя, Леду – его жертву, Вадима – возлюбленного Леды. Во всех трёх названных поэмах Лермонтова на условно-историческую тему центральным мотивом выступает поруганная честь героини; мотив мести внятно обозначен, пожалуй, только в языческой по антуражу и колориту поэме «Последний сын вольности». В поэме «Боярин Орша» доминирует сюжетно-романтическая канва скорее европейского типа. В «Песне про... купца Калашникова», где христианско-православная образность достаточно ярко представлена, тема чести (попранной чести) сплавляется с темой правды как торжества Божьей (высшей) справедливости [10, с. 88].

В поэме «Последний сын вольности» слово «правда» вообще не встречается, в «Песне про... купца Калашникова» используется шесть раз (столько же, сколько и слово «честь»): «...лукавый раб / Не сказал тебе правды истинной», «выходите вы За святую правду-матушку», «И промолвил ты правду истинную», «Постою за правду до последней», «Как возговорил православный царь: «Отвечай мне по правде, по совести», «Каждому правдою и честью воздайте». Особо стоит отметить концовку – финал поэмы: здесь сомкнулись христианская тема и тема правды и чести: «Красно начинали – красно и кончайте, / Каждому правдою и честью воздайте. / Тороватому боярину слава! / И красавице боярыне слава! / И всему народу христианскому слава!» [8, с. 342–343]. Лермонтов упоминает своего ключевого предшественника Пушкина в финале поэмы «Монго»: «И право, Пушкин наш не врёт, / Сказав, что день беды пройдёт, / А что пройдёт, то будет мило...», имея в виду сюжетно-композиционную модель трагедии, завершённой всё же финальной славой (как в песне про купца Калашникова). Эта поэма была написана в 1837 году (в прижизненном издании стихотворений М.Ю. Лермонтова 1840 года она помечена датой 1837 год), после зна-

менитой лермонтовской «Смерти поэта». Впервые поэма опубликована в апреле 1838 года в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» № 18 от 30 апреля 1838 года. Вышла она без имени автора, с подписью «въ». За опального поэта хлопотал В.А. Жуковский. В его дневнике содержится запись под 21 октября 1837 года, где говорится об учениях Нижегородского полка на Кавказе, которые видел В.А. Жуковский, и здесь же упомянут Лермонтов, находившийся в ссылке в этом самом полку [14, с. 706–708]. Скорее всего, именно тогда, то есть в октябре 1837 года, и там, то есть на Кавказе, Лермонтов, вероятно, встретился с Жуковским, как и затем, в январе – феврале 1838 года в салоне В.А. Карамзиной в Санкт-Петербурге [2, с. 96–97]. Получивший помилование вследствие усилий и хлопот бабушки, поэт не только общался с Жуковским и А.И. Тургеневым, но и активно писал (в том числе и «Песню про... купца Калашникова»), показывая всё Жуковскому, который всегда за него хлопотал, что и закончилось публикацией «Песни» в апреле 1838 года. Известно, кроме того, что ранее, именно в конце 1837 года, Лермонтов совершил путешествие по Кавказу с посещением Тифлиса, Нагорного Карабаха, то есть и Кавказа, и Закавказья.

Характерная, центральная тема «Смерти поэта» – защита женской чести («Погиб поэт! – невольник чести...», – фраза, использованная ещё в ранней поэме Пушкина «Кавказский пленник» – «Невольник чести беспощадной...»). Сюжет о герое, вставшем за честь женщины и погибшем в поединке с обидчиком, уже разрабатывался Лермонтовым в поэме «Последний сын вольности», а также «Боярин Орша», но в 1837 году он обрёл новую жизненную реальность. Реальность, в которую после гибели А.С. Пушкина вошёл Лермонтов и на которую он отреагировал с огромным и осознанным для себя риском. М.Ю. Лермонтов как поэт-романтик, пройдя свой поэтический путь от 1830–1831 к 1837 году, от поэмы «Последний сын вольности» к «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», переместит поэтический сюжет о защитнике поправленной женской чести в принципиально новый контекст, к принципиально новому художественному, поэтическому его решению. Ни в одной из предшествующих «Песне про... купца Калашникова» поэм Лермонтова не встречаем такого подчёркнуто-эффективного православно-христианского контекста. В «Песне...» наряду со словосочетанием «православный народ» трижды встречается – «православный царь»; трижды – сходные выражения: «во славу Божию», «церкви Божией», «свету Божьего», а также – «на святой Руси», «пред святыми иконами», «да святым церквам»; кроме того: «по закону Господнему», «сила Крестная», «по закону христианскому», «народу христианскому».

Характерные черты православного мира, правды и чести, отмщения как божьего суда перемещают образ героя Лермонтова в «Песне...» в христианско-православный контекст гибели как мученика за высшую правду и женскую честь. Лермонтову была хорошо известна легенда о святом Георгии, чрезвычайно популярная и чтимая на Кавказе. «Духовный стих о Егории Храбром», тексты Жития св. Георгия (Мучения св. Георгия) говорят, что он побеждает дракона как представителя и символа зла, спасает девицу (Елизавету), затем после многих мучений заканчивает свою жизнь по приказу императора Диоклетиана, будучи усечённым мечом. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» типологически и сюжетно сопрягается с легендой о св. Георгии – теми текстами, которые соединяют сюжеты Чуда о св. Георгии и Змее (и девице), а также житийные тексты о мучениях и мученической кончине св. Георгия Великомученика⁴. Оба героя выступают как борцы против лжи и Зла, как христианские герои на фоне христианско-православной традиции текстов о св. Георгии и «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Их герои – не жертвы, а победители; таким героем – не жертвой, а победителем Зла видел М.Ю. Лермонтов А.С. Пушкина в эпохальном тексте «Смерть поэта».

Конечно, масштабность лермонтовской концепции героя поэмы знала много интерпретаций, включая интересные исследования В. Гольштейна [5, с. 111] о категории героя и героического, «героизма» у Лермонтова. Статьи А.А. Григорьева⁵ в противовес часто присваиваемой Лермонтову байронической концепции «мировой скорби», разочарования и протеста героя, который в своей гордыне противопоставляет себя миру, бросая ему вызов, выдвинули своеобразную «почвенную» мотивацию творчества поэта, вектор которой направлен к безбрежности народного бытия, к ценностям, которые обладали непреходящим значением. Как пишет В.М. Маркович в своей работе «Лермонтов и его интерпретаторы» [5, с. 70–114] (раздел «Мифотворчество и анализ»), во второй половине XIX века восторжествовала «гипотеза о “неподозреваемом” повороте Лермонтова к народности», согласно которой поэт «наверняка кончил бы тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой». В русле именно этой теории эпическая природа лермонтовских поэм, например, в капитальном труде М.П. Штокмара [13, с. 252–263], сейчас признанном практически всеми учёными, сближается с фольклорным эпосом, в частности русскими былинами. Речь идёт, конечно, конкретно о «Песне про... купца Калашникова» и её сопоставлении с русской былинной «Мастрюк Темрюкович» из сборника Кириши Данилова [9, с. 27–32]. При этом уходят в тень версии об истоках

текста «Песни» в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: по мнению И.С. Чистовой [14, с. 706], Лермонтов мог интерпретировать эпизод из эпохи Ивана Грозного – рассказ о казнённом чиновнике Мясоде Вислом и о его красавице жене, обесчещенной опричниками. Правда, исследователь тут же признаёт, что «исторический материал в поэме теснейшим образом переплетается с фольклорным, былинами (старинами) из сборников Кирши Данилова и П.В. Киреевского (из варианта Киреевского могла быть взята фамилия героя – дети Кулашниковы, братья Калашники, Калашниковы)».

Признавая продуктивность фольклорно-эпической типологической соотнесённости текста «Песни про... купца Калашникова», следует всё же учесть исследованную выше межтекстовую типологию эпической поэтики Лермонтова и, прежде всего, также отмеченную выше типологическую масштабность лермонтовских поэм. В частности, от старины «Мастрюк» «Песню про... купца Калашникова» отличает, помимо напряжённой христианской темы, фундаментальное сюжетно-авторское новаторство: герой, купец Калашников, в отличие от Мастрюка, не проигрывает, а выигрывает свой решающий поединок перед царём и народом, он – победитель (Мастрюк только похваляется всех победить, но проигрывает схватку, и не одну); Мастрюк борется за свою славу и почести, купец Степан Парамонович Калашников бьётся за правду и за честь своей жены Алёны Дмитриевны, на которую покусился царский опричник Кирибеевич; Мастрюк – герой старины, Кирибеевич с его похвалой – антигерой «Песни», её герой – купец Калашников. Центральный сюжетный мотив «Песни», как отмечалось, – мотив чести и правды, понимаемой в христианско-православном ключе. В «Мастрюке» нет ни девушки, ни мотива её чести, нет мотива смерти героя от меча (топора палача) по приказу грозного царя. Зато всё это есть и в «Песне про... купца Калашникова», и в текстах о св. Георгии.

Нет нужды чрезмерно увлекаться рассуждениями о путях типологической сходимости авторской поэтики эпических текстов Лермонтова и фольклорно-эпического, былинного наследия русского устного народного творчества. Однако бесспорно, что мотив грозного царя Ивана Васильевича, его пира, обращение на пиру к любимцу и их диалог, мотив похвалы – всё это несомненная составляющая таких старин-былин, как упомянутый «Мастрюк Темрюкович» или, например, «Никите Романовичу дано село Преображенское» из того же знаменитого сборника Кирши Данилова. Интересно, что в былинке «Мастрюк» докладывает царю о желании героя потешиться борьбой именно боярин Никита Романович: «...Никита Романович / Об том царю доложил, / Царю Ивану Васильевичу:

чу: / "...Твой царский гость дорогой, Мастрюк Темрюкович, / Молодой черкашенен, / У себя он на уме держит – / Вера поборотися есть..."» [9, с. 29]. Тот же царёв «дядюшка» Никита Романович является героем отмеченной выше старины «Никите Романовичу дано село Преображенское». Здесь, наряду с мотивом грозного царя Ивана Васильевича и его пира, что характерно, мотив «дядюшки» Никиты Романовича переплетается с мотивом Малюты Скуратова, палача и казни (столь характерных для сюжета «Песни про... купца Калашникова»: «Отвечает Никита Романович: «Малюта-палач сын Скурлатович! Сказни ты любимова конюха моего...» [9, с. 173]. Если говорить о связи «Песни...» Лермонтова и былинки «Мастрюк», давно и живо обсуждаемой и принятой в научной литературе, но, как уже выше отмечено, типологически не безупречной, то скорее следует усматривать достаточно широкое эпико-типологическое взаимодействие лермонтовской поэмы не с одной, а с целым комплексом перекликающихся былин-старин из сборника, например, Кирши Данилова. Действительно, в сюжетном отношении весьма существенно, что «Песня...» открывается (после вступления) текстом грозного царя Ивана Васильевича, а завершается эпизодом казни (где, естественно, фигурирует образ палача) в концовке поэмы. Мотив Малюты Скуратова органичен в тексте «Песни...», герой-искуситель Кирибеевич принадлежит к роду Малюты Скуратова: «Неприлично же тебе, Кирибеевич, / Царской радостью гнушатися; / А из роду ты ведь Скуратовых, / И семьюю ты вскормлен Малютиной!...» [4, т. 1. с. 23].

Приведённый материал масштабных типологических сопоставлений говорит о том, что резервы научного исследования лермонтовских поэм в данном направлении далеко не исчерпаны, что диапазон лермонтовской эпической поэтики шире и глобальнее, чем можно представить сейчас. На это указывает не только репертуар отмеченных М.П. Штокмаром в «Песне...» черт народно-фольклорной поэтики (отрицательные сравнения, постоянные эпитеты, тавтологические выражения, уменьшительные суффиксы, эпическая детализация описаний, особенности ритмики и строфики) [13, с. 252–263]. Интересно, что на фоне преобладания ясных, определённых красок (белая, чёрная, синяя, красная, алая без полутонов и оттенков) для поэмы в высшей степени характерна образная гамма «золота»: «во золотом венце», «золочёный ковш», «в золотом ковше», «косы русые золотистые», «золотой казны», «злато, серебро», «золотые кольца», «золота или жемчугу», «кудри золотистые», «...златоглавою», «чистым золотом»; кроме того, – гамма «серебра»: «на серебряном блюде», «цепь серебряную». Поэтический мотив «золото», что характерно, совершенно не типичен для текстов Лермонтова, предшествовавших «Пес-

не про... купца Калашникова». Вместе с тем этот эпический мотив чрезвычайно типичен, присущ тестам мирового средневекового эпоса, в том числе памятникам европейского книжного эпоса, таким как, например, «Слово о полку Игореве» или «Беовульф». Исследованию этого эпического мотива особое место уделял в своих работах А.Н. Робинсон, сопоставляя материал мирового эпоса со «Словом о полку Игореве» («Литература Киевской Руси в мировом контексте» 1983; «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров средневековья» 1988)⁶. Особое внимание учёный обратил на мотив «золото» в «Слове о полку Игореве», где он использован 18 раз (3×3×2, то есть знаково, в контексте базовых символических повторов, характерных для эпических текстов европейского Средневековья).

Хотя в творческой биографии Лермонтова не просматривается следов обращения или знакомства со «Словом о полку Игореве», всё же знаменательно, что опубликованное в 1800 году и затем ставшее широко известным интеллектуальной элите Москвы и Петербурга «Слово» в 1830, а затем в 1836–1837 гг. привлекло особое внимание Пушкина. Он готовил, по словам А.И. Тургенева, комментированное издание памятника в сопоставлении с европейским эпическим материалом (письмо А.И. Тургенева к Н.И. Тургеневу 13 декабря 1836 г.: «...о “Песне о полку Игореве” переговорю с Пушкиным, который ею давно занимается и издаёт с примечаниями... постараюсь ещё кое-что о ней доставить и самую песнь. Справлюсь о лучшем немецком переводе... Я зашёл к Пушкину справиться о “Песне о полку Игореве”, коей он prepares критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издания оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский...»⁷. В архиве Пушкина сохранились листы перевода (переложения) «Слова» на современный русский язык Жуковского с рабочими пометами, следами научного комментария А.С. Пушкина. Поэт на рубеже 1836–1837 гг. активно работал с текстом «Слова», встречаясь и консультируясь с В.А. Жуковским, А.И. Тургеневым, учёными-славистами. Жуковский, несомненно, был посредствующим звеном между Пушкиным и Лермонтовым, хотя два великих поэта никогда реально не встречались.

Лермонтов, как известно, как раз и принадлежал к этому кругу, близкому Жуковскому. Поэтому, следуя своим англоязычным склонностям, Лермонтов мог и обратить внимание на текст великой эпической поэмы древнеанглийского средневековья «Беовульф», где, как и в «Слове о полку Игореве», частотность мотива «золото» весьма велика. Конечно, нельзя утверждать определённо, что Лермонтов был знаком как с текстом «Слова о полку Игореве», так и «Беовульфа», об этом нет никаких данных. Но факт остаётся фактом, именно

с 1837 года в своей средневековой по теме поэме «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» впервые поэтом в его творчестве широко привлечён мотив «золото», чрезвычайно характерный как раз для текстов средневековой эпической поэзии. Тема «золото» весьма частотна в «Слове» и «Беовульфе», сопровождает образы оружия героев, снаряжения, в том числе коней или кораблей, шлемов или щитов, княжеских палат («терем златоверхий», «златослепящая кровля чертога», украшения («золотые... кольца», «властная золотоносица»), троны («золотой стол»), дары. Конечно, все 11 случаев употребления мотива «золото» в «Песне про... купца Калашникова» касаются исключительно бытового контекста, никак не военно-героического, как в «Слове» и «Беовульфе». Однако сюжет «Песни» парадоксальным образом типологически перекликается с сюжетом «Беовульфа». Важное место в обеих поэмах занимает эпизод пира у правителя (конунга Хротгара и царя Ивана Васильевича), где выявляется подоснова трагической коллизии текста поэмы (любовная жалоба Кирибеевича-искусителя и вторжение в пиршественную залу Хеорот чудовища Грёндаля, покусившегося убить воинов конунга). В центре сюжетного действия поэм образ героя-победителя насильника (Степан Парамонович Калашников и Беовульф), который всё же в итоге погибает. Характерно, что также в центре сюжетных эпизодов помещён образ женщины (Вальхтеов, жена конунга, хозяйка пира, и Алёна Дмитриевна, жена купца Калашникова), который, по сути, является центральным, наряду с образами главных героев эпических поэм. Кроме того, важнейшей чертой и «Беовульфа», и «Слова о полку Игореве», и «Песни про... купца Калашникова» выступает образ (образы) сказителя (гусяров-сказителей). Тем самым типологически сюжетная основа обеих поэм близко перекликается, можно сказать, сходна или почти совпадает. Поразительна при этом перекличка эпико-символических мотивов «золото», эпико-фольклорной архаики, с одной стороны, и христианских мотивов, с другой, о чём уже говорилось выше [7, с. 371–373].

Лермонтов тем самым коренными особенностями поэтики своей замечательной «Песни про... купца Калашникова» [1, с. 3] типологически объективно и парадоксально вписался в массив авторской мировой эпической поэзии, в частности великих эпических памятников книжного эпоса эпохи европейского Средневековья.

Примечания

¹ Тексты поэм М.Ю. Лермонтова цитируются по изданию: [4] (тексты и научный аппарат подготовлены издательством «Художественная литература» при участии Института русской литературы (Пушкинский Дом)).

² См. об этом: *Кошелев В. А.* Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). Вып. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 93–109.

³ Б.В. Нейман пишет: «Лермонтов подчёркивает, что для Калашникова борьба за честь мужа и опозоренной жены является одновременно борьбой за правду вообще... В сердце же Калашникова существует не только царь, но и правда, освящённая для него авторитетом церкви, и русский народ, частицей которого он себя чувствует. Поэтому он «поклонился прежде царю грозному, после белому Кремлю да святым церквам, а потом всему народу русскому» [8].

⁴ См. об этом: *Веселовский А.Н.* Св. Георгий в легенде, песне и обряде // Избранное: Традиционная духовная культура. – М., 2009. – Разд. 1. – С. 7–262.

⁵ См. об этом: *Григорьев А.А.* Лермонтов и его направление // Время. – 1862. – № 10–12.

⁶ О мировом эпическом контексте и месте в нём «Беовульфа» и «Слова о полку Игореве» см.: *Робинсон А.Н.* Литература Киевской Руси в мировом контексте // Труды IX Международного съезда славистов. Славянские литературы. – М., 1983. – С. 3–24; *Робинсон А.Н.* «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров Средневековья // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. – М., 1988. – С. 7–37.

⁷ См. об этом: *Лапицкий И.П.* «Слово о полку Игореве» в оценке Пушкина // «Слово о полку Игореве»: сб. статей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 263.

Библиографический список

1. *Герштейн Э.Г.* Судьба Лермонтова. – М.: Художественная литература, 1986. – 352 с.
2. *Келли Л.* Лермонтов. Трагедия на Кавказе. – М., 2006. – 318 с.

3. *Кулешов В.И.* История русской литературы XIX в. (1-я половина). – М.: Высшая школа, 1970. – 784 с.

4. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: в 2 т. / под ред., коммент. И.С. Чистовой; вступ. ст. И.Л. Андронникова. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – 720 с.; Т. 2. – 704 с.

5. *Маркович В.М.* Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России. – СПб., 2007. – 320 с.

6. *Маркович В.М.* Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. Статьи разных лет. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 216 с.

7. *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Д.С. Мережковский. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М.: Сов. писатель, 1991. – 493 с.

8. *Нейман Б.В.* Песня про купца Калашникова // История русской литературы XIX в. (первая половина). – М.: Высшая школа, 1973. – С. 342–343.

9. Сборник Кириши Данилова / подг. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. – М.: Наука, 1977. – 487 с. – (Сер. Литературные памятники).

10. *Серман И.З.* Михаил Лермонтов. Жизнь в литературе. 1836–1841. – М.: РГГУ, 2003. – 278 с.

11. *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII в. и первой половины XIX в. – М.: Изд-во МГУ, 1955. – 617 с.

12. *Соколов А.Н.* О романтизме Лермонтова // Учёные записки МГУ им. М.В. Ломоносова. – Вып. 118. Труды кафедры русской литературы. Кн. 2. – М.: Изд-во МГУ, 1946. – С. 108–123.

13. Штокмар М.П. Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43–44. М. Ю. Лермонтов. Кн. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 252–263.

14. *Чистова И.С.* Комментарии // Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – С. 660–713; Т. 2. – С. 613–700.

15. *Эйхенбаум Б.М.* О поэзии. – Л.: Сов. писатель, 1969. – 552 с.

Иванов Василий Васильевич
 доктор филологических наук, профессор
 Петрозаводский государственный университет
 geolea@bk.ru

РАССКАЗ КАК СТРУКТУРНО-СИЛОВОЕ ЯДРО ПОЛИФОНИЧЕСКОГО РОМАНА

Статья продолжает цикл исследований в области поэтики полифонического романа на материале творчества Ф.М. Достоевского в аспекте структурно-силовой теории жанров. В настоящей работе впервые жанр рассказа рассматривается в качестве структурно-силового ядра жанра полифонического романа. Автор обосновывает вывод, что рассказ «Мужик Марей» является структурно-силовым ядром романа «Записки из мертвого дома».

Автор высказывает два предположения. Во-первых, не все рассказы являются структурно-силовыми ядрами полифонического романа. Например, рассказ «Мальчик у Христа на елке» – структурно-силовое ядро не романа, а трагедии. И второе: не все рассказы являются структурно-силовыми ядрами какого-либо крупного произведения полифонического жанра, будь то роман, поэма или трагедия.

В научный оборот вводятся термины структурно-силовое ядро полифонического романа и принцип градации голоса-позиции.

Ключевые слова: принцип тройственной полифонии, ситуация нравственного выбора, голос-позиция, принцип градации голоса-позиции, структурно-силовое ядро полифонического романа.

В одной из своих предыдущих работ, развивая структурно-силовую теорию жанров, я сформулировал следующие положения: «Согласно структурно-силовой теории жанров принцип тройственной полифонии возникает на основе взаимодействия трёх сил, отстаивающих свои позиции в ситуации нравственного выбора. Это силы, стоящие за “голосами” Бога, человека и оппонента Бога. Взаимодействие названных сил создает структурно-силовое ядро полифонического романа...<...> Структурно-силовое ядро полифонического жанра есть тот нравственный центр, который притягивает к себе и распределяет всё множество голосов-позиций по трём позициям» [8, с. 36].

В другой работе я выдвинул предположение о том, что малый эпический жанр, будь это стихотворение или рассказ, может являться структурно-силовым ядром полифонического романа, обосновав данное предположение на материале пушкинского стихотворения «Пророк»: «Мое предположение состоит в том, что малый эпический жанр является структурно-силовым ядром большого эпического жанра, названного Бахтиным полифоническим романом. В таком ядре, в свернутом виде, имеются все жанровые признаки будущего полифонического романа, поскольку композиционно-сюжетная схема крупного произведения, при всей ее сложности, будет опираться на структурно-силовое ядро с его тремя силами, проходящими через три голоса-позиции, вступающими в полифонический диалог в ситуации нравственного выбора. <...> Структурно-силовое ядро (жанровое ядро) романа не является романом так же, как семя дерева не является деревом, хотя имеет в себе все признаки будущего дерева в свернутом виде» [7, с. 86].

В настоящей статье на материале рассказа «Мужик Марей» и романа «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского проверяется предположение о том, что рассказ может быть структурно-силовым ядром жанра полифонического романа. Другими словами, предпринимается попытка выявить

признаки полифонического романа «Записки из мертвого дома», находящиеся в свернутом виде в рассказе «Мужик Марей».

Г.М. Фридендер обнаружил сходство композиции рассказа «Мужик Марей» с музыкальным контрапунктом: «По принципу музыкального контрапункта: «По принципу музыкального контрапункта в нем соединены два эпизода из воспоминаний писателя. Первый – встреча с Мареем отнесется к августу 1831 г., когда Достоевскому было 9 лет, а второй... события второго дня “светлого праздника”, т. е. пасхи, произошли 9 апреля 1851 г.» [12, с. 344–345].

М.В. Дубинская, соглашаясь с наблюдением Фридендера, справедливо указала на общность композиционного принципа романа «Записки из мертвого дома» и рассказа «Мужик Марей»: «Принцип контрапунктического соединения, композиционный контрапункт, событий настоящего и прошлого лежит в основе всего повествования о пребывании Достоевского на каторге» [4, с. 297]. Дубинская, развивая далее свою мысль, связала принцип контрапункта с поэтикой художественного времени полифонического романа следующим образом: «Главной особенностью поэтики художественного времени романа “Записки из мертвого дома” становится полифонизм, возникающий на основе диалогов о событиях прошлого, настоящего и будущего. Будущее звучит в душе писателя и других каторжан на фоне как бы остановившегося времени внешней реальности каторжной жизни» [4, с. 297]. Можно сказать, что ситуация нравственного выбора в романе «Записки из мертвого дома» состоит в том, что выбор позиции Бога означает выход из остановившегося времени дурной бесконечности позиции оппонента Бога.

М.М. Бахтин подобную остановку времени называл «пороговой ситуацией» и «кризисным временем», свойственным поэтике полифонического романа: «На пороге и на площади возможно только кризисное время, в котором миг приравняется к годам, к десятилетиям» (выделено авт. – В. И.) [1,

с. 292]. Характер «порогового» времени каторги состоит в том, что человек, утративший свободу, ярче переживает события прошлого и воображаемые картины будущего, связанные с воспоминаниями о свободе и с мечтой обретения свободы. Рутинная текучка настоящего времени каторги придает ему характер неподвижности, которая прерывается только описаниями переживаний радостных и веселых минут лицемерия каторжанами сцен народного театра по праздникам. Полтора часа непосредственного общения с народным театром становятся «встречей» прошлого и будущего в живом настоящем времени. Мгновение останавливается, вобрав в себя приметы вечности, поскольку искусство театра вовлекает зрителей в область нравственного бытия, вечного по определению.

Достоевский видел это так: «Последняя пантомима фантастического свойства заключилась балетом. Хоронился мертвец. Брамин с многочисленной прислугой делает над гробом разные заклинания, но ничто не помогает. Наконец раздается “Солнце на закате”, мертвец оживает, и все в радости начинают плясать. Брамин пляшет вместе с мертвецом, и пляшет совершенно особенным образом, по-брамински. Тем и кончается театр до следующего вечера. Наши все расходятся веселые, довольные, хвалят актеров, благодарят унтер-офицера. Ссор не слышно. Все как-то непривычно довольны, даже как будто счастливы, и засыпают не по-всегдашнему, а почти с спокойным духом, – а с чего бы, кажется? А между тем это не мечта моего воображения. Это правда, истина. Только немногие позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть час не по-острожному – и человек нравственно меняется, хотя бы то было на несколько только минут» [2, с. 129–130]. Как справедливо отмечала Дубинская, «Монологизм царской России все же оставляет место полифонизму народных гуляний и представлений даже в условиях каторги» [4, с. 299].

Связь христианского праздника и народного театра коренится в общей для них глубине нравственного чувства. В русской литературе нового времени не только Достоевский обращал внимание на взаимовлияния христианской и народной духовных традиций. Их наличие отмечено Н.Г. Морозовым, например, в творчестве И.А. Гончарова и И.А. Бунина: «Жителям Горнего Иерусалима неведом страх от грабителей и врагов, как и обитателям счастливой Обломовки»; «По мере развития повествования в рассказе И.А. Бунина все более явно заявляет о себе могущественная сила. <...> Сила эта – Бог и его небесный центр: город-государство Горний Иерусалим» [10, с. 158].

Очевидно, что сценка народного театра девятнадцатого века, главным персонажем которой был брамин, восходит к народной культурной традиции Древней Руси, знакомой с восточной традицией. А.М. Панченко писал: «Древняя Русь знала много рассказов о легендарной стране до-

бродетельных гимнософистов (“рахманов”, “нагомудрецов”)...<...> Гимнософисты – индийские философы, прозванные так потому, что ходили нагим, целый день неподвижным взором уставясь на солнце. Холод и зной переносили, не ощущая боли» [9, с. 149]. Этот «рахман» – брахман, брамин, индусский жрец, совершающий церемонию погребального обряда, изображался в юмористической сценке русского народного театра, на самодельной сцене Омского острога. И эта заключительная пантомима, наряду с другими, произвела глубокое нравственное впечатление не только на чувствительную душу писателя, но и на всех остальных зрителей-каторжан во время празднования рождества Христова. Все сцены пантомимы шли под плясовую музыку, с удивительным мастерством исполняемую на балалайке: «Это камаринская во всем своем размахе, и, право, было бы хорошо, если б Глинка хоть случайно услышал ее у нас в остроге...<...> Камаринская не умолкает во все продолжение пантомимы» [2, с. 128].

Смеховая атмосфера веселья, сопровождавшая сцену погребального обряда, совершаемого брамином «с многочисленной прислугой» (индусский жрец-адхиварью, специализирующийся на отправлении погребального обряда, действительно имеет целую группу жрецов-помощников), скорее всего, возникла в древнерусскую эпоху забвения ведической обрядности. Уходящий в прошлое обряд осмеивался в силу возрастания ощущения его архаичности и непонятности в эпоху христианизации. Вместе с тем сценка народного театра передает обряд весьма точно, начиная с восклицания «солнце на закате». Ведическая традиция Индии, воспринятая индуизмом, предписывала совершать похороны в день смерти, до заката солнца. Солнце считалось местом пребывания душ умерших людей, именно с солнца душа вновь отправлялась на землю для воплощения.

Поскольку, согласно таким представлениям, за смертью следовало следующее воплощение души в физическом теле, то погребальный обряд был призван ускорить возвращение умершего человека к следующей жизни. Поэтому в пантомиме брамин «делает над гробом заклинания» и «мертвец оживает». В смерти вызревала будущая жизнь, значит, наступление смерти становилась ступенью к радостному событию нового рождения. Отсюда и пляска брамина вместе с его окружением под веселую мелодию камаринской. Ведическая погребальная процедура включала в себя стадию проявления радости по поводу будущего рождения человека. Тем самым, во-первых, праздновалось вечное обновление жизни; праздновался незыблемый нравственный факт бессмертия души. Во-вторых, если погребали пожилого человека, не нарушавшего нравственный закон, радость выражали не только в связи с приближением следующего рождения, а также в связи со следующим рождением в лучших условиях, заслуженных покойным в прошед-

шей жизни. Чувство печали вызывала лишь смерть ребенка или молодого человека. Но гибель воина, даже молодого, переживалась эмоционально нейтрально, со сдержанной гордостью общества за достойную жизнь и смерть героя.

Именно в каторге взгляды Достоевского на народ получили новую форму и более глубокое содержание: «Сам автор в “Записках” отмечал, что за годы каторги пересмотрел многие из прежних своих убеждений» [11, с. 279]. Праздник рождества Христова запечатлелся в памяти писателя не только торжественным богослужением, но и тем весельем и радостью, которые произвели сцены народного театра, оставив глубокое нравственное впечатление в душах отверженных обществом людей. В мертвом доме каторги повеяло радостью будущего освобождения: прошлое (давно забытая традиция радостного переживания смерти как будущей жизни) вошло в настоящее и породило надежду на лучшее будущее каторжан. Состоялся полифонический диалог счастливого прошлого с безрадостным настоящим и светлым будущим. Диалог, породивший надежду. Так состоялось то внутреннее рождество, которое было связано с церковным празднованием рождества Христа и которое через народную традицию (воспоминание о погребальном богослужении как богослужении о будущем рождении) оказалось связанным с идеей празднования вечного возвращения жизни.

С пересмотром убеждений Достоевского на каторге связаны и его впечатления от атмосферы другого христианского праздника – пасхи. Между событием детства, описанным в рассказе «Мужик Марей», и воспоминанием об этом событии Достоевского в каторге прошло двадцать лет, а сам рассказ написан намного позже романа «Записки из мертвого дома» как воспоминание о событии на каторге. Это воспоминание о воспоминании детства, переменившем отношение писателя к «душегубам». Картины детства, мгновенно промелькнувшие в его памяти, кардинально изменили его настроение и его отношение к окружающим. Второй день пасхи превратился из светлого праздника, каким он переживался в первый день, в тягостную картину всеобщей вражды, пьянства, брани и драк. Писатель никак не мог собраться с мыслями, чтобы помолиться. В романе «Записки из мертвого дома» он описывал свои чувства так: «Не люблю я их, они душегубы, я молиться хочу, а они похабные песни поют» [2, с. 252].

Но в рассказе «Мужик Марей» писатель высказывается откровеннее и точнее. В соответствии с принципом градации голоса-позиции, голос-позиция человека может переходить к позиции оппонента Бога, а от позиции оппонента через позицию человека – снова к позиции Бога. Эти градации четко представлены в «Мужике Марее». Вот переход от позиции человека к позиции оппонента Бога: «Наконец в сердце моем загорелась злоба» [3, с. 421]. Пытаясь войти в молитвенное со-

стояние, Достоевский отстраняется от каторжного настоящего, обращаясь к прошлому, к светлым воспоминаниям детства. Воспоминание о доброте крепостного мужика Марей вытесняет злобу и наполняет душу писателя состраданием к «несчастливым», что свидетельствует о градации возвращения через позицию человека к позиции Бога. Но и само событие детства, воспоминание о котором содействовало отказу от позиции оппонента Бога, также несло в себе градации перехода от позиции оппонента Бога к позиции Бога через позицию человека. Девятилетний Федя Достоевский отдыхал в отцовском имении сельце Отрадном. Мальчик отправился за деревенскую околицу, чтобы выломать ореховый хлыст и стегать им лягушек, видимо, беря пример с деревенских мальчишек. Это намерение сближает его позицию с позицией оппонента Бога. Неподдалеку от зарослей орешника пахал крепостной мужик отца Феде – Марей.

Мальчику послышался крик: «Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: “Волк бежит!” Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика.<...> – Ну, полно же, Христос с тобой, октись» [3, с. 423], – успокаивает Федю мужик Марей. Звучит имя Христа, сопровождаемое ласковым жестом: успокаивая мальчика, Марей касается пальцем дрожащих губ Феде. От позиции оппонента (стегать лягушек) через позицию человека (слова и жест Марей) ребенок переходит на позицию Бога: «Я понял наконец, что волка нет и что мне крик “Волк бежит” – померещился» [3, с. 424]; «Встреча была уединенная, в пустом поле, и только бог, может, видел сверху» (выделено мною. – В. И.) [3, с. 425].

Вот как сам Достоевский оценил влияние воспоминания детства на его переживания в каторге: «Помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем» [3, с. 425]. То, что писатель пережил и описал как «чудо» и есть переживание и описание сближения нравственной позиции человека с позицией Бога. Все вместе взятые переживания Достоевского, начиная с возникновение злобы и ненависти к «душегубам» и завершая исчезновением злобы и ненависти в его сердце, являются яркой и точной иллюстрацией ситуации нравственного выбора. И описания подобных ситуаций, возникающих, как правило, в пороговом времени и пространстве, постоянно встречаются в творчестве Достоевского, поскольку они – неотъемлемая часть поэтики полифонического романа. Тем самым все три голоса-позиции оказываются в наличии не только в романе «Записки из мертвого дома», но и в рассказе «Мужик Марей».

Закономерен вопрос: если полифоническое начало может присутствовать в жанре рассказа, то чем рассказ отличается от полифонического романа. Ответ на вопрос об отличии полифонизма

жанра трагедии от жанра полифонического романа мною дан раньше: «Итак, если принцип тройственной полифонии знаком уже поэтике античной трагедии, то в чем заключается отличие полифонии романа от полифонии трагедии? С точки зрения структурно-силовой теории жанров принципиальное отличие состоит в различии акцентов голосов-позиций. Говоря коротко, в античной трагедии преобладает позиция Бога (Правды). В трагедии нового времени преобладает позиция человека с его колебаниями. В полифоническом романе преобладает позиция оппонента, усиливающаяся за счёт позиции человека с его колебаниями. Основное внимание полифонический роман уделяет именно позиции колебаний, за которой на самом деле, как правило, скрыта позиция оппонента. Философия, психология и поэтическое мастерство Достоевского направлены на подробное исследование природы колебаний человеческой души. Насколько одинок Мышкин у Достоевского, стоящий на позиции Правды, настолько одинок правитель Креонт у Софокла, восставший против Правды» [8, с. 40–41].

Можно сделать вывод, что в том рассказе, который является структурно-силовым ядром жанра полифонического романа, ситуация нравственного выбора сама по себе является темой рассказа. Поэтому тройственный полифонический диалог голосов-позиций происходит стремительно, без подробной истории жизни героя, без распространенной психологической аргументации. Минимальный объём рассказа по сравнению с объемом романа раскрывает лишь полифонизм сознания одного героя через его внутренний диалог. Например, через воспоминание, как в рассказе «Мужик Марей». В романном жанре структурно-силовое ядро «прорастает», давая движение многочисленным полифоническим диалогам, возникающим в ситуациях нравственного выбора большого числа персонажей. Весьма вероятно, что рассказ мог быть также структурно-силовым ядром не только романа, но и трагедии.

Например, некоторые рассказы Достоевского, как «Мальчик у Христа на елке», являясь, на первый взгляд, ядром полифонического романа, не повлекли за собой создание романа и не возникли после создания романа, как это было с рассказом «Мужик Марей». Правда, тема невинной младенческой жертвы была позже развита Достоевским в романе «Братья Карамазовы» в образе гонимого и умершего мальчика Ильи. Там же она была отображена в упоминании дворового мальчика, растерзанного собаками помещика-генерала, но эта тема не стала основой романного сюжета. И, на мой взгляд, причина этого кроется в том, что «Мальчик у Христа на елке» не структурно-силовое ядро жанра полифонического романа, а структурно-силовое ядро жанра трагедии. Однако трагедий в точном смысле слова Достоевский не писал, хотя некоторые исследователи называли его полифонические произведения «романами-трагедиями». Популярность

жанра трагедии осталась в прошлом, и на авансцену творческой стороны истории общества вышел жанр полифонического романа. Подробнее мотив невинной младенческой жертвы у Достоевского рассмотрен в работах [5, с. 34–43; 6, с. 235–242].

Что касается рассказа «Мужик Марей», то Достоевский словно специально создал его, чтобы дать нам яркую и точную иллюстрацию структурно-силового ядра жанра полифонического романа.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, Т. 4: Записки из мертвого дома, 1972. – 324 с.
3. Достоевский Ф.М. Мужик Марей // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1981. – Т. 22: Дневник писателя за 1876 год: январь – апрель. – С. 46–50.
4. Дубинская М.В. Возвращение из «Мертвого дома»: к поэтике документального романа Андре Жида // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. – 2015. – № 1. – С. 296–303.
5. Иванов В.В. Мотив младенческой жертвы в поэтике Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения / под ред. Ю.И. Минералова, О.Ю. Юрьевой. – М.; Иркутск, 2003. – Вып. 4. – С. 34–43.
6. Иванов В.В. Мотив младенческой жертвы в поэтике Ф.М. Достоевского и Н.А. Клюева // Проблемы детской литературы и фольклора: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.М. Неёлов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. – С. 235–242.
7. Иванов В.В. Поэтика стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: к структурно-силовой теории жанров // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 83–88.
8. Иванов В.В. Трагедия в свете структурно-силового ядра // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. – 2016. – № 1. – С. 36–42.
9. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 296 с.
10. Морозов Н.Г. Мотивы сочинения св. Тихона Задонского «Горний Иерусалим» в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 157–159.
11. Федоренко Б.В., Якубович И.Д. Записки из Мертвого дома: примечания. Разд. 2 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4: Записки из Мертвого дома. – Л.: Наука, 1972. – С. 279–288.
12. Фридендер Г.М. Комментарий к рассказу «Мужик Марей» // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год: январь – апрель. – Л.: Наука, 1981. – С. 344–346.

КОСТРОМА В СУДЬБЕ Н.Н. СТРАХОВА

Статья посвящена раннему периоду жизни русского философа и литературного критика Н.Н. Страхова – сначала в Костроме, в духовной семинарии, где ректорствовал его дядя, будущий архиепископ Черниговский Нафанаил (Савченко), а затем студенчеству в Петербурге. Основным источником сведений – сохранившаяся в Киеве, в ИР НБУ переписка Страхова в 1844–1849 гг. с проживавшим в Костроме и принимавшим в его воспитании деятельное участие ссыльным униатским священником о. Иоанном Сквивским. Архивный документ представляет собой копию писем, подготовленную в 1908 г. к печати мужем племянницы Страхова И.П. Матченко. Им же составлен комментарий и переведены письма Сквивского, написанные большей частью по-французски. В начале XX в. переписка не была опубликована. Как отмечал Страхов, его переписка с о. Иоанном стала своего рода дневником: в ней отражены подробности духовного и творческого становления молодого человека, преодоление себя, ошибки и победы. Письма Страхова свидетельствуют, что Кострома всегда оставалась светлым воспоминанием, нравственным камертоном, с которым он сличал свою последующую жизнь.

Ключевые слова: Страхов, Сквивский, Кострома, история русской литературы, эпистолярный.

Костромой в жизни Н.Н. Страхова связаны годы отрочества и обучения в духовной семинарии. Сведений об этом периоде крайне мало. Основные источники – юношеский дневник Страхова, его переписка с о. Иоанном Сквивским и отдельные письма.

Документы сохранились в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины. Переписка представляет собой копию писем, подготовленную в 1908 г. к печати мужем племянницы Страхова И.П. Матченко. Им же составлен комментарий и переведены письма Сквивского, написанные большей частью по-французски. В начале XX в. переписка не была опубликована. Где находятся оригиналы, не выяснено. В сокращении и спустя век письма печатались в журнале «Москва» [7].

Биографическая канва непродолжительного костромского периода жизни Страхова такова. В 1834 г. попечение об оставшихся без отца племянниках взял на себя их дядя по матери – иеромонах Нафанаил Савченко, переведенный вскоре ректором семинарии в Кострому, где, начиная с 1839 г., Страхов обучался на отделении риторики, а затем философии. В 1843 г., в сане архимандрита, о. Нафанаил был вызван в Петербург. Следом за ним поехал и Страхов, чтобы продолжить образование сначала в Университете, а затем в Главном педагогическом институте.

О Нафанаиле, будущем архиепископе Черниговском, в комментариях Матченко сказано: «Николай Николаевич находился на его содержании и воспитании с 10-ти лет и сам называет его своим “первым благодетелем”. Под стихотворением “Христос воскрес”, посвященном Нафанаилу, он подписался: “благодетельствованный вами племянник Н. С.”. Бакалавр Киевской академии, Нафанаил (в миру Николай Савченко) был преподавателем Белгородской семинарии (Курской губернии). Овдовев через год после женитьбы, он принял монашество и занимал должности: инспектора

Тверской, а затем ректора Каменец-Подольской и Костромской семинарий. В 1843 г., в сане архимандрита, он вызван был из Костромы в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде, куда в следующем 1844 г. вызвал и Николая Николаевича для определения в высшее учебное заведение. В 1845 г. Нафанаил был посвящен в сан епископа Ревельского, викария Петербургского, а затем занимал кафедры: епископа Полтавского, Архангельского и (с 1871 г.) архиепископа Черниговского. Умер Нафанаил в Чернигове в 1875 г. и похоронен на монастырский счет, так как не оставил после себя никакого состояния. Обладая представительной наружностью, Нафанаил был выдающимся иерархом по уму и ораторскому таланту. Помнится, какой-то англичанин, познакомившийся с ним в Архангельске, писал в путевых записках, что он был удивлен, встретивши на дальнем севере такого просвещенного архиерея. На попечении-то Нафанаила вырос и под непосредственным руководством его воспитывался Н.Н. Страхов» [4, 18875, л. 2 об.–3 об.].

Костромская семинария в середине XIX в. помещалась в Богоявленском монастыре. Братию этого старинного, основанного в XV веке, но со временем обедневшего и почти опустевшего монастыря составляли не более восьми монахов. «Стены его были облуплены, крыши по местам оборваны; но это были высокие крепостные стены, на которые можно было всходить, с башнями по углам, с зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Везде были признаки старины: тесная соборная церковь с темными образами, длинные пушки, лежавшие кучей под нижним открытым сводом, колокола со старинными надписями, – таким запечатлел облик монастыря в своих «Воспоминаниях» Страхов. – Пусть все это было бедно, лениво, слабо; но все вместе имело совершенно определенный смысл и характер, на всем лежала печать своеобразной жизни. Самую скудную жизнь, если она, как подо-

бает жизни, имеет внутреннюю цельность и своеобразие, нужно предпочесть самому богатому накоплению жизненных элементов, если они органически не связаны и не подчинены одному общему началу» [5, с. 72].

К стяжанию такой внутренней цельности направлял отрока Николая Страхова его учитель и старший друг – ссыльный униатский архимандрит Почаевского монастыря о. Иоанн Сквивский. «Образованный, сведущий и симпатичный старик, о. Иоанн пользовался в Костроме расположением местного православного духовенства и семинарского начальства и даже репетировал воспитанников духовной семинарии. В бытность свою в Костромской семинарии Николай Николаевич сблизился с ним, и о. Иоанн Сквивский имел на него огромное влияние. Он занимался с ним по математике, латинскому и французскому языкам и вообще руководил его научными занятиями. Практическим знанием французского языка Николай Николаевич исключительно обязан о. Иоанну, с которым весьма часто и переписывался по-французски. Что же касается нравственного влияния о. Иоанна, то его интересные письма преисполнены высоко поучительными наставлениями, какие только могла внушить искренняя и бескорыстная любовь. Николай Николаевич называл его “любезнейшим учителем и благодетелем”. В мае 1848 года о. Иоанн был переведен в Киев и здесь жил в доме римско-католического костела. Умер в 1850 г. и похоронен на Байковом кладбище. На могиле его стоит скромный каменный памятник с надписью: “Ксендз Иоанн Сквивский, архимандрит Почаевского монастыря, Базилианского ордена. Умер 28 января 1850 г. Жил 75 л.”» [4, 18875, л. 1 об.–2 об.].

Последние дни пребывания Страхова в Костромской духовной семинарии отражены в летних записях его дневника за 1844 г.: «Теперь уже кончились вакационные экзамены, на которых я отвечал как должно и даже получил книжку “Космография” от о. инспектора Иоанна при следующих словах: “Я слышал, что вы оставляете семинарию, но везде, куда бы вы ни пошли, вы добавите чести нашей семинарии своим поведением”. <...> Читал жизнеописание Альфиери. Биографии ученых и писателей как-то оживляют меня. Я люблю читать описание их занятий, трудов и образования, привычек и пр. Для меня это занимательнее всего» [1, л. 5].

В августе 1844 г. Страхов все еще оставался в Костроме и в ожидании отъезда гостил у своей попечительницы Александры Ивановны. Жизнь в имении Бахматово он хотел «когда-нибудь описать в небольшой повести под именем “Деревня”». «Читал я там мало: прочел несколько романов, из которых замечательные “Лоцман” и “Жена, муж и любовник” Поль де Кока; да еще “Гамлета” в старинном переводе; “Лоцман” мне не очень понравился и даже казался иногда скучен, но роман Поль де Кока очень

понравился, хотя и написан очень вольно. Просто чудо! Настоящий роман: и завлекательно, и легко. Все равно что трубка табаку или чашка кофе. <...> Теперь я с восхищением воображаю, когда буду слушать институтских профессоров и буду жить в институте: мне даже не верится в такое счастье. Петербург! Боже мой! Боже мой! Нет! Не пойду более в здешние классы!..» [1, л. 7 об.].

Днем прощания с Костромой стало 15 сентября 1844 г. «Прощай, Кострома! Ты надолго останешься в моей памяти, – записал Страхов в дневнике. – Здесь я начал учиться, здесь нашел Анну Ивановну, Александру Ивановну и – отца Иоанна; нашел много и много других людей, достойных памяти» [1, л. 9].

Хотя переписка с о. Иоанном относится к 1844–1849 гг., когда Страхов был уже в Петербурге, в ней сохранились воспоминания и отражения тех начал, из которых будет формироваться будущий философ и литературный критик.

О занятиях с о. Иоанном Страхов вспоминал в ноябрьском письме 1844 г.: «Как часто и в каком прелестном виде представляются мне ваши уроки; вначале, когда я летом ходил к вам на самый конец корпуса и, или в саду, или в келье, твердил *Prenez livre et venez lire*, – потом, когда зимою при огне бегал к вам по морозу, когда летом ходил к вам на геометрию и когда еще так недавно утром рано приходил к вам окончить ее. И как я привык у вас к французскому языку! Немецкий как-то забывчив, особенно теперь, когда я так долго не занимался им; но знание французского, кажется, твердо укоренено во мне» [4, 18876, л. 5–5 об.].

О. Иоанн взял себе за правило писать Николаю Страхову в Петербург по-французски, видя в этом несомненную практическую пользу. Однако в ответ слышал неуверенность и смущение: «Когда я получше научусь писать по-французски, тогда и я вам напишу на этом языке, которому вы меня учили. Теперь же пишу на русском и написал бы вам больше, если бы было место» [4, 18876, л. 7 об.–8]. Безусловно обладая педагогическим даром, о. Иоанн мягко, но неуклонно стоял на своем: «Весьма жаль, что вы не хотите написать несколько строчек по-французски; вы забудете все правила, которые выучили с таким старанием и трудом. Но так как вы не имеете словаря и весьма теперь заняты, то оставим на после нашу корреспонденцию на французском языке» [4, 18880, л. 15 об.]. Ожидание длилось четыре месяца; и учитель все-таки получил письмо, написанное по-французски: «Большое вам спасибо. И хотя в нем много ошибок, тем не менее, я его легко прочел и порадовался, так как оно служит неоспоримым доказательством, что вы написали письмо сами, без посторонней помощи. Мы не можем писать без ошибок, так как это не наш родной язык... Но мы понимаем друг друга. Пишите же, как вам удобнее; я всегда буду

доволен вашими письмами и буду всегда читать их с удовольствием» [4, 18884, л. 23].

Если для Стрхова трудность представлял французский язык, то перед о. Иоанном возникло неожиданное препятствие иного свойства. «На французском языке я мог прочесть ваше письмо, но на русском весь семинарский мир не мог понять, что вы написали. Наконец, Любимов и Оранский едва могли прочесть его в течение часа времени. Итак, если вы желаете, чтобы я сам мог читать, пишите отчетливо, так как мои глаза слабы, и вы знаете, что я не бегло владею русским языком» [4, 18883, л. 20].

Стрхов был согласен на любые условия переписки с учителем: «Я хочу говорить с вами, так как для меня составляет большое удовольствие не только читать ваши письма, но и писать их к вам» [4, 18883, л. 20].

Можно предположить, что письма о. Иоанна, дошедшие до нас в переводе и редакторской обработке Матченко, по своей форме, с точки зрения русской грамматики, были далеки от совершенства. Но именно в них содержался противовес новым столичным веяниям, которые обрушились на не подготовленного провинциала. «Вы несколько раз повторяете мне, что пишете не по-русски и что я, может быть, не пойму. Напротив, я все понимаю и понимаю даже лучше, нежели по-русски. В вашем языке есть какая-то прелесть, какая-то простота и выразительность евангельская. Я несколько раз перечитываю письма – не потому, чтобы не понимал, а потому, что мне приятно еще раз повторить слова ваши и мысли» [4, 18894, л. 43].

В другом письме Стрхова – о мощном и благотворном воздействии на его творческие возможности переписки с о. Иоанном: «Я перестал писать дневник <...>. Вместо дневника – письма к вам. Вы так снисходительны, так добры, что их читаете и, может быть, утешаетесь ими; но если вы прикажете, я буду писать, о чем вам угодно. Когда пишу, у меня рождается всегда туча мыслей, тогда как без пера в руке горизонт ума чист и ясен. У меня нет недостатка в словах. Пишу – слова льются; я смотрю, можно ли так их связать, – можно; вот я и поймал мысль за хвостик. Когда пишу, я мыслю; когда мыслю, то философствую» [4, 18890, л. 37–37 об.].

Дорогие воспоминания в письмах корреспондентов обретают метафоричность и художественную образность. «Не думайте, чтобы здесь я изменился и повысился, – писал Стрхов, – я тот же Николая и с величайшею радостью сегодня же поставил бы вам самовар. Я никогда не забуду этого, потому что никакой чай не может быть для меня так приятен, как тот, который я пил у вас» [4, 18883, л. 21]. В ответе о. Иоанна слегка обозначенный Стрховым образ развит и дополнен: «Пишешь, что чай у меня был лучший, а знаешь почему? Потому что ты сам ставил самовар. Когда будешь хозяином, то будет еще лучший, ибо ниче-

го нет приятнее, как приобретать трудами для себя содержание» [4, 18884, л. 24].

Энергичный тон первых писем Стрхова из Петербурга не мог не радовать о. Иоанна: здравые рассуждения, достойные цели, желание трудиться. За этим виделся багаж знаний, вывезенный из Костромы. Сорадуясь успеху экзамена, после которого Стрхов был удостоен звания студента Петербургского университета, о. Иоанн писал: «Не правда ли, что, как я вам раньше говорил, вас спрашивали пустяки. Но ваша серьезная подготовка весьма похвальна, и вы от этого останетесь только в барышах; когда будете держать экзамен на кандидата или магистра, тогда припомнится все, чему вы учились. Теперь время работать и бросать семена в землю ваших способностей, если желаете собрать в зрелом возрасте большую жатву. Не переставайте быть всегда чистым, ибо таким Бог никогда не отказывает в помощи и покровительствует им всегда. Вы вошли в свет, получив воспитание в христианском духе. Будьте же всегда добродетельным, если желаете быть счастливым. Не сближайтесь с неверующими и даже не слушайте их рассуждений, фальшивых и обманчивых умозаключений, и в вашем сердце будет всегда царствовать сладкий мир, и вы всегда будете довольны. Извините, мой милый, что я вам так часто об этом пишу, но слова эти диктует мне мое искреннее сердце» [4, 18890, л. 30].

Несомненные аналитические способности Стрхова, его склонность к рассуждениям о. Иоанн заметил довольно рано: «Вы философствуете очень хорошо, – писал он, – однако я опасюсь, чтобы ваш ум со временем не заблудился, когда вы подвергнетесь искушениям» [4, 18885, л. 26 об.]. Искушения и опасности были разного свойства. Случалось, что верх над благоразумием брал обычный юношеский задор, например, *учиться без книг или летом лениться и писать стихи, а зимой быть ученым*. Тогда о. Иоанн предостерегал: «Ваше благородие выходит на большое поприще, как на океан путешественник, не умеющий владеть кораблем, где всякая небрежность опасна даже самой жизни. В таком случае советами своего друга пренебрегать не должно» [4, 18878, л. 10 об.]. И тут же вдохновлял: «Я чувствую, что вы принесете много пользы вашему отечеству; провидение вас к этому предназначило. Постарайтесь быть достойным этого предназначения» [4, 18878, л. 10].

Более глубокую и серьезную опасность таила нигилистически и атеистически настроенная студенческая среда, в которой оказался провинциальный юноша. «Я вас просил и теперь прошу вести себя хорошо, – увещевал Стрхова о. Иоанн. – Не ищите знакомств с дурными товарищами – из опасения стать похожим на них. Крепко помните изречение Христа: “Нет тайны, которая не открылась бы, ни скрытой вещи, которая не была бы узнана и не вы-

шла бы наружу”. Так и у вас – не проявившиеся доселе недостатки обнаружатся, да кроме того, вы потеряете вашу милую веселость, так как совесть будет вас всегда мучить» [4, 18878, л. 9 об.].

По прошествии трех лет, в летнем письме 1847 г. горькое признание Страхова, подтвердившее опасения о. Иоанна: «Я уже не тот живой, свежий мальчик, каким вы меня знали. Я сделался тяжелым, молчаливым, неповоротливым. Мне кажется, что мои способности тупеют и ум слабеет более и более. Вместо той ревности и быстроты в занятиях, какая была у меня в Костроме, наступило какое-то утомление и бессилие; я так долго учусь и так мало выучиваю. В эту вакацию я задумал повторить основания моего учения, заняться языками и математикой, а между тем я ничего не успеваю сделать, несмотря на то, что постоянно занимаюсь. Мне кажется, что я потерял в вас незаменимого наставника; мне кажется, что еще не способен заниматься сам, без чужой помощи. Грустные и тяжелые мысли находят на меня. Я как будто сбился с дороги, как будто потерял цель, к которой должен был идти. Какой-то хаос в моих познаниях. Я жадно схватываюсь за каждое знание, но когда я занимаюсь всем вместе и ничем в особенности, то я мало успеваю; я, кажется, не подвигаюсь ни на шаг вперед. Недавно я достал роман Жоржа Занда, у которого, по сознанию всех, самый чистый, самый прекрасный слог. Три года я уже не вижусь с вами, а между тем я с трудом и усилием перевожу его и в некоторых местах не понимаю. Много же я сделал в эти три года! Я беспечен и неподвижен, но эти мысли отравляют каждый мой труд, удовольствие, которое должно быть для меня самым высоким. Где мне найти поддержку, одобрение? Не знаю. Я один» [4, 18912, л. 93 об.–94 об.].

«Пустыню отрочества» [6, с. 138], по гениальному точному определению Л. Н. Толстого, этот непростой возрастной период жизни Страхов преодолевал со многими потерями и разочарованиями. В их числе – глубокий разрыв с родными [8]. Требовательность и строгая принципиальность дяди, архимандрита Нафанаила, в вопросах духовно-нравственных воспринимались Страховым слишком лично, болезненно; и как следствие – озлобленность, так ярко проступившая в составленном им и адресованном дяде анонимном письме [2] с обвинениями в бездушии, бессердечном отношении к воспитанникам-племянникам.

Обычную картину семейных встреч Страхов изобразил в письме к о. Иоанну: «Представьте себе комнату, довольно хорошо меблированную и украшенную. В этой комнате, на среднем диване и около, сидят дядюшка, Федя¹ (это бывает по праздникам) еще человека 2–3. Против этого дивана сидим мы двое и смотрим на дядюшку. Дядюшка говорит и говорит – все о себе. Другие молчат, едят яблоки и груши и иногда прерывают речь похвалой им...

Дядюшка говорит прекрасно, славно говорит; когда вовсе не о чем говорить, он и тогда говорит, но слушать его так часто, как мы слушаем, – просто мука» [4, 18894, л. 95 об.].

Как опытный наставник, о. Иоанн положил много усилий, чтобы помочь Страхову преодолеть глубоко проникшую в сердце неприязнь. «Желаешь знать, чего я хочу? – писал он в Петербург. – Возвратитесь к состоянию невинности. В Костроме вы были агнцем, а теперь, кажется, вы заблудшая овца. Нужно исправить свой проступок, обратиться к Богу, к вашим обязанностям, полюбить труд, как в Костроме. Бросьте курить табак, будьте прилежны и найдете большое удовольствие в учении. Вот мой совет последний. Я желаю видеть тебя счастливым, и будешь, если потрудишься и оставишь развлекающую компанию, ибо писано: “Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых”» [4, 18914, л. 98–98 об.].

23 июня 1847 г. Страхов обратился к о. Иоанну с просьбой, о которой, как можно предположить, задумывался не в первый раз: «Я бы очень желал прочесть мои письма. Я никогда не скрывал перед вами ничего. В этих письмах вся моя история, бедная и пустая, история всегдашних стремлений и бесплодной деятельности» [4, 18912, л. 94 об.–95]. Это письмо оказалось последним, которое о. Иоанн успел из Киева с оказией возвратить своему ученику. Последнее письмо самого о. Иоанна датируется 15 июля 1849 г.

Со смертью ксендза Иоанна Скивского Страхов лишился важного для него духовного общения. В свое время переписка с о. Иоанном заменила Страхову дневник. Теперь, с ее завершением, обозначился новый этап творческой биографии Страхова – художественно-автобиографические записки, ставшие школой, как «уловить мысли сетью слов и выражений и удержать их на бумаге за эфирные крылья» [3, л. 7].

Примечание

¹ Сын Нафанаила, служивший потом в военной службе; ныне жив. *Прим. И.П. Матченко.*

Библиографический список

1. ИР НБУ. – Ф. I. – Ед.хр. 5268.
2. ИР НБУ. – Ф. 330. – Ед. хр. 26.
3. ИР НБУ. – Ф. I. – Ед. хр. 5278.
4. ИР НБУ. – Ф. III. – Ед. хр. 18875–18916. – Л. 1–100 об.
5. *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. – СПб., 1892.
6. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. – М.: Наука, 2000. – Т. 1. – 512 с.
7. *Щербакова М.И.* «Вместо дневника – письма к вам» (Из переписки Н. Н. Страхова с о. Иоанном Скивским) // Москва. – 2004. – 10. – С. 186–206.
8. *Щербакова М.И.* Лев и два Николая // Толстовский ежегодник. – Тула: Власта, 2003. – С. 284–293.

Строганова Евгения Нахимовна

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет дизайна и технологии
enstroganova@yandex.ru

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОВРЕМЕННОКИ*

В статье поднимается вопрос о необходимости комплексного подхода к неисследованной теме отношений М.Е. Салтыкова-Щедрина и его литературных современников. Представляется важным выявить особенности щедринской рецепции женского литературного творчества, выяснить наличие или отсутствие дискриминационных моментов в его отзывах о писательницах, понять, было ли у него определенное мнение о женской эстетике или же он видел в каждой писательнице отдельную творческую индивидуальность. Наконец, необходимо показать историю творческих отношений с отдельными авторами-женщинами, учитывая их отзывы о Салтыкове и не отвергая вопросы взаимовлияния. В статье намечены основные аспекты изучения проблемы, в частности обращение к кругу писательниц, чьи произведения Салтыков мог читать в юные годы, отношения его с писательницами круга «Современника» и «Отечественных записок», деятельность как редактора и критика мужских и женских текстов, вопрос о рецепции писательницами произведений самого Салтыкова.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, русские писательницы, круг чтения, редакторская деятельность, литературная критика, рецепция, гендерный подход.

Тема творческого взаимодействия М.Е. Салтыкова с его литературными современниками изучена явно недостаточно. Можно назвать очень немногих авторов, чьи контакты с Салтыковым обсуждаются в щедриноведческой литературе. Особенно не повезло в этом смысле писательницам, что, впрочем, и неудивительно. История русской литературы XIX в., возможно, ярче, чем история других европейских литератур [9], выявляет дискриминационное отношение к пишущей женщине, которая, по словам Е.А. Ган, воспринималась общественным сознанием как «выродок женского пола» [2, с. 152]. Правда, к 1860-м годам ситуация несколько изменилась и женское писательство стало более привычным явлением, но общее пренебрежительное, в лучшем случае снисходительное, отношение к нему сохранялось.

Предложенная формулировка – Салтыков и писательницы – в целом дискриминационна. В фокусе исследовательского интереса оказывается авторитетный литератор, вокруг которого размещаются скромные женские фигуры, неперсонифицированные, преподнесенные массовидно, как будто отдельные имена сами по себе не имеют самостоятельного значения. Но даже такая постановка вопроса активизирует внимание к женскому творчеству и способствует возвращению в историю литературы женских писательских имен, которые зачастую неизвестны не только читателям, но и специалистам-филологам [см.: 1, 3, 9].

Изучение диалога Салтыкова с русскими писательницами находится в начальной стадии, поэтому я буду говорить о том, что предстоит сделать при разработке предложенной темы. Важно выявить особенности щедринской рецепции женского литературного творчества, выяснить наличие или отсутствие дискриминационных моментов в его отзывах о писательницах, понять, было ли у него определенное мнение о женской эстетике или же он видел в каждой писательнице отдельную твор-

ческую индивидуальность, наконец, необходимо показать историю творческих отношений с отдельными авторами-женщинами, учитывая их отзывы о Салтыкове и не отвергая вопросы взаимовлияния. Можно наметить несколько аспектов исследования.

1. Предстоит выявить те произведения русских авторов-женщин, с которыми Салтыков знакомился в юные годы как непосредственный читатель: например, с произведениями Жорж Санд, творчество которой он всегда высоко оценивал. Материалом для изучения могут послужить журналы, которые находились в поле его внимания в лицейские годы, – «Библиотека для чтения», «Сын Отечества», «Отечественные записки» – эти издания в письме от 7 марта 1839 г. он советовал выписать родителям [7, с. 21–22]. Именно во второй половине 1830-х годов «Библиотека для чтения» открывает писательницу Е.А. Ган, чьи произведения сразу же получили признание, а их автор была удостоена имени русской Жорж Санд. Упоминания об этой писательнице не встречаются в салтыковских текстах, но его ранние прозаические опыты позволяют предположить, что он мог испытывать ее воздействие. Во всяком случае, любимая им и упоминаемая в ранних текстах Ж. Санд не часто приводит своих героинь к смерти от любви. У Е. Ган нередко любовь изображается как трагедия, приводящая к гибели, – и в этом смысле можно найти сходство судьбы Тани Крошиной, героини первой повести Салтыкова «Противоречия», с протагонистками Е. Ган. Это предположение требует, разумеется, более тщательного обоснования, но думаю, что первый период творчества Салтыкова дает основания для более широкого осмысления испытанных им литературных воздействий, которые называл он сам, – повести П.Н. Кудрявцева, И.И. Панаева, А.И. Герцена [7, т. 17, с. 470].

2. Необходимо обратиться к особенностям творческого взаимодействия Салтыкова с писа-

* Исследование выполняется при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00389).

тельницами круга «Современника» и особенно «Отечественных записок». Речь должна идти прежде всего о редакторской деятельности Салтыкова, о специфике его работы с мужскими и женскими текстами. Источники для такого рода исследований ограничены, так как мы не располагаем рукописями и в основном приходится полагаться на эпистолярные и мемуарные свидетельства. Так, из воспоминаний А.М. Скабичевского известно, что Салтыков переработал роман Л.А. Ожигиной «Своим путем»¹. По поводу этого романа он написал и критическую статью, уделив совсем немного места самому произведению, но отметив, что оно «довольно выгодно выделяется из общей массы беллетристического материала» и «доказывает в авторе присутствие таланта несомненного, хотя, впрочем, и не весьма крупного» [7, т. 9, с. 376–377].

3. С гендерных позиций надо посмотреть на литературно-критическую деятельность Салтыкова в целом. Известно еще четыре специальных его разбора, посвященных творчеству писательниц, – К.К. Павловой, Н.С. Соханской (Кохановской), М.А. Вилинской (Марко Вовчок), Е.А. Словцовой (М. Камской). Основным критерием в его оценке искусства была степень общественной полезности произведения. Но в данном случае важно понять, присуще ли гендерное измерение его литературно-критическим статьям, существовало ли различие в оценке мужских и женских текстов. Отзыв о романе Ожигиной лишен гендерных коннотаций, что понятно, если учитывать редакторское вмешательство самого Салтыкова, но интересно сравнить его оценку мужских и женских текстов. Этой цели могут послужить рецензии Салтыкова на поэтические сборники. В 1863 г. появились сборники стихотворений К.К. Павловой, А.А. Фета, А.Н. Плещеева, А.Н. Майкова, на каждый из которых отозвался Салтыков. Не претендуя на полный анализ, обращу внимание лишь на начальные фразы. Структура всех отзывов одинакова: сделав основополагающее заявление, критик далее последовательно разрабатывает его. Приведу эти четыре зачина:

О Павловой: «Г-жа Павлова занимает в русской литературе одно из самых видных мест: она чуть ли не единственная представительница так называемой мотыльковой поэзии» [7, т. 5, с. 362].

О Фете: «В семье второстепенных русских поэтов г. Фету, бесспорно, принадлежит одно из видных мест» [7, т. 5, с. 383].

О Плещееве: «Скромная муза г. Плещеева достаточно известна читающей русской публике; тем не менее мы охотно останавливаемся на вновь вышедшем сборнике его стихотворений, так как, по нашему убеждению, г. Плещеев принадлежит к самым искренним и наиболее симпатичным русским поэтам» [7, т. 5, с. 417–418].

О Майкове: «Для всех очевидно, что искусство мало-помалу начинает расширять свои пределы и допускать в свою область такие элементы, которые долгое время считались ему чуждыми» [7, т. 5, с. 424].

Получается интересная картина. Если, говоря о мужчинах-поэтах, при всем неприятии их направления и даже личности (как Фета, например), автор находит положительные моменты, то с Павловой (чью поэзию, как и фетовскую, критик называет «мотыльковой») он расправляется буквально как с мотыльком или божьей коровкой, попросту растапывая ее. Эпитет «видный» Салтыков применяет к Павловой и Фету. Знаменательно, однако, что в случае Фета это понятие претендует на объективное определение его места в литературе – «среди второстепенных русских поэтов». В случае же Павловой эпитет дискредитируется второй частью предложения: это даже не «второстепенная», но просто-напросто «мотыльковая» поэзия². Вполне вероятно, что негативный отзыв Салтыкова о стихотворениях Павловой имел сугубо индивидуальную основу, свидетельствуя о неприятии творчества именно этой поэтессы. Но нельзя также исключать гендерную подоплеку, и в таком случае особую страстность Салтыкова к женским текстам.

Статьи, посвященные женщинам-прозаикам, не дают материала для подобного вывода. У Салтыкова было определенное представление об особенностях женского письма, и это представление в целом не расходилось с общепринятым. Наиболее развернуто его позиция сформулирована в статье о романе М. Камской, который, собственно, является лишь поводом для разговора об особенностях английского «домашнего» (женского) романа – «Джен Эйр» Ш. Бронте и «Адам Бид» Дж. Элиот (Салтыков редактировал перевод романа Дж. Элиот «Миддлмарч», сделанный Ан.Н. Энгельгардт). К числу особенностей женского письма, отмеченных Салтыковым, относится замкнутость изображаемой жизненной сферы, неумение осознать суть явлений и широко поставить проблему, неспособность подняться над предметом. Следы литературного мастерства он замечает в подробностях, в том числе и психологических, но вместе с тем говорит о психологической недостоверности: писательницы показывают не живые лица, а «более или менее искусно сделанные фарфоровые куклы» [7, т. 5, с. 441]. Характерна в своем роде суммарная фраза, объединяющая положительные и отрицательные моменты: «Быть может, в их описаниях читатель не почувствует правильного и резонного отношения автора к предмету, но верность подробностей, наглядное сходство описываемых форм с действительно существующими и добросовестность разработки положения в том виде, как оно есть, не должны подлежать никакому сомнению» [7, т. 5, с. 440]. Эта фраза представляется вполне безобидной и не имеющей негативного смысла. Но соотнесем ее с более поздним суждением из «Дневника провинциала в Петербурге»: «... Дело литературы заключается в разработке общих руководящих идей, а не подробностей» [7, т. 10, с. 430]. Этот контекст кардинальным образом корректирует впечатление от щедринской характеристики женского

творчества. Женщины-авторы оказываются далеки от настоящих задач литературы, и их творчество не отвечает интересам литературного дела. Вместе с тем Салтыков очень сочувственно и гендерно точно пишет о разнице общественного положения мужчин и женщин, чем и объясняет особенности женского писательства: «Мужчина все-таки имеет средство более или менее уклониться от гнета форм, которые почему-либо кажутся ему мертвыми и бессодержательными; он может хотя по временам отдаваться свободным внушениям рассудка; в нем самый протест даже охотно оправдывается. Напротив того, женщина, так сказать, фаталистически осуждена делать то, что ей не хочется, молчать, когда она чувствует желание говорить, говорить, когда она не имеет к тому ни малейшего попользования; одним словом, осуждена соблюдать приличия, то есть кривляться. Самый протест с ее стороны, если таковой по временам и прорывается, кажется каким-то кривляньем; от того ли, что мы привыкли ее видеть постоянно запуганною и стянутою, или от того, что она, именно по причине этой запуганности, не умеет даже формулировать свой протест вразумительным образом, нам все кажется, что она домогается чего-то не должного, что, по-настоящему, ей следовало бы сидеть смиренно и ожидать, покуда мы сами не догадаемся: отчего, дескать, наши самочки сидят, повесивши носики?» [7, т. 5, с. 439–440]. Этот пассаж сродни тому, что писали сами женщины, например, та же Е. Ган или критик М.К. Цебрикова.

4. Отдельный интерес представляет вопрос о восприятии творчества Салтыкова пишущими женщинами. Материалы такого рода можно найти и в женской беллетристике, и в критике, и в автобиографических материалах, где упоминаются имя и произведения Салтыкова и используются его слова и словечки (например, в ряде статей Цебриковой, в автобиографических материалах и прозаических текстах В.И. Дмитриевой, в письмах Е.В. Салиас де Турнемир и Н.Д. Хвоцинской, в повестях Л. Микulich «Мимочка-невеста» и А. Вербицкой «Сны жизни»). Особую важность имеют женские рецензии на произведения Салтыкова. К примеру, одной из рецензенток была малоизвестная писательница Е.П. Свешникова, в 1877–1881 гг. регулярно откликавшаяся на произведения Салтыкова в газете «Кронштадтский вестник». Не всегда адекватно интерпретируя отдельные произведения писателя, она очень точно характеризовала основной пафос его творчества: «Салтыков-Щедрин глубоко и бескорыстно любит Россию, и все любящие ее тоже глубоко и бескорыстно любят его. Он – лучший выразитель их лучших взглядов. Не западник он, не славянофил, не либерал, не консерватор – вообще не лицо какой бы то ни было партии. Он – вернейший сын своей страны, в высшей степени чутко относящийся ко всякому ее страданию, явному или тайному, ко всякой опасности, грозящей как со стороны врагов, так и со стороны друзей...» [4, с. 1].

Приведенные материалы убеждают в обоснованности и перспективности заявленной темы. Осуществляемая в настоящее время работа по созданию энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» позволяет надеяться на выявление новых материалов и возможность возникновения отдельного исследования, репрезентирующего Салтыкова в кругу его литературных современниц.

Примечания

¹ Скабичевский приводит эту информацию в снисходительно-ироничном по отношению к писательнице тоне: «Я никогда не забуду, как одна сентиментальная романистка прибежала к сотруднику Салтыкова с горькими рыданиями. Дело оказалось в том, что она желала окончить роман своей смертью героиню от чахотки, а Салтыков взял да и сочетал вдруг героиню с героем законным браком» [8, с. 84].

² Замечу кстати, что понятие «мотыльковская натура» использовала для характеристики женского воспитания Е.П. Ростопчина [6, с. 21]. У нее же в стихотворении «Отринутому поэту» (1832) встречается определение «мотылек» по отношению к мужским персонажам: «Кумир всех мотыльков гостиной, / Она лишь слепок – божества!..» [5, с. 47].

Библиографический список

1. *Белецкий Ф.М.* Салтыков-Щедрин и Леся Украинка (К вопросу о традициях) // Вопросы русской литературы. – Львов, 1981. – Вып. 1. – С. 53–59.
2. *Ган Е.А.* Суд света // Дача на Петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины XIX века. – М.: Современник, 1986. – С. 147–212.
3. *Максименя Э.А.* Салтыков-Щедрин и молодые писатели-демократы С.И. Смирнова и О.А. Шапир (К истории становления литературной школы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 16 с.
4. Некто из толпы. О Щедрине и о последнем очерке его / Е.П. Свешникова // Кронштадтский вестник. – 1881. – № 8. – С. 1–2.
5. *Ростопчина Евдокия.* Стихотворения. Проза. Письма. – М.: Сов. Россия, 1986. – 448 с.
6. *Ростопчина Е.П.* Счастливая женщина. Литературные сочинения. – М.: Правда, 1991. – 448 с.
7. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. – М.: Худож. лит., 1965–1977.
8. *Скабичевский А.М.* <Несколько воспоминаний о М.Е. Салтыкове> // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 2. – С. 80–85.
9. *Строганова Е.Н.* М.Е. Салтыков и Н.Д. Хвоцинская: Факты и интерпретации // Щедринский сборник. Вып. 3. – Тверь: СФК-офис, 2009. – С. 50–67.
10. *Хайдебранд Ренате фон, Винко Симоне.* Работа с литературным каноном: Проблема гендерной дифференциации при восприятии и оценке литературного произведения // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. – М.: Изд-во РГГУ, 2000. – Вып. 2. – С. 21–80.

Тихомиров Владимир Васильевич
 доктор филологических наук
 Костромской государственной университет
 vtihom@mail.ru

«СНЕГУРОЧКА» А.Н. ОСТРОВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ (1873–1900)

Весенняя сказка «Снегурочка» вызвала немало недоумений и прямого непонимания у тех, кто относился к А.Н. Островскому как бытописателю и обличителю общественных пороков, кто придерживался утилитарных взглядов на искусство. В пьесе-сказке находили преобладание эпического и лирического начала в ущерб драматическому. В то же время пьеса продолжает поиски автором положительных начал в русской жизни, в духовной культуре, в народном характере. «Новое слово», высказанное, по мнению самого Островского, в «Снегурочке», – воплощение художественных поисков добра, любви, красоты, – с трудом постигалось не только читателями пьесы, но и исполнителями как музыкально-драматических, так и оперных спектаклей, и рецензентами. Лишь в самом конце XIX века, с распространением новой антипозитивистской эстетики, предполагающей синтез разных видов искусства (словесного, музыкального, хореографического, живописного) восприятие «Снегурочки» в театральном исполнении стало более глубоким и адекватным. Пьеса-сказка становится показателем и выражением глубины русской народной культуры.

Ключевые слова: «новое слово» и традиции, преодоление эстетики позитивизма, проблема синтеза искусств, соотношение мифа и реальности, поиски русской духовности.

Весенняя сказка «Снегурочка» своим появлением в 1873 году показала несостоятельность или, во всяком случае, относительность традиционного понимания А.Н. Островского как драматурга-бытописателя и преимущественно обличителя социального зла. Не случайными оказались недоумения многих читателей и профессиональных журналистов по поводу этой пьесы. И хотя сам Островский в письме Н.А. Некрасову 25 апреля 1873 года писал, что он в «Снегурочке» выходит «на новую дорогу» в творчестве [15, с. 130], его пьеса-сказка была логическим продолжением прежних художественных поисков и поэтических мотивов, проявлявшихся во всех, даже казавшихся преимущественно обличительными, пьесах. Справедливо утверждает Ю.В. Лебедев, что мотивы «Снегурочки» «долго зрели в душе писателя, заявляя о себе даже в самых острых социально-бытовых драмах, содержание которых никогда не сводилось у него к сатире и прямому обличению. В «Снегурочке» его поэтическая душа проявилась, наконец, в чистом, отрешённом от бытовой прозы жизни существе» [12, с. 7]. Близким этому представляется мнение И.А. Овчининой: «Для самого Островского “Снегурочка” стала сокровенным произведением, в котором нашли воплощение его мечты и его представления о важнейших нравственных и эстетических категориях. В богатейшем синтезе драматургического, повествовательного и лирического начал выразилась довольно полная и яркая картина жизни...» [16, с. 203].

Самые проницательные читатели пьесы-сказки, преимущественно литераторы, которым интересны и дороги были народно-поэтические и художественные достоинства произведения, оценили её положительно (например, И.А. Гончаров, И.С. Тур-

генов, М.М. Стасюлевич, А.Н. Пыпин) [18, т. 7, с. 590]. Гончаров проницательно и очень точно, в нескольких фразах указал на тесную связь «Снегурочки» со всем творчеством драматурга. По его мнению, Островский «воздвигнул... тысячелетний памятник» России, представив в своём творчестве «бесконечный ряд живых картин... от “Снегурочки”, “Воеводы” – до “Поздней любви”...» [8, с. 206]. Эта картина «одним концом... упирается в доисторическое время (“Снегурочка”), другим – останавливается у первой станции железной дороги...» [8, с. 202].

Рецепция «Снегурочки» прослеживается по разным источникам: это переписка автора пьесы с разными лицами, критические отклики на премьерный спектакль в мае 1873 года и последующие постановки, в том числе оперы Н.А. Римского-Корсакова на сюжет «Снегурочки», на первую публикацию в журнале «Вестник Европы» (1873, № 9). Интересны также более поздние обобщающие исследования пьесы-сказки и работы, уточняющие как особенности самого текста пьесы, так и её интерпретации в других видах искусства. Оценка «Снегурочки» определялась необычностью самого жанра пьесы-сказки и её поэтического содержания, а также тем, что она была предназначена для исполнения в необычном жанре праздничного спектакля-феерии. Все эти факты неоднократно обсуждались, были объектами научного анализа, однако представляет интерес комплексное осмысление материала, что само по себе поучительно и даёт импульс для более глубокого понимания пьесы-сказки.

«Снегурочка» имеет очень непростую литературную и театральную судьбу. По мнению Т.К. Шах-Азизовой, «весенняя сказка» Островского, «словно не имея самостоятельной ценности... чаще служила

материалом для разного рода художественных исканий» [24, с. 219]. И началась эта явная недооценка пьесы как литературного произведения с известного отношения к ней редактора «Отечественных записок» Н.А. Некрасова, предложившего автору «Снегурочки» за её публикацию обидевший драматурга низкий гонорар [15, с. 129–132]. Не имел большого успеха и спектакль по пьесе-сказке (премьера состоялась 11 мая 1873 года в Большом театре Москвы с участием драматической, оперной и балетной трупп обих ведущих московских императорских театров). После девяти спектаклей «Снегурочка» была удалена из репертуара.

Островский, внимательно следивший за подготовкой спектакля-феерии по «Снегурочке», присутствовавший на репетициях, проводивший, по его словам, «читки» по ролям с актёрами, не дождался премьеры спектакля и за несколько дней до неё, после генеральной репетиции, уехал в Щелково. Наверное, права Т.К. Шах-Азизова, объясняя этот факт тем, что уже на репетициях Островскому стало ясно, «насколько не складывается спектакль», и отъезд оказался результатом «его глубокого и тайного разочарования, в котором он не открылся даже друзьям» [24, с. 237]. Не случайно А.Н. Островский писал своему другу Ф.А. Бурдину 13 августа 1873 года (ещё до журнальной публикации «Снегурочки»): «Я имею так много лестных отзывов о ней как о литературном произведении, что за драматической славой и не гонюсь» [17, т. 15, с. 17]. Драматург, постоянно подчёркивавший, что пьеса должна звучать именно в спектакле, на сцене, что он меньше всего воспринимает её как литературное произведение, для «Снегурочки» как будто сделал исключение, видимо, потому, что спектакль в жанре феерии не совсем удался, не создана была гармония драматической, музыкальной, изобразительной, сценической составляющих.

Можно согласиться с мнением Т.К. Шах-Азизовой: «В эпоху дорежиссёрского театра, к тому же в эпоху бурного расцвета и дифференциации искусств пьеса, рассчитанная на воплощение средствами синтетического театра и театра единой воли, была обречена на неуспех» [24, с. 240]. «Снегурочка» как будто появилась преждевременно как плод авторской интуиции и прозрения, и не случайно она была оценена по достоинству лишь через несколько десятилетий, при иных эстетических пристрастиях, с преодолением позитивистских представлений об искусстве.

Присутствовавшие на премьерных спектаклях «Снегурочки» знакомые Островского (прежде всего драматург В.И. Родиславский и актёр М.П. Садовский) сообщали автору об отдельных удачных номерах и отсутствии цельности, ансамбля, о растянутости действия: спектакль продолжался более пяти часов [24, с. 235–237]. Это стало одной из причин негативной оценки спектакля в печати. Наи-

более доброжелательные из читателей и зрителей «Снегурочки» отмечали её поэтический и эпический характер и в то же время недостаточную сценичность. Именно поэтому комиссия Российской академии наук отказала «Снегурочке» в присуждении Уваровской премии в области драматургии.

Журнальная критика почти единодушно осудила пьесу после её публикации. Все претензии рецензентов можно свести к двум основным: это упреки в отступлении автора от социально-обличительной проблематики и констатация недостаточной сценичности пьесы. Показательно высказывание В.П. Буренина о драматурге и его новой пьесе: «...из-под его реального пера, нарисовавшего столько жизненных образов тёмного царства, начали выходить призрачно-бессмысленные образы Снегурочек, Лелей, Мизгирей и тому подобных лиц, населяющих светлое царство берендеев – народа столько же глупого, сколько фантастического. <...> Сравните “Снегурочку” с “Своими людьми” или с “Грозой”: какое безмерное расстояние между этими произведениями! <...> Г. Островский... всегда был только художник-сатирик. Он в своих комедиях являлся постоянно изобразителем тёмных сторон русской действительности. <...> Одно, что можно похвалить в “Снегурочке”, – это язык, приближающийся к народному складу. Да и тут, кажется, местами чувствуется фальшь и пересол...» [27].

Суждения Буренина о новой пьесе Островского – отражение того социального, позитивистского понимания творчества драматурга, наиболее характерным выражением которого были статьи Н.А. Добролюбова об Островском. В критических оценках «Снегурочки» имели место упреки в подражании Шекспиру («Сон в летнюю ночь») и другим европейским драматургам. «Снегурочка» не удовлетворяла многих читателей и критиков как по своей тематике, содержанию, так и по уровню художественности. Всё это можно объяснить прежде всего тем, что «новая дорога» творчества, о которой драматург писал Н.А. Некрасову 25 апреля 1873 года, с трудом воспринималась его современниками. Островский понимал ограниченность популярной в России в середине XIX века позитивистской концепции искусства и ранее многих других деятелей литературы обратился к поискам духовных и художественных ценностей в сфере традиционного народного уклада жизни и народного творчества. «Снегурочка» стала очередным и едва ли не решающим шагом к созданию эпического театра и психологической драмы Островского. Традиционные представления о драме, господствовавшие в европейской и русской эстетике, препятствовали признанию новых жанровых форм, проявившихся в «Снегурочке».

В критических оценках пьесы-сказки явно присутствовало непонимание и неприятие своеобразного сочетания фантастического и бытового

элементов в сюжетном действии [25]. Отмечалось наличие в пьесе посторонних моментов, не связанных сюжетом (например, типаж Елены Прекрасной с её склонностью к юному пастушонку Лелю). Рецензент, правда, признаёт своеобразие поэтического замысла «Снегурочки», однако находит слабым его исполнение. По мнению автора статьи, в сказке не выдержаны принципы простоты и наивности, в рассуждениях Мороза, Весны, Берендея много отвлечённой «поэтической вольности – и вместо живого правдивого произведения... тенденциозное, рефлексивное» [25].

Автор статьи о творчестве А.Н. Островского в «Одесском вестнике» С.Т. Герце-Виноградский подчёркивает, что «Снегурочка» не имеет отношения к действительности и поэтому бесполезна в общественном смысле, к тому же не сценична («драматизированная лирика»). По словам рецензента, новая пьеса Островского – «какой-то фантастический каприз, рафинированный от всяких реальных примесей и в этом отношении разительно отличается от “Своих людей” и “Грозы”». Сам сюжет пьесы-сказки, по мнению Герце-Виноградского, не соответствует драматическому роду, у которого «нет никаких ресурсов, чтобы изобразить неуловимую поэзию этих сюжетов и констатировать их на сцене» [20]. Более того, продолжает критик, «в отсутствии... эстетического такта, обнаруженного г. Островским, заключается грубая фальшь его не лишённой своеобразной прелести “Снегурочки”, но в общем, произведении слишком слабом» [20].

В статье «Заметки о русской журналистике» в «Биржевых ведомостях», А.П. Чебышев-Дмитриев констатирует сценический неуспех пьесы-сказки и тоже делает вывод, что подобный сюжет «может быть предметом для произведения лирической или эпической поэзии, но не драматической» [19]. Исходя из того, что история Снегурочки есть «история внутреннего мира души, богатого ощущениями, мыслями, чувствами, но эта жизнь молодого сердца мало зависит от хода внешних событий», критик заключает, что в сюжете пьесы мало «того движения в развитии главной темы, которое нужно для драматического произведения» [19].

Ещё один упрек высказывает Чебышев-Дмитриев по адресу автора «Снегурочки»: он не находит в пьесе настоящей народности и утверждает, что «миросозерцание, которое лежит в основе сказки, совершенно чуждо миросозерцанию народной нашей поэзии. Вся сказка Островского – это не произведение народное... а чужеземный и современный продукт, переряженный в древнерусское платье» [19], к тому же написанное под явным влиянием Шекспира. Справедливости ради напомним, что дальнейшие исследования «Снегурочки», выявившие её глубокие связи с русским фольклором, показывают, что рецензент «Биржевых ведомостей» здесь ошибался. Несмотря на серьёзные пре-

тензии к новой пьесе Островского, критик делает вывод, что опыт драматурга «заслуживает сочувствия, а сама сказка, при всех своих недостатках, настолько высоко возвышается над ними, что представляет собою замечательное явление» [19].

Рецензенты, осмысливавшие «Снегурочку» в рамках традиционной жанрово-родовой парадигмы, не могли принять новаторство драматурга, искавшего новые формы в сочетании представлявшихся несочетаемыми художественных приёмов.

О преимущественно эпическом характере пьесы-сказки рассуждал и П.Д. Боборыкин в статье «Островский и его сверстники» в журнале «Слово» По его мнению, автор в «Снегурочке» «поднимается до глубоко-эпических форм народной жизни и вводит в действие языческую мифологию русских славян... Если бы автор и совсем не вводил драматические движения, то и тогда он не испортил бы своей поэтической сказки» [3, с. 37].

Из десятка рецензий, посвящённых премьере «Снегурочки» в мае 1873 года, только одна была по-настоящему положительной. Некто, скрывшийся под псевдонимом «Москвич», опубликовал в петербургском журнале «Гражданин», редактировавшимся Ф.М. Достоевским, статью «Московские заметки» (1873, № 22), назвав пьесу-сказку «новым прелестным произведением» и удачным опытом переделки сказки в драматическое произведение. Имея в виду неоднозначное отношение публики к спектаклю и учитывая печатные отзывы о нём, рецензент отметил, что «одни сразу от неё отвернулись, ибо она выше их понимания, и заявили, что пьеса плоха, что она провалилась и т. д. Другие, к удивлению, заметили, что, когда они смотрели её во второй раз, она им стала нравиться. Музыка... своеобразна, и весьма хороша, главное – совершенно под характер всей пьесы» [14, с. 635–636]. Музыкальное сопровождение спектакля, сочинённое, по предложению самого драматурга, П.И. Чайковским, стало отдельной темой в обсуждении спектакля-феерии. Композитор с удовольствием принял предложение написать музыку к «Снегурочке»: пьеса-сказка ему понравилась, и он был удовлетворён своим сочинением, признаваясь в письме Н.Ф. фон Мекк: «Мне кажется, что в этой музыке должно быть заметно радостное весеннее настроение, которым я был тогда проникнут» [22, с. 262–263]. Островскому музыкальное сопровождение «Снегурочки» тоже понравилось. «Музыка Чайковского к “Снегурочке” очаровательна», – писал он Ф.А. Бурдину 21 апреля 1873 года [17, т. 15, с. 13].

М.М. Ипполитов-Иванов вспоминал о своей более поздней встрече с Островским в начале 1880-х годов: «С какой-то особенной душевной теплотой Александр Николаевич говорил о музыке Чайковского к “Снегурочке”, которая, очевидно, сильно мешала ему восхищаться “Снегурочкой” Римского-Корсакова... Несомненно, несложная,

искренняя музыка Чайковского, без яркого контрапунктического наряда Римского-Корсакова, была ближе душе Островского, и он не скрывал, что она была ему роднее, как народнику» [10, с. 65–66].

Однако имели место и другие суждения о том, насколько музыка Чайковского гармонировала с драматическим сюжетом пьесы-сказки. Композитора упрекали в манерности, в подражании Шуману и Мендельсону [25]. Этот же рецензент, впрочем, признал, что «автор музыки был счастливее в своём труде, чем г. Островский» [25]. Впечатление от музыки к спектаклю испортило неудачное её исполнение оркестром под управлением И.О. Шрамека, дирижёра, далёкого от понимания русского народного мелоса.

Сотрудник юмористического журнала «Развлечение» П.Г. Акилов категорически заявил, что «Снегурочка» свидетельствует о том, что Островский «исписался», а музыку Чайковского рецензент определил как монотонную «до усыпления» [1, с. 316]. Наиболее категоричные суждения о музыке к спектаклю «Снегурочка» высказал постоянный оппонент Чайковского Цезарь Кюи. В «Музыкальных заметках», напечатанных в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1873, № 307), он пишет: «Банальнейшие мысли, избитейшие гармонии, грубая отделка, вернее отсутствие отделки и формы, аляповатость, отсутствие вкуса и изящества. <...> Для... такой музыки не надо быть г. Чайковским, она под силу сочинителю и низшего разряда» [26].

Впрочем, и сам Островский не всегда положительно оценивал музыку Чайковского к «Снегурочке». По воспоминаниям сотрудника московских императорских театров К.Ф. Вальца (он в разное время был машинистом сцены и установщиком декораций), о музыке Чайковского к спектаклю «А.Н. Островский неоднократно выражал мнение, что музыка эта, несмотря на свою прелесть, не подходит и не выражает сущности сказки» [4, с. 25]. Исследователи склонны объяснять эту «нестыковку» мнений тем, что, несмотря на достоинства музыкального сопровождения «Снегурочки», оно оставалось именно сопровождением, иллюстрацией: «В результате в спектакле... оказались два хозяина, два равнозначные начала – драма и музыка, и, по свидетельству современника, жанр “полудрамы-полуоперы” был труден для восприятия зрителей» [24, с. 240]. В пьесе-сказке находили некоторое приближение, не совсем удачное, к вагнеровскому «идеалу драматического произведения», совмещающего «и речи, и пение, и пляски», предполагающее слияние их в «едином потоке действия, без явных и резких стыков между отдельными искусствами» [24, с. 240]. Этого синтеза искусств в исполнении феерии в «Снегурочке» и не получилось.

Следующим этапом художественного осмысления и сценической интерпретации пьесы-сказки стала опера Н.А. Римского-Корсакова

«Снегурочка» (1880–1881 гг.). Премьера оперы состоялась 29 января 1882 года в Мариинском театре С.-Петербурга. Получив согласие Островского на написание оперы на сюжет «Снегурочки», Римский-Корсаков сам написал к ней либретто, местами сокращая и изменяя текст (с согласия автора). В результате пьеса была подвергнута своего рода «музыкальной режиссуре» и появилась «опера-драма с непрерывным развитием действия, основанном на системе лейтмотивов», в которой проявилось «тяготение» композитора к «древнему русскому обычаю и языческому пантеизму» [24, с. 242, 241]. Через год, в январе 1883 года, опера была поставлена в московском Большом театре. Она с трудом достигала признания музыкальной общественности и критики: в опере находили недостаток драматизма, длинноты, преобладание симфонических качеств. Однако со временем «барьер непонимания был преодолен, и к началу 1900-х годов опера “Снегурочка” Н.А. Римского-Корсакова с успехом исполнялась в разных театрах» [24, с. 244].

Отношение Островского к опере Римского-Корсакова тоже было неоднозначным. Сохранились разные свидетельства об этом. По воспоминаниям музыкального критика С.Н. Кругликова, впечатление драматурга от музыки, которую ему проигрывал композитор, было более чем положительным. Кругликов приводит слова Островского: «Музыка Корсакова к моей “Снегурочке” удивительна, я ничего не мог себе представить более к ней подходящего и так живо выражающего всю поэзию древнерусского языческого культа и этой сперва снежно-холодной, а потом неудержимо-страстной героини сказки» [цит. по: 24, с. 243]. А вот свидетельство из воспоминаний С.И. Мамонтова о постановке «Снегурочки» в Частной русской опере: «...когда я объяснил ему, что приехал его приглашать на репетицию оперы Р<имского>-Корсакова, он ответил: “Не поеду”. – “Но почему же?” – спросил я в недоумении. “Не поеду”, – повторил А<лександр> Н<иколаевич> и добавил: “Слышал я это в Петербурге – это не музыка. Вот “Травиата” – это музыка, а это не музыка”. И сколько я его не убеждал, так и не поехал» [цит. по: 24, с. 244]. Исследовательница полагает, что «новая музыка действительно была не слишком близка Островскому», потому что «в своих художественных склонностях он был достаточно традиционен и даже порой консервативен, особенно в последние годы жизни» [24, с. 244].

Оперные спектакли «Снегурочки» и в Петербурге, и в Москве вызвали достаточно противоречивые отклики в печати, преобладали негативные суждения. Петербургская премьера «ещё была далека от необходимого для этой драматургии и этой музыки синтеза искусств – снова ставилась феерия, но без особой режиссёрской выдумки

и мастерства; танцы были поставлены небрежно; в оформлении спектакля недоставало единого образного решения» [24, с. 245]. Пестрота, разноразличия отличали и оформление спектакля в Большом театре в Москве. Преодоление театральной рутины и стремление обрести самобытность и найти соответствующие глубинному смыслу «Снегурочки», её народному характеру, её поэтике связано с постановкой оперы Н.А. Римского-Корсакова в Частной русской опере С.И. Мамонтова в 1885 году. Сценическим открытием в этом спектакле было его оформление В.М. Васнецовым в содружестве с К.А. Коровиным и И.И. Левитаном. Обобщая впечатления и суждения об этой постановке, Т.К. Шах-Азизова констатирует: «В... спектакле, быть может, впервые на русской сцене предстала та гармония искусств, которой требовала “Снегурочка”. При этом живопись, соединяясь с музыкой в общем национальном чувстве, поэтическом и земном, приносила и нечто своё – не только внезапную достоверность подлинно народных костюмов... но и лёгкий, проскальзывающий отсветами юмор и... наивность». «Эстетическая реабилитация “Снегурочки” состоялась при помощи других искусств – музыки и живописи, раскрывших и развернувших тот лиризм и то зрелищное богатство, которое заложено в пьесе; но это была скорее реабилитация материала пьесы, чем её самой как факта драматургии» [24, с. 248, 249].

В.М. Васнецов стал одним из основателей традиции по-настоящему художественного оформления спектаклей в русском театре. Логическим завершением его интереса к теме «Снегурочки» стала одноимённая картина, изображающая девушку на фоне зимнего леса (1899 г., ГТГ). К тому же времени относится изготовленный М.А. Врубелем цикл майоликовых фигур на тему пьесы-сказки Островского. Так началась перекодировка темы «Снегурочки» в других видах русского искусства.

Настоящий успех пришёл к опере «Снегурочка» в исполнении Частной оперы С.И. Мамонтова лишь через десять лет, в середине 1890-х годов, когда и исполнители, и публика, можно сказать, «созрели» для воплощения и восприятия её истинной глубины. В это время были ещё попытки возобновить постановку «Снегурочки» как пьесы-феерии, например, режиссёром М.В. Лентовским в его Театре XIX столетия, но без особого успеха. Только в самом конце века, в сезон 1900/1901 годов, русский театр, словно спохватившись, обратился к драматическому тексту «Снегурочки» силами самых известных театральных коллективов: в Москве в Новом театре (режиссёр А.П. Ленский) и МХТ (постановка К.С. Станиславского) и в Петербурге – в Александринском театре, где спектакль ставился в традициях дорежиссёрского театра.

Новый театр – филиал Малого – соблюдал традиции А.Н. Островского, А.П. Ленский в «Снегу-

рочке» «стремился к единству смысловой, зрелищной и музыкальной сторон спектакля, и музыка Чайковского стала ему союзником... средством объединения спектакля, создания поэтического настроения» [24, с. 252]. Ленский ставил сказку-феерию, и в его спектакле не всё было гармонично, однако оказалось реализовано «создание сложного и яркого зрелища... на основе пьесы с двойственной природой правды и сказки» [24, с. 253].

Постановка «Снегурочки» в Новом театре получила в целом положительную оценку в печати, хотя и не безоговорочную. Оригинальный анализ пьесы и спектакля, явно в духе символистской поэтики, дал театровед Н.Е. Эфрос: «“Снегурочка” написана в неуловимо нежных очертаниях, трогательно-прекрасных прежде всего своею мягкою поэтикою. “Овеществляя” её на подмостках, так легко её огрубить и, в погоне за сохранением фантастичности, подменить эту последнюю феерию... Наконец, всё действие “Снегурочки” поистине вне времени и пространства, в туманном царстве грёз. А сценическая постановка – она прежде всего хочет определённости». Задача режиссёра-постановщика – «придать конкретной постановке возможную поэтичность, найти среднее между фантастичностью сказки и реализмом сцены и дать иллюзию всех волшебных причуд сцены» [21, с. 670–671]. Таким режиссёром-художником, по мнению Эфроса, и стал А.П. Ленский: «“Снегурочка” на сцене Нового театра осталась в полной мере “Снегурочкой” Островского, сохранив всю свою нежность и сказочную неуловимость. Кое-какие промахи, то декоративные, то постановочные, то в самом исполнении, не ослабили впечатления» [21, с. 671].

О соотношении музыкальной и драматической составляющих спектакля в Новом театре рассуждал критик С.В. Васильев (Флёров): «Музыка П.И. Чайковского к “Снегурочке” – нечто самостоятельное, хотя и навеянное данным драматическим положением... Она слишком самостоятельна для того, чтобы достигать только вспомогательных целей. Она не помогает пьесе Островского» [5]. Сомнения в органичности музыки Чайковского в этом же спектакле высказал рецензент «Новостей дня», обратившийся к исполнителям с вопросом: «Только не слишком ли много музыки и пения, благодаря которым так затягивается спектакль, утомляется зритель, и вместе с тем невольно ослабляется интенсивность впечатлений?» [7]. Критики досконально проанализировали не только общую сценографию спектакля, но и характер исполнения главных ролей, и высказали немало претензий, основанных на их собственных представлениях о персонажах. По справедливому мнению Н.П. Кашина, «критика, отмечая некоторые недочёты и промахи в постановке и в исполнении, всё же находила её выдающимся явлением и предсказывали ей шумный успех, что и оправдалось

в действительности» [11, с. 107]. Спектакль ставился на сцене Нового театра 69 раз на протяжении пяти лет.

Сложнее оказалась судьба спектакля по «Снегурочке» в МХТ под руководством К.С. Станиславского. Тот же Н.Е. Эфрос положительно оценил режиссуру и сам спектакль за смелость, подчеркнув, что эта постановка – «создание человека с колоссальной, бурной, неудержимой фантазией. Она намечалась, в своих главных очертаниях, в каком-то творческом экстазе. Смело скажу, никогда ещё ни у какого русского режиссёра не было такого богатства и блеска вымысла... Больше всего захватывает Станиславского сочетание красок... Красоту живописную он чувствует неизмеримо лучше и сильнее, чем красоту слова» [23]. Однако режиссёрские фантазии Станиславского повлекли за собой вольное обращение с текстом пьесы, сокращения и искажения, доходящие до «несуразности» и «нелепости» [11, с. 107]. На эти издержки режиссёрского театра обратили внимание и другие рецензенты. По справедливому замечанию Н.Е. Эфроса, пьесу Станиславский «ценит только как толчок его фантазии, признаёт только как канву, по которой вправе уже расшивать свои собственные узоры» [23]. Главная установка спектакля в МХТ была на зрелищность. Помощник Станиславского А.А. Санин писал ему после одной из репетиций: «Ставился вчера пролог. Это – фурор, волшебство... Обстановка задавит текст, поэзию, полчаса будут думать, “как они это всё соорудили...”» [цит. по: 6, с. 83].

В результате так и получилось: не только в постановке Пролога, но и во всём спектакле красочность и «избыточность богатства формы» уведили действие «за рамки пьесы, наперекор её ясным требованиям» [6, с. 312]. Вскоре сами организаторы спектакля в МХТ убедились в излишестве изобразительного начала в нём. В.Э. Мейерхольд, который в это время был актёром МХТ, сначала одобрил постановку. Он писал А.П. Чехову 4 сентября 1900 года: «“Снегурочка” почти слажена. Постановка пьесы изумительна. Столько красок, что, кажется, их хватило бы на десять пьес» [13, с. 80]. Однако после нескольких спектаклей, когда стало ясно, что успехом пьесы не пользуется, он пишет А.П. Чехову 1 октября того же года: «“Снегурочка”, на которую потрачено безумное количество артистических сил, столько напряжений, режиссёрской фантазии и столько денег, – провалилась... Публика, равнодушная и к красоте пьесы, и к тонкому юмору её, критиканствует, повторяя мнения разных “ведомостей” и “листочков”. Сборы уже начинают падать. Все чувствуют себя неловко... В чём дело? <...> Часть вины пусть примет на себя наш главный режиссёр: опять перемудрил» [13, с. 81]. Спектакль был поставлен всего 21 раз.

Показательны суждения об этом спектакле МХТ А.М. Горького, который писал А.П. Чехову в сен-

тябре 1900 года под впечатлением от генеральной репетиции «Снегурочки»: «А вот “Снегурочка” – это событие! Огромное событие – поверьте! Я хоть и плохо понимаю, но почти всегда безошибочно чувствую красивое и важное в области искусства. Чудно, великолепно ставят художники эту пьесу, изумительно хорошо! Я был на репетиции без костюмов и декораций, но ушёл из Романовской залы очарованный и обрадованный до слёз» [9, с. 130]. Автор письма в восторге от исполнителей, по его мнению, «все хороши, один другого лучше... Они, как ангелы, посланные с неба рассказывать людям глубины красоты и поэзии» [9, с. 130]. Возможно, впечатление от игры артистов МХТ у Горького было потому столь глубоким, что его восприятию не мешала роскошная сценография, которая в самом спектакле, как указывал Санин, «задавила текст». Впрочем, А.М. Горький и сам спектакль принял восторженно, в соответствии со своими возвышенными эстетическими взглядами в это время [24, с. 256]. Он пишет после премьеры: «“Снегурочкой” очарован... Господи, как всё это было славно! Как сон, как сказка». Музыка к «Снегурочке» в постановке МХТ написал А.Т. Гречанинов, и она тоже понравилась Горькому: «Музыка в “Снегурочке” – колоритна до умопомрачения. Гречанинов... любит народную песню, знает её и прекрасно чувствует <...> ...До слёз хороша – простая, наивная, настоящая русская» [9, с. 132].

Кстати, А.Т. Гречанинов сотрудничал как композитор с МХТ со времени его основания в 1908 году и был автором музыки почти ко всем спектаклям театра в это время. В музыке к «Снегурочке» он силами оркестра постарался имитировать звучание древних народных инструментов, пытался воссоздать подлинное звучание разных природных явлений, сделать музыку этнографически близкой древней эпохе и персонажам. Станиславский музыке одобрил, но вот Мейерхольд пишет А.П. Чехову: «Гречанинов... перецеголял Римского-Корсакова наивной простотой и стильным колоритом. Есть в музыке места, когда публика вдруг раздражается гомерическим хохотом. И заметьте, такое впечатление на публику производят не слова, а только музыка» [13, с. 80]. Вообще Мейерхольд был суров не только по отношению к спектаклю МХТ, но и к самой пьесе-сказке: «Очевидно, “Снегурочка” отжила свой век. Очевидно, что “современной смуте”, на развалинах строя всей нашей жизни – мало призыва к одной лишь красоте...» [13, с. 81].

В самом конце XIX века, в декабре 1900 года, состоялась премьера «Снегурочки» в петербургском Александринском театре. Это был первый драматический спектакль в Петербурге, не считая любительских, до этого в столице ставилась лишь опера Н.А. Римского-Корсакова. Спектакль не стал значительным событием и не получил сколько-нибудь высокой оценки в печати. В журнале «Театр

и искусство» Арсений Г. [Гурлянд] достаточно резко отозвался и об оформлении спектакля, и об игре исполнителей, в которой, по его мнению, проявлялась игра «на публику», установка на развлечение. Даже бывшая в это время уже достаточно знаменитой В.Ф. Комиссаржевская, считает рецензент, «должна скорее забыть, что она когда-либо выступала в роли Снегурочки. <...> У неё нет намёка на непосредственность Снегурочки, во всём её... замысле нет намёка на народность её образа» [2, с. 7]. Впечатление от спектакля Гурлянд выразил словами: «...общее – скука. Скука томительная, унылая, беспросветная» [2, с. 7].

Далеко не полный анализ процесса осмысления пьесы-сказки А.Н. Островского «Снегурочка» литературной, театральной, музыкальной критикой, общественностью, использования её образов и мотивов в других искусствах со времени появления в 1873 году до 1900 года показывает, насколько непростым был путь её понимания и интерпретации. Пожалуй, ни одно другое произведение русского драматурга не вызывало столько сомнений, возражений, упрёков – и восторгов, как читателей, так и критиков, и зрителей, как «Снегурочка». Её глубокое новаторство, её художественные, поэтические достоинства потребовали углублённого проникновения в её смысл, и в названное время не возникло ни одного спектакля, драматического или музыкального (оперного), ни одного адекватного литературно-критического анализа, в котором можно было бы обнаружить равноценное авторскому замыслу исполнение или объяснение. На рубеже XIX–XX веков появились опыты научного исследования «Снегурочки» – но это уже тема отдельного изучения.

Библиографический список

1. Акилов П. Театральные заметки // Развлечение. – 1873. – № 20. – С. 314–320.
2. Арсений Г. [Гурлянд]. «Снегурочка» // Театр и искусство. – 1901. – № 1. – С. 6–8.
3. Боборыкин П.Д. Островский и его сверстники // Слово. – 1878. – № 8. – Отд. 2. – С. 35–42.
4. Вальц К.Ф. Первая постановка «Снегурочки» (Из воспоминаний) // Островский. 1823–1923: К 100-летию со дня рождения / под ред. А.А. Бахрушина, Н.Л. Бродского, Н.А. Попова. – М.: Изд-во ВТО, 1923. – С. 22–25.
5. Васильев С. [С.С. Васильев (Флёров)]. Театральная хроника // Московские ведомости. – 1900. – 18 сент.
6. Виноградская И.Н. Жизнь и творчество К.С. Станиславского. Летопись: в 4 т. – М.: Изд-во ВТО, 1971. – Т. 1. – 548 с.
7. В. П. [Преображенский]. «Снегурочка» // Новости дня. – 1900. – 10 сент.
8. Гончаров И.А. <Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском> // И.А. Гончаров-критик. – М.: Сов. Россия, 1971. – С. 194–207.
9. Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1954. – Т. 28.
10. Иннолитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М.: Госмузиздат, 1934. – 160 с.
11. Кашин Н.П. «Снегурочка». Весенняя сказка в четырёх действиях с прологом А.Н. Островского (Опыт изучения) // А.С. Пушкин. А.Н. Островский. Западники и славянофилы: новые материалы, письма и статьи / ред. Н.Л. Мещеряков. – М.: Соцэкгиз, 1939. – С. 69–120. – (Труды: Всесоюзная библиотека им. В.И. Ленина; сб. 4):
12. Лебедев Ю.В. Об истоках «весенней сказки» А.Н. Островского «Снегурочка» // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского: материалы научно-практической конференции / отв. ред. Ю.В. Лебедев. – Кострома, 2001. – С. 7–13.
13. Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. – М.: Искусство, 1968. – Ч. 1. – 261 с.
14. Москвич. Московские заметки // Гражданин. – СПб., 1873. – № 22. – С. 635–636.
15. Некрасов Н.А. Переписка: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1987. – Т. 2. – 560 с.
16. Овчинина И.А. А.Н. Островский. Этапы творчества. – М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999. – 220 с.
17. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 15. – 328 с.
18. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство. – Т. 7. – 606 с.
19. П., Ч. [Чебышев-Дмитриев А.П.] Заметка о русской журналистике // Биржевые ведомости. – 1873. – 16 сент.
20. С. Г.-В [Герце-Виноградский С.Т.] Очерки современной журналистики // Одесский вестник. – 1873. – 18 сент.
21. Старик [Эфрос Н.Е.] Из Москвы // Театр и искусство. – 1900. – № 38. – С. 670–671.
22. Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон Мекк: в 3 т. – М.; Л.: Academia, 1935. – Т. 2. – 678 с.
23. –Ф– [Эфрос Н.Е.] «Снегурочка» // Новости дня. – 1900. – 27 сент.
24. Шах-Азизова Т.К. Реальность и фантазия («Снегурочка» А.Н. Островского и её судьба в русском искусстве последней трети XIX и начале XX в.) // Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XIX века / отв. ред. Г.Ю. Стернин. – М.: Наука, 1982. – С. 219–263.
25. «X» Письмо в редакцию «СПб. Ведомостей» // СПб. Ведомости. – 1873. – 23 мая.
26. «XXX» [Кюи Ц.] Музыкальные заметки // СПб. Ведомости. – 1873. – 7 ноября.
27. «Z» [Буренин В.П.] Журналистика // СПб. Ведомости. – 1873. – 11 сентября.

Холодова Зинаида Яковлевна
 доктор филологических наук, профессор
 Ивановский государственный университет
 kholodova_z@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ М.М. ПРИШВИНА: ФОЛЬКЛОРНЫЙ АСПЕКТ

В статье исследуется фольклорный аспект художественного мышления М.М. Пришвина: рассматриваются собственно фольклорная деятельность писателя (собираение сказок, осмысление фольклора в статье «Плагатор ли Ремизов?» и в дневнике), а также пути и способы освоения устного народного творчества в художественных произведениях. Самобытность Пришвина как писателя определило его восприятие мира как сказки. Содержание и проблематика пришевских литературных сказок типичны для жанра романа (рождение «нового сознания», духовное и нравственное созревание героя, взаимоотношения личности и общества и т. д.), но они обогащены «памятью жанра» сказки, заключающего в себе народную философию. Развитие темы в сказке-были «Кладовая солнца», повести-сказке «Корабельная чаща» и романе-сказке «Осударева дорога» определяется фольклорными принципами: рассказывается о борьбе добрых и злых сил, поисках истины, сказочное начало формирует категории пространства и времени, используются мотивы и образы народной сказки. Сочетанием реальности, философии и сказки отмечен и автобиографический роман «Кашеева цепь». Пришвина, по его признанию, увлекло создание «правдивой сказки, народной в существе своем, но без традиционного народного мифа». Не мысливший литературное творчество вне творчества народа, Пришвин с гордостью называл себя писателем, прошедшим школу фольклора, тем самым обозначив истоки и существенные особенности своего творчества.

Ключевые слова: художественное сознание, дневник, художественное творчество, фольклорные традиции, сказка-быль, повесть-сказка, роман-сказка.

М.М. Пришвин как писатель сформировался в Серебряном веке, особенно сблизившись, по его признанию, с «теми, кого называли декадентами, потом модернистами и, наконец, символистами» [3, с. 186]. В русле модернизма в основном сложились его эстетика и поэтика. Пришвин был восхищен широтой интересов, вниманием к глобальным общекультурным, религиозным, этическим проблемам, эстетизмом Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, В.И. Иванова, А.А. Блока, А.М. Ремизова. Особенно привлекало к нему начинающего писателя их стремление приобщиться к национальной фольклорной стихии.

Фольклор играл важную роль и в творчестве модернистов, и в теории. Они искали в устном народном творчестве поэзию мировых стихий, двойных намеков, мистические и религиозные мотивы, и поэтому в первую очередь их интересовали языческие мифы, волшебные сказки, заклинания, духовные стихи. Так, сказка, легенда, заклинания лежат в основе творчества Ф. Сологуба; заговоры и былины отразились в поэзии К. Бальмонта; сказочно-демонологический фольклор как органичная «стихийная» струя вошел в творчество А. Блока, С. Городецкого. Как исследователи фольклора в своих статьях выступали Вяч. Иванов, А. Блок, К. Бальмонт, С. Городецкий. Пришвину импонировал интерес модернистов к народным началам творчества, к глубинным, онтологическим корням фольклора. Начинаящий писатель видел в фольклоре общечеловеческое начало: «Все эти сказки и былины говорят о какой-то неведомой общечеловеческой душе. В создании их участвовал не один только русский народ. Нет, я имею перед собою не национальную душу, а всемирную, стихийную, такую, какою она вышла из рук творца» [10, с. 201]. Но не менее зна-

чимы были для Пришвина и исследования Н.Е. Ончукова, братьев Ю. и Б. Соколовых, – ученых, стремившихся через устное народное творчество понять жизнь народа. Едва ли случайно, что именно по совету Н.Е. Ончукова Пришвин поехал на Север собирать сказки и былины. Записанные им тексты фольклорных произведений Н.Е. Ончуков включил в сборник «Северные сказки».

Собственно фольклорная деятельность Пришвина не исчерпывается записями произведений устного народного творчества. В статье «Плагатор ли Ремизов?» (Слово. 1909. 21 июня), поддержав ремизовские принципы обработки фольклорного материала, Пришвин сказал о двух способах «сделать худож[ественный] пересказ произведений народной поэзии: 1) развитием подробностей (амплификация), 2) прибавлением к тексту», о важности не только текста, но и сопутствующего ему «особого... интимного поэтического настроения». Можно обнаружить несомненную близость к ремизовскому взгляду на воспроизведение фольклорного материала. Пришвин в своих книгах так же, как и Ремизов, стремился передать поэтическое настроение, возникающее при слушании сказок, былин, рассказов северных крестьян. Однако была и существенная разница: если для Ремизова важно воссоздание народного мифа, то Пришвина увлекло создание «правдивой сказки, народной в существе своем, но без традиционного народного мифа» [9, с. 663].

Понимание фольклора и принципов его художественного освоения высказано писателем не только в статье, но и в дневниковых записях, и в художественных произведениях. В литературу Пришвин вошел как автор путевых очерков о жизни Севера: «В краю непуганых птиц» и «За волшеб-

ным колобком», в которых проявилась оригинальность его таланта. Ежегодно до начала мировой войны выходят очерки-романы, написанные на основе впечатлений от путешествий: после поездки в Керченские леса – «У стен града невидимого», впечатления от поездки в Среднюю Азию отразились в очерке-поэме «Черный араб»; результатом путешествия в Крым явилась книга «Славны бубны». Яркостью и образностью языка, художественностью описаний восхищались Блок, Ремизов, З. Гиппиус, Горький, имеющие противоположные взгляды по многим вопросам искусства. Критики обратили внимание на то, что пришвинские книги – лишь внешне этнографические очерки, в них большую роль играет сказочность, по мнению Е. Елачица, чрезмерно большую: книга «За волшебным колобком», считает критик, «совсем испорчена именно этим сказочным элементом» [1, с. 127]; по словам В. Львова-Рогачевского, Пришвин, поэт-сказочник, принес в «темную келью... свою нежную сказку» [2, с. 335].

Необычными были не соотношение героев произведений со сказочными персонажами и использование элементов сказочной композиции (в частности, не характерный для сказки зачин, как в книге «За волшебным колобком»: «В некотором царстве, в некотором государстве жить стало людям плохо, и они стали разбегаться в разные стороны. Меня тоже потянуло куда-то» [10, с. 184]) и т. п. Подобное можно увидеть и в книгах других писателей XX века (особенно ярко эти особенности проявились в произведениях наиболее близкого Пришвину А.М. Ремизова). Главное, что в первую очередь определило самобытность Пришвина, – восприятие им мира как сказки.

Мысль о возможности «рассказать... действительность как сказку» возникла у него во время работы над книгой «Славны бубны» в Крыму. Тогда, в 1913 году, он размышлял: «Сказка, основанная на факте, чудеснее факта. В старину любили рассказывать сказку как действительность, почему бы не рассказать теперь действительность как сказку...» [12, с. 677]. Пришвин осознал, что его «призвание – вбирать в себя, как губка, жизнь момента времени и места и сказочно или притчами воспроизводить» [3, с. 115]. Не случайно, считал он, именно «сказочные рассказы “Крутоярский зверь” и “Птичье кладбище”, написанные по впечатлению от летней охоты в Брыни, впустили... в область искусства, художественные журналы раскрылись...» [5, с. 158]. Известно, что в творческие планы Пришвина в 1910-е годы входило создание книги сказок: «...том сказок: весенние, летние, осенние, зимние. Летняя: “Бабыя лужа”, осенняя: “Птичье кладбище”» [4, с. 164]. Возникли идеи: «“Черного араба” превратить в целую “экзотическую” книгу, “Птичье кладбище” – в книгу земных русских сказок...» [4, с. 151].

Размышления писателя о действительности и сказке, которая «может быть реальнее самой жизни», о связи литературы и фольклора раскрывают его понимание природы художественного творчества. «В жизни мы разделены друг от друга и от природы местом и временем, но сказитель, преодолев время и место (в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе), сблизает все части жизни одна с другой, так что показывается в общем как бы одно лицо и одно дело творчества, преобразования материи, – писал Пришвин. – При таком понимании сказка может быть реальнее самой жизни... Это один процесс творчества, который приводит к ясности, а другой процесс строительства самой жизни, когда нужно в добытую сказку вдвинуть время и место. Есть ли это дело художника? Нет, это дело человека, но труд художника, поскольку он тоже человеческий труд, дает прекрасный пример воплощения, потому что, делая свое любимое дело, он посредством этой любви преодолевает скуку труда и в то же время трудится, как и все» [3, с. 157].

Исследователи часто приводят слова Пришвина о его понимании сказки «в широком смысле как явление ритма» [13, с. 718], но не разъясняют, что писатель имел в виду под ритмом. Вопрос этот не так прост, как кажется. Из записи от 7 января 1932 года узнаем, что Пришвин различал два вида ритма: линейный и движение по кругу. «Революция движется линейно, события и лица проходят в это время без ритма, а время общей жизни мира (солнце всходит и заходит) идет ритмически: сколько раз солнце взойдет и закатится, пока вырастет и кончится человек. Поэзия есть светлая атмосфера, заря сознания человека. Пусть рушится быт, но ритм жизни и без быта может питать поэзию, конечно, опираясь на то же солнце (всходит и заходит). Но это понимание («моё», – указывает он в скобках. – З. Х.) не “революционно” – это биологизм – все революционное движется по линии (не по кругу). Ритм движения по кругу с уходом и возвращением, восходом и закатом – здравствуй и прощай, дедушка внуку сказку рассказывает про Ивана-царевича. А то вот предполагается линейный ритм, положим, едем в поезде, и колеса мерно отщелкивают: “По-гуляй-погуляй!” Вот именно, что все является и пропадает без возвращения: усвоили и бросили, как выжатый лимон. И дедушки нет. Движение по линии на луну, теснота внутри...: умерших и больных выбрасывают без слез. Личность за шиворот и в чан. Тут тоже стихия. <...> Родину, мать, отца, друга – все ради движения вперед без возвращения» [6, с. 12]. По Пришвину, «питать» поэзию может лишь ритм жизни как движение по кругу, или, в его терминологии, поэтический ритм. «Сказку, не подчиненную поэтическому ритму, я исключаяю» [цит. по: 13, с. 718], – признавался он.

Пришвин с юности до конца жизни признавал счастье «единственным, необходимым условием

бытия» [4, с. 178], а несчастье считал небытием. Остаться художником в трудные годы «мировой катастрофы», а затем и годы «строительства» социализма ему помогла вера в «неиспорченность жизни», его восприятие жизни как сказки, то есть поэтическое видение мира. Пришвин писал в дневнике в 1925 году: «Люди живут не по сказкам, но непременно у живого человека из жизни складывается сказка, и если, пережив, оглянуться на прошлое, то покажется, будто жизнь складывалась сказкою. Вот я свою сказку уже начинаю замечать» [6, с. 158].

Вполне убедительна трактовка направления мысли писателя В.Д. Пришвиной: «Сказка как произведение, вытекающее из поэтического видения мира, как бы предвосхищает действительность и прокладывает путь, по терминологии Пришвина, в “небывалое”. Иными словами, каждому делу предшествует мечта, и каждая сказка превращается человеком в правду» [13, с. 717]. Следовательно, сказка является созидательной силой мечты. Стремление сказку обратить в правду определило творческие поиски Пришвина. Так, причину невысокого уровня литературы для детей в 1930-е годы Пришвин видел в том, что «писатель плохо сознает себя строителем будущего, создателем радости», и предложил свой путь: «сказка, путешествие, секрет вечной молодости» [3, с. 286].

Пришвин стремился «осуществлять мечту: создать сказку жизни, чтобы читали... детский рассказ, как сказку, все возрасты. Это единственно возможная теперь литература. В такой форме единственно художник может служить будущему» [3, с. 315]. В своих детских рассказах и произведениях для взрослых Пришвин хотел достичь «прелести фольклора», его выразительности, простоты, сжатости, и ему это удавалось. Когда «Новый мир» отверг публикацию цикла «Рассказы о прекрасной маме» (впоследствии названного «Рассказы о ленинградских детях»), считая их неактуальными по теме, Пришвин ринулся на защиту произведения от «погромной цензуры», подчеркивая его художественные достоинства: «Серия этих рассказов, предложенная “Новому миру”, имеет внешний вид чрезвычайно простых очерковых миниатюр, лишь тематически связанных между собою. На самом деле “простота” эта и есть труднейшее достижение и содержит в себе огромную работу автора, прошедшего школу фольклора. Если всмотреться в вещь, то каждая миниатюра является одной из необходимых граней, создающих цельное впечатление у бойца на фронте о любовном отношении к детям, оставленным им в глубоком тылу» [8, с. 663].

Особое место в творчестве Пришвина занимает сказка-быль «Кладовая солнца» с главной мыслью – «правда есть правда вековечной суровой борьбы людей за любовь» [11, с. 250]. Основной конфликт – борьба добрых и злых сил, света

и тени – заимствован из сказки, и в композиции обнаруживается связь с народной сказкой, где традиционна троекратность ситуаций и обращений: три порыва ветра (первый заставляет стонать сросшиеся деревья – ель и сосну, второй доносит волку жалобный вой собаки, третий уносит крик Митраши в сторону от Насти), три раза прокричали журавли. Особенно отчетливо ритмический строй сказки проступает в 4-й, 5-й и 6-й главах, заканчивающихся воем деревьев, воем собаки и волчьим воем, причем вой собаки и волчий вой противопоставлены так же отчетливо, как на протяжении всей сказки добрые силы природы противопоставлены злым силам. Для передачи нерасторжимой связи человека и природы Пришвин пользуется олицетворением, родившимся из анимистических представлений древних людей: и олицетворение растений, и очеловечивание птиц и животных придают сказочный характер изображаемой реальности, и в то же время глубокий лирико-философский подтекст раскрывает мысли писателя о жизни, правде, взаимоотношениях человека и природы.

Возможно, натолкнул Пришвина на полемическую мысль создать современную сказку М. Горький, редактор сборника, посвященного строительству Беломорско-Балтийского канала, воспевавшего «небывалую сказочную действительность». Пришвину, в отличие от «пролетарского сказочника», жизнь 1930-х годов не казалась «небывалой» и «сказочной». Он избрал путь изображения действительности через иносказание, что позволило ему выразить свои мысли. Конечно, проявилась и оригинальность таланта Пришвина-художника, но дало себя знать и постоянно испытываемое давление социума.

«Свою сказку писатель сочетает с усилием сохранить в ней правду, то есть сохранить в сказке правдивость очерка, или, как он сам говорил, он стремится создать современную правдивую сказку» [13, с. 718]. В основе «Осударевой дороги» и «Корабельной чаши» находится действительность, но преображенная, пронизанная светом мечты. Содержание и проблематика этих произведений типичны для жанра романа (поиски человеком своего места в жизни, взаимоотношения личности и общества, рождение «нового сознания», духовное и нравственное созревание героя и т. д.), но они обогащены «памятью жанра» сказки, заключающего в себе народную философию, сконцентрированного в вечные, нетленные ценности, «интимно-вечное человечества», как говорил Пришвин. Не только используются мотивы и образы народной сказки, но и развитие темы определяется фольклорными принципами: рассказывается о борьбе добрых и злых сил, поисках истины, справедливости, добра, сказочное начало формирует категории пространства и времени, легендарное прошлое вводится в современную действительность, «под-

свечивает» ее, образует подтекст. В то же время как бы специально жанровыми определениями «роман-сказка», «повесть-сказка» подчеркнута, что изображаемое отличается от реальности. Избранный путь изображения действительности через иносказание позволил писателю выразить свои «потаянные» мысли.

В повести-сказке «Корабельная чаша», задуманной как продолжение «Кладовой солнца», писатель сначала хотел соединить повествование о путешествии детей с рассказом о жизни леса, что несколько не умалило бы значимость в произведении сказочного начала. Пришвин писал: «Наука в моем деле служит проверкой и укреплением моей сказки, благодаря записи я смею со сказкой своей подходить к самым обыкновенным существам, как Иван Царевич подходил к заколдованным кладбищам и во внутреннем содержании вещей находить и будить спящую Марью Моревну [3, с. 286]. Писатель планировал назвать повесть «Правда истинная» (в «Новом мире» она получила нейтральное название). Пришвин разделял понятия «правда» и «истина», «правду истинную» у него воплощает человек из народа – Мануйло: «Сколько раз из ума в дело должна перейти правда, чтобы умереть и сделаться сказкой? И можно так сказать, что вся наша сказка начинается правдой, и сам, кто ее рассказывает, думает только о правде. Так и Мануйло по-своему говорил только правду» [3, с. 601]. В «Корабельной чаше» сильнее, чем в «Кладовой солнца», акцентировано социальное звучание мотива поисков правды. Представляя мир людей в зеркале природы, Пришвин рисует прошлое в образе девственного леса, где деревья разобщены, сильное угнетает слабое, а настоящее – в образе Корабельной чаши, где одно дерево держится за другое, и только вместе они величественны и прекрасны. Высказана мысль, что не нужно гнаться за счастьем в одиночку, оно возможно только в том случае, когда счастливы и другие: потому необходимо заботиться о тех, кто придет после – об этом напоминает чуткий «сузем», символ общей человеческой тропы. Более широкий и глубокий смысл, чем просто участок леса, имеет образ «путика»: он соотношен с жизненным путем. Счастье человека, по Пришвину, лежит на его особом пути к правде, и каждый должен войти в коллектив со своим «путиком» (талантом). Корабельная чаша – не только символ красоты, богатства и силы русского леса, но и олицетворение мечты, воплощение счастья, свободолюбивого народного духа, правды, которую ищут и находят все герои повести. Правда и в том, что человек – часть природы, а она для людей – общая родина, и не должно быть никаких целей, ради которых ее можно уничтожить. Корабельная чаша – достояние всех, каждый может ее найти, если будет верить, что она существует, но найти ее сможет лишь человек с чистой совестью. Книга за-

канчивается счастливо, как и подобает сказке. Пришвин изменил первоначальную концовку повести (чашу использовали в самолетостроении), придав произведению новый смысл: чаша спасена, а значит, остается надежда на перемены в жизни людей.

Сочетанием реальности, философии и сказки отмечен и автобиографический роман «Кашеева цепь», в котором Пришвин, по его признанию, «из своего детства, отрочества и раннего юношества... сделал сказку» [см.: 15, с. 640]. В романе отчетливо проявилось тяготение к художественному символу преимущественно из народных сказок. В системе образов-символов образ Кашея – центральный; другие образы группируются вокруг него: одни – его слуги, другие – недруги. «Второй Адам, Марья Моревна – это и конкретные образы романа, и ипостаси мифа. Им и противостоит Кашей. Одновременно он противостоит и всему “миру света”, – у Пришвина это мир русского леса, весны (“весна света”), родины. Но и этот мир противостоит Кашею...» [14, с. 80]. Прочитав в августе 1948 года в журнале «Америка» статью Ньютона Арвина, Пришвин получил подтверждение правильности своего пути. Он выписал в дневник слова из статьи: «Итак, неонатурализм, очеловеченный и опозитизированный натурализм, основой которого будет не документальная точность, а мифичность – вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего» – и заключил: «А между тем я этим занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать» [3, с. 512–513].

Пришвин был убежден в благотворном влиянии фольклора на людей: не случайно даже во время Гражданской войны считал необходимым приобщение народа к национальной культуре и планировал в Елецком народном университете «читать: как собираются цветы народной жизни: былины, духовные стихи, сказки, песни, причитания, частушки» [3, с. 122], а в 1937 году сокрушался, что «кино и радио сняли с народа одежды религиозных легенд и фольклора» [7, с. 858]. Художник не только пронес через всю жизнь исключительную влюбленность в народную поэзию, но и не мыслил литературное творчество вне творчества народа. Значимость и своеобразие собственного вклада в русскую литературу он связывал с фольклоризмом как особенностью своего художественного мышления, утверждая: «Если ты выбросишь из меня фольклор, ты выбросишь половину меня самого» [8, с. 662].

Библиографический список

1. Елачич Е. М. Пришвин. За волшебным колобком: Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии. Изд-во Девриена. СПб., 1908 // Современный мир. – 1909. – № 9. – Отд. 2. – С. 126–127.
2. Львов-Рогачевский В. М. Пришвин. Рассказы. Т. 1. СПб., Изд.: Знание, 1912 // Современный мир. – 1912. – № 2. – С. 335.

3. Пришвин М.М. Дневники 1905–1954 // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 8. – 759 с.
4. Пришвин М.М. Дневники, 1914–1917. – М.: Моск. рабочий, 1991. – Кн. 1. – 432 с.
5. Пришвин М.М. Дневники, 1920–1922. – М.: Моск. рабочий, 1995. – Кн. 3. – 334 с.
6. Пришвин М.М. Дневники, 1932–1935. – СПб.: Росток, 2009. – Кн. 8. – 1008 с.
7. Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. – СПб.: Росток, 2010. – Кн. 9. – 992 с.
8. Пришвин М.М. Дневники. 1942–1943. – М.: РОССПЭН, 2012. – Кн. 12. – 813 с.
9. Пришвин М.М. Дневники. 1944–1945. – М.: Новый хронограф, 2013. – Кн. 13. – 944 с.
10. Пришвин М.М. За волшебным коловком // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1982–1986. – Т. 1. – С. 181–386.
11. Пришвин М.М. Кладовая солнца // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1982–1986. – Т. 5. – С. 216–252.
12. Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905–1913. – СПб.: Росток, 2007. – 796 с.
13. Пришвина В.Д. [Примеч.] // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1957. – Т. 5. – С. 715–734.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1997. – 824 с.
15. Чуваков В.Н. [Коммент.] // Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1982–1986. – Т. 2. – С. 638–678.

О ПОЭТИКЕ ПОВЕСТИ А.С. СЕРАФИМОВИЧА «У ХОЛОДНОГО МОРЯ»

Статья посвящена проблеме художественного своеобразия мемуарно-биографической повести А.С. Серафимовича «У холодного моря», которая рассматривается как часть северного текста в творчестве писателя, сопоставляется с его ранними произведениями. Автор отмечает сочетание художественного и автобиографического начал в повести, её реалистическую стилистику, очерковый характер, историософичность, делает предположение о том, что мемуарный текст имитирует историческую повесть. Указанные особенности отличают поздний северный текст Серафимовича от ранних рассказов и знаменуют окончательное становление творческого метода писателя.

Ключевые слова: А.С. Серафимович, повесть, мемуарно-биографическая повесть, воспоминания, автобиография, поэтика жанра, Русский Север, северный текст, политическая ссылка, П.А. Моисеенко, реализм.

Характерная особенность прозы А.С. Серафимовича, писателя-реалиста, – её автобиографичность, которая отчётливо проявилась в повести «У холодного моря», впервые опубликованной на страницах журнала «Современный мир» в 1909 г. Произведение вышло с дополнительным заглавием «Из книги “Жизнь моя и моих предков...”», указывающим на его мемуарный характер. В соответствии с классификацией форм воспоминаний, разработанной Т.М. Колядич, «У холодного моря» – мемуарно-биографическая повесть [2]. К этой повести писатель шёл около двадцати лет, когда его первые рассказы уже были изданы отдельной книгой («Очерки и рассказы», 1901). Повесть явилась продолжением «северной» темы в творчестве писателя и вошла в северный текст русской литературы. В повести Серафимович вывел человеческие образы, которые в ранних рассказах не получили должного воплощения, на что писатель сетовал в письме к Г.И. Успенскому: «Меня одно смущает, что, кажется, я никогда не сумею рассказать душу человеческую. Мертвая природа у меня выходит ярко и выпукло, а живой человек бледно и неясно» [8, т. 7, с. 378].

Если в начале 90-х годов Серафимович не мог открыто выступить с «социальной» критикой, то после революции 1905–1907 гг. реализовалось стремление прозаика рассказать жизненную правду «как было». Автор пытается осмыслить историю через собственную жизнь; цель обращения к мемуарному жанру не в воспроизведении биографии, но в раскрытии на примере своего поколения движения времени, которое впоследствии станет историей. Мысль Серафимовича, таким образом, историософична и ставит автора в один ряд с теми художниками, которые в начале XX в., по мысли Л.А. Трубиной, «стремились осознать происходящее в России в исторической перспективе, исследовать истоки развернувшихся на их глазах конфликтов, понять их закономерности и движущие силы» [10, с. 3]. При этом и в поздних своих произведениях о Русском Севере автор не разводит природное и социальное. Вместе с тем в мемуарной повести впервые в северном тексте Серафимовича отчётливо прозвучала тема *счастья*. Идея

всеобщего счастья центральная в творчестве писателя, концептуальную основу которого составляла *борьба* – смысл гражданской и литературной жизни автора: «...бороться, бороться во имя тех, кто молча с каплями пота на челе несёт на своем хребте всю тягость жизни и общественных неурядиц» [8, т. 1, с. 618].

Студент Петербургского университета А.С. Попов отбывал ссылку в г. Мезени Архангельской губернии в 1887–1890 гг. Здесь будущий писатель и познакомился с несколькими ссыльными, личности которых станут прототипами образов героев повести, – студентом Петербургского университета Александром Шипицыным (Патриций), Петром Кравченко, студентом Петровско-Разумовской с.-х. академии (Француз), ткачом, будущим революционером П.А. Моисеенко (Основа), женой Моисеенко, Екатериной (Екатерина), ссыльной акушеркой Машицкой (А.И. Печурина). Шестой в этой компании – будущий писатель Серафимович, ведущий повествование от первого лица. На документальность произведения указано прямо: «В повести нет ничего сочинённого. Мной почти фотографически дан быт ссылки 80-х годов. Выводил я живые портреты» [7, с. 478].

Важная черта мемуарной повести – её психологизм: показано внутреннее состояние героя-рассказчика, вырванного из привычной для него суеты города, университетской жизни. Мотив *тревоги*, также характерный для северного текста, связан с одиночеством, потому и звучат рефреном из уст «я»-повествователя слова: «никогда меня никто не полюбит». В повести «У холодного моря» Серафимович показал нравственную атмосферу, царившую в обществе ссыльных, – взаимную поддержку, сопереживание. Герои повести – люди из разных слоёв; это и студенты-интеллектуалы, и выходцы из народа (представители трудовых низов), но всех их объединяет по-детски обострённое стремление к справедливости: оттого так теряется Моисеенко, когда его товарищи читают сложные строчки из Маркса, оттого смущаются бывшие студенты, день за днём наблюдая, как работает Основа, как самоотверженно ведут весь ссыльный быт женщины. Духовная высота персонажей в том, что они спо-

собны увидеть и оценить превосходство ближнего: неслучайно Моисеенко они прозвали Основой: «Основа в ткачестве – нити, на которые идёт более прочная пряжа. <...> Главное, на чём всё зиждется, строится...» [5, с. 81]. Заметим, восхищался ткачом и Серафимович: «Больше всех меня поразила Мосеенок <...> Он был живой, как ртуть, жизнерадостный, не знал уныния» [7, с. 479]. По сути дела, писатель изобразил тот же университетский подпольный кружок, однако теперь его члены не только прогрессивные студенты, но и непосредственные практики из народа.

Сложные для дилетантов вещи из Маркса рассказчик доводит до приятелей в доступной форме: «Я им говорю, говорю вне всяких программ и партий: протяните только руку... и какая чудесная, прекрасная жизнь может быть... какая чудесная прекрасная страна, благословенная хлебом, виноградом, скотом, – всем, что может дать земля и небо!» [7, с. 282]. В атмосфере такого общения люди преображаются; «критики капитализма» начинают с самих себя – в этом их нравственная высота: «Там мы вносили барство даже в нашу работу, <...> тут – в отношения между собою. Мы получаем деньги из дому и отдаём на расходы, не ударив пальца о палец, а Основа, наш же товарищ, член нашей товарищеской семьи, бьётся в работе в мастерской с раннего утра до поздней ночи, отдаёт свои силы, свой труд...» [7, с. 284].

Л.А. Гладковская связывает возвращение Серафимовича к «северной» теме с разгромом первой революции. Художественно точны в этом смысле символы-эмблемы «маятника» и «остановившихся на ходу часов»: «...как часы таинственного мастера с чудесной мелодией и с маятником, на полувзмахе остановившимся» (характеристика образа Екатерины); «...маятник был неподвижен»; «...да и все мы – как остановившиеся на ходу часы»; «...когда снова пойдет качаться маятник настоящей, цельной, полной жизни» (чувства рассказчика от ссылки); «в комнате – одиночество, молчаливо прислушивающееся к остановившимся часам жизни с замершим на полувзмахе маятником» (чувства рассказчика); «Да, за исключением Основы, – он не часы, а человек, и всегда живет» (Александра Ивановна об Основе); «А пока остановились часы и маятник на полувзмахе» (рассказчик о чувствах к Екатерине); «Я <...> начинаю качаться, как маятник...» (повествователь перед прочтением рассказа); «...часы стоят, маятник на полувзмахе, а настоящее где-то далеко и недоступно» (размышления рассказчика, сцена в лодке); «...взмах маятника жизни ни на минуту не прерывается, и уже ни одного дня <...> не воротить» (разговор Патриция с рассказчиком, финальная сцена).

На этих двух символах держится идейный смысл и композиция произведения: автор терзается философскими вопросами – о смысле человеческой

жизни, о духовной границе между динамичной жизнью и статичным, вневременным существованием, о счастье любви и несчастье нелюбви, о границе между жизнью и смертью. Идеиные доминанты укладываются в тройственную оппозицию «жизнь – смерть – счастье». Гладковская делает упор прежде всего на социальный вектор повести, образ *маятника* ассоциирован ею лишь с оторванностью героев от революционной деятельности: «Но рассказ о буднях коммуны, о взаимоотношениях между товарищами <...> убеждает читателя в том, что эти люди не сломлены и настоящей для них станет жизнь тогда, когда, получив свободу, они снова вернутся к привычной деятельности» [1, с. 21]. Соглашаясь с исследовательницей, отметим, что её мысль необходимо дополнить указанием на сильное в повести индивидуальное начало (непосредственное присутствие автора в тексте, мемуарный характер, «я»-повествование, ретроспективность, очерковый, сюжетный характер повествования, натуралистическая стилистика).

Повесть «У холодного моря» отличается отступлением от тех проблем и тем, которые затрагивались в первых рассказах: в раннем северном тексте, буквально «списанном» с Короленко, обозначился интерес Серафимовича к преобладанию физической силы над духовной жизнью и, как следствие, – к недостатку человеческого в человеке, к борьбе человеческого и звериного в нём. Диалогичность текстов Серафимовича и Короленко в этой части отмечена Н.С. Тишевской: «Персонажи его (В. Короленко. – А.К.) рассказов <...> показательно подаются читателю в перспективе преобладания телесной мощи над внутренней духовной работой, которая сама по себе тем самым проблематизируется» [9, с. 54]. В повести Серафимовича вновь переплетаются антиномии «социальное – природное» и «жизнь – смерть», уже перенесённые на образ повествователя. Он ищет и находит *жизнь* в творчестве и природе: «...я убежал бы в лес, я со всей страстью отдался бы творчеству, чтобы найти забвение <...> Счастье!» [7, с. 290]. Социальное же неблагополучие связывается у героя-рассказчика со *смертью* («Угрюмо и черно выглядят траурные срубы <...> Мёртво» [7, с. 305]), а мир природы, – с настоящей *жизнью* («... над заваленным доверху валежником <...> колеблется из обтаивающего снега живое дыхание, – огромный зверь сосёт, свернувшись под снегом мохнатой грудой, и теплая кровь тихо пробирается, пульсируя, по жилам <...> Жизнь!» [7, с. 306–307]).

Обратим внимание на две особенности, оставшиеся не замеченными «наукой о Серафимовиче». Биографическая повесть воспринимается большинством исследователей как настоящий документ; так же презентовал её и Моисеенко: «Желающие ознакомиться ближе с ссылкой, прочтите рассказ Серафимовича “У холодного моря”, где он

мастерски обрисовал нашу жизнь» [4, с. 131–132]. При этом два эпизода повести являются вымышленными, что важно для нас, рассматривающих её как художественное произведение. Первый из них – роды Александры Ивановны: в атмосфере социальных передраг гибнет новорождённая девочка, так развёрнут автором мотив *жертвы*, причём самой крайней. Гладковская указывала на вымышленность сцены, её типический, а значит, уже сугубо реалистический характер: «Подобные случаи в царской ссылке были явлением обычным» [8, т. 3, с. 663]. Можно предполагать, что история с ребёнком (пусть и прецедентная) связана ещё и с личной историей Моисеенко, потерявшего дочь в январе 1888 года: «Я лежал больной. Заболела дочка. <...> Я поднялся, а дочь не вынесла, умерла. Я был близок к самоубийству» [4, с. 140]. Спустя двадцать лет Серафимович не захотел беречь душу своему другу и соратнику по борьбе, поэтому перенёс факты биографии ткача на историю Анны Семёновны Захаровой (по мужу – Машицкой), ссыльной акушерки.

Художественный вымысел положен и в основу эпизода с созданием первого рассказа. Именно здесь «я»-повествователь, отождествляемый нами с личностью автора, обретает очевидную условность: фрагмент цитируемого произведения не имеет ничего общего ни с одной из редакций рассказа «На льдине», функция его состоит в другом – изобразить героя в смятении, волнении, достоверно передать атмосферу одиночества, тоски, тревоги: «Над заброшенным городком занимался серый день, медленно проступая белесоватыми пятнами сквозь молочную мглу сумерек отступавшей на север ночи <...> Одиноким жилец комнаты приподнялся с кровати на локте...» [7, с. 302]. Б.В. Михайловского этот фрагмент подтолкнул к поиску «самого первого» рассказа Серафимовича; учёный предположил, что история с рассказом «На льдине» как первым опытом писателя – лишь миф. Так или иначе, никаких достоверных сведений об онтологической достоверности процитированного фрагмента нет, Серафимович и здесь вносит «художественность» в свою повесть (ср. с автобиографическим рассказом «Бегство», 1898). А вот в чём сложно возразить Михайловскому, так это в том, что: «у Серафимовича всегда виден человек, его психология, переживания, стремления <...> его рассказы идейно насыщены, остро проблемны» [3, с. 8].

Заслуживают внимания и вопросы, связанные с автобиографической поэтикой ранних А.С. Серафимовича и В.Г. Короленко. Авторы сближают не только биографии (отбытие ссылки), но и повествовательная манера их текстов. «Сибирский» текст Короленко оказывается хронологически расколотым на две части: первые рассказы 80-х гг. («Чудная», «Яшка», «Сон Макара», «Соколинец») написаны во время ссылки, последующие – очерки

90-х гг. («Ат-Даван», «Огоньки», «Мороз») – уже в ретроспекции. Н.В. Покатилова отмечает, что особенность последних – их ностальгический характер [6, с. 97]. То же можно сказать и о повести Серафимовича, которая предстаёт как рефлексия былого. Ретроспективный план задаётся с помощью подзаголовочных комплексов: «Очерк из 80-х годов», «Из рассказов о бродягах» – у Короленко; «Из жизни на далёком Севере» – у Серафимовича. Вне зависимости от совпадения / несовпадения реального времени событий и времени рассказывания писатели нарочито отдалают излагаемое, придавая тексту вневременной характер, средствами темпоральности имитируя историческую повесть: ср. подзаголовки: «У холодного моря. *Жизнь моя и моих предков...*» Серафимовича и «Ат-Даван. *Из сибирской жизни*» Короленко. В мемуарно-биографической повести «У холодного моря» Серафимович усилил очерковое начало: произведение не лишено актуальности, социальной проблематики как основной, ориентации на типическое; ведущей же чертой произведения является его автобиографичность, эксплицитно выраженная автором и заявленная им в качестве критерия реалистичности.

Библиографический список

1. Гладковская Л.А. А.С. Серафимович // Серафимович А.С. Собр. соч.: в 7 тт. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1959. – С. 5–51.
2. Колядич Т.М. Воспоминания писателей XX века: Проблематика, поэтика: дис. ... док. филол. наук. – М., 1999 – 441 с.
3. Михайловский Б.В. Творческий путь А.С. Серафимовича (до Великой Октябрьской социалистической революции) // А.С. Серафимович: Исследования. Воспоминания. Материалы. Письма. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 5–37.
4. Моисеенко П.А. Воспоминания старого революционера. – М.: Мысль, 1966. – 277 с.
5. Подляшук П.И. Основа (Рассказ о Петре Моисеенко, рабочем вожаке). – М.: Политиздат, 1970. – 127 с.
6. Покатилова Н.В. Поэтика рассказов В.Г. Короленко // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2006. – № 3. – С. 96–99.
7. Серафимович А.С. Собр. соч.: в 10 тт. Т. IV. – М.: ГИХЛ, 1947. – 496 с.
8. Серафимович А.С. Собр. соч.: в 7 тт. – М.: ГИХЛ, 1959–1960 гг.
9. Тишевская Н.С. «Сибирские рассказы и очерки В.Г. Короленко»: контрапункт национальной и региональной идентичностей // Филология и человек. – 2013. – № 3. – С. 53–60.
10. Трубина Л.А. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: Типология, поэтика: автореф. ... дис. док. филол. наук. – М., 1999. – 40 с.

ЖАНР ЭЛЕГИИ В СБОРНИКЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА «ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК»

Статья посвящена проблеме функционирования жанра элегии в лирическом сборнике Игоря Северянина «Громокипящий кубок» (1913). В работе анализируются три стихотворения из первого раздела сборника «Сирень моей весны», которые Северянин называет элегиями. Это «Янтарная элегия» (1911), «Элегия» (1905) и «Маленькая элегия» (1909). В статье прослеживаются пути и формы освоения поэтом-эгофутуристом жанровой традиции элегии.

В статье показывается, что «Янтарная элегия» (1911) и «Элегия» (1905) обладают традиционными жанрообразующими признаками, характерными как для элегии античного образца, так и для классической русской элегии. Утверждается, что наиболее традиционным образом представляется «Элегия» (1905). С классической элегией она соотносится через референтную систему ценностей жанра (ощущение «невозвратности потерянного», мотивы ритуального плача, эстетизация смерти). Подчеркивается, что в «Янтарной элегии» (1911) новаторство Северянина заключается в использовании пародийных элементов элегии в противовес идиллическому мироощущению. Оно проявляется также во фрагментировании и расщеплении данного жанра на формальном уровне (сокращении текстового объёма).

«Маленькая элегия» (1909) оценивается в исследовании как наиболее радикальная авторская трансформация жанра. Напрямую с жанровой традицией элегии её роднит только повествование в прошедшем времени, мотив воспоминания как жанрообразующий признак.

В статье делается вывод о том, что Северянин умело использует вариативность элегии и создает уникальный синтез романтических традиций классической лирики и футуристических приемов.

Ключевые слова: русская поэзия, Серебряный век, Северянин, идиллия, элегия, жанрообразующий признак, жанр, трансформация.

Элегия как жанр лирической поэзии уходит своими корнями далеко в прошлое. Данный жанр возник в античной поэзии; первоначально так называли плач над умершим. Исследователи подчеркивают, что античная элегия основывалась на жизненном идеале древних греков, в основе которого лежала гармония мира, соразмерность и уравновешенность бытия, которые были бы неполными без грусти и созерцательности [5]. Н.П. Гринцер считает, что слово «элегия» возникло раньше, чем лирический жанр, который ныне этим термином обозначается. По словам исследователя, «с этим жанром ситуация сильно запутана, начиная с самого слова, которым он обозначается. Традиционные ссылки на этимологическую связь ЭлЭгЭйпн «элегический стих» с ЭлЭгпт «мелодия флейты, плач» кажутся достаточно сомнительными, связь может быть и обратной, когда семантика «плача» начинает «вчитываться в соответствующий жанр» [2, с. 19–20]. Таким образом, к жанрообразующим началам элегии можно отнести меланхолическую рефлексию, переживание невозвратности, отрыв от идиллических мотивов, которые не всегда будут напрямую связаны со смертью и оплакиванием близких.

В поэтическом словаре Квятковского дано следующее определение жанра: «Элегия (греч. ἔλεγεῖα) – лирический жанр античной поэзии, стихотворение, проникнутое смешанным чувством радости и печали или только грустью, раздумьем, размышлением, с оттенком поэтической интимности. В Древней Греции Э. писали Архилох, Каллимах, из латинских поэтов – Овидий, Катулл. Форма античных Э. – ряд элегических дистихов. В рус-

ской поэзии первую Э. написал В. Тредиаковский; как жанр Э. развилась в конце XVIII и особенно в начале XIX в. Э. писали К. Батюшков, В. Жуковский, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Языков, Н. Некрасов, А. Фет, а в XX в. – В. Брюсов, К. Фофанов, И. Анненский, А. Блок и др. Стихотворный размер русских Э. преимущественно ямбический» [3]. Ф. Прокопович в «Поэтике» пишет: «Элегия есть некое печальное поэтическое произведение», но «все же ей всего больше подходит содержание, исполненное переживаний, гнева, любви, радости, скорби и т. п.» [6, с. 439]. В.Г. Белинский называет элегию «песней грустного содержания» [1, с. 334]. Л.Г. Фризман, размышляя над жанровой природой элегии, отмечает: «Есть в истории литературы знакомые незнакомцы. Такова русская элегия. О ней написано много и мало...» [11, с. 3].

Интересной представляется точка зрения В.И. Козлова, который в своей статье говорит о жанре как литературной традиции, посредством которой автор (осознанно либо бессознательно) отвечает запросам времени. Козлов подчеркивает, что элегия – жанр актуальный и современный, имеющий широкий творческий потенциал и активно используемый поэтами. По его мнению, элегия обладает некой формулой гармонии, которая позволяет этому жанру быть максимально разнообразным [4, с. 2]. С рассуждениями Козлова можно согласиться, ибо соотнесение данного жанра только лишь с традициями романтизма излишне консервативно и ограничивает возможности жанровых трансформаций, а следовательно, приводит к недооценке творческого потенциала элегии.

В.И. Тюпа в своей книге «Дискурс / Жанр» трактует жанрообразующие признаки элегии через призму противопоставления её с таким жанром, как идиллия. На содержательном уровне он выделяет следующие жанрообразующие признаки:

- бесприютное скитальчество как элегический способ присутствия «Я» в мире в противоположность идиллической бытовой укоренённости;
- ретроспективность, оглядывание назад, что актуализирует архитектурный мотив страннического пути;
- лирический эгоцентризм (данный признак элегии представляется наиболее важным при анализе лирики Северянина как представителя эгофутуризма. – *Е.О.*);
- высокий ценностный статус прошлого;
- освоение уникальности человеческого присутствия в мире;
- мотивы одиночества лирического героя, причем элегический лирический герой является субъектом самоопределения на ценностной оси настоящее/прошлое;
- апофатическое самоопределение, складывающееся из отрицательных автохарактеристик своей страдательности: недоступности идиллических ценностей, утраченности, невозвратности, оставленности, отрешенности и опустошенности;
- личностный кенозис, то есть самоумаление и самоограничение собственной причастности к жизни;
- осмысление собственной слабости как не менее эффективный путь самоактуализации, нежели ощущение собственной силы;
- самоуглубление как ключевой жанрообразующий момент;
- медитативность [10, с. 139–142].

Важно отметить, что элегия – достаточно живой и подвижный жанр, который активно используется поэтами даже в периоды «крушения жанрового мышления». Яркий тому пример – творчество Игоря Северянина. В своем сборнике «Громокопящий кубок» (1913) в первом разделе сборника «Сирень моей весны» Северянин публикует три стихотворения, которые называет элегиями. Это – «Янтарная элегия» (1911), «Элегия» (1905) и «Маленькая элегия» (1909).

Эпиграфом к «Янтарной элегии» служит цитата из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Деревня, где скучал Евгений, // Была прелестный уголок». Отсылка к творчеству Пушкина в данном стихотворении неслучайна, потому что в творческом наследии Пушкина довольно большое количество стихотворений, относящихся к жанру элегии или имеющих элегические мотивы. Нельзя сказать, что «Янтарная элегия» служит только примером жанровой рефлексии и попыткой осмысления жанра посредством классического образца. Вторая глава «Евгения Онегина» не об-

ладает признаками элегии, в ней видны признаки другого жанра – идиллии. В пушкинском произведении деревня характеризуется как «прелестный уголок», также упоминается «господский дом уединенный». В тексте романа в стихах обозначены элементы ландшафта, связанные с домом – горы и доли, нивы, ручей, пруд, река. Художественное пространство идиллии всегда связано с усадьбой, родовым именем:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад [7, т. 4, с. 36].

Жанр идиллии Пушкиным использовался не менее часто, чем элегия. Идиллия как собственно лирический жанр в русской литературе никогда не являлась доминирующей, но такие популярные жанры, как элегия и эпистола, испытали на себе заметное влияние идиллии. Идиллия Пушкина как классическая жанровая форма противопоставляется футуристичной элегии Северянина:

Вы помните прелестный уголок –
Осенний парк в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студёное стекло
Зелёных струй форелевой речонки?
Вы помните комичные опёнки
Под кедрами, склонившими чело? [8, т. 1, с. 39].

В стихотворении Северянина присутствует некая диалогичность с пушкинским метатекстом, выстраиваемая за счёт элементов пародии: окказиональные «комичные опёнки, склонившие чело» вместо традиционного штампа «золотых лугов и нив», осовремененная «трехкомнатная дача», «шал» вместо «уединенного господского дома». Если в идиллии герой живет внутри домашнего пространства, то герой элегический уже покинул его и может лишь вспоминать о «мирном уголке» как о недоступной ему более гармонии. Традиционная для элегии значимость прошлого всячески поддерживается поэтом на лексическом уровне: каждое четверостишие начинается с обращения «Вы помните...», «забыть нельзя // Того, что нечего и помнить» [8, т. 1, с. 39]. Лирический герой «Янтарной элегии» самоуничтожается, ограничивает себя даже в воспоминаниях в своей причастности к жизни. Для полноценной рефлексии по утрате ему необходимы воспоминания «другого Я», в данном примере не «я-для-себя», а реального лица, бывшей возлюбленной.

В «Янтарной элегии» встречается лейтмотивный образ «форелевой речонки», проходящий че-

рез образную систему всего сборника. «Мрамор урн, поставленных бокалом», «студёное стекло зелёных струй» – характерный для данного сборника образ ресторано-барной культуры и культуры употребления алкоголя (бокалы, холодное стекло) как попытки забыться, как невозможность яркой и опьяняющей души поэта вырваться из ледяной стеклянной оболочки.

Картина осени, осеннего пейзажа создается автором не банальным перечислением осенних атрибутов, будь то опавшие листья, дождь, запах земли и т. д., а путем оригинальной цветописы, что заметно уже в названии. Янтарный, алый, палевый, форелевый – разнообразие сложных тёплых оттенков, контраст оранжевого с зелёным создают не идиллический образ «тихого уголка», а некую эстетическую категорию времени, но не только времени года, а определённого периода жизни. Это важно для элегии как жанра, так как элегический герой живет не в циклическом временном пространстве, а во времени индивидуальном.

Начало «Элегии» (1905) написано в традиционном жанровом ключе: герой вспоминает о своей жизни, ностальгирует о давно ушедшем, рефлексует:

Я ночь не сплю, и вереницей
Мелькают прожитые дни.
эТеперь они,
эКак небылицы.

В своих мечтах я вижу Суду
И дом лиловый, как сирень.
эОсенний день
эЯ вижу всюду [8, т. 1, с. 60].

Лирическое повествование крайне субъективно, часто используется местоимение «я». Северянин задействует устойчивые элегические мотивы: бессонницы, тщетности существования, одиночества, воспоминания, скорби по утраченным чувствам, усиленно подчёркивает значимость прошлого: «эКак то давно! // Как то красиво!» [8, т. 1, с. 60].

Сосредоточение элегической эмоции на невозвратности и необратимости времени для отдельного человека нуждается в небольшом уточнении. В русской элегии 1810–30-х гг. нельзя не заметить повторяющийся у разных авторов тематический ход: осеннее увядание сменяется весенним возрождением, но для лирического героя это невозможно (например, в «Последней весне» К. Батюшкова, «Весне» Е. Баратынского). Этот тематический ход используется с целью противопоставить природное циклическое время времени человеческому, индивидуальному. Вообще, для творчества Северянина характерна антитеза образов весны и осени, как и для русской литературы в целом. Данная особенность художественного мира Северянина гармонично вписана в стихотворение как жанрообразующий признак, одновременно индивидуализируя антитезу как прием (в широком контексте его

лирики) и подчёркивая литературную преемственность в рамках данного жанра [9, с. 139–142]. Противопоставление это Северянин буквально воспроизводит в своей элегии, причём даже в одном четверостишии, что усиливает трагичность произошедшего: «В своих мечтах я вижу Суду // И дом лиловый, как сирень. // эОсенний день // эЯ вижу всюду» (лиловый и сиреневый как символы весны, возрождения, новой жизни); «Я не имею даже вести // О той, которой полон май»; «Прошла весна, // эНо я... спокоен» [8, т. 1, с. 60].

Н.И. Козлов называет элегию наиболее вариативным жанром. Если рассматривать референтную систему ценностей данного жанра, «невозвратность потерянного» как сформированную в его первичном источнике – древнем протожанре ритуального плача, то «Элегия» (1905) вновь представляется нам наиболее традиционным образцом. Доминирующий мотив ритуального плача – невозвратность того, чья жизнь прекратилась и больше никогда не продолжится. Смерть – непреодолимая граница между невозвратным прошлым и длящимся настоящим. Будущего ни оплакивание, ни литературная элегия не знают. В зависимости от того, насколько искренней была скорбь во время оплакивания, она выявляла субъективную значимость утраты для жизнь свою продолжающих. В качестве референтной для элегии эта жанрообразующая система ценностей открывает широкую перспективу для эгоцентризма лирики, проявления лирического «Я». Высокий ценностный статус прошлого в элегии как в жалобной песне (оплакивании), определяется неповторимостью прошлого, а значит и его уникальностью и единственностью. Постепенно освобождаясь от тематической привязки к смерти, элегия как жанр реализует индивидуальные возможности выражения чувств героем, стремясь к освоению уникальности бытия человека в мире. В «Элегии» (1905) мотивы ритуального плача довольно чётко просматриваются в обращении к «Царице грёз»: «О, я не требую ответа // ни сожаления, ни слёз!». Необходимо обратить внимание на метафору смерти в двух последних строчках стихотворения:

Меня не видишь ты, царица,
Мечтаешь ты не обо мне...
эВ усталом сне
эТвои ресницы [8, т. 1, с. 60].

А вот «Маленькая элегия» (1909) может рассматриваться как авторская трансформация жанра элегии. Напрямую с жанровой традицией элегии её роднит только повествование в прошедшем времени, мотив воспоминания как жанрообразующий признак. Воспоминание это не индивидуализировано, отсутствуют сожаление, концентрация на чувственном переживании. Стихотворение это отличается небольшим объёмом, что создаёт ощущение некой фрагментарности. В основе тематики данной элегии лежит переживание безвозврат-

но уходящего времени, потери молодости, утрата былых чувств. Условно эту элегию можно назвать «любовной», так как в тексте отсутствуют мотивы смерти и «кладбищенской» эстетики.

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне.
Я целовал её устало
В сырой осенней тишине.

И слёзы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день – и было скучно,
Как всё, что только не во сне [8, т. 1, с. 70].

Повтор словосочетания «осенняя тишина» акцентирует традиционный «осенний» элегический хронотоп, сопоставляя физическую категорию времени года с индивидуальным периодом жизни лирического героя, создавая некую гармонию между его личным переживанием и состоянием окружающего мира. В рамках жанра этот мотив подталкивает нас к мыслям о невозможности возрождения, возвращения утраченного. Но лирический герой об этом не жалеет, потому что эти чувства наскучили ему, как и существующая реальность: «Гас скучный день – и было скучно, // Как всё, что только не во сне» [8, т. 1, с. 70].

При анализе бытования жанра элегии в сборнике Северянина «Громокипящий кубок» выявляются два полярных показателя: лирический эгоцентризм как жанрообразующий признак элегии, что логично и традиционно для художественного принципа эгофутуризма, и ориентация на высокий ценностный статус прошлого, что для концепции футуризма как философии совершенно не характерно и абсурдно. Таким образом, элегии в «Громокипящем кубке» Северянина обладают традиционными жанрообразующими признаками, характерными как для элегии античного образца, так и для классической русской элегии. Новаторство поэта заключается в использовании пародийных элементов элегии в противовес идилическому мироощущению. Оно проявляется также во фрагментировании и расщеплении данного жанра на формальном уровне (сокращении текстового

объёма). Автор помещает элегические произведения в первый раздел сборника, чтобы подчеркнуть свою преемственность по отношению к традициям русских поэтов, в этом он следует принципу «создания нового без отрицания старого». Северянин умело использует вариативность элегии и создает уникальный синтез романтических традиций классической лирики и футуристических приемов.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 3. – 614 с.
2. *Гринцер Н.П.* Древнегреческая «лирика»: значение термина и суть явления // Лирика: Генезис и эволюция. – М.: РГГУ, 2007. – С. 13–530.
3. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. – М.: Сов. энцикл., 1966 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/> (дата обращения: 16.02.2016).
4. *Козлов В.И.* Элегия неканонического мира // Арион: журнал поэзии. – 2011. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2011/2> (дата обращения: 14.02.2016).
5. Литературный глоссарий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bukinistu.ru/elegiya.html> (дата обращения: 17.02.2016).
6. *Прокопович Ф.* Сочинения / под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 501 с.
7. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rvb.ru/pushkin/toc.htm> (дата обращения: 16.02.2016).
8. *Северянин И.* Собрание сочинений: в 5 т. / сост. В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. – СПб.: Logos, 1995.
9. *Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н.* Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. – Т. 1. – 513 с.
10. *Тюпа В.И.* Дискурс / Жанр. – М.: Intrada, 2013. – 212 с.
11. *Фришман Л.Г.* Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. – М.: Наука, 1973. – 170 с.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ СЛОВО В ЛИРИКЕ ЛЕОНИДА АРОНЗОНА

Статья посвящена особенностям функционирования иероглифического слова в поэзии Леонида Аронсона, одного из крупнейших представителей русского литературного андеграунда второй половины XX века. Иероглифы – слова со сквозным и относительно устойчивым в творчестве автора значением – рассматриваются в работе как сигналы реальности, недоступной человеческому опыту: они призваны свидетельствовать о том, чего «нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом» (Я.С. Друскин). В зависимости от того, на какую область невыразимого указывает их «несобственное», переносное значение, в лирике Аронсона можно выделить три группы иероглифов. Наиболее многочисленную составляют иероглифы божественного присутствия и «полноты творения» – «красота», «холм», «дитя», «дева». Им близки иероглифы герметичности и целостности мира – «небо», «пейзаж», «лицо». Наконец, совершенно иную, противоположную семантику развивают иероглифы небытия и смерти – «пустота», «молчание». На основе анализа контекстов, в которых употребляется иероглифическое слово, определяется семантический ореол каждого понятия и устанавливаются возникающие между ними связи. Подробный разбор стихотворения «за пустотой пустота» дает возможность проследить взаимодействие иероглифов в условиях ограниченного текстового пространства, а также выявить «механизмы» их включения в поэтическое высказывание.

Ключевые слова: Аронзон, литературный авангард, иероглиф, иероглифическое слово, контекстуальные связи.

Понятие «иероглиф» применительно к литературным текстам впервые употребил Л.С. Липавский, в лексиконе которого оно служило обозначением невыразимого – того, что «нельзя услышать ушами, увидеть глазами, понять умом» [5, с. 324]. По определению Я.С. Друскина, иероглиф – это «некоторое материальное явление», которое говорит больше, чем «им непосредственно выражается как материальным явлением». Подобно любому знаку, иероглиф имеет «собственное» (физическое, биологическое, физиологическое) и «несобственное» (принимающее форму метафоры, оксюморона или бессмыслицы) значение [5, с. 324–325]. Именно в такой, крайне широкой, трактовке термин используется в цитируемой здесь работе Друскина об А.И. Введенском: согласно исследователю, иероглифом может быть как отдельное слово, так и произведение в целом [5, с. 323–416]. Вместе с тем очевидно, что эвристическая продуктивность любого понятия напрямую зависит от его семантического объема – чем неопределенней границы термина, тем менее состоятелен он как инструмент анализа. Отсюда необходимость, с одной стороны, пересмотреть литературоведческие суждения об иероглифе, а с другой – отграничить его от «смежных» категорий.

В работах, посвященных русскому авангарду (прежде всего поэтике ОБЭРИУ), иероглифом принято называть опорное слово «со сквозным увеличенным... значением» [3, с. 19]. Общим местом стало представление о ситуативном характере его референтного плана [см.: 3, с. 18–24; 6, с. 256–259; 7, с. 9]. По мнению А.А. Кобринского, денотативная семантика подобного знака полностью подчинена коннотативной, поэтому любая попытка навязать ему «совпадающее с узуальным означающее приводит к разрушению как локального сегмента текста, так и смысловой структуры целого...» [6, с. 256–257]. Данная особенность, по-видимому, и должна

рассматриваться как главное качество иероглифа, однако не менее важны и такие его характеристики, как частотность употребления и семантическая несочетаемость с контекстом [3, с. 20; 7, с. 9]. В отличие от слов-сигналов, которые, как правило, однозначны и входят в текст с заранее предзаданным кругом ассоциаций [4, с. 27–28], слова-иероглифы семантически многомерны и носят подчеркнуто окказиональный характер. Подобно символам, они указывают на «понятийную область», чьи «границы не могут быть определены однозначно», однако при этом не только подразумевают нечто, но и утверждают наличие реальности, недоступной человеческому опыту [7, с. 9–10]. Поскольку семантический ореол иероглифа может быть определен лишь на основе сопоставления контекстов, в которых он употребляется, вполне закономерно, что адекватное прочтение отдельного стихотворения требует осведомленности читателя о специфике поэтической системы в целом. В силу этого изначально самостоятельные произведения обнаруживают свойства единого текста, где «каждое слово цепляется невидимыми крючками за ткань соседних стихотворений», а те, в свою очередь, «раскрывают и объясняют друг друга» [3, с. 22].

Сказанное справедливо и по отношению к лирике Леонида Аронсона (1939–1970), чью поэтику – в соответствии с общей тенденцией эпохи – характеризует «интеграция авангардных элементов в классический поэтический язык» [2, с. 250]. Типологически поэзия Л. Аронсона близка обэриутам (известно, что он хорошо знал и ценил творчество Н.А. Заболоцкого [8, с. 25; 9]) – к ним же, вероятно, восходит у него и принцип иероглифа, на который обратил внимание В.И. Эрль [9]. В работе другого исследователя, А.И. Степанова [8], выделяются устойчивые элементы поэтического словаря Аронсона и предпринимается попытка описать основные «концепты» его лирики; в то же время

«иероглифическая» природа этих «концептов» не учитывается, а особенности функционирования остаются непроясненными. Настоящая статья как раз и посвящена характеристике ключевых в творчестве автора слов-иероглифов – выявлению их художественных ресурсов, а также «механизмов» включения в поэтическое высказывание.

В зависимости от того, на какую область невыразимого указывает «несобственное» значение слова, в лирике Аронсона можно выделить три группы иероглифов. Наиболее многочисленную составляют (1) иероглифы божественного присутствия и «полноты творения» [1, с. 66] – «красота», «холм», «дитя», «дева». Им близки (2) иероглифы герметичности и целостности мира – «небо», «пейзаж», «лицо». Наконец, совершенно иную, противоположную семантику развивают (3) иероглифы небытия и смерти – «пустота», «молчание». Важно отметить, что смысловое наполнение перечисленных понятий зависит не только от их контекста, но и от тех, часто весьма неожиданных, связей, которые устанавливаются между ними в творчестве поэта. Учитывая эти связи, остановимся на каждой из выделенных групп подробно.

(1) Главная функция иероглифов «красота», «холм», «дитя» и «дева» – служить сигналом «одухотворенности» мироздания и неявного присутствия Бога в нем. Самое частотное в этом ряду понятие – «красота» – осмысливается Аронсоном как разлитая в природе витальная энергия, пронизывающая все стороны существования. Как правило, она воплощается в образах материально-телесного плана, выступая атрибутом животного мира («...зады прекрасные кобыл, / на кои я смотрел часами» (здесь и далее курсив наш. – А. Б.) [1, с. 45]) или любимой героиней женщины – «девы», «жены», «Данаи» («Красавица, богиня, ангел мой, / исток и устье всех моих раздумий...» [1, с. 212]). При этом последняя является субъекту не только в привычных обстоятельствах повседневности, но и в условных декорациях «рая» [8, с. 51–53], где она занимает положение «на вершине холма» [1, с. 108] и тем самым становится причастной божественному – именно здесь контакт с высшими силами наиболее вероятен. Другое стихотворение, «Утро» [1, с. 108], как раз и повествует о возможности такого контакта, однако «холм» «украшает» на этот раз не возделывающая страсти «дева», а «нагое дитя» [1, с. 108], возвещающее о близости Бога: «Не дитя там – душа, заключенная в детскую плоть, / не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь!» [1, с. 108]. Отношения эквивалентности, возникающие между «младенцем» и «девой» в силу их пространственной локализации, приводят содержание иероглифов к общему смысловому итогу: будучи неотъемлемой принадлежностью каждого из них («Боже мой, как все красиво! / Всякий раз, как никогда!» [1, с. 213]), «красота» не просто сообщает им качество

«полноты творения», но и «заражается» элементами их «несобственных» значений. В результате иероглифы получают возможность более или менее свободно заменять друг друга, не утрачивая своих первоначальных функций и даже приобретая дополнительные коннотации.

(2) Уже первыми исследователями творчества Аронсона отмечено, что изображаемая им действительность имеет очень мало общего с реалиями советской эпохи и, как правило, лишена конкретных примет времени [8; 9]. По точному наблюдению А.И. Степанова, «в центре внимания автора находится мир собственного сознания, к которому события окружающей жизни прорываются как будто приглушенными, прошедшими сквозь толщу избирательной, трансформирующей работы воображения» [8, с. 21–22]. Этот воссоздаваемый из произведения в произведение «ландшафт» души В.И. Эрль предложил называть «миром-пейзажем» [9], подчеркивая его нетождественность эмпирической реальности. Действительно, возникающий в стихах Аронсона универсум отличается автономностью и целостностью, о которых и призваны свидетельствовать такие иероглифы, как «пейзаж», «небо», «лицо». Характерный пример – стихотворение «Гуляя в утреннем пейзаже...» [1, с. 128], где вынесенное в заглавную строку понятие не столько обозначает внешние по отношению к герою подробности, сколько говорит о его погруженности в себя. В сходном значении используется и слово «пленэр», указывающее как на психологическое состояние субъекта, так и на результат его словесной фиксации: «Пушкин скачет на коне / на пленэр своих элегий» [1, с. 148]. Что же касается «неба», то оно утверждает единство «мира-пейзажа» через многократно варьируемый мотив отражения / подобия, восходящий к дорациональному, мифическому мышлению: представление о связи «всего со всем» («Высока здесь трава, и лежат зеркалами спокойных небыстрых небес / голубые озера, качая удвоенный лес» [1, с. 63]) – одно из самых устойчивых в лирике Аронсона. Несколько иное авторское задание выполняет иероглиф «лицо», с помощью которого акцентируется уникальность попадающих в кругозор субъекта явлений. Уникальность эта вовсе не отменяет их глубинного родства, поскольку все они – плод одной и той же креативной фантазии, чей отпечаток заметен даже невооруженному глазу: «Все лицо: лицо – лицо, / пыль – лицо, слова – лицо, / все – лицо. Его. Творца. / Только сам Он без лица» [1, с. 201]. Заметим попутно, что статус «растворенного» в своем же создании демиурга в приведенном стихотворении оказывается двойственным: это и объект религиозного поклонения, Творец всего сущего, и сам субъект – творец переживаемого им «мира-пейзажа».

(3) С понятием «пустота» в лирике Аронсона обычно связан перечень «осенних» ассоциаций, от

которых – в соответствии с логикой мифа – смысловые нити протягиваются к небытию и смерти. В отдельных случаях данная мотивная связка получает даже интертекстуальную «поддержку»: стихотворение «Где листья мертвенны и, тихо шевелясь...» [1, с. 109–110] во многом опирается на «Запустение» Е.А. Баратынского, а в «Финляндия. Все время забегают...» [1, с. 141] классический текст упомянут сознательно (наряду с другим шедевром того же автора – поэмой «Пиры»). Как бы то ни было, «пустота» вызывает у героя исключительно негативные чувства – она сопряжена с тоской, горечью, боязнью утраты: «Кто-то гасит огни, вслед за ранним трамваем – покой, / между стен – *пустота*, как безудержный птицы полет, / между впадин дворов, за карниз зацепившись рукой, / повисает тоска, как вернувшейся осени плод» [1, с. 292]. Уже основное качество «пустоты» – ее «незаполненность» – в творчестве Аронсона оказывается мнимым: поскольку в ней ютятся «бытующие бестелесно» души [1, с. 152], сама она предстает если не лимбом, то как минимум порталом в «засмертное» (отсюда, вероятно, и такие речевые конструкции, как «*пустой* гуляющими сад» [1, с. 128], несущие явный налет алогичности). В отличие от «пустоты», характеризующей «мир-пейзаж», «молчание» зачастую оказывается персональным атрибутом субъекта и сигнализирует о его непричастности положительным началам жизни («Увы, живу. Мертвецки мертв. / Слова заполнились *молчаньем*» [1, с. 197]). В некоторых произведениях этим понятием актуализирована метапоэтическая проблематика – оно понимается как инобытие слова, которое из «молчания» рождается, «сохраняет его суть и иногда к нему же возвращается» [8, с. 34]. Таким образом, «молчание» надделено у Аронсона творческой способностью, оно – «матерьял для стихотворной сети» [1, с. 173], то есть та бездна, которая одновременно и исток, и предел существования.

Если внутри групп все элементы в той или иной степени эквивалентны, то иероглифы, принадлежащие к разным группам, могут быть либо нейтральны по отношению друг к другу, либо резко противопоставлены между собой. Так, слова, указывающие на герметичность и целостность мира, в лирике Аронсона фактически не имеют «антонимов», зато такие понятия, как «красота» и «пустота» нередко «конфликтуют» на ограниченном текстовом пространстве. Взаимодействие противоположных по функции иероглифов и их роль в структуре текста удобно проследить на примере стихотворения «за пустотою пустота» [1, с. 231] – наиболее «темного» в поэзии Аронсона и до сих пор не привлекавшего внимания исследователей.

Произведение, о котором пойдет речь, написано в 1969 году и относится к завершающему этапу творчества поэта, когда наряду с «классическими»

вещами регулярно появляются тексты, ориентированные на авангардную эстетику. С точки зрения стиховой организации текст представляет собой двадцать строк четырехстопного ямба без знаков препинания, прописных букв и разбивки на строфы. Ритмико-синтаксические и фонетические особенности определяются повторением структурной схемы, состоящей из пространственного предлога «за», обстоятельства места и подлежащего; в роли обоих членов предложения выступает одна и та же лексема, а ее мена в каждом новом стихе запускает двигатель лирического сюжета: «за *пустотою пустота* / за высотой высота / за листотою листота / за велистою велиста / за суетою суета / за пристотою пристота / за блестотою блестота / за светотою светота / за прастотою прастота / за вистотою вистота / за густотою густота / за пламястою пламяста / за чустотою чустота / за пестотою пестота / за шестотою шестота / за консистою консиста / за горлистою горлиста / за лыстою лыста / за *красотою красота* / за осотою осота» [1, с. 231].

Смысловая перспектива текста формируется напряжением между различными уровнями его структуры. С одной стороны, синтаксический параллелизм и сплошная звуковая инструментовка (основанная на словесном повторе в начале стиха, тождестве грамматических окончаний и воспроизведении консонантного комплекса *см*) указывают на равную значимость соседних – как по вертикали, так и по горизонтали – элементов; ритмическое решение (последовательный пропуск ударений на первой и третьей стопе) и графическое оформление текста также призваны нейтрализовать семантические различия. С другой стороны, лексический состав стихотворения неоднороден и включает, помимо единиц конвенционального языка (в том числе иероглифов «пустота» и «красота»), целый ряд словообразовательных неологизмов. Последние, в свою очередь, также разнохарактерны: если в словах типа «листо́та», «блестото́та» и т. п. угадываются реально существующие корни, то «присто́та», «прасто́та» и «чустото́та», по всей видимости, асемантичны, хотя и могут вызвать вполне определенные ассоциации. Таким образом, ритм, фоника, графика и синтаксис стихотворения указывают на принципиальную нераздельность поэтического мира, максимальную «спаянность» его компонентов, в то время как лексико-семантический строй, напротив, утверждает их разнообразие и несводимость к «общему знаменателю».

Побеждает в «противоборстве» тенденция к интеграции, поэтому тему стихотворения – разумеется, в наиболее общем виде – можно определить как «единство разного». Правда, такой подход не учитывает синтагматического аспекта, а именно той последовательности, в которой упомянутые «реалии» предъявляются читателю. Порядок (и сам отбор) полнозначительных слов, естественно,

не случаен: если открывает перечень «пустота», понимаемая как отсутствие жизни, небытие, то завершается он «красотой» – воплощением бытийной полноты, избытком витальности. Значимы и другие, «промежуточные», понятия: «высота» задает тексту пространственное измерение; «суета», являясь атрибутом человека, вводит субъектное начало, а идущая следом «густота» воспринимается почти буквально – как «вещество существования», материальная основа мира. Читатель, следуя за поэтом, как бы приближается к «красоте», оставляя позади множество областей, из которых лишь немногие поддаются внятному словесному определению.

Итак, вселенная мыслится поэтом как конфликтное единство, на отрицательном полюсе которого находится «пустота», на положительном – «красота»; движение от одного к другому составляет центральное событие стихотворения, а использование неконвенциональных языковых средств обнаруживает метапоэтическую проблему – невозможность выразить многообразие мира простым человеческим словом. Обращают на себя внимание и регулярные лексические удвоения («за *пустотою пустота*», «за высотой высота» и т. д.), как бы «умножающие» степень соответствующих качеств. Очевидно, что такие повторы не просто повышают значимость составляющих текст элементов, но и актуализируют важную для Аронсона тему «полноты творения».

Если приведенные наблюдения справедливы, необходимо разрешить еще несколько вопросов: какими индивидуально-авторскими коннотациями определяется семантика иероглифов? какие связи устанавливаются между ними и пространственной организацией текста? наконец, почему «красота», понимаемая как «венец творения», занимает в нем не последнюю (в абсолютном конце высказывания), а предпоследнюю позицию? Чтобы ответить на них, обратимся к наиболее репрезентативным контекстам стихотворения, прежде всего к тем микрофрагментам, в которых упоминаются его «опорные» понятия – «пустота» и «красота»:

– «Не смею доверяться *пустоте*, / ее исконной, лживой наготе, / в ней столько душ, невидимых для глаза, / но стоит только в сторону взглянуть, / как несколько из них или одну / увидишь через время или сразу» («В пустых домах, в которых все тревожно...») [1, с. 120];

– «Сквозь форточку – мороз и ночь. / Смотрю туда, в нору. / А ты, моя жена и дочь, / сидишь, не пряча грудь. // Сидишь в счастливой *красоте*, / сидишь, как в те века, / когда свободная от тел / была твоя тоска. <...> И, видно, с тех еще времен, / еще с печали той, / в тебе остался некий стон / и тело с *красотой*» («Сквозь форточку – мороз и ночь») [1, с. 208–209];

– «Хандра ли, радость – все одно: / кругом *красивая* погода! / Пейзаж ли, улица, окно, / младенче-

ство ли, зрелость года, – / мой дом не *пуст*, когда ты в нем / была хоть час, хоть мимоходом: / благословляю всю природу / за то, что ты вошла в мой дом!» («Хандра ли, радость – все одно...») [1, с. 168].

По мнению А.И. Степанова, «пустота» в поэтическом мире Аронсона не только «не лишена предметности», но и, вопреки ожиданиям, «густо населена» [8, с. 49]. Действительно, перед нами отнюдь не вакуум, а лишь обманчивое «отсутствие присутствия»: «пустота» обитаема множеством бесплотных существ, увидеть которых не составит труда – достаточно лишь немного изменить угол зрения. «Красота» же, напротив, всегда явлена «во плоти» и часто «неотделима» от тела (как правило, женского), в том числе и от материально-телесного низа (ср. в другом стихотворении: «...вон ваша грудь! вон ноги ей под стать! / и если лик таков, так что же пах за диво!» («Неушто кто-то смеет вас обнять?») [1, с. 186]). Отношение субъекта к каждому из членов оппозиции заметно разнится: если «пустота» вызывает недоверие и объявляется «лживой», то «красота» расценивается как единственная альтернатива разрушительным началам мира (см. также стихотворение «На стене полно теней...», где экзистенциальный тупик разрешается созерцанием любимой женщины: «Жизнь дана, что делать с ней? / Я проснулся среди ночи. / О жена моя, воочью / ты *прекрасна*, как во сне!» [1, с. 196]). Впрочем, рассматриваемые понятия в лирике Аронсона обнаруживают также зыбкую, как бы мерцающую, связь. Так, «красота» героини ведет свою «родословную» от «тех еще времен», когда человеческие состояния могли легко обходиться без своих носителей – и вполне очевидно, что их «бестелесное» существование может интерпретироваться как явный аналог «эфмерности» населяющих «пустоту» существ. Сходный пример – знаменитый «*Пустой* сонет» [1, с. 182–183], где стихотворение о «красоте» записывается вокруг пустого пространства, в которое неизбежно упирается взгляд читателя. В обоих случаях дистанция между двумя семантическими полюсами – «пустотой» и «красотой» – предельно сокращена, что и облегчает переходы от одного к другому, делая их не просто возможными, но и по-своему закономерными.

Вывявленные смыслы «срабатывают» и в интересующем нас стихотворении – регулярные в лексиконе поэта слова-иероглифы входят в текст с устойчивым диапазоном значений, одновременно и обогащая, и уточняя его содержание. Так, становится понятным, что «пустота» мыслится Аронсоном не как абсолютное небытие, а скорее как инобытие «красоты», как ее невидимая, но обязательная изнанка – и это вовсе не отменяет, а лишь смягчает их явную оппозицию. Последняя же, как часто бывает в подобных случаях, проецируется на пространственное измерение текста, а именно

на его вертикальную ось, в результате чего с «верхом» связываются представления о «пустоте», бестелесности и смерти, а с «низом» – о «красоте», телесности и жизни. Проясняется и финал стихотворения: последняя строка (она явно ощущается читателем как избыточная) будто бы подсказывает новый «марш-бросок», но уже в ином, противоположном направлении – от «красоты» к «пустоте», которые, подобно двум сторонам одной медали, не могут существовать друг без друга. При таком прочтении композиция стихотворения принимает облик змеи, кусающей себя за хвост: дочитав текст до конца, мы, не делая паузы, можем продолжить чтение с начала – и так до бесконечности.

Таким образом, свойственная стихотворению «за пустотою пустота» смысловая компрессия может рассматриваться как неотъемлемое качество аронзоновской поэтики, возникающее благодаря использованию специфических для авангарда слов-иероглифов. Не менее важно и то, что иероглифическое слово не просто актуализирует контекстуальные связи и тем самым расширяет семантическое пространство текста, но и отсылает читателя к сферам, традиционно закрытым для человеческого сознания (такие понятия, как «Бог», «душа» или «смерть» последовательно уклоняются от словесной фиксации). Не претендует на их абсолютное освоение и Л. Аронзон – однако уже сама попытка говорить о невыразимом на языке, изначально для этого непригодном, имеет большую, в том числе и художественную, ценность.

Библиографический список

1. Аронзон Л.Л. Собрание произведений: в 2 т. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2006. – Т. 1. – 560 с.
2. Бирюков С. Опыты неописательного письма // Wiener Slawistischer Almanach. – 2008. – № 62. – S. 249–259.
3. Герасимова А. Г. Об Александре Введенском // А.И. Введенский. Все. – М.: ОГИ, 2011. – С. 7–24.
4. Гинзбург Л.Я. О лирике. – М.: Интрада, 1997. – 416 с.
5. Друскин Я.С. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2 т. – М.: Ладомир, 2000. – Т. 1. – С. 323–416.
6. Кобринский А.А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. – СПб.: Свое издательство, 2013. – 364 с.
7. Коновалова А. Ю. Эстетика и поэтика обэриутов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Бирск, 2005. – 22 с.
8. Степанов А.И. «Живое все одену словом». Заметки о поэтике Леонида Аронсона // Л.Л. Аронзон Собрание произведений: в 2 т. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2006. – Т. 1. – С. 21–54.
9. Эрль В.И. Несколько слов о Леониде Аронзоне (1939–1970) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/60s/aronzon/erl.htm>.

МИСТЕРИЯ И БАЛАГАН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (о «Конармии» Исаака Бабеля)

Статья исследует главный способ конструирования образа героя и мира в «Конармии» И. Бабеля. Ключевым понятием, характеризующим данную манеру художественного миростроения, становится игра. В ходе последующего анализа телесной структуры героя – мимики, строения рук, пластики – обнаруживается кукольное моделирование персонажей, их особая презентативность, более присущая зрелищным видам искусств. Полученные результаты помогают обратить внимание на конструкцию конармейского мира: во многих новеллах пространство обладает сценическими функциями, а сам мир представлен как сочетание плоскостей. Становится очевидным, что Бабель создает художественную вселенную на основе балаганной, сценической модели. Использование одного из самых экспрессивных художественных языков помогает писателю создать особый «театральный» нарратив, наделенный принципиально иной зрелищной кодировкой и резко отличающийся от других повествовательных стратегий. Устанавливается также соответствие между зрелищностью текста и важной мировоззренческой доминантой Бабеля, считавшего «театр жизни» оправданием человеческого существования. Наглядно проиллюстрирована связь художественного «материала» и формы: гротескные, фантастические чувства красноармейцев могли быть помещены лишь в балаганные «рамки», которые обладали предельной внутренней «широтой». В заключение говорится о тесном родстве балагана и средневекового мистериального представления, где кукла наполнялась высоким священным содержанием. Подобная возможность сохраняется и в балаганных конструкциях, использованных при создании «Конармии», – герой способен обрести как профанный, так и сакральный статус.

Ключевые слова: «Конармия», И.Э. Бабель, революция, Гражданская война, игра, карнавал, балаган, зрелищность, мистерия, сакральное.

Среди многочисленных исследований и статей, посвященных «Конармии» И. Бабеля, довольно скромное место занимают работы, раскрывающие игровой аспект цикла. Между тем именно эта составляющая художественного мира писателя представляется наиболее важной.

При внимательном прочтении обнаруживается, что страшный мир «Конармии» – прежде всего мир игры. Повествователь – одесский еврей – играет в красноармейца Лютова, герои играют друг с другом – «воскрешают» лошадь («Начальник конзаса») или обставляют изуверскую пытку с пышной театральностью («Иваны»), но главной «игрой» становится конструирование писателем своей художественной вселенной. На этом как раз и стоит остановиться. Задача данной статьи – выявить основной способ бабелевского миромоделирования, рассмотреть, как складывается образ героя и пространства в «Конармии».

Начнем анализ с обращения к мимике персонажей. В одной из новелл политический комиссар Конкин описывает своего напарника, появившегося перед ним во время боя, с невероятной экспрессией: «А тут Спиридон передо мной, как лист перед травой. Личность его в мыле, глаза от морды на нитках висят» [1, с. 95]. Прежде всего, описание помещается в рамки правдоподобного образа (естественно, правдоподобие может рассматриваться лишь как некий идеальный «конструкт» сознания, однако с его помощью человек почти всегда разграничивает явления действительности). И хотя боец «схвачен» рассказчиком в предельной ситуации боя, это не объясняет нарочито гротескного и фантастического образа. К тому же описание

выполнено вполне определенными средствами: выпадающие на нитках глаза – атрибут и свойство куклы, фигурки, рассчитанной на особый тип зрелищности.

Схожий образ встречаем в новелле «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча». Её рассказчик приходит отомстить своему смертельному врагу, барину Никитинскому: «и смотрю на Никитинского вроде как весело, а у него уже и глаз нету, только шары посреди лица стоят, как будто вкатили ему шары под лоб на позицию, и он хрустальными этими шарами мне примаргивает тоже вроде как весело, но очень ужасно» [1, с. 84]. «Глаза» персонажа создаются средствами той же эстетики: на первый план выходит «кукольность» создаваемого образа. О правдоподобии речь не идет, перед нами и не лицо вовсе, а почти ярмарочная гоголевская личина.

Приведенные новеллы написаны в форме сказа, слово дается герою «Конармии». Можно предположить, что именно поэтому здесь ярко явлен кукольный способ построения персонажа: Бабель воспроизводит народное сознание, которое «мыслит» ярмаркой, балаганным представлением, этому сознанию интересно только там, где действительность наряжается в одежды балагана. Однако примечательно, что в других новеллах, написанных уже от лица Лютова, одесского еврея, воюющего в 1-й Конной, читатель снова сталкивается с аналогичными конструкциями. В рассказе «Переход через Збруч» повествователю видится сон: «Начдив шесть снится мне. Он гонится на тяжелом жеребце за комбригом и всаживает ему две пули в глаза. Пули пробивают голову комбрига, и оба глаза его падают наземь. “Зачем ты поворотил бригаду?” –

кричит раненому Савицкий, начдив шесть» [1, с. 26]. В приведенном эпизоде сохраняется гротеск, фантастика, перечеркнуто правдоподобие, но главное – снова дается зрелищный, балаганный образ. Глаза выпадают «словно пуговицы» – указывает один из исследователей [2, с. 66]. Воссоздается и само мироощущение балагана, реконструируется особая атмосфера иммортальности персонажей¹. Впрочем, автора интересует не потенциальное бессмертие героя, а расширение «рамок» художественной действительности. Перешагивая через правдоподобие, он выполняет одну из своих содержательных задач: показывает читателю нечеловеческий масштаб героев и их страстей.

Возвращаясь к «кукольности», стоит сказать, что она создается не только с помощью гротескных форм. В рассказе «Вдова» образ лишен нарочитой гротескной экспрессивности, глаза солдат описываются как некие искусственные предметы: «Сапоги спящих были брошены врозь, зрачки заведены к небу, черные ямы ртов перекошены» [1, с. 140]. Использованное причастие – «заведены» – включается в семантическое поле механического, неживого, кукольного.

В похожей манере описываются не только красноармейцы; несмотря на разыгрывающийся трагикомический конфликт нераздельности и неслиянности с могучим «телом» 1-й Конной, образ Лютова конструируется в той же системе: на уровне эстетики персонажи и главный повествователь цикла – часть целого: «Она укрепила два истертых пятка на моих веках... потухающие зрачки медленно повернулись под медяками, я не мог разомкнуть моих рук и... проснулся» [1, с. 144]. Медленный поворот зрачков наводит на мысль о мертвенности, «деланности» этого образа, живое описывается через механическое, что не только отсылает нас к кукольной семантике, но и создает особую «осезательность» текста.

Все приведенные образы укладываются в единую зрелищную парадигму. Уже исходя из этого можно заключить, что перед нами кукольный мир. Автор при создании своего героя активно пользуется эстетикой народного примитива. Это подтверждается и другими примерами.

Если рассматривать мимику персонажа в целом, то здесь «срабатывает» один весьма показательный прием: в минуты наивысшей экспрессии лицо героя мертвеет, заменяется недвижимой «маской». Пример встречаем в новелле «История одной лошади», когда у опального начдива Савицкого хотят забрать белого жеребца, его кровную собственность: «...обернул вдруг к Хлебникову помертвевшее лицо. – Я еще живой, Хлебников, – сказал он... еще ноги мои ходят, еще кони мои скачут, еще руки мои тебя достанут» [1, с. 91]. Эффект создается на контрасте между внутренней эмоциональной бурей персонажа и застывшим лицом, превращающим-

ся в маску смерти. Данный образ вновь отсылает к некой кукольной стратегии – по Лотману, одним из средств создания комплекса «кукольности» в театре является маска на лице актера [3, т. 1, с. 380]. Если же обратиться к самому кукольному театру, то и там найдется аналог, ведь мимика фигурки не изменяется: резкий, «ненатуральный голос», чрезвычайная «экспрессивность» чувств всегда контрастируют с её застывшей гримасой.

В новелле «Солнце Италии» лицо Сидорова, помешавшегося на революции красноармейца, превращается в недвижимую маску. Однако здесь мотив способствует превращению в театр смерти уже всего живого и чудесного мира. Начало рассказа – это описание раскидистой ели, ворчливой печи, уютной кухни старой польки. Заканчивается текст совсем другими образами: «...И вот ночь, полная далеких и тягостных звонов, квадрат света в сырой тьме – в нем мертвенное лицо Сидорова, безжизненная маска, нависшая над желтым пламенем свечи» [1, с. 50].

«Примитивные» структуры, используемые Бабелем, далеки от однообразия. Одна и та же эстетика может скрываться за противоположными описаниями. Например, в новелле «Комбриг 2» Колесников, командир эскадрона, показан как кукла, не управляющая своими руками: «И вдруг на распростершейся земле, на развороченной и желтой наготе полей мы увидели её одну – узкую спину Колесникова с болтающимися руками и упавшей головой в сером картузе» [1, с. 74]. А в первых публикациях «Афоньки Биды» Репак (он же Маслак впоследствии) представлен куклой иного типа: «Репак, хрипя, кашляя и наслаждаясь, отъехал в сторону и сложил на животе негнувшиеся ручки» [1, с. 110]. Образы совершенно четко указывают на генезис своей эстетики. Оба демонстрируют зрелищный характер мировидения автора.

Еще одним маркером балаганного «следа» в тексте является характер движений персонажа. Тучный комбриг Маслак в той же новелле подходит к Афоньке, «мелко перебирая толстыми ногами» [1, с. 112]. Конструкция легко воспринимается читателем и даже иллюстрирует определенную походку, однако движение, которое она описывает, вне сценического пространства выглядело бы крайне нелепо. Так «перебирать ногами» все-таки естественнее на сцене, подобное перемещение лишь требует компактности пространства и присутствия фигурки небольших размеров. Таким образом, автор прежде всего создает в рассказе условную «сцену», на которой это «зрелищное» движение становится не просто возможным, но почти не отмечается читателем как ирреальное.

Рядом с Маслаком атаман волынских мужиков, еврейский юноша в очках, который описывается сходным образом: «Сбоку у него волочилась сабля. Он передвигался вприпрыжку, с недовольным ви-

дом, как будто ему жали сапоги» [1, с. 109]. Герои «Конармии» вообще часто прыгают, скачут, почти толкают свое тело сквозь пространство. Дьяков из новеллы «Начальник конзапаса», попрощавшись с крестьянами, берет «с маху четыре ступеньки», что заставляет некоторых исследователей видеть в этом прыжке даже некий взлет [7]. При этом важно помнить: «...балаганные движения – это подчеркнута физиологические движения (прыжки или скачки), не терпящие глубоких внутренних толкований» [6, с. 27]. На «физиологичности» перемещений тела в «Конармии» выдерживается особый акцент.

Приближаясь к описанию пластики героев, нужно отметить, что персонажей цикла отличает поразительная «зрелищная легкость» движений: в упоминавшейся сцене прощания Афоньки с конем есть такое описание: «Прощай, Степан, – повторил он сильнее, задохся, пискнул, как пойманная мышь, и завыл. Клокочущий вой достиг нашего слуха, и мы увидели Афоньку, бьющего поклоны, как кликуша в церкви» [1, с. 111]. Вновь в тексте формируется движение фантастическое, маркированное семантикой безумия, одержимости. По сути, в эпизоде представлена фигурка, бьющаяся о сцену, лишь у куклы подобное движение может выйти так легко и органично. «Экспрессивной легкостью» выделяется и героиня новеллы «Замостье»: увидев, что Лютов поджигает её дом, она совершает сходное действие: «Старуха легла на огонь грудью и затушила его» [1, с. 146]. Бабелю важен этот жест не только как выражение последнего отчаяния женщины (его содержательная суть), но и сама «форма» жеста, зрелищная, театральная.

Еще одной отличительной чертой балаганного героя «является мгновенное переключение с одного состояния на другое. Движения тела в балагане далеки от реальных человеческих движений... в целом их можно охарактеризовать как прерывистые, дискретные, разорванные, с причудливой канвой» [6, с. 26].

Резкими «переключениями» характеризуется образ Ворошилова в первой публикации «Конармии»: «Вольным, начдив шесть, вольным, – повторил Ворошилов, захохотал и разорвал на себе ремни» [1, с. 152]. Во всех последующих изданиях книги фраза была переделана с понижением экспрессии и обрела большее правдоподобие: «Вольным, начдив шесть, вольным, – сказал Ворошилов и рванул на себе ремни» [1, с. 152]. Описание слишком походило на кукольный спектакль «Петрушка», вплоть до текстуальных совпадений: так, на представлении, описанном в конце XIX века учителем Розенбергом (в одной из станиц Кубанского края): «из правой кулисы выскочил Петрушка... Захохотал, забегал он по сцене» [4, с. 69]. Описание балаганного действия, данное в своем самом непосредственном виде (обычное восприятие

спектакля), практически совпадает с бабелевским описанием. Перед нами конструкция: «захохотал и [совершил нечто]». О «разорванности» двух движений, их принципиальной стыковке мы уже упомянули (здесь актуализируется «мгновенное переключение» между состояниями, даже если подобное возможно в реальности, это будет движение театрализованное). Также отметим невероятную экспрессию действия Ворошилова: «разорвал на себе ремни». Это вновь отсылает нас к балагану.

Описывается через «кукольный код» и вражеская армия. «Поляки охватывали нас. В бинокль были видны отдельные фигуры конных разведчиков. Они выскакивали из местечка и проваливались, как ваньки-встаньки» [1, с. 111]. Прием полностью обнажается: неваляшка – это вполне определенная кукла. К тому же налицо и некоторая «декоративность» самого мира, местечко кажется картонной декорацией, из-за которой выпрыгивают фигурки и за которую заваливаются обратно. «Картонными» представляются поляки и персонажам: в новелле «Чесники» Ворошилов кричит Буденному, указывая на неприятеля: «Командарм... скажи войскам напутственное слово. Вот он стоит на холмике, поляк, стоит, как картинка, и смеется над тобой...» [1, с. 152]. Помимо того, что «картинка» – это «чистая зрелищность», картонные фигурки – характерный атрибут балагана (например, в картонную куклу превращается Коломбина в «Балаганчике» Блока). И сам «холмик» вместе с «картинкой», стоящей на нем, уже неотделим от её декоративной природы. Это наблюдение косвенно подтверждается вырезанной впоследствии концовкой новеллы: «Ворошилов стоял на холмике и стрелял из маузера» [1, с. 157]. Ворошилов (уже отмеченный нами как носитель балаганного начала) будто бы перемещается на тот же холмик, где стоял «поляк», и, в сущности, сам становится картонной «картинкой» на фоне той же декорации.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что персонаж Бабеля организуется по принципам куклы балагана. Теперь следует обратить внимание на пространство, в котором эта кукла действует, тем более что ему присущи те же балаганно-сценические приметы.

Весь мир «Конармии» характеризуется (также как и мир балагана) особым типом пространства – плоскостью: «На равнине, гладкой, как доска, перестраивались бригады. Солнце катилось в багровой пыли. <...> Афонькины разведчики рыскали по полю, выискивая мертвецов и обмундирование» [1, с. 68]. Мир дан как развернутая плоскость, на которой выстраивается действие (отметим и особый характер движения: рыскать – «празднично-балаганное» описание, рыскают всегда со страстью, с одержимостью). Здесь можно вспомнить и «явление» Колесникова, которого повествователь видит в той же «развернутости» про-

странства: «И вдруг на распростершейся земле, на развороченной и желтой нагоде полей мы увидели её одну – узкую спину Колесникова» [1, с. 74]. Важно отметить конструкцию «мы увидели», она используется также при описании Афонькиного горя: «Клокочущий вой достиг нашего слуха, и мы увидели Афоньку, бьющего поклоны» [1, с. 111]. Текст выстраивается так, будто на открывшейся сцене появляется персонаж в некой определенной театральнo-зрелищной ипостаси. И если в первом и втором случае повествователь как бы «выстраивает» сцену – «на равнине, гладкой, как доска», «на распростершейся земле» и т. д., то в третьем – «сцена» лишь подразумевается, обнаруживая свое присутствие через экспрессивно-зрелищную пластику персонажа.

Мир «Конармии» отличается и своей камерностью, что дает повод думать еще об одной особенности пространства балагана, о его чрезвычайной компактности. Самые показательные примеры этого находим в сказовых новеллах: «Воля кругом меня полегла на поля, трава во всем мире хрустит, небеса надо мной разворачиваются, как много-рядная гармонь» [1, с. 81]. Здесь все рядом, все буквально «под рукой», мир редуцирован. Вдобавок к этому небо именно «разворачивается» перед рассказчиком, то есть подчеркивается представление о мире, как о сочетании плоскостей, что, несомненно, также свойственно балагану: «Балаган воспроизводит устройство короба, представляя собой сборно-разборную конструкцию, саморегулирующуюся и самостоятельно развивающуюся. Это, в принципе, плоский, и, по большей части, симулирующий объем и многомерность, создающий впечатление объемного и многомерного за счет свертывания-развертывания плоскостей мир-конструктор, мир-трансформер» [6, с. 41]. Другой пример из новеллы «Соль» обладает несколько иной наглядностью: «славная ночка раскинулась шатром. И в том шатре были звезды-каганцы» [1, с. 101]. Прием обнажается: особое зрелищное слово повествователя превращает весь мир в ярмарочный шатер, в праздничное сценическое пространство.

Последовательный разбор способа построения героя и мира в «Конармии» убеждает, что в основе повествовательной стратегии цикла рассказов лежит зрелищный, балаганный метод конструирования вселенной. Ясное представление об этом помогает сделать ряд важных выводов.

Во-первых, в цикле писатель создает и использует особый зрелищный театральнo-нарратив, который во многом основан на самом выразительном художественном языке (языке балаганных форм), что вырабатывался и отшлифовывался в народной культуре в течение многих столетий. Этот язык становится эффективным средством для создания уникальной зрелищности бабелевского текста.

Во-вторых, автор выступает в роли кукольника, он разыгрывает перед нами балаганное представление (ему, как и народному сознанию, интересно там, где балаган, где происходит некое сценическое действие), и это выводит нас на очень важную мировоззренческую доминанту писателя, считавшего, что жизнь должна быть превращена в сцену. В одном из последних своих рассказов, «Ди Грассо», Бабель провозгласит: «в исступлении благородной страсти больше справедливости и надежды, чем в безрадостных правилах мира» [1, с. 312]. Территория страсти – территория априорно сценическая, лишь на сцене (или её подобии) жест, движение и сама жизнь обретают свою художественную цельность, окончательную эстетическую завершенность, оправдывая этим несовершенство и «некрасоту» мира.

В-третьих, следует отметить, что используемый «язык» был вполне адекватен «материалу». В новелле «История одной лошади» начдив Савицкий, самовольно забрав у командира эскадрона Хлебникова белого жеребца, запускает цепочку гротескных событий. Командир «до белых коней охотник» и пытается лошадь вернуть, однако это ему не удается. Разочаровавшись в новой жизни, он в отчаянии выходит из партии и к всеобщему изумлению покидает фронт. Необычайная страсть к жеребцу кажется комической и почти невероятной, однако существует реальное письмо, полученное Бабелем в 1924 г. (спустя четыре года после событий новеллы) и написанное прототипом Хлебникова – командиром эскадрона С. Мельниковым: «Эх, тов. Бабель, славная, красивая и полная героизма была жизнь и работа, хотя и полна опасности в нашей непобедимой, прославленной Конармии, а белого коня не забуду, пока буду жив» [1, с. 554]. Документ красноречиво свидетельствует о том, что Бабель вовсе не преувеличивал те гротескные, фантастические чувства, которыми были охвачены люди, служившие в 1-й Конной.

В-четвертых, подобные переживания не могли быть показаны в менее гротескной «обстановке». Предельные, невероятные эмоции должны заключаться в такую же гротескную, фантастическую форму (форму балаганного представления), дабы обрести художественную достоверность. К тому же только балаганные «рамки» обладают достаточной широтой, чтобы вместить в себя подобный размах чувств.

В-пятых, – и это подводит нас к вопросу о мистериальном начале «Конармии» – кукла может выразить огромный диапазон значений, она всегда находится на рубеже сакрального и профанного, что помогает автору цикла невзирая на бесчисленные зверства и комические ситуации в книге взять высокую ноту, сложить о неудавшемся польском походе «героическую песнь» [5, с. 80]. «Память о предыдущих подражаниях-превращениях, запечатленная в матрице кукольного мира, заставляет

куклу балансировать на грани *сакрального* (фетиш) и *профанного* (игрушка, актёр). Благодаря этому кукла может вместить в себя абсолютно всё: личное, неличное, вселенское. *Кукла балагана* сосредоточена на себе, погружена в свои «личные» заботы и хлопоты; она мимикрирует в соответствии с обстоятельствами, с переменами во внешней среде. Иначе обстоит дело с *куклой мистерии*: избавляясь от «вещного» и лишаясь собственного тела и души, она превращается в лишенную индивидуальной воли, податливую *марионетку*, подчиненную «вышшим» силам, – в мускульную «надмирную» энергию. В *марионетке мистерии*, в отличие от *куклы балагана*, открываются неличные и нечеловеческие – сакральные – смыслы» [6, с. 35–36]. На этот сакральный статус героев указывает также и высокий, библейский стиль повествования и прямые упоминания о «святости» действующих лиц: «Обведенный нимбом заката, к нам скакал Афонька Беда» [1, с. 70], «Лёвка... протягивает руки к небу, окружая себя ночью, как нимбом» [1, с. 138]. Через балаган и кукольность герои соприкасаются с мистерией, наполняются высоким содержанием и становятся персонажами особой Священной истории, истории о сотворении нового мира.

Примечание

¹ Лишь в балагане герой после случившегося остается в живых. Его могут разорвать на части,

а он воскреснет уже в следующей сценке. Смеховая гибель Петрушки в конце каждого представления потому и была смеховой, что зритель знал: Петрушка снова появится как ни в чем не бывало в начале следующего спектакля.

Библиографический список

1. Бабель И.Э. Рассказы / сост. Е.И. Погорельской. – СПб.: Вита Нова, 2014. – 656 с.
2. Коган Э. Смех победителей. На грани трагического и гомерического // Вопросы литературы. – 1998. – № 5. – С. 55–92.
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992.
4. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. – Л: Искусство, 1984. – 191 с.
5. Одесский М., Фельдман Д. Бабель и хасидизм: Оправдание революции // Литературное обозрение. – 1995. – № 1. – С. 78–83.
6. Шевченко Е.С. Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х – 1930-х годов. – Самара: Изд-во «Самарский научный центр РАН», 2010. – 484 с.
7. Яблоков Е.А. Образная система рассказа И. Бабеля «Начальник конзапаса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/nachalo-xx-veka/95-e-yablokov-rasskaz-babelya-nachalnik-konzapasa> (дата обращения: 17.09.2016).

«ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ» Ю. ТРИФОНОВА И «НА ПЕРВОМ ДЫХАНИИ» В. МАКАНИНА: ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье раскрывается взаимосвязь художественного творчества Ю. Трифонова и В. Маканина. Авторы обращаются в своих произведениях, написанных в русле городской прозы, к внутреннему миру современника и рисуют его психологический портрет через призму индивидуального мировидения. Основное внимание в статье уделено особенностям повествовательной структуры произведений. Ю. Трифонов в повести «Дом на набережной» и В. Маканин в повести «На первом дыхании» (обе появились в 1976 г.) используют сходные повествовательные техники, позволяющие передать характер внутренней жизни героев. Взаимосвязи выражаются в трех аспектах. Во-первых, писатели избегают открытых авторских оценок героев и их поступков. В повести В. Маканина история рассказывается главным героем, а в повести Ю. Трифонова – безличным повествователем. В обоих случаях авторское суждение намеренно нивелировано. Во-вторых, сам читатель рисует портрет героя на основании собственных мыслей персонажа: важными оказываются не столько события, сколько рефлексия персонажа по поводу них. В-третьих, в обеих повестях присутствуют схожие повествовательные приемы, прежде всего – смена точки зрения на главного героя. При этом данный прием играет важную смысловую роль в рамках произведений.

Ключевые слова: Ю. Трифонов, В. Маканин, повествование, повествовательная структура, городская проза, рефлексия, точка зрения.

В центре нашего внимания – повествовательная структура двух повестей: «Дом на набережной» Ю. Трифонова и «На первом дыхании» В. Маканина. В определенный период оба писателя создавали свои произведения в рамках городской прозы – специфического направления в литературе 1960–1980-х гг., наиболее полно выразившегося в 1970-е. Это направление представило творчество ряда писателей как новаторское в плане выстраивания повествовательной модели. Уже известный читателям Ю. Трифонов открыл новые грани своей художественной оптики, создав запоминающиеся психологические портреты современников. В. Маканин в это время был молодым писателем, его авторский почерк только формировался, но уже был вполне определен. В творчестве обоих писателей можно увидеть схожую художественную установку – отсутствие явной авторской оценки персонажей и их поступков. Стоит отметить, что в творчестве В. Маканина можно увидеть черты, близкие художественному методу Ю. Трифонова. Так, М. Селеменова указывает [3], что у обоих писателей в качестве пространственной доминанты выступает город, однако у Ю. Трифонова это Москва со всеми культурными и историческими смыслами (недаром автор часто говорит о пространстве города в элегическом настроении, с нотами ностальгии), а у В. Маканина – отдельно взятые локусы мегаполиса, локальные территории. В прозе В. Маканина нет специфичной атмосферы большого города, которая есть у Ю. Трифонова. Для героев В. Маканина город – место жизни, но не глобальное культурно-историческое пространство со своими смысловыми напластованиями. Помимо других аспектов взаимосвязи творчества писателей, автор отмечает, что «способом обнаружения

истинного лица героя, а также выходом из «самотечности жизни» становятся в прозе Маканина конфузные ситуации, то есть ситуации обнажения человеческой сущности» [3]. Такие ситуации нарушают размеренный ход жизни героя и позволяют проявиться его внутренним характеристикам – такое построение маканинского сюжета, по мнению М. Селеменной, было ранее предвосхищено сюжетными коллизиями Ю. Трифонова. При этом предмет интереса оказался един для обоих писателей – им стал внутренний мир человека.

Мы считаем, что повествовательная стратегия Ю. Трифонова и В. Маканина, при всей разнице художественной индивидуальности каждого писателя, схожа. Наша цель – увидеть повествовательные параллели в повестях Ю. Трифонова и В. Маканина, появившихся в одно время, в 1976 году.

Городскую прозу нельзя рассматривать в отрыве от контекста эпохи, в которую она сформировалась. Анализируемые нами произведения создавались на материале, который был понятен каждому читателю: им стало изображение «не-героя», живущего негероической жизнью и совершающего негероические поступки – по сути, жизнь среднестатистического горожанина. В определении Л. Аннинского, эти персонажи – так называемые «срединные» [1]. И в этом смысле просто описать череду жизненных ситуаций было недостаточно, важным стало показать эту самую жизнь под таким углом зрения, который был бы правдив и вместе с тем обобщал жизненный опыт современников. Ю. Трифонов в «Доме на набережной» поднял проблему подлости и изворотливости современного человека, а В. Маканин в своей повести показал его неприкаянность. Оба произведения – о современниках, хотя и разных поколений. В первом случае причиной поступков персонажа оказывается личная выгода и за-

дача обустроить, материально в первую очередь, свою жизнь; во втором – попытка найти себя и свое место в жизни. Цель же, как нам представляется, была если и не одна, то сходная для обоих авторов и выражающаяся в том, чтобы показать невидимую сторону жизни человека, а именно его внутреннюю жизнь, и прежде всего характер его рефлексии по поводу происходящих с ним ситуаций.

Таким образом, внимание авторов к внутреннему миру героев, который ярко показан в обеих повестях, определяет важную задачу для писателей: каким именно образом обнаружить психологию персонажа и обосновать его поступки? Ю. Трифонов и В. Маканин решают ее так: рассказывают историю преимущественно через призму мировидения того или иного персонажа, и именно поэтому выявление сугубо авторского отношения оказывается затруднительным – оно прочитывается лишь на уровне интонаций.

Итак, перейдем непосредственно к анализу повестей. Материалом для художественного изображения у обоих писателей служит повседневная жизнь, и по большому счету в том виде, в каком она и существует в действительности, без налета «литературности». Однако авторский взгляд в большей степени устремлен на человека, на его внутреннюю жизнь, а не на события. И для Ю. Трифонова, и для В. Маканина важной является не ситуация как таковая, а взгляд героя на нее – это первое, что сближает их подходы. И здесь речь должна идти о таком повествовательном приеме, с помощью которого можно было бы максимально правдиво и точно передать «внутреннего» человека: переживания, мысли и, что очень важно, – своего рода «интонацию», нерв, который определяет в целом жизнь героя.

В. Маканин выбирает перволичное повествование – рассказ о событиях в повести ведется от лица главного героя, Олега Чагина. Поэтому и все случившееся воспринимается исключительно через призму его мировидения. По сути, повесть «На первом дыхании» является «частным повествованием»: конкретный персонаж рассказывает о том, что с ним приключилось – отдельного адресата здесь нет, речь персонажа направлена непосредственно к читателю. Такая установка позволяет избегать авторской оценки происходящего, взгляд на внутренний мир современного человека репрезентирован как бы напрямую, через него самого. «Я-повествование» неизбежно формирует четко определенные рамки: читатель не узнаёт ничего сверх того, что знает главный герой; более того, читатель не может знать наверняка, все ли правда из того, что представлено в повествовании. Однако такой подход позволяет достичь эффекта «доверительности»: рассказчик – Олег Чагин – повествует о своей жизни читателям, и нам не остается ничего другого, как поверить именно его словам,

так как никакого выбора не предоставлено. Иными словами, В. Маканин предлагает именно читателю формировать психологический портрет героя на основании его слов и мыслей. И не было бы ничего необычного в том, если бы все произведение не отклонялось от выбранного курса. Однако в повести есть момент, когда неожиданно повествование начинает транслироваться от третьего лица неявным рассказчиком – об этом речь пойдет далее, так как данный эпизод важен в вопросе соотношения повести В. Маканина и повести Ю. Трифонова, в которой есть схожие повествовательные «прыжки».

Обратимся к повествовательной стратегии Ю. Трифонова. Внутренний мир его героя, Вадима Глебова (жизнь персонажа рассматривается в книге на протяжении нескольких десятилетий), также представлен «изнутри», однако это практически всегда находится в рамке безличного повествования, при этом для репрезентации психологического мира героя автор использует несобственно-прямую речь. Поэтому изначально получается, что в повествовательном плане у Ю. Трифонова всегда есть возможность одновременно говорить и за героя, и делать очень характерные для автора лирические отступления. Нужно сказать, что Ю. Трифонову свойственно «уравновешивать» взгляд на мир через призму главного героя взглядом обобщающим. Вместе с тем взгляда со стороны всезнающего повествователя непосредственно на героя нет, и, так или иначе, читатель вынужден сталкиваться с объяснением ситуации с точки зрения Вадима Глебова. Внутренний настрой и в целом характер героя будут определять и характер событий: *«Какой-то работяга дремал в тенечке у стены, сидя на корточках. Глебов к нему: “Вы не Ефим?” Работяга поднял мутный взгляд, посмотрел сурово и чуть выдавил презрительную ямку на подбородке, что должно было означать: нет. По этой выдавленной ямке и по чему-то еще неуловимому Глебов вдруг догадался, что этот помертвельный от жары и жажды похмелиться, несчастный мебельный “подносила” – дружок давних лет. Понял не глазами, а чем-то другим, каким-то стуком внутри. Но ужасно было вот что: хорошо зная, кто это, начисто забыл имя! Поэтому стоял молча, покачиваясь в своих скрипучих сандалетах, и смотрел на работягу, вспоминая изо всех сил. Целая жизнь налетела внезапно. Но имя? Такое хитроватое, забавное. И в то же время детское. Единственное в своем роде. Безмянный друг опять налаживался дремать: кепочку натянул на нос, голову закинул и рот отвалил»* [4, с. 22–23].

В приведенном отрывке можно увидеть, что повествование движется в соответствии с процессом узнавания героем своего старого друга, а именно в соответствии с его отношением к нему: «выдавил презрительную ямку на подбородке», «несчастный мебельный подносила – дружок давних лет», «Такое

хитроватое, забавное» – все эти словесные маркеры определены внутренней речью Вадима Глебова, а не безличного повествователя. В подобном ключе можно цитировать повесть и далее, вывод будет заключаться в следующем: Ю. Трифонова, как и В. Маканина, предоставляет именно читателю оценивать героя на основании прежде всего внутренней речи.

Мыслительный процесс героев играет ключевую роль у обоих писателей, поэтому можно говорить о схожести подходов в этом аспекте: читатель узнает героя не только через его поступки, но и через их внутреннее обоснование и рефлексию по поводу них – это второе, что объединяет художественные подходы в повестях.

Вернемся ненадолго к затронутой выше особенности – авторским отступлениям. Ю. Трифонова, как представляется исходя из контекста повести, вводит отступления/обобщения, чтобы показать масштаб, обозначить рассматриваемую историю отдельного человека как незначительную в рамках Времени. В. Маканин же, у которого нет как таковых отступлений и обобщений, в определенном смысле более «объективен» и менее тенденциозен, чем Ю. Трифонова, более жесток и, например, у него не найти намеков на сентиментальность, которые можно видеть в «Доме на набережной».

Приведем показательные в этом отношении отрывки. *«Им некогда, они летят, плывут, несутся в потоке, загребая руками, все дальше и дальше, все скорей и скорей, день за днем, год за годом, меняются берега, отступают горы, редуют и облетают леса, темнеет небо, надвигается холод, надо спешить, спешить – и нет сил оглянуться назад, на то, что остановилось и замерло, как облако на краю небосклона»* [4, с. 21]. Такие обобщающие, интенционно ностальгические нотки позволяют завладеть читательским вниманием и проникнуться текстом произведения Ю. Трифонова. А вот В. Маканин: *«Я ушел, уже не мог их слушать. Мне нужен был воздух. И высокое небо. И необъятная даль. Ничего этого, конечно, не было. Просто сыпал снег – мелкий и довольно занудливый»* [2, с. 189]. Пафос первой, в романтическом ключе, части отрывка, моментально снижается и сводится на нет второй частью отрывка.

Таким образом, мы наблюдаем и разницу выбранных подходов. Эти отрывки приведены для того, чтобы показать разницу творческой манеры рассматриваемых писателей. В нашем случае близость повествовательной стратегии видится тем лучше, чем более индивидуален каждый писатель по отдельности.

Перейдем к тем особенностям повестей, которые играют важную роль в их сопоставительном анализе. Эти особенности носят общий для рассматриваемых нами произведений характер, а именно: изначально заданная повествовательная рамка (у Ю. Трифонова это безличное повествова-

ние, а у В. Маканина перволичное повествование) сменяется на иную – появляется новый рассказчик, и происходит это в ситуации уже «устоявшегося» нарратива несколько неожиданно. В «Доме на набережной» в действие включается неназванный персонаж, безличное повествование сменяется перволичным; в повести «На первом дыхании» перволичное повествование сменяется повествованием от третьего лица. В обоих случаях такие эпизоды (в «Доме на набережной» их встречается несколько, «На первом дыхании» ограничивается только одним случаем) служат вполне определенной задаче: все-таки показать главного героя с точки зрения «другого» по отношению к нему человека. У Ю. Трифонова таким человеком становится некто, кто знал Глебова в детстве, знал его друзей. В его рассказе Вадим Глебов – персонаж второго плана, который не играет для рассказчика никакой роли. Читатель сталкивается с новой жизненной историей, проявляющейся во всем тексте фрагментарно, но позволяющей взглянуть на историю Глебова как на что-то незначительное. Вместе с отступлениями и обобщениями безличного повествователя «побочная» сюжетная линия, таким образом, нивелирует в каком-то смысле ведущую центральную сюжетную линию про Вадима Глебова. Так Ю. Трифонова показал истинный масштаб истории своего «не-героя», которая ничем особенным не выделяется из череды похожих жизней – и вместе с этим автор рассмотрел человеческую жизнь с той художественной высоты, которая позволила наиболее точно обрисовать портрет не только современника, но и эпохи.

В случае с повестью «На первом дыхании» ситуация складывается следующим образом: перволичное повествование (от лица главного героя Олега Чагина) сменяется повествованием от третьего лица. Начальные строки этого эпизода: *«Вот именно. Какой бы день из тех давних дней он ни вспомнил, он так и слышит прозрачную ясность звучания – Я МЧАЛСЯ. Никаких сомнений или отслоений в интонации. Никаких колебаний. Я БЕЖАЛ. Я ЛЮБИЛ. Все четко и ясно»* [2, с. 185]. Эта смена нарушает хронологическую последовательность описываемых событий, здесь уже взрослый герой (Олег Николаевич, а не просто Олег) рассмотрен со стороны. Причем здесь так же неясно, кто, собственно, в этом эпизоде «говорит». Задачей такого повествовательного перехода, на наш взгляд, является представление неизменности героя и его внутреннего состояния: он повзрослел, но остался прежним. Стоит отметить, что при чтении складывается впечатление, что такой повествовательный переход мотивирован какой-то априорной «необходимостью» присутствия авторского слова. Следовательно, В. Маканин, не приводя никаких оценок, констатировал внутреннее состояние героя, но с другого ракурса.

И Ю. Трифонов, и В. Маканин дополняют повествование не прямо выраженным авторским обобщением, но «чужим взглядом». Между тем, как представляется, этот взгляд формирует и «дочерпывает» то исключительно оценочное авторское суждение/обобщение, которое сводится на нет в произведениях. Таким образом, мы наблюдаем в повестях схожие повествовательные приемы, которые транслируют информацию, оказывающуюся важной в рамках художественного мира произведений. Вероятно, это и не иллюстрирует общие художественные установки писателей в целом, однако это яркое сходство (именно ничем не мотивированная смена точки зрения) весьма показательна – и это третье, что объединяет повести.

Таким образом, возможно, именно общность материала для художественного исследования и воплощения, а именно череда будничных, жизненных событий, вызвала схожесть повествовательных траекторий в творчестве писателей. Несмотря на различия в творческом подходе, упоминавшиеся ранее, Ю. Трифонов и В. Маканин следовали если и не одной художественной тропой, то, во всяком случае, их художественные ориентиры в 1970-е гг. во многом совпадали.

Итак, во-первых, для Ю. Трифонова и В. Маканина важны не столько события, сколько отклик героя на них. Нам кажется, что это доминирующая черта городской прозы в целом, в которой нет места громким событиям с большой буквы.

Во-вторых, читатель повестей Ю. Трифонова и В. Маканина узнает персонажа и формирует его

психологический портрет на основании того, что происходит во внутреннем мире этого персонажа. Автор в данном случае никогда не выступает в роли толкователя и судьи.

В-третьих, писатели выбирают схожие повествовательные приемы, чтобы показать главного героя с другой – по отношению к доминирующей точке зрения – стороны.

Подводя итоги, можно сказать, что оба писателя сумели создать слепок жизни – в одном случае масштабный («Дом на набережной»), в другом локальный («На первом дыхании»), который позволил решить главную задачу – понять внутреннее состояние современника и определить сферу его настроений. И в этом смысле творчество писателей, в частности Ю. Трифонова и В. Маканина, продемонстрировало качественно новый подход к теме внутреннего мира человека.

Библиографический список

1. Аннинский Л. Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «срединного человека» // Маканин В. Избранное: Рассказы и повесть. – М., 1987. – С. 3–18.
2. Маканин В.С. На первом дыхании. Повести и рассказы. – Курган: Зауралье, 1998. – 624 с.
3. Селеменова М.В. Трифоновский код в прозе В.С. Маканина // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 14–23.
4. Трифонов Ю.В. Дом на набережной: повесть / предисл. Д. Быкова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 382 с.

УДК 821.161.1.09"21"

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
tgkuchina@mail.ru

Ахапкина Дарья Николаевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
a.darja2010@yandex.ru

«КОНВЕРТИРОВАТЬ БЫТИЕ В СЛОВО»: HOMOSCRIBENS В ПРОЗЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА

Статья обращена к рассмотрению метаповествовательных аспектов романов Е. Водолазкина «Лавр» (2012) и «Авиатор» (2016). В центре внимания – образ «человека пишущего», сфера его нарративных интенций, индивидуальные алгоритмы письма. В прозе Е. Водолазкина письмо оказывается синекдохой бытия, фактором экзистенциального расширения «я», способом зафиксировать в мироздании и сохранить в «культурном слое» всякий предмет, удостоившийся слова. Для героев Е. Водолазкина акт письма – это способ противостоять времени, беспамятству, хаосу. Более того, в «Авиаторе» необходимость писать мотивируется стремлением главного героя – Иннокентия Платонова – детально реконструировать собственное прошлое (как прожитые годы, так и оставшиеся непрожитыми из-за его «выпадения» из времени ввиду экспериментального замораживания), вернуть письмом свой личный мир, который иначе безвозвратно исчезнет с его смертью. Письмо для Платонова является не следствием или результатом воспоминания, а единственно подлинной формой персонального бытия – причем в нем органично и непротиворечиво соединяются реальные события и вымышленные литературные сюжеты. Автобиографический сюжет «ровесника XX века» оказывается наполнен событийными «цитатами» из литературной классики с просвечивающими стилистическими узорами из прозы Бунина, Набокова, лирики Пастернака, Блока и др. Письмо для Homoscribens – единственный механизм, позволяющий преодолеть необратимость времени.

Ключевые слова: Евгений Водолазкин, «Лавр», «Авиатор», скриптор, нарратор, автобиографическая память.

Отвечая на вопрос о призвании писателя, Евгений Водолазкин прежде всего указывает на его особое умение нарекать вещи именами: «Писатель... должен уметь конвертировать бытие в слово. Писательство – это, по сути, название.<...> Дело писателя – ловить музыку сфер и распространять ее в нотах. Быть, если угодно, “лучшим акыном степи”: петь о том, что видит. Что, подчеркну, видят и все там живущие. А поэт – только он, потому что он способен превращать степь в текст» [4, с. 155]. «Бытие в слове» /«степь в тексте» в логике этого рассуждения претендуют на сохранение экзистенциальной «самости»: быть можно только названным, обретшим себя в слове. С определения отношений мира и слова когда-то начал свой роман «Жизнь Арсеньева» Иван Бунин: «Вещи и дела, аще не написани бывають, тмою покрываються и гробу беспамятства предаются, *написавши же яко одушевлені...*» (курсив наш. – Т. К., Д. А.) [2, с. 5.]. Для литературы XX и начала XXI века этот принцип оказывается устойчиво актуальным – достаточно обратиться к художественному опыту В. Набокова, С. Соколова, М. Шишкина, И. Бродского, Л. Лосева и др. В «Венерином волосе» Михаила Шишкина, например, зависимость бытия от слова вообще отточена до формул: «От вас останется только то, что я сейчас запишу» [8, с. 265] или «Так ты исчезнешь, а вот если я тебя запишу, ты останешься» [8, с. 384]. Аксиомами давно уже выглядят и максимы И. Бродского: «От всего человека вам остается часть. Часть речи вообще. Часть речи» («... и при слове “грядущее” из русского языка...») [1, с. 121]. Не меньшее значение мотивы письма и образ «че-

ловека пишущего» получают и в прозе Евгения Водолазкина.

«Авиатор» (2016) представляет собой «коллективный» текст, созданный целым союзом нарраторов («хором акынов») – Иннокентием, Настей, Гейгером; начинается роман эпиграфом, в котором утверждается ценность и значимость письменного слова: «Что вы все пишете?» – «Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеясь спасти их от забвения» [3, с. 5]. Апологией письма в «Лавре» (2012) становится осмысление дедом Христофором связи бытия и слова: он писал «не потому, что боялся что-либо позабыть... Ему казалось, что слово записанное упорядочивает мир. Останавливает его текучесть» [5, с. 40]. Побудительные мотивы Homoscribens проступают из приведенных фрагментов вполне отчетливо: письмом противостоять времени, беспамятству, хаосу.

Однако в романах Е. Водолазкина конвертация бытия в слово не исключает и обратного хода. С одной стороны, слово «схватывает» вещество существования, насыщает его живыми токами смыслов; с другой – выстраивание в сознании персонажа картины бытия регулируется и направляется словом – и часто именно слово первично по отношению к действительности (воспринимаемой «здесь и сейчас» или восстанавливаемой памятью). Нарративные интенции Homoscribens в прозе Е. Водолазкина и индивидуальные алгоритмы письма как раз и станут предметом рассмотрения в нашей работе. Ее основная цель – выявление принципов построения метаповествовательного плана и установление его связей с повествуемым миром в романах «Авиатор» и «Лавр».

В «Лавре» власть слова над бытием – мотив-пунктир, прошивающий всю повествовательную ткань романа. Арсений словом облегчает страдания болящих (а повествователь с самого начала акцентирует этимологическое родство «врача» и «врати» – говорить, заговаривать); словесное «обещание» выздоровления обращается в действительность – и страждущие избавляются от недугов. Слово же записанное и вовсе всеильно: оно обретает власть не только над пространством, но и над временем. Старец Никандр, например, не записывает тяжкие грехи исповедующихся, опасаясь их увековечения; тем самым Никандр удостоверяет правоту Христофора, полагающего, что «написанное слово останется таковым навсегда. Что бы ни случилось впоследствии, будучи записанным, это слово уже состоялось» [5, с. 40].

Для героев «Лавра» значим и сам процесс материальной фиксации слова: Христофор ведет свои записи на берестяных грамотах, вступая в виртуальные «диалоги» то с обличаемыми еретиками (тогда брови его сурово сдвинуты), то с нуждающимися в назидании потомками (тогда на лице его – выражение тихой радости); вообще же живой контакт пишущего с буквами и словами восходит, кажется, к гоголевскому Акакию Акакиевичу – и Христофор (правда, в хронологической инверсии) оказывается в какой-то мере наследником скрипторского искусства Башмачкина. Примечательно, однако, принципиальное неразличение в записях Христофора «своего» и «чужого» (он делает выписки из книг и тут же фиксирует житейские наблюдения – например, про выпавший молочный зуб Арсения, записывает составы травяных сборов и следом – назидательные изречения), отвлеченных идей и практически полезных рецептов: всякий предмет, удостоившийся слова, уже не выпадет из мироздания и непременно станет частью «культурного слоя».

Покидая дом деда, Арсений в первую очередь берет с собой в путь записи Христофора. После ночного ограбления под Белозерском желание вернуть часть Христофоровых грамот, оставшихся в карманах отнятой шубы, направляет Арсения обратно к отпустившему его разбойнику. Наконец, обнаружив рядом с лохмотьями, доставшимися ему от грабителя взамен шубы, мешок с грамотами, Арсений даже расстроился оттого, что вор не рассматривал их как сколько-нибудь ценную добычу. Очевидно, что сформулированный позже в «Авиаторе», в последних записях Платонова, тезис – благодаря письму «моя жизнь могла бы продолжаться и в мое отсутствие» [3, с. 372] – действителен и для персонажей «Лавра». Письмо – синекдоха бытия, фактор экзистенциального расширения «я», и потому вопреки всем физическим законам Христофор – в компании библейских пророков – оказывается рядом с бандитом Жилой,

который после нападения на Арсения достает из шубы грамоты и, шевеля губами, читает: «Давид рече: смерть грешников люта. Соломон рече: да похвалит тя ближний твой, а не уста твоя.<...> Отсутствующих друзей вспоминай перед присутствующими, чтобы те, слышав это, знали, что и о них не забываешь. Все друзья Жилы отсутствовали, и ему приходилось вспоминать их в одиночку» [5, с. 164] – однако парадоксальным образом вместе с Жилой о друзьях «вспоминает» и Христофор.

Впрочем, как уточняет повествователь, «в Средневековье вообще читали преимущественно вслух, на худой конец просто шевелили губами» [5, с. 41] – но при ближайшем рассмотрении оказывается, что не только в Средневековье. Шевелящиеся при чтении губы – постоянный «крупный план» в прозе Е. Водолазкина, особенно настойчиво появляющийся в «Авиаторе»: «Я слежу за бабушкиными губами» [3, с. 16], «Он ведь не знает, что я за ним наблюдаю, а если что и говорит, то не мне. Шевелит губами, смотрит в окно» [3, с. 17] «"Отче Наш" про себя читал. Шевелил губами на влажном ветру» [3, с. 21]; профессор Майер, «листая историю болезни... то и дело слюнил указательный палец и жевал губами» [3, с. 398–399]; «А я все рассказывала и рассказывала. Беззвучно шевелила губами» [3, с. 321]. Телесно-физиологический аспект воспроизведения речи оказывается ничуть не менее важен, чем ее запись: чтобы слово «состоялось», оно должно получить «персонализированный» артикуляционный импульс, наполниться живым дыханием конкретного человека.

Импульсом же к письму в «Авиаторе» служит стремление Платонова восстановить собственное прошлое, передать еще не рожденной дочери тот личный мир, о котором никаким иным способом она уже не сможет узнать, если Платонов умрет. «Я ведь только тем и занимаюсь, что иду дорогу к прошлому: то через свидетелей (их со смертью Анастасии больше нет), то через воспоминания, то через кладбище, куда переместились все мои спутники. Я пытаюсь приблизиться к прошлому разными путями, чтобы понять, что оно такое» [3, с. 349]; «Если все это не будет записано, то, боюсь, канет в Лету. В истории человечества это будет заметная прореха, но самой большой потерей это будет для Анны» [3, с. 369].

«Столбовой дороги» в прошлое не предусмотрено; оно собирается по крупицам – из слов, фраз, отдельных звуков и фрагментов картинок, не всегда четких ощущений и зыбких контуров событий. Восстанавливаемый мир прошлого конструируется памятью отнюдь не обязательно в реальной модальности: что-то не точно и не в деталях помнится (было то ли так, то ли этак – как в эпизоде с несостоявшейся покупкой рассады при посещении с Анастасией кладбища: «Я уже не уверен, что мы ступали по листьям – скорее, по снегу. Бурому ве-

сенному снегу, облезлому и клочковатому. Сейчас еще раз всё взвесил: ну конечно же, стояла осень. И расаду я почитать не собирался – потому ее и не продавали, что дело было осенью» [3, с. 82]), а чему-то память назначает быть таким, а не иным («Лучше так: вот мы в Лигове, в Полежаевском парке. Июнь месяц...» [3, с. 35] – а как было на самом деле, вспомнить уже некому). Более того, актом письма можно поставить в один ряд с реально бывшим вовсе не бывшее – и легитимность неслучившегося никто не станет оспаривать: «Правильно ли я понимаю, – спросил меня Гейгер, – что допустимо описывать и те события вашей жизни, которых не было? – Совершенно верно. Может быть, это только кажется, что их не было» [3, с. 380]. Письмо, таким образом, является не следствием или результатом воспоминания, не вербальной / графической копией ушедшей в прошлое действительности, а единственно подлинной формой персонального бытия: что записано – то и есть.

Словесные формулы (или «фразы», как именует их Платонов в «Авиаторе») регулярно становятся катализатором воспоминаний. Реконструируя условия возможного применения «фразы», Платонов постепенно восстанавливает обстоятельства места и времени, расставляет фигуры родственников и знакомых, связывает разрозненные эпизоды в цепочки событий.

Так, фраза «тепло быстро передается по металлу» вытягивает за собой в памяти Платонова чай, ложечку, стакан в подстаканнике, подушку на стуле (остальные сюжетно значимые детали – не в фокусе, на периферии зрения). Горячая ложечка, естественно, выпадает из рук – и ее звон слышится Платонову в контрапункте с «приятным голосом» [3, с. 27], произносящим формулу про тепло и металл. Повествовательной рифмой к этому давнему детскому воспоминанию в записях героя будет рассуждение о значимости дружеской беседы на кухне в сравнении со значимостью, например, битвы при Ватерлоо: «Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо – это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа – это событие личной истории, для которой мировая – всего лишь небольшая часть» [3, с. 381]. Отдельные маркированные фразы (неведомо как получающие свою эмоциональную «маркировку» – запоминаются как те, что связаны с самым дорогим и важным, так и те, что являются общим местом, речевым клише) оказываются точками входа в персональное прошлое («личную историю»), создают тот необщий язык, который необходим человеку прежде всего для понимания самого себя, для выражения еще не выраженного («стремление к полноте выражения – это стремление к полноте истины» [3, с. 410], резюмирует в финале романа Платонов).

Второй подобной формулой – нос заметно более развернутым визуальным и событийным рядом – становится фраза «иди бестрепетно». Впервые маленький Платонов слышит ее на праздновании Рождества; его просят прочитать стихотворение – а он от страха и волнения пытается сбежать и будет пойман кухаркой и доставлен обратно в залу. Само прочитанное стихотворение Платонов уже не помнит – зато ту цитату из Рылева («Иди бестрепетно проложенной стезею / И лавры свежие рви смелою рукою» [7, с. 84]), которой подбадривал его Терентий Осипович Добросклонов, запомнил на всю жизнь. «Иди бестрепетно» в паронимической связке с «Терентием Осиповичем» становится важнейшим лейтмотивом романа и сопрягает формально противоположные пути – в жизнь и смерть. Платонов повторяет себе «иди бестрепетно», когда нужно решиться на какой-то ответственный шаг (так, на первую после «разморозки» пресс-конференцию он выталкивает себя с помощью именно этой фразы). Случайно обнаружив могилу своего «вожатого» на кладбище Александро-Невской лавры, Платонов видит надгробную надпись: «Терентий Осипович Добросклонов, 1835–1916. И фраза: “Иди бестрепетно!” Она там почему-то не написана, но не все ведь на свете пишется» [3, с. 292]. В мире «Авиатора» писать что-либо нано-во нет необходимости: однажды написанное (или сказанное, или даже подуманное) невычитаемо из жизни и не отменяется смертью.

С девизом «иди бестрепетно» Платонов готов пуститься и в посмертное путешествие – правда, пишет он об этом не без доли черного юмора. Из раскопанной сотрудниками «Водоконола» во время укладки труб могилы Добросклонова он ждет от старика ободрения: «На месте глаз зияли две черные дыры, но в остальном Терентий Осипович был похож на себя. Какое-то мгновение я ждал, что он призовет меня идти бестрепетно, но потом заметил, что у него нет и рта» [3, с. 326]. А чуть раньше, размышляя о мимикрии живого и мертвого и вспомнив в связи с ожившим соловейком зеком-мертвецом и о Добросклонове, который не должен был сильно измениться за прошедшие 83 года после смерти, Платонов уверенно заявляет: «Если бы можно было спуститься к нему на эти два метра, я бы спустился. Если бы он сказал мне оттуда: “Иди бестрепетно!” – я бы пошел» [3, с. 303].

Цитатность жизненного кредо *Nomoscribens* вполне закономерна. Вся история Платонова напророчена любимой книгой про Робинзона («... всё у Робинзона – последнее, ничему нет замены. Родившее его время осталось где-то далеко, может быть, даже ушло навсегда. Он теперь в другом времени – с прежним опытом, прежними привычками, ему нужно либо их забыть, либо воссоздать весь утраченный мир» [3, с. 42]). В одном из интервью Е. Водолазкин дает еще более детальные пояснения

выбору претекста для истории Платонова: «"Робинзон Крузо" – маленькая модель мира, доказывающая, что личная история в сравнении с историей всеобщей не менее значительна. Она тоже способна творить мир – не такой, может быть, масштабный, но уж никак не менее богатый» [4, с. 157].

Свою скорую неминуемую гибель из-за необратимых изменений в клетках мозга Платонов тоже трактует в исключительно литературных категориях – как ответный удар смерти в миг наивысшего счастья, подобный последнему выстрелу Сильвио в пушкинской повести. Более того, еще не вспомнив своего имени, Платонов уже опознает в манерах доктора Гейгера чеховскую повадку [3, с. 18], а в финале, беседуя с профессором Майером, и вовсе отвечает на вопрос «Wiegehtes Ihnen?» словами Чехова: «Ichsterbe» [3, с. 398]. Приближение к собственному с трудом вспоминаемому «я» совершается Платоновым тогда, когда он размышляет о сравнительных характеристиках «авиатора» и «летчика», причем о причинах именованья себя авиатором он помнит еще не очень точно, а о том, что «кущее», похожее на воробья [3, с. 92] слово «летчик» приписывается Хлебникову, знает наверняка.

Тем самым персональная история складывается не только из восстанавливаемых памятью «частичек бытия», но и из готовых литературных сюжетов, прорастающих в реальную биографию героя. В ней глубоко личные, интимные детали оказываются то «набоковскими» (Сиверская и Оредежь в «Авиаторе» воспринимаются как оставшиеся от «Других берегов» декорации для истории Платонова, а периодические переходы к ямбу – «Снимали дачу в Сиверской» [3, с. 42] – напоминают об излюбленных набоковских ритмических метаморфозах из «Облака, озера, башни», «Приглашения на казнь» или «Дара»), то «бунинскими» («чуть слышный стеклянный перезвон на сквозняке» [3, с. 377]), то одновременно «блоковскими» и «пастернаковскими» («Вокруг плота плавали лодки, утки, слышны были то скрип уключин, то кряканье, но всё это легко вращало в музыку» [3, с. 36]). Платонова беспокоит, «что не получается отличать воспоминания от снов» [3, с. 15], – а на самом деле, взявшись писать свою историю, он не всегда разделяет реальность и литературу, явь и иллюзию. Иногда он и вовсе совершенно осознанно дает активной материи, уклоняющейся от «фотографи-

ческого» воспоминания, прорасти воображаемой картинкой и вписаться в когда-то действительно виденную: «То, что Сиверская не похожа сама на себя, при желании можно объяснить ее зимним состоянием. А летом всё еще может вернуться. Абсолютно всё, включая дачу Фредерикса» [3, с. 103]; заметим лишь, что дачи нет уже несколько десятилетий – «не сохранилась». Получается почти в точности как у Пастернака: «Когда на дачах пьют вечерний чай... / Тогда ночной фиалкой пахнет все: / Лета и лица. Мысли. Каждый случай, / Который в прошлом может быть спасен / И в будущем из рук судьбы получен» [6, с. 132].

В своем стоическом противостоянии времени и стремлении преодолеть его линейность *Homoscribens* у Е. Водолазкина все же преуспевает. Письмо запускает обратный отсчет времени: заключительные страницы «Авиатора» вновь представляют бабушку, читающую маленькому Платонову «Робинзона Крузо», а к статуэтке Фемиды возвращаются отломанные весы – и теперь она законно «излучает справедливость» [3, с. 411]. Лишь «человеку пишущему» дано сохранить бывшее – для еще не явившихся на свет, обратить небывшее – в подлинную явь, будущее воспоминание, автобиографический сюжет.

Библиографический список

1. *Бродский И.А.* Назидание. Стихи 1962–1989. – Л.: СП «Смарт», 1990. – 260 с.
2. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. – М.: Азбука-классика, 2008. – 448 с.
3. *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410 с.
4. *Водолазкин Е.Г.* Дом и остров, или Инструмент языка. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 384 с.
5. *Водолазкин Е.Г.* Лавр. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2013. – 448 с.
6. *Пастернак Б.Л.* Любка // Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: Изд-во «Альфа-книга», 2015. – 1279 с.
7. *Рылеев К.Ф.* Послание к Н.И. Гнедичу (Подражание VII посланию Деспера) // Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1971. – 480 с.
8. *Шишкин М.П.* Венерин волос. – М.: Вагриус, 2006. – 480 с.

Страшнов Сергей Леонидович
 доктор филологических наук, профессор
 Ивановский государственный университет
 sstrashnov@yandex.ru

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СТИХОТВОРНОГО ФЕЛЬЕТОНА

Вновь ставший популярным в начале XXI столетия стихотворный фельетон вызвал необходимость оценить степень его новаторства. Поэтому автор предлагаемой статьи берет за основу принципы сравнительно-исторического анализа. Прежде всего воссоздаются и осмысливаются признаки решительных жанровых преобразований, осуществленных Н. Некрасовым и представителями его школы в процессе прозаизации поэзии. А затем устанавливаются основные этапы эволюция стихотворного фельетона на протяжении полутора веков, выделяются сменяющие друг друга разновидности: очерково-обозренческая, стилизованная, балладная, монологическая, памфлетная, эстрадная и т. п. Дается краткая характеристика каждой из них. На обозначенном фоне и рассматриваются далее произведения современных поэтов-публицистов: Д. Быкова, И. Иртеньева, В. Емелина, Л. Каганова. Учитываются особенности проблематики, преобладающие форматы, творческие решения. В результате делается вывод о том, что по-настоящему неожиданных жанровых открытий наши современники не производят. Фельетонами их портретные очерки и развернутые эпиграммы делают, как правило, оперативные отклики по самым свежим поводам – чаще всего политическим, реже – культурным. Жанр приобретает по преимуществу злободневный медийный характер. Хотя и не исключая благодарной причастности к литературным традициям.

Ключевые слова: фельетон, поэзия, сатира, злободневность, интертекстуальность, жанровые разновидности, эволюция, медийность.

Обозначив в подзаголовке статьи собственное внимание к интересующему и нас явлению словесности, один из самых ярких отечественных филологов М. Кронгауз как бы отрешивается: «Я не литературовед и не стану разбираться в этом жанре. Меня интересуют современность, новое открытие поэтического фельетона, его авторы и главные персонажи» [6]. Однако даже беглого, хотя пока имманентного, взгляда на тексты названных им сегодняшних стихотворцев-публицистов (И. Иртеньева, Д. Быкова и В. Емелина) с литературоведческой точки зрения достаточно, чтобы найти у них немало чисто художественных достоинств: это и творческая свобода в обращении с первичным материалом; и парадоксальное совмещение разных повествовательных планов, разных жанровых начал; и виртуозное владение стихом, интертекстуальность... Тем не менее именно научные каноны требуют постижения сравнительно-исторического, уяснения степени новаторства.

Жанр стихотворного фельетона был привит русской литературе, а точнее – создан Н. Некрасовым и представителями его школы (Д. Минаевым, В. Курочкиным, другими авторами сатирического журнала «Искра»). В развитии национальной поэзии их креативные решения действительно обозначили решительный поворот. То, что весьма скоро станет лишь способом, здесь выступает в качестве рычага существенных, категоричных преобразований стиливой обыденности. Уже один из первых наиболее известных образцов этого («Новости») начат Некрасовым и как стихотворно-выразительное изложение тех самых газетных новостей, и как пародия на них. Б. Эйхенбаум подчеркивал: «Фельетон – одна из органических форм его поэзии, снижающей высокие жанры и поднимающей жанры бульварной прессы» [11, с. 42].

В прозе, то есть там, где фельетон все-таки зарождался (в том числе персонально – предшествуя или сопутствуя стихотворному варианту у тех же Некрасова и Курочкина, потом у Саши Черного и Бухова – вплоть до Быкова), к середине XIX века утвердилась его очерково-обозренческая разновидность. И она же более других: новостной, рекламной, эпистолярной [см. о них: 8, с. 52] – устраивала поэтов-фельетонистов, легко переходивших от темы к теме, связывающих разнообразные впечатления городского жителя. Таковы «О погоде», «Газетная» и по большей части «Балет» Н. Некрасова; «1 января», «Золотой век», «В толпе» Д. Минаева; «Турнир в Пассаже» и «Сон на Новый год» В. Курочкина. Преимущества стихотворного изложения сказываются в некотором ослаблении фирменной болтливости (знаменитой французской *causerie*), описания сгущаются – иногда в многозначные детали. Многие строфы некрасовского «Утра» как будто бы просто перечислительны: составлены, казалось бы, из разрозненных и бессвязных, случайно попавшихся на глаза реалий:

Чу! Из крепости грянули пушки!
 Наводнение столице грозит...
 Кто-то умер: на красной подушке
 Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит – попался!
 Гонят стадо гусей на убой;
 Где-то в верхнем этаже раздался
 Выстрел – кто-то покончил с собой...

[7, т. 3, с. 118].

Однако каждая из них представляет собою необходимый штрих, плотно ложащийся на полотно и достаивающий зримый образ буржуазной столицы.

Более непринужденная на фоне предшествующей поэтической манеры, вместившая в себя разговорные интонации и просторечия ритмическая организация стихотворного фельетона выглядела

все-таки строже, да и богаче прозаической, временами приближаясь к эпиграмматической. Особенно показателен в этом смысле Д. Минаев, отдельные четверостишия у которого (например, в «Уездном городке» и «На улице») выглядят как законченные картины или портреты. В противоборстве речевой стихии и стиховой дисциплины и таился неведомый ранее эффект фельетонной ритмико-стилевой формы. Собственно, расковал русский стих еще А. Пушкин, нашедший для объемного повествования (прежде всего в «Евгении Онегине») вместительные строфы с гибким и разнообразным синтаксисом. Но фельетонисты середины XIX века использовали ресурсы такого слога для представления куда более приземленного материала. Откуда, допустим, появились свежие рифмы, типа: «многие» – «Курс патологии», «вечерние» – «Полтавской губернии», «Овидий» – «субсидий», «более» – «монополия», «инженеров» – «акционеров»? Лексические новшества всего лишь отразили кардинальные перемены в жизни и смелость творцов, посягнувших на незыблемый канон искусства. Чуткие к фактам повседневности, они мгновенно реагировали на происходящее, что делало стихотворные отклики актуальными и востребованными: так с помощью непритязательного вроде бы жанра решались чрезвычайно существенные для писателей-разночинцев просветительские задачи художественной словесности.

Часть фельетонов фигурировала в виде сатирической лирики другого человека, когда автор, как принято считать, прячется под маску, а на деле – вручает слово недостойному персонажу и превращает его монолог в саморазоблачение. Истоком такой фельетонной жанровой формы стал некрасовский «Нравственный человек», а из «искровцев» активнее остальных ее разрабатывал П. Вейнберг. Нередко, кроме того, тексты возникали в ходе перепева известных мотивов и ритмов. Особенно отличало это Д. Минаева, создававшего на полях произведений Данте, Пушкина, Лермонтова обширные поэмы-фельетоны. Но подчас происходило не просто пародийное использование – возникала пародическая перелицовка жанров. Подобное наблюдается, например, в еще одной разновидности стихотворного фельетона – сатирической балладе.

Термин не случайно выглядит как оксюморон: соединяя неприглядное по сути и авторитетное по форме, сатирическая баллада разоблачает несостоятельные претензии. Основоположником опять-таки оказался Н. Некрасов. В центре его стихотворения «Секрет» – «антигерой», что сразу определяет обличительную направленность. В новых социальных условиях мошенник и плут по праву считает себя хозяином положения. О своих низменных поступках он говорит в напоминающем балладный пафосном, хотя и снижаемом автором, тоне. «Секрет» не случайно назван «Опытном современной

баллады»: в обществе, где главной фигурой сделался расчетливый предприниматель, баллада, по мысли Некрасова, не могла оставаться романтически возвышенной, она должна стать сатирической, фельетонной. «Секрет» – дополнительный довод в пользу того, зачем фельетоны создаются также и в стихах. Сближаются с ним в жанровом отношении некоторые тексты братьев Курочкиных, Д. Минаева, Г. Жулева. Причем один из них – «Новый Пантелей-целитель» В. Курочкина – имеет характерный подзаголовок: «фельетонная баллада».

Стихотворный фельетон некрасовской школы – акт закономерного и необходимого для русской литературы той поры обновления. То есть, став важным звеном художественной эволюции, он выступал тогда как жанр поэтический, но вместе с тем изрядно прозаизированный и, выражаясь по современному, медиатизированный. Недаром стихотворные фельетоны соседствуют в литературном процессе середины XIX века со стихотворными рассказами и очерками, наполнены полемикой с оппонентами-политиками и оппонентами-журналистами. Это не могло не отразиться на судьбе текстов, которые, в силу принципиальной злободневности, требуют теперь обильных комментариев. Историко-творческое значение тех жанровых свершений, однако, неоспоримо. Именно так оценивал его десятилетия спустя видный критик С. Андреевский: «Некрасов возвысил стихотворный фельетон до значения крупного литературного произведения» [цит. по: 11, с. 42].

Возьмемся утверждать, что как жанр в основах своих впоследствии он уже никогда не менялся. Со второй половины позапрошлого столетия стихотворный фельетон, скорее, вырождается, превращаясь в сугубо газетный, да еще эстрадный, продукт. Распространяется тип продажного писаки, которого успел застать и обозвать «фельетонной букашкой» [см.: 7, т. 2, с. 217] Некрасов, и, подобно изображенной им «женщине, каких много», пресса тогда «болтала лихорадочно, несвязно...» [см.: 7, т. 1, с. 449]. А на эстраде – и тоже на долгие годы – воцарились куплетисты с их водевильными ревью.

Некоторое оживление в начале века следующего сумели привнести только поэты журнала «Сатирикон». Правда, они во многом подтверждали жанровую устойчивость: у Саши Черного, П. Потемкина, А. Бухова и других встречаются и собственно очерково-обозренческие фельетоны, и сатирические баллады, и персонажная лирика. Но уже последняя, действительно, в большей степени выглядит как масочная – возможно, потому, что существует не столько в обличительной, сколько в иронической огласовке: с образом заурядного интеллигента, от которого автор себя не отделяет. Сходно с этим можно заключить, что гораздо адекватнее для тех же литераторов не рисующий суровые будни стихотворный рассказ, а забавная,

игривая юмореска, шаржировано воссоздававшая сцены из личной жизни обывателей. Впрочем, порой в веселеньких декорациях открывается страшная пошлость, отчего некоторые тексты читаются как предзощенковские.

А самые значимые преобразования происходили на поле сатирических обзоров. Если Саша Черный и продолжал здесь некрасовскую линию, то идущую явно не от многострочного описательного стихотворения «О погоде», а от процитированного выше «Утра». Он создал множество столь же лапидарных и даже более кратких эпических миниатюр, которые в виде зарисовок заметно отличаются от очерков. То, что у Некрасова находилось скорее на периферии, а у Минаева проявлялось, пожалуй, в качестве индивидуального свойства, Саша Черный превращает в жанровое правило. Случалось, что его упрекали в каталогизации увиденного во круг, и вроде бы подобное звучало справедливо: даже будучи обращенными к локальной площадке, глаза автора разбегаются, поочередно скользят по нескольким объектам. Однако ощущение регистраторства снимается за счет чрезвычайной сжатости, аналогичной творческим удачам самых выдающихся современников («Поэтессой» И. Бунина, начальной частью блоковской «Незнакомки»): зарисовки Саши Черного умещаются порой в 12–14 строк («В Пассаже», «Вид из окна», «В Александровском саду»). Беглые эскизы, детализированные пейзажи, моментальные снимки недаром порождают в конце концов такой риторический вопрос: «Разве мало здесь поэзии, Самобытной и родной?!» [9, с. 187]. Наглядное преобразование прозы в стихи состоялось у Саши Черного неоднократно.

Фельетоны, правда, уже гораздо более развернутые, чем раньше, и пространные рассказы в рифму он продолжал создавать затем в эмиграции. А в метрополии сразу после революции на протяжении 10–12 лет стихотворный фельетон распространился беспрецедентно. Вместе с тем он получил главным образом сугубо публицистическую, прикладную направленность. И не только у комсомольцев-«синеглазников», но и у профессионалов, которые для отражения новых реалий брали чаще всего готовые формы. Основной разновидностью сделался сатирический комментарий к какому-либо вопиющему или нелепому факту. Фельетонный текст выглядел оттого по обыкновению так: эпиграфом становилась цитата (у печатавшегося в ведомственном «Гудке» под псевдонимом Зубило Ю. Олеси – из сообщений рабкоров, у Д. Бедного – из различных советских или «белогвардейских», по тогдашней аттестации, газет), а стихотворное сопровождение хлестко поясняло выбранную автором или редактором корреспонденцию.

Не избегал подобной практики и В. Маяковский (например, в «Окнах» РОСТА), хотя его сподвижник, Н. Асеев, разрабатывая теорию «лириче-

ского фельетона», напротив, считал его приоритетными темами те, которые поэт «сам подметил, которые сам выделил из окружающей действительности» [2, с. 53]. Но еще до революции, в «новосатириконских» «гимнах» Маяковский нащупывает собственный способ обличительной изобразительности, сближая фельетон с памфлетом. Это родство особенно явно проявилось в двух стихотворениях 1922 года «Прозаседавшиеся» и «Бюрократиада». Стиль поэта здесь не просто язвительный, но издевательски-испепеляющий и, главное, – гротескный. Он и позднее много работал в формате стихотворной сатиры, но подобной оригинальности и силы ни в карикатурных портретах «Маяковской галереи» образца 1923 года, ни в прямолинейно заклеянных типажах из «Крокодила» 1928 года далее уже не достигал.

После завершения НЭПа общая атмосфера заметно посуровела и оказилась – неудивительно, что большинство фельетонистов переквалифицировались – скажем, в державных песенников, как В. Лебедев-Кумач. В новых его сочинениях тоже иногда дает о себе знать юмор, но скорее это все-таки тень улыбки. Еще меньше располагали к расслабленности события Великой Отечественной войны. Предшествовавшая ей финская кампания способна была породить почти комиксные – написанные к готовым рисункам серийные и коллективные – шуточные фельетоны о Васе Теркине, но продолжать в том же духе с 1942 года А. Твардовский, например, категорически не мог: лубочный прообраз вырастает теперь до уровня национального художественного типа.

Что же касается антифашистской поэзии, то, выдержанная по преимуществу в традициях Маяковского, она культивирует гневные, то есть памфлетные, интонации и решения: достаточно обратиться к творчеству не самого темпераментного сатирика той поры – С. Маршака. По инерции в том же регистре звучали филиппики, представляющие «международную» тему в годы войны «холодной». Но постепенно, к «оттепели», пафос из них выветривался – накрепко, с трудом держался лишь риторический каркас, о чем свидетельствует хотя бы пародийно воссозданные строки и собирательный образ куплетиста в «Покровских воротах» (фигура незабвенного Соева).

Из всего, чем наполнялся фельетонный жанр в течение двух последующих десятилетий, творчески выделялось, пожалуй, только созданное А. Галичем и В. Высоцким. К их самобытным находкам можно отнести монологическое (или диалогическое) изложение персонажами комических ситуаций, в которые они сами попадают. Такое не печатали, но речитативы были общеизвестны. Из андеграунда – на сей раз постмодернистского – вышла на свет во время перестройки и молодая ироническая поэзия, составлявшая заметную часть

соц-арта (В. Коркия, Е. Бунимович, Т. Кибилов, «куртуазные маньеристы»). Сегодняшние фельетонисты – родом именно оттуда: И. Иртенев получил первое признание уже в 1980-х, а Д. Быков входил в первоначальный состав самоназванного шутовского Ордена.

Теперь, когда эволюционный фон обозначен, посмотрим, насколько оригинальными оказываются вновь возникающие тексты: во многом ради этого и выстраивался обширный бэкграунд. Заслугу сподвижников и собственную Д. Быков определяет так:

Ведь это мы – Каганов, я, Иртенев,
Емелин (не забыл ли я о ком?) –
Десятками своих произведений
Политику скрестили со стихом [4, с. 1].

Однако если отправить в скобки сиюминутные фамилии и факты, то стихотворения, ими насыщенные, выглядят вполне узнаваемо. Большинство фельетонных разновидностей, которые мы находили прежде (стилизованную, балладную, монологическую, эстрадную, очерково-обозренческую), широко представлены и сейчас. Недаром некоторые молодые читатели воспринимают их в качестве форм архаических.

Причем особенно показательны, что на передний план выдвигается тоже весьма знакомый «поэтический комментарий к актуальным новостям» [1] – именно его сегодня считают основным синонимом стихотворного фельетона некоторые критики и авторы. Многие остроумные заключения Быкова в «Собеседнике» имеют новостные эпиграфы, да и без таковых общая привязанность к текущему дню очень часто очевидна.

Другая точка отталкивания – прецедентные тексты. Таков конструктивный принцип всего быковский цикл «Гражданин поэт», который разыгрывался актером М. Ефремовым в образах знаменитостей, да и у остальных фельетоны замешаны на иронических перепевах либо хрестоматийной классики, либо советских или постсоветских песен. Поэтому в целом можно сказать, что современная модификация жанра, как и в 1920-х годах, балансирует в пространстве между злободневностью и интертекстуальностью.

Фельетонами портретные очерки и развернутые эпиграммы делают, как правило, оперативные отклики по самым свежим поводам – чаще всего политическим, реже – культурным. Жанр получает подчеркнута журналистскую или хотя бы блогговую окраску, и руководители изданий, администраторы сайтов ценят это, помещая подобные тексты в характерные рубрики (например, «Актуальная поэзия»), перемещая их на первые полосы. Но в подобных жестах просматриваются интенции и прямо противоположные: на фоне прочих газетных публикаций стихотворные строки выделяются и, несомненно, привлекают аудиторию, в массе своей поэзией не избалованную. Как замечает Д. Быков, «может быть, зарифмованная реальность

приятней, эстетичней обыкновенной» [3]. В том же «Собеседнике» он выступает и как постоянно действующий колумнист, и как спорадический интервьюер, подчас сугубо по-журналистски конкретизируя там свою обобщенно выраженную в фельетонах позицию, однако и в личном медийном контексте стихи занимают у него все-таки положение лидирующее. Да и не только в личном: показательно, что стихотворный фельетон заявляет о себе в СМИ XXI столетия гораздо громче прозаического.

В таких текстах немало достоинств, ценных публикой: это независимость суждений; изобретательность, выдумка; меткие характеристики; неординарное, неожиданное движение мысли; занимательные, игровые ходы; языковое изящество; мастерское владение стихом, забавные рифмы. К тому же нельзя сказать, что стихотворцы-публицисты выглядят на одно лицо: от заполонившего, кажется, все возможные ниши Д. Быкова не настроенный функционально разделять сатиру и лирику И. Иртенев отличается большей лаконичностью и цельностью, а В. Емелин настойчиво и самоуничижительно разыгрывает роль представителя простонародья: «Я стараюсь транслировать новостную ленту... Я говорю от лица простого фабричного паренька. Он оглушен массой безумной информации, которая на него обрушивается, который дезориентирован, который, как я, не знает иностранных языков, у которого нет денег» [5].

При всем при том по-настоящему неожиданных жанровых открытий наши современники не производят. Не числить же в качестве таковых густой слой обсценной лексики, покрывающий некоторые фельетоны Л. Каганова и В. Емелина. Кажущийся необычным Быковский формат микродрамы известен как сценка со времен В. Курочкина. А сделанный в специальной статье, в силу того, что, мол, для каждого отдельного стихотворения Д. Быкова характерен «синтез памфлета, сатиры, литературной пародии, стилизации, ремейка» [10], вывод: на основании этого они «являются неоспоримыми примерами жанровой трансформации» [10] – даже по составу аргументов выглядит малоубедительным.

Не происходит преобразований даже внутрижанровых, а посягать, подобно Некрасову, на нечто большее никто из стихотворцев-публицистов сейчас, по-видимому, и не собирается. У того же Быкова, к примеру, множество других вариантов и способностей, чтобы талантливо проявить себя в художественной словесности. Сближаемые в середине XIX века сферы поэзии и газеты снова резко разъединились, и повторяемость, известная жанровая узость, наблюдаемые в стихотворных фельетонах века XXI, свидетельствуют: его современный вид – по преимуществу медийный. Хотя и не исключая благодарной причастности к литературным традициям.

Библиографический список

1. Александров Н., Ларина К., Орлов А. [и др.] Культурный шок. К штыку приравняли перо: бум поэтического комментария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/764191-echo/> (дата обращения: 28.05.16).
2. Асеев Н. Работа над стихом. – Л.: Прибой, 1929. – 167 с.
3. Быков Д. Новые письма счастья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/dmitriy_bikov/novie_i_noveyshie_pisma_schasty_a_sbornik/read_1/ (дата обращения: 1.05.16).
4. Быков Д. Поэт Кулиستиков // Собеседник. – 2012. – № 23 (27 июня – 3 июля).
5. Емелин В. «Я представитель быдла» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/25760/2745288/> (дата обращения: 28.05.16).
6. Кронгауз М. Всеволод Емелин как поэт либеральной интеллигенции: О поэтическом фельетоне сегодня // Colta.ru. – 2014. – 15 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/literature/4623> (дата обращения: 29.04.16).
7. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Л.: Наука, 1981–2000.
8. Пайков Н.Н., Сорокин А.А. Феномен некрасовского фельетона как журнальной художественно-полемической формы // Жизнь, отданная филологии: Памяти Л.А. Розановой: сб. воспоминаний и научных статей. – Иваново: Изд-во Ивановск. гос. ун-та, 2010. – С. 48–60.
9. Саиш Черный. Стихотворения. – М.; Л.: Советский писатель, 1962. – 576 с.
10. Сидорчук Е.В. Трансформация фельетона на примере сатирических циклов Д.Л. Быкова «Гражданин поэт» и «Господин хороший» // Література в контексті культури. – 2013. – Вип. 23 (1). – С. 112–118 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/lvk_2013_23\(1\)_21](http://nbuv.gov.ua/UJRN/lvk_2013_23(1)_21) (дата обращения: 2.05.16).
11. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – 552 с.

ПЕРЕВОДЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНЦЕ XIX В. К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА В РОССИИ

*В статье рассматриваются вопросы перевода текстов богослужебных книг с русского на китайский язык, выполненных членами Православной миссии в Пекине в XIX в. Основной этап в истории переводов православных текстов начался в 1863 г., когда Духовная миссия была возвращена из ведомства Министерства иностранных дел в ведение Синода. Решая проблему готовности китайцев-неофитов к восприятию христианских идей, миссионеры при переводе обращались к лексическим аналогам из конфуцианства, а в качестве языка перевода выбрали упрощенный классический язык *вэньянь*, отличавшийся относительной простотой грамматических форм и вкраплением разговорной лексики. Дается анализ двух частей перевода службы Навечерия Рождества Христова: описание начала службы и перевод стихир Четвертой Богородичной, а также комментарий к переводу. В статье исследуются сложности перевода основных христианских понятий со старославянского на китайский язык, их смысловое отличие от китайских терминов. Переводы не были полностью оторваны от старославянских текстов, однако отличались значительной самостоятельностью, имея целью помочь неофитам адаптироваться к новым идеям, используя привычные китайцам литературные формы. Переводы православных миссионеров наметили важные концепты теории литературного перевода с русского на китайский язык.*

Ключевые слова: перевод, православные тексты, гимнография, христианская литература, миссионеры.

Перевод текстов богослужебных книг с русского на китайский язык связан с деятельностью Православной миссии в Пекине, созданной в 1715 г. и просуществовавшей до 1954 г. Первые российские востоковеды, внесшие огромный вклад в развитие российской и мировой синологии, такие как А.Л. Леонтьев (1716–1786), И.К. Россохини (1707 или 1717 – 1761), Н.Я. Бичурин (архимандрит Иакинф) (1877–1853), П.И. Кафаров (архимандрит Палладий) (1817–1878), заложили основы перевода с китайского, маньчжурского, тибетского, монгольского языков на русский язык. Их деятельность, как научная, так и связанная с переводом исторических, культурологических, художественных текстов на русский язык, изучена достаточно хорошо. Однако гораздо меньше внимания как российских, так и китайских исследователей привлекают труды членов Российской православной миссии в Пекине по переводу христианской литературы и, в частности, литургических текстов.

Недостаточность материалов по интересующей нас теме может быть объяснена в первую очередь тем обстоятельством, что исследования, связанные с религиозной тематикой, были невозможны как в нашей стране, так и в Китае на протяжении почти всего прошлого века, начиная с третьего десятилетия и до девяностых годов. Статьи китайских и российских ученых о переводах религиозной литературы, выполненных монахами российской Православной миссии, стали появляться почти одновременно – с восьмидесятых годов XIX в. и в Китае, и в России. Однако область научных интересов китайских исследователей (сразу оговорюсь, в доступных мне текстах) ограничивается определением сходств и различий переводов

священных христианских текстов, выполняемых католическими, протестантскими и православными миссионерами, а статьи отца П. Иванова посвящены переводам Священного писания. Переводы гимнов, исполняемых во время храмовых служб, в том числе и псалмов службы Навечерия Рождества Христова, остаются неисследованными.

Отец П. Иванов, автор статей о переводах православных текстов в Китае, считает, что «пионером переводческой работы можно назвать иеромонаха Исаяю (Поликина), который провел в Китае 1858–1871 гг.» [7]. Не умаляя роли иеромонаха Исаяи, его правомернее, на мой взгляд, считать продолжателем того великого труда по переводу православных книг, которое было начато его предшественниками – членами предыдущих Миссий. Не вызывает сомнения, что переводы богослужебных текстов на китайский язык выполнялись если не в течение всех предшествовавших приезду иеромонаха Исаяи в Пекин лет после открытия Православной миссии, то по крайней мере уже начиная с Третьей миссии, когда ее члены в достаточной степени овладели китайским и маньчжурским языками. Вполне понятно, что гимны церковных служб должны были быть переведены на китайский язык (но не маньчжурский, поскольку этот язык был средством общения примерно десяти процентов населения страны, занимавшего чиновничьи должности, и использовался в основном при написании официальных бумаг) одними из первых, поскольку необходимость в исполнении их должна была возникнуть уже тогда, когда прихожане из числа новообращенных китайцев не могли понять содержания песнопений. Это должно было произойти уже в конце XVIII в., когда потомки албазинцев перестали говорить на своем родном русском

языке и, соответственно, возникла необходимость перевести гимны на китайский язык.

Уже главе Седьмой миссии (1781–1794) архимандриту Иоакиму (Шишковскому, 1750–1795) было дано указание «изучать для нужд проповеди китайский язык» [6, с. 36]. Основной этап в истории переводов православных текстов на китайский язык начался в 1863 г., когда Духовная миссия была возвращена из ведомства Министерства иностранных дел в ведение Синода и получила, как пишет член Миссии иеромонах Николай (Адоратский) «большую, чем прежде, возможность проявлять свою деятельность в одной нравственно-религиозной сфере» [4, с. 24].

Как пишет отец Петр Иванов, со второй половины и до конца XIX в. архимандритом Флавианом под руководством выдающегося китаевода архимандрита Палладия (Кафарова), а также при участии иеромонахов Николая (Адоратского) и Алексия (Виноградова) были переведены краткие разъяснения к Евангелию; при участии отца Митрофана Ци был завершен перевод воскресных служб Октоиха с греческого на китайский классический язык. «В редактировании участвовали учитель Миссии Осия и переводчик Евмений. Примерно в это же время были завершены переводы чинопоследований всех двенадцатых праздников, Страстной и Светлой седмиц, Литургий святителя Иоанна Златоуста, святителя Василия Великого и Преждеосвященных Даров, а также Часослова» [7].

В библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского университета сохранился текст службы Навечерия Рождества Христова, переведенный на китайский язык в это время. Исследование этого перевода дает основание для анализа трудностей, возникавших перед переводчиками богослужебных книг более ста лет тому назад, многие из этих трудностей актуальны и в наши дни.

Первой трудностью, с которой сталкивались православные миссионеры, подготавливая новообращенных китайцев к участию в службах в православном храме, был вопрос о том, готовы ли китайцы к восприятию идей христианства. До открытия Православной миссии в Пекине этот вопрос пытались решить католики-иезуиты, первым из которых был Маттео Риччи, прибывший в Китай в конце XVI в. Иезуиты стали проводниками западных научных знаний: математики, астрономии, географии. Однако для них «оказалось более простой задачей повлиять на китайскую науку, чем на религию... Хотя небольшое количество их последователей-христиан и принимало участие в переводе и составлении религиозных и научных книг, большинство местных ученых, возвращенных в своей этноцентрической культурной традиции, не были всерьез затронуты зернами западной мысли» [3, с. 122]. Может быть, зная о том, что китайцы не стремятся проникнуть вглубь мировоззренческих

понятий новых религий, отдавая предпочтение внешнему соблюдению правил (что соответствует *ли* – церемониям), православные миссионеры и не ставили целью привлечение в лоно церкви большого количества неофитов, возможно, выполняя указание Петра Первого, данного членам Первой православной миссии: «И то дело зело изрядно; только для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобеть попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось в Епаниии» [Цит. по: 8, с. 37].

Испытывая трудности в понимании содержания православных служб, китайцы с большим вниманием относились к исполнению торжественных песнопений во время религиозных обрядов. В Китае традиция обрядовых песнопений насчитывала несколько тысячелетий. Как известно, в Поднебесной были распространены три основные религии – буддизм, даосизм и конфуцианство. Хотя исследователи конфуцианства определяют его прежде всего как этико-философское учение, мировоззрение и образ жизни, оговариваясь, что лишь иногда оно выступало в качестве религии, однако вплоть до начала Синьхайской революции 1911 г. конфуцианство считалось официальной религией и в конфуцианских храмах проходили обряды.

Православные миссионеры, полагаясь на культурологические знания, накопленные за время существования миссии, при переводе христианских гимнов в качестве образца брали лексические аналогии именно из конфуцианства, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, и христианство, и конфуцианство центрированы вокруг личности основателя [1, с. 414]. Во-вторых, «конфуцианство, в противоположность даосизму или буддизму, «принимало в расчет человека как общественную единицу, ценило практическую полезность его деятельности, но одновременно был как бы «верхний предел» в этом признании личности. Художник мог быть только способным человеком, но не творцом. Право творчества принадлежало мудрецу (*шэньжэнь*), суждение которого считалось непогрешимой истиной» [2, с. 11]. В-третьих, наряду с отличиями между христианством и учением Конфуция можно найти немало общего.

Согласно учению Конфуция, идеальной личностью «является человек, знающий и понимающий заветы предков, видящий в исполнении их свой долги готовый всем пожертвовать ради этого долга» [1, с. 420]. Поэтому так часто при переводе православных богослужебных текстов употребляется иероглиф 义 – долг, который китайцами воспринимается не как самоцель, а как проявление гуманности. Привычным для китайцев было и испол-

нение музыки во время обрядов в конфуцианских храмах, эта традиция насчитывает не одно тысячелетие. «Разумное связывалось Конфуцием с гармоничным. Поэтому Конфуций громадное значение придавал музыке. Ведь музыка – это сама гармония, она упорядочивает и гармонизирует человека» [1, с. 420]. В частности, в поэтическом памятнике «Шицзин» («Книга песен», XII–V в. до н. э.), входящем в состав конфуцианского классического «Четырехкнижия» («Сышу»), есть раздел под названием «Гимны» («Сун»). Это сорок древних торжественных и хвалебных храмовых песнопений и культовых гимнов в честь духов предков и мудрых царей древности. В текстах гимнов перечисляются чудесные подвиги и славные деяния древних правителей, царствовавших ванов, в частности основателя Чжоуской династии Вэнь-вана. Музыка, на основе которой исполнялись древние гимны, не сохранилась, а тексты были записаны, и в на-

чале первого тысячелетия нашей эры, когда в эпоху Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.) началась работа по классификации древних памятников, были отнесены к жанру *сун* – гимны.

Имея длительную традицию участия в конфуцианских церемониях, новообращенные китайские последователи православия были подготовлены к восприятию служб в православных храмах. Знание текстов гимнов, исполнявшихся во время служб в конфуцианских храмах, помогло православным миссионерам в решении еще одной трудности, с которой столкнулись переводчики службы Навечерия, – выбора языка перевода.

В конце XIX в. в Пекине в обиходе было два языка: официальный – маньчжурский – язык императорского двора и высокого чиновничества и китайский (*ханьюй*), распространенный среди основной части населения. Члены Православной миссии должны были знать оба языка, однако, по-

Таблица 1

Стихира Четвертая Богородичная

Текст на русском языке	Китайский текст	Комментарий иероглифов	Перевод дословный
Как назовём Тебя, о Благодатная?	满被圣宠者	Эту фразу переводчик разбивает на две. Иероглифы односложные. В обширном словаре китайцев нет аналога православному понятию «Благодатная», то есть Дарующая благо», поэтому переводчик прибегает к описательному переводу: «Пользующаяся любовью святых». Для перевода слова «святые» выбран иероглиф 圣 (<i>шэн</i>), имеющий значения «совершенно-мудрый», «святой».	Полная любви святых,
	我等可以称尔。	Местоимение «тебя» переводится морфемой 尔 (<i>эр</i>), употребляющейся только в <i>вэньяне</i> и передающей значение заглавной буквы.	Мы можем (так) назвать Тебя. Дословный перевод первой строки: Пользующаяся любовью святых, мы можем (так) назвать Тебя!
Небом,	称尔以天		Назовем Тебя Небом
ибо [от Тебя] возсияло Солнце правды.	缘尔耀忠义日	Переводчик не находит аналога для слова «правда» и переводит его 忠义 (<i>чжунъи</i>) – «долг и справедливость», употребляя двуслог, что было нетипично для классического <i>вэньяня</i> и характеризовал <i>обайхуа</i> .	Потому что Ты сверкаешь [подобно] Солнцу долга и справедливости.
Раем, ибо произрастила Цвет нетления,	称尔地堂 缘尔生不朽花	Бином 朽花 <i>сюхуа</i> имеет значение «увядший цветок».	Назовем Тебя раем. Потому что Ты родила неувядающий цветок.
Девой,	称尔以童真	В переводе этой фразы интересен двуслог 童真 (<i>тунчжэнь</i>), имеющий значение «невинный отрок» (мальчик-служка в буддийском монастыре, готовящийся стать монахом). Слово заимствовано из буддийского лексикона и наиболее близко передает значение «Девы».	Назовем Тебя невинным отроком,
ибо пребывала нетленной.	缘尔婚而不媾	Перевод сочетания «пребывала нетленной» особенно труден. Переводчик использует слогоморфему 媾 (<i>гюу</i>), которая имеет значение «вступать в брак (особенно со второй женой, между родственниками)».	потому что Ты вступила в брак, но не стала женой.
Чистою матерью,	乘以圣母	Вместо слова «Чистою» употреблено «Святою Матерью» 圣母 (<i>Шэнму</i>).	Назовем тебя Святою Матерью,
Ибо держала в Святах Твоих объятья Сына.	缘而抱子乃万物之天主		потому что держала в объятьях Сына и Бога всех вещей
Моли его о спасении душ наших	代祈伊救我的灵		Моли Иисуса о спасении душ наших.

нимая, что основную массу прихожан составляют этнические китайцы, делали переводы на китайский язык. Далее вставал вопрос выбора языка – классического *вэньяня*, на котором были написаны тексты конфуцианских гимнов, упрощенного *вэньяня* с несложными грамматическими формами и вкраплением разговорной лексики (этот язык постепенно получал распространение среди образованных китайцев) или разговорного *байхуа*. Выбор был сделан в пользу упрощенного *вэньяня*.

Подобным упрощенным *вэньянем* была переведена стихира Четвертая Богородичная (табл. 1).

Фразы стихир не рифмуются, но благодаря повтору грамматических и лексических конструкций создают ритм, необходимый для пения.

Гимны, посвященные прославлению Марии, трудно воспринимались китайцами, потому что для конфуцианских представлений было свойственно признание дуализма человеческой природы, в частности двух начал – мужского *ян* (с которым связывалось все светлое, ясное, символизирующее солнце) и женского *инь* (с которым ассоциировалось все темное, мрачное, символизирующее луну). Трудность восприятия текста службы Рождества Христова заключалась в том, что необходимо было донести до китайцев славословие в честь Богородицы. То, что не встречало непонимания среди европейцев, было трудно объяснить китайцам, у которых в многочисленном пантеоне святых божество женского рода – Гуаньинь, которой с одинаковым усердием поклонялись приверженцы и буддизма, и даосизма. Матушка-подательница детей (Сунцзынью) – даосская святая – не вызывала ассоциаций с христианской Богородицей.

Еще одна трудность заключалась в переводе сочетания «души наши». Согласно мистическим воззрениям китайцев, основанным на положениях даосских мистиков (а именно им принадлежит первенство в систематизации представлений о загробной жизни), души человека многочисленны и делятся на эфирные *хунь* (魂) и животные *по* (魄). Человек наделен тремя душами *хунь* и семью душами *по*. Три души *хунь* – это:

– шэнхунь (生魂), или жэнхунь (人魂), или сяньхунь (象魂) – базовая энергетическая субстанция, жизненное начало как таковое. Кроме человека эта душа имеется также у растений и животных. По одним представлениям *шэнхунь* исчезает после физической смерти человека, по другим – остается на месте захоронения;

– цзюэхунь (覺魂), или дихунь (地魂), или ши хунь (視魂) – эфирная субстанция сферы чувств. Кроме человека эта душа имеется еще также у животных. По одним представлениям исчезает после физической смерти человека, по другим – нисходит в ад;

– линхунь (靈魂), или чжухунь (主魂), или тяньхунь (天魂) – вместилище человеческого сознания. Эта эфирная душа бессмертна. Когда человек умирает, *линхунь* возносится к небесному эфиру [9]. Для передачи православного значения слова «душа» переводчик выбирает однослог *лин* китайского бинорма *линхунь*, видимо, понимая, что у китайцев именно это слово ассоциируется с бессмертием.

От более сложной для перевода на китайский язык стихир отличается начало текста Часов Рождественской службы. Переводчик отказывается от рифмованной формы конфуцианских гимнов, давая достаточно простые предложения. Более того, при написании он использует знаки препинания, что в конце XIX века было нововведением для Китая.

При работе с текстом службы Навечерия переводчиком использовались разные переводческие подходы для передачи неодинаковых по стилю фрагментов. Посмотрим на описание начала службы (таблица 2).

Переводчик подробно описывает каждое действие, происходящее в начале службы, дает перевод тех предметов, которые используются во время службы: Царские врата – 天门, алтарь – 圣桌.

В таблице 3 представлен тропарь четвертый.

Текст стихир: «Как происходящие от рода Давидова, в Вифлееме некогда записывалась со старцем Иосифом Мариам, нося во чреве безсемянный плод, когда же настало время Рождества, не было

Таблица 2

Описание начала службы

Текст на китайском языке	Комментарий	Перевод на русский язык
晨初时鸣种, 群皆上堂,	Язык этого текста достаточно прост. До минимума сведены служебные слова, употреблено лишь одно это обобщающее слово 皆 (<i>цзе</i>) со значением «все».	Раннее утро. Звучит колокол. Люди входят в храм.
时司祈服	Для передачи значения слов из церковного обихода, не имеющих значений в китайском языке, переводчик прибегает к описательному переводу. Например, когда необходимо перевести слово «ряса» для священника и дьячка, ввиду отсутствия аналогов переводчик использует бинорм «ряса» – 祭衣, которое переводится как «одежда священника, которую он надевает во время совершенной богослужений», а одеяние дьячка переводят как 大褂 <i>дагуа</i> – «халат, спускающийся ниже колен».	Священник в облачении и дьякон в длинном халате и помощники переносят амвон (престол) перед царскими вратами (天门), возжигают свечи, священник, высоко держа Евангелие (福音经), выходит из Царских врат в сопровождении дьякона с зажженной свечой.

Тропарь четвертый

Текст на китайском языке	Комментарий	Перевод на русский язык
昔玛利阿腹怀净孕。	净 jing – будд. «очищенный от скверны, недоступный пороку, незапятнанный, непорочный»; «буддистский»	[В прошлом] Мария носила во чреве чистый (незапятнанный, непорочный) плод.
偕耆老伊鄂惕福係达维德之裔。	偕 ce – «вместе, совместно»; «бок о бок, рядом»	Вместе с престарелым Иосифом была из рода [потомком рода] Давида.
于微福列耶木报名。	Бао мин – двуслог	В Вифлееме записались.
届产期客舍 无居处。 而宰后岩穴为美宫	Чаньци, кэшэ – двуслоги Яньсюэ – «пещера», из вэньня – вэй	Но [после убийства скота] пещера оказалась прекрасным дворцом.
合利斯托斯将降生。		Христос родился.
为复新坠落之人性		Ради обновления природы человека.

никакого места поселиться, и пещера оказалась Царице прекрасной палатой. [Так] Христос рождается, чтобы воскресить падший прежде образ».

Итак, на основании проанализированных текстов можно сделать вывод о том, что православные миссионеры наметили некоторые из важных положений теории литературного перевода с русского на китайский язык с китайского на русский: по возможности сохранять стиль оригинала и, не отрываясь от иностранных текстов, допускать некоторую самостоятельность; используя привычные реципиентам перевода литературные формы, помочь им адаптироваться к новым идеям.

Библиографический список

1. Васильев Л.С., Фурман Д.Е. Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа // История и культура Китая: сб. памяти акад. В.П. Васильева. – М.: Наука, 1974. – 480 с.
2. Гольгина К.И. Теория изящной словесности в Китае XIX – начала XX вв. – М.: Наука, 1971. – 292 с.
3. Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). – М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. – 254 с.

4. Иеромонах Николай (Адоратский). История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской Духовной миссии в Китае: сб. статей. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. – 417 с.

5. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. – М., 2002. – 446 с.

6. Православие в Китае. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. – 256 с.

7. Священник Иванов П. Православные переводы Нового Завета на китайский язык // Журнал Московской Патриархии. – 1998. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthodoxchina.info/localchurch/199803pivanov_ru.htm.

8. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1977. – 506 с.

9. Сторожук А.Г. Даосская теория душ и ее отражение в танской новелле // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 4. – С. 113–121 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/7158>.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БАЛЛАДЫ Ф. ШИЛЛЕРА «ГЕРО И ЛЕАНДР» И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В.В. ЛЕВИКА КАК СРЕДСТВО ОСВОЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ИСКУССТВА ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается текст как одно из фундаментальных понятий современного гуманитарного знания, а также выявляются различные сущностные характеристики текста. Автор вместе со студентами неязыковых специальностей проводит подробный сравнительно-сопоставительный анализ-обзор немецкой баллады Ф. Шиллера и ее перевода известным русским поэтом-переводчиком В.В. Левицом, оценивает различные подходы к изучению художественного поэтического текста и основные сложности, с которыми сталкивается переводчик поэтического текста. Особое внимание уделяется обучению переводу на основе коммуниктивно-функционального подхода.

Ключевые слова: поэтический текст, сравнительно-сопоставительный анализ, обучение переводу, когнитивная функция языка, коммуниктивно-функциональный подход, коммуникативное воздействие.

Основными трудностями, с которыми сталкивается переводчик при переводе поэтических текстов, является достижение эквивалентности текста перевода тексту оригинала и отражение эмоционально-эстетического содержания произведения при одновременном сохранении формы.

Одно из теоретических положений, на которые опирается поэтический анализ литературно-художественного текста, заключается в том, что творчество человека в сфере литературы и искусства – это попытка приблизить границы непознанного, необычного. В лингвокультурологии – это знакомство с другими народами, их культурой, а лучший способ это узнать – иметь возможность общения, выучить язык этих народов, свидетельствующий о его моральном облике, нравственных ценностях, личном и гражданском достоинстве. Следует прислушаться к тому, что и как говорит этот народ, изучить, что и как он пишет. Важно понимать, что язык не только средство общения. Это способ, специфика восприятия мира. Как отмечал выдающийся теоретик языка В. Гумбольдт, «различные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи. Это – различные видения вещи» [2, с. 321].

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что весьма информативным для моделирования этнокультурной специфики того или иного сообщества является понятие картины мира, в том числе языковой картины мира. Термин «картина мира» был заимствован, как известно, из области философии в другие сферы наук, центром изучения которых является «человек и его взаимодействие с окружающим миром» [6, с. 127].

Отсутствие лингвокультурологических познаний, как национальной, так и общечеловеческой культуры, является источником непонимания, конфликтов и кризисов в процессе межкультурной коммуникации. В связи с этим следует отметить, что в нашей практике преподавания сложился подход, при котором знание иностранного языка

рассматривается не только как средство профессионального совершенствования, но и как средство приобщения к культуре страны изучаемого языка. Вследствие этого мы предлагаем использовать лингвокультурологические проекты, которые предполагают развитие речевых умений и навыков, знакомство с ценностями носителей иностранного языка посредством сравнительно-сопоставительного анализа оригинальных текстов немецких авторов с их переводами известными национальными и русскими переводчиками.

Приведем образец сравнительно-сопоставительного анализа баллады Ф. Шиллера «Геро и Леандр» и художественного перевода В.В. Левика. Для сравнения нами были использованы оригинальный немецкий текст, его подстрочный перевод и художественные переводы. Сопоставления художественного текста проводилось под нашим контролем студентами, осваивающими искусство художественного перевода.

Первый перевод указанной баллады на русский язык был сделан П. Ободовским, и издан в «Невском альманахе» в 1827 году. Сам переводчик указывал, что перевод вольный, и это действительно так, хотя можно сказать, что он вполне литературный. За П. Ободовским эту балладу переводили Н. Габрель в 1952 году (перевод опубликован в журнале «Современник») и В. Головнин в 1899 году.

Среди русских переводов баллады «Геро и Леандр» известен перевод, сделанный в 1901 году П.И. Венбергом. Нельзя сказать, что этот перевод отличается большой точностью и адекватностью. Переводчик внес довольно много изменений и отклонений от подлинника. Но в целом главная идея в переводе сохранена, и звучит он довольно четко.

Следует сказать, что «труд переводчика открывает большие пути для сближения народов мира, он доставляет огромную радость и наслаждение, так как даёт возможность познать культуру других народов. Перевод литературного произведения с одного языка на другой есть сложный и многооб-

разный процесс. Главное в переводе после адекватности содержания – адекватность эмоционального воздействия» [3, с. 19].

Чтобы оценить достоинства перевода баллады, необходимо сделать подстрочный перевод и сравнить оригинал с разными признанными переводами, а затем попытаться сделать собственный художественный перевод текста. Эта работа по оценке достоинства художественного перевода не раз проводилась нами со студентами.

Современные исследователи считают, что «художественный перевод – это вид оригинального художественного творчества, в процессе которого литературное произведение, существующее на одном языке, максимально полно воссоздается на другом языке его художественными средствами, становясь новым единством содержания и формы в условиях другого языка и другой этнокультуры, полноценным литературным произведением интерпретационного искусства; художественный перевод должен максимально соответствовать оригиналу по силе интеллектуального и эмоционального воздействия на читателя» [5, с. 108].

Итак, основной задачей в ходе аналитической оценки перевода является констатация того, сумел ли переводчик, в нашем случае – В. Левик, сохранить тему, образы, звучность, ритмичность исходного текста.

Основной идеей баллады «Геро и Леандр» является изображение в художественной форме силы любви, протест не только против стихии, ярко проявившейся в минуту грозного испытания, но и против жесткой, беспощадной родовой розни.

Осуществляя цель и задачу своей работы, студенты тщательно исследовали перевод, оригинал, немецкий текст баллады, сравнивая со своим бесстрастным подстрочным переводом, ни в коей мере не претендующим на какие-либо художественные достоинства. Сравнительный анализ показал, что В. Левик полностью сохранил идейный смысл и характеристику образов, проявив истинный талант не только прекрасного переводчика, но и великолепного поэта и замечательного знатока творчества немецкого автора.

Переходя к анализу баллады, следует отметить, что В. Левик – превосходный знаток творчества Шиллера, у него было глубокое понимание подлинника, а это способствовало тому, что перевод получился очень высокохудожественным. Чем ближе взгляды и переживания переводимого автора, тем, очевидно, больше возможность говорить в переводе и от себя, тем легче переводить, сохраняя главную идею. Убедимся в этом, проведя сравнительный анализ подстрочного перевода, сделанного студентами без претензий на совершенство, и перевода, сделанного В. Левином.

Переводчик старается быть предельно точным. Он сумел подобрать подходящие синонимы из

огромного количества в русском языке. Метафоры и эпитеты делают строфу удивительно звучной, красочной. У Шиллера баллада начинается с описания места действия, он максимально точен в обозначении географии места разворачивающихся событий, это высокие скалы, у которых катит свои воды Геллеспонт. Левик полностью сохраняет указанные нюансы, но и еще более уточняет, детализирует текст, делая ее более ярким, красочным. Так, если у Шиллера Геллеспонт катит волны, то есть поэт как бы делает акцент на действии волн, ограничиваясь только глагольной формой, то переводчик ещё включает прилагательные, достигая этим большей живописности. Такой «изумрудный, синий, белый» образ пролива впечатляет.

Вторая строфа создаёт некоторые сложности для перевода. Несколько отступая от формальной точности оригиналу, Левик воспроизвел поэтическую стройность повествования. Поэтические средства дают возможность убедиться не только в отличном владении переводчиком немецким языком, но и его глубоком знании русского языка. У Шиллера стрела Амура тронула сердца Геро и Леандра – действие происходит одновременно, в тексте у Левики последовательно. Шиллер использует всего лишь один эпитет и одно сравнение для восторженного описания красоты Геро «Прекрасная, как Геба», а Левик эту деталь опускает для сохранения ритма баллады, проявив вольность в переводе. Но тонкое понимание сути переводимого произведения помогло ему мастерски воспроизвести любовь, вспыхнувшую в сердцах молодых людей.

Совершенно логично, что перевод всегда требует трансформаций: замен, добавлений, убавлений с целью подобрать нужные эквиваленты, которых иногда просто нет в другом языке. Но при этом мерой определения точности служит строгая направленность, соответствие стилистических и других отклонений содержанию, чтобы, в конечном итоге, не деформировались конкретные художественные образы. Левик с этой задачей блестяще справился.

Третья и четвёртая строфы очень близки к оригиналу при замечательной стройности и мелодичности звучания. Поэт-переводчик нашел не просто выразительные строки. Каждое слово характеризует определённое явление, несёт смысловую нагрузку: «день враждебный» говорит о тайной любви, «приют волшебный» – о ее силе и притягательности. Следующие строки описывают мужество Леандра, преодолевающего немислимые препятствия на пути к месту свидания с любимой.

Нужно быть большим мастером поэтического слова, чтобы воссоздать в переводе трогательную встречу героев баллады. Сравняя подстрочный перевод, мы приходим к выводу о том, что переводчик с исключительным мастерством находит точные слова, заменяющие образную лексику Шиллера. Что ни слово – эпитет, метафора: «волн

студеных», «восторгов потаенных», «божественная награда», «пламенные объятия», удачно сравнение «и бежит, как сон, любовь».

Анализируя седьмую и восьмую строфы мы со студентами установили предельную близость перевода к оригиналу. У Шиллера мы видим великолепную ориентацию на античность, что оказывается очень близким и Левику. Здесь и имена богов, богинь: Зевс, Веспер, Аврора, Афродита и др., и специальная терминология, географические названия. Особенное внимание привлекают интересные фразы. В девятой строфе подстрочный перевод подчеркивает точность поэтического: происходит описание явления природы средствами, понятными для русского читателя, например, факт приближения осени: дни становятся короче в сентябре и т. д. Уточняющие поэтические образы обогащаются синонимами «день – свет», «ночь – мрак», что вполне правомерно, характерно и для немецкого автора.

В переводе последующих строф прослеживается то же внимательное осмысление оригинала. Переводчик, свободно пользуясь неистощимым богатством русского языка, живо и очень гибко повествует, как будто бы от имени немецкого автора. Левик следует принципу: «Переводить – это не просто находить нужные слова. Нужно учитывать и огромную роль звучания слов. Звучание есть второе неотъемлемое свойство слова. Звучание каждого отдельно взятого слова не имеет художественного значения. Сочетания, трудно произносимые, где слова трутся друг о друга, мешают друг другу, толкаются и наступают на ноги, мало пригодны для поэзии. Слова должны обнимать и ласкать друг друга, образовывать живые гирлянды и хороводы, они должны петь, трубить и плакать, они должны перекликаться друг с другом, словно влюбленные в лесу, понимать друг друга, подавать тайные знаки, назначать друг другу свидания и дуэли» [3, с. 21]. Эти слова Н. Заболоцкого, известного советского поэта и переводчика, как нельзя лучше говорят о том, каким должно быть мастерство поэта-переводчика.

Мы читаем балладу далее, и молодые переводчики вживаются в неё: сгущаются краски, приближается роковая гроза, именно роковая, так как любовь этих двух сердец не угодна, видимо, богам. Она должна быть наказана за то, что преступила родовую рознь и волю отцов и богов.

Перо поэта-переводчика продолжает дарить читателю минуты общения с пером самого Шиллера. Он использует разнообразные средства выразительности, обороты (аллегии, гиперболу) для передачи эмоционального содержания и неповторимого своеобразия баллады.

Продолжая пристально следить за соблюдением точности перевода, студенты правомерно кон-

статировали, что переводчик глубоко проникает в восприятие мира автором, в характер переживаний героев повествования. Поэт превосходно отразил печаль, отчаяние Геро, ее страх за Леандра, который борется с яростными силами природы, спеша на свидание с любимой.

Трагический конец очевиден. Острый жизненный конфликт, повлекший за собой катастрофические последствия неразрешим. Левику удалось воспроизвести то, что, казалось, по силам только такому поэту, как Ф. Шиллер: подлинный катарсис, то есть вызвать в сердце читателя сильный душевный подъем, чувство сопереживания происходящим событиям в котором переплетаются страх за героев, сострадание к ним и восприятие трагического как чего-то возвышенного и облагораживающего душу.

Подводя итог анализа перевода баллады В. Левиком, мы со студентами сравнили также воспроизведение структурных особенностей. В. Левик перевел текст, стремясь с предельной точностью сохранить стихотворный размер, ритмику, точно воссоздать не только лингвистические элементы, но и литературоведческие особенности, связанные со структурой стиха, и в то же время он, как виртуозный мастер поэтического стиха, оставил в переводе черты своей индивидуальности, самостоятельного творчества. Перевод Левик осуществляет, используя тот же размер, хорей, с той разницей, что иногда ударения пропускаются. Учитывая разные языки, пиррихии оказываются очень уместными: размер не нарушается, а, наоборот, поддерживается.

Сравнительный анализ баллады Ф. Шиллера «Геро и Леандр» и ее перевода В. Левика студентами демонстрирует, что процесс определения и усвоения лексико-семантической, стилистической и лингвокультурологической информации может быть успешным при наличии интереса к познанию, приводящему к усвоению более глубоких лингвистических знаний, способствующих проникновению в тайны переводческого искусства.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. т. 7. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 452 с.
2. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 346–349.
3. *Заболоцкий Н.* Автобиография. – М.: Советский писатель, 1996. – 126 с.
4. *Латышев Л. К.* Технология перевода. – М.: Академия, 2005. – 317 с.
5. *Модестов В.С.* Художественный перевод: история, теория, практика. – М.: Изд-во Литературного института, 2006. – 464 с.
6. *Руднев В.П.* Словарь русской культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОККАЗИОНАЛЬНОМ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматривается вопрос о преобразовательном потенциале глагольных фразеологизмов; в частности исследуется один из видов окказиональных преобразований – замена глагольного компонента. Окказиональные трансформации фразеологических единиц обусловлены различными факторами, одним из которых является специфика глагольного компонента. Фразеологический глагольный компонент сохраняет парадигматические связи с единицами своей лексико-семантической группы, и на основе этих связей происходят окказиональные замены компонентов. Наблюдается прямая зависимость преобразовательной активности фразеологизмов от количества замен глагольного компонента системными коррелятами-синонимами, антонимами. Также увеличение количества окказиональных трансформаций фразеологизмов обусловлено наличием связи глагольных компонентов фразеологизма с глаголами одной лексико-семантической группы, корреляцией на основе ассоциативных связей. Системные связи коррелятов зависят от характера авторских интенций, направленных на конкретизацию, экспликацию значения фразеологической единицы. На увеличение окказиональных трансформаций также влияет специфика фразеологического образа: если основа фразеологизма представляет собой картину каких-либо действий, которые носители языка могут представить в виде «сценария», развёрнутого во времени, то, соответственно, становятся возможными замены глагольного компонента глаголами, обозначающими фазы сценарного действия. Незначительный преобразовательный потенциал, связанный с заменой глагольного компонента, определяется у фразеологических единиц с глагольными компонентами с ограниченными системными связями.

Ключевые слова: глагольные фразеологизмы, окказиональные трансформации фразеологизмов, преобразовательный потенциал фразеологических единиц.

Окказиональные преобразования фразеологических единиц (далее ФЕ) привлекли внимание учёных ещё в середине XX века. Первоначально научный интерес вызывали приёмы и способы окказиональных трансформаций фразеологизмов, а также использование ФЕ в художественных текстах отечественных и зарубежных авторов. Чуть позже объектом научных исследований стала структурно-семантическая организация фразеологизмов, обуславливающая саму возможность преобразования ФЕ, и здесь в первую очередь следует назвать труды Е.И. Дибровой [1], А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко [2]. В последние годы наметились новые подходы к проблеме окказионального преобразования фразеологизмов: окказиональное фразеотворчество рассматривается с позиций когнитивной фразеологии, лингвокультурологии, стилистики жанров, фразеографии и др. Немаловажным в данном вопросе является изучение системности речевых трансформаций фразеологических единиц и определение преобразовательного потенциала ФЕ разных классов и групп.

Окказиональные преобразования фразеологических единиц – явление системное. Системность проявляется в способах и приёмах окказионального преобразования ФЕ, а также в самих окказиональных трансформациях. Системный характер трансформаций ФЕ позволяет предсказывать появление тех или иных окказиональных фразеологических единиц или окказиональных вариантов языковых единиц, а также выявлять активность окказиональных преобразований языковых ФЕ.

Окказиональный преобразовательный потенциал фразеологизмов зависит от многих факторов, среди которых важными являются образность, прозрачная внутренняя форма, изоморфизм формы и содержания ФЕ (см. об этом: [4]). Однако в результате исследования большого текстового материала выяснилось, что ФЕ, обладающие схожими особенностями внутреннего плана, тем не менее проявляют разную преобразовательную активность. То есть важными оказываются и другие факторы, обуславливающие преобразовательные возможности относительно устойчивых языковых единиц. Изучение отдельных групп фразеологизмов на предмет выявления дополнительных факторов, влияющих на трансформационную активность ФЕ, позволит уточнить условия трансформации фразеологизмов и прогнозирование появления тех или иных фразеологических трансформов в различных дискурсах. Одной из таких групп являются фразеологизмы, имеющие в своём составе глагольный компонент, являющийся грамматическим центром языковой ФЕ.

Как показал анализ эмпирических данных, именно глагольные фразеологизмы определяются как самая активная группа с точки зрения окказионального преобразования фразеологического инварианта в окказиональные варианты либо в окказиональные фразеологизмы. Одной из самых частотных трансформаций является замена глагольного компонента.

Окказиональные замены глагольного компонента обусловлены различными авторскими ин-

тенциями. Авторы текстов (речи), создавая высказывание, намеренно трансформируют глагольный фразеологизм, производя замену глагольного компонента чаще всего с намерением конкретизировать или эксплицировать значение языковой ФЕ. Направленность авторской интенции в купе с особенностями внутреннего и внешнего плана фразеологизма и обуславливает частотность / нечастотность фразеологических трансформаций, преобразовательный потенциал фразеологической единицы.

1. Трансформационная активность фразеологизма зависит от особенностей образной картины, лежащей в основе глагольных ФЕ: увеличение количества окказиональных трансформаций наблюдается во фразеологических единицах с глагольными компонентами, называющими конкретные действия, имеющие, в свою очередь, фазы протекания (осуществления) процессов: *садиться / сесть на своего любимого конька, держать камень за пазухой* и др. Подобные ФЕ представлены (по терминологии когнитивной фразеологии) как скрипты, и такая особенность позволяет авторам текстов создавать сценарий действий, разворачивающихся «во времени и пространстве». Окказиональные компоненты-заместители называют конкретные действия, позволяющие буквально представить происходящее: *положить камень за пазуху – держать камень за пазухой – выкинуть камень из-за пазухи; взобраться на своего любимого конька – сидеть на своём любимом коньке – ехать на своём любимом коньке – слезть со своего любимого конька*. См., к примеру: «Бухарин как *взобрался на своего конька* – революционную войну, так и слезть без посторонней помощи не может» (М. Шатров. Так победим!) [5]; «Старец [Распутин] запугал чету угрозой в её собственной гибели. Он научился эксплуатировать страх царя и царицы. Уверовав в прочность своих внушений, в значительной степени гипнотических, он *ездил на этом коньке* до конца жизни» (С. Косвинов. Двадцать три ступени вниз) [3, с. 309]; «Пока прибалты и поляки в рамках НАТО не готовы самостоятельно *слезть со своего любимого конька* и не хотят прекращать подготовку к отражению мифической “русской агрессии”» [6].

Следует заметить, что, став компонентами окказиональных ФЕ (или окказиональных вариантов ФЕ), глаголы не разрушают фразеологического значения, но вносят в него семантические приращения.

2. Трансформационная активность фразеологизма связана с наличием у фразеологических глагольных компонентов (точнее – у глагольных прототипов) синонимов-глаголов и увеличивается при наличии большого количества членов в синонимических рядах. Фразеологический и окказиональный глагольные компоненты коррелируют на основе семантических связей разного типа.

2.1. ФЕ с глагольными компонентами, свободные аналоги которых (1) являются многозначными, (2) входят в синонимические ряды с большим количеством членов: *делать (делать из мухи слона), нести (нести околесицу), входить (входить в плоть и кровь), смотреть (смотреть сквозь розовые очки), ставить (ставить палки в колёса), держать (держаться в рамках), выйти (выйти за рамки)* и др. Часто окказиональные компоненты-заместители, не являясь собственно языковыми синонимами, определяются как квазисинонимы, входят в одну лексико-семантическую группу. Так, к примеру, выстраиваются ряды окказиональных замен в следующих фразеологизмах: *смотреть (глядеть, взирать, насмотреться, воспринимать) сквозь розовые очки; ставить / вставлять, совать (кидать, ткнуть, втыкать) палки в колёса; делать / сделать (преобразовать, превратить, сочинить, смастерить) из мухи слона*. См.: «Но ты недоучитываешь силу домыслов. Они способны *превратить муху в слона*» (А. Тоболяк. История одной любви) [3, с. 429]; «Она заметила, между прочим, что “кажется, они там все, по своей всегдашней привычке, слишком забежали вперёд и *из мухи сочинили слона*”» (Ф. Достоевский. Идиот) [3, с. 429]; «Известно, господин Белинский из всего слепит какой-нибудь вопросик современности. *Из мухи слона смастерит*, а из титулярного советника под мухой – гражданскую идею» (А. Новиков. Впереди идущие) [3, с. 430].

Подобные замены глагольного компонента, происходящие на основе синонимических связей, как правило, имеют авторской целью конкретизацию общего значения ФЕ. Следует заметить, что трансформации фразеологизмов с целью конкретизации значения ФЕ, «приспособления» фразеологизмов к конкретным коммуникативным ситуациям обычно направлены на замену именных или адъективных компонентов ФЕ, уточняющих субъекты и объекты, время, место действия; внедрение же в состав ФЕ окказиональных глагольных компонентов-конкретизаторов вносит в значение ФЕ семантические оттенки, характеризующие поведение участников конкретной коммуникативной ситуации.

2.2. ФЕ с окказиональными глагольными компонентами, свободные аналоги которых входят в синонимические ряды с большим количеством членов. Увеличение преобразовательной активности ФЕ связано с проявлением широких синонимических связей двух «уровней»: (1) языковой компонент фразеологизма – окказиональный компонент, (2) окказиональный компонент – окказиональные компоненты (следует учитывать в том числе системные образования – причастия и деепричастия как формы глаголов). См., к примеру: ФЕ *сесть на своего любимого конька*: *сесть – взобраться – заскочить, вскочить; сесть – поехать – понестись, поскочить; сесть – оседлать – запрячь, взнуздать*;

сесть – слезть – соскочить. ФЕ в три погибели согнуться – изогнуться – сморщиться, скрючиться: «Эти официантки тоже, можно сказать, рабочие. <...> ...Когда сюда зайдёт какой-нибудь толстопузый нэпман, так они в три погибели изогнутся» (П. Нилин. Испытательный срок) [3, с. 529]; «В приёмную входит маленькая, в три погибели сморщенная, как бы злым роком приплюснутая старушонка. Она крестится и почтительно кланяется эскулапствующему» (А. Чехов. Сельские эскулапы) [3, с. 529]; «Вся эта шумная, злая и горячая процессия – ребятишки впереди и ребятишки сзади, а в середине... скрюченные в две и три погибели старики и старухи – толпа эта при входе в деревню столкнулась с двоими, которые торопились им навстречу» (В. Распутин. Прощание с Матёрой) [3, с. 530].

2.3. ФЕ с глагольными компонентами, коррелирующими с глаголами, частично эксплицирующими значение фразеологизма. В подобных случаях авторские интенции направлены на экспликацию значения ФЕ, поэтому окказиональный компонент–заместитель репрезентирует отдельные элементы значения фразеологизма, напрямую, неметафорически называя действие, процесс, характеризующий фразеологизмом. См., например: *Разбирать по косточкам* ('изучать, исследовать, рассматривать подробно что-либо или кого-либо, не пропуская, подмечая все детали, все мелочи') – *исследовать по косточкам*: «А колёсико с плуга, одно колёсико, номерок имеет, и номерок тут сходится с корпусом. Видишь, оно какое дело, Григорий Егорович! Я понимал, что никаких номеров на колёсах плуга нет... но, разгадав план председателя, я помогал ему – он прошупывал Гришку, *исследовал по косточкам*, изучал» (Г. Троепольский. Гришка Хват) [3, с. 330]. *Танцевать от печки* ('начинать делать что-то с самого привычного, простого; действовать по привычному шаблону') – *начинать от печки*: «Прошло полчаса, а мне опять приходится *начинать от печки*. Я спрашиваю тебя: здесь Чумалов?» (Ф. Гладков. Энергия) [3, с. 510].

3. Трансформационная активность не проявляется у ФЕ с глагольными компонентами, называющими конкретные действия, при этом фразеологизмы входят в синонимический ряд с небольшим количеством членов или вообще не имеют синонимов. Такие глагольные компоненты характеризуются как относительно устойчивые, редко подвергающиеся заменам: *понюхать* (*нюхнуть*,

попробовать) *пороху*; *зарубить* (*отметить*) *на носу*; *позолотить / золотить* (*вызолотить*) *пилюлю* и под. См., к примеру: «Для сограждан Хрущёв “вызолотил” другую пилюлю: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (Н. Полотнянко. Самые громкие фразы и выстрелы XX века) [7].

Таким образом, окказиональный преобразовательный потенциал, то есть способность ФЕ активно трансформироваться в речи, во многом зависит от особенностей глагольного компонента. Исследования показали, что наиболее частотными и предсказуемыми являются трансформации на основе синонимических и антонимических замен глагольных компонентов; окказиональные же замены фразеологических компонентов иными (несинонимическими) глаголами более специфичны и мало предсказуемы. Также фактором, обеспечивающим преобразовательную активность ФЕ, являются образные основы сценарного типа, способные разворачиваться «во времени и пространстве».

Библиографический список

1. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1979. – 292 с.
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.
3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
4. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография / под науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
5. Открытый урок. Первое сентября. Тема: Брестский мир. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/417521/> (дата обращения: 14.11.2016).
6. Дмитрий Рогозин отвечает на вопросы портала «Мнение». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://velikoross.ru/interview/show/?id=83> (дата обращения: 24.10.2016).
7. Самые громкие фразы и выстрелы XX века // Великоросс. Литературно-исторический журнал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.velikoross.ru/blogs/all/article_3064 (дата обращения: 24.10.2016).

Ермакова Елена Николаевнадоктор филологических наук, профессор
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева,
филиал Тюменского государственного университета
ermakova25@yandex.ru**Проконова Майя Владимировна**кандидат филологических наук, доцент
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева,
филиал Тюменского государственного университета
maya-vladi@yandex.ru**ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ,
НОМИНИРУЮЩИХ ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ**

В статье рассматриваются фразообразовательные возможности лексем, номинирующих денежные единицы в русском языке. Язык отразил в своём фразеологическом составе способность некоторых денежных единиц оценивать, сопоставлять в цене те или иные объекты. В рамках изучения линвокультурологического наследия небезынтересен и тот факт, что лексемы, номинирующие деньги, став компонентом фразеологизма, получили способность оценивать и нематериальные объекты. Не все номинации денег, которые когда-либо выпускались или имели хождение на территории нашей страны, закрепились в составе фразеологизмов. Такое право получили лишь лексемы (обозначающие, в частности, выбывшие из употребления деньги) **рубль, копейка, грош, полушка, алтын**, но при этом их фразообразовательная активность очень различна. Анализ семантических свойств корпуса фразеологизмов с компонентом, номинирующим денежную единицу, позволяет сделать вывод о том, что преобладающая часть русских фразеологизмов имеет негативную коннотацию, независимо от того, какую сферу человеческой жизни они характеризуют – материальную или нематериальную. В свою очередь этот вывод позволяет предположить, что в менталитете русского народа сложилось определённое отношение к деньгам и денежным отношениям: предпочтение материальных благ духовным и превращение их в жизненную цель не только не поддерживаются обществом, но и всячески им осуждаются.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент фразеологизма, фразообразовательная возможность лексем, номинирующих деньги.

Известно, что при изучении менталитета представителей конкретной социально-культурной общности, стереотипов их мышления и поведения, при прогнозировании их оценок и реакций на социальные, политические, культурные факторы большое значение имеет выявление устойчивых языковых конструкций – речевых клише, идиом, фразеологизмов. Язык выступает хранителем исторического опыта и культурного наследия народа [3, с. 236]. Важным элементом любой коммуникации является форма, с помощью которой выражается информация [1, с. 187].

На наш взгляд, особый интерес представляют формы, содержательно выраженные фразеологическими единицами, в которых один из компонентов номинирует денежную единицу. Деньги на протяжении развития человеческой цивилизации выступают универсальным эквивалентом стоимости ресурсов, товаров и услуг. Основное свойство денег, позволяющее им играть ключевую роль в социальных и экономических отношениях, – их способность делать разнородные вещи сопоставимыми в цене. Другими словами, деньги являются универсальным мерилем ценности. Немаловажно и то, что здесь приходится говорить о ценности не только сугубо материальной, связанной со стоимостью некоего предмета и его полезностью для удовлетворения физических потребностей человека, но и о культурной значимости произведения искусства, важности для научного прогресса объекта интеллектуальной собственности, о влиянии

и авторитете в обществе, которыми обладает тот или иной человек. Неудивительно, что язык отразил в своём фразеологическом составе эту способность денежных единиц оценивать, сопоставлять в цене или даже уравнивать вещи, казалось бы, не сопоставимые, в том числе и тогда, когда оцениваемый объект не относится к материальному миру и его стоимость в денежном эквиваленте может быть выражена только метафорически.

Помимо фразеологических единиц, в которых в качестве компонента встречается сама лексема *деньги* (за деньги не купишь, не в деньгах счастье, деньги на ветер, бешеные деньги, шальные деньги, деньги на бочку), в языке обнаруживается большое количество фразеологизмов, где номинал денежных средств конкретизируется: при работе со словарями методом сплошной выборки нами были найдены пять фразеологизмов с компонентом *рубль* (длинный рубль, неразменный рубль, деревянный рубль, бить рублем, контроль рублем), 22 фразеологизма с компонентом *копейка* (без копейки, ни копейки за душой, до последней копейки, на копейку, купить за копейку, уступить за копейку, удавиться за копейку, ни за копейку, ни на копейку, копейка в копейку, копейка к копейке, считать копейку, копить копейку, зашибать копейку, дрожать / трястись над каждой копейкой, каждая копейка на счету, влететь в копеечку, как одна копеечка, и моя копеечка не щербата, в белый свет как в копеечку, платить / получать копейки, жизнь-копейка), восемь – с компонентом *грош*

(*гроша ломаного / медного не стоит, грош цена, ни гроша за душой, ни в грош не ставить, ни на грош, ни за грош, без гроша в кармане, платить / получать гроши*). Единичными оказались фразеологизмы с компонентом-номинацией вышедших из употребления отечественных денежных единиц: *полушка (ни полушки), сребреник (тридцать сребреников), алтын (ни алтына)*, а также фразеологизмы с компонентом-номинацией вышедших из употребления иностранных денежных единиц: *талант (зарывать талант в землю), абаз (ни абазы), обол (ни обода)*. По нашим наблюдениям, с компонентом-номинацией современной иностранной денежной единицы *доллар* к настоящему времени язык выработал только один фразеологизм (*выглядеть на миллион долларов*).

Обращает на себя внимание тот факт, что из всего обширного набора номинаций денег, которые когда-либо выпускались или имели хождение на территории нашей страны (*денга, пуло, гривна, куня, алтын, мордка, ногата, резана, четвертец* и прочих) русская фразеология, как видим, освоила и приняла очень ограниченное их количество. *Рубль, копейка, грош, полушка, алтын* востребованы в качестве компонентов фразеологических единиц, поскольку постоянно обновляющийся фразеологический состав языка донёс до нас преимущественно те устойчивые выражения, которые возникли и распространились в эпоху формирования национального русского языка, тогда же происходило и становление денежной системы нашего государства (денежные реформы Алексея Михайловича (XVII в.) и Петра I (XVIII в.)). Поэтому вполне закономерно, что наиболее стабильными и производительными в плане фразеологии оказались те номинации денежных знаков, которые утвердились в обществе в данный период.

Более того, ФЕ с компонентом, номинирующим современный денежный знак, количественно преобладают над ФЕ с компонентом-историзмом, номинирующим денежные единицы, вышедшие из употребления. Рубль и копейка, по нашим сведениям, представлены в общей сложности 27 единицами, не считая вариантов. Это тоже вполне объяснимо: вероятность того, что современный носитель языка произнесёт в обыденной речи фразу: «У меня ни копейки», объективно выше, нежели употребление в сходной ситуации выражений: «У меня ни гроша» или «У меня ни полушки». Думается, будет происходить дальнейшее естественное вытеснение на периферию фразеологического корпуса единиц, имеющих в своём составе историзмы, при условии наличия в языке их аналогов с компонентом, обозначающим действующие денежные знаки (ср.: *без гроша – без копейки, ни гроша за душой – ни копейки за душой, пропасть ни за грош – пропасть ни за копейку* и др.). Однако это предположение не будет справедливым в случае, если «жесткость» фразеоло-

логической конструкции укрепляется компонентами, традиционно имеющими образную связь и лексическую сочетаемость именно с лексемой «грош» (*грош цена, гроша ломаного / медного не стоит, ни в грош не ставить*).

Нельзя не отметить, что лексема *грош* оказалась наиболее фразеологически продуктивной из всех номинаций исторических денежных единиц. Это тем более любопытно, если учесть, что изначально она обозначала деньги ряда иностранных государств, в России никогда не номинировала официальную валюту, хотя и упоминалась в финансовых документах и даже в законодательной базе, а распространение получила преимущественно в разговорной речи и художественной литературе, называя сначала двухкопеечную (XVI–XVII века), а затем – с XIX века – полукопеечную монету [2]. Для современного носителя языка лексема *грош* уже не ассоциируется с конкретным номиналом и достоинством монеты, сегодня данное наименование бытует в русском языке только как компонент фразеологических единиц и является знаком минимальной ценности, которая может быть присуща различным предметам и явлениям [4].

Интересно, что *грош* в какой-то степени вытеснил с законного места ценностного минимума лексему *полушка*, которая обозначала русскую монету достоинством сначала в половину деньги, а затем, начиная с XVIII века, – в ¼ копейки. Фактически *полушка* дешевле гроша, но закрепилась эта лексема в русском языке в значении эталона минимальной ценности не столько во фразеологии, сколько в пословицах и поговорках (*За морем и телушка – полушка, да рубль – перевоз. Пятак да полушка, толокно да ватрушка*), а наиболее частотный фразеологизм, где она присутствует в качестве компонента, – *ни полушки* – имеет более востребованные аналоги: *ни гроша, ни копейки*.

Если с копейкой все более-менее ясно, то почему среди компонентов-историзмов грош, а не полушка обладает более значительным фразеологическим потенциалом? Причин может быть несколько: от большей распространенности гроша как денежной единицы (валюта с таким названием имела оборот в нескольких европейских государствах вплоть до настоящего времени) до большей фонетической привлекательности и морфологической лаконичности этой лексемы. В то же время в сегменте малых жанров фольклора, где особую ценность имеют созвучия, рифмовка и ритм, *полушка* стала более востребованной, так как в отличие от *гроша*, имеющего иноязычное происхождение, *полушка* – слово, безусловно, русское, и есть возможность зарифмовать данную лексему с большим количеством слов, имеющих сходный морфологический состав и звучание.

Вернёмся, впрочем, к фразеологизмам, компонентами которых являются лексемы, номиниру-

ющие действующие денежные единицы, – *рубль* и *копейка*. Во фразеологическом корпусе единицы с данным компонентом выстраивают определённую систему оценок: рубль – денежная единица крупного достоинства → большая ценность, копейка – самая мелкая монета → малая ценность. Подобные взаимоотношения рубля и копейки как части и целого, малого и большого отражены и в русских пословицах, близких по специфике образности к фразеологизмам: *Копейка рубль бережёт* (часть – целое); *Размах – на рубль, удар – на копейку* (большое, значительное – малое, ничтожное).

К примеру, фразеологизм *длинный рубль*, означающий большой и лёгкий заработок, вполне отчётливо противопоставляется таким выражениям, как *ни копейки за душой, каждая копейка на счету, получать копейки* и др. При этом даже в близком, казалось бы, по значению фразеологизме *зашибать копейку* (легко зарабатывать), компонент *копейка* придаёт всему выражению несколько иной оттенок и иной стилистический нюанс (более сниженный).

Отражение более солидного, более высокого, по сравнению с копеейкой, статуса рубля можно распознать в таких фразеологизмах, как *бить рублём, контроль рублём* – в них, без сомнения, подспудно присутствует сема власти, права распоряжаться, управлять.

Копейка же, напротив, подчёркнуто мала и незначительна. Не случайно в ряде фразеологизмов компонент *копейка* используется с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *влететь в копеечку, как одна копеечка, и моя копеечка не щербата, в белый свет как в копеечку*, а большая часть остальных допускает вариант с таким суффиксом: *копейка в копейку – копеечка в копеечку, до последней копейки – до последней копеечки* и т. д.

С другой стороны, лексема *копейка* демонстрирует большую фразеобразующую продуктивность (нами выявлены в словарях пять ФЕ с компонентом *рубль* против 22 – с компонентом *копейка*). К тому же фразеологизмы с этим компонентом обнаруживают большее разнообразие фразеологических моделей, по которым они построены, и более разнообразный по количеству компонентов и использованию частей речи состав: если *рубль* продуцирует в основном двухкомпонентные фразеологизмы, то *копейка* – и пяти-, и шестикомпонентные. Копейка, в отличие от рубля, порождает массу вариантов фразеологизмов. Очевидно, малый номинальный вес копейки, её лёгкость, способность быстро переходить из рук в руки (копейка – разменная монета, ср.: неразменный рубль) обуславливают и более динамичные, склонные к вариативности фразеологические конструкции.

По семантике и функциям фразеологизмы, включающие компонент, номинирующий денежную единицу, условно можно разделить на три группы:

– фразеологические единицы, имеющие значение, соотносящееся с общими понятиями «деньги», «денежные отношения» и характеризующее материальное положение человека: *без копейки* – «без денег», *ни гроша* – «полное отсутствие денег»;

– фразеологические единицы, значение которых посредством метафоры характеризует нематериальную сферу взаимодействия людей: *тридцать сребреников* – «цена предательства»;

– фразеологические единицы, значение которых в зависимости от контекста и намерения автора высказывания может характеризовать как денежные, так и нематериальные отношения: *гроша ломаного / медного не стоит* – «кто-либо, что-либо не имеет никакой ценности, никуда и ни для чего не годится».

Первая группа фразеологизмов, как говорилось выше, характеризует материальный статус человека или его отношение к деньгам, что в конечном счёте выливается в оценку его моральных качеств или же сложившейся жизненной ситуации – в любом случае фразеологическая единица по своей природе не может быть нейтральной к объекту характеристики. К примеру, фразеологизмы *ехать за длинным рублём* со значением «ехать за большим и легким заработком» и *дрожать над каждой копеейкой* со значением «проявлять крайнюю скупость» изначально имеют негативную коннотацию, поскольку предполагают у объекта характеристики приоритет материальных жизненных ценностей над духовными. Например: *Году в тридцать пятом или тридцать шестом он уехал на Кольму за длинным рублём* (Э. Герштейн. Лишняя любовь); *Она – скаред, делами заправляет, над каждой копеейкой дрожит* (П. Боборыкин. Китай-город); *Выпивал только рюмку за обедом или ужином, не курил и тряся над каждой копеейкой* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы). Фразеологизм *получать копейки* обычно выражает недовольство человека своим материальным достатком, неадекватным вознаграждением за свой труд. Например: *А в городе нынче радости мало. Работы нет, получают копейки* (Б. Екимов. Проснётся день); *Значит, если я живу в коммуналке и получаю копейки, то не подхожу тебе?* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Стоит обратить внимание на общую неодобрительную, а то и презрительную окраску устойчивых выражений этой группы.

Вторая группа представлена фразеологизмами, чья внутренняя форма в силу временной дистанции затемнена для носителя языка настолько, что значение выражения перестает связываться напрямую с материальной ценностью упомянутой в ней денежной единицы, зато активно включается механизм метафоризации. Лексема *сребреник*, номинирующая денежную единицу Древнерусского государства периода X–XI веков, выступает компонентом фразеологизма *тридцать сребреников*,

происхождение которого, как известно, связано с евангельским преданием о том, что Иуда Искариот предал Христа, получив за это плату в тридцать серебряных монет. В оригинальном тексте плата исчислялась, конечно, не в древнерусских сребрениках, а в монетах, распространённых на территории, ставшей местом действия библейского повествования: по предположениям исследователей, это были шекели, статеры или тетрадрахмы. Такой неточный перевод, однако, имел важное значение: он эмоционально приближал верующего человека русской земли к описываемым событиям и персонажам. Сложно представить, что незнакомое название иностранного денежного знака могло бы стать основой для формирования в русском языке столь экспрессивно заряженного фразеологизма со значением «цена предательства»: выражение *тридцать сребреников*, напротив, несёт в себе большой образный и даже эстетический потенциал. Не случайно в русской литературе и публицистике можно найти массу примеров использования этого выражения: *Каин России с радостно-безумным остервенением бросивший за тридцать сребреников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью* (И. Бунин. Окаянные дни); *И за тридцать сребреников служите своим недавним врагам, в которых сами стреляли* (С. Залыгин. Солёная Падь); *Эти сорок рублей звучат как тридцать сребреников* (М. Ибрагимов. Кто поедет в Трускавец?). Во всех приведенных примерах речь, разумеется, идёт не о денежных единицах определённого достоинства (кстати говоря, многие современные носители языка ошибочно полагают, что это небольшая сумма), а о характере любого предательства, которое в основе своей всегда имеет расчёт и корысть, даже если пытается оправдаться и прикрыться высокими моральными целями и принципами.

Во фразеологизме *зарывать талант в землю*, имеющем также библейское происхождение, наблюдаем, казалось бы, противоположную картину: в качестве основы фразеологизма выступает иноязычная лексема *талант*, обозначающая античную денежную единицу большого достоинства, название которой было как раз сохранено при переводе. Сюжет притчи тоже общеизвестен: двое слуг пустили в рост деньги, оставленные им хозяином, и снискали его похвалу, третий же – то ли по недомыслию, то ли из лени – зарыл порученное для сохранения богатство в землю, из-за чего хозяин остался без прибыли. Рождение метафорического значения фразеологизма на основе упомянутой истории с учётом того, что в библейских притчах нередко под образом хозяина (имения, сада и прочего) имеется ввиду сам Господь Бог, наделяющий человека своими дарами, вполне понятно: *зарывать талант в землю* – «погубить свои способности, не используя их». С течением времени лексема *та-*

лант (греч. *talanton*) перестала восприниматься носителями языка как номинация денежной единицы в силу своей неукоренённости в русской культуре в этом качестве, и постепенно её значение слилось с немецким *talent* – «дарование», что семантически поддержало фразеологическую образность [2]. Таким образом, в первом случае (*тридцать сребреников*) надлежащую экспрессию фразеологизму придаёт конкретизация номинала денежных единиц, полученных в уплату за предательство (не просто серебряные монеты, а сребреники), а во втором (*зарывать талант в землю*) – переосмысление свободного значения самой лексемы.

Фразеологизмы третьей группы применимы при оценке как материальной стороны (стоимости, цены), так и не вещественной ценности предметов, людей и явлений. Понятия цены и ценности обыгрываются этими фразеологизмами с одинаковой коммуникативной эффективностью. Так, фразеологизм *грош цена*, имеющий значение «кто-либо, что-либо никуда не годится, не имеет никакой ценности, никакого значения», может быть употреблён и при характеристике предмета, который действительно можно продать или купить за мелкую монету, например: *Я тебе уже говорил сейчас, что эти серебряные часы, которым грош цена, единственная вещь, что после отца осталась* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание), и при характеристике человеческих качеств, для которых мелкая монета, конечно же, не может служить прямым эквивалентом, например: *Они ведь и умными считаются только потому, что всех задурили, а против настоящего умного человека им грош цена* (Л. Андреев. Губернатор); *Наигранная сердечность, объятия – всему этому грош цена* (Ю. Нагибин. Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана). Нельзя не отметить и тот факт, что все фразеологизмы этой группы в качестве фразеобразующих компонентов имеют номинации мелких монет (копейка, грош), что заранее предполагает низкую ценность тех отношений, чувств, обязательств, которые характеризуются сквозь призму денежных знаков.

Преобладающая часть русских фразеологизмов с компонентом, номинирующим денежную единицу, какую бы сферу человеческой жизни они ни характеризовали – материальную или нематериальную, имеют негативную коннотацию. Это свидетельствует о совершенно определённом отношении носителей языка к деньгам и денежным отношениям: накопление денег, зарабатывание денег как самоцель, предпочтение материальных благ духовным и превращение их в жизненную цель не только не поддерживаются обществом, но и всячески им осуждаются. Таким образом, анализ состава и семантики фразеологизмов с компонентами, номинирующими денежные единицы, показывает, что главные ценности и положительные

моральные ориентиры носителей русского языка лежат вне сферы денежных отношений.

Библиографический список

1. *Азизова З.Т.* Языковые средства репрезентации лингвокультурной информации в историческом романе Василия Яна «Чингисхан» // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 187–189.

2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

3. *Дороднева Н.В., Ермакова Е.Н.* Лингвокуль-

турологические свойства фразеологизмов с компонентом-именем собственным (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1. – С. 236–247.

4. *Смирнова Н.В.* Грош, ефимок, деньга, полупшка... Наименования денег в России XVIII века // Русская речь. – 2010. – № 3.

5. *Телия В.Н.* Грош // Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий. – АСТ-Пресс Книга, 2006. – 781 с.

6. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Фёдорова. – М., 2008.

ПАРТИКУЛЯРНЫЕ ЛЕКСЕМЫ НАЛЕ, НОЛИ И ДЕРИВАТЫ (по данным севернорусских говоров)

Партикулярные лексемы образуются способом агглютинации древних первоэлементов – партикул *но*, *и* и др. – под воздействием закона Ваккернагеля. В работе с позиций синхронно-диахронического подхода рассматриваются структурно-семантические характеристики диалектных партикулярных лексем – двух-, трехкомпонентных кластеров (лексем, состоящих из 2–3 партикул), выявляются их генетические связи, ареальная дистрибуция в славянских языках.

Исследование показывает, что партикулярные лексемы отмечены преимущественно в севернорусских говорах и диалектах Сибири и Урала. Лексемы с начальным *на-* имеют разную структуру – состоят из двух, трех компонентов. В основном они функционируют со значением ‘даже’ или ‘так что даже’, следовательно присоединение третьей *п*-вой партикулы не влияет на изменение семантики лексемы. Кластеры с начальным *но-*, двух- и трехкомпонентные, разнофункциональны, многие из них также имеют значение ‘даже’. Четырех-, пятикомпонентные кластеры в говорах не зафиксированы.

Лексемы имеют параллели в славянских языках. Они отмечены в древнерусском языке. В XVIII веке они функционировали в разговорной речи, диалектах. В современном русском литературном языке не употребляются.

Ключевые слова: союз, частица, наречие, агглютинация, партикула, синтаксис, морфология, севернорусские говоры.

В русских говорах отмечается большое количество лексем, образованных способом агглютинации, причем сращению подвергается, главным образом, незначительная лексика – местоимения, частицы, союзы и т. д. Выделяются комплексы лексем, состоящие из определенных компонентов – так называемых партикул, по определению Т.М. Николаевой, первоэлементов, обладающих инвариантным значением, например комплексы с партикулами *z* и *n*; *l* и *n* с инициалами *a-*, *и-*: *аже*, *ажно* и *ижно*, *ижноль* и т. п.; *али*, *алино* и *или*, *илино* и др. Комплексы довольно объемные по составу: деривационные цепочки могут включать до пяти лексем *a*, *же* > *аже* (а+же) > *ажно* (а+ж(е)+но) > *ажноль* (а+ж(е)+но+ль) > *ажнолича* (а+ж(е)+но+ль+ча) [1; 2; 3]. Данные лексемы образуются под воздействием закона Ваккернагеля: грамматикализованные партикулы-клитики примыкают друг к другу, образуя двух-, трех-, четырех-, пятикомпонентные кластеры [5].

В настоящей работе с позиций синхронно-диахронического подхода рассматриваются лексемы с *п*-, *л*-партикулами, не имеющие в своей структуре сонантной инициали: *нали*, *нальни*, *нально*, *налине*, *ноли*, *ноле*, *нольно* и т. п. Анализируются данные севернорусских говоров, для сопоставления привлекаются сведения других русских диалектов: изучаются структурно-семантические характеристики, генетические связи и ареальная дистрибуция лексем в современных и древних славянских языках¹. Материал исследования – данные региональных, толковых, исторических, этимологических словарей и записи 2009–2014 гг., выполненные в Костромской области сотрудниками Топонимической лаборатории Института гуманитарных искусств и наук Уральского Федерального университета (далее – ТЛ ИГНИ УрФУ)².

Лексемы представляют собой двух-, трехкомпонентные кластеры с начальным *на-* и *но-* (см. таблицу с данными из: [6, с. 97; 7, вып. 4, с. 38; 8, вып. 20, с. 8, 11, 13, 17, 27, 274]; Лексической картотеки ТЛ ИГНИ УрФУ).

I. Функционирование партикулярных лексем в русских говорах.

1. Диалектные лексемы с начальным *на-*.

В севернорусских говорах двухкомпонентные кластеры *на́ли* (на+ли), *на́ли*, *на́ля* функционируют как наречие ‘почти’, ‘чрезмерно, чрезвычайно’, частица ‘даже’, союз ‘так что’, частица-союз ‘так что даже’, более частотной является лексема с первым ударным слогом. В средне-, южнорусских, сибирских и других говорах они, кроме того, употребляются как частица ‘ведь’, союз ‘так что’, вводное слово ‘может быть, что ли’, междометие, отмечены лексемы с ударением и на первый, и на второй слог: *на́ли*, *на́ли*, *на́ле*. Приведем примеры:

– частица ‘даже’: *Вишь, батюшка, как наелся, брюхо-то на́ли перекосило. Костром.* [8, вып. 20, с. 8]; *Так далеко ушли – на́ля и то не видно. Коллогрив. Костром., 1896. Тонкий. Горьк.* [8, вып. 20, с. 27]; *Ушибся, на́ли закричал. У шестка́ меня поставила, открыла задви́жку. Все́ говорила, говорила, так у меня на́ли волосы повставали. Переполох – когда напугается ребёнок – или со стука – испуг, на́ли глазки у них ко́сит. На́ля – заместо слова даже. На́ля’я устала. Он на́ля’ушёл* (ТЛ ИГНИ УрФУ).

А.Б. Шапиро также отмечает употребление в пермских говорах «усилительно-выделительной частицы» *нали*, близкой по значению частице *даже*, которая указывает, что «в предложении высказывается то, чего можно было и не предполагать»: *Табак какой славной, забористой! Нали слезы из глаз* [6, с. 278];

Лексемы с *n-*, *l-*партикулами в славянских языках

Славянские языки (ЭССЯ)	Древнерусский язык (СлРЯ XI–XVII вв., Срезневский)	Севернорусские говоры (СРНГ, СОАН, ТЛ ИГНИ УрФУ)	Среднерусские и говоры Сибири (СРНГ)
Лексемы с начальным <i>на-</i>			
<p><i>*na li</i> / <i>*na le</i> част. <i>налі</i> ‘не так ли’, болг.; част. <i>налі</i>, <i>нъл</i> ‘не так ли’, болг. диал.; част. <i>нали</i> ‘не так ли’, макед.; межд. <i>nali(t’)</i> (стар.), чеш.; <i>nale</i> ‘однако’ пол. диал.; част. <i>наlé</i> ‘ага, да, но’ белор. диал.</p>	<p>част.-союз <i>нальня</i> ‘так что, даже’; союз <i>до тѣх мѣсть</i>, <i>нальны</i> (наречие <i>нальны</i> ‘пока, покуда’)</p>	<p>част.-союз <i>нали</i> Холм. Пин. Мез. Шенк. XIX в.; част. усилит. <i>налі</i> ‘даже’ <u>Костром.</u>, <u>Арх.</u>; част. усилит. <i>наля</i> ‘даже’ Ветл. <u>Костром.</u> 1924; нареч. <i>налі</i> ‘почти’ Варнав. <u>Костром.</u>, 1932; нареч. <i>налі</i> ‘почти’ Перм., 1850. Варнав. <u>Костром.</u>; нареч. <i>налі</i> ‘чрезмерно, чрезвычайно’ Солигал. <u>Костром.</u>, Орлеанский, 1847; союз <i>налі</i> ‘так что’ <u>Костром.</u> <u>Арх.</u>; усилит. част. <i>наля</i> ‘даже’ Кологрив. <u>Костром.</u>; част. усилит. <i>налён</i> ‘даже’ Ветл. <u>Костром.</u>, 1924; част. усилит. <i>нальні</i> ‘даже’ Буйск. <u>Костром.</u>, 1895; част. усилит. <i>нальни</i> [удар.?] Галич. <u>Костром.</u>, 1897; усилит. част. <i>нальнó</i> <u>Костром.</u>, 1895</p>	<p>част. усилит. <i>на́ле</i> ‘даже’ Нижегород., Влад.; част. усилит. <i>на́ле</i> ‘даже’ Урал., Челябин., Карс- вайск. <u>Удм. ССР</u>, Перм., Даль.; част. усилит. <i>на́ли</i> ‘даже’ <u>Свердл.</u>, Охан. Перм., 1854. Перм.; част. усилит. <i>налі</i> ‘даже’ Бирск. <u>Уфим.</u>, 1849. Нижегород., Влад., Перм., <u>Свердл.</u>, Урал, Сиб.; част. усилит. <i>нали</i> [удар.?] Орл. Вят., 1897. Злато- уст. Челябин.; част. <i>на́ли</i> ‘ведь’ <u>Свердл.</u>, 1971; нареч. <i>налі</i> ‘почти’ Перм., 1850; союз <i>на́ли</i> ‘так что’ Верхотур. Перм., 1899. Перм.; союз <i>налі</i> ‘так что’ Нижегород., 1850. Перм., Сиб.; междом. <i>на́ли</i>: <i>На, изволь принять, взять!</i>, а также: <i>берёшь ли?</i> Нижегород., 1852; ввод. слово. <i>на́ле</i> ‘может быть, что ли’ Карсо- вайск. <u>Удм. ССР</u> 1953–1957; ввод. слово. <i>на́ли</i> ‘может быть, что ли’ Красноу- фим. <u>Свердл.</u>, 1971; усилит. част. <i>наля</i> ‘даже’ Тонк. Горьк.; част. усилит. <i>на́лен</i> ‘даже’ Нижегород., Влад., Перм., Даль. част. <i>на́лен</i> ‘ведь’ Нижегород., Влад., Перм., Даль.; част. <i>налён</i> ‘ведь’ Нижегород., 1850; част. и союз <i>на́лине</i> ‘даже’, ‘ведь’ Усол. Перм., 1852; част. усилит. <i>нальды</i> [удар.?] ‘даже’ Верхне-Салд. <u>Свердл.</u>; част. усилит. <i>на́льне</i> ‘даже’ Осин. Перм., 1914. Перм., Режев. <u>Свердл.</u>; част. усилит. <i>на́льни</i> ‘даже’ Кунгур. Перм., Бума- ги Срезневского. Чердын. Перм.; част. усилит. <i>нальні</i> ‘даже’ Урал.; усилит. част. <i>на́льно</i> ‘даже’ Перм., 1848; усилит. част. <i>нальнó</i> ‘даже’ Царев. Казан.</p>
Лексемы с начальным <i>но-</i>			
	<p>союз <i>ноли</i> ‘если’, ‘но, однако’; част. ‘может быть’, усили- тельно-выделит., ограничит. ‘только (тогда)’ XI–XV вв.; мод. слово ‘может быть’ XIII в.; коррелят ‘то, тогда’ XII в. нареч. <i>ноли</i> ‘почти, вплоть’ XII в.; <i>нольны</i>, <i>нольни</i> (<i>нольнѣ</i>), <i>нольна</i>, <i>нольно</i> частица-со- юз ‘только когда’, ‘только если’, част. усилительно- выделит., ограничит. ‘толь- ко, не прежде чем, не иначе как’ с XIII в.; союз <i>нольды</i> ‘так что даже’ XVII ~ XVI вв.; <i>нольна</i>, <i>нольно</i>, <i>нольны</i>, <i>нольни</i> ‘вплоть, даже’ XIII–XVI вв., ‘почти’ XV в., нареч. ‘пока не’ XV в., ‘уже, только уже’ XIV в.</p>	<p>нареч. <i>но́ле</i> ‘в настоящее время, теперь’ Вят.; усилит. част. <i>но́ли</i> ‘даже’ Харов. <u>Волог.</u> Галич. <u>Костром.</u>; усилит. част. <i>ноли</i> [удар.?] <u>Арх.</u>; нареч. <i>ноли</i> [удар.?] ‘очень’ Арх. АН, 1896; союз <i>но́ли</i> ‘словно, как’ Галич. <u>Костром.</u>, 1975; союз <i>но́ли</i> ‘если’ Галич. <u>Костром.</u>, 1975</p>	<p>нареч. <i>но́ле</i> ‘уже’ Вят., 1892.; <i>но́ле</i> употребляется как присловие <i>буди</i> Вят., Верещагин. 1892; усилит. част. <i>но́ли</i> ‘даже’ Слов. Акад. 1847 [с по- метой «стар.».]. Колым. Якут., 1901. <u>Свердл.</u>; усилит. част. <i>но́ли</i> Соликам. Перм., 1853. Урал.; нареч. <i>но́ли</i> ‘едва ли’ Шадр. Перм., 1930; нареч. <i>ноли</i> [удар.?] ‘очень’ Яран. Вят. АН, 1896; ввод. слово <i>но́ли</i> [?] ‘что ли’ [?] Камышл. <u>Свердл.</u>, Слов. Ср. Урала, 1971; нареч. <i>но́льно</i> ‘хорошо’ Лысьвен. Перм., 1930</p>

– союз ‘так что’: *Роблю, роблю весь день, на́ли спинушку разломит.* Верхотур. Перм.³ [СРНГ, вып. 20, с. 8];

– частица-союз: *Снег-от какой выпал, белеть нали стало. Взводнишию экой розворотило, сюда нали досягнул. Этак-то все ломается, смех нали возьмет. Так у ей ноженьки и подкосились, присела нали. Тянут ину пору у нас таки сиверы, што нали руду носом гонит. Зло нали взяло нас, чего мол пристал.* Холм. Пин. Мез. Шенк. XIX в. [6, с. 97]; лексема *нали* (без ударения) стоит после первого слова синтагмы в сложном предложении со значением следствия, определяем ее как союз-частицу; думается, такой грамматический статус имеют и лексемы, приведенные в предыдущих примерах, однако оставляем грамматическую помету, данную в словаре, – частица и союз;

– частица ‘ведь’: *На́ли всё было неплохо. Мы на́ли тебя ждали сколько время, а ты ничего не принёс.* Свердл., 1971 [8, вып. 20, с. 8];

– частица со значением, близким ‘как бы’: *Ну, это к заморозкам объяры́чивает, облачков-то меньше становится, розовые на́ли сделаются, как заря* (ТЛ ИГНИ УрФУ);

– модальное слово ‘может быть, что ли’: *С в́ыскирем, на́ля, вывернуло.* (ТЛ ИГНИ УрФУ); *Пойду на́ли.* Красноуфим. Свердл., 1971 [8, вып. 20, с. 13];

– модальное слово ‘наверное, вроде бы, может быть’: *Туды́ по́жни на́ля’ до самого кордона* (ТЛ ИГНИ УрФУ).

– вводное слово со значением поддержки дискурсивного разворачивания ‘я говорю’: *Как с пеной на́ли делается п́иво. Я на́ли удивилась, как по́точье гнездо* (ТЛ ИГНИ УрФУ).

– наречие ‘почти’: *Зде́ся много уха́жеров, на́ли лавки лома́тся.* Варнав. Костром., 1932 [8, вып. 20, с. 13].

Трехкомпонентные кластеры *нальни́* (на+ль+ни), *налён*, *нально́*, функционирующие как усилительная частица ‘даже’, отмечены в костромских говорах: *Дело налён до драки дошло.* Ветл. Костром., 1924 [8, вып. 20, с. 11]; *Устал, нальни́ ноги подкашиваются.* Буйск. Костром. Урал. [8, вып. 20, с. 27]. В некоторых средне-, южнорусских диалектах, говорах Урала, Сибири и других зафиксированы частицы и союзы ‘даже’ *на́лен*, *налён*, *на́лине*, *нальды*, *на́льне*, *на́льни*, *нальни́*, *на́льно*, *нально́*: *Он меня так бзданул, на́лине искры из глаз.* Усол. Перм. [СРНГ, вып. 20, с. 17]. Частица *на́лине*, кроме того, имеет значение ‘ведь’. (Отметим, что в записях Лексической картотеки ТЛ ИГНИ УрФУ, выполненных в 2009–2014 гг. в Костромской области, представлены только двухкомпонентные лексемы).

2. Диалектные лексемы с начальным *но-*.

Двухкомпонентные кластеры *но́ле* (но+ле), *ноли́* функционируют в севернорусских говорах как наречие ‘в настоящее время, теперь’, ‘очень’,

союз ‘словно, как’, ‘если’ и частица ‘даже’. Приведем примеры:

– усилительная частица *ноли́* ‘даже’: *Он ноли пе-рекатился три разы.* Харов. Волог. *Ноли страсть на него глядет, какой глазица* [с бельмом]. Галич. Костром. [8, вып. 20, с. 274]

– союз *ноли́* ‘словно, как’: *Рис он еще белей, ен ноли с подсинком.* Галич. Костром., 1975; ‘если’: *Корытечко, ноли замерзнут окошки, вода сюда и стекает.* Галич. Костром., 1975. [8, вып. 20, с. 274].

– наречие *но́ле*, синоним *но́не* ‘в настоящее время, теперь’: *Но́ле вот больше корова молока дает.* Выт. [7, вып. 4, с. 38].

В сибирских, уральских говорах *но́ле*, *ноли*, *ноли́* употребляются как наречие ‘уже’, ‘едва ли’, ‘очень’, частица ‘даже’, вводное слово (?) ‘что ли (?)’, «присловие буди».

Трехкомпонентный кластер *но́льно* (но+ль+но) – наречие ‘хорошо’ зафиксирован в пермских говорах 30-х гг. XX в. [8, вып. 20, с. 274].

II. Партикулярные лексемы в сравнительно-историческом освещении.

В исторических словарях двухкомпонентные кластеры с начальным *на-* не зафиксированы. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» находим информацию о лексеме *нальня*. В древнерусском языке частица *нальня* употреблялась в значении союза ‘так что, даже’: *Имал Иван Годинович поганово царя за белы руки, ударил царя о сыру землю матерую, нальня под ним земля потряслася.* Был., 226. XVII–XVIII вв. Наречие *нальны* ‘пока, покуда’ использовалось в составе сложного союза *до тѣх мѣстѣ, нальны*: *Бискупъ приѣхал и что на томъ соборе приговорили, то держат втае до тѣх мѣстѣ, нальны папа в томъ поволит и утвердит.* Куранты², 82. 1644 г. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 141].

С начальным *но-* в «Словаре русского языка XIX–XVII вв.» отмечены следующие лексемы: *ноли* союз ‘если’, ‘но, однако’, частица ‘может быть’, частица усилительно-выделительная, ограничительная ‘только (тогда)’ XI–XV вв.; модальное слово ‘может быть’ XIII в.; коррелят ‘то, тогда’ XII в., наречие *ноли* ‘почти, вплоть’ XII в.; *нольны*, *нольни* (*нольнѣ*), *нольна*, *нольно* – частица-союз ‘только когда’, ‘только если’, частица усилительно-выделительная, ограничительная ‘только, не прежде чем, не иначе как’ отмечены с XIII в.; *нольды* союз ‘так что даже’ – XVII ~ XVI вв. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 420–421]. В словаре древнерусского языка И.И. Срезневского отмечены *нольна*, *нольно*, *нольны*, *нольни* ‘вплоть, даже’ XIII–XVI вв., ‘почти’ XV в., наречие ‘пока не’ XV в., ‘уже, только уже’ XIV в. [Срезневский, т. 2, с. 465].

В «Словаре русского языка XVIII в.» данные лексемы не представлены; по-видимому, в этот период они сохраняются только в разговорной речи, диалектах.

Лексемы с начальным *на-* очень древние. Праславянское сочетание **na li / *na le* реализуется в языках всех славянских групп. Болгарскому языку известна частица *нали́* ‘не так ли’, диалектам *нали́, ньл* ‘не так ли’, македонскому языку – частица *нали* ‘не так ли’. В чешском языке употребляется междометие (стар.) *nali(t’)*, в польских диалектах *nale* ‘однако’, в белорусских диалектах частица *налé* ‘ага, да, но’. Составители «Этимологического словаря славянских языков» предполагают, что элементами **na li / *na le* являются **na* (ср.: предлог *на* и междометие *на* ‘возьми’) и **li, *lě*, хотя возможно и *ne+ali?*, *no+ale?* [ЭССЯ, вып. 21, с. 192]. Словарная статья к лексемам с начальным **no-* в ЭССЯ отсутствует.

Если рассматривать представленный материал, в том числе диалектный, в рамках концепции Т.М. Николаевой, то данные лексемы имеют в своей структуре партикулы *no, na, li, le*. Примарная общеславянская партикула *no / нь* (примарные партикулы могут употребляться в языке изолированно) в славянских языках функционирует как адверсативный союз [5, с. 277–278]. «Идиом *на*» Т.М. Николаева считает «отдельной лексемой междометно-дейктического характера», партикула представлена в славянских языках несколькими лексемами [5, с. 289]. Партикулы с опорой на *l* имеют разные сонантные финалы – *li* и *lě*. Ареал бытования лексем с разными финалами в славянских языках различен, семантические характеристики также не совпадают. Примарная общеславянская партикула *li* может быть сентенциальной и вопросительной частицей, выражать сравнение, иметь альтернативное значение; она входит в деривативные цепочки, чаще всего находясь в постпозиции [5, с. 272–274, 288–289]. Общеславянская партикула *lě* известна как частица ‘едва, чуть’, союз ‘но’, союз также имеет лимитативное, экспликативное, понуждающе-императивное и под. [5, с. 288]. А.А. Зализняк пишет о наличии в древнерусском языке частицы *на* [4, с. 201]; очевидно, *нали* и др. образовались при ее участии. Ученый также указывает на тот факт, что древнерусская частица *нь* имела эквивалент *ни* [4, с. 198], поэтому предполагаем, что формы с финалью *-ни* образовались с участием этой частицы.

Итак, в русских говорах обнаружены двухкомпонентные кластеры – *на́ли, нали́, наля́* и варианты, которые известны, хотя и с иной семантикой, в славянских языках: как правило, русские говоры – частица-союз ‘даже’, славянские языки – частица ‘не так ли’. В памятниках древнерусской письменности данные лексемы не зафиксированы, следовательно, возможно, они функционировали в древности в разговорной речи. В говорах также отмечены трехкомпонентные кластеры *на́льни, на́лине* и др., ср.: в древнерусском языке функционировала частица *нальня* < *на+ли+на* (по мнению А.А. Зализняка, твердость-мягкость *н* и *л* в таких

комплексах неустойчива: возможны варианты *альнѣ, алны́, а́жны, а́жнік*) [4, с. 201]. Иными словами, возможно, *на́льни, на́лине* и др. также в древности употреблялись только в разговорной речи. В древнерусском языке лексема *нальня* имела значение ‘так что, даже’, в современных говорах лексемы *налён, нальні, нально́* и т. п. функционируют как частица и союз с этими значениями.

В говорах зафиксированы лексемы *но́ле, но́ли* и т. д., древнерусскому языку была известна только лексема *ноли* (фиксации с XII века). Функционально-семантические характеристики лексем не совпадают: диалектные лексемы обладают бóльшим количеством значений по сравнению с древнерусскими. Трехкомпонентные кластеры зафиксированы начиная с XIII века, они функционировали как союз и частица; в современных пермских говорах отмечено наречие *но́льно* ‘хорошо’. Трехкомпонентные кластеры с начальным *но-*, таким образом, выходят из употребления в современных говорах.

Подведем итоги. Исследуемый материал представляет собой довольно пеструю картину: в русских говорах зафиксировано большое количество сходных по внешнему облику древних лексем, двух- и трехкомпонентных (данные лексемы преимущественно отмечены в севернорусских говорах и диалектах Сибири и Урала). Вместе с тем отметим, что лексемы с начальным *на-*, имеющие разную структуру, в большинстве случаев функционируют со значением ‘даже’ или ‘так что даже’, следовательно присоединение третьей партикулы не влияет на изменение семантики лексемы. Кластеры, имеющие начальный *но-*, двух- и трехкомпонентные, функционируют как частицы, наречия и союзы с разными значениями, хотя значение ‘даже’ лексемы *но́ли, но́ли́* также имеют.

При сопоставлении данных лексем с единицами, имеющими сонантную инициаль (*али, алино, але, или, ильно* и др.) выясняется, что в комплексе лексем без инициали отсутствуют четырехкомпонентные кластеры (четырёх-, пятикомпонентные кластеры с сонантной инициалью характерны преимущественно для южнорусских говоров). При присоединении третьей *n*-вой партикулы, подчеркиваем, у изучаемых лексем может не происходить изменение семантики. Это, скорее всего, связано с тем, что в структуре лексем уже таковая имеется (лексемы *алино, илино* и под. с присоединением третьей *n*-вой партикулы начинают функционировать, как правило, со значением следствия [2; 3]).

Лексемы *нали, ноле, налине, нольно* и т. д. не употребляются в литературном языке; из лексем, имеющих сонантную финаль, как известно, сохранились только *или, али*.

Примечания

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратеги-

ческого развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

² Автор выражает благодарность Е.С. Коган, сотруднику Топонимической лаборатории Института гуманитарных искусств и наук Уральского Федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина, за предоставленные материалы.

³ В работе используются принятые в словарях сокращения.

Библиографический список

1. Гусева Е.Р. Союзы с *n*-, *ž*-партикулами в русских говорах Карелии и сопредельных областей [Электронный ресурс] // CARELiCA. – 2014. – № 2 (11). – Режим доступа: http://carelica.petrstu.ru/CARELiCA_/Articles/Entries/2014/5/12_SOUZY_S_N-%2C_Z-PARTIKULAMI_V_RUSSKIH_GOVORAH_KARELIISOPREDELNYH_OBLASTEJ.htm.
2. Гусева Е.Р. Союзы с *l*-, *n*-партикулами в севернорусских говорах (инициаль *a*) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 6. – С. 186–192.
3. Гусева Е.Р. Партикулярные союзы в севернорусских говорах (комплекс с *l*-, *n*-партикулами (инициаль *u*-) // Ученые записки ПетрГУ. – № 3 (148). – Т. 2: Общественные и гуманитарные науки. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 52–55.
4. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 352 с. – (Studia philologica. Series minor).
5. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). – М.: Языки славянских культур, 2008. – 376 с. – (Studia philologica).
6. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Изд. 2-го Отд-ния Акад. наук, 1885. – 197 с. (СОАН)
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та. – 1994–2005. (СРГК)
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. (СРНГ).
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. – М.: Наука, 1997. (СлРЯ XI–XVII вв.)
10. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. – СПб.: Наука, 1984.
11. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1–2. – СПб.: Гос. изд-во иностр. и национальн. словарей, 1958. (Срезневский)
12. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 318 с.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. – М.: Изд-во АН СССР, 1974. (ЭССЯ)

Золотых Лидия Глебовна

доктор филологических наук, профессор
Астраханский государственный университет
zolotyhlq@yandex.ru

Фирсова Мария Анатольевна

Астраханский государственный университет
filfak.er@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ АГРЕССИЯ КАК КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА (на материале телепередачи «Однако»)

В статье доказывается авторская гипотеза о намеренном употреблении журналистом лексики с агрессивной семантикой, жаргона, иронии с целью создания и укрепления индивидуального речевого имиджа. Анализируются выпуски передачи «Однако» за один год и приводится соотношение нейтральной лексики и лексики с агрессивной семантикой. Указывается процентное соотношение средств языковой агрессии, дается их анализ.

Ключевые слова: медиапространство, телепространство, агрессия, ирония, жаргон.

Современное состояние языка является прямым транслятором процессов, происходящих в российском обществе, зеркальным отражением его нестабильного состояния, эскалации международных конфликтов и дестабилизации общественно-экономических отношений. Данные особенности современного социума не могут не отразиться на содержательной стороне продуктов медиапространства – информационных передачах, радиийных и телевизионных ток-шоу, авторских программах, журналистских расследованиях.

Исторически сложилось, что именно телевидение благодаря своей массовости и доступности является самым влиятельным элементом медиапространства, сумевшим настолько упрочить свои позиции в масс-медийных отношениях, что сформировало собственное пространство – телепространство. В последние годы обозначилась общая тенденция трансформации телепространства, обусловленная возрастанием негативной информации, формирующей у реципиентов катастрофическое мышление и изменяющей ментальные установки под влиянием значительного объема информации отрицательно-агрессивного содержания.

Эта проблема является актуальной и социально значимой вследствие общедоступности телепространства, которое повсеместно и в большом объеме репрезентирует образы агрессии, насилия как в художественном, так и в информационном вещании. Современное телепространство чрезмерно перегружено негативной информацией: негативная и криминальная тематики пронизывают многие

сериалы, большинство художественных фильмов, авторских программы. В их основе – особый тип речевого поведения, базирующийся на преднамеренной деформации адресантом коммуникативного пространства адресата, – языковая агрессия, которая является эффективным средством воздействия, а также средой для формирования и распространения различных агрессивных когнитивно-дискурсивных вариаций.

Особый интерес для нашего исследования представляет закономерность дискурсивной объективации семантических особенностей языковой агрессии в передаче «Однако» на федеральном канале и анализ когнитивно-дискурсивного потенциала языковой агрессии как интегрального признака речевого имиджа Михаила Леонтьева, автора и ведущего этой передачи.

В исследовании анализу подверглись выпуски передачи «Однако» за пять лет. В данной статье представлены результаты анализа передачи за один календарный год. Показательно процентное соотношение нейтральной лексики и лексики с агрессивной семантикой в речи Леонтьева (рис. 1).

В авторском комментарии к новостному выпуску ведущий дает оценку и проводит краткий анализ мировых и отечественных политических событий, где, казалось бы, неуместно использование даже нейтральных оценочных номинативных единиц, не говоря о словах и выражениях, экспрессивно окрашенных и коннотативно сниженных.

Эффект «агрессивности» в телепередаче возникает тогда, когда автор насыщает текст негативными номинациями, гиперболизирует факты, смакует их

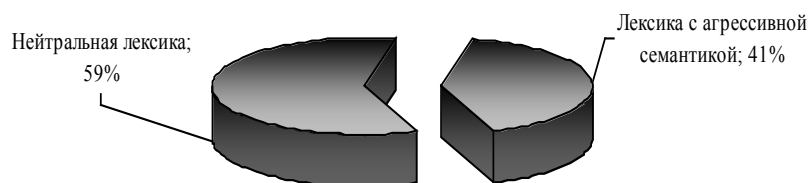

Рис. 1. Соотношение нейтральной лексики и лексики с агрессивной семантикой в речи Михаила Леонтьева

негативный коннотативный смысл, тем самым вызывая пессимистичное мироощущение, например: *Война идет за каждую комнату, за каждый метр; Смерть России, сегодня – Сирия, завтра – Россия; Кавказский батальон; Путин, мы придем в твой Кремлевский дворец; Кому не понятно – переведено на арабский, и даже на арабо-английский; Асад и Путин – кровавые шайтаны; Тибет, поднимайся на джихад* (эфир от 26.03.2013 г.). В приведенном отрывке реализуется не только тенденциозное использование негативных смыслов (*война идет за каждую комнату, за каждый метр*), но и прием манифестации через лозунги (*смерть России; Асад и Путин – кровавые шайтаны*).

Следующий пример демонстрирует употребление инвективной лексики, эмоционально насыщенной и грубой, которой автор отдает большее предпочтение, чем нейтральным синонимам: *Как известно, пан Янукович и его Партия регионов уже готовы были легко и радостно предать своих избирателей, послать подальше Россию и подписать пресловутую ассоциацию с Евросоюзом. Однако тут избиратели, науськиваемые, естественно, Россией и ее шипонами, начали злобно бухтеть* (эфир от 12.11.2013 г.).

Нами выявлено, что основным средством выражения языковой агрессии в речи М. Леонтьева является лексика с агрессивной семантикой (рис. 2), содержащая в качестве ядерной единицы маркер – лексико-семантический вариант, коннотацию или смысловую реализацию значения с агрессивным зарядом. Дискурсивная объективация смыслового потенциала лексики с агрессивной семантикой в передаче «Однако» актуализирует усиление конфликта и, как следствие, деформацию коммуникативного пространства адресата посредством вторжения в его аксиологическое пространство.

Если остановиться на категоричных оценках интеллектуального и психического потенциала тех, о ком идет речь в комментарии журналиста, то необходимо отметить широкий диапазон употребления агрессивных номинаций. Например: 1. *Еще раз повторю: они ни в чем не виноваты, это мы довели армию до такого идиотизма*. 2. *Правда, никто не мешает параноикам добывать сланцевые углеводороды...* 3. *Вопрос в том, биться*

ли по этому поводу в истерике или использовать как инструмент экономического восстановления. 4. *А пока у нас одна группа придурков борется за демократию, гей-парад и свободу своего слова в телевизоре...* 5. *Во всем этом есть что-то очень доброе, простодушное, можно сказать, олигофренческое*. Категориальные авторские номинации аутгрупп: *параноики, дебилы, придурки, олигофрены* – фактически являются номинациями психических отклонений, связанных с недоразвитием интеллекта или хроническими отклонениями в работе нервной системы. В тексте они употреблены как концентраты негативных стереотипных убеждений данных личностей. Именно вследствие обобщенной стереотипизации достигается дегуманизация данных понятий, то есть реципиентом они осознаются не как человеческие существа, имеющие особенности психического развития, а как недочеловеческие создания [2].

Композиционный анализ выпусков передачи демонстрирует его особое построение: 1. В начале программы автором озвучивается тема выпуска, формулируемая кратко и образно, к примеру: *На фоне группового изнасилования несчастного Кипра бандой цивилизованных европейцев события в Сирии отошли на второй план. А между тем именно там совершаются вещи, имеющие самое прямое отношение к будущему не только региона, но и всего мира* (эфир от 26.03.2013 г.). С первых слов М. Леонтьев посредством метафорической модели создает высказывание с яркими агрессивными оценочными коннотациями, в результате чего на базе первичного значения слова развивается новое – образное, создающее неожиданные и смелые ассоциации: *групповое изнасилование Кипра* тождественно ‘политическое вмешательство во внутренние дела страны’. 2. Далее приводится краткая информационная справка, озвученная голосом за кадром, содержащая статистические данные или цитату какой-либо персоны по актуальному вопросу. Важно подчеркнуть, что приведенная информационная справка всегда по идейному и семантическому содержанию контрастирует с комментарием ведущего, ср.: *Вообще интеллектуальный уровень на вербованной в Сирию со всего мира швали оставляет желать лучшего. Есть публика со-*

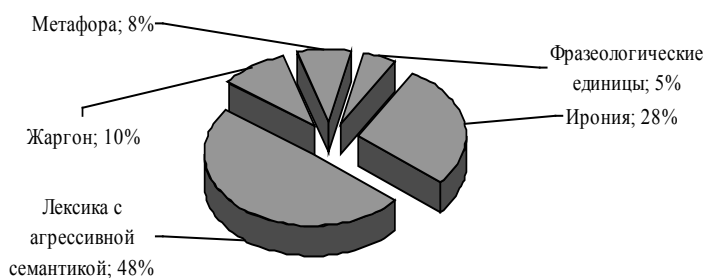

Рис. 2. Частотность употребления коннотативной лексики и лексики с агрессивной семантикой в речи М. Леонтьева

вершено первобытная. Некоторые товарищи, например, абсолютно уверены, что они воюют в Израиле. И убедить их в обратном невозможно. При этом израильтяне на голубом глазу этих **выродков** лечат и вооружают (эфир от 26.03.2013 г.). В данном примере просторечная лексема *выродок* и уголовно-лагерный жаргонизм *швали* выражают отрицательную авторскую оценку и усиливают общий пренебрежительно-уничтожительный тон высказывания.

Упомянутая выше особенность речи тележурналиста Леонтьева – насыщенность и частотность употребления лексики с негативной семантикой – относится к традиционным проявлениям агрессии в тексте. Однако стоит особо подчеркнуть, что журналист придает всему произведению речи тенденциозный характер за счет перегруженности текста информацией с негативным смыслом и за счет намеренного подбора соответствующих лексических средств: *Рухнет Сирия – и вся эта шобла, международная шваль припрется к нам* (эфир от 26.03.2013 г.). Данный вид агрессивного речевого поведения отличается категоричностью, имеет ярко выраженную эмоциональную окраску и строится по принципу присоединения к структурно-семантической схеме лексики с оценочной семантикой.

Необходимо подчеркнуть, что передача «Однако» – это авторский комментарий тележурналиста, где он дает субъективную оценку актуальным внешнеполитическим и внутривнутриполитическим событиям. Анализ лексики, употребленной в оригинальных, то есть авторских, контекстуальных окружениях, которые, конечно же, не являются спонтанными, а подготовлены заранее, позволяет нам сделать вывод об искусственно формируемом языковом портрете тележурналиста. В этой связи уместно говорить о намеренном подборе лексических средств, которые способны «зацепить» внимание зрителей и предложить им не зависимую от новостного выпуска, то есть альтернативную, оценку текущих отечественных и мировых событий.

Стоит также отметить, что журналист М. Леонтьев следует общей тенденции, наметившейся в отечественных СМИ, а именно детабуизации инвективной и грубой лексики, всеобщему раскрепощению речи и снижению порога допустимости словоупотреблений: *Мир стоит на пороге ядерной войны. Вот сейчас как долбанет Северная Корея по Америке! А та ей как ответит!.. Карибский кризис номер два. Самое время содрогнуться. И чой-то никто не содрогается?!* (эфир от 09.04.2013 г.). В приведенном отрывке телепередачи автор умело сочетает просторечную лексему *долбанет* – ‘сильно ударить, толкнуть кого-то’ [5] и прием иронии, призванный завуалировано репрезентировать критическое отношение автора к объекту осмеяния. Ирония, в данном случае основанная на языковой игре видовой пары глаголов

содрогнуться – содрогаться, демонстрирует употребление последнего глагола в несвойственной ему форме третьего лица, единственного числа (*содрогается*).

На основе проведенного анализа выявлено, что вторым по частотности средством выражения языковой агрессии в речи М. Леонтьева является ирония, в процентном выражении составляющая 28 %, то есть почти треть от общего количества. Особенность реализации данного приема речевой агрессии в речи тележурналиста заключается в том, что основной целью автора является донесение актуальной информации до адресата в не перегруженном субъективной интерпретацией смысле. Вследствие того, что ироничность М. Леонтьева содержит агрессивные коннотации, она также признается нами формой, демонстрирующей агрессивное речевое поведение, которое выбрано для ведения коммуникации намеренно.

В следующем примере наравне с просторечной лексемой *приспичило* – ‘возникла крайняя необходимость’ [4] – автор использует выражение *чуть ли не пацифисты*, раскрывая ироничное отношение к правительству Северной Кореи, проводящей испытания ядерной боеголовки: *Вот 60 лет после окончания Корейской войны американцам не надо было отрабатывать ядерный удар по Северной Корее – и вдруг приспичило? При этом повторим, новые руководители Госдепа и Пентагона воевать не склонны. И вообще-то чуть ли не пацифисты* (эфир от 09.04.2013 г.).

Еще одно немаловажное средство реализации языковой агрессии в телепередаче – это жаргон, являющийся характерной чертой большинства современных медийных текстов и отличительной особенностью языка российских СМИ в целом, что обусловлено стремлением журналистов постоянно адаптироваться к речевым вкусам и предпочтениям представителей разных слоев населения. Отметим, что «жаргон по концентрации в нем когнитивно-дискурсивной составляющей является гиперэкспрессивной единицей. В связи с этим немаловажными его функциями можно признать привлечение внимания адресата и манипулирование им, а также создание агрессивного речевого имиджа адресанта и его последующая эксплуатация посредством системного употребления в речи жаргонных слов и выражений» [5, с. 40].

Рассмотрим на конкретных примерах отмеченные функции жаргона в речи М. Леонтьева. Так, дефиниция лексемы *слить* (жарг.) в словаре дается как ‘предоставлять для обнародования грязные сплетни, компромат и т. д.’ [1]. В следующем дискурсе указанная нами лексема репрезентирована негативное отношение автора к политическому событию: *Сегодня Смирнов, намекая на разногласия в российском руководстве, пытается внушить людям, что его хотят убрать некие кремлевские*

силы, жаждущие *слить* Приднестровье» (эфир от 07.05.2013 г.). «Авторское отношение к данной речевой ситуации формируется с помощью жаргонизма *слить* и нейтрального глагола *убрать*, который применим к неодушевленному объекту говорения, но в этом контексте выступает вместе с одушевленным» [5, с. 40].

Употребление жаргонных слов и выражений М. Леонтьевым актуализирует не только язык отдельных социальных групп, но и общую вульгаризацию высказывания посредством употребления стилистически максимально сниженных лексем, например: *Это дает возможность ослабить и кошмарить Россию, ослабить Европу...* (эфир от 10.09.2014 г.). На сегодняшний день единица *кошмарить* (впервые озвученная на высоком политическом уровне Д. Медведевым в 2008 г.) употребляется в различных синтаксических валентностях, но вопрос о ее ненормативной принадлежности не вызывает сомнения, так как источником проникновения в литературный язык данной лексики стал именно тюремный жаргон, где *кошмарить* – ‘запугивать заключенного’ [1]. Жаргонизмы, являясь гиперэкспрессивным средством языковой агрессии в речи М. Леонтьева, влияют на формирование картины мира адресата посредством выражения эмоциональных пресуппозиций адресанта, а также являются источником формирования агрессивного речевого имиджа телеведущего.

Следующий элемент языковой агрессии в речи М. Леонтьева – метафора, ее процентное содержание в анализируемом периоде выпусков передачи «Однако» составляет 8 %. Важной особенностью реализации данного средства речевой выразительности является то, что в авторском употреблении нивелируется основная функция метафоры. Следовательно, скрытый перенос наименования с одного предмета на другой на основании сходства этих двух предметов в каком-либо отношении позволяет выйти на первый план не столько актуализации образной метафорической модели, сколько ее дополнительной функции – выражению оценочного, причем часто негативного, содержания. Это объясняется желанием автора привлечь внимание адресатов к неблагоприятным сторонам общественной действительности.

Значит, в авторском комментарии М. Леонтьева метафора становится ярким средством аргументативного воздействия, что особенно важно для установления контакта между ведущим и зрителем, ср.: *Государство взяло на себя долги частных банкротов, после чего поддерживает искусственное дыхание впавшей в кризис экономики, вливая в нее деньги, то есть наращивая долг* (эфир от 10.10.2013 г.). В данном примере денотатом является лексема из литературного языка, а коннотатом – слово из медицинского дискурса. Усилению прагматического смысла в данном примере спо-

собствует контекст (*поддерживает искусственное дыхание*), организованный таким образом, что благодаря особенностям словоупотребления внимание реципиента заостряется на кризисном состоянии экономики.

Надо отметить, что телеведущий не просто комментирует значимые мировые и отечественные события. Он дает им оценку, которая часто строится по медицинской метафорической модели «больной – методы лечения». Это предопределяет активизацию коммуникативно-прагматической роли медицинской метафоры в индивидуальном речевом имидже тележурналиста, который выдвигает ее в контексте на первый план для приобретения масс-медийным текстом воздействующего характера. Например: *Есть основание предполагать, что пресловутая «вторая волна» кризиса начнется не с Америки, самозабвенно печатающей доллары, и не с Европы, лежащей в стационаре и плотно обклеенной датчиками, а с перегретой китайской мировой фабрики, статистика которой темна и неясна, а последние инициативы подозрительно напоминают наш печальный советский опыт* (эфир от 19.11.2013 г.). Данный пример является отражением переживаний тележурналистом факта политической действительности, а также служит полем для активного функционирования медицинской метафоры как проявления аналоговых возможностей человеческого мышления. Так, кризисная ситуация вокруг Европы демонстрируется автором как болезненное состояние, требующее стационарного лечения.

Необходимо отметить, что внутри- и внешнеполитические изменения, касающиеся России и ее общества, метафорически представляются в речи тележурналиста как болезни различного порядка – физические и психические. Стремление к преодолению этих болезней, соответственно, – как лечение с помощью компетентных граждан общества, образно являющихся медицинским персоналом со специализированным набором методов и приёмов. Особую группу представляют медицинские метафоры с семантическим ядром «психическое расстройство», ср.: 1. *Это тщательно и сознательно разыгрываемая истерия, цель которой взять даже не Сирию, а нас на испуг, нахрапом* (эфир от 07.02.2013 г.). 2. *«Зеленая» антироссийская истерия на экологической почве перехлестывает истерию «голубую»* (эфир от 08.10.2013 г.). 3. *Собственно, задача новой внешней политики Обамы в том и состоит, чтобы вернуться от маразма к цинизму* (эфир от 08.02.2013 г.). 4. *Эта декларация дорогого стоит. Стоила бы дороже, если бы не некоторый шизофренический момент в американской позиции* (эфир от 29.05.2013 г.). Михаил Леонтьев как носитель индивидуального речевого имиджа активно прибегает к употреблению метафоры в качестве средства выражения личной пози-

ции автора, передачи имплицитного смысла, когда метафоры обладают высоким прагматическим потенциалом и активно участвуют в формировании концептуальной картины мира реципиентов.

Фразеологические единицы, равно как и метафоры, демонстрируют творческий авторский потенциал и высокий уровень владения средствами языка. Фразеологизмы являются отличительной чертой авторского комментария М. Леонтьева, а также одним из элементов агрессии (составляют 5 %). Использование фразеологизмов в авторских контекстных окружениях сочетают в себе две разнонаправленные установки – опору на клише и экспрессивную оценку. Клише в виде фразеологической модели призвано аккумулировать предмет речи и актуализировать фоновые знания реципиентов вне зависимости от их уровня знаний, возраста и т. п.

Вариации с фразеологическими моделями позволяют автору кратко и образно репрезентировать аналитическую информацию: *«Следовательно доктрина, требовавшая гарантированного присутствия США в Заливе и обязательства защищать саудовскую монархию, приказала долго жить»*. Фразеологизмы, употребленные в авторском комментарии, содержат экспрессивно-эмоциональное и стилистически окрашенное значение с негативной оценкой. Они представлены как в неизменном виде: *«На самом деле “Гринпис” давно превратился в организацию, на которой клейма негде ставить»*, так и в окказионально-трансформированном: *«Нам следовало бы использовать повод с “Приразломной”, чтобы через какой-нибудь суд, например, в Лондоне, вскрыть все схемы финансирования “Гринпис” и вывести ее на экологически чистую воду»*. Являясь одним из ярких языковых средств, фразеологизмы не утрачивают, а усиливают свой прагматический потенциал в речи тележурналиста посредством концентрации в них агрессивного значения: *«Попытки прозападного правительства жестко изменить не только политическую, но и экономическую ориентацию страны, кажется, довели тихую Болгарию до ручки»*. Отрицательное отношение автора к предмету речи, негативное предубеждение становятся основой для использования фразеологизмов с просторечными лексемами: *«Пятизвездочная партия точно знает, как победить кризис: звать в шею всех старых политиков и заменить их фриками и клоунами»*.

Представленные средства языковой агрессии «можно рассматривать как одно из средств манипулирования, которое направлено на создание негативно-тягостного эмоционального впечатления у телезрителя о происходящих событиях» [3], так как одна из функций аналитической информации Михаила Леонтьева – воздействующая. Представленные параметры языковой агрессии тележурналиста (лексика с агрессивной семантикой,

ирония, жаргон, метафоры, фразеологические единицы) в общем понимании являются лексическими средствами русского языка, а в анализируемых выше примерах эти номинативные единицы используются автором передачи «Однако», адресантом речи, для выражения негативной оценки. Опасность языковой репрезентации агрессии в телевизионной передаче «Однако» заключается в огромном ареале распространения в телепространстве. Передача «Однако» как продукт медиапространства агрессивными речевыми особенностями ее ведущего не только вводит языковую агрессию в поле нормативного использования телеаудиторией, но посредством широты охвата телевещания создает поле для порождения реальной агрессии и насилия.

Обзор средств языковой агрессии показал, что эмоционально-оценочное содержание телепередачи репрезентировать смысловые негативно-экспрессивные ресурсы русского языка. Важно помнить, что тенденциозное использование различных способов «языковой атаки» (жаргонных слова, вульгаризмов, грубопросторечных слов) искажают мировосприятие адресата. Средства языковой агрессии «провоцируют реальную жестокость, они учат относиться к ней как к норме: массовое сознание отнюдь не настраивается на борьбу с насилием, а наоборот, начинает воспринимать его как естественный элемент жизни» [3].

Несомненно, это оказывает негативное воздействие через психологию личности на языковую культуру, что провоцирует ответную речевую агрессию. К сожалению, участники общественного процесса не видят связи между речевой агрессией и реальной агрессией, не оценивают факт влияния агрессивного слова на формирование у членов общества агрессивного восприятия действительности и, как следствие, агрессивной социальной среды.

Таким образом, языковая агрессия как неотъемлемый компонент современного медиапространства является явлением многоаспектным, включающим, кроме языковой манифестации, также психологические, прагматические, поведенческие и социальные компоненты. Намечившаяся тенденция возрастания агрессии в языке телепередачи «Однако» и языке СМИ в целом обусловлена нестабильностью российского общества, часть которого неустойчива к изменениям социальной сферы и подвержена деградации в условиях возросшего темпа жизни. Средствам массовой информации изначально была отведена роль трансляторов изменений и тенденций общества. Следовательно, речевой имидж Михаила Леонтьева не исключение, а скорее яркий пример и отражение тех изменений, которые происходят в социальной сфере, оказывая существенное влияние на современный русский язык.

Библиографический список

1. *Квеселевич Д.И.* Самый полный словарь ненормативной лексики. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – 1021 с.
 2. *Налчаджян А.* Агрессивность человека. – СПб.: Питер, 2007. – 436 с.
 3. *Строкова Ю.А.* Лексические средства речевой агрессии в телевизионных новостях [Электронный ресурс] // Медиаскоп: электрон. науч. журнал ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2014. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1488> (дата обращения 23.10.2016).

4. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Буколика: Роосса, 2008. – 1247 с.
 5. *Фирсова М.А.* Языковая агрессия как специфический элемент речевого имиджа Михаила Леонтьева // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. 9. – С. 35–41.

УДК 81'33

Ухова Лариса Владимировна

*доктор филологических наук, доцент
 Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
 larissauchowa@mail.ru*

Гусева Любовь Алексеевна

*кандидат филологических наук, доцент
 Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
 lagusevaMK@mail.ru*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ СЛОВА

*Слово **толерантность** в самом конце XX века перешло из пассивного запаса в сферу активного функционирования в русском языке. Оно стало не просто лексемой, выражающей комплекс смыслов, но и объектом активного лингвистического рефлексирования со стороны и специалистов, и широкой читающей публики. За относительно короткое время **толерантность** стала специальным предметом изучения целого ряда научных дисциплин, в том числе и филологии. В своей статье мы обратились к собственно лингвистическим аспектам описания слова **толерантность**, ставшего настоящим феноменом русского литературного языка конца XX – начала XXI века. Лексическое значение слова **толерантность** можно передать или очень коротко – ‘терпимость’, или очень распространено – четырьмя параграфами первой статьи Декларации принципов толерантности, принятой ЮНЕСКО. Слово обладает целой системой терминологических значений и, наряду с этим, возможностью выражать оценочные смыслы (как положительные, так и отрицательные) в языке СМИ и разговорном стиле. Противоречивость семантических характеристик слова объясняется не в последнюю очередь его формально-грамматическими признаками: морфологическими характеристиками и словообразовательными связями.*

***Ключевые слова:** толерантность, компоненты лексического значения, словообразовательные связи, абстрактное существительное, функционально-стилевой аспект употребления слова.*

Сказать по правде, она понятия не имела о том, что такое широта и долгота, но ей очень нравились эти слова. Они звучали так важно и внушительно!

Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес

В самом конце XX века слово *толерантность* из пассивного лексического запаса перешло в сферу активного функционирования в русском языке. Если судить по статистике, представленной в Национальном корпусе русского языка, число словоупотреблений существенно увеличивается к 2000 году и резко возрастает начиная с 2009 года [9].

Любопытно, что слово *толерантность* не просто стало лексемой, выражающей комплекс смыслов, а оказалось объектом активного лингвистического рефлексирования как со стороны ученых, так и со стороны широкой читающей / пишущей публики. Показательна в этом отношении реплика одного из участников интернет-форума «Вы за или против школьной формы?» (2007): «Толерантность – модное сегодня слово российского политического и научного лексикона» [9]. На запрос по слову *толерантность* поисковик научной электронной библиотеки eLIBRARY выдал около 17 000 названий работ разной направленности, среди которых встречаются и те, что нацелены на изучение многозначности данного слова [1; 7].

Краткий, но весьма информативный и систематизированный обзор научной литературы, посвященной данному слову, представлен в коллективной монографии «Идиостилика научной речи», шестая глава которой посвящена толерантности в научной коммуникации [12]. *Толерантность* за относительно короткий отрезок времени стала специальным предметом изучения для целого ряда научных дисциплин: правоведения, политологии,

правоведения, политологии,

социологии, психологии, педагогики, культурологии и, конечно, филологии (особенно ее коммуникативно-ориентированных направлений).

Нас интересуют собственно лингвистические аспекты описания слова *толерантность*, ставшего настоящим феноменом русского литературного языка конца XX и первых десятилетий XXI века.

В толковых словарях практически невозможно найти словарную статью, посвященную *толерантности*. Традиционное описание лексического значения слова представлено в Словаре иностранных слов: «*Толерантность* (< лат. *tolerantia* терпение) – 1) терпимость, снисходительность к кому-либо чему-л.; 2) *биол., мед.* полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т. е. потеря (или снижение) организмом животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение (ср. *сенситивизация I*)» [10, с. 498]. В английском языке, если судить по данным Англо-русского словаря В.К. Мюллера, система лексических значений слова *толерантность* носит более сложный характер. В словаре приведены два существительных: во-первых, существительное *toleration* ('терпимость'), связанное с глаголом *tolerate* (1. 'терпеть, выносить'; 2. 'допускать, позволять'; 3. *мед.* 'быть толерантным'); во-вторых, существительное *tolerance*, имеющее четыре значения: 1. 'терпимость'; 2. *фин.* 'допустимое отклонение от стандартного размера и веса монеты'; 3. *тех.* 'допуск'; 4. *мед.* 'толерантность'. Кроме того, в словаре приводятся прилагательные *tolerant* (1. 'терпимый'; 2. *мед.* 'толерантный') и *tolerable* (1. 'сносный; терпимый'; 2. 'удовлетворительный, довольно хороший'; 3. *разг.* 'чувствующий себя вполне удовлетворительно') [8, с. 734].

В отечественной лексикографии, как и во многих случаях общего, неспециального словоупотребления, *толерантность* ассоциируется с *терпимостью*. С иронией по этому поводу говорит В.Г. Костомаров: «Переизбыток иностранных наименований при наличии равноценных русских вызывает попытки как-то их различать, чтобы оба счесть нормой. Так, *терпимость* и ее иноязычная соперница *толерантность* разводятся семантически (верующий-де, не становясь терпимым, обязан быть толерантен к атеистам, чтобы избежать кровопролития) и даже помещаются обе в нормативные словари» [6, с. 189].

Естественно, что у слова *терпимость* более широкие словообразовательные связи и более объемная и сложная система лексических значений. В Толковом словаре русского языка Н.Ю. Шведовой существительное *терпимость* помещается в словарной статье прилагательного *терпимый* и соотносится только с одним из значений прилагательного – 'умеющий без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению' [14, с. 979]. Однако внутренняя форма слова заставляет актуализиро-

вать смыслы, обусловленные родственными связями с глаголом *терпеть* (*стерпеть*), с прилагательным *терпеливый*. И даже устаревшая номинативная единица *дом терпимости* стимулирует появление определенных ассоциаций.

Этимология глагола *терпеть* любопытна с точки зрения оценочных коннотаций, сопровождающих использование не только слова *терпимость*, но и слова *толерантность*. Общеславянское по своему происхождению слово *терпеть* имеет широкий круг соответствий в индоевропейских языках: например, литовское *tirpti* – 'цепенеть', немецкое *sterben* – 'умирать'. В Этимологическом словаре Н.М. Шанского для глагола *терпеть* в качестве первоначального отмечается значение 'неметь, твердеть, застывать' [15, с. 441]. Таким образом, слова *толерантность* и *терпимость* связаны синонимическими отношениями.

Историко-этимологические и словообразовательные связи слова *терпимость* привносят в его значение дополнительные смыслы, в том числе и отрицательно-оценочного характера. Эти смыслы могут приписываться и слову *толерантность* через отождествление данных понятий. Хотя заимствованное слово, не имеющее в русском языке разветвленной системы значений, в какой-то степени защищено от буквального понимания, близкого народной этимологии. По меткому замечанию В.Г. Костомарова, «чужое слово всегда мягче родного» [6, с. 189].

Словоизменительные возможности слова *толерантность* ограничены, так как оно относится к существительным 3-го склонения, разнообразие падежных форм которого минимально: *толерантность, толерантности, толерантностью*. Словообразовательные связи остаются весьма скромными: качественное прилагательное *толерантный*, имеющее краткую форму *толерантен*; производное от него качественное наречие *толерантно*; производные от *толерантности* существительные с отрицательными приставками и противоположным значением (однокорневые антонимы) *интолерантность, нетолерантность*, окказиональное *толеразм* и жаргонное *толеруха*. Незрелость словообразовательных связей, по-видимому, объясняется наличием суффикса *ость*. Слова на *-ость*, как правило, завершают словообразовательную цепочку, так что для слова *толерантность* открыто только обратное словообразование: окказионально могут появиться какие-нибудь *толеранты* или *толеры*.

Обратим внимание на то, что абстрактное существительное *толерантность* мотивировано качественным прилагательным и, являясь производным словом, включает в свою семантическую структуру компоненты качественного значения. Качественное прилагательное, в свою очередь, выражает точку зрения говорящего на предмет, а, следовательно, признак, обозначенный каче-

ственным прилагательным, является субъективно воспринимаемым. По мнению Л.Л. Буланина, можно выделить две группы качественных прилагательных: **качественно-оценочные** и **собственно качественные**. Первые обозначают «переменный признак. По отношению к предмету такой признак выступает как оценка, даваемая говорящим» [2, с. 72]. А вторые «называют признак как абсолютный, не зависящий от его оценки говорящим. Таковы прилагательные *немой, босой, голый, пустой, слепой, больной, желтый, пресный...*» [2, с. 72].

На наш взгляд, прилагательное *толерантный* относится к первой группе и обозначает субъективно воспринимаемый признак. Качественные прилагательные в целом, как единый лексико-грамматический разряд, «считаются “классическими” предикатами, так как не включают никаких других сем, кроме предикативных. Значение качественных прилагательных гомогенно, оно плохо делится на семы, характеризуется подвижностью в зависимости от содержания денотата, к которому относится признак, и имеет тенденцию к отрыву от денотата и сдвигу в соседние семантические зоны» [4, с. 397]. Помимо семантических особенностей интересно отметить и тот известный школьным грамматикам факт, что дифференцирующим признаком качественных прилагательных является возможность образовывать от них абстрактные существительные, что мы и наблюдаем в словообразовательной паре *толерантный – толерантность*. Этот элемент «эпидигмы» представляет собой строго обусловленную языковой системой единицу, и ее функционирование остается предсказуемым из-за консервативных, традиционных морфологических закономерностей.

Абстрактные существительные (к ним относится и слово *толерантность*) в отличие от других лексико-грамматических разрядов существительных не обладают денотативным значением, а наделены только тем смыслом, который подразумевает говорящий. Перефразируя слова А. Гайдара из повести «Чук и Гек», мы можем сказать: «Что такое *счастье, красота, доброта, справедливость, толерантность* – это каждый понимает по-своему». Парадокс абстрактных существительных заключается в том, что они обозначают крайне неопределенные понятия, как будто специально созданные для субъективного толкования, и в то же время абстрактные существительные часто используются как термины, то есть слова, обладающие строгим, объективированным значением.

Заметим, что морфологические характеристики существительного *толерантность* в современном русском языке модифицируются: слово используется не только как нарицательное существительное, но и как собственное (*фонд «Толерантность»*, учебная программа *«Толерантность»*). Имена собственные лишены понятийного содержания,

их значение ограничено соотношением с предметом обозначения. Морфологическая природа слова *толерантность* противоречива и придает его лексическому значению такие признаки, как неопределенность и субъективность, несмотря на мощную работу нашего общества (формализованных социальных групп, включая научное сообщество), направленную на усвоение, осознание и даже конструирование данного понятия.

Активизация слова *толерантность* в конце 90-х гг. XX века обусловлена, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, в это время из-за существенных изменений в политической и экономической жизни нашей страны усилилась тенденция к обновлению лексики русского языка. Как пишет Н.С. Валгина, «коренные изменения, произошедшие в 90-е гг. XX века во всех сферах нашей жизни, серьезным образом сказались на словарном составе русского языка... который... в конце XX столетия в буквальном смысле переживает неологический бум» [3, с. 75]. Во-вторых, само слово *толерантность* в то время было использовано в названии конкретных документов, принятых международными организациями и поддержанных правительственными актами Российской Федерации. Речь идет о «Декларации принципов толерантности» (резолюция 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.) и о постановлении Правительства РФ от 25 августа 2001 г. «О федеральной целевой программе “Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)”».

В документах использование слова *толерантность* необходимо для указания на преемственность и иерархическую связь между законными актами. Лексический повтор в официально-деловом стиле используется как средство связи не только между фрагментами текста, но и между целыми текстами. Именно официально-деловой стиль, на наш взгляд, активизировал использование слова *толерантность* в российском обществе. Указанные документы стимулировали появление производных законных актов и официальных наименований, таких, например, как Институт толерантности при ВГИБИЛ, фонд «Толерантность», международная премия имени М. Волошина «За продвижение идей толерантности», учебные программы «Толерантность» и т. д.

В документах слово *толерантность* наделается терминологическим значением. Например, в «Декларации принципов толерантности» статья 1 посвящена определению *понятия толерантности* (или *терпимости* – в зависимости от перевода и установок авторов сайта). В четырех параграфах даются довольно пространственные указания, как следует трактовать данное понятие. Говорится, в частности, что толерантность «означает уважение, принятие и правильное понимание бо-

гатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности...; это не уступка, снисхождение или потворство...; это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка... Проявление толерантности... означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими...» [5]. Данное определение (дефиниция) часто цитируется не только в деловой или научной литературе, но и в медийных текстах с установкой на разговорность. Следует отметить, что дефиниция термина по большому счету сохраняет свою актуальность только в границах своего текста. При использовании термина в ином контексте следует заново определять его значение, так как неизбежны семантические «сдвиги».

Роль правовых актов в современной России усиливается, что проявляется, в частности, и в повышенном внимании журналистов к разнообразным официальным текстам. Официально-деловая терминология переключивается в язык СМИ, утрачивая при этом исходное терминологическое значение.

Можно считать устоявшимся представлением о том, что именно язык СМИ сейчас активно синтезирует формы и смыслы современного русского литературного языка. По словам Г.Я. Солганика, «язык СМИ находится в центре стилистической системы современного русского языка, оказывая сильное воздействие на все речевые жанры, практически на весь литературный язык. Многие словесные новшества, прежде чем получить всеобщее распространение, возникают и апробируются именно в языке СМИ» [16, с. 4].

СМИ выступают в качестве площадки для общения между организованными коллективами адресантов и массовым, но рассредоточенным адресатом [11, с. 14–15]. В языке СМИ слово подвергается семантическим трансформациям, которые подчас носят противоположно направленный характер. С одной стороны, слово теряет специфические компоненты своего значения, десемантизируется, оказываясь включенным в разнообразные контексты и получая способность выражать окказиональные смыслы. Например, в однородном ряду и с последующей общей положительной социальной оценкой лексико-семантические очертания слова *толерантность* просто расплываются: *Далее идут свобода, демократия, правопорядок, справедливость, толерантность – то, что позволяет каждому ощущать себя личностью, равноправным и защищенным членом общества* («Наука и жизнь»). Однородный ряд, задающий синонимичные отношения, позволяет понимать *толерантность* как ‘сердечность, доброжелательность’: *...Великодушные казахского народа, его сердечность, толерантность, способность к сопереживанию люди оценили сполна*

(«Родина») В других случаях можем увидеть фразы типа *полная толерантность к самому себе* (‘отсутствии критического отношения’), *корпоративная толерантность и улыбочивость* (‘жизнерадостный, предупредительный, во многом рекламный образ – манера поведения представителя компании’).

С другой стороны, массовое производство текстов СМИ и одновременно с этим сжатые временные рамки, отводимые на обработку текста, приводят к появлению стереотипных контекстов и, как следствие, к сужению лексического значения слова. Например, в атрибутивных словосочетаниях *национальная толерантность, религиозная толерантность, поколенческая толерантность, возрастная толерантность* прилагательное обозначает сферу применения данного понятия, а само слово *толерантность*, очевидно, обозначает отсутствие враждебного, или конфликтного, отношения.

Отметим, что для формирования языковой нормы, в том числе и лексической, предполагающей использование слова в соответствии с его лексическим значением, необходимо время. Сейчас слово *толерантность* переживает процесс усвоения русскоговорящей публикой.

Эксперименты, описанные в монографии И.А. Стернина [13] и относящиеся к двухтысячному году, свидетельствуют о том, что слово пока не стало нам родным и понятным, но работа по его освоению идет. Проведенный нами в 2016 году опрос студентов филологических специальностей показал, что в сознании людей, получающих высшее образование, установилась прочная связь между такими словами, как *толерантность и культура, терпение, взаимопонимание*.

Толерантность определяется как отношение к другим людям (без указания отличий), или к людям *другой национальности, другого вероисповедания, другой расы, других взглядов и убеждений (другого мировоззрения), другой культуры*. Эти характеристики являются наиболее частотными. Реже в анкете указывались люди *другого возраста, социального положения и образа жизни, сексуальной ориентации, ограниченных физических и умственных способностей, разных интересов*. В качестве объекта толерантного отношения несколько раз называли *человека, как он есть – с его достоинствами и недостатками*. Единичные ответы связывали толерантность с уважением к чужой стране, к политическому выбору, к чужим традициям и праздникам, к другой кухне, весу и росту человека, к его предпочтениям и вкусам. Встретились и такие формулировки, как *терпимое отношение к конфликтной стороне, к недостаткам человека*. Отметим, что в целом толкования слова *толерантность*, данные студентами, соответствуют тому, что представлено в Декларации принципов толерантности, хотя, конечно, и носят существенно более краткий характер.

В анкете было предложено привести примеры толерантного отношения. Большинство опрошенных в данной рубрике продолжали детализировать особенности толерантного отношения и перечислять тех людей, к которым можно проявить толерантность. Однако ряд примеров все-таки был приведен. Среди них есть и отвлеченные указания на бесконфликтное существование, отсутствие претензий или агрессии между разными людьми. Были приведены примеры, конкретизирующие общие условия существования представителей разных культур: *встретились и поговорили по-человечески* (так называемая народная дипломатия); в одном классе (студенческой аудитории) *учатся* представители разных социальных групп или разных темпераментов; в одной организации *работают*, и руководители оценивают их по заслугам, а не по национальному признаку; *проживают* на одной территории; *читают и обсуждают* одну и ту же книгу. Были и совершенно конкретные примеры проявления толерантного отношения: разрешение однополых браков, организация зоны для курящих в общественных местах; в школах специальное оборудование для лиц с ограниченными возможностями; ношение хиджаба в общественных местах. И даже вспомнили, по сути, уже фразеологизм – «бабушку через дорогу перевести».

Отсутствие конкретного, наглядного описания того, как может проявляться толерантное отношение, объясняется разными причинами. Это и этап накопления и усвоения знаний, предполагающий формирование теоретической (абстрактной, фразовой) базы, которая со временем может обрести наблюдениями над тем, как эти теоретические положения проявляются в жизни. Другими словами, необходим жизненный опыт. Кроме того, уклон в теоретизирование, который мы могли видеть в ответах студентов, может быть следствием функционально-стилевых особенностей учебных текстов с максимально обобщенными формулировками, с отсутствием повествовательных фрагментов. Чтение учебной литературы ориентирует на создание текстов-рассуждений и не учит создавать повествовательные тексты, необходимые для того, чтобы привести полноценный пример проявления толерантного отношения в обществе. И, конечно, само понятие *толерантности* недостаточно широко используется нами в повседневном общении, чтобы можно было легко и непринужденно вспоминать житейские ситуации, конкретизирующие наше понимание.

Наблюдения над использованием слова *толерантность* приводят нас к выводу, что в структуре его лексического значения активны семантические компоненты минимум трех групп. Во-первых, обязательна субъектность отношения: кто-то проявляет толерантность по отношению к другому. Субъектно-объектные отношения осложняются тем, что

объект (другие люди) является субъектом, активно функционирующим в общем социальном пространстве. Поэтому слово *толерантность* так или иначе сопрягается с темой конфликта: *попробуй-те сохранить европейскую толерантность при развитии московского скандала; толерантность завоевателей Индии к творчеству местных интеллектуалов; противопоставить мутной волне межэтнической неприязни, замешанной на пред-рассудках, можно только толерантность* [9]. Во-вторых, в слове концентрируется представление о «политической географии». Важно, в каком государстве толерантность является усвоенной или объявленной частью жизни: *национальная толерантность воспитывается у американцев с раннего детства; России толерантность несвойственна; толерантность присуща европейской цивилизации* [9]. В-третьих, актуализировано настоящее время: принципы толерантности отвечают требованиям современности, а слово *толерантность* является модным: *давит модная толерантность, многотрудный социум любит терпеть; сейчас толерантность в Российском обществе растет или снижается; в последние несколько лет я замечаю растущую зрелость и толерантность среди нерелигиозного населения* [9].

В лексическом значении слова *толерантность* (при любой его трактовке) очень сильны оценочные компоненты. Способность оценки менять свои значения (от положительного к отрицательному и наоборот) влияет на функционирование слова в современном русском языке. То, что в регламентированном тексте определяется как положительное явление, при неофициальном и заинтересованном рассмотрении может превратиться в свою противоположность: *толерантность у них в основном на экспорт; наша толерантность лишь умение закрывать глаза на очевидные вещи; фантастическая толерантность – окна вставляет, а на мусорные горы не обращает внимания* [9]. Не только ироничное использование слова, но и вполне серьезный контекст актуализирует отрицательное оценочное значение слова *толерантность*. Обыгрывание не только политического, но и медицинского термина можно увидеть в следующем примере: *повсеместная толерантность по отношению к криминализации общества* [9].

Таким образом, в слове *толерантность* многое кажется противоречивым. Строгая терминологичность значения взаимодействует с оценочными, окказиональными, а иногда и жаргонными смыслами. Разнообразие значений контрастирует с ограниченными словообразовательными связями и практически отсутствующей системой словоизменения. Грамматическая определенность и продуктивная словообразовательная связь с качественным прилагательным *толерантный*, по-видимому, не позволят существительному выйти из зоны оце-

ночных смыслов. Добавим, что актуальность социальных проблем, обозначаемых данным словом, и эстетическая значимость фонетического облика, по-видимому, обеспечат слову *толерантность* преимущества в конкурентном сосуществовании со словом *терпимость*, которое к тому же обременено негативными коннотациями из-за словообразовательных и историко-этимологических связей. Перспективным в изучении слова *толерантность* представляется сопоставление его лексико-семантических вариантов, функционирующих в разных сферах русского языка, а также в различных европейских языках.

Библиографический список

1. *Аболин Б.И.* Слово *толерантность* в русской лексикографии: основные элементы значения // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 2 (20). – С. 118–120.
2. *Буланин Л.Л.* Трудные вопросы морфологии: пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1976. – 207 с.
3. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
4. *Вольф Е.М.* Прилагательное // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Декларация принципов толерантности: утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. – Режим доступа: www.tolerance.ru (дата обращения: 10.09.2016).
6. *Костомаров В.Г.* Язык текущего момента: понятие правильности. – СПб.: Златоуст, 2014. – 220 с.
7. *Кох Н.И.* О различиях в понимании термина *толерантность* // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 86–92.
8. *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь. – М.: Русский язык. – 1992. – 843 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 08.08.2016).
10. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1988. – 608 с.
11. Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 416 с.
12. *Соловьева Н.В.* Толерантная / интолерантная манера автора в научной коммуникации // Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / М.П. Котюрова, Л.С. Тихомирова, Н.В. Соловьева; ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права». – Пермь, 2011. – С. 266–341.
13. *Стернин И.А., Шилихина К.М.* Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж: Кванта, 2001. – 187 с.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Азбуковник, 2011. – 1175 с.
15. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
16. Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 232 с.

Иванов Дмитрий Игоревич

кандидат филологических наук, профессор
Гуандунский университет международных исследований, Китай
ivan610@yandex.ru

Иткулов Сергей Зуфарович

кандидат культурологии
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. академика Д.К. Беляева
italian.sergey79@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОНСЕНСА КОНЦА XX ВЕКА

В статье проведен анализ формирования и освоения когнитивно-прагматической программы моделирования синтетической языковой личности в русской нонсенс-культуре конца XX века на основе когнитивного взаимодействия двух субъектов – субъекта-источника и субъекта-интерпретатора. Дается классификация различных уровней освоения данной программы: диалогические отношения субъекта-источника и субъекта-интерпретатора, основанные на сопоставлении и частичном противопоставлении когнитивно-прагматических программ (КПП); освоение и принятие КПП субъекта-источника и ее актуализация субъектом-интерпретатором; освоение и модернизация КПП субъекта-источника в контексте КПП субъекта-интерпретатора; глубокое освоение (полное принятие) КПП субъекта-источника и дальнейшее моделирование своей КПП по ее принципам.

Предпринимается попытка представить когнитивно-прагматическую программу как возможность моделирования новых фреймов и выстраивания межфреймовых связей, так как субъект-интерпретатор может актуализировать самые различные смыслы, заложенные в КПП субъекта-источника, в том числе и такие, которые могут противоречить смыслу, заложенному в КПП субъектом-источником.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматическая программа, нонсенс, смысл, игра, семантика, структура, язык, фрейм.

В работе «Логоцентрическая модель синтетической языковой личности в пространстве русской рок-культуры» Д.И. Иванов отмечает, что в «пространстве классического рок-дискурса возрождение жизнотворческого принципа моделирования синтетической языковой личности (СЯЛ) является закономерным явлением, так как “героические восьмидесятые” характеризуются предельной романтизацией личности и культурного пространства в целом, в котором рок-поэты стремятся построить идеальную модель мира» [2, с. 149]. По мнению исследователя, утверждение принципа жизнотворчества как фундаментальной основы логоцентрической модели СЯЛ приводит к «формированию когнитивно-прагматической программы (КПП) моделирования СЯЛ» [2, с. 150]. В основе данной программы лежат когнитивные интенции личности, направленные на поиск, освоение и переработку уже сформированных в пространстве культуры и получивших статус «идеальных», универсальных КПП. В связи с этим интересно рассмотреть формирование КПП синтетической языковой личности в русской литературе нонсенса конца XX века. Нами не случайно выбран данный период. Развитие культуры русского литературного нонсенса в конце XX века идет параллельно с развитием рок-культуры данного периода, поэтому представляется интересным проследить сходство и различие в формировании КПП синтетической языковой личности данного социокультурного пространства.

Структура логоцентрической модели СЯЛ формируется на базе «когнитивного взаимодействия двух субъектов: субъекта-источника и субъекта-

интерпретатора» [2, с. 187]. При этом следует отметить, что, в отличие от рок-культуры, в культуре нонсенса присутствует лишь вербальный компонент СЯЛ (в рок-культуре присутствуют также музыкальный, артикуляционный и имиджевый компоненты). Кроме того, творчество нонсенс-поэтов развивается более спокойно, чем творчество рок-поэтов, без каких-либо противостоящих направлений и негативных оценок. В связи с этим в русской литературе нонсенса отсутствует такой вариант освоения КПП, как противостояние КПП субъекта-источника и субъекта-интерпретатора, что характерно для русской рок-культуры [2].

В то же время довольно часто в русской нонсенс-культуре проявляется вариант освоения КПП «диалогические отношения субъекта-источника и субъекта-интерпретатора, основанные на сопоставлении и частичном противопоставлении когнитивно-прагматических программ» [2, с. 241]. В качестве примера подобного освоения можно привести стихотворения Т. Собакина «Одиноко» и А. Усачева «Жители Антарктиды». Персонажами обоих стихотворений являются пингины, однако Т. Собакин придает образу пингина романтический ореол, тем самым отрицая традиционный образ пингина как птицы глупой и злобной и утверждая право последнего на поиск родственной души: «Одиноко... / Ветер свищет, / Вероломно дует в грудь. / А пингвин упорно ищет / Хоть кого-бы-то-нибудь!.. / С ледяной ныряет глыбы / В бесконечный океан, / Но и там, помимо рыбы, / Не встречает никого» [7].

Что же касается А. Усачева, то в своем стихотворении поэт также отрицает традиционный образ пингина, но утверждает прямо противоположный

образ – не только не ищущий родственную душу, но и не нуждающийся в таковой и вообще не имеющий души, в силу чего образ пингвина в стихотворении приобретает сатирический характер: «Все, как один, носят чёрные фраки. / Все, как один, удирают из драки. / В драку бросаются все, как один, / Если увидят, что ты не Пингвин. / Все, как один, ничего не читают. / Все, как один, никогда не летают. / Все, как один, проживают среди льдин. / Все, как один, носят имя – Пингвин» [9].

Таким образом, мы видим, что внешнее, формальное взаимодействие когнитивно-прагматических программ, которое впоследствии может трансформироваться во взаимодействие семантическое, реализуется уже на уровне актуализации одного или нескольких одинаковых (похожих) образов (концептуальных элементов текста), получающих различную интерпретацию в поэтологических системах и КПП разных нонсенс-поэтов.

Довольно ярко в нонсенс-культуре конца XX века проявляется и такой вариант освоения КПП, как «освоение и принятие КПП субъекта-источника и ее актуализация субъектом-интерпретатором в контексте конкретной рок-композиции (в данном случае – нонсенс-произведении)» [2, с. 241]. Отметим, что в нонсенс-культуре очень популярен прием, когда объекту приписываются качества, ему несвойственные. Очень часто таким качеством оказывается умение летать. Например, в английском стихотворении «Hey, diddle, diddle!» упоминается корова, прыгнувшая через луну (*the cow jumped over the moon*). Впоследствии образ летающей коровы встречается в повести П. Трэверс «Мэри Поппинс», стихотворении В. Смита «Про летающую корову», в стихотворении А. Каптарь-Миденковой «Пернатая корова» и в других произведениях.

Отдельно следует сказать о том, что аналоги подобных образов встречаются в философском труде Г. Сковороды «Диалог. Имя ему – Потоп Змиин». В этом трактате украинский философ рассуждает: «На что Изекииль приправил им всем крылья, дабы сверх орлов быки и коровы по поднебесной летали? На то, дабы взлетали к единому началу, сиречь к солнышку. Он не приправил, но провидел, что они все крылатые» [6, с. 152]. С уверенностью можно говорить о том, что изначально библейский, мифологический мотив «неделения субъекта несвойственными ему предикатами» со временем трансформируется и отчасти «конкретизируется», утрачивая первоначальное мифологическое содержание. В трактате Г. Сковороды наглядно выражена мысль о единстве человека, природы и Бога – абсолютный синтез, являющийся конечной целью нонсенса, который мы понимаем как специфическую, эпистемологическую категорию, выходящую за пределы обычного смысла с целью познания и возрождения мира. В творчестве нонсенс-поэтов конца XX века данная КПП получает активное освоение

Так, в стихотворении А. Усачева «Вечер» есть такие строки: «Полны человечьей крошки, / Летели трамваи, звеня. / Носились над городом кошки, / Хвостами мохнато дымя». Образ кошки достаточно популярен в нонсенс-культуре и может рассматриваться как своеобразный символ высших сил» [3, с. 63–65]. Кошки над городом – это своего рода «ангелы». Поэт как бы указывает на покровительство свыше людям, превратившимся в «крошку».

Таким образом, мы видим, что образ «крылатого существа», «появляющийся» в текстах Г. Сковороды и, соответственно, в структуре его КПП, получает особую актуализацию и интерпретацию в поэтических текстах А. Усачева. Возможно, это происходит неосознанно, но нам в данном контексте важен сам факт подобной актуализации, указывающий на взаимодействие КПП этих авторов. Нечто подобное мы встречаем и в творчестве Д. Родари. Например, в повести «Джип в телевизоре» мальчик Джип, оказавшись в искусственном спутнике, обнаруживает рядом с собой котенка (намек на покровительство свыше). В результате осознанного / неосознанного заимствования и переосмысления одного и того же образа и мотива возникает феномен семантического взаимодействия КПП этих авторов.

Еще более оригинальное освоение эта КПП получает в творчестве Т. Собакина, создавшего образ летающего бегемота: «Вот летают бегемоты / Над журчащим ручейком. / Я бегу, обутый в боты, / С фиолетовым сачком...» [8] или «Как-то раз в конце субботы / В наши сельские края / Прилетели бегемоты, / Будто стая журавлей...» [8]. Бегемот обладает самой «нелетабельной» комплекцией, но именно это и привлекает автора. Заметим, что в творчестве поэта образ бегемота занимает особое место: в произведениях Т. Собакина бегемоты выходят на прогулку под зонтиком и в галошах, прыгают через лужи, гоняются за мухой, совершают переход через Северный полюс, а в вышеупомянутом стихотворении «Одиноко» автор сетует на то, что бегемоты не живут в Антарктиде. Вполне возможно, что образ бегемота в творчестве Т. Собакина являет собой воплощение оптимизма и радости. Здесь можно вспомнить весьма популярный в 1920-е гг. сатирико-юмористический журнал, который имел такое же название («Бегемот»).

В итоге можно сделать вывод о том, что «образ летающего существа» (вербализованный в трудах Г. Сковороды), выступает в качестве объединяющего концептуального кода КПП названных авторов, но по-разному ими интерпретируется. Например, в текстах А. Усачева это «кошка», у Т. Собакина «бегемот», у В. Смита «корова».

Реже в русской нонсенс-культуре встречается такой вариант, как «освоение и модернизация КПП субъекта-источника в контексте КПП субъекта-интерпретатора» [2, с. 242]. Однако определенное освоение данной КПП в русском нонсенсе конца

XX века всё же присутствует. Например, в рассказе Э. Дворкина «Анна Аркадьевна» главный герой живет в двух мирах – реальном и мире романа Анна Каренина, где безуспешно пытается изменить ход романа и поражает персонажей своим знанием их самых сокровенных мыслей. Показательным является финал: «Анна смотрела на высокие чугунные колеса второго вагона. Она перекрестилась и в то же мгновение, когда середина между колесами поравнялась с нею, упала под вагон. В ту же долю секунды какая-то мощная сила выбросила ее оттуда, и Анна, путаясь в платье, кубарем слетела с насыпи. Она не успела даже ужаснуться. Вытолкнув Анну, Сергей Мыльников сам из-под колес вывернуться не успел. Что-то огромное, неумолимое толкнуло его в голову и потащило за спину. Ему показалось, что где-то, уже далеко, в другом мире, отчаянным голосом закричала женщина [жена Мыльникова]» [1]. В данном случае автор трансформирует КПП субъекта-источника, которым является даже не нонсенс-поэт, а русский классик, и адаптирует последнюю под свою КПП. В результате возникает весьма оригинальное явление: персонаж, наделенный знанием субъекта-источника, не только живет, но и погибает в двух мирах. Последствием этого явления становится изменение обоих миров, так как в реальном мире данного персонажа больше не существует, а в мире романа «Анна Каренина» остается жива главная героиня, что тоже влечет за собой изменение хода романа (но об этом в рассказе не говорится). Мы видим, что данное освоение КПП в русском нонсенсе может стать очень продуктивным в силу возможности открытия новых смыслов различных произведений. Однако, повторимся, в конце XX века данный вариант не получает достаточного развития.

Совсем иную картину можно наблюдать в таком варианте освоения, как «глубокое освоение (полное принятие) КПП субъекта-источника и дальнейшее моделирование своей КПП по ее принципам» [2, с. 242]. В качестве примера можно указать КПП Д. Родари, разработавшего теорию «бинома фантазии»: «Рассказ может возникнуть лишь из “бинома фантазии”. Надо, чтобы два слова разделяла известная дистанция, чтобы одно было достаточно чуждым другому, чтобы соседство их было сколько-нибудь необычным, – только тогда воображение будет вынуждено активизироваться, стремясь установить между указанными словами родство, создать единое, в данном случае фантастическое, целое, в котором оба чужеродных элемента могли бы сосуществовать. Вот почему хорошо, когда “бином фантазии” определяется случаем» [4, с. 25]. В исследованиях, посвященных нонсенсу, указывается, что в этом «нелогичном», формально бессмысленном, парадоксальном мире нет (или почти нет) звезд, планет, бескрайних морей, зато есть мухи, ступеньки, полицейские, весы и т. п. Это не

случайно: близкое, знакомое и материальное сознанию легче контролировать, чем далекое, непривычное и бесплотное. А потому слово (как форма материального сознания) в нонсенсе – основной строительный материал [10, с. 84]. Однако Д. Родари справедливо замечает, что слово оживает лишь тогда, когда встречается другое, его провоцирующее, заставляющее сойти с рельсов привычки, раскрыть новые смысловые возможности: «Отдельно взятое, слово “шкаф” не заставит ни смеяться, ни плакать. Оно инертно, бесцветно. Но “шкаф” в паре с “псом” – это совсем другое дело. Это уже открытие, изобретение, стимул» [4, с. 25].

КПП Родари играет ключевую роль в творчестве самых разных нонсенс-поэтов конца XX века. Суть бинома фантазии состоит в том, что берутся два несопоставимых понятия и придумывается история. Причем слова, обозначающие эти понятия, выводятся из традиционного семантического ряда. Попав в непривычный контекст, каждое из этих слов получает особую притягательность. Для примера приведем названия некоторых произведений Родари: «Дворец из мороженого», «Шоколадная дорога», «Война колоколов», «Фиалка на Северном полюсе», «Лифт к звездам», «Космический цыпленок», «Движущийся тротуар», «Торт в небе». Одни только названия данных произведений предполагают многообещающие истории. То же самое происходит в творчестве русских нонсенс-поэтов. Мы уже указали на проявление бинома фантазии, который основан на приемах антитезы, олицетворения, антропоморфизма и индетерминизма, в творчестве Т. Собакина: “бегемот – полет”, “бегемот – зонтик и галоши”, “бегемоты – Северный полюс”.

Нечто подобное можно наблюдать в творчестве А. Усачева: из груди мужчины растет цветок («Любовь»), пчелы собирают с человека мед («Весенняя песня»), человек поселяется на облаке и сливается с ним («Облако»), сны транслируются как телепередачи («Теле-сны»). Оригинальный бином фантазии можно наблюдать в рассказе В. Верижникова «Пианист», где главный герой находит в лесу пианино, за которым сидит скелет во фраке. Важно, что автор не объясняет откуда в лесу появилось пианино и в чем причина смерти пианиста. Заметим, что это объяснение, в соответствии с принципами художественно индетерминизма, излишне.

Итак, мы можем сделать вывод, что когнитивное взаимодействие субъекта-интерпретатора и субъекта-источника в рамках моделирования когнитивно-прагматической программы в русской нонсенс-культуре происходит по-разному. При этом следует заметить, что субъект-интерпретатор может актуализировать самые различные смыслы, заложенные в КПП субъекта-источника. Таким образом, мы имеем дело с особым способом моделирования КПП, где исходная КПП автора формируется на базе семантического взаимодействия

с КПП других авторов. Впрочем, как замечает Е. Сапогова, возможно и построение фрейма (в нашей интерпретации, фрейм это часть КПП), в котором субъекты будут находиться вне собственных смыслов. В качестве примера исследовательница приводит игру с детьми, где перед ними ставится задача создать новый фрейм и описать в нем новые свойства знакомых вещей (например, про чайник дети говорили, что это могут быть фрукты с железного дерева) [5, с. 43–44]. Данный вид моделирования КПП предполагает и включение в него читателя; читатель становится участником и в какой-то степени соавтором данной игры, так как мышление читателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым», что позволяет породить новые миры и открывать новые смыслы.

Библиографический список

1. *Дворкин Э.* Анна Аркадьевна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knigopisk.org/authors/eduard_dvorkin (дата обращения: 23.05.2014).
2. *Иванов Д.И.* Логоцентрическая модель синтетической языковой личности в пространстве русской рок-культуры. – Иваново: Талка, 2015. – 524 с.
3. *Иткулов С.З.* Нонсенс и гротеск как формы смысла в художественной картине мира Н.В. Гоголя: дис. ... канд. культурологии. – Шуя, 2009. – 166 с.
4. *Родари Д.* Грамматика фантазии. – М.: Самокат, 2013. – 240 с.
5. *Сапогова Е.Е.* Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – С. 36–44.
6. *Сковорода Г.С.* Диалог. Имя ему – Потоп Змиин: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, – 1973. – 511 с.
7. *Собакин Т.* Одиноко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/forum/post/7090> (дата обращения: 22.09.2016).
8. *Собакин Т.* Прилетели бегемоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ironicpoetry.ru/authors/sobakin-tim/prileteli-begemoti.html> (дата обращения: 19.09.2016).
9. *Усачев А.* Жители Антарктиды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://allforchildren.ru/poetry/birds44.php> (дата обращения: 20.09.2016).
10. *Хоптияйнен О.А.* Смысл или отсутствие смысла // Язык и культура. – 2009. – № 3. – С. 82–87.

Степанова Мария Михайловна

кандидат педагогических наук
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
info@terrainguistica.ru

Ковалева Екатерина Вадимовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
91ekaterina.kovaleva@gmail.comСОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕМОВ
КАК СОВРЕМЕННЫХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье на материале русского, английского и испанского языков рассматриваются современные паремиологические единицы, под которыми понимаются новые единицы языка, передающие культурную информацию и отражающие типичные жизненные ситуации. В статье в сопоставительном аспекте анализируются такие разновидности паремиологических единиц, как интернет-мемы, представляющие собой совокупность графического изображения и краткого текста, содержащего культурную информацию и, факультативно, языковую игру. Доказана правомерность отнесения интернет-мемов к разряду паремиологических единиц. Выявлены сходства и различия интернет-мемов в русской, английской и испанской лингвокультурах в области тематики и языкового выражения. Сделан вывод, что современные паремии, функционирующие в интернет-дискурсе, отражают основные тенденции развития современного общества, в частности глобализацию. Несмотря на юмористический характер современных паремиологических единиц, в них четко отражается общая негативная оценка обществом самого себя, они поднимают и высмеивают актуальные социальные проблемы. Хотя ряд современных паремий содержит отсылки к уникальным реалиям, релевантным только для реципиента, принадлежащего к определенному культурному сообществу, на их примере можно наблюдать постепенное стирание граней культурных различий в интернет-дискурсе.

Ключевые слова: паремиологические единицы, интернет-мемы, интернет-дискурс, интернет-коммуникация, языковая игра, лингвокультура.

Ввиду активного развития информационных технологий одной из самых распространенных форм коммуникации стала интернет-коммуникация, обладающая определенными характеристиками и лингвистическими особенностями. Это позволяет говорить и о существовании такого явления, как интернет-дискурс. В числе наиболее ярких лингвистических черт интернет-дискурса можно назвать переосмысление существующих паремий и создание новых. В контексте процессов глобализации представляется важным сравнительный анализ языковых процессов в интернет-дискурсе на разных языках с целью выявления культурно-ценностных изменений в современном обществе. Одной из важных отличительных лингвистических черт интернет-дискурса является устно-письменный характер коммуникации в сети. Письменная речь в интернете приобретает такую черту устной речи, как одновременность действия, восприятия и реакции, на основании чего можно говорить о возникновении новой формы языкового взаимодействия – письменной разговорной речи [7]. Т.Н. Колокольцева отмечает следующие тенденции языка интернет-дискурса: тенденция к усилению диалогичности, коллоквиализации (разговорности), экспрессивизации общения, а также к глобальному снижению и огрублению речи [5]. Юмор можно расценивать как еще одну характерную черту интернет-дискурса.

В данной статье рассматриваются единицы юмористического содержания, функционирующие в интернет-пространстве, на материале русского, английского и испанского языков. Данный матери-

ал прежде не подвергался типологической классификации и изучению в лингвистическом аспекте по причине его сравнительно недавнего появления и распространения. Мы рассматриваем данные единицы как современные паремии. Под современными паремиологическими единицами (ПЕ) в данном исследовании будут пониматься новые единицы языка, передающие культурную информацию и отражающие типичные жизненные ситуации.

Классическим определением паремии является формулировка Г.Л. Пермякова: «особые единицы и знаки языка», которые «передают специфическую информацию, обозначают типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами» [9, с. 79]. Данное определение выделяет отнесенность паремий к жизненным ситуациям. Типичными чертами паремии являются устойчивость, идиоматичность, нравоучительность, обобщенность [2].

Т.С. Зевахина выделяет следующие характерные черты, на основании которых языковые единицы могут относиться к паремиям: сентенциальность (лексический комплекс построен на основе семантической структуры предложения), народность (отсутствие конкретного авторства), обобщение жизненного опыта как на бытовом уровне, так и на уровне народной мудрости, повторяемость (частая воспроизводимость), передаваемость из поколения в поколение, художественность (использование поэтических средств) [1, с. 93]. Добавим также адресованность, выделенную Л.Б. Кацюба, которая проявляется в таких формах, как личные формы второго лица, повелительное наклоне-

ние [3]. Все эти характеристики присущи кратким высказываниям, популярным сегодня у интернет-пользователей.

На данный момент особый интерес для исследователей представляет сопоставительный анализ паремий на разных языках и изучение трансформаций канонических паремий. А.А. Константинова следующим образом суммирует термины, используемые для определения феномена трансформации устойчивых языковых единиц и самих «продуктов» трансформации в отечественной и зарубежной лингвистике: «языкотворчество», «паремиотворчество», «творческая филология», «неофразия», «фрашка», «антипословица», «квазипословица», «кукизм», «инопословица», «противопословица», «пословичные новообразования» [6].

В. Мидер объясняет популярность трансформаций такой социальной тенденцией, как характерный для современного общества отказ от универсальных, вечных общечеловеческих истин, что приводит к высмеиванию народной мудрости [14]. Антипословицы получили широкое распространение, в частности, в публицистике как средство повышения экспрессивности. По Е.А. Койранской, данная тенденция связана с демократизацией норм языка, а также осознанием вторичности любого текста, что приводит к использованию устойчивых формул наряду с их трансформацией и переосмыслением [4]. Причиной возникновения антипословиц В.М. Мокиенко и Х. Вальтер считают «паремнологическое “сопротивление”» стереотипичности и зачастую идеологизированности традиционных паремий [8]. Кроме того, изменение быта, социальных норм, культуры делают традиционные паремнологические тексты не всегда актуальными.

Современные ПЕ, ставшие популярными в интернете, можно классифицировать следующим образом: мемы, демотиваторы, анекдоты, при сказки, сентенции, антипословицы, искаженные цитаты. Самым распространенным видом является мем. Сам термин «мем» был впервые использован Р. Доукинзом, который понимает мем как культурную информацию, хранящуюся в мозге наподобие генной информации, хранящейся в ДНК [13]. По его мнению, мем может проявляться в любой форме: это могут быть слова, музыка, картинки, стили одежды, жесты. Данное понятие было заимствовано для названия нового явления в интернет-среде. Б.Я. Шарифуллин определяет интернет-мем следующим образом: это «слово или фраза, часто бессмысленные, спонтанно приобретшие популярность в интернет-среде» [12, с. 216]. Мемами могут быть и изображения, что является примером вербально-иконической речевой игры.

Таким образом, мы определяем мем как совокупность графического изображения и краткого текста, содержащего культурную информацию и, факультативно, языковую игру. Мемы обладают рядом спец-

ифических черт, среди которых соединение графического изображения с текстом, комбинаторика, закрепленность за каждым мемом названия. Характерной чертой мемов является визуализированная интертекстуальность – интериконичность, то есть ситуация коммуникативного взаимодействия, при которой прецедентный текст является не вербальным, а визуальным [11, с. 100]. Графические образы персонажей повторяются в новых мемах. Текст варьируется, но изображение несет в себе определенную информацию, модель, которая, хоть уже и не соотносится с исходным вариантом, но заключает в себе характерные оттенки смысла.

Следует отметить несколько особенностей, общих для всех типов современных паремий в рассматриваемых языках.

1. Эллипсисы: *Not sure if attracted to character... or actor playing character; Guests coming over – hide junk in closets.*

2. Звукоподражание, создание иллюзии реальной разговорной речи (устно-письменный характер интернет-дискурса): *Pfffff, Aww Yea, Фуииииииии, Whoa, Da fuq, Y U No (=you know), Oh..., Чего него, починить не мог, чтоль?, свееееееенькие, Фууууууух, ээээээ, неее, ой и т. д., авееееееер, аиии.*

3. Ругательства и жаргонная лексика: *Why does my retarded son listen to this fucking duck and not to me?; Not sure if I'm calm because I studied enough.. or because I don't give a shit anymore; Получила зарплату. Банкомат издал какие-то странные звуки... Думаю – ржал; Правда, что у вас в России медведи прямо по дорогам ходят? – Брехня! Нет у нас никаких дорог.*

4. Орфографические и пунктуационные ошибки, которые часто допущены намеренно с целью создания образа устной речи или изображения определенного диалекта: *TizcozI'mblack, ain'tit; Ишь как вырядилась-то проститутка.*

5. Наличие языковой модели, которая повторяется из мема в мем и имеет фиксированную часть и варьирующуюся часть. Например: *Meanwhile in X, One doesn't simply X, That X moment when X, Not sure if X or Y, Go home X, you are drunk, X they said, Y they said.*

Поэтические приемы:

1. Архаизмы: *Светку вчера на карете подвозили – профурсетка, наверное; Гой еси, путник! Поди сюды! – Здрав будь, добрый молодец! – Кушет с табаком есть? – Не дымлю я, с детства не приучен. – Пошто дерзкий такой? Акколь отыщу? – Ну, отыщи, ежели здравием не обижен!*

2. Метонимия: флагаистран Austria – *Austria's greatest accomplishment is convincing the world that Beethoven was Austrian and Hitler was German; Italy – We were really important but now we make shoes; Canada – we love you, England, but get out.*

3. Метафора: *This fish is so oily – America wants to invade it.*

4. Парцелляция: *Новинка! Книга! Уникальный, принципиально новый для молодежи носитель информации! Информация передается в мозг напрямую через глаза! Никаких USB, Wi-Fi и ИК-портов!*

5. Рифма: *Довольно копейки считать год от года! Стань депутатом – воруй у народа!; «Мы против власти олигархов», – три месяца твердил майдан. А кто сейчас об этом вспомнит, тот провокатор и москаль.*

6. Параллелизм: *Раньше студенты учились и подрабатывали, а теперь работают и подучиваются; A woman attacks a man and no one bats an eye – a man attacks a woman and everyone loses their minds.*

7. Повторы: *Smart cars, smart TVs, smart phones... when will they start making smart people?*

8. Обратный порядок слов: *If into your ex's facebook page you go – only pain will you find.*

Ещё одна особенность ПЕ – использование терминов (чаще всего для создания наукообразия, чтобы высмеять его): *«18-летняя Катя, изучавшая психологию с 5-го класса, мечтала не о принце, а о придурке. И, выйдя замуж, в отличие от подруг, не получила морально-психологической травмы»; «Не говори “я люблю тебя”, говори “ты провоцируешь выброс фенилэтиламина в моем мозгу”».*

Самой яркой лингвистической чертой современных ПЕ можно считать языковую игру. Специфика реализации языковой игры в паремиях определяется особенностями самих языков, что создает «непереводимую игру слов». Следует отметить такую общую черту русско- и испано-язычных паремий, как большое число англицизмов.

Интересной особенностью является двойственная природа современных паремий: с одной стороны, они являются отражением современных реалий, сжато описывают бытовые ситуации, типичные характеры, а с другой – являются мощным механизмом стереотипизации сознания за счет ярких образов, запоминающихся персонажей и эксплицитно выраженных ярлыков. Тем не менее стоит учитывать и способность современных паремий

разрушать уже существующие стереотипы, ставить под сомнение устоявшиеся нормы.

Проведенный анализ показал, что практически исключительной чертой русских паремий являются ссылки на художественные произведения и песни, что является примером интертекстуальности. Тем не менее ссылки на телевизионные передачи, фильмы и сериалы являются общей чертой для ПЕ на всех трех языках.

Самые большие отличия наблюдается в тематике паремий. Для сравнения частотности обращения паремий к тем или иным темам был проанализирован 321 образец современных паремий на русском, английском и испанском языках. Были выделены такие темы, как политика, религия, семья, отношения, дискриминация, самоирония, технологии, скатология, быт, языковая игра, учеба, работа.

Под политической тематикой имеются ввиду любые ссылки на политических деятелей или события, а также упоминание государств в шутках. Семейная тематика подразумевает паремии о любых видах семейных отношений: отцов и детей, братьев и сестер, бабушек и внуков, а также о сравнении ценностей и интересов поколений, проблем подростков. Тема отношений включает в себя отношения и борьбу полов, секс, а также сравнение привычек мужчин и женщин. В тему дискриминации входят паремии, которые либо отстаивают права национальных и сексуальных меньшинств, либо высмеивают борьбу за их права, а также паремии на тему иммиграции, расизма и национализма. Тема технологии объединяет все паремии, связанные с телефонами, интернетом, социальными сетями, компьютером, играми и т. д. Под самоиронией подразумеваются все шутки, связанные с привычками, обычаями, особенностями национальности, к которой принадлежит автор и читатель. Паремии на бытовые темы касаются обыденных жизненных ситуаций (например, прием гостей, поездки за границу, проведение свободного времени, привычки, спорт и т. д.). У паремий с тематикой языковой игры самоцелью является создание комического эффекта за счет языковой игры (в эту категорию не

Таблица

Частотность тем ПЕ в русском, английском и испанском языках, в %

Темы ПЕ	Русский язык	Английский язык	Испанский язык
Политика	10,68	12,87	10,09
Религия	0,97	6,93	2,75
Семья	3,88	0,99	11,93
Отношения	11,65	16,83	12,84
Дискриминация	0,00	15,84	3,67
Самоирония	16,50	0,00	10,09
Технологии	12,62	6,93	16,51
Скатология	0,00	3,96	0,00
Быт	16,50	16,83	15,60
Языковая игра	15,53	12,87	5,50
Учеба	5,83	3,96	8,26
Работа	5,83	1,98	2,75

входят паремии, содержащие другие темы). В таблице представлено процентное соотношение паремий различной тематики на трех языках.

Как видно из таблицы, наиболее часто паремии на всех трех языках обращаются к таким темам, как быт, отношения, политика и технологии, что говорит о значимости этих областей жизни в современном обществе. Следует отметить, что за счет анонимности интернет-дискурса пользователи открыто выражают свое мнение по поводу важных событий, тенденций, показывают ситуацию изнутри, привлекают внимание к определенным аспектам жизни и затрагивают обычно табуированные темы.

Высокий показатель категории политики говорит о необходимости людей высказываться на волнующие их вопросы, выражать недовольство политикой своей или других стран. Частотность паремий на бытовую тематику и упоминание технологических инноваций указывают на стремление делиться опытом, отражать новые явления жизни и фиксировать отношение к ним.

Русскоязычные паремии имеют наивысший показатель в таких категориях, как самоирония, отношения и работа. Это свидетельствует о том, что данные понятия составляют основу аксиологических установок и рефлексии русских людей. Кроме того, способность русского человека смеяться над собой является практически уникальной чертой.

Тем временем для испанской аудитории наиболее актуальными темами являются технологии, учеба, семья и отношения. Важность технологий и учебы свидетельствуют в первую очередь о возрасте наиболее широкой аудитории. Семья и отношения, а также гендерные различия являются преобладающей проблемной сферой испанского общества.

Для англоязычной аудитории вопросы отношений, политики, религии и дискриминации представляют наибольший интерес. Кроме того, уникальной чертой англоязычных паремий является упоминание функций человеческого тела («скатология»). Таким образом, учитывая тот факт, что основополагающими характеристиками современных паремий является «троллинг» и «стеб», то есть стремление ставить под сомнение и разрушать уже существующие стереотипы и ценности, англоязычные создатели паремий являются наиболее раскованными в области затрагивания табуированных тем.

В современных ПЕ на рассмотренные темы актуализируются такие концепты, как «семья», «любовь», «брак», «труд», «религия», «расизм», «учеба», «политика», «национальность», «быт». Если сравнение частотности тем позволяет выявить актуальность формирования тех или иных концептов в сознании людей, принадлежащих к разным лингвоэтническим сообществам, то рассмотрение дополнительных признаков позволит определить их культурную специфику.

Вопросы, волнующие общество, часто отражают явления, исключительные для той или иной страны. Например, победа в Великой Отечественной войне, ветераны, присоединение Крыма, закон о запрете пропаганды сексуальных меньшинств, закон об оскорблении чувств верующих, ипотека, ЕГЭ, почта России являются значимыми реалиями жизни русских людей. Вопрос об отделении Каталонии и Страны Басков, права сексуальных меньшинств, Римская католическая церковь, сектантская пропаганда являются феноменами испанской жизни. Иммиграция, права меньшинств, внутренняя политика США, цены на здравоохранение, проблема борьбы с наркоманией и ожирением, активная религиозная и сектантская пропаганда отражают явления жизни американского общества.

Отражение культурной специфики в ПЕ наглядно видно в следующих примерах. Так, в ПЕ, взятой из русского интернет-дискурса, говорится: «*В любой непонятной ситуации включай “Лебединое озеро”*». В данной ПЕ актуализируется концепт «политика». Однако это не является очевидным для всех категорий интернет-пользователей. Упоминание трансляции «Лебединого озера» в «непонятной ситуации» относит читателя к прецедентному контексту – к путчу 1991 года, во время которого российское телевидение транслировало балет в течение всего дня, чтобы скрыть информацию о трудной политической обстановке. Приведенный пример был размещен в интернете во время присоединения Крыма к территории РФ и является, таким образом, ироничным обращением к российскому телевидению. В рамках политического дискурса имплицитная критика телевидения, предвзятость и зачастую ложно освещающего политические события, может быть расшифрована только с учетом актуализации в памяти читателя исторического контекста, связанного с 1991 годом, что позволяет провести параллель между событиями. Так, «любая непонятная ситуация» может быть трактована как «непростая политическая обстановка» с культурной коннотацией «желание СМИ скрыть факты» только в контексте русского политического дискурса.

Проведенное исследование показало, что существует ряд концептов, которые оказались повторяющимися в ПЕ на трех языках: всеобщая деградация и инфантилизм, проблемы «первого», «второго» и «третьего» мира, «одиночество в сети», отсутствие социальных навыков, отсутствие детства. Кроме того, можно утверждать, что глобальный характер современных паремий и их широкое распространение в социальных сетях стирает уникальные для разных народов черты за счет заимствования и перевода большинства ПЕ. Превалирующая часть персонажей паремий не является культурным достоянием одного народа, а представляет собой межкультурный и межнациональный продукт.

Сравнительный анализ актуализации концептов в русском, английском и испанском интернет-дискурсе выявил сходства и различия в социокультурных и ценностных установках обществ. Это приводит к выводу о том, что из-за процессов глобализации постепенно исчезает культурная специфика фольклорных текстов, что вызывает озабоченность пользователей интернета и стремление за счет расистских шуток, обыгрывания стереотипов и повышения национального самосознания с помощью самоиронии защитить свою идентичность. Современные ПЕ часто заимствуются целиком или частично (например, только персонаж). В то же время некоторые современные ПЕ содержат ссылки на уникальные реалии, исторические, политические и культурные события, релевантные только для реципиента, принадлежащего к определенному сообществу.

В целом, несмотря на юмористический характер современных ПЕ, в них отражается общая негативная оценка обществом самого себя. В ПЕ обнаруживаются такие характерные для современности факторы, как рост сексуальных меньшинств, развитие феминизма, захватническая политика, тяжелая обстановка в странах «третьего мира», культурный и религиозный кризис, иммиграция, зависимость человека от технологий, социофобия, замена реального общения виртуальным, инфантилизм, интеллектуальная деградация, лицемерие. Эти явления видятся как основные проблемы, угрожающие таким ценностям, как семья, любовь, самоуважение, дружба, детство, природа. Представление проблем в комическом виде в современных ПЕ является общей чертой для рассмотренных языков и способом привлечь внимание к кризису общества, высказать свое мнение и вернуть потерянные ценности.

Таким образом, современные паремии, функционирующие в интернет-дискурсе, отражают основные тенденции развития современного общества, в частности глобализацию. Несмотря на то, что ряд современных ПЕ содержит отсылки к уникальным реалиям, релевантным только для реципиента, принадлежащего к определенному культурному сообществу, на их примере можно наблюдать постепенное стирание граней культурных различий в интернет-дискурсе.

Библиографический список

1. Зевахина Т.С. Паремииологические единицы в дунганском и китайском языках: параметриза-

ция, эксперимент, базы данных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2002. – Вып. 21. – С. 90–105.

2. Иванова Е.В. Мир в английских пословицах. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 280 с.

3. Кацюба Л.Б. Детерминация паремии как единицы языка и коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 1 (292). – Вып. 73. – С. 53–57.

4. Койранская Е.А. Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2011. – № 1 (15). – С. 257–259.

5. Колокольцева Т.Н. Диалог vs диалогичность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / под ред. Т.Н. Колокольцевой, О.В. Лутовиновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 139–158.

6. Констанстинова А.А. Оказиональная трансформация англо-американских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – Вып. № 348. – С. 24–28.

7. Лепшеева Н.А. Жанровые особенности компьютерного дискурса // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2009. – № 1. – С. 159–166.

8. Мокиенко В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005. – 256 с.

9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

10. Пропт В.Я. Поэтика фольклора: собрание трудов. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.

11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. – 208 с.

12. Шарифуллин Б.Я. Языковая игра в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / под ред. Т.Н. Колокольцевой, О.В. Лутовиновой. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. – С. 203–220.

13. Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 360 p.

14. Mieder W. Twisted Wisdom, Modern Anti-Proverbs. – Vermont, 1998. – 396 p.

Левина Татьяна Валентиновна

доктор филологических наук, профессор

Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
eklevi@gmail.com

Наумова Наталья Александровна

кандидат филологических наук

Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
natasha_nau@list.ru

ЭПЕНТЕЗА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО ИЛИ ТЕНДЕНЦИЯ БУДУЩЕГО?

Настоящая статья посвящена одному из видов ресегментации слова, а именно такой историко-этимологической и синхронической реализации формы слова, как эпентеза. Исследование направлено на выявление природы и причин возникновения феномена эпентезы с позиции действующих в процессе эпентезации разнонаправленных тенденций, а также определение особенностей эпентезированной формы слова с опорой на принципы гармонии и языковой оптимальности. Актуальность представленного исследования обусловлена развитием в рамках генеративной фонологии новых теорий, позволяющих уточнять и переоценивать статус ряда лингвистических явлений. Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть явление эпентезы в современном английском языке в синхронии на примере новейшего 18-го издания Произносительного словаря Д. Джоунза «English Pronouncing Dictionary» (2011 г.). Отобранный путем сплошной выборки экспериментальный материал, включающий 1045 примеров слов с вставными звуками, а также методика лексикографического, морфолого-фонологического и аналитико-прагматического исследования, представленная в трех этапах работы над широким корпусом словарных единиц, позволяют установить значимость, существенность и важность такого фонологического феномена, как эпентеза, для развития современного английского языка в целом и определить его роль как констатацию пережитков прошлого или потенциальных тенденций будущего.

Ключевые слова: эпентеза, эпентезированная форма слова, энантиосемия, фонотактика, экономия лингвистических усилий, лингводинамический анализ, репрезентационный анализ, современный английский язык.

Эпентезу принято считать лингвистическим феноменом, который хорошо изучен и известен как «фонетическое явление, добавление одного или более звуков в слово» [5, с. 112–113]. Данное явление довольно широко распространено в русском языке, о чем свидетельствуют попытки классифицировать причины эпентезы в соответствующих словарных статьях в лексикографических работах О.С. Ахмановой и Н.А. Грязновой, а также в универсальном Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона [1; 2; 8].

О.С. Ахманова, в частности, подчеркивает, что звуки, «отсутствовавшие в первоначальной форме слова», появляются в нем при определенных морфологических или фонетических условиях [1, с. 526]. Другой причиной появления дополнительных звуков в слове называют заимствование слов, в которых есть звук, не присущий, не характерный и не типичный для языка-реципиента. Это, например, отмечает Н.А. Грязнова, называя эпентезу, а именно возникновение в слове неэтимологического согласного или гласного звука, «одним из видов комбинаторных изменений звуков». Кроме того, Н.А. Грязнова выделяет йотовую эпентезу в иноязычных словах на *-ia*, а в русском языке – на *-ия*[ија]: в таких словах, как *Italia* – Италия, *philologia* – филология. По ее мнению, в этих случаях устраняется так называемое «зияние», поскольку для русского языка не свойственно сочетание нескольких гласных в слове [2].

О диссимилятивной основе эпентезы пишет А.А. Реформатский, отмечая три характерных слу-

чая эпентезы: 1) согласные [в], [ʁ] или [j], которые стоят между двумя гласными, например: Родивон, Левонтий; 2) согласный [в] в окончаниях прилагательных родительного падежа единственного числа, например: [злѳво], [дѳброво]; 3) мгновенный звук между двумя соседними длительными, например: ндрав (нрав), страм (срам) [5, с. 206].

Как показывают исследования отечественных и зарубежных ученых, в частности В.И. Шерцеля, Л.В. Щербы, А. Мартине, Н. Холл, Т. Кроули, природа эпентезы связана в первую очередь с психолингвистическими процессами «предвзятия», преобразования ожидаемой артикуляционной позиции. Эпентетическая техника связана с тем, что органы речи заранее настраиваются на произнесение звука, принимая необходимое положение заблаговременно, совершенствуя языковой механизм за счет преобразования фонематической структуры слова. В результате у говорящего появляется биодинамически «удобная» артикуляция, «хорошая форма», при которой происходит наименьшая трата энергии [7, с. 128; 4, с. 228; 9; 10, с. 1582–1583].

Следовательно, концептуальная характеристика эпентезы как дополнительно вставляемого звука может быть оправдана стремлением говорящего облегчить трудное в артикуляционном плане звукосочетание. В связи с этим становится очевидной дуалистическая природа эпентезы: с одной стороны, она удлиняет и отяжеляет фонемный состав слова, а с другой стороны, она облегчает артикуляцию трудного фонемного участка [3, с. 120]. Вслед за В.И. Шерцелем явлению эпентезы можно при-

своить энантиосемический характер, при котором языковая единица способна вмещать в себе прямо противоположные тенденции: количественно утяжелять и качественно облегчать эпентетически преобразованную форму [6, с. 259].

Таким образом, эпентеза как фонематическое явление характеризуется набором следующих признаков: 1) комбинаторное изменение звуков; 2) определенные морфонологические и фонетические условия; 3) консонантная или вокалическая основа; 4) действие законов фонотактики языка-реципиента; 5) силлабическая или несиллабическая природа эпентетического сегмента; 6) облегчение произношения трудного звукосочетания.

Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть явление эпентезы в современном английском языке в синхронии на примере новейшего 18-го издания Произносительного словаря Д. Джоунза «English Pronouncing Dictionary» (2011 г.). Актуальность настоящего исследования обусловлена появлением новых современных фонологических тенденций, позволяющих пересмотреть и переоценить характер языковых явлений и процессов, а также установить значимость, существенность и важность этих феноменов (как пережитков прошлого или потенциальных тенденций будущего) для развития языка в целом.

Материалом исследования послужил отобранный путем сплошной выборки широкий корпус примеров общим количеством в 1045 единиц из словаря Даниэля Джоунза «English Pronouncing Dictionary» [11], в число которых вошли все слова со вставными звуками.

Методика лексикографического, морфолого-фонологического и аналитико-прагматического исследования представляла собой три этапа работы с корпусным материалом и включала в себя набор определенных методов и приемов лингвистического анализа, среди которых наибольшее значение для реализации целей исследования следует назвать следующие: *метод репрезентативного анализа*, позволяющий обосновывать оптимально подобранную форму эпентезированного слова; *метод фонологического анализа*, необходимый для выявления существенных дифференциальных при-

знаков фонем, являющихся причиной появления вставочного сегмента.

В ходе анализа общего корпуса исследования на **первом этапе** было выявлено три вставных звука:

- 1) [t] – в 967 словах, что составило 92,5 % от общей выборки;
- 2) [p] – в 57 единицах (5,5 %);
- 3) [k] – в 21 слове (2 %).

Характерной особенностью данных звуков является тот факт, что эти глухие согласные объединяет явление аспирации (придыхания), когда в словах английского языка они сопровождаются сильным шумом, создаваемым мышечным напряжением органов речи при прохождении выдыхаемой струи воздуха. Однако в эпентезированных формах реализуются неаспирированные варианты этих согласных.

На **втором этапе** работы были выделены звуки, являющиеся контекстной средой для вставного звука:

1) Звуку [t] предшествует звук [n], за ним следует либо [s], например, France [fra:nts], либо [θ], например, month [mʌntθ]; либо [ʃ], например, vice-presidential [ˌvaɪsprezɪˈdentʃəl].

2) Звуку [p] предшествует звук [m], за ним следуют звуки:

- [f], например, discomfort [dɪˈskʌmpfət], nymph [nɪmpf];
- [s], например, Amsterdam [ˌæmpstəˈdæm];
- [θ], например, something [ˈsʌmpθɪŋ];
- [t], например, Plumtre [ˈplʌmptri:];
- [k], например, Potemkin [pəˈtempkɪn].

3) Звуку [k] предшествует [ŋ], за ним следуют звуки:

- [st], например, youngster [ˈjʌŋkstə];
- [θ], например, strength [streŋkθ];
- [t], например, Longton [ˈlɒŋktən].

Количественное распределение следующих за эпентезой звуков можно проследить на диаграммах (рис. 1–3):

Целью **третьего этапа** исследования являлось определение местоположения вставного звука в слове: *начальная, срединная, конечная* позиции. Например, вставной звук [t] в 38,4 % слов с этим звуком находится в конечном слоге.

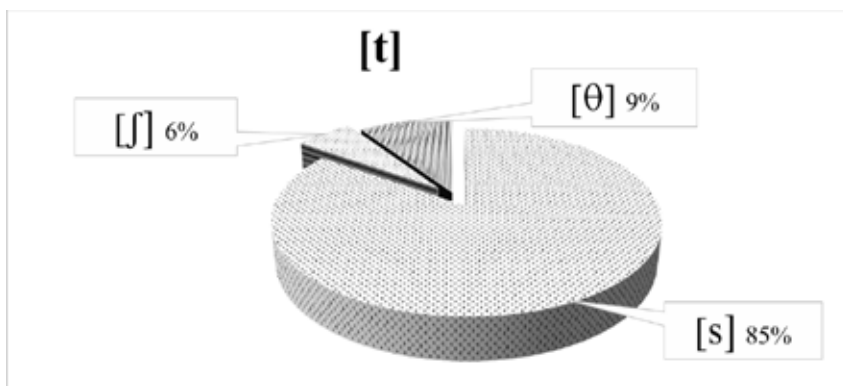

Рис. 1. Количественное распределение следующих за эпентезой звуков в среде эпентезы [t]

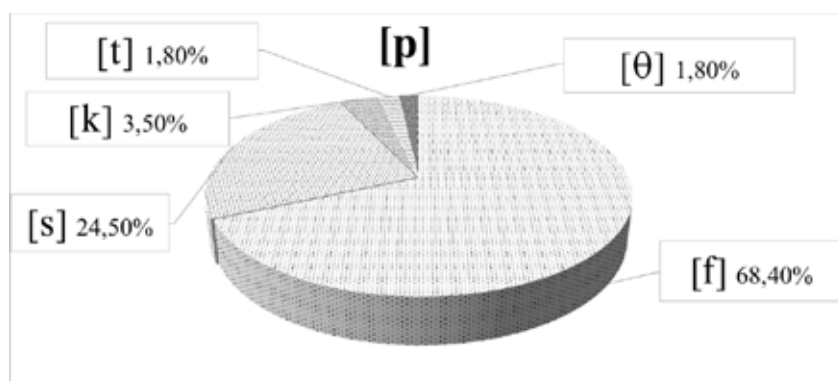

Рис. 2. Количественное распределение следующих за эпентезой звуков в среде эпентезы [p]

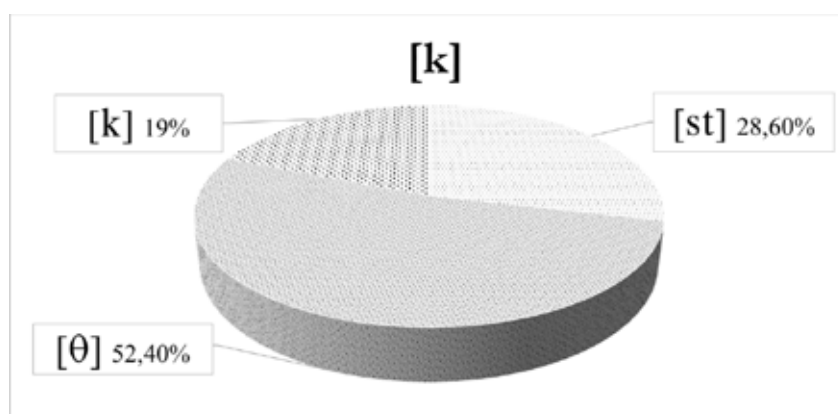

Рис. 3. Количественное распределение следующих за эпентезой звуков в среде эпентезы [k]

Кроме того, в данном исследовании было выявлено соответствие звука, следующего за вставным, букве (или сочетаниям букв). Так, звук [s], следующий за вставным [t] может на письме передаваться буквами:

- ce (95,4 %), например, finance [ˈfaɪnæns];
- se (4 %), например, suspense [səˈspents];
- s (0,3 %), например, Afrikaans [ˌæfrɪˈkaːnts];
- z (0,3 %), например, Rosenkranz [ˈrɒzənkrænts].

Путем сплошной выборки из данного словаря были выявлены слова с вышеперечисленными сочетаниями, но не имеющие вставных звуков. Общий объем выборки составил 206 единиц. Можно предположить, что анализ этой группы слов, образующих в представленном исследовании экспериментальный корпус словарного материала, позволит выявить возможные причины наличия или отсутствия эпентезы в слове, в чем состоит одна из основных задач настоящей работы.

Кроме того, в дальнейшем предполагается изучить феномен эпентезы современного английского языка в диахроническом аспекте, поскольку полученные результаты свидетельствуют о наличии эволюционного характера данного явления. Предполагаемыми целевыми блоками лексикографической работы будут являться синхронические срезы широкого корпуса исследования на материале Произносительного словаря Д. Джоунза 3-го издания (1928), 4-го издания (1937), 8-го издания (1947), 9-го издания (1948), 11-го издания (1963), 14-го

издания (1977), 14-го издания (1993), 15-го издания (1997), 16-го издания (2003) и 17-го издания (2006). Целью этого этапа исследования будет являться анализ динамики процесса появления вставных звуков.

По результатам изложенного выше аналитико-прагматического анализа представляется возможным сделать вывод, что эпентетические преобразования в современном английском языке очевидны и классифицируются как психолингвистический феномен проявления бессознательного в условиях выраженной определенной морфологической и/или фонологической среды. При этом сам процесс появления эпентетического сегмента не выражен, но результат этого явления зафиксирован в виде эпентезированной словоформы. Следовательно, направленность эпентетического сегмента на поиск оптимальной языковой формы и облегчение произношения связана с актуальной на современном этапе развития английского языка тенденцией экономии лингвистических усилий, что, в свою очередь, позволяет проводить последующий репрезентационный анализ с целью констатации потенциальных лингво-динамических проявлений в изучаемом языке.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

2. *Грязнова Н.А.* Эпентеза // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/epenteza/751> (дата обращения: 8.11.2016).

3. *Занина А.Н.* Энантио природа эпентезированной формы слова: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 156 с.

4. *Мартине А.* Механизмы фонетических изменений. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 264 с.

5. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

6. *Шерцель В.И.* О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии): учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов // Хрестоматия по истории русского

языкознания / под ред. Ф.П. Фимена. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 259–264.

7. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – М.: КомКнига, 2002. – 432 с.

8. Эпентеза // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz> (дата обращения: 6.11.2016).

9. *Crowley Terry.* An Introduction to Historical Linguistics. – Oxford University Press, 1997. – 342 p.

10. *Hall Nancy.* Vowel epenthesis // The Blackwell companion to phonology/ Marc van Oostendorp, Colin J. Ewen, Elizabeth Hume & Keren Rice (eds.): 5 vols. – Malden, MA & Oxford: Wiley-Blackwell. – P. 1576–1596.

11. *Jones Daniel.* English Pronouncing Dictionary / ed. by P. Roach, J. Setter, J. Esling. – Cambridge University Press, 2011. – 614 p.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ВИДОИЗМЕНЕННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

В статье анализируются оригинальная и видоизмененные формы немецкой пословицы *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* в современной немецкоязычной прессе. Измененная пословица представлена вариантами, которые не меняют ее смысл, и трансформантами, меняющими значение пословичного изречения. Вариантность возникает за счет как лексического (расширение цитацией, одним или несколькими компонентами), так и грамматического аспекта (изменение порядка слов, формы глагола), или же комбинированием двух аспектов. Трансформация данной сентенции происходит путем усечения отрицания *nicht*, замены субстантивного компонента или сочетанием данных видов трансформирования. В большинстве случаев варианты формы не меняют значение пословичного текста и являются лексическими, грамматическими, структурными вариантами пословицы. В этой форме данная сентенция реализуется с наибольшей частотностью и выполняет функцию подтверждения и оценочную функцию. Трансформанты используются в статьях с иной целью – привлечения внимания, выполняя экспрессивную функцию. Проблема функционирования оригинальной и видоизмененной пословицы связана с местом ее положения в статье. Узуальная форма в заголовке реализует, как правило, антиципирующую и прогностическую функции, но в большинстве случаев она используется в корпусе статьи. Проанализировав виды и механизмы модификаций пословичного текста, возможно смоделировать варианты и трансформанты пословицы в условиях ее речевой реализации.

Ключевые слова: пословицы, варианты, трансформанты, модификации, функции паремий, речевая реализация, узус, конвенциональная форма.

Являясь ярким стилистическим средством, пословицы часто используются в прессе. Не только в конвенциональной, но и видоизмененной форме. Так, например, немецкая пословица *der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* в немецкоязычной прессе в период с 1998 по 2016 г. реализуется со следующей частотностью: обнаружено 14 случаев узуального и 39 – модифицированного употребления пословичного изречения.

Немецкая пословица *der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* изначально звучала как *der Apfel fällt nicht weit vom Baum*. Существует и разговорный, шуточный вариант *der Apfel fällt nicht weit vom Pferd* [7, с. 54]. В русском языке имеется эквивалент *яблоко от яблони не далеко падает*. Согласно словарю «Duden. Redewendungen» пословица означает «дети имеют такие же, как правило, негативные качества, черты, склонности, как и их родители». Пословичное изречение в большинстве случаев имеет оттенок неодобрения.

Согласно данным сайта www.sprichwortplattform.org¹, из 32 зафиксированных случаев употребления пословицы в прессе 13 пословиц представлено в оригинальной форме (включая шуточный вариант *der Apfel fällt nicht weit vom Pferd*) и 19 – в модифицированной.

Под «узуальным» мы понимаем «общепринятое» [4, с. 943], под «модифицированным» – видоизмененное [5] употребление.

Частота реализации модифицированной пословицы выше в три раза частоты конвенциональной формы. Это свидетельствует о том, что стремление к преобразованию сентенции в авторской речи огромно. Околопословичное окружение тематически разнообразно: спорт, здоровье, политика, образование, культура и др. Однако практически во всех контекстах обнаруживается единая семантическая основа пословицы: присутствует указание

на родственные отношения, то есть на схожесть родственников (их черт, свойств характера), или же, в переносном смысле, – на схожесть предметов, свойств и т. д.

Важной частью употребления пословицы являются ее функции. Если речь идет о статьях в интернете, то важно помнить о том, что человек в век высоких технологий и скоростного развития науки и техники переполнен информацией, поэтому первичной задачей каждого автора является привлечение внимания читателя именно к своей статье, что, как правило, достигается ярким, точным, экспрессивным заголовком. Для достижения этой цели великолепно подходит реализация как узусных, так и измененных пословиц. Занимая сильные, или ключевые, позиции, то есть располагаясь в заголовке, в самом начале статьи, они выполняют важные функции. К ним относятся: номинативная, коммуникативная, функция компрессии информации, прогностическая, моделирующая, оценочная, а также экспрессивная, антиципирующая, информативная.

В анализируемом материале в заголовке конвенциональная форма пословицы встретилась всего два раза:

(1) *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* («Süddeutsche Zeitung», 17.05.2010).

Название статьи, посвященной культуре питания, выполняет прогностическую функцию и дает оценку реальному положению вещей: у родителей с избыточным весом едва ли могут быть стройные дети.

Подзаголовок статьи, как правило, выделен полужирным шрифтом. Он либо отделен от дальнейшего корпуса статьи, либо напечатан на отдельной строке; выполняет функцию компрессии информации, прогностическую, оценочную, а также экспрессивную, антиципирующую, информативную, но уже не в масштабах целой статьи, а только ее части.

В подзаголовке оригинальная форма пословицы встретилась три раза, причем в статье «Rassismus nach Opas Rezept» («Расизм по дедушкиному рецепту») о внучке главы праворадикальной партии Франции Национальный фронт Жан-Мари ле Пена, которая объявила о своем участии в региональных выборах от партии, возглавляемой дедушкой, пословица употребляется дважды: в подзаголовке и в конце статьи. Экспрессивная функция пословицы в подзаголовке подкрепляется резюмирующей в конце статьи.

Но чаще всего указанная сентенция реализуется в корпусе статьи (восемь употреблений). Нередко пословицу можно встретить и в первом предложении лида, то есть первого абзаца статьи, который, как правило, выделен так же, как и заголовок, но используется шрифт меньшего размера. Вступление также является одной из наиболее читаемых и важных составляющих в структуре статьи.

(2) *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm: Kinder ohne akademische Eltern studieren seltener* («Die Tageszeitung», 26.09.2008).

Особое положение занимает пословица в виде подписи под фотографиями, что можно, с нашей точки зрения, приравнять к заголовку. Если фотография размещена в середине статьи, как в приведенных ниже примерах, то мы говорим об оценочной, информативной функциях. Размещая пословицу под фотографией, автор знакомит нас с персонажем, который «падает недалеко от яблока», то есть похож на своих родителей и дает оценку его действиям. При этом в примере (3) – это негативная оценка, а в следующем примере – позитивная, так как девушка добилась таких же успехов, как и отец.

В статье о скандальных выходках тренера английской футбольной команды пословица стоит под фотографией сына Пола Инса, Томаса.

(3) *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm: Auch Pauls Sohn, Thomas Ince, ist kein Kind von Traurigkeit* («Die Welt», 18.10.2013).

В фотоленте о вручении премии Грэмми пословица сопровождает фотографию семьи Катчера Халка Хогана, где изображены его жена и двое детей, и выполняет оценочную функцию с позитивным суждением.

Пословица, реализованная в корпусе статьи, имеет все вышеперечисленные функции, которые зависят от данного контекста. Используя сентенцию в корпусе статьи, автор ставит себе цель не только привлечь внимание читателя к своему материалу (собственно, если адресат его читает, значит, тема интересна ему), а убедить его, привлечь на

свою сторону, заставить задуматься, оценить и, конечно же, информировать.

Так, в статье, посвященной вопросам образования молодежи не только в Германии, но и в мире, фразеологизм выполняет одну из частных прагматических функций пословиц в речевом употреблении – функцию подтверждения мысли: уровень образования родителей часто влияет на стремление детей получить высшее образование. При этом не исключается и оценочная функция пословичного изречения.

(4) *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm: Dieses Sprichwort gilt in Bildungsdingen leider immer noch für die Mehrheit der Betroffenen. Das Bildungsniveau der Eltern spiegelt sich häufig in dem der Kinder* («Die Welt», 09.09.2014).

В конце статьи реализация пословицы отражает ее полифункциональность. Здесь можно говорить и о кумулятивной (накопительной), и о директивной, и об оценочной, а также резюмирующей функциях. Такое экспрессивное окончание статьи еще раз подтверждает общеизвестную истину – часто дети похожи на своих родителей.

Однако в подобном положении пословица встречается лишь один раз – в обзоре под названием «Wenn der Vater mit dem Sohne» («Если отец с сыном») о трех эпизодах, объединенных в одном фильме про отношения отцов и сыновей.

(5) *Und spätestens in dieser dritten Geschichte geht Cianfrance der inszenatorische Atem aus, verlieren die Bilder ihre Sogwirkung, präsentiert sich ganz unverstellt die allzu banale Botschaft des 140 Minuten langen Epos: Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* («Die Tageszeitung», 12.06.2013).

Анализ реализации пословицы в статьях показал, что она является часто используемым средством экспрессивного выражения мысли. Однако данная пословица с присущими ей контекстуальными особенностями чаще употребляется в корпусе статьи как подтверждение предыдущего высказывания, реализуя при этом почти всегда оценочную функцию.

Количественное и процентное соотношение реализации пословицы в заголовке, корпусе и заключительной части статьи представлено в таблице 1.

Анализ околословичного окружения продемонстрировал, что данная сентенция, тесно связанная с темой «Родственные отношения», органично вписывается и в другие контексты: здоровье, политика, культура, образование, спорт, межличностные отношения.

Однако, чтобы составить полную картину функционирования пословицы в прессе, необ-

Таблица 1

Сравнительная таблица реализации пословицы в заголовке, корпусе и заключительной части статьи

Положение в статье/общее количество	Заголовок, подзаголовок	Корпус статьи	Конец статьи
14	5 (42 %)	8 (51 %)	1 (7 %)

ходимо рассмотреть все варианты ее появления и проявления. Как говорилось ранее, сентенция существует не только в оригинальном варианте, но и в измененном.

На сайте www.spruchwort-plattform.org представлено четыре варианта и десять трансформантов анализируемой пословицы.

1. Варианты:

- *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm ?;*
- *...der Apfel falle nicht weit vom Stamm...;*
- *Äpfel fallen bekannterweise nicht weit vom Stamm;*

– *Die Äpfel fallen nicht weit vom Stamm.*

2. Трансформанты:

- *Der Apfel fiel nicht weit vom Stamm;*
- *Der Apfel fällt manchmal auch weit vom Stamm;*
- *Manchmal fällt der Apfel weit vom Stamm;*
- *Der Apfel fällt nicht weit vom Baum;*
- *Der Apfel fällt nicht weit vom Kopf.*
- *Der Apfel fällt nicht weit vom Kochbuch, Apfelnockerln, Apfelkompott, Apfelstrudel;*
- *Der Apfel fällt nicht weit vom Birnbaum;*
- *Bestseller-Autorin Claudia Keller fiel nicht weit vom Stamm;*
- *Der Sohn fällt nicht weit vom Stamm;*
- *..., die einmalige Ehefrau und siebenfache Mutter fiel nicht weit vom Stamm: Ihr Vater hatte auch nur eine Gattin, aber sechs Kinder.*

В текстах прессы за указанный период было найдено 40 модифицированных вариантов пословицы.

В данной части статьи мы приводим классификацию модификаций рассматриваемой пословицы, в ряде случаев способных повлечь изменение её семантики.

С.И. Гнедаш [2, с. 72] предлагает различать термины «вариации» и «трансформации», указывая на то, что варианты представлены измененными пословицами, которые не меняют свой смысл. Трансформанты же полностью или частично меняют значение пословичного изречения. Это может происходить путем замены одного или нескольких лексических компонентов, посредством усечения сентенции отрицательной лексемы и др. Например, оригинальная пословица *Aller guten Dinge sind drei* (Всего хорошего бывает по три) в прессе имеет вид *Aller guten Dinge sind vier*, *Aller guten Dinge sind fünf*, *Aller guten Dinge sind sieben* и т. д. [6, с. 22].

Функции измененных пословичных изречений идентичны функциям узуальных пословиц в статье. Однако экспрессивная функция при реализации модифицированной пословицы выражена сильнее и четче.

Измененная форма пословицы, как и узуальная, употребляется в тематически разнородных контекстах: здоровье, политика, культура, образование, спорт, межличностные отношения, сохраняя свою семантическую основу «родственные отношения». Эти же критерии присущи и вариантам сентенции,

однако при реализации трансформов существуют определенные особенности, которые будут отмечены в ходе дальнейшего анализа.

Анализ модификаций пословицы начнем трансформов, которые не меняют смысл паремии. В первую очередь речь идет о варьировании на уровне грамматики.

В четырех случаях изменяется порядок слов в придаточном предложении, например:

(6) *...weil der Apfel nicht weit vom Stamm fällt* («Die Zeit», 25.07.2010).

В одном изречении изменилась форма глагола (на конъюнктивную):

(7) *...dass der Apfel nie weit vom Stamm falle* («Die Welt», 09.06.2015).

Грамматические варианты (речь идет прежде всего об изменении временных форм глагола и использовании сослагательного наклонения) в прессе часто сочетаются с изменением лексического состава пословицы. Происходит это, к примеру, в случае цитации.

(8) *So manch ein Kommentator sah im Skandal nur eine Bestätigung des Spruchs, dass der Apfel nie weit vom Stamm falle* («Die Welt», 09.06.2015).

(9) *Der Apfel fällt einem Sprichwort zufolge nicht weit vom Stamm* («Süddeutsche Zeitung», 29.05.2016).

Введение в пословицу таких лексических компонентов, как обстоятельство образа действия, обстоятельство места, времени, вводных слов, слов-усилителей, слов цитирования (*tatsächlich, dabei, natürlich, auch hier, eben, ja auch*), не меняет смысл сентенции, а лишь уточняет, конкретизирует ситуацию. Часто эти слова могут стоять на первом месте, и тогда в пословице меняется порядок слов, что обусловлено грамматическими особенностями синтаксической структуры языка. Однако это не влечет за собой изменения смысла пословицы.

(10) *...Tatsächlich fällt der Apfel nicht weit vom Stamm* («Die Welt», 17.10.2013).

Не меняет, а уточняет, то есть подгоняет пословицу под ситуацию, и введение определений, притяжательного местоимения перед актантом или дополнением, введение обстоятельства места, значимых для смысла высказывания. Подобные окказиональные преобразования возникают в определенной ситуации.

(11) *Der adlige Apfel fällt halt nicht weit vom Stamm* («Die Tageszeitung», 08.01.2013) в статье о благородном роде Кевенхюллер и членах этой семьи.

(12) *Der Apfel fällt also nicht weit von meinem künstlerischen Stamm* («Die Welt», 24.08.2011) в статье об известной эпатажной певице Леди Гага, которая озвучивает персонажа в одной из серий американского мультфильма «Симпсоны» и отождествляет себя (*der Apfel*) с героиней мультфильма (*der künstlerische Stamm*).

Как отмечалось выше, нередко в трансформированной паремии присутствует сочетание несколь-

ких видов модификаций: грамматические (изменение порядка слов, формы предиката) и лексические видоизменения (добавление одного или нескольких лексических компонентов). Однако сочетание даже нескольких модификаций в подобных случаях не вызывает изменения смысла пословицы, а как бы подгоняет ее под конкретную ситуацию.

(13) *Dass im Fall der nordkoreanischen Diktatorenfamilie Kim der Apfel nicht weit vom Stamm fällt...* («Die Welt», 05.03.2015).

Однако, используя пословицу для экспрессии, оценки или как стилистическое средство, автор часто прибегает к изменениям, которые полностью или частично изменяют ее смысл. Это касается следующих случаев:

1. Замены лексического компонента пословицы: в данном случае происходит частичное изменение пословичного образа, при этом сохраняется логическая структура, но явно прослеживается исходная модель. В модифицированной паремии, в которой происходит замена слов, элементы пословицы соединяются с современными реалиями; замена актанта и/или одного из важных компонентов *weit* на *mehr* или отсутствие слова *weit* радикально меняет смысл: яблоко падает больше не с дерева.

В примерах (17) и (18) речь идет о важной политической фигуре праворадикальной партии Хольгере Апфеле. Здесь присутствует игра слов, связанная с фамилией: *Der Apfel* (яблоко) и *Apfel* (фамилия).

(17) *Apfel fällt nicht weit vom Stamm* («Die Tageszeitung», 11.11.2011).

(18) *Fällt nicht weit vom braunen Stamm: Holger Apfel* («Die Tageszeitung», 23.08.2012).

2. Отрицания. Важной составляющей пословицы является отрицание *nicht*, поэтому устранение этого компонента меняет смысл предложения на противоположный. При этом преобладающей функцией является оценочная, второстепенной – информативная и подтверждающая (в зависимости от места положения в статье).

(15) *Der Apfel fällt weit vom Stamm* («Süddeutsche Zeitung», 17.05.2010) – статья рассказывает о том, что айпад (iPad) фирмы не может заменить компьютер из-за недостаточно хороших характеристик. Модифицированная идиома в данной статье полифункциональна. Во-первых, она выполняет экспрессивную функцию, так как читатель, узнавая знакомую, но переделанную фразу, уже реагирует на информацию. Во-вторых, налицо оценочная функция: яблоко от яблони все-таки далеко падает, то есть новый продукт явно отличается от первоначального; в-третьих, присутствует прогностическая функция: адресат может предвидеть, что речь пойдет об иных характеристиках продукта. О лучших или худших – он сможет узнать только прочитав статью или хотя бы часть ее. Автор достиг своей цели.

Пословица может трансформироваться путем включения уточняющего, конкретизирующего слова: обстоятельства места, вводного слова и т. д.

(16) *Manchmal fällt der Apfel sehr weit vom Stamm.* («Die Welt», 22.09.2015). Статья повествует о выходах сына известного актера. Измененная идиома стоит в самом начале статьи сразу после лида и реализует функцию компрессии информации, прогностическую, оценочную, экспрессивную.

Интересен намек на известную пословицу в следующем примере: все элементы пословицы стали частью распространенного причастного оборота с неизменным актантом. Однако отсутствие отрицания изменило смысл выражения на противоположный. Указание, намек на пословицу можно определить по узнаваемой комбинации элементов предложения.

(17) *Status: weit vom Stamm gefallener Apfel* («Süddeutsche Zeitung», Magazin, № 39, 2008) – так обозначает свой статус немецкая актриса Ханна Херценшпрунг и упоминает о своих интеллигентных родителях.

(18) *Wenn man Riml so dasitzen sieht, fällt einem die Sache mit dem Apfel und dem Stamm ein ...* («Süddeutsche Zeitung», 27.07.2013). В статье о похожести отца и сына: когда видишь сидящего так Римля, вспоминаешь пословицу о яблони и яблоке.

Итак, анализ модификаций пословицы показал, что наиболее частым способом изменения предложения является расширение компонентного состава (всего 14 примеров), которое происходит двумя способами: за счет вводных, служебных слов, которые используются как стилистический прием для выражения эмоциональности; 2) за счет определений, обстоятельств времени, места, образа действия, которые важны для данной конкретной ситуации, но не изменяют семантику пословицы. Менее частотна модификация, связанная с лексико-грамматическими изменениями (расширение) (девять употреблений), что объясняется синтаксической структурой языка, а именно четким местоположением глагола в немецком предложении: в повествовательном – на втором месте, в придаточном – на последнем. Более того, добавление в пословицу одного или нескольких компонентов не нарушают целостности пословичного изречения, что подтверждает одну из важных характеристик идиом – устойчивость.

Следующим типом изменения, характерным для данной пословицы, является отсутствие отрицания, что меняет ее значение на противоположное. «Отсутствие отрицания», или «отсутствие отрицания + расширение», или «отсутствие отрицания + расширение + грамматический аспект» мы обнаружили в 6 примерах, что составляет 15 % от общего числа модифицированного фонда.

Примечательно, что видоизмененная пословица, как и конвенциональная форма, достаточно

Сравнительная таблица реализации пословицы и трансформов

Реализация пословицы	Количество примеров	Процентное соотношение
узуальная	14	26 %
вариативная	31	57 %
трансформированная	9	17 %
ИТОГО:	54	100 %

редко представлена в заголовках материалов прессы и составляет лишь 12,5 %.

Количественное и процентное соотношение вариантов и трансформов пословицы в рассматриваемом корпусе текстов представлено в таблице 2.

Исследование показало, что в рассматриваемых текстах количество модификаций почти в три раза превышает оригинальное пословичное выражение. Среди модификаций преобладают вариативные предложения, сохраняющие исходное значение. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев анализируемая пословица реализуется в исследуемом корпусе публицистических текстов в своем основном значении.

Модифицированные пословицы образуются путем расширения компонентного состава и реализуются в основном корпусе статьи, где выполняют оценочную, информативную функции и функцию подтверждения мысли.

Обращает на себя внимание тот факт, что трансформированные пословицы, в которых значение узуального выражения изменено на противоположное путем усечения отрицания и замены лексического, часто субстантивного, компонента, составляют лишь пятую часть анализируемого пословичного фонда. В данном случае речь идет прежде всего о реализации экспрессивной функции.

Примечание

¹ Сайт www.sprichwort-plattform.org – международный проект Еврокомиссии в рамках «Программы пожизненного образования». Цель проекта – определить общие черты и различия в современном употреблении пословиц в разных языках и культурах, точнее пяти родственных языках: словенском, венгерском, словацком, чешском и немецком, путем письменного фиксирования и передачи современного употребления пословиц как важного культурного достояния в языке. Проект координирует философский факультет университета Марибор (Словения); в нем принимают участие лингвисты университета Сегед (Венгрия), Трнава (Словакия), Цлина (Чехия), Граца (Австрия), Мангейма (Германия).

В базе данных зафиксировано современное употребление 300 пословиц в пяти указанных языках. Наряду с информацией о значении, особенностях в употреблении, закреплении и часто используемых вариантах можно найти аутентичные тексты, содержащие пословицы.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
 2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Нева, 2005. – 576 с.
 3. Гнедаш С.И. Провербальные единицы и возможности их трансформации в современном немецком языке // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 2. – С. 71–74.
 4. Ермакова Е.Н. Проблема деривационного пространства во фразеологии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2015. – № 4. – С. 116–120.
 5. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
 6. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 943 с.
 7. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/letter.php?charkod> (дата обращения: 11.08.2016).
 8. Третьякова И.Ю. Аспекты моделирования современной фразеологии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2009. – № 4. – С. 200–203.
 9. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.
 10. Шубина Э.Л., Шитикова А.В. Варианты и трансформанты немецких пословиц в прессе // Вестник Тюменского университета. Сер.: Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4. – С. 22–30.
 11. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Berlin: Dudenverlag, 2013. – P. 929.
 12. Mieder W. Deutsche Sprichwörter in Literatur, Politik, Presse und Werbung. – Hamburg: Buske, 1983. – 230 с.
- #### Источники
13. Die Welt [Электронный ресурс]: газета. – Режим доступа: <https://www.welt.de>.
 14. www.sprichwort-plattform.org: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Der%20Apfel%20f%C3%A4hlt%20nicht%20weit%20vom%20Stamm> (дата обращения: 23.08.2016).
 15. Stern [Электронный ресурс]: журнал. – Режим доступа: www.stern.de.
 16. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс]: газета. – Режим доступа: www.sueddeutsche.de.
 17. Tageszeitung [Электронный ресурс]: газета. – Режим доступа: www.taz.de.
 18. Die Zeit [Электронный ресурс]: газета. – Режим доступа: www.zeit.de.

ДИАЛОГ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ДИАДИЧЕСКОГО МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей диалога как специфической формы диадического межличностного взаимодействия коммуникантов и выявлению его дифференциальных признаков. Автор статьи предпринимает попытку исследовать данный аспект диалога, поскольку по этой проблеме среди ученых до сих пор не существует единого мнения.

Диалог, как известно, по-своему фиксирует, закрепляет на какое-то время некоторые существенные моменты происходящего процесса в общении и поведении людей, внешних формах быта и т. д. Многие ученые в своих трудах затрагивают эту проблему, исследуя различные особенности диалога. В настоящей статье вслед за М.М. Бахтиным автор приводит более широкую трактовку диалога и исследует его специфику, включая лингвостилистические особенности, реализующие названные характеристики.

Проблема, обсуждаемая в статье, представляется актуальной. Диалог понимается как функциональная разновидность речи, вид речи, тип коммуникации, принцип организации коммуникации, реализация которого создает особый тип текста. Результаты настоящей статьи могут найти применение в учебных пособиях, лекционных курсах по языкознанию, интерпретации и лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: диалог, дискурс, коммуникация, разговорная речь, высказывания-реплики, диалогическое единство, адресант, адресат.

Относя дискурс к одной из форм контактного взаимодействия людей, многие исследователи полагают, что он связан с общим социальным контекстом жизнедеятельности людей, отражает «текущий момент» жизни общества. Дискурс, являясь «текстом связной речи» [8, с. 147], «языковым общением» [12, с. 13], «категорией естественной речи» [10, с. 135] и др., так или иначе соотносится с понятием «диалог», которое, в свою очередь, по-своему фиксирует, закрепляет на какое-то время некоторые существенные моменты происходящего процесса в общении и поведении людей, внешних формах быта и т. д. [1, с. 83–84].

Анализ работ по диалогу позволяет сделать вывод, что его понимание в науке не однозначно, оно и не может быть таковым из-за разнообразия его форм и уровней. Диалог, то есть беседа, разговор двоих, традиционно рассматривается как восходящая к устно-разговорной сфере форма речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами [14, с. 135]. Такое понимание диалога выражено в работах Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Л.П. Якубинского и др.

В наше время, однако, трактовка диалога расширяется. Все большее распространение получает точка зрения, согласно которой любая речь – это скрытый диалог с реальным или подразумеваемым собеседником.

Диалог является специфической формой диадического межличностного взаимодействия. «Диалог (от греч. *dialogos* – “беседа”) – форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевая коммуникация посредством обмена репликами» [5, с. 388]. Следовательно, можно говорить о том, что проблематика диалога связана не только

с общей психологией, но относится в своих специфических аспектах и к другим смежным наукам.

Целесообразно отметить, что для исследователей диалогической речи отправным моментом явилась мысль Л.В. Щербы о первичности диалога (по сравнению с монологом) [13].

Для М.М. Бахтина характерны две трактовки диалога: в широком и в узком понимании. Диалог в широком смысле есть встреча двух сознаний, и с этой точки зрения недиалогической речи нет, любой текст «двупланов» и «двусубъективен». Так, диалог включается в представление о коммуникативной сущности языка как общественного явления. Необходимое присутствие партнера как сущностная характеристика диалога интерпретируется как возможность, которая может быть рано или поздно реализована, то есть партнер понимается в предельно широком плане как человечество во все времена и в неограниченном пространстве. В связи с этим утрачивается традиционное противопоставление диалогической и монологической речи, ибо любые формы речи предполагают адресата – реального или потенциального.

Диалогичность в широком смысле рассматривается как условие жизни человека, как предпосылка существования человеческого общества вообще: «жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т. п. В диалоге человек участвует весь и всюю жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [2, с. 351].

Во многих работах, посвященных проблемам личности, подчеркивается существенная роль диалога также в интраиндивидуальных процессах,

в интересе к личности других людей, во взаимопонимании сознаний, в становлении личности, взаимопонимания, общения, встречаются такие суждения, как «внутренний мир личности диалогичен», «подлинное познание личности доступно лишь диалогическому проникновению» [2, с. 254].

Для диалога в узком его понимании характерен следующий набор дифференциальных признаков: 1) наличие в нем не менее двух собеседников; 2) обязательная смена говорящих; 3) коммуниканты понимают язык, на котором ведется диалог; 4) они видят или по крайней мере слышат друг друга.

Как пишет Ю.М. Лотман, «непременным условием диалога является существование двух выраженных точек зрения. Это подразумевает наличие двух сопоставимых кусков текста (реплик двух общающихся. – В. Б.), отличающихся направленностью, точкой зрения, оценкой, ракурсом и совпадающих по некоторому “содержанию” сообщения или его части» [7, с. 228].

Диалог понимается как функциональная разновидность речи, вид речи, тип коммуникации, принцип организации коммуникации, реализация которого создает особый тип текста.

Многие исследователи (И.И. Ковтунова, Н.А. Кожевникова, О.Б. Сиротинина и др.) изучают главным образом устную диалогическую речь в ее противопоставлении письменной и монологической речи. Для них характерно широкое использование понятия «разговорная речь», заменяющего понятие «диалогическая речь». При этом они поддерживают тезис Л.В. Щербы о том, что разговорная речь диалогична, то есть разговорная речь и есть диалогическая речь и монологической разговорной речи не может быть. Они выделяют следующие **основные характеристики разговорной речи**: 1) *ситуативность*; 2) *контекстуальность*; 3) *непроизвольность*.

В качестве лингвистических особенностей, реализующих названные черты, выделяют: 1) обилие *вопросительных* и *побудительных предложений* в стимулирующих репликах; 2) *повторы* и *переспросы* в реагирующих репликах; 3) *синтаксическая неполнота* предложений («рваный синтаксис»); 4) широкое *использование паралингвистических средств*.

В связи с развитием лингвистики текста в языкознании численно возросли исследования проблем диалогической речи, направленные на поиск общих закономерностей диалога, выявление отношений между репликами-высказываниями в рамках диалогического единства, диалогического блока и целостного текста. Для этих исследований характерны дифференцированный подход к каждому виду диалога с функциональной точки зрения, сопоставительный анализ реплик в разговорной речи. Диалог есть своеобразный текст, коллективным автором которого являются все его участни-

ки. В нем взаимодействуют несколько, по крайней мере две, речемыслительные стратегии-программы. Диалогический текст членится чаще всего по формальным критериям на *реплики* и «*диалогические единства*» (далее – ДЕ). В составе диалогической цепи выделяются прежде всего «единства», состоящие из двух, трех и более реплик, так называемые *двучленные*, *трехчленные* и *многочленные ДЕ*. Взаимосвязанность высказываний в диалогическом общении есть всегда не только смысловая, но и языковая, а в определенных случаях – собственно формальная. Все высказывания-реплики подразделяются на *иницирующие (стимулирующие)* и *реагирующие*. Под репликой понимается цепочка высказываний-предложений (или одно предложение) одного из собеседников, продолжающаяся до тех пор, пока она не прервется речью другого собеседника или концом диалога. Объединение по меньшей мере двух пограничных реплик в линейной цепи диалога по определенным правилам семантической, прагматической и синтаксической зависимости и образует коммуникативную единицу диалога, ДЕ [1, с. 87].

Определения единицы диалогической речи – ДЕ, даваемые различными исследователями, мало чем отличаются друг от друга. Так, С.С. Беркнер понимает ДЕ как сочетание ряда реплик, обусловленных в структурно-семантическом плане [3, с. 114]. По мнению Л.А. Леоновой-Елисеевой, ДЕ – любая пара реплик, между которыми существует семантическая, анафорическая или структурная связь [6]. Л.С. Маркина под ДЕ понимает любую совокупность реплик, находящихся в такой структурной и смысловой связи, при которой предшествующая реплика выступает как обуславливающая, а каждая из последующих, с одной стороны, обуславливается предшествующей, а с другой – обуславливает следующую за ней, последняя же реплика является только обусловленной [9]. Каждое новое высказывание лишь продолжает диалог, и все сказанное до этого высказывания образует интерпретационную рамку для последующего высказывания. Как отмечают М.Я. Блох и С.М. Поляков, границы простого ДЕ обычно вполне прозрачно задаются «физическим» объемом реплик. Соответственно, начало стимулирующей реплики оказывается верхней границей единства, конец реагирующей реплики – его нижней границей. Причем вопрос и ответ на него существуют как коммуникативные единицы только в единстве друг с другом (ДЕ) [4, с. 10–11]. Различают разные типы ДЕ по семантическому и формально-структурному критериям.

Общие типы отношений между сопологающимися репликами следующие: *вопрос – ответ*, *вопрос – переспрос*, *утверждение – утверждение*.

Некоторые исследователи считают невозможным дать объяснение причины взаимодействия

и исчерпывающей характеристики смысловых отношений между репликами. По мнению Ю.М. Скребневой, «исчерпывающая классификация смысловых отношений между репликами, сочетающимися в ДЕ, вряд ли осуществима в силу лингвистической непредсказуемости содержательного аспекта речевого поведения. Однако вполне перспективным представляется исследование структурного влияния реплики-стимула на реплику-реакцию. Разумеется, не существует никакой языковой закономерности построения реплики под структурным влиянием предшествующей» [11, с. 194].

На наш взгляд, нельзя считать исчерпывающим этапом для анализа диалога выделение ДЕ, состоящего из двух реплик. Утверждая важность ретроспективного анализа каждой реплики, зависимость каждой последующей реплики от предшествующей реплики партнера, не следует упускать из виду стратегическую линию каждого коммуниканта. Партнер в диалоге действительно все время идет на компромисс, строит свою реплику с учетом реплики-реакции партнера, но каждая реплика говорящего соотносится и с его же предшествующей репликой. Помимо того, что всякая речевая реакция может быть переосмыслена партнером как стимул для нового высказывания, сам говорящий может планировать наперед сразу несколько реплик, он может продолжить свою предшествующую реплику, оставляя реплику партнера без внимания, или исходить не из смысла реплики, а из ее побочного содержания, пространственно-временных ситуаций, из других своих соображений. Следует отметить, что выделение ДЕ на основе объединения двух пограничных реплик призвано облегчить работу исследователя по анализу диалога, но едва ли полностью соответствует специфике и сложности процесса диалогической коммуникации.

Следует также отметить, что единой общепринятой методологии социалингвистического анализа диалога не существует. Одни исследуют формальные структуры диалога (Е. Щеглов, Г. Джефферсон, А. Турнер), другие – структуры и функции языковых средств диалогов в различных ситуациях (Г. Гилес, С. Эрвин-Трипп), третьи занимаются выведением основополагающих закономерностей процесса порождения и интерпретации смысла в повседневном общении. Значительное внимание уделяется поиску базисных правил межличностного общения (face to face interaction). Межличностное общение (интеракция) осуществляется по универсальным правилам речевого поведения на основе представлений партнеров относительно состояния ситуации, общих и отличительных

целей и т. п. Протекание диалога регулируется базисными правилами интеракции, называемыми по-разному: молчаливые предпосылки интеракции, базисные принципы кооперации, максимы Грайса.

Таким образом, можно заключить, что диалог, представляя собой специфическое диадическое межличностное взаимодействие, имеет различную форму, различные этапы и уровни. Овладеть диалогом – значит уметь выбрать уровень взаимодействия и форму речевого выражения, адекватные как целям, так и конкретной коммуникативной ситуации. Только правильный выбор определяет успешность взаимодействия коммуникантов.

Библиографический список

1. *Бабаян В.Н.* Дискурсивное пространство терциарной речи. Психалингвистические особенности диалогической речи в присутствии молчащего третьего лица. – Saarbrücken, Germany LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011. – 385 p.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. – М., 1996. – 731 с.
3. *Беркнер С.С.* Проблемы развития разговорного английского языка XV–XX вв. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 230 с.
4. *Блох М.Я.* Строй диалогической речи. – М.: Прометей, 1992. – 153 с.
5. Большой энциклопедический словарь. Т. 1–2. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
6. *Леонова-Елисеева А.А.* Рекуррентные предположения в современном английском литературном диалоге: дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1969.
7. *Лотман Ю.М.* К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина // Лотман Ю. Пушкин. – СПб.: Искусство, 1995. – С. 228–236.
8. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М., 2003. – 280 с.
9. *Маркина Л.С.* Четырехчленные диалогические единства в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1973.
10. *Орлов Г.А.* Современная английская речь. – М., 1991. – 240 с.
11. *Скребнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. – Саратов, 1985. – 210 с.
12. *Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 9–16.
13. *Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. – Пг., 1915. – 194 с.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.1

Губаева Тамара Владимировна

доктор юридических наук, кандидат филологических наук, профессор
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань
rega06@list.ru

Гумеров Ленар Асхатович

кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань
gumerov_L@mail.ru

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Современный этап развития России связан с формированием инновационной экономики, основанной на широком применении научно-технических результатов. Указанный процесс оказывает влияние не только на развитие и усложнение фактических общественных отношений в научно-технической сфере, но также трансформирует их правовое регулирование. В правовой системе объективно возникают принципы регулирования общественных отношений в научно-технической сфере, имеющие межотраслевой характер. Теоретико-правовой анализ категории «принцип права» позволил выявить особенности понимания указанной категории на современном этапе развития юридической науки. В статье на основе исследования международно-правовых актов, отечественного и зарубежного законодательства выявлены принципы правового регулирования общественных отношений в научно-технической сфере, определены соответствующие международно-правовые и внутригосударственные принципы. Обосновывается вывод о том, что данные принципы образуют единую систему, ключевое значение в которой имеет принцип свободы научных исследований.

Ключевые слова: принципы права, правовое регулирование, свобода научных исследований, научно-техническая сфера, право и научная деятельность.

Принцип – категория универсальная. Теоретики и практики в самых разных областях деятельности используют ее как своего рода познавательный трамплин, чтобы более полно понять и объяснить природу изучаемых объектов, а затем эффективно их освоить в целях, отвечающих неуклонному стремлению человечества к прогрессу и благополучию во всех сферах.

Особое значение принципы имеют для законодателя, миссия которого заключается в создании правил, гарантирующих гармоничное и справедливое устройство общества. Многофакторная обусловленность этих правил, если подчинить ее логически непротиворечивой системе принципов, будет хорошо упорядочена, что, в свою очередь, позволит не только эффективно управлять социумом, но и успешно прогнозировать его будущее.

Именно универсальность рассматриваемой категории исключает возможность ее однозначного, раз и навсегда данного определения. Известные дефиниции различаются в зависимости от отраслей науки и методологических подходов исследователя и вместе с тем имеют бесспорное сходство. Во-первых, это смысловая связь с первоисточником термина «принцип» – латинским *principium*, что означает «начало, или основа» [11]. Во-вторых, это совокупность качеств, необходимых для признания того или иного положения принципом: наибольшее внутреннее единство, наибольшая полнота содержания и наибольшая ясность и внутренняя обязательность связи его с тем, что из него объясняется [8].

Принципы права в указанном общетеоретическом аспекте изучались в трудах В.В. Ершо-

ва, О.А. Кузнецовой, Е.В. Скурко, А.К. Чернова, М. Кохена и других авторов [3; 13]. Как нам представляется, соответствующие результаты их исследований применимы и могут получить дальнейшее развитие при научном анализе принципов правового регулирования научно-технической сферы – вопроса, пока не ставшего предметом пристального внимания правоведов, несмотря на исключительную важность научно-технических отношений в современном постиндустриальном мире.

Формы права современных государств, регламентирующие отношения, возникающие в научно-технической сфере, содержат положения, имеющие основополагающее значение для правового регулирования [4; 5; 7]. Данные положения в отличие от иных правовых предписаний имеют большую степень абстрактности, охватывают значительно больший, а зачастую и весь круг общественных отношений указанной сферы, задают направления правового регулирования, значительно меньше подвержены изменениям. Сложность регулирования общественных отношений, возникающих в научно-технической сфере, заключается в том, что сами отношения достаточно разнообразны, затрагивают различные стороны объективной действительности, связанной преимущественно с осуществлением научно-технической деятельности, и, соответственно, их правовое регулирование имеет межотраслевой характер.

Таким образом, правоотношения, возникающие в научно-технической сфере, испытывают влияние принципов права той отрасли, нормами которой они урегулированы. К примеру, на отношения

между научным работником и руководителем научной организации, возникающие при выполнении научного исследования в рамках служебного задания, оказывают воздействие принципы трудового права. На отношения между заказчиком и исполнителем договоров НИОКР – гражданского права и т. д. Вместе с тем в правовом регулировании отношений в научно-технической сфере можно выделить принципы, которые имеют общее регулятивное значение для всех отношений данной сферы независимо от того, нормами какой отрасли они урегулированы.

Положения нормативных правовых актов, регламентировавших отношения в научно-технической сфере в советский период, а также взгляды ученых, изложенные в юридической литературе в это же время, позволяют сделать вывод о том, что в недалеком прошлом государство подходило к регламентации общественных отношений в научно-технической сфере с позиции управления, не ограничиваясь только регулированием, то есть речь шла об управлении наукой, техникой, научно-техническим развитием в целом. Соответственно, закреплялись и исследовались не столько принципы правового регулирования, сколько принципы управления рассматриваемой сферы. Например, выделялись такие принципы, как принцип партийного руководства, планирования, демократического централизма, социалистической законности, участия масс в управлении и т. д. [6, с. 93]. Важно отметить, что уже в советский период государство наряду с управлением внедряло в научно-технической сфере принципы координации деятельности, представляющие собой взаимодействие субъектов, не имеющих между собой отношений власти и подчинения, притом данный подход объяснялся как специфическая особенность правового воздействия на общественные отношения в научно-технической сфере [2, с. 34–39; 6, с. 114].

В последующем указанные формы государственного воздействия, а соответственно, и принципы регулирования трансформировались. Действующий Федеральный закон № 127-ФЗ от 23 августа 1996 г. «О науке и государственной научно-технической политике» в главе III, посвященной организации и принципам регулирования научной и (или) научно-технической деятельности, устанавливает, что управление этой деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления [7].

Полагаем, что законодатель неудачно употребил в тексте акта термины «управление» и «регулирование», не придав значения соотношению их содержания, разработанному в науке [10, с. 133–140; 12]. Во-первых, использован термин «управление», который не имеет легального определения и применяется в большей степени в экономике, социологии, политологии, а не в юриспруденции. Во-вторых,

указываются принципы управления, а именно: принцип государственного регулирования и принцип самоуправления, которые не охватывают всего круга явлений, включаемых в содержание термина «управление». Остаются за рамками воздействия такие составляющие управления, как прогнозирование, планирование, организация, контроль и т. д. В-третьих, несмотря на наименование рассматриваемой главы закона, принципы правового регулирования в ней не сформулированы.

Анализ последующих статей Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» также не проясняет ситуацию. Ч. 2 ст. 11 указанного закона содержит перечень основных принципов, исходя из которых осуществляется государственная научно-техническая политика. В частности, в качестве принципов отмечены: признание науки социально значимой отраслью, гарантированность приоритетного развития фундаментальных исследований, интеграция науки и образования, поддержка конкуренции и предпринимательской деятельности в области науки и техники, развитие международного научного и научно-технического сотрудничества и др.

Не вызывает сомнений, что право является эффективным средством реализации государственной политики в любой сфере жизнедеятельности общества, в том числе и научно-технической, но возможность рассматривать принципы государственной политики в качестве принципов правового регулирования весьма спорна. По нашему мнению, такое отождествление недопустимо в силу ряда обстоятельств. Причина, прежде всего, в круге охватываемых явлений. Содержание термина «государственная политика» несколько иное, чем у термина «правовое регулирование» и охватывает, в частности, такие вопросы, которые правом не регламентируются.

Так, рассматривая вопрос о возможности использования в качестве принципов правового регулирования образовательных отношений принципы государственной политики в сфере образования, В.М. Сырых совершенно справедливо отмечает, что не любое общее нормативное положение может претендовать на роль принципов отрасли права, а только те, которые характеризуют наиболее устойчивые и необходимые свойства предмета правового регулирования. Исследуя принципы государственной политики в сфере образования, он приходит к выводу, что не все они отвечают указанному требованию [9, с. 220]. Отмеченное имеет актуальность и для правового регулирования общественных отношений в научно-технической сфере.

Предметом правового регулирования в рассматриваемой сфере общества являются научно-технические отношения, то есть социальные отношения, связанные с созданием, систематизацией, применением и распространением результатов

научно-технической деятельности. Соответственно, и принципы правового регулирования должны отражать наиболее общие устойчивые специфические черты указанных отношений.

По нашему мнению, ключевое значение для выделения принципов правового регулирования общественных отношений, обладающих общим (родовым) предметом регулирования, имеют основополагающие принципы права. В качестве таковых следует признать основополагающие принципы международного права и внутригосударственного права, находящиеся в единой правовой системе и выполняющие роль ее каркаса. Очевидно, что нормы права не могут противоречить указанным принципам, в противном случае они будут ничтожными, то есть недействительными с момента их формирования. Вместе с этим следует заметить, что основополагающие принципы в силу их абстрактности зачастую нуждаются в конкретизации применительно к регулированию отдельных однородных общественных отношений.

Исходя из изложенного, а также учитывая, что правовое регулирование отношений в научно-технической сфере осуществляется не только различными формами национального права, но и международного права, целесообразно в первую очередь выявить принципы, сформировавшиеся в рамках международно-правового регулирования.

Наряду с основополагающими общепризнанными принципами в международном праве формируются так называемые отраслевые принципы – наиболее общие по содержанию правовые нормы, касающиеся однородных отношений и регулирующие их. Противоречие международно-правовых норм отраслевым принципам не допускается, хотя в отличие от основных общепризнанных принципов международного права оно может и не повлечь недействительности норм с момента их принятия [14, с. 97–121].

Специальные принципы правового регулирования международного научно-технического сотрудничества были обстоятельно исследованы в трудах К.Г. Борисова, который отмечает, что эти специфические международно-правовые принципы отражают процессы интернационализации научно-технических связей, а именно: свободы научных исследований глобальных проблем современности, сотрудничества в применении достижений научно-технического прогресса, научно-технического содействия в процессе установления нового международного экономического порядка, установления закономерно обоснованных и взаимовыгодных научно-технических связей и сотрудничества государств мирового сообщества, научного анализа вероятных средств наиболее полного решения задачи разоружения, отвлечения средств из сферы производства военной техники на развитие науки и техники, реализации научно-технических связей

на началах равноправия, взаимного эквивалентного обмена научно-техническими достижениями, включая международный книгообмен, взаимной подготовки и повышения квалификации специалистов руководящих кадров экономики и др. [1].

Исследуя обозначенные международно-правовые принципы интернационализации научно-технических связей, следует отметить, что не все они являются принципами правового регулирования. Кроме того, не все относятся к правовому регулированию общественных отношений, возникающих в научно-технической сфере. Так, принципы научного анализа вероятных средств наиболее полного решения задачи разоружения, отвлечения средств из сферы производства военной техники на развитие науки и техники, рентабельности способов ликвидации военной техники и ее использования в энергетических и исследовательских реакторах, переключения ресурсов, высвобождаемых в процессе разоружения, на социальные нужды и культурное развитие народов и наций, по нашему мнению, нельзя отнести к принципам правового регулирования, поскольку они не фиксируют наиболее устойчивые и необходимые свойства предмета правового регулирования, а являются отдельными направлениями деятельности государств или программными целями. Тот факт, что они закрепляются в актах международных межправительственных организаций, равно как и в международных договорах, не меняет сущности указанных положений.

На наш взгляд, также нет достаточных теоретических обоснований для ограничения принципа свободы научных исследований глобальными проблемами современности. Свобода научных исследований имеет ключевое значение, при этом является универсальным принципом, применимым не только к глобальным проблемам современности, но и ко всем темам научных исследований. К примеру, государства объединяют усилия при осуществлении научных исследований в сфере ядерной физики, биотехнологий, геномной инженерии и др.

Содержание внутригосударственных правовых актов, в частности Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», позволяет утверждать, что принципы правового регулирования также существуют на уровне национального права. Следует особо отметить, что международные и внутригосударственные принципы правового регулирования общественных отношений в научно-технической сфере функционируют в единой правовой системе, соответственно, и рассматривать эти принципы следует как взаимосвязанные элементы, в противном случае возникает фрагментарность восприятия объективной действительности, не позволяющая в полной мере выявить сущность рассматриваемого явления.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о наличии конкретных принципов правового

регулирования общественных отношений в научно-технической сфере, формирование которых обусловлено наиболее устойчивыми и необходимыми свойствами предмета правового регулирования. Представляется возможным выделить следующие принципы правового регулирования: свободы научных исследований, равенства прав и возможностей субъектов научно-технической деятельности, свободы доступа к научно-технической информации, добросовестной конкуренции и недискриминации в науке, свободного оборота и доступности научно-технических результатов, охраны и защиты результатов научно-технической деятельности, сочетания государственного (межгосударственного) регулирования и саморегулирования, сотрудничества в научно-технической деятельности.

Все указанные принципы системны: их тесные взаимосвязи образуют совокупность, которая обладает новым регулятивным свойством, не присущим каждому из принципов в отдельности, и направлена на правовую регламентацию научно-технической сферы в целом. Таким образом, следует вести речь не просто о хаотичном наборе принципов правового регулирования научно-технической сферы, а о системе принципов, или упорядоченной совокупности взаимосвязанных элементов, обладающей новыми свойствами, не характерными для отдельных частей системного целого.

То обстоятельство, что правовые системы современных государств формируются на основе приоритета человека, его прав и свобод, которые признаются высшей ценностью, в системе правового регулирования отношений в научно-технической сфере имеет решающее значение. Тем самым один из фундаментальных принципов права, провозглашающий всеобщее уважение прав и свобод человека, конкретизируется применительно к научно-технической сфере.

Анализ содержания форм права, регламентирующих правовые отношения в этой сфере (в частности, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конституции РФ 1993 г., Кодекса научных исследований (Франция), Закона США «О национальной политике в сфере науки и технологии, организации и приоритетах» 1976 г., Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» 1996 г.), позволяет сделать вывод о наличии такого принципа правового регулирования, как принцип свободы научных исследований. Свобода научных исследований подразумевает возможность субъектов научно-технической деятельности самостоятельно определять направления и методы проведения исследований и разработок. Научно-техническая деятельность является разновидностью творческой деятельности, которая теряет смысл без свободы. В противном случае достижение объективных результатов, ради которых

данная деятельность осуществляется, становится невозможным. В истории науки достаточно примеров, когда отсутствие свободы исследований, например, в силу засилья определенной идеологии, приводило к искаженным результатам исследований, не отражающим объективных процессов.

Несомненно, применительно к правовому регулированию отношений в научно-технической сфере принцип свободы научных исследований имеет фундаментальное значение, а в системе принципов играет ключевую роль. К примеру, принципы равенства прав и возможностей субъектов научно-технической деятельности, а также свободы доступа к научно-технической информации создают необходимые условия для реализации принципа свободы научных исследований. Принципы добросовестной конкуренции и недискриминации в науке, свободного оборота и доступности научно-технических результатов, а также охраны и защиты результатов научно-технической деятельности выполняют обеспечительную функцию. Принципы сочетания государственного (межгосударственного) регулирования и саморегулирования, сотрудничества в научно-технической деятельности направлены на формирование необходимой нормативной базы, а также выбор соответствующих методов регулирования, которые способствуют наиболее полной реализации принципа свободы научных исследований. При этом указанные принципы теснейшим образом связаны не только с принципом свободы научных исследований, но и друг с другом. Только взятые в единстве, функционирующие системно, рассматриваемые принципы правового регулирования научно-технической сферы позволяют достичь необходимого регулятивного эффекта.

Подводя итог, приходим к следующим выводам. Принципы правового регулирования научно-технической сферы, отвечая своим регулятивным и эвристическим задачам, не являются хаотическим множеством, а образуют специальную юридическую конструкцию – логически завершенную систему в виде уникального сочетания государственного (в том числе международного) регулирования и саморегулирования. Система принципов правового регулирования научно-технической сферы обладает наибольшим внутренним единством и наибольшей полнотой содержания благодаря приоритету принципа свободы научных исследований, который также обеспечивает ясную, внутренне обязательную связь норм права, реализуемых в научно-технической сфере.

Библиографический список

1. Борисов К.Г. Основы международно-правового регулирования многостороннего научно-технического прогресса государств мирового сообщества: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1990. – 660 с.

2. Дозорцев В.А. Законодательство и научно-технический прогресс. – М.: Юрид. лит., 1978. – 191 с.

3. Еришов В.В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 31–38.

4. Закон США «О государственной научной и технологической политике, организации и приоритетах» (National Science and Technology Policy, Organization, and Priorities Act of 1976) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/94th-congress/house-bill/10230/text> (дата обращения: 01.11.2016).

5. Кодекс научных исследований Франции (Code de la recherche) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071190> (дата обращения: 01.11.2016).

6. Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР / под ред. М.И. Пискотиной, В.А. Рассудовского, М.П. Ринга. – М.: Наука, 1973. – 422 с.

7. Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.

8. Соловьев Вл. Принцип // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 01.11.2016).

9. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. – М.: Центр образовательного законодательства, 2002. – 340 с.

10. Усманова Р.М. О соотношении понятий «публичное регулирование», «публичное управление» и «публичная власть» // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 133–140.

11. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3084 (дата обращения: 01.11.2016).

12. Чиркин В.Е. Публичное управление: учебник. – М.: Юрист, 2004. – 475 с.

13. Kohen M., Schramm B. General Principles of Law // Oxford Bibliographies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0063.xml (дата обращения: 01.11.2016).

14. De Wet E. The Prohibition of Torture as an International Norm of jus cogens and Its Implication for National and Customary Law // European Journal of International Law. – 2004. – Vol. 15. – No. 1. – P. 97–121.

ИДЕЯ ПРАВА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Правовое воспитание имеет социальную природу и находится под влиянием различных факторов, ни один из которых нельзя признать абсолютным. Оно является разновидностью идеологического воздействия на сознание индивидов, поэтому центральным компонентом в совокупности факторов влияния на правовое воспитание следует признать идеологическую детерминанту. В свою очередь, идеологическая детерминанта обусловлена правовопониманием. В статье обосновывается положение, что идея права является формой, воплощающей справедливое содержание. Доказывается, что эта форма имеет внешний вид нормативной конструкции, которая не только предоставляет, но и ограничивает свободу субъектов. Она основана на всеобщем юридическом равенстве. В статье предложена авторская трактовка правового воспитания в аспекте его детерминированности различными образами права. В качестве детерминантов рассматриваются, соответственно, право как мера свободы и право как приказ власти. Показаны различия между обозначенными подходами и обосновано преимущество первого из них.

Ключевые слова: правовое воспитание, идея права, правовая идеология, правосознание, детерминанта, свобода личности, правовопонимание.

Все, что связано с правовым воспитанием, обладает непреходящей актуальностью. Каждый из нас рано или поздно выступает в роли родителя, и каждому родителю, разумеется, хочется видеть своих детей достойными, образованными, преуспевающими людьми. К началу XXI века, причисляя себя к цивилизованному обществу, мы наблюдаем апробированную историей закономерность: если человек выступает как автономная, свободная личность, ответственная за свои поступки, то на жизненном пути ему удастся полностью реализовать свои способности и склонности, данные от рождения. Проблема в том, что на самом деле означают эти свобода и ответственность, как их сформировать и в каких пределах они могут и должны быть реализованы.

На все эти непростые вопросы отвечает доктрина и практика правового воспитания, здесь и далее понимаемого нами как диалектический процесс формирования и закрепления определенных ценностей правосознания, задающих направленность социальному поведению субъекта. В таком определении мы подчеркиваем концептуально важный для нас момент: правовое воспитание есть разновидность идеологического воздействия на сознание. Следовательно, детерминанты правового воспитания также находятся прежде всего в идеологической сфере.

К сожалению, само понятие идеологического отчасти дискредитировано. Истоки неоднозначной трактовки этого понятия обнаруживаем в полемике Наполеона Бонапарта с оппозиционным сенатором, французским мыслителем Антуаном Луи Клодом Дестют де Траси, который в 1796 году ввел в научный оборот термины «идеология», «идеологический»: идеология есть учение об идеях, позволяющее открыть способности суждения и оценки в различных областях, прежде всего – в политике и этике. Наполеон усмотрел здесь неопозволительное и опасное вторжение в дела государственные, назвав «идеологов» школы де Траси главной под-

равной силой [1]. Гнев императора оказался достаточным для того, чтобы вот уже на протяжении более двух столетий термины «идеология», «идеологический» балансировали между полюсами смысла, периодически склоняясь к отрицательному толкованию: «манипуляции, умышленное конструирование мнимой реальности в том ее облике, который почему-либо выгоден создателям идеологии».

Такие негативные истолкования мы применять не будем. Признавая чрезвычайно высокий потенциал идеологических воздействий на сознание, мы, тем не менее, исходим из презумпции добросовестного распространения идей, что концептуально соответствует предпринятому нами изучению проблематики правового воспитания.

Подчеркнем также и то, что правовое воспитание, имеющее социальную природу, в таком своем качестве является полидетерминированным феноменом, то есть оно обусловлено множественными влияниями разнопорядковых факторов, ни один из которых нельзя абсолютизировать. Тем не менее идеологическая детерминанта представляется нам центральным звеном, поскольку именно она в конечном итоге определяет, какой образ права существует в сознании человека и так или иначе руководит его поведением в ситуациях выбора между несколькими возможными вариантами. Например, при возникновении конфликтной ситуации мы намечаем для себя либо правовой, либо неправовой путь ее разрешения – и всё это в зависимости от нашего правового воспитания.

Прежде чем осуществлять его практически, необходимо четко представлять себе, что именно и как вкладывается в сознание воспитуемого, что такое идея права и какие конкретно воплощения она может иметь в принципе.

Известный русский юрист и философ П.И. Новгородцев называл идею права «в высшей степени реальной и практической», а также утверждал, что «непонимание роли права и закона составляет серьезное бедствие нашей жизни» [4]. Характери-

зую юриспруденцию конца XIX – начала XX века, немецкий историк права О. фон Гирке призывал «найти ее, эту потерянную идею права, иначе мы сами себя потеряем!» [5]. Наш современник, английский специалист в области философии права Д. Ллойд подчеркивает, что «идея права является действительно одним из самых основополагающих факторов развития мирового сообщества» [3, с. 374]. Она неизбежно отражает наши общие воззрения на место человека в окружающем его мире, на природу человека, на те цели и задачи, которые призван выполнить человек [3, с. 14].

По нашему мнению, идея права – это его мысленный образ, сложившийся на основе осознанного индивидуального либо коллективного опыта. Доминирующим образом права определяется то, что в общетеоретических исследованиях называют типами правопонимания.

По своей идее право представляется нам формой, особой нормативной конструкцией, которая обладает несколькими фундаментальными характеристиками, неразрывно связанными друг и другом:

- она искусственна, то есть не дана природой, а специально создается людьми;

- она изначально проектируется как социальный инструмент, необходимый для поддержания общего порядка;

- она подразумевает справедливое содержание, претендует на правильность распределения и компенсации для достижения «общего блага».

Смысл права как формы состоит в примирении, в поддержании баланса, некоей разумной соразмерности. Лишенная такой формы, жизнь превратилась бы в хаос, в бесконечную борьбу своекорыстных инстинктов и устремлений, в противостояние злой и доброй воли, где побеждал бы тот, кто располагает более мощной силой и ресурсами (по принципу «у сильного всегда бессильный виноват»). Ведь очевидно, что «общество и государство слагаются из известного количества индивидов, из которых каждый чувствует себя отдельной, самостоятельной личностью, со своей особой внутренней и внешней жизнью, со своими индивидуальными интересами и индивидуальными, неповторяющимися особенностями. С другой стороны, раз существует и должно существовать общество, оно (как целое) имеет также свои интересы, причем эти последние сплошь и рядом оказываются в противоречии с интересами тех или других отдельных индивидов» [5].

Задача права как формы – обеспечить соразмерность, когда отдельно взятые интересы – как общие, так и частные – будут, во-первых, разграничены между собой, а во-вторых, защищены от посягательств таким образом, чтобы, с одной стороны, было возможно всестороннее развитие творческого потенциала личности, а с другой – не пострадали бы и общие интересы. Именно в такой

соразмерности частных и публичных начал заключается справедливость.

Итак, мы установили, что идея права есть форма, воплощающая справедливое содержание. Данная форма имеет внешний вид нормативной конструкции, которая предоставляет, но вместе с тем и ограничивает свободу субъектов. При этом форма основана на всеобщем юридическом равенстве: мера свободы определена каждому субъекту в одинаковом масштабе. Такой образ права, детерминирующий правовое воспитание, назовем условно «право-мера свободы».

Вместе с тем возможна иная трактовка идеи права, которая является логическим следствием постулата о праве как возведенной в закон воле господствующего класса, средстве непримиримой борьбы с внешними и внутренними врагами. В данном случае право по определению не может быть мерой свободы, а является лишь применением принудительной силы, призванной любой ценой достичь классовых целей, формулировка которых сама по себе не исключает привлекательных слов вроде равенства и братства. Взгляд на право как на принудительный порядок, поддерживаемый силой государства, также может быть детерминантой правового воспитания, и для такого случая примем условное обозначение «право-приказ власти».

Нетрудно заметить разницу в подходах к правовому воспитанию и, соответственно, в его методах, если придерживаться каждой из этих двух идей. Исходя из того, что право есть приказ действующей власти, мы тем самым задаем так называемую жесткую детерминацию. В данном случае мы признаем за человеком лишь возможность пассивно воспринимать внешние воздействия. Не отрицая потенциал подобного воздействия, все же отметим, что более эффективным, на наш взгляд, представляется второй подход, а именно – когда детерминантой правового воспитания является идея права как меры свободы. Внешнее воздействие здесь будет сочетаться с внутренней активностью, с работой самого человека над своим совершенствованием. Конечно, без внешних влияний эта работа невозможна, но внешние факторы здесь не подавляют личность, заставляя ее механически воспринимать приказы извне, а, наоборот, способствуют внутреннему развитию, так как задают некие планки роста самосознания человека, его организованности и дисциплинированности. Ставится задача «вложить в голову» не готовые схемы и шаблоны, а то, что будет основой для формирования шаблонов самостоятельными усилиями. Согласно давно установленным психолого-педагогическим закономерностям, при таком положении дел воспитательный процесс оказывается неизмеримо более эффективным.

Между тем этот подход пока еще не является общепринятым в теории и практике правового воспитания в России. Отсюда и осуществление

правового воспитания преимущественно программными методами, определяющими возможности финансирования различных форм работы, суть которых сводится именно к внешнему воздействию и жесткой детерминации. Здесь усматриваем прежнее преобладание взгляда на право как на принудительный порядок, поддерживаемый силой государства. Данное обстоятельство в известном смысле препятствует устойчивому поступательному развитию нашей страны как демократического правового государства, в котором права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Итоги предпринятого в настоящей статье анализа подведем в виде следующих тезисов.

Правовое воспитание есть диалектический процесс формирования и закрепления определенных ценностей правосознания, задающих направленность социальному поведению субъекта.

При всей очевидной полидетерминированности этого феномена следует признать центральным звеном именно идеологическую детерминанту правового воспитания.

Идея права как его мысленный образ, сложившийся на основе осознанного индивидуального либо коллективного опыта, существует в двух вариантах, соответствующих разным цивилизационным вариантам развития социума: право – мера свободы и право – приказ власти.

Правовое воспитание, детерминированное образом права – властного приказа, представляет собой жесткую детерминацию, исключительно внешнее воздействие на воспитуемых.

Правовое воспитание, основанное на идее пра-

ва как меры свободы, предполагает качественно иной процесс, ориентированный на паритет внешнего воздействия и внутренней активности воспитуемых.

Правовым ценностям, закрепленным в Конституции Российской Федерации, а равно общим психолого-педагогическим закономерностям в большей степени соответствует второй подход к правовому воспитанию, лишенный жесткой детерминации. К этому важно последовательно переходить в условиях современной России.

Библиографический список

1. *Блауберг И.* Дестют де Траси // Энциклопедия «Кругосвет»: онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/DESTYUT_DE_TRASI_ANTUAN_LUI_KLOD.html (дата обращения: 02.11.2016).
2. *Гуляихин В.Н.* Правовое воспитание человека как процесс формирования ценностно-смыслового компонента правосознания // Юридические исследования. – 2014. – № 8. – С. 60–79.
3. *Ллойд Д.* Идея права. – М.: ЮГОНА, 2002. – 416 с.
4. *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл. Соловьева // Вестник права: журнал Петербургского юридического общества. – 1899. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/novgorodcev.html> (дата обращения: 02.11.2016).
5. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/elib/books/23> (дата обращения: 02.11.2016).

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье раскрывается проблематика технико-юридического совершенствования законов в условиях происходящей в настоящее время модернизации гражданского законодательства. Необходимость расширения сферы правового регулирования обуславливает введение в отечественную нормативно-правовую базу новой юридической терминологии, и в этой связи первостепенное значение приобретают вопросы точности и адекватности использованных в законе дефиниций и терминов. Формирование системы унифицированной юридической терминологии гражданского законодательства, предельно информативно отражающей предмет правового регулирования, является основой высокого качества и стабильности закона, позволяет избежать пробелов, противоречий и других недостатков, как в самих нормативных актах, так и в системе права в целом. При этом необходимо руководствоваться одним из основных языковых правил юридической техники, стремиться к упрощению лексических конструкций закона, позволяющих при всей сложности юридической терминологии давать правильное представление о содержании его норм не только специалистам в области права, но и широкому кругу граждан. Анализ нормативных дефиниций и терминов вещного права, предусмотренных Проектом изменений и дополнений в Гражданский кодекс РФ, позволяет сделать вывод о том, что введение некоторых терминологических новаций в текст закона влечет его неоднозначное толкование и объективно препятствует пониманию и реализации воли законодателя.

Ключевые слова: гражданское право, законодательная техника, юридическая терминология, дефиниция, вещное право.

Осуществляющаяся в настоящее время модернизация российского гражданского законодательства, обуславливающая внесение в Гражданский кодекс РФ существенных и принципиальных изменений, в том числе и системного характера, выдвигает на первый план задачу повышения уровня законодательной техники и качества текстуального оформления гражданско-правовых норм. Расширение сферы правового регулирования определяет необходимость введения в отечественную нормативно-правовую базу новой юридической терминологии с целью более четкого и адекватного регулирования соответствующих правоотношений, формирования согласованной системы унифицированной юридической терминологии гражданского законодательства. Использование в текстах законов юридических терминов, точно и предельно информативно отражающих предмет правового регулирования, является основой их высокого качества и стабильности, позволяет избежать пробелов, противоречий и других недостатков, как в самих нормативных актах, так и в системе права в целом.

Вопросы формирования и функционирования юридической терминологии в российском законодательстве давно являются предметом научного осмысления отечественных правоведов и лингвистов, при этом порой высказываются такие крайние суждения, с которыми трудно согласиться. Признание и единообразное понимание значения юридической терминологии является редкостью среди представителей профессиональной юридической среды, а наличие различных взглядов на интерпретацию юридического термина привносит в его смысл специфические черты [10, с. 161].

В литературе справедливо указывается на то, что должна существовать система требований, предъяв-

ляемых к использованию юридических терминов в законодательном тексте как средству юридической техники [9, с. 9–10]. Это, прежде всего, единство, стабильность, доступность и общепризнанность терминов. Иными словами, юридические термины должны иметь единый правовой смысл во всех нормативных актах, то есть не создаваться законодателем только для данного закона или применяться в нем в каком-то особом смысле, быть устойчивыми и при всей своей сложности в целом давать верное представление о содержании правовых норм.

Необходимо отметить, что законодатель уделяет должное внимание технико-юридическому совершенствованию законов, и в ходе разработки законопроекта или иного нормативного акта первостепенное значение приобретают вопросы соответствия использованных в нем понятий объективным явлениям, точности и адекватности его текстуальной формы общественным отношениям, подлежащим урегулированию, а также внутренней и внешней непротиворечивости правового акта.

Усовершенствование Гражданского кодекса РФ, предусмотренное Концепцией развития гражданского законодательства РФ [5] (далее – Концепция) обуславливает определенное терминологическое обновление некоторых его разделов. Так, в связи с предполагаемым кардинальным изменением раздела II «Право собственности и другие вещные права» Проектом изменений и дополнений в ГК РФ [7] (далее – законопроект) предусмотрено законодательное закрепление общих положений о вещных правах с широким использованием дефинитивных норм и введение в российскую нормативно-правовую базу новой юридической терминологии.

Включение в раздел «Вещное право» отдельного подраздела «Общие положения о вещных

правах» восполняет отсутствие содержательной общей части, что является, как указано в Концепции, одним из главных недостатков российского правового регулирования в сфере вещного права и использовалось в качестве одного из аргументов, направленных на отрицание вещного права как самостоятельной юридической категории [5].

Данный подход обусловил нормативное закрепление многих дефиниций, т. е. «четких и лаконичных суждений о сущности правовых явлений, которые должны в обобщенном виде закрепить признаки правовой категории» [2, с. 65]. Являясь особой разновидностью нормативного правового предписания [11, с. 5], законодательные дефиниции способствуют унификации применения соответствующего понятия всеми субъектами права, обеспечивая целостность и стабильность системы права. Имея целью адекватное раскрытие сущности соответствующего понятия, юридические дефиниции направлены на уяснение смысла закона не только правоприменителем, но и иными участниками правовых отношений, в том числе и рядовыми гражданами, для которых дефиниции должны облегчать восприятие содержания закона.

Рассматривая в указанном аспекте предложенные разработчиками нормативные дефиниции вещного права, хотелось бы обратить внимание на некоторые дефинитивные формулировки. Так, владение, которое, согласно Концепции, является не вещным правом, а фактом (фактическим отношением), ст. 209 законопроекта определяет как «фактическое господство лица над объектом владения...». Далее, раскрывая в ст. 221 понятие вещного права, авторы законопроекта указывают, что оно «предоставляет лицу непосредственное господство над вещью». И, наконец, в ст. 233, где определяется содержание права собственности, дополнительно дается следующая дефиниция: «Собственник обладает наиболее полным господством над вещью...».

Юристам известно, что некоторые из приведенных выше формулировок были впервые предложены постгlossаторами, а лексема «господство» восходит к древнему латинскому термину “*dominium*”, который применялся ко всем случаям, когда вещь находилась в чьей-либо власти, ко всему тому, что находится в хозяйстве, в доме (*domus*) [8, с. 178]. Однако представляется очевидным, что указанные дефиниции в своей совокупности теряют смысловую однозначность и ясность в силу того, что в современном русском языке слово «господство» означает «обладание властью или преимуществом, преобладание, главенство» [6, с. 145]. По этой причине будет затруднено уяснение подлинного смысла определяемых правовых явлений для рядовых адресатов, которым будет сложно определить по данным дефинициям иерархию, если так можно выразиться, главенств, преобладаний, например, при владении

и праве собственности. Думается, предпочтительнее определить владение как фактическое обладание, а при дефиниции вещного права указать, что оно дает возможность лицу непосредственно воздействовать на вещь. Что касается дефиниции права собственности, то поскольку в настоящее время она является предметом острых доктринальных споров, а в законопроекте, по сути, противоречит той новой модели вещных прав, которая предложена его авторами, представляется целесообразным отказаться вообще от легального закрепления дефинитивной формулировки права собственности. Это будет логично еще и потому, что разработчики, выделяя виды вещных прав – право собственности и ограниченные вещные права, не дают разъяснения термина «ограниченные вещные права», обходясь только указанием на то, что они устанавливаются на вещь, находящуюся в собственности другого лица (ст. 223 законопроекта).

В этой связи нельзя не сказать и о том, что представляется спорной такая терминологическая новация, как замена названия категории вещных прав лиц, не являющихся собственниками, закрепленного в действующем Гражданском кодексе, на принятое в цивилистической науке определение «ограниченные вещные права» как не соответствующее смысловой стороне выражаемого понятия.

Вполне очевидно, что при формулировании нормативных положений вещного права разработчики исходили из принципа соблюдения терминологического баланса, включая в устоявшийся в гражданском законодательстве традиционный понятийно-терминологический аппарат термины, являющиеся новациями для Гражданского кодекса, но уже используемые в течение длительного времени цивилистикой. Расширение терминологической сферы гражданского законодательства за счет терминов, функционирующих в российской юридической науке, объяснимо законодательным установлением новых институтов.

Однако насколько в данном случае целесообразна законодательная терминологическая новация, и можно ли говорить о тождественности правового понятия и выражающего его термина «ограниченные вещные права»? Известно, что этот термин, заимствованный из германской цивилистики, означает, что правомочия, предоставляемые такими вещными правами, по содержанию более узкие (ограниченные), чем правомочия собственника.

Действительно, указание на ограниченность объема правомочий для субъекта ограниченного вещного права в сравнении с правомочиями собственника в полной мере применимо к такому праву пользования чужой недвижимой вещью в определенном, строго ограниченном отношении, как сервитут. Однако, например, в отношении вводимых в сферу гражданского оборота новых вещных прав – права постоянного землевладения (эмфи-

тевзиса) и права застройки (суперфиция) – сложно утверждать, что их содержание является менее объемным, ограниченным по сравнению с правом собственности. Значительная, почти исчерпывающая совокупность правомочий при установлении указанных прав на земельный участок (отчуждаемость и возможность перехода этих прав в порядке универсального правопреемства по наследству и при реорганизации юридического лица, передачи их в залог, их бессрочность или долгосрочность, а также абсолютные вещные средства для защиты приобретенных земельных участков) принадлежит не собственнику земельного участка, а субъектам «ограниченных» вещных прав. По этой причине еще А.В. Венедиктов вполне обоснованно предлагал рассматривать эмпитевзис и суперфиций в качестве примеров разделенной собственности [1, с. 117–126].

Для точного обозначения в законе такой категории вещных прав, которые в науке гражданского права традиционно называются ограниченными вещными правами, нет необходимости возвращаться и к их исконному римско-правовому обозначению – «права на чужие вещи» (*iura in re aliena*), поскольку, как справедливо указывается в литературе, оно само по себе не вполне точно, ибо, формально говоря, оно охватывает права любого титульного (законного) владельца вещи, не являющегося ее собственником, в том числе обязательственные права арендатора, хранителя, перевозчика, доверительного управляющего и т. д. [3, т. 2, с. 140]. Но видится более обоснованным сохранение в Гражданском кодексе легального термина «вещные права лиц, не являющихся собственниками», как более соответствующего выражаемому понятию в контексте новой модели вещно-правовых отношений, закрепленной в законопроекте.

Среди предполагаемых терминологических изменений гражданского законодательства в сфере регулирования вещно-правовых отношений ожидается и введение в Гражданский кодекс терминов, заимствованных из римского права и имеющих длительную историю употребления в цивилистике, таких, как эмпитевзис, суперфиций, узуфрукт, виндикационный и негаторный иски.

Вне всякого сомнения, в условиях формирования законодательства, регулирующего принципиально новые общественные отношения, употребление интернациональной юридической терминологии и заимствование некоторых понятий и терминов, функционирующих в зарубежном гражданском праве, является неизбежным и вполне обоснованным в свете мировых тенденций к гармонизации и унификации законодательств отдельных государств. Кроме того, немаловажное значение имеет тот факт, что термины, заимствованные из латинского и древнегреческого языка, удельный вес которых в образовании международной науч-

ной терминологии преобладает по причине их особой гибкости, позволяют одним словом обозначить сложные правовые явления, тем самым дают возможность не перегружать текст закона тяжеловесными синтаксическими конструкциями.

Однако, как справедливо указывается в литературе, при формулировании гражданско-правовых нормативных положений необходимо избегать «обвальной» рецепции иноязычной терминологии, учитывая, что внедрение любого иноязычного термина в российский юридический язык должно быть оправдано отсутствием соответствующего термина в отечественном правовом лексиконе. [9, с. 6, 14]. Таким образом, требование недопустимости необоснованного использования иноязычных терминов в законодательном тексте диктует необходимость ориентироваться, прежде всего, на русскоязычные термины, имея в виду, что одним из основных языковых правил юридической техники является упрощение лексических конструкций закона, их доступность, чтобы при всей сложности юридической терминологии давать не только правоприменителю, но и широкому кругу граждан правильное представление о содержании его норм. В этом аспекте не видится необходимости внедрять иноязычные термины в тексты гражданско-правовых нормативных актов при наличии соответствующих русскоязычных лексем. Кроме того, следует учитывать и такую особенность восприятия незнакомых терминов, как их интерпретация с опорой на узнаваемые компоненты, которые прочно приобрели в русском языке устойчивый смысл, иногда весьма далекий от значения юридического терминологического элемента. Так, например, глава 20.3 законопроекта посвящена регламентации такого вещного права, как право личного пользования, где в ст. 302, определяющей основные положения данного института, указывается в качестве дублета латиноязычный термин «узуфрукт». Не говоря уже о том, что наличие дублетов в терминологической системе является признаком ее неупорядоченности, приводящей к избыточности юридической информации. Подчеркнем, что осмысление указанного термина у рядового адресата закона может вызвать неверные ассоциации, а любая такая неточность негативно сказывается на качестве законодательного акта.

Совершенно справедливо замечание, что использование иностранной терминологии возможно только при наличии для этого определенных предпосылок, которыми, в частности, являются прочное вхождение иностранного термина в национальный язык и отсутствие в нем термина для обозначения соответствующего понятия [4, с. 12–13]. Однако тут следует высказаться и в отношении неудачного, на мой взгляд, термина «пользование». В данном случае лаконичность термина, хотя и общепринятого в науке, действует в ущерб

доступности его понимания и влечет неверные интерпретации рядовыми носителями языка. Более приемлемым представляется введение в Гражданский кодекс терминологической конструкции «право пользования чужой вещью».

Обобщая все вышесказанное, следует еще раз отметить, что при законодательном оформлении принимаемых в стране нормативных правовых актов, и тем более при внесении изменений и дополнений в ГК РФ, следует руководствоваться той целью, чтобы смысл текста закона был понятен не только специалистам в области права, но и рядовым носителям языка. В противном случае не исключена возможность его неоднозначного толкования субъектами права, что объективно препятствует пониманию и реализации воли законодателя и, в конечном итоге, негативно влияет на качество и эффективность правового регулирования.

Библиографический список

1. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.
2. Вопленко Н.Н., Давыдова М.Л. Правовые дефиниции в современном российском законодательстве // Вестник Нижегородского университета. – 2001. – № 1. – С. 64–71.
3. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Учебник / отв. ред. Е.А.Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 496 с.
4. Деревнин А.А. Юридические термины в праве // Академический юридический журнал. – 2001. – № 4(6). – С. 10–13.
5. Концепция развития гражданского законодательства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12176781/> (дата обращения – 09.10.2016)
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1989. – 924 с.
7. Проект ФЗ № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ», принят в I чтении 27.04.2012 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс (дата обращения: 09.10.2016)
8. Римское частное право: Учебник / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Юристъ, 1996. – 544 с.
9. Туранин В.Ю. Проблемы формирования и функционирования юридической терминологии в гражданском законодательстве РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2002. – 22 с.
10. Салтыков К.Г. Оттенки смысла юридических терминов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 1 (42). – С. 160–163.
11. Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук – Нижний Новгород, 2008. – 189 с.

ПРАВОПРЕЕМСТВО В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВООТНОШЕНИИ

В статье рассмотрена конструкция правопреемства в обязательственном правоотношении. Автор приходит к выводу о том, что в законодательстве не содержится правил, допускающих возможность прекращения одного правоотношения и одновременного возникновения другого правоотношения, идентичного первому, но с другим субъектом. Правопреемство происходит в результате замены субъектов обязательственного правоотношения при уступке требования (цессии), переводе долга, в частности, правоотношение со старым субъектным составом прекращается с возникновением нового правоотношения, единственным новшеством которого является новый субъектный состав, а содержание правоотношения (совокупность прав и обязанностей) остается прежним, то есть неизменным. Основанием допустимости подобного понимания правопреемства является неизменность основной юридической характеристики переходящего права или переходящей обязанности, а в рамках правоотношения – сохранение его содержания.

Следовательно, можно с уверенностью говорить о переходе прав и обязанностей от одного лица к другому с сохранением в силе ранее возникшего правоотношения, которое в таком случае не прекращается с последующим возобновлением, а лишь изменяется за счет замены участников правоотношения.

Ключевые слова: правопреемство, сингулярное правопреемство, обязательство, обязательственное правоотношение, переход прав и обязанностей, уступка требования (цессия), перевод долга.

Категория «правоотношение» в юриспруденции является одной из ключевых, с которой связано наличие субъективных прав и обязанностей и изменение круга участников правоотношения, происходящее в рамках юридической конструкции правопреемства. Правопреемство как правовая конструкция обеспечивается юридическими возможностями и обременениями субъективного права в том объеме и содержании, которые не противоречат природе и существу передаваемого права, основаниям и способам передачи.

В отечественной правовой доктрине, несмотря на устоявшееся четкое понимание правопреемства как института перехода прав и обязанностей, существует дифференциация данного понятия на уровне отраслей права, а также на уровне объекта правоотношения. Исследователи разграничивают, в частности, правопреемство в обязательствах [2; 5] и переход прав на вещи [2; 4]. Каждое из названных направлений опирается, в свою очередь, на одну из двух базовых теорий о правопреемстве – правопреемстве как переходе прав либо правопреемстве как прекращении одного правоотношения и возникновении нового. Уже одно это отличает, к примеру, исследование сингулярного правопреемства в рамках теории перехода прав от теории прекращения и возникновения обязательственных правоотношений.

Институт правопреемства с точки зрения доктринальных подходов получил широкое применение в большей степени в нормах гражданского права, поскольку в гражданском законодательстве нормы о правопреемстве регулируют отношения, связанные с переходом прав и обязанностей при реорганизации юридических лиц, передаче на основе договоров прав и обязанностей, в том числе корпоративных, вещных, обязательственных, наследования имущества, правопреемстве в исключительных правах, что, безусловно, представляет как теорети-

ческий, так и практический интерес с точки зрения динамики гражданских правоотношений.

Однако имеются подходы, исследованные в рамках общей теории права [7, с. 24], процессуального права [6] и других отраслей права, и которые, как правило, носят межотраслевой характер.

В юридической литературе различают два вида преемства: универсальное (общее) преемство, когда на стороне нового лица воспроизводится юридическая ситуация предшественника как таковая, и сингулярное (частное), когда субъект преемства воспринимает лишь отдельные права, прежде принадлежавшие другому лицу. При этом надо отметить, что различие между сингулярным и универсальным преемством не количественное, а качественное, потому что в первом случае новый субъект, отношения характеризующие деятельность хозяйственных преемник, отношения характеризующие занимает место только активного субъекта, отношения характеризующие деятельность хозяйственных и имущественных действий в свою очередь направленных на расширение законодательного действия, которое определяется событийным и функциональными свойствами нормы которых являются основными аспектами тогда как во втором он входит в положение и пассивного субъекта, отношения характеризующие деятельность хозяйственных и имущественных действий в свою очередь направленных на расширение законодательного действия, которое определяется событийным и функциональными свойствами нормы которых являются основными аспектами которое занимал его предшественник. судебные действия органов власти, которые непосредственно определяются как процессуальные и действенные субъекты, в свою очередь ответственные за соблюдения прав граждан и направленные на разрешения прокурорских взысканий, функциональные действия.

Между тем единообразного понимания сущности правопреемства, его признаков, условий, пределов использования в рамках гражданского оборота и т. п. среди отечественных цивилистов не существует.

Одной из фундаментальных является работа Б.Б. Черепихина [8, с. 7–20], посвященная исследованию отдельных случаев изменения субъектного состава в гражданском правоотношении и изучению проблем права собственности, уступки права требования и перевода долга, реорганизации юридических лиц и наследования.

В данной работе будет исследовано правопреемство в обязательственном правоотношении.

Обязательственные отношения первоначально трактовались лишь как отношения строго личного характера и прекращались как со смертью должника, так и со смертью кредитора. Возникнув в глубокой древности, отношения характеризующие деятельность хозяйственных и имущественных действий в свою очередь направленных на расширение законодательного действия, которое определяется событийным и функциональными свойствами нормы которых являются основными аспектами данная концепция продолжала развиваться сообразно развитию товарного и денежного оборота.

Правопреемство в обязательственном правоотношении прежде всего связано с отдельными случаями перемены лиц в обязательстве. В частности, в данной статье рассмотрим уступку требования (цессия) и перевод долга.

В гражданском праве **обязательственные правоотношения принято именовать обязательствами, которые** представляют собой относительные правоотношения, поскольку отличаются определенным субъектным составом (кредитор – должник).

Конструкция правопреемства в обязательственном правоотношении представляет собой замену одного из субъектов обязательства – либо кредитора, либо должника.

Правопреемство как правовая конструкция обеспечивается юридическими возможностями и обременениями субъективного права в том объеме и содержании, которые не противоречат природе и существу передаваемого права, основаниям и способам передачи. Правопреемство, как правило, связано с производным приобретением права собственности, но также может иметь место и в иных случаях, которые не подпадают под производное приобретение права собственности. Например, при перемене лиц в обязательстве согласно гражданскому законодательству происходит правопреемство кредитора или должника.

Правопреемство как категория гражданского права есть производный способ возникновения и изменения прав, состоящий в переходе субъективных прав и юридических обязанностей от од-

ного лица (правопредшественника) к другому лицу (правопреемнику) в соответствии с требованиями закона, статьями договора или по другим обстоятельствам [8, с. 7–20]. Основанием допустимости подобного понимания правопреемства является неизменность основной юридической характеристики переходящего права или переходящей обязанности, а в рамках правоотношения – сохранение его содержания.

Гражданский кодекс Российской Федерации [3], закрепляя положения об уступке требования (цессии), предусматривает возможность уступки существующего и уступки будущего требования, которая является одним из случаев перемены лиц в обязательстве и одним из оснований сингулярного правопреемства.

Следующим основанием перемены лиц в обязательстве является перевод долга, который рассматривается как одно из оснований сингулярного правопреемства.

Уступка требования (цессия) и перевод долга предполагают замену одной из сторон обязательства, поскольку конструкция правопреемства предполагает переход прав и обязанностей, что связано либо с заменой кредитора, либо должника.

Вопрос о правовой природе правопреемства в юридической литературе является дискуссионным. В частности, свойство переходности прав и обязанностей либо права и обязанности не имеют свойства переходить (передаваться). Следовательно, возникает вопрос о правопреемстве в обязательственном правоотношении с точки зрения наличия правоотношения с заменой субъекта либо возникновении нового правоотношения исходя из конструкции правопреемства.

Согласно теории транзитивности (переходности), правопреемство рассматривается как переход субъективных прав и обязанностей от одного лица к другому, и в силу этого правопреемство и производное приобретение прав являются неразделимыми. Правопреемство в данном случае – понятие, которое, по сути, не отождествляет перехода прав на вещи с так называемой физической передачей вещей из владения одного лица во владение другого. Ключевым признаком правопреемства как производного способа правоприобретения признается конструкция связи возникновения права приобретателя от права предшественника. В данном случае необходимо исходить из положений о включении в объект гражданского правоотношения прав и обязанностей или признание прав и обязанностей оборотоспособными. Следовательно, можно с уверенностью говорить о переходе прав и обязанностей от одного лица к другому с сохранением в силе ранее возникшего правоотношения, которое в таком случае не прекращается с последующим возобновлением, а лишь изменяется за счет замены участников правоотношения.

Сущность теории дискретности (непереходности) заключается в невозможности перехода прав от одного лица к другому. Так, В.А. Белов рассматривает правопреемство как смену субъектов правоотношения. В данном случае о правопреемстве можно говорить достаточно условно, поскольку правопреемство собственно в правах и обязанностях не происходит вовсе, происходит лишь прекращение одного правоотношения с субъектным составом и возникает новое правоотношение.

В советском гражданском праве ученые исходили из положения, что права и обязанности являются юридическими категориями, которые, как и любые идеальные категории, передаваться не могут, и невозможность передачи (перехода) прав и обязанностей рассматривалась с точки зрения перехода права собственности.

Таким образом, исследование научных теорий правопреемства (теории транзитивности и теории дискретности) позволили сделать выводы о том, что с учетом формулировок гражданского законодательства необходимо исходить из понятия правопреемства как замены субъекта в обязательственном правоотношении с одновременным переходом прав и обязанностей от одного субъекта обязательственных правоотношений к другому. В данном случае вывод сводится к субъективной оценке последствий тех или иных действий и определению границ правоотношения, в частности, где заканчивается одно правоотношение и начинается другое.

Правопреемство характеризуется тем, что «имеет место юридическая зависимость прав и обязанностей правопреемника от прав и обязанностей его предшественника (праводавца)», то есть в данном случае правопреемство необходимо судебные действия органов власти, которые непосредственно определяются как процессуальные и действенные субъекты, в свою очередь ответственные за соблюдения прав граждан и направленные на разреше-

ния прокурорских взысканий, функциональные действия рассматривать как элемент общего понятия «юридическое последствие», к которому относятся возникновение, изменение и прекращение субъективных гражданских прав и обязанностей. Правопреемство – это один из случаев изменения гражданского правоотношения, а именно изменение (замена) субъекта обязательственных правоотношений (уступка требования, перевод долга).

Библиографический список

1. *Белов В.А.* Сингулярное правопреемство в обязательстве. – М.: Дело, 2007. – 486 с.
2. *Воронцова С.Н.* Гражданско-правовое регулирование универсального правопреемства имущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М.: РГГУ, 2010. – 188 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: по состоянию на 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. на 03 июля 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (в ред. от 5 декабря 1994 г. № 32). – Ст. 3301.
4. *Емельянец В.П.* Универсальное правопреемство в гражданском праве / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: Юриспруденция, 2010. – 259 с.
5. *Ломидзе О.Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 535 с.
6. *Нечаев А.И.* Процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.
7. *Носов Д.В.* Правопреемство: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Пермь: Пресстайм, 2011. – 24 с.
8. *Черепяхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву. – М.: Госюриздат, 1962. – 162 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются теоретические и практические аспекты понятия «предпринимательская деятельность». Рассматриваются существующие в науке предпринимательского права подходы к его дефиниции. Вопрос о том, является ли определение предпринимательской деятельности, закрепленное в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, легальным, представляется спорным. С точки зрения юридической техники дефиниция, содержащаяся в указанной норме, совершенной не является. Тем не менее норма п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации выступает основой для выделения признаков предпринимательской деятельности. В статье раскрывается содержание таких существенных признаков, как самостоятельность, рисковый характер и систематичность получения прибыли. На современном этапе критерий систематичности извлечения прибыли не раскрыт в законодательстве и не разработан однозначно наукой предпринимательского права, в связи с чем в статье приводится позиция судов по ряду вопросов, пока не нашедших четкого законодательного урегулирования. Делается вывод о том, что судами выработана определенная позиция в отношении признаков предпринимательской деятельности и судебная практика складывается единообразно, однако это не восполняет законодательного регулирования данной проблемы в полной мере.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, признак предпринимательской деятельности, субъект предпринимательской деятельности, предпринимательский риск, систематичность получения прибыли.

Одним из неоднозначных и дискуссионных вопросов современного права представляется сам термин «предпринимательская деятельность», являющийся ключевым для предпринимательского права в целом. Переосмысление данной правовой категории объективно необходимо для наиболее полного и справедливого урегулирования отношений, возникающих в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

На протяжении последних четырех лет ведущие российские цивилисты осуществляют масштабную работу по реформе гражданского законодательства Российской Федерации, итогом которой стало последовательное принятие ряда федеральных законов, повлекших существенные изменения в регулировании гражданско-правовых, в том числе и предпринимательских, отношений. Однако обозначенной нами проблемы изменения так и не коснулись, что было отмечено в научном мире. Например, Е.П. Губин, комментируя Концепцию развития гражданского законодательства РФ, заметил, что «никаких изменений в определении предпринимательской деятельности не вносится, несмотря на то, что уже много лет назад были высказаны предложения по этому вопросу» [5, с. 4].

Определение предпринимательской деятельности дано в п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, согласно которой предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. На тот факт, что приведенное определение является именно легальным, находят многочисленные под-

тверждения и в научной, и учебной юридической литературе. Например, В.С. Белых в своей монографии говорит о том, что легальное определение понятия «предпринимательская деятельность» дано в п. 1 ст. 2 ГК РФ [3]. Аналогичной позиции придерживается О.Н. Ермолова [6, с. 32]. Обозначенный подход прослеживается в ряде учебников и учебных пособий [10, с. 26; 11].

Однако данное мнение не является единственным, существуют и иные точки зрения. Например, проведенный анализ нормативных правовых актов и обзор судебной практики привел О.М. Олейник к выводу о том, что «в настоящее время в российском праве нет легального определения предпринимательской деятельности» [9, с. 2]. На схожих позициях, также критических, стоит и А.Г. Быков, указывая, что основную цель фиксации этого положения законодатель видел не в формулировке понятия предпринимательской деятельности, а в том, чтобы сказать, что гражданское законодательство регулирует также и отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность (или с их участием), кратко отметив в этой связи (дабы не было каких-либо недомолвок), что понимается под этой деятельностью [4, с. 72]. Несмотря на определенную объективность и содержательность приведенной авторами аргументации, бесспорным их мнение назвать нельзя. Следует признать, что дефиниция, содержащаяся в п. 1 ст. 2 ГК РФ, является основополагающей для квалификации деятельности как предпринимательской. Хотя с точки зрения юридической техники совершенной она не представляется, что также является предметом критики среди ученых [7, с. 162–163].

И все же норма п. 1 ст. 2 ГК РФ служит основой для выделения признаков предпринимательской

деятельности и позволяет в числе таковых назвать: 1) самостоятельность, 2) осуществление на свой риск, 3) направленность на систематическое получение прибыли и 4) государственную регистрацию лиц, ее осуществляющих. Причем первые три признака относятся к сущностным признакам, поскольку характеризуют сущность предпринимательской деятельности, позволяют говорить о правовой природе данного общественного явления. Именно на них в статье будет сосредоточено внимание, тем более что законодательные формулировки некоторых из них содержат некую нечеткость, в связи с чем позиция судов применительно к обозначенной проблеме представляется особенно важной. Последний, четвертый, признак носит формальный характер, поскольку отсутствие государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица позволяет квалифицировать деятельность как незаконную, что влечет для субъектов, ее осуществляющих, определенные правовые последствия.

Первый из признаков характеризует предпринимательскую деятельность как деятельность самостоятельную. Самостоятельность предпринимателей проявляется и в имущественных отношениях, и в вопросах организации своей деятельности. Хотя, если говорить строго, подобное положение характерно и для иных субъектов гражданского права – граждан и юридических лиц. Согласно п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им права. В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своих интересах. Поэтому следует признать, что самостоятельность как признак характеризует гражданско-правовой статус граждан и юридических лиц в целом, а не только субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность. В подобном русле высказывается и О.Н. Ермолова, говоря, что «самостоятельность – не отличительная черта предпринимательской деятельности как деятельности по осуществлению гражданских прав» [6, с. 32].

Одним из сущностных признаков предпринимательской деятельности является рисковый характер. Связь такой деятельности с риском неразрывная, поскольку предприниматель действует в постоянно изменяющихся условиях хозяйствования. На его деятельность влияет определенная совокупность факторов – как объективных, так и субъективных. Как следствие, принятию решений в процессе осуществления предпринимательской деятельности всегда сопутствует некая неопределенность.

Понятие риска известно гражданскому законодательству, и сам термин «риск» упоминается в ряде норм ГК РФ. Так, ст. 82, 87, 96 ГК РФ говорят о риске убытков, связанных с деятельностью

хозяйственных товариществ и обществ. В ряде статей ГК РФ риск рассматривается в контексте случайной гибели или случайного повреждения имущества (ст. 211, 344, 459). Словосочетание же «предпринимательский риск» употребляется применительно к договору страхования, где раскрывается и его понятие. Согласно ст. 929 ГК РФ таковым признается риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов. Однако следует признать, что приведенная дефиниция уместна только в узкой сфере гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с заключением договора страхования предпринимательского риска. Понятие предпринимательского риска как сущностного признака предпринимательской деятельности гораздо шире понятия предпринимательского риска как объекта страховой защиты. В контексте ст. 929 ГК РФ под последним понимается исключительно риск убытков от определенных последствий, могущих иметь место в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Предпринимательский же риск как признак деятельности включает в себя все действия по реализации выбранного в условиях неопределенности решения и учитывает вероятность как неудачи, отклонения от поставленной цели, так и неспрогнозированного успеха [12, с. 224]. В связи с этим следует признать, что в качестве именно признака предпринимательской деятельности понятие предпринимательского риска в гражданском законодательстве не раскрыто.

Одним из наиболее спорных и чаще всего критикуемых представляется такой признак предпринимательской деятельности, как направленность на систематическое получение прибыли. На эту цель деятельности предпринимателя уже обращали внимание исследователи прошлого столетия. Так А.И. Каминка отмечал, что прибыль – это лишь стимул коммерческой деятельности. Цель коммерческой деятельности – сама эта деятельность, приносящая прибыль [8, с. 18]. Таким образом, наличие прибыли придает деятельности предпринимателя коммерческий характер. Однако отсутствие прибыли по итогам отчетного периода не влияет на квалификацию деятельности как предпринимательской, поскольку извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не обязательным ее результатом. Данная правовая позиция была сформулирована Верховным судом РФ и прослеживается в практике нижестоящих судов [1; 2].

Рассматриваемый признак содержит еще и такой критерий, как систематичность извлечения прибыли предпринимателем. Еще раз хочется обратиться к правовому наследию дореволюцион-

ных коммерциалистов. П.П. Цитович совершенно верно писал: «Действие, совершенное в одиночку, не есть торговое, но оно становится таковым, если совершение таких действий является промыслом, профессией. Отдельное действие получает торговый характер из-за принадлежности его к определенной совокупности – промыслу» [13]. На современном этапе содержание критерия систематичности извлечения прибыли не раскрыто в законодательстве и не выработано однозначно наукой предпринимательского права. Судебная практика основывается на том, что лицо, осуществляя предпринимательскую деятельность, должно ставить перед собой цель не разового получения прибыли, а ее получения в качестве промысла, на постоянной основе, да и сама деятельность должна носить систематический характер. Разъяснения Пленума Верховного суда РФ по данному вопросу сводятся к тому, что отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг не свидетельствуют о том, что деятельность была направлена на систематическое получение прибыли. И наоборот: доказательствами, подтверждающими занятие лицом деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли, могут быть показания лиц, оплативших товары, работы или услуги, расписки в получении денежных средств, размещение рекламных объявлений, выставление образцов товаров в местах продажи, заключение договоров аренды помещений и др. [1].

Еще одним недостатком названного признака можно назвать то, что получение прибыли предполагается от осуществления определенных видов деятельности – пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг. Раскрывая содержание предпринимательской деятельности, законодатель применил принцип исчерпывающего перечня. А как справедливо отмечает И.В. Ершова, «предпринимательская деятельность многогранна, и в условиях рынка ее направления не укладываются в “прокрустово ложе” закрытого перечня» [7, с. 165]. В связи с этим некоторая некорректность формулировки п. 1 ст. 2 ГК РФ очевидна.

Таким образом, правовая категория «предпринимательская деятельность» является сложной, включающей конституционно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой и иные аспекты. И только учет всех названных составляющих представляется гарантией четкого правового регулирования отношений, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Норма п. 1 ст. 2 ГК РФ существует в неизменном виде с момента принятия части 1 ГК РФ. За истекший с 1994 г. период, конечно же, судами была выработана определенная позиция в отноше-

нии признаков предпринимательской деятельности, в частности признака систематичности получения прибыли, и судебная практика складывается единообразно. Однако это не восполняет законодательного регулирования данной проблемы в полной мере.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 г. № 18 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 14.12.2012 г. по делу № А49-1675/2012 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. *Белых В.С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. – М.: Проспект, 2009 // СПС «Консультант Плюс».
4. *Быков А.Г.* О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // А.Г. Быков: Человек, Ученый, Учитель. – М.: Стартап, 2013. – 416 с.
5. *Губин Е.П.* О предстоящих изменениях в части I Гражданского кодекса Российской Федерации и правовое регулирование предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. – 2012. – № 4. – С. 2–5.
6. *Ермолова О.Н.* К вопросу о признаках предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. – 2014. – № 3. – С. 32–35.
7. *Ершова И.В.* Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // *Lex russica*. – 2014. – С. 160–167.
8. *Каминка А.И.* Очерки торгового права. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 547 с.
9. *Олейник О.М.* Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике // Предпринимательское право. – 2013. – № 1. – С. 2–16.
10. Предпринимательское право РФ: учебник / под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. – М.: Норма, 2010. – 1008 с.
11. Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. – М.: Проспект, 2011.
12. *Трошук И.В.* Предпринимательский риск и риск предпринимателя в теории гражданского права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 12. – С. 217–226.
13. *Цитович П.П.* Очерк основных понятий торгового права. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. – 434 с.

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫНЕСЕНИЯ СПРАВЕДЛИВЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

В статье рассматривается вопрос о толковании судом норм материального права как механизме достижения справедливости при рассмотрении гражданских дел. Приводятся мнения ученых о необходимости учета морально-нравственных фактов при разрешении гражданского дела. Автор отмечает значимость судебного правоприменения, которая заключается в восстановлении баланса нарушенных субъективных прав и законных интересов сторон в споре. Обращается внимание на то, что жизненные ситуации носят разнообразный характер, и не всегда в полной мере могут учитываться законом. Одним из правовых механизмов вынесения законных и справедливых решений является толкование судом норм материального права. В статье приводится судебная практика, иллюстрирующая как чрезмерно формальное отношение судов к применению закона, так и учет судами норм права в их совокупности и их надлежащее системное толкование. Автор отмечает существование различных способов толкования, их взаимную обусловленность и необходимость комплексного применения при разрешении гражданских дел.

Ключевые слова: толкование, законность, справедливость, судебное правоприменение, оценочные понятия, телеологическое толкование, нормы-принципы.

Категория справедливости и любая юридическая деятельность всегда находятся в тесной взаимосвязи. Так, в правотворческой деятельности справедливость проявляется в процессе создания законодателем нормативных положений, которые должны соотноситься с понятиями морали и нравственности, отражать социальную сущность права. Правореализация предполагает справедливое и добросовестное поведение участников правоотношения при воплощении в жизнь нормативных начал. В свою очередь, в правоприменительной деятельности понятие справедливости имеет основополагающее значение и является ее отправной точкой.

Статистика показывает, что с каждым годом количество граждан, обратившихся в суд за защитой своих прав, увеличивается. Необходимо признать, что тенденция к росту числа обращений граждан в суд отвечает истинному назначению правосудия. Суд – специфический орган власти, он создан для разрешения социальных конфликтов. На это указывает и закон. Ст. 2 ГПК РФ определяет цель гражданского судопроизводства: это правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел в целях защиты нарушенных прав и свобод субъектов права. В ходе правоприменительной деятельности суд восстанавливает утраченный баланс субъективных прав и обязанностей в спорном правоотношении, воздействуя на него посредством использования того или иного нормативного предписания. Иными словами, в процессе применения норм материального права суд стремится вынести правильное по существу решение, которое должно быть законным (обоснованным), а также справедливым.

Вместе с тем следует признать, что судебное правоприменение – это не механический процесс подбора нормы права и ее использования в конкретном споре. В противном случае необходимость в существовании суда, состоящего из профессиональных юристов, отпала бы. Очевидно,

что обстоятельства каждого конкретного спора разнообразны. При этом помимо фактов, имеющих юридическое значение для разрешения спора и относящихся к законной стороне решения, существуют и факты морально-нравственного характера, непосредственно не связанные с предметом доказывания по делу. В процессуальной литературе высказывались различные мнения о необходимости установления судом указанных фактов. Категорически отрицал существование общественно-политической оценки фактов в правосудии С.В. Курылев. В его понимании, в случае обнаружения несоответствий закона и требований справедливости предпочтение необходимо отдавать закону. Моральная же оценка фактов в правосудии самостоятельной роли не играет [7, с. 4–5].

Разделяет взгляды С.В. Курылева и Л.А. Ванеева. По ее мнению, моральная оценка поведения участников процесса важна, но только в той мере, в которой это предусмотрено законом. Ею также поднимался вопрос о возможности существования противоречий между законом и нормами морали, однако в любом случае предпочтение надлежит отдавать закону [5, с. 106–108]. Аналогичная позиция высказана С.Ф. Афанасьевым [2, с. 20].

Противоположного мнения придерживается А.Т. Боннер. Он полагает, что правильное разрешение судебных дел зачастую невозможно без верной моральной оценки их фактических обстоятельств, причем не только в случаях прямого указания на это закона [4, с. 82].

С нашей точки зрения, второй вариант наиболее предпочтителен. Во-первых, на необходимость установления фактов, имеющих морально-нравственный оттенок, постоянно указывается в нормах гражданского, семейного, жилищного, трудового законодательства. Например, п. 1 ст. 85 СК РФ предписывает родителям обязанность содержания своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи. Или п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ:

работодатель расторгает трудовой договор с работником, выполняющим воспитательные функции, в случае совершения им аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы. Юридическое значение таким фактам законодатель придает посредством использования, так называемых, оценочных понятий («нуждающихся в помощи», «аморальный проступок»). Поэтому нередко именно закон предписывает субъектам применения права обращаться к моральной оценке фактических обстоятельств. В связи с указанным, с мнением С.В. Курылева мы согласиться не можем.

Во-вторых, стоит констатировать, что в российском праве преобладают нормы абсолютно-определенного содержания, нежели нормы, включающие в себя оценочные понятия. С одной стороны, сторонники первого подхода правы: какое отношение к спору могут иметь факты морально-нравственного характера, если норма права дает четкую конструкцию и предписывает определенное поведение субъектам права? С другой стороны, такой взгляд узок и формален. По нашему мнению, в данном вопросе необходимо отталкиваться от цели судопроизводства, от смысла права вообще. Если суд применит нормы в полном соответствии с требованиями закона и получит идеальное решение с точки зрения его законности и обоснованности, но несправедливое по своей сути – можно ли будет считать, что цель правосудия достигнута? Полагаем, что нет.

Однако мы уверены, что российское право на сегодняшний день может предложить правоприменителю множество правовых инструментов достижения справедливости в рамках закона. К ним можно отнести институты толкования норм, конкретизации, использование оценочных понятий, применение аналогии закона и права, учет целей законодательства, прямое действие Конституции РФ и т. д.

В то же время проблема заключается в том, что используются эти инструменты судами неохотно. Так, председатель Конституционного Суда РФ, В.Д. Зорькин, обращает внимание на то, что судебная практика постсоветской России до сих пор исходит из идей юридического позитивизма. «... [Суды] вынуждены работать в отсутствие полноценной правовой доктрины, которая в должной мере соответствовала бы человекоцентристской правовой идеологии, положенной в основу Конституции РФ. Это касается самых разных аспектов правовой доктрины и прежде всего самого понятия права, по поводу которого в современной российской теории права нет сколько-нибудь четкой общепризнанной позиции»¹.

Кроме того, нельзя не учитывать традиционную загрузку судов общей юрисдикции, которая способствует принятию, возможно, и законных, но не всегда обдуманных с точки зрения справедливости решений. Действительно, использование судом приведенных выше правовых механизмов до-

стижения справедливости требует существенных временных и умственных затрат. В большинстве случаев выбор правоприменителя осуществляется в пользу законности решения безотносительно к его нравственной составляющей. Однако указанный фактор никоим образом не может служить «оправданием» для правоприменителя. Цель правосудия – достижение справедливости.

Рассмотрим ситуации, когда закон очень четко регламентирует правоотношение, но разнообразие жизненных обстоятельств оказывается настолько уникальным, что действия существующих норм права становится недостаточно.

Так, истец неоднократно обращался в суд с иском к бывшей супруге Н. о лишении ее родительских прав в отношении их общей 5-летней дочери и определении места ее жительства. Истец ссылался на небрежное и жестокое отношение Н. к ребенку, наличие между ним и ребенком тесной психологической связи, а также на наличие достаточных материальных возможностей для ее благоприятного воспитания истцом. Суды отказывали истцу, посчитав недоказанным факт небрежного отношения Н. к ребенку и исходя из необходимости проживания девочки в этот период жизни именно с матерью². Тем не менее, обстоятельства складывались так, что продолжительный период времени ребенок законно проживал с истцом.

В процессе рассмотрения очередного дела о лишении Н. родительских прав ею был предъявлен встречный иск об оспаривании отцовства истца в отношении их дочери и обязанности прекратить общение с ней. Экспертиза ДНК установила, что истец не является биологическим отцом девочки. В связи с указанным обстоятельством суд удовлетворил иск Н.³, а производство по делу истца прекратил. Суд мотивировал прекращение производства следующим. Истец, не являясь биологическим отцом ребенка, не имеет права представлять интересы девочки, в частности, заявлять иск о лишении Н. родительских прав или определении места жительства ребенка, т.к. попросту является неуправомоченным лицом⁴. Вышестоящие инстанции определение суда оставили в силе⁵.

Итак, в вышеприведенном деле суд, руководствуясь принципом законности, применил нормы материального права чрезмерно формально. Семейный кодекс РФ предусматривает, что родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (п. 1 ст. 64). При этом суд может лишить родителя родительских прав по заявлению другого родителя, опекуна, прокурора или органа опеки в случае, помимо прочего, если родитель жестоко обращается с ребенком (ст. 69 и п. 1 ст. 70). Ребенок имеет право на общение с обоими родителями,

дедушкой, бабушкой, братьями, сестрами и другими родственниками (п. 1 ст. 55). Как было установлено в ходе рассмотрения дела, истец не являлся биологическим родителем ребенка, следовательно, не имел права заявлять требование о лишении Н. родительских прав, не имел также права в будущем общаться с ребенком. Процесс в соответствии с абз. 2 ст. 220 ГПК РФ подлежит прекращению.

В то же время вряд ли можно назвать справедливым определение суда. Истец воспитывал ребенка в течение 5-ти лет как свою родную дочь, у них была тесная эмоциональная связь. Как было установлено в суде, девочка хотела общаться и жить с истцом. Тот факт, что истец не является биологическим родителем ребенка, не может повлиять на содержание существующих между ними отношений.

Между тем, полагаем, что у отечественного суда имелись законные возможности изначально справедливо разрешить указанный выше спор. Дело в том, что СК РФ в ст. 1 содержит нормы-принципы в том числе закрепляющие принципы приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии. Также абз. 2 п. 2 ст. 54 СК РФ провозглашает право ребенка на обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства. Отметим, что такие нормы-принципы С.С. Алексеев называл декларативными и считал, что они имеют самостоятельное регулятивное значение: они направляют юридическую практику, определяют общие линии-решения юридических дел [1, с. 236–237]. Считаем правильным согласиться с указанным мнением и добавить, что при установлении конкретных фактических обстоятельств в случае наличия противоречий между нормой-принципом и обычной регулятивной нормой исходить следует из смысла и вектора нормы-принципа.

Так, в приведенном выше примере содержания ст. 1 СК РФ и ст. 55 СК РФ (общение с ребенком) с учетом конкретных обстоятельств дела будут противоречить друг другу. В данном случае отстранение истца от общения с ребенком не будет отвечать интересам последнего. Ребенок не сможет нормально развиваться, его психическое здоровье может серьезно пострадать. Суду надлежало учесть эти факты и в интересах ребенка не ограничивать его общение с истцом, исходя из смысла декларативной нормы семейного законодательства – ст. 1 СК РФ.

Относительно изложенного стоит отметить, что дело завершилось положительно. Истец обратился в ЕСПЧ, который, рассмотрев его жалобу, пришел к выводу о нарушении судами п. 1 ст. 6 и ст. 13 Европейской конвенции по правам человека. В постановлении Суд указал, что согласно положениям Конвенции о правах ребенка все государства-участники обязаны уважать и осуществлять право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы оценивались и принимались во внимание

в качестве первоочередного соображения. Государства-участники должны принимать все необходимые конкретные меры, нацеленные на осуществление этого права в полном объеме. При этом, по мнению ЕСПЧ, власти РФ не привели доводов относительно того, почему «необходимо в демократическом обществе» устанавливать исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на общение с ребенком, без каких-либо исключений, если это напрямую касается интересов ребенка? ЕСПЧ признал жалобу истца приемлемой и констатировал нарушение положений ЕКПЧ⁶. В дальнейшем Истец обратился с заявлением о пересмотре дела в части ограничения общения с ребенком по новым обстоятельствам, заявление было удовлетворено⁷.

Таким образом, приведенное выше дело показывает, что суд имел легальные возможности, для того чтобы учесть интересы всех сторон спора и вынести справедливое решение. Закон предоставляет необходимое количество правовых механизмов для более широкой трактовки конкретных жизненных обстоятельств, не ограничиваясь положениями одной-единственной нормы права. Иными словами, суду надлежало иначе толковать нормы семейного законодательства.

Итак, следует рассмотреть понятие толкования норм права. В различное время изучению этого явления были посвящены работы представителей науки теории права – А.Ф. Черданцева, П.Е. Недбайло, В.В. Лазарева, А.С. Пиголкина. Важность этого института в науке гражданского процесса подчеркивается А.Т. Боннером [4, с. 239–388]. В целом, в научной среде не возникало споров в отношении содержания понятия толкования: его рассматривали в двух проявлениях: как уяснение и разъяснение смысла нормы. Например, С.С. Алексеев отмечал, что толкование представляет собой деятельность по установлению содержания нормативных правовых предписаний в целях их практической реализации [1, с. 546]. В.С. Нерсесянц, в свою очередь, раскрывал толкование норм права как уяснение и разъяснение ее подлинного содержания, подлежащего реализации в данных конкретных условиях ее действия [11, с. 495].

В целом со всеми сформулированными соображениями следует согласиться. Однако стоит обратить внимание на позицию С.С. Алексеева о толковании права в рамках правоприменительной деятельности. Он полагал, что правоприменительное толкование представляет собой именно *толкование права*. Потому что в процессе применения важно не столько верно квалифицировать формальное предписание, но и истолковать «право в целом» – его смысл, его принципы, социально-политическое значение и т. д. [1, с. 554].

Мы согласны с позицией С.С. Алексеева. Как было указано ранее, правоприменение – это особый вид юридической деятельности. Уникальность

каждого конкретного спора вызывает необходимость детального толкования правовой нормы, учитывая как фактические обстоятельства дела, так и заложенный законодателем в такую норму истинный смысл, их анализ в совокупности. Нередко процесс толкования ограничивается лишь грамматическим, логическим способом. Между тем, наукой раскрывались и иные способы толкования – специально-юридический, систематический и социально-политический (телеологический) [1, с. 560–570]. Так, специально-юридический способ толкования направлен на уяснение смысла правовых конструкций той или иной отрасли права на основе достижений юридической науки – это могут быть дефиниции, разъяснения высших судов, научные комментарии. Систематический способ предполагает раскрытие сущности нормы в ее связи с иными положениями отрасли, т. к. праву присуща системность. В свою очередь, телеологический способ обязывает субъект толкования уяснить цель издания нормативно-правового акта, анализ социально-политической обстановки и причин, обусловивших появление такой нормы и т. д.

По нашему мнению, в процессе применения права суд не должен ограничиваться лишь формально-логическим, а иногда и буквальным толкованием нормы. Безусловно, такой способ является основным и для вынесения законного решения, и, как правило, его бывает достаточно. Между тем, постановление справедливого решения в ряде случаев требует более глубокого анализа нормативно-правовой базы, понимания заложенного в ней смысла в совокупности как с фактическими обстоятельствами дела, так и с иными нормативными положениями.

Приведем пример. Семья иностранцев обратилась в суд с требованием об усыновлении двух детей. В ходе рассмотрения дела было установлено, что родные дядя и тетя детей также изъявили желание принять их в свою семью на воспитание. Согласно п. 4 ст. 124 СК РФ усыновление детей иностранными гражданами допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников. Суд апелляционной инстанции заслушал объяснения дяди и тети детей. И если дядя изменил свое изначальное намерение, то тетя продолжала настаивать на том, чтобы детей передали именно им на воспитание. Она ссылалась на наличие всех условий для достойного проживания племянников, а в дальнейшем планировала оформить над ними опеку. Стоит отметить, что в указанном деле важнейшую роль сыграло мнение органа опеки и попечительства. Им было установлено, что семья не имеет финансовых возможностей для воспитания

детей, жилищные условия также для этого непригодны. Но что более важно, судьбой детей родные дядя и тетя никогда не интересовались, не посещали их в приюте, никаких попыток к налаживанию с ними контакта не предпринимали. Учитывая изложенные обстоятельства, суд проигнорировал желание дяди и тети взять детей к себе на воспитание и постановил удовлетворить требования иностранной семьи [14, с. 7–8].

Итак, в данном деле суд исходил, прежде всего, из интересов детей. Нормативное положение, если его трактовать формально-логически, предписывало суду передать детей на воспитание родственникам, изъявившим такое желание. Если бы суд отказал в передаче детей на усыновление иностранцам, он бы поступил формально и при этом не нарушил нормативное предписание ст. 124 СК РФ. Однако суд избрал иное решение, с нашей точки зрения, абсолютно правильное, законное и справедливое. Для этого всего лишь было необходимо более широко взглянуть на положение ст. 124 СК РФ.

Ранее было отмечено, что в некоторых случаях толкование нормы может основываться непосредственно на цели нормативно-правового акта. В научной доктрине такой способ толкования получил название телеологического. В этой связи А.С. Пиголкин отмечал, что при уяснении смысла нормы субъект толкования не может оставить без внимания цели, ради которой эта норма была создана. Вместе с тем, ученый полагал, что телеологическое толкование нельзя признать самостоятельным видом толкования. По его мнению, установление цели конкретной нормы права является результатом применения всех иных без исключения способов уяснения правовых норм [12, с. 94–95].

В свою очередь, П.Е. Недбайло телеологическое толкование рассматривал как отдельный прием [10, с. 404]. Значительный вклад в доктринальное развитие понятия телеологического толкования внесла Т.Я. Насырова. Она также считает, что целевое толкование – это особый, самостоятельный вид толкования права. При этом основанием такого толкования она видит в связи нормы с объективными последствиями ее осуществления [9, с. 36–37].

По нашему мнению, телеологическое толкование, безусловно, имеет самостоятельное значение. Оно несколько отличается от иных методов толкования. Прежде всего, телеологическое толкование должно интерпретировать цель нормы, которую в большинстве случаев невозможно вывести из непосредственного ее содержания. Исключения составляют специальные преамбулы и нормы, посвященные целям нормативно-правового акта. Как известно, иные способы толкования (грамматический, формально-логический) основаны на непосредственном содержании толкуемой нормы. Таким образом, целевое толкование права – это особый правовой инструмент, значение которого

ни в коем случае нельзя умалять, особенно в судебном правоприменении.

Так, К. обратилась с иском к образовательному учреждению с требованием о доначислении ей невыплаченной заработной платы. К. указала, что ее заработная плата составляет один МРОТ, между тем, работает она в местности, которая приравнивается к территории Крайнего Севера. Указанное обстоятельство дает ей право на соответствующие надбавки к заработной плате, которые не должны входить по своему объему в размер заработной платы. Суды указали, что исходя из целевой направленности компенсационных норм трудового законодательства, гарантии в отношении оплаты труда граждан в связи с их работой и проживанием в природно-климатических условиях Севера не могут поглощаться размером МРОТ, т.к. по своему характеру носят надбавочный характер⁸. В настоящее время в судебной практике встречается множество споров социального характера, в которых суд толкует закон, исходя из целевой направленности тех или иных льгот, предоставленных законодателем⁹.

Таким образом, значение телеологического толкования в судебном правоприменении весьма существенно. Вместе с тем, использование только этого метода толкования недостаточно для уяснения реального смысла нормы. Согласимся с позицией А.Т. Боннера по указанному вопросу: «Отдельные приемы толкования правовых норм тесно связаны между собой. Логическое толкование возможно лишь во взаимодействии с грамматическим и систематическим, а историческое толкование – только на базе грамматического, логического и систематического» [3, с. 252]. В действительности, толкование нормы судом должно осуществляться разными способами в совокупности (грамматическим, формально-логическим, системным, социально-политическим и т. д.), а только после этого применено к конкретным фактическим обстоятельствам спора. Таким образом достигается наиболее ясная картина о сущности и значении применяемой нормы. Между тем, необходимо признать, что целевое толкование норм прав хотя и признано в науке, но на практике используется редко. В.В. Лазарев в этой связи отмечает, что интегративный подход в праве может способствовать объединению самых разных подходов к пониманию права. А потому в настоящее время повышенный интерес следует проявлять к телеологическому толкованию [6, с. 79], с чем мы полностью согласны.

Примечания

¹ Зорькин В.Д. Конституционный суд и развитие гражданского права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=48> (дата обращения: 27.08.2016).

² Решение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 19.05.11 по делу № 2-2135/11.

³ Решение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 16.01.2013 г. по делу № 2-214/13.

⁴ Определение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 16.01.2013 г. по делу № 2-20/13.

⁵ Кассационное определение Верховного суда Республики Бурятия от 27.02.2013 г.

⁶ Постановление ЕСПЧ от 16.07.2015 // Дело «Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба N 39438/13) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 14.12.2015 г. по делу № 2-20/2013.

⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 22.03.12 по делу N 33-2589/12 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Подборка судебных решений за 2016 год: Ст. 220 «Имущественные налоговые вычеты» главы 23 «Налог на доходы физических лиц» НК РФ // ООО Журнал «Налоги и финансовое право».

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Собр. соч. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. – М.: Статут, 2010. – 781 с.
2. Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве. – М., 1998. – 216 с.
3. Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. – С. 239–388.
4. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском процессе: учебное пособие. – Владивосток, 1972. – 131 с.
6. Залоило М.В., Ибрагимова Ю.Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. – 2016. – №8.
7. Курьлев С.В. Установление истины в советском правосудии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1967. – 30 с.
8. Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона: Теория и практика. – Казань, 1988. – 142 с.
9. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. – М., Госюриздат, 1960. – 150 с.
10. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М.: Норма, 2012. – 560 с.
11. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.
12. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
13. Верховный Суд РФ. Обзор практики рассмотрения в 2014 г. областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами РФ, постоянно проживающими за пределами территории РФ. – С. 7–8 // СПС «КонсультантПлюс».

Ноздрина Наталья Александровна
кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный технический университет
nozdrina.natalye@mail.ru

Харитоновна Наталья Николаевна
кандидат юридических наук, доцент
Брянский институт управления и бизнеса
bforags-hnn@yandex.ru

ОРГАНЫ «КОНТРОЛЬНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье приведены результаты исследования, проведенного в сфере установления правовой природы органов конституционного контроля в широком смысле. Исследовано соотношение понятия и органов «контрольной власти» и понятия и органов конституционного контроля. Авторами исследуется место и роль главы государства, прокуратуры и других государственных органов, имеющих контрольные функции в их соотношении с функциями органов конституционного контроля. Эти параллели проведены с учетом того, что Россия является федеративным государством, что усложняет структуру государственного аппарата и распределения функций и полномочий. Необходимым для обоснования выводов в статье стало изучение отдельных исторических аспектов исследуемой проблемы. Соответственно в работе приводятся взгляды русских ученых дореволюционного периода, а также затрагивается вопрос о соотношении используемых в юридической литературе и законодательстве понятий «конституционное правосудие», «конституционное судопроизводство», «конституционный контроль». Существенным является отражение проблемы разделения властей на современном этапе, так как трехчленное деление властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви представляется авторам устаревшим.

Ключевые слова: конституционный контроль, государственная власть, разделение властей, президент, прокуратура, судебная власть.

Конституционный контроль в современном мире является важным фактором стабильности и гарантией прогресса в развитии общества и государства. Благодаря ему острые политические проблемы в новых демократиях могут и должны решаться в конституционном поле, в рамках и на основе права, Конституции и Закона. Особенно актуально вышесказанное в условиях укрепления российского государства, формирования правового государства и гражданского общества.

В юридической литературе высказывается мнение, что органы конституционного контроля не входят ни в одну из ветвей власти, их можно отнести к особой четвертой ветви – контрольной [2, с. 152]. По мнению Б.С. Эбзеева, Конституционный суд, с одной стороны, представляет собой судебный орган, а с другой, – один из высших государственных органов, самостоятельно и независимо действующий [7, с. 120]. В.Е. Чиркин отмечает: «В отличие от ведомственного и административного контроля, который ведется органами, осуществляющими и иные функции, институты контрольной власти занимают самостоятельное особое место, это получило отчетливое выражение в законодательстве. Главы, посвященные органам конституционного контроля, отделены от глав о правосудии» [6, с. 38].

В целом идея контрольной власти достаточно четко прослеживается в истории правовых учений. Едва ли так необходимо ограничиваться лишь традиционными тремя направлениями осуществления государственной власти. Ведь все ее государственные органы могут «уместиться» в традиционной тройственной системе. «Элементы государственно-властвований не могут быть сведены к какой бы

то ни было абсолютной неподвижной схеме. Элементы властвования, его функции образуются и развиваются вместе с развитием государственной жизни. Их может быть и бывает гораздо больше (трех). Их число постоянно растет, с развитием общественной жизни...», – писал Н.М. Коркунов [1, с. 269].

Не случайно в России идеи о специализированном конституционном контроле именно в форме «блюстительной» или «надзирательной власти» были выражены в конституционных проектах и воззрениях декабристов в первой четверти XIX века. Русская правда П.И. Пестеля в системе разделения властей предусматривала «блюстительную» власть, дабы законодательная и исполнительная власть не выходили за пределы своих полномочий. Функции «блюстительной» власти предполагалось возложить на Верховный Собор, состоящий из 120 членов, назначенных Народным Вече пожизненно из кандидатов от губерний [1, с. 269].

М.П. Бестужев-Рюмин в своих конституционных идеях по этой проблеме отмечал, что «надзирательную власть» должен осуществлять Сенат, который «вправе не пропустить закон», хотя бы и принятый парламентом, но не соответствующий Конституции [4, с. 165].

М.М. Ковалевский на основе сравнительного анализа американской и западноевропейских конституций пришел к выводу, что для гарантии обеспечения провозглашенных Конституцией прав «необходимо создание особого стража, задачей которого было бы следить за соответствием вновь издаваемых законов Конституции» [4, с. 165].

Как отмечается в литературе, на ранних этапах государственности действовало обычное право. Законодательства не существовало, а, значит, не

было и законодательной функции. С появлением законодательного, исполнительного и судебного направления осуществления государственной власти развитие государственности не останавливается. Могут появляться и другие направления ее осуществления. И на сегодняшний день эта проблема существует и отнюдь не как сугубо теоретическая, «кабинетная», но и как практическая.

В России существуют и функционируют органы прокуратуры. Основная функция прокуратуры – надзор за соблюдением Конституции и законов. В этой связи можно говорить о выделении надзорного направления в осуществлении государственной власти. Ведь включение ст. 129 Конституции Российской Федерации в главу 7 «Судебная власть» вряд ли означает отнесение прокуратуры к судебной власти. Согласно той же Конституции России (ч. 1. ст. 118), правосудие осуществляется только судами, а не прокуратурой. Конечно, у судов есть ряд контрольно-надзорных функций, которые «граничат» с функциями прокуратуры, но судебная и прокурорская деятельность – различные направления осуществления государственной власти. Это только один пример неудобства, возникающего при гипертрофированном и догматичном подходе к прогрессивной в целом идее.

Сходная проблема возникает и с определением места Центризбиркома в системе разделения властей на три ветви. Как записано в Конституции Российской Федерации, единственным источником власти является народ (ч. 1. ст. 3), который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления (ч. 2, ст. 3). Каким же образом народ осуществляет власть через государственные органы? Прежде всего, он избирает своих представителей в органы государственной власти (Президента, депутатов Государственной Думы, глав субъектов Федерации и депутатов субъектов Федерации и т. д.). Механизмом передачи власти от народа к его представителям, замещающим должности в государственных органах, являются выборы. Органом, обеспечивающим проведение выборов с соблюдением всех установленных процедур, является Центризбирком и территориальные избирательные комиссии. Обладают ли эти органы и работающие в них лица властью? Очевидно, что да. На момент выборов это самое влиятельное учреждение в стране, на котором лежит огромная ответственность. Однако вряд ли избирательные комиссии могут быть отнесены к какой-либо из трех ветвей власти.

Далеко не простым является вопрос о месте Президента Российской Федерации в системе разделения властей на три ветви. Во многих зарубежных странах президент отнесен к исполнительной власти, чего нельзя сказать о России. Ст. 110 Конституции Российской Федерации определила, что

исполнительную власть в Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации. Институт президентства вынесен в отдельную главу Конституции (впереди всех остальных высших органов). Ч. 1. ст. 80 установила, что Президент является главой государства. Какую власть он осуществляет не указано, но по существу предоставленных ему Конституцией полномочий (которые, видимо, нет смысла перечислять), он стоит над всеми ветвями власти.

Целесообразно ли и оправданно ли наделение Президента такими полномочиями – тема отдельного исследования. Но, очевидно, что при таком положении вещей Президент России не входит ни в одну из трех ветвей власти, а стоит как бы над тремя ветвями власти, является арбитром в их спорах.

В федеративных государствах проблема разделения (дифференциации) государственной власти возникает не только по направлениям ее реализации (по горизонтали), но и по разграничению компетенции между федерацией и ее составляющими (по вертикали). Эти две вещи обычно не увязываются друг с другом, а рассматриваются отдельно, что может привести (и приводит) к различного рода недоразумениям: с одной стороны, к выдвиганию концепции особой государственной власти субъектов Федерации, что не способствует укреплению государственного единства, с другой стороны, к недостаточно четкому и последовательному разграничению предметов ведения и полномочий, как составляющую распределения государственной власти, что ведет к излишней централизации государственной власти.

Власть федеративного, как и любого другого государства, едина. Однако осуществляют ее федеральные органы и органы субъектов федерации, на основе разграничения предметов ведения и полномочий. Есть предметы ведения федерации, есть предметы ведения ее субъектов, есть предметы совместного ведения, где часть полномочий осуществляет федерация и часть – ее субъект, что отражено в Конституции Российской Федерации и российском законодательстве. Все предметы ведения и полномочия представляют собой сферу реализации единой государственной власти, следовательно, не может быть государственной власти Российской Федерации и государственной власти ее субъектов. Есть единая государственная власть России, которая осуществляется федеральными органами и органами субъектов Российской Федерации на основе принципов федерализма. Можно говорить лишь об уровнях осуществления единой государственной власти. Искусственное же выделение государственной власти субъектов Федерации, наряду с государственной властью Российской Федерации только вносит дополнительные трудности в реализацию федеративных отношений. С одной стороны, получается, что есть

как бы основная, главная государственная власть России и некая второстепенная, «второсортная» государственная власть субъекта Федерации. Поскольку правоприменение теснейшим образом связано с правопониманием, такая «сортировка» государственной власти может привести к уменьшению значения правовых актов и юридически значимых деяний органов субъектов Российской Федерации. С другой стороны, провозглашение особой государственной власти субъекта Федерации, существующей отдельно от государственной власти Российской Федерации, переводит Россию по сути дела на конфедеративный тип отношений. В условиях сегодняшнего состояния федеративных отношений в стране такое положение весьма опасно. Оно может привести либо опять к жесткой централизации государственной власти, либо к угрозе целостности Российской Федерации.

Таким образом, все многообразие аспектов осуществления государственной власти нельзя «втиснуть» в рамки концепции разделения властей, а точнее разделение функций единой государственной власти на три направления или ветви. Практически существуют и другие направления реализации государственной власти, помимо законодательного, исполнительного и судебного. При этом в федеративных государствах разделение власти означает еще и распределение предметов ведения и полномочий между федеральными органами и органами субъектов федерации. Однако едва ли можно считать обоснованной такую концепцию «разделения властей», согласно которой жесткое разделение единой власти осуществляется только лишь для сдерживания одной власти другими, создания противовеса между органами власти и их должностными лицами. Разделение функций, направлений осуществления государственной власти, компетенции органов власти служит, прежде всего, повышению эффективности осуществления единой государственной власти и обеспечению общественной свободы. В этих целях должен выполняться принцип субсидиарности в реализации различными ветвями, уровнями и органами власти своих полномочий и солидарной ответственности перед обществом за результаты такой реализации.

Если государство провозглашается цивилизованным и демократическим, то оно должно максимально эффективно выполнять все свои обязанности перед гражданами. Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, во исполнение которой оно осуществляет все присущие ему функции. Значит, деятельность всех ветвей государственной власти, всех ее уровней и всех органов должна быть направлена на исполнение законодательно определенных обязанностей перед гражданами. Если же какой-то орган, уровень или ветвь государ-

ственной власти не исполняет возложенных на нее функций, то другие органы государственной власти должны временно взять эти функции на себя. В системе государственного аппарата необходим взаимный контроль между органами, уровнями и ветвями власти, порождающий конструктивные предложения и совместные, согласованные действия всей государственной власти в целом. Однако противостояние между органами, уровнями или ветвями государственной власти, мешающее нормальной работе государственного механизма, недопустимо. Практике конфронтации должна быть противопоставлена система принятия согласованных решений, в которой согласование должно, как правило, происходить на стадии подготовки нормативного акта или иного значимого решения. Тогда различные ветви и уровни власти смогут внести свои предложения, что существенно повысит уровень легитимности таких решений и обеспечит их лучшую исполняемость [4, с. 169]. Такой подход должен найти отражение как на доктринальном, так и на законодательном уровне. Абсолютизация разделительных подходов к государственной власти во многом преодолена мировой и российской юридической наукой, что нашло отражение, в частности, в Конституции Казахстана 1995 года. На смену принципу разделения властей приходит принцип единства, разделения и субсидиарности ветвей государственной власти.

С учетом изложенного о специализированном судебном конституционном контроле можно говорить не только как о судебной, но и как о контрольной деятельности. Не случайно Конституция России и Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» не употребляют термин конституционное правосудие, а ограничиваются термином конституционное судопроизводство. Ведь конституционное судопроизводство весьма специфично, что вытекает из двойственной правовой природы данного органа.

Как представляется, Конституционный суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации имеют двойную правовую природу, выступая и судебными, и контрольными органами одновременно. Более того, осуществление конституционного контроля является проявлением не столько судебной, сколько контрольной природы Конституционного суда Российской Федерации.

Необходимо подчеркнуть, что дискуссия о правовой природе конституционного контроля и конституционных судов носит отнюдь не чисто теоретический характер. С решением этого вопроса связаны вполне конкретные выводы. Например, если мы будем исходить из того, что конституционный суд есть разновидность судебных органов, то мы должны признать абсолютную обоснованность утраты Конституционным судом Российской

Федерации права самостоятельно принимать дела к своему рассмотрению, которое имело место в ранее действовавшем законодательстве. Ведь, исходя из самой истории развития правовых систем, представляется немыслимым, чтобы уголовный суд самостоятельно начинал уголовное преследование, а гражданский – гражданское дело. Это в корне противоречит роли суда как беспристрастного арбитра между спорящими сторонами. Для контрольного же органа проявление собственной инициативы в своей контрольной деятельности вполне логично и правомерно.

В Конституции Российской Федерации 1993 года достаточно четко отражена судебная правовая природа конституционного суда. Конституционный суд Российской Федерации четко определен как один из судебных органов Российской Федерации. Специализированным органом конституционного контроля в России является Конституционный суд Российской Федерации. Статья 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» дает четкое определение Конституционного суда – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Конституционный суд является органом конституционного контроля и в отличие от иных органов конституционного контроля он наделен рядом специфических признаков: это судебный орган (ст. 118, 125 Конституции Российской Федерации); осуществляет конституционное судопроизводство (ст. 118 Конституции Российской Федерации); имеет особую, не присущую ни одному органу компетенцию (ст. 125 Конституции Российской Федерации); осуществляет судебную власть посредством коллегиального рассмотрения дел (ст. 5 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»); разрешает дела посредством принятия актов, обязательных для исполнения (ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Фе-

дерации»); выносит окончательное решение, обязательное для исполнения (ст. 75, 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»).

Вместе с тем, контрольная природа конституционного контроля и конституционных судов не вполне нашла отражение в российском законодательстве, что порождает некоторые проблемы в осуществлении конституционного контроля и в определенной мере угрожает самому существованию Конституционного суда Российской Федерации, равно как препятствует формированию конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1898. – С. 269.
2. Митюков М.А. К предыстории конституционного правосудия в России // Журнал российского права. – 2001. – №1.
3. Миряшева Е.В., Павликов С.Г., Сафонов В.Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. – 89 с.
4. Харитонова Н.Н. Правовое регулирование осуществления конституционного контроля с Российской Федерации: системно-функциональные и федеративные аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
5. Чертков А.Н. О принципе единства государственной власти в российской государственном праве / Конституция как символ эпохи. под ред. С.А. Авакьяна. – М., 2004. – Т. 1. – 255 с.
6. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственного права. – М.: Артикул, 1997. – 352 с.
7. Чиркин А.Н., Юдин Ю.А. Сравнительное конституционное право. – М.: Изд. фирма «Манускрипт», 1996. – 165 с.
8. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 349 с.

НОРМА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СПЕКТРЕ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье обосновывается тезис о том, что современными представителями российской административной науки понятие, признаки, виды, способы реализации и источники закрепления норм административного права России считаются достаточно изученными научными проблемами. Обращается внимание также на то, что большинство аспектов развития теории нормы административного права России раскрывается преимущественно в учебной и методической литературе. Такой подход способствует тому, что в рамках юридического просвещения гражданам Российской Федерации предлагаются для усвоения готовые научные наработки, которые лишь иногда подвергаются определенной корректировке.

Автор статьи на конкретных примерах доказывает, что социально-правовая природа норм административного права России раскрывается представителями российской административной науки в большинстве случаев через соответствующие дефиниции или же посредством описания признаков данных норм. В качестве примеров приводятся также научные позиции, в которых ученые одновременно задействуют два указанных способа с целью освещения тематики норм административного права.

В статье также утверждается, что в случае кардинального обновления понятийного и терминологического базиса теории нормы административного права России, этот базис, как и раньше, будет использоваться учеными, практиками и простыми обывателями в целях понятийной коммуникации. Забвения термина «норма административного права России» тоже не произойдет. Может назреть лишь необходимость выработки обновленных вариантов дефиниций данного социального регулятора, которые в своем содержании будут более полно отражать конституционно закрепленные социальные ценности, прогрессивные наработки ученых или особенности административной практики.

Ключевые слова: административное право, административная наука, норма административного права, понятие, общественное мнение.

Если проанализировать юридическую литературу, то можно обнаружить три тенденции касательно освещения учеными-административистами России административно-нормативной проблематики. Первая тенденция: правоведы, в большинстве случаев, склоняются к тому, что понятие, признаки, виды, способы реализации и источники закрепления норм административного права России более или менее четко определены. Вторая тенденция: данные аспекты административно-нормативной проблематики раскрыты (и продолжают дальше освещаться), преимущественно в учебно-методической литературе. То есть в рамках юридического просвещения гражданам Российской Федерации предлагаются для усвоения готовые научные наработки, которые лишь иногда подвергаются определенной корректировке. Третья тенденция: социально-правовая природа норм административного права России раскрывается авторами или путем приведения дефиниций, или через перечисление соответствующих признаков вне определенных понятий, или в совокупном применении первого и второго способов.

Как видим, в современной российской административно-правовой науке допускается факт того, что социально-правовая природа нормы административного права познана достаточно глубоко, правильно отражена учеными в тех или иных ее существенных характеристиках (признаках), а также различных вариантах дефиниций, предлагаемых для усвоения.

Однако так ли на самом деле? Может все же правоведам стоит уже подвергнуть ревизии свои наработки по административно-нормативной проблематике и предложить обновленные рекомендации практического и методического характера? Полагаем, что постановка подобных вопросов имеет под собой определенные основания. В их ряду среди прочего – общественное мнение, практика создания, реализации и толкования административно-нормативных положений.

Учитывая изложенное, хотелось бы обратить внимание на работы тех административистов Российской Федерации, которые в своих исследованиях целенаправленно формулируют понятия нормы административного права или приводят характеристику ее социально-правовой природы через обозначение перечня соответствующих признаков, выражаемого в бездефинитивной форме.

В этой связи вызывает интерес, в первую очередь, позиция Ю.А. Тихомирова, который в своих работах старается характеризовать отдельные проявления социально-правовой природы нормы административного права преимущественно не за счет отражения ее признаков в той или иной дефиниции (хотя в содержании его публикаций выделяются отдельные параграфы с названием «Понятие административно-правовой нормы»), а путем их перечисления и анализа. Авторский перечень признаков мыслитель приводит в одной из своих публикаций, на страницах которой зафиксировано, что особенностями норм административного

права являются: ориентация на удовлетворение преимущественно публичных интересов; строгая подзаконность норм; односторонне-властное волеизъявление стороны; широкая сфера усмотрения; преобладание директивно-обязательных норм; нормативно-ориентирующее воздействие; прямое применение административных санкций за правонарушения [16, с. 111–115].

Интересными представляются позиции и тех ученых-административистов России, которые в своих произведениях двояко трактуют анализируемый социальный регулятор. Так, например, С.В. Тихомиров в учебном пособии «Административное право Российской Федерации» (2003 г.) сначала говорит о том, что «Норма административного права, как и норма любой другой отрасли права, представляет собой правило, определенную меру должного поведения, установленную государством и охраняемую специальными государственными средствами». Далее публицист заключает, что под административно-правовой нормой должна пониматься «...норма права, регулирующая отношения в сфере государственного управления, а также отношения управленческого характера, внутриорганизационной сфере органов исполнительной власти, деятельности аппаратов органов законодательной и судебной власти, а также в сфере осуществления государственной службы» [15, с. 46–49].

Как видим, С.В. Тихомиров пошел по пути представления альтернативных интерпретаций исследуемого социального регулятора. И стоит заметить, что такой подход прослеживается также в работах и других административистов Российской Федерации.

Обходя стороной дефинитивное описание социально-правовой природы норм административного права в одних литературных источниках, А.Б. Агапов в других публикациях предлагает для усвоения тоже несколько вариантов понятийного отражения последней. В частности, в учебнике административного права за 1999 год понятие административно-правовой нормы отсутствует и лишь раскрываются некоторые ее признаки [2, с. 31, 42–51]. Вместе с тем, в учебнике за 2006 год ученый приводит уже две интерпретации данного стандарта социального поведения, существенно отличающиеся по содержанию: 1) «Административно-правовая норма представляет собой урегулированный юридическими средствами порядок возникновения, реализации и прекращения общественных отношений в сфере деятельности исполнительной власти»; 2) «Нормы административного права представляют собой указание субъекту правоотношения, выраженное в императивной или факультативной форме, побуждающее объект к действию или бездействию» [1, с. 61].

Называя нормы первичными «кирпичиками» административного права, «клеточками», на базе

которых формируется система отрасли, Д.Н. Бахрах в отдельных своих работах тоже уходит от дефинитивного описания социально-правовой природы нормы административного права и представляет ее характеристику только через призму соответствующих признаков [7, с. 16–18]. В других же учебно-методических источниках, наоборот, целенаправленно уделяет внимание формулировке понятия норм административного права и предлагает понимать последние как «установленные или санкционированные государством правила, регулирующие отношения, возникающие при формировании и деятельности исполнительной власти» [8, с. 31].

Публикуя свои научные статьи, Ю.Н. Стариков, как и другие ведущие российские ученые-административисты России, предпочитает ограничиваться описанием только отдельных признаков норм административного права [13, с. 3–7]. В работах же более объемного характера, например учебниках, Ю.Н. Стариков обоснованно предлагает слушателям обогатить свой понятийно-терминологический аппарат дефиницией анализируемого социального регулятора в такой авторской редакции: «Административно-правовые нормы (как и нормы других отраслей права) предусматривают установленные государством, его органами представительной либо исполнительной власти, местной администрацией правила должного или возможного поведения субъектов административного права, соблюдение которых обеспечивается специальными мерами государственного воздействия» [14, с. 398–400].

Нужно отметить, что другая часть ученых-административистов России старается освещать административно-нормативную проблематику несколько в иных координатах, нежели в тех, которые были обозначены выше. В частности, отстает подход, согласно которому освещение тематики норм административного права следует начинать с их общеправовой характеристики и заканчивать отражением отраслевой специфики последних. В качестве примера можно привести позицию профессора А.П. Алехина, который собственно и представляет характеристику нормы административного права через общетеоретическое ее понятие, дополняя авторскую дефиницию описанием отдельных признаков, характеризующих административно-правовую специфику проявления социально-правовой природы рассматриваемого нами нормативного феномена. Вот как это представлено ученым:

1) понятие: «Правовая норма – это общеобязательное государственное предписание (правило, норма) постоянного или временного характера, рассчитанное на неоднократное применение и распространяющееся, как правило, на персонально не определенный круг его исполнителей»;

2) признаки нормы административного права: предназначена для регулирования управленческих

отношений, возникающих в связи с формированием и осуществлением государственного управления и местного самоуправления; устанавливает права и обязанности субъектов управленческих отношений и регулирует взаимоотношения между ними; в большинстве случаев носит императивный характер [6, с. 25–26].

Ю.М. Козлов в своих работах тоже сначала акцентирует внимание на той особенности административно-правовых норм, что они являются разновидностью правовых норм с присущими им основными качествами: представляют собой правила поведения; регулируют взаимоотношения граждан, юридических лиц, государственных и негосударственных организаций; устанавливаются, санкционируются и обеспечиваются государством. Далее публицист добавляет, что анализируемые социальные регуляторы несут на себе также «отпечаток» особенностей, свойственных как границам, так и методам административно-правового регулирования. Это приводит его к выводу о том, что административно-правовые нормы можно охарактеризовать в качестве установленных государством правил поведения, «целью которых является регулирование общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся (по мере необходимости) в сфере функционирования механизма исполнительной власти или (в широком смысле) государственного управления» [5, с. 52].

Профессор Н.Ю. Хаманева, как и предыдущие исследователи, тоже считает необходимым акцентировать внимание на том, что административно-правовая норма во-первых, отражает то общее, что свойственно всем нормам российского права, и, во-вторых, то особенное, что характеризует административное право как самостоятельную отрасль. В итоге ученая заключает, что «административно-правовые нормы представляют собой общеобязательные правила поведения, которые установлены государством в лице его уполномоченных органов государственной власти (должностных лиц), рассчитанные на многократное применение широким кругом лиц (субъектов административного права) и регулирующие общественные отношения в сфере государственного или муниципального управления» [3, с. 87–91].

Не углубляясь в освещение административно-нормативной проблематики, авторское понятие нормы административного права формулирует также А.Н. Головастикова. «Административно-правовая норма, по ее мнению, – это правило поведения, установленное государством в целях регулирования общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в сфере функционирования механизма исполнительной власти или (в широком смысле) государственного управления» [10, с. 21]. Схожую позицию можно обнаружить и в высказываниях Д.М. Овсянко, который

утверждает, что норма административного права является «кирпичиком» конкретного административно-правового нормативного акта и представляет собой «установленное или санкционированное государством (Федеральным собранием Российской Федерации, органом законодательной власти субъекта Федерации, органом исполнительной власти) правило поведения с целью регулирования общественных отношений в сфере исполнительной власти (государственного управления)» [12, с. 3].

В 2005 году Н.М. Конин и М.П. Петров высказали точку зрения, согласно которой дефиниция нормы административного права может иметь следующий вид: «Административно-правовая норма представляет собой установленное или санкционированное государством правило поведения, распространяющееся на неопределенно широкий круг субъектов и рассчитанное на многократное применение» [11, с. 18]. В последующие свои работы профессор Н.М. Конин тоже экстраполировал указанную дефиницию без какой-либо модификации ее содержания.

В качестве подспорья для усвоения административно-нормативной тематики предлагает использовать понятие нормы административного права и Н.Г. Салищева. Для этих целей она считает пригодным следующий вариант интерпретации административно-правовой нормы: «Это правило поведения, установленное государством в лице его полномочного органа государственной власти, в том числе органа исполнительной власти (должностного лица), в целях регулирования социально-экономических, административных общественных отношений, отношений в сфере охраны прав и свобод граждан, обеспечения безопасности личности, общества и государства» [4, с. 58].

Завершая краткое описание авторских позиций по проблеме формулирования понятия нормы административного права, стоит обратить внимание на три тезиса, высказанные Б.Н. Габричидзе. Первый тезис ученого: данный социальный регулятор является первичной клеткой, своеобразным фундаментом административного права. Второй тезис: административно-правовая норма представляет собой «санкционированное государством и поддерживаемое в случае необходимости его принудительной силой правило поведения (на этом моменте сходятся большинство авторов определений), предназначением и непосредственными целями которого являются регулирование общественных отношений в сфере исполнительной власти, административно-правовой части статуса гражданина и общественных объединений, их связей с исполнительной властью, контроля за ее деятельностью и ответственности указанной власти перед обществом и гражданином». И, наконец, третий тезис: любое определение нормы административного права в известной мере является условным и

учебным, возможны также и другие варианты [9, с. 48–50].

Последнее утверждение, сделанное Б.Н. Габричидзе, достаточно красноречиво, на наш взгляд, указывает на то, что ученые-административисты России понимают и допускают наличие того факта, что любое научное понятие (даже на первый взгляд кажущееся им безупречным с точки зрения содержания и формы) является в определенной степени условным и может быть со временем скорректировано или удалено из лексикона науки, законодательства, юридической практики и общественного сознания.

Однако, не смотря на это, можно все же с уверенностью утверждать о том, что даже при кардинальном обновлении административно-нормативной терминологии, она, как и раньше, будет продолжать использоваться учеными, практиками и простыми обывателями в целях понятийной коммуникации на просторах российского социально-правового пространства. Более того, мы уверены, что и забвения термина «норма административного права России» тоже не произойдет. Может назреть лишь необходимость выработки обновленных вариантов дефиниций данного социального регулятора, которые в своем содержании будут более полно отражать конституционно закрепленные социальные ценности, прогрессивные наработки российских ученых или особенности административно-правовой практики.

В этой связи возникает вопрос: «А какие же перспективы уже сейчас могут быть очерчены для понятийной модификации нормы административного права в современной России?». Полагаем, что некоторые перспективные возможности такой модификации может приоткрыть изучение общественного мнения по проблеме восприятия и интерпретации гражданами Российской Федерации административно-нормативной тематики. Именно в этом направлении представителям российской административно-правовой науки следует провести больше обстоятельных исследований. Уверены, что результаты социологических опросов укажут на необходимость обновления доктринальных постулатов по проблеме интерпретации нормы административного права России.

Библиографический список

1. *Аганов А.Б.* Административное право. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2006. – 984 с.
2. *Аганов А.Б.* Учебник административного права. – М.: Городец, 1999. – 558 с.
3. Административное право России: курс лекций / К.С. Бельский [и др.]; под ред. Н.Ю. Хаманевой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 704 с.
4. Административное право Российской Федерации / отв. ред. Н.Ю. Хаманева. – М.: Юристъ, 2006. – 553 с.
5. Административное право: Учебник / под ред. Л.Л. Попова. – М.: Юристъ, 2002. – 728 с.
6. *Алехин А.П., Кармолицкий А.А.* Административное право России: Учебник. – М.: Изд-во «Зерцало», 2007. – 712 с.
7. *Бахрах Д.Н.* Административное право. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 288 с.
8. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: Учебник для вузов. – М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М), 2002. – 640 с.
9. *Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г., Ким-Кимэн А.Н.* Административное право: Учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 480 с.
10. *Головастикова А.Н.* Административное право России в таблицах и схемах: Учебное пособие. – М.: Эксмо, 2007. – 320 с.
11. *Конин Н.М., Петров М.П.* Административное право: Краткий учебник. – М.: Норма, 2005. – 368 с.
12. *Овсянко Д.М.* Административное право: Учебное пособие для студентов юридических факультетов и институтов / отв. ред. проф. Г.А. Туманов. – М.: Юрист, 1995. – 304 с.
13. *Старилов Ю.Н.* Административное право: сущность, проблемы реформы и новая система // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 3–24.
14. *Старилов Ю.Н.* Курс общего административного права. В 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – 728 с.
15. *Тихомиров С.В.* Административное право Российской Федерации: Учебн. пособие. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2003. – 608 с.
16. *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: Полный курс. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. – 697 с.

Бабичев Дмитрий Александрович
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко
dotsent_07@inbox.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье исследуются функциональные особенности автоматизированных информационных систем, используемых Министерством внутренних дел Российской Федерации и Луганской Народной Республики. На основе их сравнительного анализа, рассмотрения правовых основ информационного обеспечения подразделений уголовного розыска, а также существующих тенденций на Луганщине выстраивается система аргументов о необходимости организации и конкретных направлениях сотрудничества между информационными центрами МВД обоих государств.

Ключевые слова: уголовный розыск, оперативно-розыскная деятельность, преступность, информация, информационная система, автоматизированная информационная система, система искусственного интеллекта, взаимодействие.

*Там, где правила игры не позволяют выиграть,
английские джентльмены меняют правила*
Г. Ласки

В целях организации эффективного противодействия преступности подразделения уголовного розыска активно применяют автоматизированные информационные системы. С их помощью обрабатываются значительные массивы информации о лицах и фактах, представляющих интерес, обеспечиваются оперативность, качество и результаты работы по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Тем не менее даже с учетом периодически улучшающихся показателей оперативно-розыскной работы как в целом в Российской Федерации [27], так и в отдельных ее субъектах [5] оперативная обстановка остается сложной. Согласно официальной статистике, каждое второе (56,0 %) расследованное преступление совершено ранее судимыми лицами, каждое третье (36,1 %) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать пятое (3,9 %) – несовершеннолетними или при их участии. В январе – феврале 2016 года зарегистрировано 370,3 тыс. преступлений, что на 7,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 62 субъектах Российской Федерации [13].

Изучению проблем информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности посвятили свои труды В.В. Бычков, К.К. Горяинов, Э.А. Дидоренко, Е.С. Дубоносов, С.В. Еськов, С.И. Захарцев, Т.С. Коваленко, А.Г. Маркушин, В.С. Овчинский, Н.А. Погорецкий, Б.Г. Розовский, В.П. Сальников, Г.К. Синилов, А.Н. Ханкевич, В.А. Черков, А.Н. Чистолитов, Н.Е. Шумило и другие авторитетные ученые. Тем не менее в юридической науке без внимания остаются отдельные аспекты информационной политики Министерства внутренних дел (далее –

МВД) России, влияющие на работу подразделений уголовного розыска в условиях современных геополитических преобразований. К их числу принадлежит установление информационного взаимодействия с МВД появившегося на карте Украины государственного образования – Луганской Народной Республики, укрепления с ним прочных профессиональных контактов. В этой связи целью исследования выступает анализ автоматизированных информационных систем, функционирующих в МВД Российской Федерации и МВД Луганской Народной Республики, поиск путей их эффективного использования в интересах противодействия преступности.

Кратко о рабочем понятийном инструментарии, используемом в данной работе. Информационное обеспечение подразделений уголовного розыска представляет собой предусмотренную законодательством систему мер, направленных на поиск, сбор, анализ, обработку, хранение и использование информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, в интересах уголовного судопроизводства, безопасности граждан, общества и государства. Задачей систем информационного обеспечения является накопление, обработка и предоставление в систематизированном и удобном для использования виде оперативной, оперативно-розыскной, оперативно-справочной, аналитической, статистической информации в целях принятия обоснованных решений.

Выделенный понятийно-категориальный аппарат подчеркивает значимую, а в некоторых случаях и определяющую роль систем искусственного интеллекта в познании фактов преступной деятельности как явлений объективной действительности, а также сопряженных с ними разнообразных внутренних и внешних связей, компонентов материального мира в целях получения истинного знания

об объекте оперативно-розыскной деятельности и принятия соответствующих оперативно-розыскных решений.

Итак, согласно сведениям, размещенным на сайте МВД Российской Федерации [15], в ведении министерства находятся следующие государственные информационные системы:

1. Федеральная автоматизированная дактилоскопическая информационная система (федеральная АДИС-МВД).

2. Федеральная государственная информационная система «Система обеспечения предоставления информации МВД России в рамках межведомственного электронного взаимодействия МВД России (ВИС-СМЭВ)».

3. Федеральная государственная информационная система «Интегрированный банк данных федерального уровня» (ИБД-Ф).

Остановимся на описании особенностей их предназначения. Так, по данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) [30], *федеральная АДИС-МВД* создана с целью формирования и ведения на базе органов внутренних дел информационных дактилоскопических массивов, полученных в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации, и банка информации с мест преступлений о следах рук неустановленных лиц. Ее назначение – это информационное обеспечение правоохранительных органов при осуществлении функций по предупреждению, пресечению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений; предупреждению и выявлению административных правонарушений; розыску пропавших без вести; установлению по неопознанным трупам личности человека; установлению личности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, граждан, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности. Основными функциями являются: накопление и актуализация дактилоскопических массивов общесоюзного уровня, поиск информации по объектам учета системы, выдача информации по объектам учета системы, обеспечение безопасности информационных ресурсов.

Федеральная ВИС-СМЭВ разработана в целях обеспечения информационного взаимодействия ведомственных информационных ресурсов МВД России с сервисами ОИВ для передачи запросов, приема ответов, предоставления сервисов МВД России для обеспечения поступления запросов от ОИВ с целью получения информации, содержащейся в базах данных ведомственных информационных ресурсов МВД России с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) при предоставлении государственных услуг (функций). Обеспечивает

информационное взаимодействие ведомственных информационных ресурсов МВД России с сервисами ОИВ при предоставлении государственных услуг (функций) [30].

Федеральный ИБД-Ф направлен на обеспечение формирования, ведения централизованных оперативно-справочных, криминалистических, розыскных и иных учетов органов внутренних дел с использованием интегрированных банков данных на федеральном уровне. Предназначен также для информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и других федеральных органов государственной власти по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, установлению местонахождения лиц, объявленных в федеральный и межгосударственный розыск, а также для подтверждения наличия (отсутствия) сведений о судимости, реабилитации, времени и месте отбывания наказания. Область применения: интеграция в рамках ИБД-Ф информации об объектах учета, обеспечение возможности оперативного получения пользователями сведений о наличии информации об интересующем объекте учета, предоставление удаленному пользователю полного досье на лицо или преступление за одно обращение к базам данных федерального уровня, обеспечение оперативного доступа с использованием технологий электронной почты и web-серверов, унификация информационного взаимодействия между ИБД-Ф и различными автоматизированными системами на основе единого формата обмена данными и единой нормативно-справочной информации, унификация технологии и средств ввода информации по различным первичным документам и из различных источников через использование унифицированного автоматизированного места почтового пользователя и почтовой системы ИМТС МВД России [30].

По сути, использование вышеуказанных автоматизированных информационных систем предполагает процесс получения информации и отбора сведений, являющихся ценными для принятия решений сотрудниками уголовного розыска в конкретных оперативно-розыскных ситуациях. Такое познание в юридической науке условно именуется «обогащением информации» [29, с. 635]. Усматривается также существенное упрощение работы с накопленными данными, так как ресурсы МВД систематизируются и распределяются между спектром информационных подсистем разного функционального назначения [9, с. 203–217; 14, с. 189–196; 21, с. 101–111].

Как заявляет начальник ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» генерал-майор внутренней службы Павел Важев, в настоящее время в ГИАЦ сосредоточена информация на 340 миллионов объектов учёта. Это розыск не только преступников, без вести пропав-

ших, но и оружия, автотранспорта, исторических предметов и антиквариата, электронной техники и документов, а также учёты преступлений и лиц, совершивших правонарушения. В перспективных планах – построение единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД), развитие Центра обработки данных (ЦОД) и его сервисов. По мнению руководителя, новая система ещё более упростит и расширит возможности использования имеющихся ресурсов для сотрудников органов внутренних дел. Любой полицейский со своего рабочего места, в соответствии с уровнем допуска, сможет использовать максимальное количество учётов [10].

Тем не менее современные реалии, которые отражены в официальной статистике МВД Российской Федерации, содержащей сведения о количестве преступлений, их динамике и лицах, совершивших противоправные деяния в текущем и предшествующем годах [27; 28], не столь радужные. Они позволяют констатировать брешь в информационном обеспечении противодействия преступности. В этой связи президент России Владимир Путин, принявший участие в расширенной коллегии МВД, отметил, что базовая задача так и не решена – кардинальный перелом в сфере борьбы с преступностью не произошел. Общее число преступлений выросло, из них раскрывается лишь каждое второе [22].

На наш взгляд, проблема раскрываемости, на которую указал президент, охватывает лишь часть изъянов информационного обеспечения деятельности подразделений уголовного розыска. Учитывая тот факт, что значительное количество совершенных правонарушений и преступлений осуществляется криминогенным элементом, состоящим на учете МВД, особого внимания требует превентивный аспект использования информационных ресурсов в целях предупреждения совершения противоправных действий, изменения преступного поведения субъекта, недопущения общественно опасных последствий или их минимизации. В этой связи, положительно оценивая в целом принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [19], надеемся на полноценную реализацию предусмотренных им принципов непрерывности, последовательности и, главное, своевременности (ст. 4) в части использования автоматизированных информационных систем для ведения профилактических учетов (ч. 2 ст. 21). Также рассчитываем на прикладное выполнение закрепленных положений о проведении мониторинга в сфере профилактики правонарушений, применении специальных превентивных мер административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера (ч. 2 ст. 6). При этом

подчеркиваем, что в вопросах предупреждения преступлений о показателях работы можно судить, лишь обеспечив наступательность и действуя на опережение.

Между тем, указывая на слабые стороны современных информационных систем, используемых МВД Российской Федерации в интересах противодействия преступности, нужно помнить, что «ни одно изобретение не может сразу стать совершенным» (Марк Туллий Цицерон). И в этой связи в сравнительном аспекте заслуживает внимания опыт Информационного центра МВД Луганской Народной Республики. В частности, его сотрудниками (еще в бытность существования Управления информационных технологий УМВД Украины в Луганской области) были разработаны и внедрены в оперативно-служебную деятельность ОВД ряд уникальных информационно-аналитических систем, оперирующих алгоритмически структурированными и постоянно обновляющимися массивами данных. Все системы разработаны с использованием самых современных информационных технологий, компьютерного и телекоммуникационного оборудования. Для удобства они объединены в единый аналитический комплекс – интегрированную информационную систему.

Одним из элементов созданного комплекса является АИС «СОБА». Программный комплекс характеризуется полной автоматизацией поиска и выявления логических закономерностей, связи объектов оперативной заинтересованности в процессе многоуровневой обработки массивов исходных данных с последующим предоставлением результатов в наглядном, интуитивно понятном оператору виде. В частности, результаты анализа могут быть предоставлены в форме максимально информативного и логически упорядоченного электронного «досье», показывающего полную графическую схему прямых и косвенных связей объекта, картографическую информацию (расположение определенных объектов учета на карте или схеме) и др.

Примером применения данной системы является раскрытие преступления, совершенного на территории г. Лутугино. Так, в дежурную часть обратилась гр. П. с заявлением о том, что по месту ее жительства неизвестный нанес ножевое ранение ее мужу, от которого последний скончался. Полученная информация после выезда СОГ к месту происшествия была внесена через компьютерную сеть в автоматизированную информационную систему. Дальнейшая ее обработка (в пределах сообщений негласного аппарата, дел оперативных разработок и др.) позволила определить несколько человек, проживающих в поселках Лутугинского района, злоупотребляющих спиртными напитками, в отношении которых имеется информация о причастности к совершению правонарушений, в том чис-

ле насильственного характера. Во время проверки соответствующей информации сотрудниками уголовного розыска был задержан гр. Б., который признался в совершении указанного убийства [1, с. 13].

Гордостью разработчиков также является АИС «СПИРАЛЬ» – автоматизированная габитоскопическая система идентификации личности по методу словесного портрета, в основе которой заложен специальный алгоритм нечеткого сравнения объектов, и АИС «АРГУС» – автоматизированная биометрическая система идентификации человека по его фото- и видеозображению, реализующая программные методы автоматической идентификации, основанные на физиологических и поведенческих характеристиках человека [7; 24; 12].

Наиболее востребованными и популярными среди сотрудников уголовного розыска МВД Луганской Народной Республики являются АИС «АРМОП» и ИПС «ОРИОН». Основные функции АИС «АРМОП» – поисковые, учетные, следящие, справочные, статистические, прогнозирующие. Система обеспечивает весь комплекс задач, связанных с накоплением, обработкой данных и оперативным использованием информации, хранящейся в интегрированном банке данных МВД. ИПС «ОРИОН» предназначена для обработки, накопления и анализа оперативной информации о лицах, готовящих либо совершивших тяжкие преступления, проходящих по делам оперативного учета или сообщениям негласного аппарата.

Примером применения АИС «АРМОП» является быстрое раскрытие двух преступлений (изнасилований), совершенных 03.10.2016 г. в г. Стаханове и 12.10.2016 г. в г. Брянке (небольшие шахтерские города вблизи г. Луганска). В обоих случаях преступник подвозил девушек на автомобиле, похожем на «Джип», и под угрозой расправы принуждал их к интимной близости. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий было установлено транспортное средство – автомобиль «Renault Duster». Обращение к АИС «АРМОП» позволило сотрудникам уголовного розыска установить личности всех владельцев автомобилей данной марки, поставленных на учет жителями г. Брянки, г. Стаханова и прилегающих районов, а также получить интересующие фотографии. По одной из фотографий потерпевшие опознали преступника [20].

Опыт использования вышеуказанных автоматизированных информационных систем в раскрытии преступлений имеет множество схожих примеров. Все они в унисон свидетельствуют о том, что используемые сегодня автоматизированные информационные системы являются «современным оружием сотрудников органов внутренних дел» [24], мощным информационным ресурсом в познании фактов криминального характера, установлении причастности к ним конкретных лиц, прогнозировании изменений оперативной обстановки, а также

во многих других направлениях деятельности подразделений уголовного розыска.

Важно обратить внимание, что имеющаяся прочная апробированная практикой и временем подоплека применения компьютерных технологий в интересах противодействия преступности не может пребывать в статической форме. Она должна совершенствоваться с учетом сложившихся реалий, влияющих на изменения оперативной обстановки.

Такой посыл актуализирует вопрос о необходимости организации полноформатного сотрудничества информационных центров МВД России и МВД Луганской Народной Республики, обусловленной объективными и субъективными предпосылками:

1. Скопление на территории Луганской Народной Республики значительного количества неучтенного огнестрельного оружия и боеприпасов, их нахождение в незаконном обороте.

Например, в п.г.т. Новосветловка и г. Кировске сотрудниками полиции МВД ЛНР обнаружены тайники с оружием и боеприпасами, в результате чего изъято: 3 автомата Калашникова АК-74 с комплектующими; 1 АКМ; более 3 тыс. патронов калибра 5,45; 137 патронов калибра 7,62; 30 патронов калибра 9 мм.; 22 осколочных гранаты ВОГ-25; ручные гранаты разного радиуса поражения; 280 г пластида и 600 г аммонита; 300 трубок артиллерийского пороха; 19 фрагментов гексогена; 3 тротильные шашки; 3 фрагмента тротилового заряда и др. [4].

О масштабности проблемы можно судить и по фактам добровольной сдачи оружия и боеприпасов. Так, 15 сентября 2016 г. гражданин 1988 г. р. сдал в Артёмовский РОВД 2 гранатомёта РПГ-22, 440 патронов калибра 7,62 мм, которые нашёл в лесополосе в районе кладбища п. Юбилейный [6]. В результате только последнего проведенного МВД ЛНР месячника по сдаче оружия и боеприпасов изъято 105 ед. оружия, 10 835 ед. боеприпасов, 30 кг 886 г взрывчатых веществ, 62 снаряда, 26 мин, 220 гранат и 19 взрывных устройств [2].

2. Значительное число лиц с опытом участия в боевых действиях либо навыками применения огнестрельного оружия, находящихся на территории Луганской Народной Республики, среди которых периодически выявляются нарушившие закон, дискредитировавшие честь защитника Родины.

Так, приговором Военного суда Луганской Народной Республики от 24 мая 2016 г. (у. д. № 1/03/110/2016) установлено, что 27 апреля 2015 г. командир разведывательного взвода мотострелкового батальона старший лейтенант Ч., направляясь в расположение своей воинской части и имея при себе огнестрельное оружие, зашел в кафе «Сармен», где встретил своего знакомого М. с друзьями. После совместного распития спиртных напитков произошел словесный конфликт, в результате которого Ч. с расстояния не более двух

метров произвел из пистолета системы Макарова два прицельных выстрела в голову С. и один выстрел в голову О. Полагая, что от его преступных действий наступила смерть потерпевших, Ч. с места преступления скрылся. Впоследствии он был приговорен к 12 годам лишения свободы.

3. Географическое расположение Луганской Народной Республики в орбите стран, граничащих с Российской Федерацией. Данный фактор в условиях отсутствия обмена информацией между соответствующими силовыми ведомствами позволяет лицам, причастным к совершению преступлений, успешно скрываться на территории братского государства от судебных и правоохранительных органов и в итоге оставаться безнаказанными.

На этот счет познавательными представляются данные официальной статистики. Так, по состоянию на 01.09.2016 г. в производстве Военного суда Луганской Народной Республики находятся 6 приостановленных уголовных дел, по которым в розыск объявлено 8 лиц. В свою очередь, согласно отчетности УУР МВД ЛНР, только за 9 месяцев 2016 года в розыск объявлено 455 лиц, скрывающихся от органов следствия, дознания, суда, отбывания уголовного наказания [11].

Принимая во внимание вышеуказанное, стоит подчеркнуть также правовую сторону сближения МВД России и МВД Луганской Народной Республики. Она проявляется в схожем и даже родственном характере концепции законодательного регулирования информационного обеспечения оперативных подразделений уголовного розыска.

Прежде всего речь идет о законе Луганской Народной Республики от 29.01.2016 «Об оперативно-розыскной деятельности» [17], нормы которого зачастую являются зеркальным отображением положений одноименного нормативного акта от 12.08.1995 Российской Федерации. Так, согласно ч. 1 ст. 11 закона Луганской Народной Республики и ч. 1 ст. 10 Федерального закона органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них законом, могут создавать и использовать информационные системы. В обоих нормативных актах также предусмотрено использование информационных систем в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [18], ч. 2 ст. 7 закона Луганской Народной Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» [17]). Очевидно, данные предписания выступают развитием мысли законодателя о том, что полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 07.02.2011 «О полиции» [16]).

Обозначенные тенденции и сопутствующие им факторы отражают лишь часть системы аргументов в пользу важности двухсторонних контактов на уровне министерств. Реальное их количество значительно больше. Поэтому, придерживаясь убеждений древних мыслителей о том, что «братская близость единомыслящих крепче всяких стен» (Антисфен) выступаем сторонниками последовательного выстраивания договорных отношений между МВД России и МВД Луганской Народной Республики, опираясь на имеющуюся правовую основу и существующую практику.

В этой связи апеллируем к положениям ст. 6 закона Луганской Народной Республики «Об оперативно-розыскной деятельности». Ими предусмотрен формат, в рамках которого сотрудничество в сфере оперативно-розыскной деятельности между государственными органами, в состав которых входят оперативные подразделения, и правоохранительными службами других стран осуществляется в соответствии с законодательством и *международными договорами* (выделено нами. – Д. Б.). Одновременно с сожалением отмечаем, что в сфере правоприменения указанная норма все еще носит декларативный характер.

Полярным и весьма показательным в рассматриваемом аспекте представляется опыт Российской Федерации, которая в 2010 году в лице МВД инициировала заключение соглашений о сотрудничестве в сфере правового обеспечения с МВД частично признанных республик – Абхазии [25] и Южной Осетии [26]. Произошедшее событие послужило основой для дальнейшей координации действий трех министерств в вопросах обеспечения борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, защиты прав и свобод человека. Следствием плодотворной работы стало подписание 04.07.2016 дополнительного Соглашения к Договору о союзничестве и интеграции, предусматривающее порядок формирования и деятельности Совместного информационно-координационного центра органов внутренних дел и организацию необходимых условий для его эффективного функционирования [23].

Стоит отметить, что задачи указанного информационно-координационного центра охватывают весь спектр основных направлений информационного обеспечения подразделений уголовного розыска и могут быть экстраполированы в формат сотрудничества МВД Российской Федерации с МВД Луганской Народной Республики. Согласно заключенному Договору [8] к таковым относятся:

- организация обмена оперативно значимой информацией, а также ведение необходимых оперативных и криминалистических учетов;
- формирование и ведение специализированного банка данных об организованных преступных сообществах;

– сбор, обобщение и анализ информации в области борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений;

– осуществление межгосударственного розыска и выдачи лиц, скрывшихся от уголовного преследования или исполнения приговора;

– содействие в реализации необходимых согласованных действий по борьбе с опасными видами преступлений;

– выработка и представление договаривающимся сторонам предложений по повышению эффективности сотрудничества.

Подводя итоги данной работы, обозначим, что современное информационное обеспечение подразделений уголовного розыска неотъемлемо связано с автоматизацией и интеграцией информационных систем МВД, повышением уровня их интеллектуальности путем систематического применения и обновления специального программного обеспечения для работы с базами данных. Автоматизированные информационные системы, используемые сегодня в МВД Российской Федерации и МВД Луганской Народной Республики, представляют собой уникальные аналитические комплексы, позволяющие в автоматическом режиме осуществлять поиск данных по заданным параметрам, анализировать большие объемы сведений, находить связи между объектами, выявлять закономерности преступной деятельности и т. д. Их сравнительный функциональный анализ наряду с тенденциями, наблюдаемыми на Луганщине, определяют острую необходимость в организации договорных отношений между информационными центрами МВД граничащих государств. Весьма перспективна в данном контексте аналогия подписания соглашений МВД России и МВД Республики Абхазия и Южная Осетия.

Комплексное решение поставленной проблемы, возможно, выходит за рамки рассмотренных ее аспектов. Тем не менее твердо убеждены в том, что пришло время переходить от эфемерных заявлений и дискуссий к конкретным перманентным действиям. «Там, где правила игры не позволяют выиграть, английские джентльмены меняют правила» (Г. Ласки).

Библиографический список

1. *Бабичев Д.О., Медведчук А.О.* Інформаційно-аналітичні системи ГУМВС України в Луганській області: наявна практика та проблеми застосування // Використання інноваційних технологій у попередженні злочинів: матеріали наук.-практ. семінару (м. Харків, 6 груд. 2012 р.) / МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ. – Х.: ХНУВС, 2012. – С. 11–15.

2. В Луганской Народной Республике завершился месячник по сдаче оружия и боеприпасов // ЦОС МВД ЛНР: сайт. – 06.10.2016 [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: <http://mvdlnr.ru/slajder/410-v-luganskoi-narodnoi-respublike-zavershilsjamesjachnik-po-sdache-oruzhija-i-boepripasov.html> (дата обращения: 01.11.2016).

3. В Новомосковске полицейскими задержаны подозреваемые в нападении на магазин меховой одежды / МВД РФ: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.11.2016).

4. В Новосветловке и Кировске полицейские обнаружили тайники с оружием и боеприпасами / ЦОС МВД ЛНР: сайт. – 28.08.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvdlnr.ru/slajder/373-v-novosvetlovke-i-kirovske-policeiskie-obnaruzhili-tainiki-s-oruzhiem-i-boepripasami-foto.html> (дата обращения: 01.11.2016).

5. В УМВД России по г. Севастополю состоялось заседание коллегии / МВД РФ: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>.

6. Граждане Республики продолжают сдавать неучтенное оружие и боеприпасы / ЦОС МВД ЛНР: сайт. – 18.09.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvdlnr.ru/news/1873-grazhdane-respubliki-prodolzhayut-sdavati-neuchtyonnoe-oruzhie-i-boepripasy.html> (дата обращения: 01.11.2016).

7. *Гуславский В.С., Задорожный Ю.А., Розовский Б.Г.* Информационно-аналитическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: монография. – Луганск: Изд-во «Элтон-2», 2008. – 136 с.

8. Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18.03.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4819> (дата обращения: 01.11.2016).

9. *Дубоносов С.Е.* Оперативно-розыскная деятельность: Учебник для СПО. – М.: Изд-во «Юрайт», 2016. – 442 с.

10. Информация – ресурс стратегический // Щит и меч: газета МВД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ormvd.ru/pubs/100/paul-view-information-is-a-strategic-resource/> (дата обращения: 01.11.2016).

11. Информационно-аналитическая записка от 10.10.2016 о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений уголовного розыска МВД ЛНР за 9 месяцев 2016 года / МВД ЛНР.

12. Інформаційно-довідкове забезпечення кримінальних проваджен: підручн. / за заг. ред. В.В. Бірюкова. – К.: Центр учбової літератури, 2014. – 288 с.

13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – февраль 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7445977/> (дата обращения: 01.11.2016).

14. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник и практикум. – М.: Изд-во «Юрайт», 2016. – 301 с.
15. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/Deljatelnost/gosprogram/gis> (дата обращения: 01.11.2016).
16. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 01.11.2016).
17. Об оперативно-розыскной деятельности: закон Луганской Народной Республики от 29.01.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/2265/> (дата обращения: 01.11.2016).
18. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 01.11.2016).
19. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон № 182 от 23.06.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/28/profilaktika-dok.html> (дата обращения: 01.11.2016).
20. О практическом применении интегрированных информационных поисковых систем при проведении ОРМ, направленных на раскрытие преступлений против половой свободы: справка от 3.11.2016 / Управление уголовного розыска МВД ЛНР.
21. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: Учеб. пособие для студентов вузов / В.В. Алексеев и др. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 175 с.
22. Равнение на кино // LENTA.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2016/03/15/putin_mvd/ (дата обращения: 01.11.2016).
23. Сегодня в Цхинвале, в торжественной обстановке было подписано дополнительное Соглашение к Договору о союзничестве и интеграции между МВД РЮО и МВД РФ // МВД РЮО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvdruo.ru/news/detail.php?ID=412> (дата обращения: 01.11.2016).
24. Современное оружие сотрудников органов внутренних дел: информационные технологии как ответ на вызовы времени: практ. пособие / Ю.А. Задорожный, А.Е. Трубкович, О.В. Калтырин и др.; МВД Украины, Луган. гос. ун-т внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2012. – 104 с.
25. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Абхазия в сфере правового обеспечения (Москва, 24 декабря 2010 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oreanda.ru/other/MVD_Rossii_i_Abkhazii_podpisali_soglashenie_o_sotrudnichestve/article522462/ (дата обращения: 01.11.2016).
26. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Южная Осетия в сфере правового обеспечения (Москва, 24 декабря 2010 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cominf.org/node/1166485642> (дата обращения: 01.11.2016).
27. Состояние преступности: январь – июль 2016 года / МВД РФ: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/8306504/> (дата обращения: 01.11.2016).
28. Состояние преступности: январь – декабрь 2015 года / МВД РФ: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения: 01.11.2016).
29. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 832 с.
30. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rkn.gov.ru/it/register/?id=101953> (дата обращения: 01.11.2016).

**ОПЕРАТИВНОЕ РАСПОЗНАВАНИЕ ЛИЦА ПО ФОТО-, ВИДЕО- И АУДИОДАНЫМ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

В статье рассматриваются законодательные этапы компьютеризации деятельности органов внутренних дел и предложены практические рекомендации по внедрению современных технологий оперативного распознавания лица по фото-, видео- и аудиоданным. Проанализировано законодательство в сфере получения и обработки фото-, видео-, аудиоданных органами внутренних дел Российской Федерации и информации, которая находится в сети Интернет. Охарактеризованы современные технологии распознавания лица по фото-, видео-, аудиоданным, раскрыто содержание этапов внедрения этих технологий в деятельность ОВД Российской Федерации. Указывается, что соответствующие шаги имеют важное теоретическое и практическое значение для получения и использования сотрудниками ОВД персональных фото-, видео- и аудиоданных. Их эффективное применение возможно при установлении личности подозреваемого в совершении преступления. В работе также акцентировано внимание на законодательном ограничении использования в правоохранительной деятельности полиции МВД Российской Федерации фото-, видео- и аудиоданных о лице, подозреваемом в совершении преступления. В связи с этим обоснована целесообразность разработки и внедрения в практическую деятельность ОВД механизма получения и использования фото-, видео- и аудиоданных с целью установления личности подозреваемого.

Ключевые слова: оперативное распознавание, автоматизация «Портрет-Поиск», «Аргус», «FindFace», Интернет, фото, видео, аудио.

Современные компьютерные технологии позволяют считывать, обрабатывать и передавать по техническим каналам передачи данных большой объем информации за доли секунд. Умение быстро и качественно получать и анализировать оперативно значимую информацию, использовать специальные технические возможности, которые предоставляет современный мир дают преимущество оперативному сотруднику при выполнении его служебных обязанностей. Сейчас для того, чтобы отправить письмо, используя современные компьютерные технологии, нужно нажать лишь несколько кнопок на персональном компьютере. Современные технологии позволяют передавать не только текстовые сообщения, но также фото-, видео- и аудио файлы в безграничном объеме. Механизм, который используется при передаче данных, является четко отработанным и эффективным. Сервисов, которые предоставляют услуги передачи текстовых, фото-, видео- и аудиоданных, огромное количество. Трудно представить человека, не имеющего электронную почту и страничку в социальных сетях. Каждая уважающая себя организация имеет свой персональный сайт, на котором размещает информацию о своей деятельности. Организации обмениваются данными внутри своей сети при помощи электронного документооборота и осуществляют свои финансовые операции, используя электронные платежи.

Однако не все хотят принимать на вооружение современные компьютерные технологии. К сожалению, этот факт сейчас можно наблюдать в органах внутренних дел (ОВД). До сих пор в большинстве районных и городских отделах полиции сотрудники ОВД используют в своей деятельности бумажные носители практически на всех стадиях

деятельности, не прибегая к помощи современных компьютерных технологий.

Так, после совершения преступления, потерпевший обращается в ОВД для написания заявления. Порядок принятия заявления закреплен в Инструкции, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 736, где указаны виды преступлений и правонарушений, подлежащие регистрации, и обозначен порядок этой процедуры [7]. Вместе с тем, отсутствуют в законодательстве четко зафиксированные требования, которые должны предъявляться к заявлению, направляемому в органы полиции. То есть оно может составляться письменно в произвольной форме.

На практике в ходе написания заявления сотрудник ОВД вместе с потерпевшим описывают события, которые происходили на момент совершения преступления. В процессе написания заявления сотрудник ОВД со слов потерпевшего может составлять фоторобот лица предполагаемого преступника.

До сих пор в некоторых отделениях полиции используются фотокартотеки ранее задержанных по подозрению в совершении преступлений лиц в виде бумажных журналов или фотографий, которые находятся в хаотичном виде на компьютере сотрудника полиции. При написании заявления сотрудник полиции может предоставить потерпевшему журнал, в котором будут вклеены фотографии с целью опознания лица или же предоставить доступ к компьютеру, на котором размещены фотографии лиц, ранее доставленных в ОВД.

Проблема состоит также в том, что процедура предоставления фотокартотеки, видеоматериалов, законодательно не определена и не является обяза-

тельной при принятии заявления от потерпевшего. В свою очередь, составление таких фотожурналов или электронных фотокарточек является неполным, так как ведется лишь в конкретном отделе полиции, где принимается заявление. Все это может привести к потере важных оперативно значимых данных при составлении фотопортрета преступника на стадии принятия заявления, что значительно усложняет оперативный поиск преступника и раскрытие преступления в целом.

С целью решения этой проблемы нами будет предпринята попытка анализа законодательства и научных разработок, связанных с поступлением фото- и видеоизображений, а также возможных других цифровых данных в органы внутренних дел.

Анализируя научные исследования, мы можем заключить, что отдельные ученые также обеспокоены наличием данной проблемы. Так, А.Ю. Архипов, рассматривая деятельность ОВД при сборе видеоматериалов территориальных ОВД, указывает на то, что практически не проводятся специальные видеозаписи задержанных лиц. По мнению исследователя, сбор видеотеки позволил бы комплексно использовать видеоматериалы при отождествлении личности, охватив все ее идентификационные признаки и свойства [1, с. 214].

Н.Н. Ильин пишет о том, что в настоящее время использование видеоматериалов в ходе предъявления лица для опознания не предусматривается уголовно-процессуальным законодательством. В связи с этим автор указывает на возникшую необходимость того, чтобы в УПК РФ наряду с фотографиями, предъявляемыми для опознания, была закреплена возможность использования видеоизображений в тех же целях, а затем – в разработке тактических особенностей проведения данного следственного действия [3, с. 76].

В этом направлении закон также не выступает на стороне правоохранительных органов. Вот, к примеру, что говорится в ст. 24 Конституции Российской Федерации: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» [4].

В свою очередь в ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ «Охрана изображения гражданина» указано, что «Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина» [2]. Однако фото- и видеоматериалы могут накапливаться и храниться в банках данных ОВД на основании закона РФ «О полиции» и закона «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», где также установлен исчерпывающий перечень оснований, при наличии которых в отношении граждан возможно проведение дактилоскопирования и фотографирования.

Так, в соответствии с п. 19 ст. 13 закона РФ «О полиции», полиции предоставлено право производить регистрацию, фотографирование, аудио-, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иных задержанных лиц, если в течение установленного срока задержания достоверно установить их личность не представилось возможным [9].

В ст. 6 Закона РФ «Об оперативно розыскной деятельности» обозначено, что в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий могут использоваться информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде [10].

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что процесс наполнения банков данных ОВД фото- и видеоматериалами сильно ограничивается тем, что основания для фотографирования лица или фиксации его при помощи видеотехники производится только в том случае, если установить личность не представилось возможным.

В настоящее время в органах внутренних дел России для составления фоторобота и дальнейшего сопоставления изображения используется несколько габитоскопических регистрационно-поисковых систем. Н. Щеголева и А. Туяка в своей научной статье отметили две наиболее совершенные в техническом плане системы – «Портрет-Поиск» и «Сова» [11, с. 225].

Автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС) «Портрет-Поиск» позволяет в считанные минуты проводить поиск по четырем направлениям: «лицо-лицо», «лицо-портрет», «портрет-портрет» и «портрет-лицо», для чего используются формализованные (словесные – возраст, рост, телосложение и прочие) и графические параметры лица (по 18-ти точкам) [5].

Уже сейчас мы можем наблюдать как АИПС «Портрет-Поиск» дает положительные результаты в борьбе с преступностью.

Так, около дома по ул. Черняховского г. Хабаровска неизвестный напал на женщину и, вырвав сумку, скрылся с места происшествия. В тот же день потерпевшая была направлена в ЭКЦ УМВД России по Хабаровскому краю для составления субъективного портрета. При дальнейшей проверке портрета по базе лиц АИПС «Портрет-Поиск» сотрудниками полиции было установлено лицо, предположительно причастное к совершению данного преступления. В ходе проверки 44-летний гражданин был задержан, установлена его причастность к совершению грабежа [6].

Аналогичная система также существует в Управлении Информационно-аналитического обеспечения (УИАО) ГУМВД Украины в Луганской области.

Так, в УИАО была внедрена и активно использовалась Биометрическая система идентификации граждан по изображению лица «АРГУС». Система «АРГУС» позволяла установить тождественность неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков в любом фотоизображении, которое будет участвовать в процессе биометрического опознания.

Основным источником биометрических шаблонов базы данных системы «АРГУС» являются:

- фотопортрет лица, представленный в цифровом виде (графический файл);
- фотография портретного типа (для дальнейшего сканирования);
- цифровой «видеопоток» (отдельный фрагмент в виде медиафайла, или видеосигнала, который поступает в реальном времени) [8, с. 64].

Однако процесс распознавания в системе начинается после того, как фото- или видеоданные в цифровом виде поступают в банк данных УИАО. Специально обученный сотрудник отмечает определенные биометрические данные на фотоизображении, и только после этих действий программа начнет поиск в базе данных УИАО. Хотя этот процесс занимает длительный промежуток времени, однако тоже дает положительный результат.

Так, в г. Луганске при помощи видеокamеры, которая установлена в банкомате, был зафиксирован видеофакт использования «белого пластика», при помощи которого преступник в банкомате снимал деньги. Данное видео было направлено в УИАО ГУМВД Украины Луганской области, где при помощи «АРГУС», путем сопоставления цифровых данных, полученных из банкомата, с учетами, которые велись в УИАО, была установлена личность гражданина.

Как указывалось ранее, основной проблемой этих систем является правовое ограничение использования фото- и видеоматериалов, а также ограничение источников получения цифровой информации, которые могут участвовать в обработке данных и быть предоставлены для установления лица.

Для того чтобы выйти из данной ситуации необходимо использовать возможности получения фото-, видео- и других цифровых данных из альтернативных источников. Наиболее подходящим источником таких данных может послужить глобальная сеть Интернет.

К сожалению, пока законодатель четко не обозначил процесс использования и обработки информации, которая находится в открытом доступе в сети Интернет сотрудниками ОВД. Однако мы осмелимся предположить, что если пользователь Интернета на ресурсах сети (блогах, форумах, социальных сетях, видеохостингах и т. д.) доброволь-

но оставил цифровые данные о себе, то он должен осознавать тот факт, что информация может просматриваться всеми, кто имеет доступ к ресурсу, где размещены данные о нем. Исходя из п. 35 ст. 13 закона РФ «О полиции», сотрудник полиции может использовать на безвозмездной основе возможности средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации в целях установления обстоятельств совершения преступлений, лиц, их совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, предварительного следствия или суда, и лиц, пропавших без вести. Сотруднику ОВД необходимо взять на вооружение цифровые данные, размещенные в сети Интернет, выработать механизм использования информации при поиске и фиксации лиц по биометрическим данным.

К счастью, такой механизм частично реализован. Уже сейчас в Интернете существуют и активно используются множество программ, которые позволяют осуществлять распознавания не только фото- и видеофайлов, но также картинок и аудиоданных. Процесс распознавания происходит в режиме реального времени и занимает считанные секунды. Например, такой сервис Google как «картинки-Google» позволяет осуществлять поиск цифровых фотографий и картинок по всем сайтам сети Интернет. Для того чтобы воспользоваться этим сервисом, нет необходимости использовать специальные навыки и умения. Пользователю необходимо перейти на страницу сервиса и загрузить картинку. Сервис предоставит вам список сайтов, где не только встречается идентифицируемая картинка, но также предоставит схожие изображения.

Относительно недавно российскими программистами был создан программный продукт «FindFace», который был представлен как сервис знакомств по фотографии. За считанные мгновения технология сравнивает фотографию человека с миллионами снимков, которые хранятся в открытом доступе в Интернете и максимально точно находит схожие изображения, причём вне зависимости от угла съёмки, света, и положения головы. «В 300 миллионной базе фотографий точность 70 процентов», – рассказывает Артем Кухаренко, основатель компании N-Tech.Lab. К примеру, теперь фанаткам Леонардо Ди Каприо достаточно загрузить фото актера и они сразу получают базу людей, похожих на знаменитого актера [13].

Не стоит упускать из вида программы для распознавания речи, которых также огромное количество, но которые практически не нашли применения в деятельности ОВД. Например, приложение «Яндекс-Диктовка» для перевода устной речи в текст используется в Яндекс. Возможности данной программы позволяют распознавать и синтезировать русскую речь, выделяя семантические объекты в тексте [12].

Сейчас мы можем видеть, какие возможности нам дают компьютерные технологии. Возвращаясь к проблеме написания заявления, отметим, что уже сейчас правохранителям можно начать наполнять банки данных не только фото-, но и видео- и аудиоинформацией, и обязательно проработать механизм предъявления таких данных каждому заявителю. На законодательном уровне важно закрепить и задействовать всевозможные источники получения оперативно значимой информации. На практике стоит автоматизировать, насколько это возможно, не только обработку, но и поступление оперативно-значимой информации в ОВД при помощи современных компьютерных технологий. Все это, как мы можем видеть из приведенных примеров, уже сейчас способствует оперативному расследованию и раскрытию преступления.

Используя вышеуказанные сервисы, мы можем моделировать ситуацию, когда потерпевший, желая «написать» заявление, в повествовательной форме описывает ситуацию, а программа распознавания речи «Яндекс-Диктовка» преобразует и оцифрует его речь в текст. Пока сотрудник ОВД будет корректировать заявление и распечатывать его, имеющиеся АИПС «Портрет-Поиск», «АРГУС» и программа «FindFace» оперативно проведут поиск лица, по признакам указанным потерпевшим, по всем имеющимся учетам и в сети Интернет. По результатам будет предоставлен если не точный портрет преступника, то наиболее схожий с ним. Потерпевшему останется только указать на лицо и подписать распечатанное заявление.

В свою очередь использование вышеуказанных программ даст возможность сотрудникам полиции оперативно идентифицировать лицо при помощи смартфона, не доставляя при этом его в орган ОВД. Все это не только снизит нагрузку на ОВД, но и повысит авторитет полиции РФ в целом, даст возможность оперативно раскрывать и расследовать преступления, устанавливая личность преступника «онлайн» и в режиме реального времени.

Библиографический список

1. *Архипов А.Ю.* Основные направления и проблемные вопросы использования банков данных видеoinформации в деятельности оперативных подразделений при раскрытии преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1. – С. 214–215.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 21.10.1994 N 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. *Ильин Н.Н.* Предъявление лица для опозна-

ния по видеоизображениям: тактические особенности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 2. – С. 76.

4. Конституция Российской Федерации от 21.12.1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>.

5. МВД РФ создает поисковую систему, которая позволит по фотороботу быстро найти человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newstru.com/russia/24sep2008/proekt.html>

6. Полицейские Хабаровского края рассказали о работе автоматизированной информационно-поисковой системы «Портрет-Поиск» от 13.08.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://27.mvd.ru/news/item/6328745/>

7. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70791976/>

8. Современное оружие сотрудников органов внутренних дел: информационные технологии как ответ на вызов времени: практ. пос. / Ю.А. Задорожний, А.Е. Трубкович, О.В. Колтырин, и др. / МВД Украины, Луганский государственный университет внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренк, 2012. – 64 с.

9. Федеральный закон РФ «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.02.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/

10. Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10104229/2/#ixzz426Dvpgiq>

11. *Щеголева Н.Л., Туяка А.* К вопросу совершенствования современных габитоскопических регистрационно-поисковых систем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России Выпуск. – 2013. – № 3. – 225 с.

12. Яндекс-Диктовка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://speech-soft.ru/prog/yandeksdiktovka>

13. FindFace: российская программа распознавания лиц завоевывает мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2723304>.

ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ И ИНОЙ ПОМОЩИ ПОТЕРПЕВШЕМУ НЕПОСРЕДСТВЕННО ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА И МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ИНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ЗАГЛАЖИВАНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПОТЕРПЕВШЕМУ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, СМЯГЧАЮЩЕЕ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

В статье раскрывается актуальность, содержание и значение в российском уголовном законодательстве обстоятельства, смягчающего наказание: оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. В статье отмечается, что медицинская помощь – это комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья как непосредственно потерпевшего, так и представителей потерпевшей стороны, которые включают в себя медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на диагностику и лечение повреждений (заболеваний), затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие диагностическую и лечебную направленность. В статье обосновывается тезис о том, что добровольное возмещение причиненного преступлением вреда, не только конкретным лицом, совершившим преступление, но и иными лицами, также является обстоятельством, смягчающим наказание. Данное обстоятельство, смягчающее наказание, структурно взаимосвязано с основаниями освобождения от уголовной ответственности, но имеет самостоятельное значение. В целях унификации предлагается формулировка п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ: «возмещение особенно опасных последствий, причиненных в результате преступления».

Ключевые слова: обстоятельство, смягчающее наказание; действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Актуальность проблемы развития обстоятельств, смягчающих наказание, обусловлена тем, что они являются важным элементом общих начал назначения наказания в российском уголовном праве, выражающем справедливость меры уголовного наказания, назначаемой лицу, совершившему преступление. Их установление непосредственно влияет на назначение лицу, совершившему преступление, основного и дополнительного вида наказания. В связи с этим в обвинительном приговоре суд обязательно должен указывать, какие обстоятельства он признает в качестве смягчающих и отягчающих наказание. Но, к сожалению, в УК РФ закреплена обязательность данных обстоятельств при определении меры уголовного наказания лицу, совершившему преступление, но отсутствует единая конструкция их учета. Несомненным является факт, что в результате закрепления приоритета принципа гуманизма при назначении наказания в российском уголовном праве обстоятельства, смягчающие наказание, приобрели более существенное значение. Думается, что среди данных обстоятельств можно выделить особую приоритетность тех, что закреплены в п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, так как они характеризуют выбор виновным положительного постпреступного поведения как сознательной жизненной позиции. Данный подход демонстрирует приоритет российской уголовно-правовой политики в области уголовного наказания: более снис-

ходительное отношение к лицам, совершившим действия по восстановлению нарушенных общественных отношений.

Особо следует отметить, то обстоятельство, что в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ закреплён обширный и открытый перечень действий: оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, которые признаются в качестве самостоятельного обстоятельства, смягчающего наказание. Такие действия, исходя из принципа справедливости российского уголовного права, свидетельствуют о существенно меньшей общественной опасности личности виновного, который своим поведением стремится минимизировать и(или) предотвратить последующее развитие негативных последствий преступного посягательства, что доказывает его именно активное постпреступное поведение, поощряемое российским уголовным законом. В данном случае представлены те проявления деятельного раскаяния, которые направлены на уменьшение (сокращение) тех общественно опасных последствий, которые возникли как результат совершенного преступления, или их предотвращение; а также, на возмещение причиненного урона потерпевшей стороне. К сожалению, они являются бланкетными

и оценочными, что создает определенные сложности в правоприменительной практике. Данные обстоятельства тесно взаимосвязаны с деятельным раскаянием, указанным в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. В целом, их можно определить как привилегированные, где особое значение проявляется в том, что согласно ч. 1 ст. 62 УК РФ, при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств, срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Ограничением для их применения выступает тот случай, когда в соответствующей статье Особенной части УК РФ содержатся пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В этом случае наказание назначается в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. В настоящее время данное положение отличается более подробной правовой регламентацией, тогда как в ст. 38 УК РСФСР 1960 г. предусматривалось в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, – предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда [1, с. 607]. Таким образом, обстоятельства, предусмотренные п. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в большей мере влияют на назначение меры уголовного наказания самостоятельно или совместно, чем другие, и это только исчисляемые виды уголовных наказаний.

В материалах судебной практики, к сожалению, указанное обстоятельство не получило детального толкования и разъяснения. Например, согласно п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», дается примерная характеристика только действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), под которыми следует понимать оказание в ходе предварительного расследования или судебного производства по уголовному делу какой-либо помощи потерпевшему (например, оплату лечения), а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего [3]. В этой связи возникает вопрос: а если виновный (или третье лицо) оказал помощь потерпевшему до предварительного расследования, то каково ее уголовно-правовое значение в таком случае и что означает термин «иные меры»?

Определение того, что означает оказание медицинской помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, имеет ряд сложностей. М.Н. Становский пишет, что это «действия,

которые способен оказать любой гражданин, даже не обладающий какими-либо специальными медицинскими навыками (наложение шины, повязки, жгута, искусственное дыхание и т. п.)» [5, с. 232].

По нашему мнению, оказание медицинской помощи – это добровольное осуществление комплекса мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья как непосредственно потерпевшего, так и представителей потерпевшей стороны, которые включают в себя медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на диагностику и лечение повреждений (заболеваний), затрагивающих физическое или психическое состояние человека и имеющих диагностическую и лечебную направленность. Но, думается, не всякое оказание данной помощи следует признавать смягчающим обстоятельством, так как в таком случае первостепенное значение имеет спасение потерпевшего.

Иная помощь потерпевшему непосредственно после совершения преступления в таком случае может выражаться в вызове сотрудников МЧС и других служб; срочном доставлении потерпевшего в больницу; поиске и вызове транспорта; оповещении родственников и близких и др. Думается, что данная помощь должна иметь самостоятельное уголовно-правовое значение, а не дополнительное, то есть оказание медицинской и (или) иной помощи потерпевшему с обязательным пониманием того, что в исключительных случаях она может быть оказана не только непосредственно после совершения преступления, но и до момента окончания преступления, где между общественно-опасным действием и преступным результатом имеется определенный промежуток времени.

Добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, означает самостоятельное по своей инициативе замещение утраченного потерпевшей стороне со стороны виновного или иных лиц. Добровольность как обязательное условие означает совершение таких действий по собственной воле, без принуждения, и по любым мотивам: раскаяние, боязнь уголовной ответственности, жалость и т. д. Заглаживание данных последствий – это гражданско-правовая конструкция, для уяснения особенностей которой требуется обращение к гл. 59 ГК РФ. Имущественный ущерб выражается в утрате или повреждении вещей, наличных денег, ценных бумаг и др.

Представляется, что добровольное возмещение причиненного преступлением вреда, не только конкретно лицом, совершившим преступление, но и иными лицами, является обстоятельством, смягчающим наказание, несмотря на спорность данного вопроса. Данная позиция нашла подтверждение в материалах судебной практики. По приговору Шатровского районного суда Курганской области

У. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы в исправительной колонии особого режима. Президиум Курганского областного суда приговор изменил в связи с существенным нарушением уголовного закона при назначении наказания. В ходе судебного разбирательства было установлено, что братом осужденного уплачены в качестве возмещения расходы на похороны потерпевшего 38000 руб. Однако суд не учел это смягчающим обстоятельством, указав, что указанные расходы возместил брат по собственной инициативе. Решение суда в данной части не соответствует п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, который не содержит положений о том, что добровольное возмещение причиненного преступлением вреда не лично обвиняемым, а иными лицами, в том числе и его родственниками, исключает учет этого обстоятельства смягчающим. Возмещение имущественного ущерба, причиненного преступлением, связанного с расходами на погребение погибшего З., президиумом признано обстоятельством, смягчающим наказание У., срок назначенного ему наказания снижен [2, с. 20]. В этой связи остается открытым вопрос о возможности установления ограничений по возмещению причиненного преступлением вреда по субъектному составу в том случае, когда участники организованной преступной деятельности получают возможность для смягчения ответственности соучастников формировать обстоятельства, смягчающие наказание.

Если денежная компенсация в возмещение имущественного ущерба и (или) морального вреда взыскивается с осужденного в пользу потерпевшего в соответствии с обвинительным приговором суда, что означает принудительный порядок, то в таком случае отсутствует добровольность возмещения.

Обстоятельство, смягчающее наказание, закрепленное в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, имеет сложную структуру, так как состоит из примерного перечня нескольких действий. В этой связи проблемным является вопрос о том, насколько корректно признавать в этом случае наличие смягчающих обстоятельств. Судебная практика исходит из смысла закона. Считается, что наличие хотя бы одного из соответствующих действий является основанием для установления смягчающего обстоятельства, но данная позиция вызывает ряд замечаний. В целом, заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, имеет комплексное значение, так как имеет компенсаторно-возмездный характер.

Обстоятельство, смягчающее наказание, структурно и содержательно взаимосвязано с основаниями освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ) и отбывания наказания (гл. 12 УК РФ), где оно приобрело самостоятельное уголовно-правовое значение: частью деятельного раскаяния является возмещение причиненного ущерба или

заглаживание вреда, причиненного преступлением, иным образом. Также обязательным условием освобождения от уголовной ответственности лица в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), выступает и заглаживание причиненному потерпевшему вреда. В ст. 76¹ УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», которая была введена в российское уголовное законодательство Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ [4], казуистическим образом установлены виды возмещения ущерба: в полном объеме; перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба, перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления и др. Содержательная сложность данной статьи обусловлена бланкетным содержанием диспозиций статей Особенной части УК РФ, которые требуют обязательного обращения к нормам гражданского, налогового, таможенного законодательства РФ и т. д. Но, при этом данное возмещение ущерба осложнено необходимостью выполнения дополнительной денежной обязанности, что несвойственно гражданским правоотношениям.

Возмещение полного или частично вреда, причиненного преступлением, является условием для: 1) условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в размере, определенном решением суда; 2) замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Но следует уточнить, что данное положение отсутствует применительно к освобождению от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (гл. 14 УК РФ), что требует внесения соответствующих дополнений в данную главу УК РФ.

Оценка судом обстоятельства, смягчающего наказание, не есть арифметическая сумма в силу оценочного характера большинства действий, а выяснение их содержания и признание «положительного» постпреступного поведения.

В целом, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, следует признать как развивающееся в российском уголовном законодательстве обстоятельство, смягчающее наказание, имеющее бланкетный и оценочный характер. В качестве отрицательного следствия необходимо отметить возрастающую казуистичность УК РФ, что нарушает или разрушает его системное взаимодействие. По нашему мнению, в целях унификации данного перечня действий следует предложить формулировку п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ: «возмещение общественно опасных последствий, причиненных

в результате преступления, виновным и иными лицами», а содержательную характеристику закрепить в примечании к данной статье и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России Х–

XX веков. – Саратов: Научная книга, 2006. – 786 с.

2. Вестник судебной власти. Журнал судейского сообщества Курганской области. – 2015. – № 1.

3. Российская газета. – 2015. – 29 декабря.

4. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

5. Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. – 480 с.

УДК 347.61

Лебедева Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

lebedevats51@yandex.ru

О РОЛИ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ В РЕАЛИЗАЦИИ ЮВЕНАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена анализу роли комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав во вновь зарождающейся отрасли ювенального правопорядка. Автором приводятся аргументы в пользу рассмотрения данного социального института в качестве системообразующего фактора реализации ювенальных технологий. Акцентируется внимание на усилении уровня правозащиты детей со стороны комиссий по делам несовершеннолетних. Обсуждаются инновационные задачи, стоящие перед комиссиями в современных условиях: защитные, социальные, организационно-методические, административно-юрисдикционные. В статье выделяется региональный аспект анализируемой деятельности, в качестве примера приводится работа, организованная в Ярославской области. Автором описан практический опыт по применению ювенальных технологий в процессе решения проблем безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, предупреждения семейного неблагополучия, социального сиротства.

Ключевые слова: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, ювенальная юстиция, ювенальные технологии, ювенальные суды, правовое государство, субъекты ювенального правопорядка.

В последние годы мы можем наблюдать процесс активного формирования новых отношений между личностью и государством, обусловленных изменениями в современном обществе, экономическими и политическими событиями. Одним из ключевых понятий, неизменно важных при поддержании в обществе норм и установок поведения, при соблюдении законов, является правопорядок. По сути дела, это одна из категорий юриспруденции, но не только: правопорядок со своей точки зрения рассматривают также социологи, философы, культурологи и т. д.

Е.А. Брылева считает, что неотъемлемой частью правопорядка является ювенальный правопорядок [1, с. 133]. Это абсолютно верное замечание. Современный процесс гуманизации способствует постановке в центр внимания человека. Однако он в данном случае не является мерой всех вещей, человек наделяется не только возможностями, правами и свободами, за ним также имеются определенные обязанности, он несет ответственность за свои действия и поступки.

Очень важно, чтобы эту основу правопорядка каждый гражданин усваивал уже с самого раннего возраста. И здесь уместно вспомнить о воспитательной функции права, способствующего неуклонному выполнению законов, дисциплинированности и организованности. В правовом государстве, каким является Российская Федерация или к которому она движется, развитое и сильное

право становится основой существования, просвещения граждан, особенно детей и подростков.

Потребность в защите прав и законных интересов большого числа людей, в частности несовершеннолетних, является обоснованной. Дети являются категорией, особо нуждающейся в государственной правовой защите.

В Национальной Стратегии в интересах детей на 2012–2016 годы подчеркивается: «Главная цель Национальной стратегии – определить основные направления и задачи государственной политики в интересах детей и ключевые механизмы ее реализации, базирующиеся на общепризнанных принципах и нормах международного права» [12].

Большая роль при реализации направлений данной Стратегии принадлежит ювенальным технологиям в деятельности всех субъектов профилактики детского неблагополучия. Важнейшее значение в данном случае имеют комиссии по делам несовершеннолетних. Е.А. Брылева отмечает: «До настоящего времени не определен правовой статус и место в системе органов исполнительной власти комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Представляется, что данные органы следует отнести к субъектам ювенального правопорядка» [1, с. 134].

Прежде чем говорить о роли комиссий в реализации ювенальных технологий, рассмотрим, что такое ювенальная юстиция и ювенальные технологии.

Одной из самых актуальных проблем является проблема снижения уровня преступности, проведение профилактических мероприятий с несовершеннолетними в целях недопущения их до преступлений. По сути дела, термин ювенальная юстиция обозначает правосудие для людей, не достигших совершеннолетия, то есть контроль за обеспечением правосудия, выполнением лишь разрешенных законом действий лицами, которые только взрослеют, но уже находятся в сознательном возрасте.

Активно используется и такое понятие, как система ювенальной юстиции. Под ней понимаются государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, должностные лица, неправительственные некоммерческие организации, осуществляющие на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребенка (несовершеннолетнего). Ювенальная система также включает в себя уполномоченных по правам ребенка, институт ювенального суда, инфраструктуру социальных учреждений, социальных работников, социальных педагогов, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, телефоны доверия со штатом своих работников, другие организации.

В последние два десятилетия суды стали активнее взаимодействовать с социальными и психологическими центрами (оказывающими помощь разным категориям граждан), в обиходе все чаще используется термин «ювенальные технологии».

Впервые это понятие было введено в правовой оборот в 2008 году Верховным Судом Российской Федерации. Термин «ювенальные технологии» также отражен в «Справке о внедрении ювенальных технологий в суды общей юрисдикции». Как указано в данной справке, «внедрение ювенальных технологий в работу отдельных судов осуществляется с учетом предписаний, содержащихся в Конвенции ООН о правах ребенка (1989), в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних «Пекинских правилах (1985) и ЭР – Рядских соглашениях (1990)» [9].

Таким образом, в самом общем виде можно считать, что ювенальные технологии – это комплекс мер, нацеленных на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. В этом случае следует согласиться с мнением С.В. Черчаги о том, что ювенальная юстиция может рассматриваться как часть ювенальных технологий [9]. Ювенальные технологии следует дифференцировать как средство совершенствования отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом.

Все суды при отпращивании правосудия руководствуются Постановлением Пленума Верховного

Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. № 7 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2007 № 7), которым они ориентированы «не только на строгое соблюдение требований материального и процессуального законодательства в судопроизводстве по делам о преступлениях несовершеннолетних, назначение справедливого наказания, но и на обеспечение воспитательного значения судебных процессов, защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом, предупреждение совершения ими новых преступлений» [6].

Большое значение в данном случае имеет и профилактика рецидивов преступности. Для этого с несовершеннолетними должна проводиться воспитательная и просветительская работа.

Судебный процесс для детей намного в большей степени психологически травматичен, нежели для взрослых. Поэтому в данном случае очень актуален вопрос о специализации системы судов. Практически во всех судах введена специализация судей по рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних, в том числе и в Ярославской области. Исключение составляют только некоторые области, где для анализа и вынесения решений поступает не очень значительное количество дел. В таких случаях их рассматривают председатели или заместители председателей. По нашему мнению, факт освобождения судей, специализирующихся на работе с несовершеннолетними, от других дел должен только положительно сказаться на общей их работе, ведь сейчас судьи специально проходят курсы и профессиональную переподготовку, повышают квалификацию. К примеру, в Московском областном суде уже более 20 лет работают специализированные составы судей, которые в кассационной инстанции рассматривают уголовные дела с участием несовершеннолетних.

Термин «ювенальные технологии» уже находится в правовом обиходе, необходимо отметить, что Комитет по вопросам семьи, женщин и детей Государственной Думы РФ в 2016 году провел парламентские слушания на тему: «Законодательное обеспечение практики внедрения ювенальных технологий в деятельность судов общей юрисдикции и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав».

Сегодня, говоря о ювенальных технологиях в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, необходимо учитывать, что их внедрение осуществляется по инициативе субъектов Российской Федерации с использованием финансовых, кадровых, правовых и иных возможностей. Следовательно, уровень активности и эффективности внедрения новых и реализации уже созданных ювенальных технологий в разных

субъекта Российской Федерации не равнозначен. Это обусловлено тем, что в настоящее время основным правовым актом в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав на федеральном уровне остается Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который изменил название с 1999 года, с добавлением государственной функции «и защиты прав» [11]. В связи с этим применение новых ювенальных технологий усилило уровень правозащиты несовершеннолетних со стороны комиссий. В соответствии с данным законом на комиссии возложены разные комплексы задач.

Условно эти комплексы задач можно распределить на следующие комплексы:

- защитный;
- социальный;
- организационно-методический;
- административно-юрисдикционный.

Защитный комплекс включает защиту прав и законных интересов, а в случае нарушения этих прав и интересов – их восстановление. Социальный комплекс основывается на противодействии антиобщественных явлений (безнадзорность, беспризорность, бродяжничество, детская преступность и др.) Он предусматривает оказание помощи детям и семьям, где они проживают в социальной, педагогической и психологической реабилитации. Организационно-методический комплекс выполняет системообразующую, координирующую роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в системе органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Административно-юрисдикционный комплекс предусматривает применение комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав мер воздействия на несовершеннолетних, родителей (законных представителей), должностных лиц в случаях нарушения прав и законных интересов детей. Сейчас в различных областях активно ведутся процессы по внедрению ювенальных технологий. К работе в разных регионах привлекаются специалисты по вопросам детской психологии, педагогики, социологии.

Важно отметить, что право на образование комиссий по делам несовершеннолетних, защите их прав, осуществления ими отдельных государственных полномочий определяется законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. Так, например, в Ярославской области был принят региональный закон от 7 апреля 2003 года №17-з «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» [2].

Для того чтобы реализация различного рода ювенальных технологий в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав была

не декларативной, а реальной и эффективной, необходимо иметь «добротную» правовую основу, определяющую принципы и формы организации их деятельности.

В настоящее время реализуются положения нового закона Ярославской области от 5 июля 2013 года №40-з «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ярославской области» [3]. В структуре данного закона и деятельности комиссий по использованию ювенальных технологий можно выделить такие составляющие как: нормативно-правовая, экономическая, материально-техническая, информационная, кадровая. Но независимо от вида, формы, структуры ювенальной технологии, целью ее внедрения и использования всегда будет являться обеспечение прав ребенка. Ювенальная юстиция призвана максимально быстро вернуть ребенка к нормальной жизни, а также уменьшить наказание, связанное с лишением свободы несовершеннолетнего, выявить тот минимальный период, который позволяет подростку осознать свою вину, чтобы по прошествии более длительного времени угрызения совести не перешли в злость и ненависть.

В ходе работы с ребенком разных специалистов выстраивается целая цепочка: работа социальных служб и психологов должна быть направлена на профилактику противоправного поведения, на попытки исправить положение, когда несовершеннолетний оказывается в каком-либо конфликте с законом и это обнаруживается еще до суда. Не менее актуальны далее меры по профилактике после исполнения решения суда. При этом необходимо строгое соблюдение основных принципов работы с несовершеннолетними, важнейшими из которых являются принцип непрерывности работы и принцип преемственности в деятельности различных структур. Среди всех документов, обеспечивающих слаженную работу различных организаций, в Ярославской области есть «Порядок взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в осуществлении контроля за поведением условно осужденных несовершеннолетних, несовершеннолетних, осужденных к исправительным и обязательным работам, несовершеннолетних, вернувшихся из мест лишения свободы и специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа». Разумеется, в результате работы психологов на фоне общих методик и задач работы к каждому несовершеннолетнему должен быть подобран индивидуальный подход.

В Ярославской области действует комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, спектр деятельности которой достаточно широк. Комиссия занимается сбором информации о неблагополучных детях и семьях, находящихся в сложной ситуации, анализирует и обобщает эту

информацию и проводит значительную работу по профилактике безнадзорности и самовольных уходов несовершеннолетних, жестокого обращения с детьми, экстремизма и терроризма среди несовершеннолетних и т. д. В Ярославской области в 2016 году утверждена Областная целевая программа «Семья и дети Ярославии», которая предполагает определенные меры региональной политики, направленные на поддержку семей с несовершеннолетними, в том числе с проблемными детьми, мероприятия и задачи по развитию и обеспечению функционирования системы профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних.

Многие организации в настоящее время распространяют ошибочное, на наш взгляд, мнение о том, что ювенальная юстиция и распространение ювенальных технологий могут негативно отразиться на семьях, привести к изъятию детей из семей. На самом деле проблема намного глубже, и это хорошо понимает руководство Ярославской области и особенно руководители социальной сферы. Проблема заключается в ложности приоритетов и порою полном отсутствии моральных установок в отдельных семьях. В некоторых случаях изъятие ребенка из семьи может благотворно сказаться на несовершеннолетнем, а в ряде других случаев семье бывает просто необходима помощь квалифицированных специалистов, временная поддержка, некоторое направляющее указание.

В настоящее время растет количество областей, в которых активно используются в работе элементы ювенальных технологий, в разных регионах присутствуют различные модели их внедрения, обусловленные ресурсными возможностями. Но, к сожалению, данный опыт не всегда распространяется и применяется на всей территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Брылева Е.А.* Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъект ювенального правопорядка // Вестник Пермского университета. – 2011. – № 1 – С. 133–137.

2. Закон Ярославской области от 7 апреля 2003 года №17-з «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ярославской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/934012426> (дата обращения 23.09.2016)

3. Закон Ярославской области от 5 июля 2013 года №40-з «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ярославской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://rg.ru/2013/09/02/yaroslavl-zakon40-reg-dok.html> (дата обращения 23.09.2016)

4. *Косевич Н.Р.* Внедрение ювенальных технологий в деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и судов общей юрисдикции // Российское правосудие. – 2010. – № 5 – С. 67–76.

5. *Коряковцева О.А.* Менеджмент в молодежной политике: учебно-методическое пособие / О.А. Коряковцева, М.А. Зайцева, М.В. Соколова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2016. – 74 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. № 7 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1781393/> (дата обращения 23.09.2016)

7. Правовые основы системы ювенальной юстиции. Учебное пособие / под ред. Б.И. Исмаилова. – Ташкент, 2002. – 167 с.

8. *Пронин А.А.* Ювенальное право: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. – 282 с.

9. Справка о внедрении ювенальных технологий в суды общей юрисдикции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.juvenjust.org/index.php?showtopic=1193> (дата обращения 23.09.2016).

10. Федеральный закон «Об основах системы ювенальной юстиции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/about/structure/structurenews/newsitem/13780> (дата обращения 23.09.2016).

11. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12116087> (дата обращения 23.09.2016).

12. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения 23.09.2016).

13. *Цинченко Г.М.* Ювенальные технологии: проблемы внедрения // Управленческое консультирование. – 2014. – № 8. – С. 146–154.

14. *Черчага С.В.* Становление ювенальной юстиции: вопросы гражданско-процессуального законодательства РФ (опыт Ростовской области) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.juvenjust.org/txt/index.php/t882.html> (дата обращения 25.09.2016).

Мартынова Татьяна Николаевна
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
martynova.info@mail.ru

Сгибнева Ольга Валериевна
кандидат юридических наук
Московский политехнический университет
sgibneva.info@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С РАСТОРЖЕНИЕМ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО СОГЛАШЕНИЮ СТОРОН

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам новейшей судебной практики по делам, связанным с расторжением трудового договора по соглашению сторон. В публикации поднимается актуальный вопрос о субъективности судебных актов различных судебных инстанций, о возможности различных подходов к разрешению аналогичных споров, связанных с прекращением трудового договора по соглашению сторон и выплате компенсации увольняемому работнику.

Авторами исследуется современная правоприменительная практика, связанная с увольнением работника – беременной женщины – по соглашению сторон, аннулировавшей соглашение о расторжении трудового договора по ст. 78 Трудового кодекса Российской Федерации в связи со своей беременностью.

В публикации выявляются также основные тенденции судебной практики, связанные с выплатой увольняемому по соглашению сторон работнику выходного пособия (компенсации), так называемого «золотого парашюта».

Ключевые слова: расторжение трудового договора по соглашению сторон, аннулирование соглашения о расторжении трудового договора по соглашению сторон, увольнение работника по соглашению сторон, правоприменительная практика, компенсационная выплата работнику, выходное пособие, золотой парашют, экономически оправданный размер компенсации.

Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) устанавливается, что трудовой договор в любое время может быть расторгнут по соглашению сторон трудового договора (ст. 78). Данное основание увольнения долгое время считалось одним из наименее «проблемных» для сторон трудового договора и «оптимальным» для работодателя [3, с. 5]. В юридической литературе его именовали «цивилизованным расставанием» [6, с. 202]. Однако новейшая правоприменительная практика показывает, что и это основание прекращения трудового договора может вызывать определенные трудности и неблагоприятные последствия для сторон трудового правоотношения. Рассмотрим основные моменты.

Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» «при рассмотрении споров, связанных с прекращением трудового договора по соглашению сторон (п. 1 ч. 1 ст. 77, ст. 78 ТК РФ), судам следует учитывать, что в соответствии со ст. 78 ТК РФ при достижении договоренности между работником и работодателем трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, или срочный трудовой договор может быть расторгнут в любое время в срок, определенный сторонами. Аннулирование договоренности относительно срока и основания увольнения возможно лишь при взаимном согласии работодателя и работника».

Данное положение подкреплялось и позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 13.10.2009 г. № 1091-О-О «Об отказе

в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Преминина Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 78 Трудового кодекса Российской Федерации», в котором указывалось, что «достижение договоренности о прекращении трудового договора на основе добровольного соглашения его сторон допускает возможность аннулирования такой договоренности исключительно посредством согласованного волеизъявления работника и работодателя, что исключает совершение как работником, так и работодателем произвольных односторонних действий, направленных на отказ от ранее достигнутого соглашения. Такое правовое регулирование направлено на обеспечение баланса интересов сторон трудового договора и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права работника».

Однако указанное правило в настоящее время не распространяется на работника – беременную женщину, которую нельзя уволить по соглашению сторон, если она впоследствии отозвала согласие на это увольнение. Это подтвердил Верховный Суд РФ в своем Определении от 05.09.2014 г. № 37-КГ14-4 по делу о восстановлении на работе беременной работницы, указав, что «по смыслу подлежащих применению к спорным отношениям сторон норм материального права, заявление работницы об отказе от исполнения достигнутой с работодателем договоренности о расторжении трудового договора в связи с наличием у нее беременности, о которой на тот момент она не знала, свидетельствует о том, что соглашение сторон о расторжении трудового договора не может сохранить свое действие ввиду отсутствия на это

волеизъявления работника. В противном случае фактически имеет место прекращение трудового договора не по соглашению сторон, а по инициативе работодателя с нарушением запрета, предусмотренного ч. 1 ст. 261 ТК РФ».

Следовательно, гарантия в виде запрета увольнения беременной женщины по инициативе работодателя, предусмотренная ч. 1 ст. 261 ТК РФ, фактически подлежит применению и к отношениям, возникающим при расторжении трудового договора и по соглашению сторон (п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ). В этой связи при увольнении женщин по соглашению сторон существует вероятность отмены увольнения по вышеуказанным причинам, что порождает неопределенность при применении норм трудового права. Соответственно, «если работодатель уволит сотрудницу, которая, не зная о своей беременности, подписала соглашение о расторжении трудового договора, а, узнав о беременности, отказалась от него, такое увольнение будет признано незаконным» [1, с. 35].

В то же время в иных случаях, когда увольнение по соглашению сторон со стороны работника было вынужденным, например, в связи с угрозой увольнения за виновные действия работника, привлечения работника к административной или уголовной ответственности, различные суды признавали такое увольнение правомерным, так как согласия работодателя на отзыв заявления об увольнении работником получено не было (см., например, Апелляционные определения Московского городского суда от 10.02.2016 г. по делу №33-4238/2016, от 22.12.2015 г. по делу № 33-48632/2015, от 16.11.2015 г. по делу № 33-42380/2015; Суда Ненецкого автономного округа от 23.12.2014 г. по делу № 33-215/2014 г., Калининградского областного суда от 18.03.2015 г. по делу № 33-1384/2015 г.).

Кардинально поменялась и судебная практика в отношении выплаты выходных пособий работникам, увольняемым по соглашению сторон, так называемых «золотых парашютов». Если после вступления в силу Трудового кодекса РФ суды, как правило, признавали правомерным включение в соглашение сторон о расторжении трудового договора норм о выплате выходных пособий в размере, определенном сторонами, то в последние годы судебные органы неоднозначно подходили к решению этого вопроса.

Так, суды, как правило, признают законной выплату выходного пособия (компенсации) работнику при увольнении по соглашению сторон при наличии совокупности факторов:

1) если выплата такого выходного пособия предусмотрена трудовым договором (дополнительным соглашением к нему), то есть до подписания соглашения о расторжении трудового договора;

2) если выплата такого выходного пособия предусмотрена системами заработной платы, дей-

ствующими у работодателя (коллективным договором, локальными нормативными актами);

3) если размер выходного пособия является разумным. Как указал Президиум Высшего арбитражного суда РФ в Постановлениях от 09.03.2011 г. № 8905/10 и от 25.02.2010 г. № 13640/09, расходы налогоплательщика (работодателя) признаются экономически обоснованными, если они необходимы для деятельности налогоплательщика. В этой связи, разумной, по мнению судебных органов, является сумма, как правило, не превышающая трех средних заработных плат увольняемого работника (см. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.05.2015 г. № Ф04-17222/2015 по делу №А27-8298/2014, Определения Верховного Суда РФ от 25.02.2015 г. № 301-КГ15-366 по делу № А29-9206/2013, от 30.03.2015 г. №307-ЭС14-8853 по делу № А56-31942/2013 и др.).

В отношении увольняемого руководителя организации пунктом 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 21 предусматривается, что «в случае отсутствия в трудовом договоре условия о выплате указанной компенсации или при возникновении спора о ее размере, размер компенсации определяется судом исходя из целевого назначения данной выплаты, направленной на предоставление защиты от негативных последствий, которые могут наступить для уволенного руководителя организации в результате потери работы, но не ниже 3-кратного размера среднего заработка. При принятии решения о размере компенсации следует учитывать фактические обстоятельства дела, например, длительность периода работы уволенного лица в должности руководителя организации, время, остающееся до истечения срока действия трудового договора, трансформацию срочного трудового договора в трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, размер сумм (оплаты труда), которые увольняемый мог бы получить, продолжая работать в должности руководителя организации, дополнительные расходы, которые он может понести в результате прекращения трудового договора».

В то же время в правоприменительной практике встречаются решения, которые, по мнению авторов, существенно ущемляют права работников при заключении соглашения о расторжении трудового договора по соглашению сторон. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 20.10.2014 г. №306-КГ14-126 по делу № А65-21777/2013 указано, что «выплата работникам каких-либо компенсаций в случае расторжения трудового договора по соглашению сторон, за исключением компенсации за неиспользованный отпуск, Трудовым кодексом Российской Федерации не предусмотрена». В свою очередь, Определением Верховного Суда РФ от 10.08.2015 г. № 36-КГ15-5 по иску уволенного работника о взыскании предусмотренной соглаше-

нием о расторжении трудового договора по соглашению сторон компенсации, которая в нарушение соглашения не была выплачена, истцу было отказано в удовлетворении требований, «поскольку при прекращении трудового договора по соглашению сторон не применяются гарантии и компенсации в отношении увольняемого работника». Необходимо отметить, что с подобной точкой зрения Верховного Суда РФ нельзя согласиться, так как ст. 178 ТК РФ позволяет сторонам трудового договора устанавливать дополнительные основания выплаты выходных пособий и определять их размеры. А п. 9 ст. 255 Налогового кодекса РФ (редакция вступила в силу с 01.01.2015 г.) определяет, что к расходам на оплату труда относятся в том числе выходные пособия, производимые работодателем при прекращении трудового договора, предусмотренные трудовыми договорами и (или) отдельными соглашениями сторон трудового договора, в том числе соглашениями о расторжении трудового договора, а также коллективными договорами, соглашениями и локальными нормативными актами, содержащими нормы трудового права.

Более взвешенную позицию в отношении компенсации при расторжении трудового договора по соглашению сторон выразил Верховный Суд РФ в Определении от 23.09.2016 г. № 305-КГ16-5939, допустив возможность выплаты выходного пособия на основании ст. 9 ТК РФ, которая предусматривает регулирование трудовых и связанных с ними отношений в том числе в договорном порядке. Вместе с тем, размер такой компенсации должен соответствовать требованиям статей 252 и 270 Налогового кодекса РФ, согласно которым расходы, не соответствующие критериям обоснованных (экономически оправданных) затрат и произведенные не в целях осуществления деятельности, направленной на получение дохода, при определении налоговой базы по налогу на прибыль не учитываются. В то же время Верховный Суд РФ указал, что налоговые органы и суды не призваны проверять «экономическую целесообразность решений, принимаемых субъектами предпринимательской деятельности, которые в сфере бизнеса обладают самостоятельностью и широкой дискрецией. Увольнение работника является завершающим этапом его вовлечения в деятельность налогоплательщика, в связи с чем вывод о несоответствии расходов, производимых при увольнении работников, требованиям п. 1 ст. 252 Налогового кодекса РФ не может следовать из того факта, что работник в дальнейшем не сможет приносить доход организации результатом своего труда. Иное бы означало оценку целесообразности увольнения работника на соответствующих условиях путем прекращения трудовых отношений по соглашению сторон, а не по иным основаниям, предусмотренным Трудовым кодексом РФ. Однако это не означает, что экономи-

чески оправданными могут признаваться расходы, произведенные вне связи с экономической деятельностью налогоплательщика, то есть, по существу направленные на удовлетворение личных нужд уволенных граждан за счет бывшего работодателя. Принимая во внимание изложенное, для правильного разрешения спора судам следовало дать оценку экономической оправданности спорных выплат, установив их природу.

Экономическая оправданность затрат на выплату «компенсаций» увольняемым работникам, с точки зрения общества, изложенной при рассмотрении дела в суде первой инстанции, состояла в минимизации затрат, имелось в виду, что в случае увольнения работников по сокращению штатов им причитались бы большие суммы выплат.

Судебная коллегия отмечает, что выплаты, производимые на основании соглашений о расторжении трудового договора, могут выполнять как функцию выходного пособия (заработка, сохраняемого на относительно небольшой период времени до трудоустройства работника), так и по существу выступать платой за согласие работника на отказ от трудового договора.

При значительном размере таких выплат, их явной несопоставимости обычному размеру выходного пособия, на которое в соответствии со ст. 178 Трудового кодекса РФ вправе рассчитывать увольняемый работник, длительности его трудового стажа и внесенному им трудовому вкладу, а также иным обстоятельствам, характеризующим трудовую деятельность работника, на налогоплательщике в соответствии с п. 1 ст. 54, п. 1 ст. 252 Налогового кодекса РФ и ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, лежит бремя раскрытия доказательств, обосновывающих природу произведенных выплат и их экономическую оправданность».

Таким образом, Верховный суд РФ в указанном Определении допустил возможность выплаты компенсации увольняемому работнику по соглашению сторон, однако размер такой компенсации должен быть экономически обоснован, не должен превышать выплат, которые полагались бы работнику при его сокращении. По мнению С. Семенова, А. Артюх и О. Рогозиной, в указанный «лимит» возможно заложить административные и судебные расходы на сокращение штата, затраты на содержание рабочего места, премию по итогам года, которая работнику после увольнения не будет выплачена, и т.п. издержки [4, с. 28; 5].

Таким образом, правоприменительная практика различных судов по делам, связанным с расторжением трудового договора по соглашению сторон, не лишена субъективизма. Актуальные тенденции судебной практики, связанные с выплатой выходного пособия при расторжении трудового договора по соглашению сторон, в большей степени не на стороне работника, который зачастую принимает

решение о таком увольнении исключительно по экономическим мотивам – из-за размера компенсации, на которую рассчитывает при увольнении. При этом признание судами выплаты компенсации неправомерной не является основанием для признания увольнения по п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ незаконным и, соответственно, восстановления работника на работе (см. п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 г. № 21 и др.). В этой связи работник лишается того, на что рассчитывал при увольнении, что, по мнению авторов, существенным образом нарушает его права и законные интересы.

В свою очередь работодатель, пользуясь низкой правовой культурой работника и незнанием требований к выплате выходных пособий, может намеренно злоупотреблять своим правом, указывая в соглашении о расторжении трудового договора значительную сумму компенсации, способствующую получению согласия на увольнение от работника, заранее планируя, что она не будет выплачена, либо будет выплачена в существенно меньшем размере. Это утверждение подтверждается и материалами судебной практики. Так, например, судебными актами Симоновского районного суда г. Москвы и Московского городского суда по гражданскому делу №11-14388/2012 по иску Д. к ООО «Е4-Магистраль» были отклонены иски о взыскании с работодателя предусмотренной соглашением компенсации (выходного пособия), но не выплаченной при увольнении, на том основании, что в локальных актах работодателя не предусматривалась выплата выходного пособия [2, с. 56].

В заключении хотелось бы выразить надежду, что указанная негативная для работников правоприменительная практика в ближайшее время изменится на более лояльную к работнику как слабой стороне трудового договора и более адекватную, учитывающую интересы обеих сторон трудового договора и отвечающую принципу свободы договора.

Библиографический список

1. Белова Е.В. Порядок увольнения по соглашению сторон. Ошибки, допускаемые работодателями // Отдел кадров коммерческой организации. – 2015. – № 12. – С. 31–40.
2. Комбарова М. Последствия расторжения трудового договора по соглашению сторон // Трудовое право. – 2015. – № 1. – С. 45–56.
3. Петров В. «Грязное» увольнение по соглашению сторон: возможно ли оспорить? // Трудовое право. – 2015. – № 5. – С. 5–18.
4. Рогозина О. «Золотые парашюты»: «прибыльный» аспект // Информационный бюллетень «Экспресс-бухгалтерия»: электрон. журн. – 2016. – № 39. – С. 26–28.
5. Семенов С., Артюх А. Выплаты сотрудникам при увольнении по соглашению сторон могут быть включены в расходы при условии их экономической обоснованности // Tax Alert. – № 51. – 26.09.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения 03.11.2016).
6. Трудовое право России: Учебник / под ред. А.М. Куренного. – М.: Юристъ, 2004. – 493 с.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается внутреннее содержание такого явления развития общества как социальный конфликт. Представлена типология социальных конфликтов, приведены критерии, на основании которых можно выявить тот или иной тип конфликта. Раскрываются существенные характеристики социально-экономических конфликтов (трудовых конфликтов), возникших в первый год становления Советского государства. Автором предложена классификация трудовых конфликтов, особое внимание уделяется их юридическому разрешению.

Ключевые слова: социальный конфликт, социально-экономический конфликт, разрешение конфликта, забастовка, стачка.

В самом общем виде всю совокупность социальных конфликтов можно подразделить на социально-экономические, политико-правовые и духовно-идеологические. Такая типология основывается на том обстоятельстве, что в рамках каждого из перечисленных типов разворачиваются конфликтные ситуации, не покрываемые остальными видами конфликтных противоборств [14, с. 11–12]. Важно, однако, определить критерий, на основании которого можно выявить тот или иной тип конфликта и отделить его от всего остального массива конфликтных ситуаций, тем более что часто социальный конфликт содержит в себе массу признаков, присущих другим типам конфликтов. Так, например, значительное число трудовых конфликтов, связанных с правовыми отношениями сторон, юридически значимыми их действиями или состояниями обладают правовыми признаками, а сам конфликт влечет юридические последствия и может оцениваться как юридический конфликт. Иначе говоря, не каждый конфликт – юридический, но практически каждый может завершаться той или иной юридической процедурой, получить свое правовое оформление.

В качестве одного из критериев их выделения рассматривается материальное положение трудящихся. Особое место среди данного типа конфликтов принадлежит трудовым конфликтам.

Представляется возможным классифицировать трудовые конфликты следующим образом:

– индивидуальные трудовые конфликты, которые возникали, как правило, между предпринимателем и отдельным работником по поводу разногласий, складывающихся при устранении правонарушений в процессе применения норм трудового законодательства или в связи с установлением новых, изменением существующих условий труда;

– коллективные трудовые конфликты, которые затрагивали права и интересы группы работников, влияли на экономический и правовой статус всех его членов, в отличие от индивидуальных трудо-

вых конфликтов; в рассматриваемый период наиболее характерными формами проявления данного типа конфликтов являлись: стачки (забастовки), сопровождавшиеся прекращением работы и предъявлением определенных требований; итальянские забастовки (эта форма конфликта характеризовалась тем, что приходившие на производство рабочие бездействовали); в архивных документах и советской печати тех лет, наряду с термином «итальянка», использовался термин «волынка»; массовые собрания и митинги работающих (требования их участников обычно формулировалось в выступлениях их ораторов); демонстрации, коллективные жалобы в вышестоящие инстанции.

Длительное время в советских общественных науках, изучающих трудовые отношения, констатировалось, что в социалистическом государстве нет и не может быть объективных социально-экономических оснований для трудовых конфликтов [3, с. 65]. Квинтэссенцией марксистско-ленинского анализа забастовочного движения стала работа В.И. Ленина «О стачках», в которой была признана неизбежность стачек при наличии крупного машинного производства и борьбы рабочих с хозяевами [10, с. 288–289]. В исторической, экономической и юридической литературе забастовка рассматривалась лишь как одна из основных форм классовой борьбы трудящихся, как проявление антагонистических противоречий между трудом и капиталом, как способ для эксплуатируемых трудящихся добиться выполнения своих экономических и политических требований [6, с. 85].

Как составная часть общедемократических требований трудящихся положение о свободе собраний, стачек и союзов было сформулировано в первой Программе партии, принятой на II съезде РСДРП. Конституция РСФСР 1918 года признала право граждан «свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п.» и предоставила в распоряжение трудящихся «все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением» [18]. Однако законода-

тельство, не запрещая забастовок, не предусматривало права на них.

Как известно, в дореволюционный период и позже забастовки делились на экономические и политические. При этом экономические забастовки обычно (хотя и не всегда) назывались стачками. Так, в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона забастовка экономическая определялась как стачка, а политическая – как «массовое прекращение работ рабочими фабрик, заводов, мастерских, железных дорог, пароходов и других промышленных предприятий, прекращение занятий служащими в конторах, торговых заведениях и разных частных учреждениях, чиновниками в казенных учреждениях с целью заставить правительство ввести требуемую населением политическую или социальную реформу» [11, т. 1, с. 1719].

Напротив, под стачкой понимался трудовой конфликт: «Единовременное по предварительному соглашению прекращение рабочими работы на предпринимателя с целью достижения от него более выгодных условий» [11, т. 2, с. 1584–1585].

Представляется неоправданным применение термина «стачка» к забастовкам, ибо этим термином не определяется характер, цели, состав участников, не происходит отграничения выступления трудящихся от общественных беспорядков.

Трудовые конфликты имеют экономический, социальный и правовой аспекты. В экономическом плане наибольшее значение имеет изучение особенностей трудовых отношений, и связанные с ними материальные условия воспроизводства рабочей силы. Социальный аспект выражается во взаимоотношениях между социальной группой (ее отдельным членом) и руководителем производства. Правовой аспект включает изучение предпосылок, особенностей и порядка применения законодательства в разрешении трудовых конфликтов.

Степень конфликтности чаще всего была связана с социальной неоднородностью рабочего класса, определяла участие в трудовых конфликтах не только кадровых рабочих, но и так называемых трудомобилизованных, трудармейцев и других элементов, тесно связанных с деревней. В 1918 г. В.И. Ленин был вынужден отметить, что «рабочий класс, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала. Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелкобуржуазной стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего» [9, с. 364].

На формирование конфликта значительное влияние оказывало общее критическое состояние экономики, связанное с последствиями первой мировой и гражданской войн, а также силовые методы

в организации труда на производстве. Революционный романтизм рабочего класса из-за нереализованных ожиданий сменился социальным скептицизмом, оппозиционностью к власти.

Во многих губерниях страны уже с 1918 г. были зафиксированы забастовки рабочего класса. В центральных губерниях в 1918 г. было отмечено 36 забастовок с общим количеством участников 41 781 человек; в 1919 г. – 81 забастовка с общим числом участников 111 673 человека; в 1920 г. – соответственно – 146 и 135 442 человека; в 1921 г. – 170 и 86 286 человек [15, с. 158–159]. Вопреки сложившейся точке зрения об экономических причинах возникновения конфликтов, статистические данные подтверждают влияние политических факторов на формирование рабочей оппозиции государству. Выступлений с политическими требованиями в 1918 г. было 16,7%, в 1919 г. – 29,6%, в 1920 г. – 13,7%, в 1921 г. – 12,7%; с экономическими требованиями в 1918 г. – 83,3%, в 1919 г. – 70,4%, в 1920 г. – 86,3%, в 1921 г. – 87,3% [15, с. 158–159].

Первые выступления рабочих промышленных предприятий Верхнего Поволжья наблюдались уже с весны 1918 г. Инициаторами движения за улучшение материального положения являлись квалифицированные рабочие. Так, текстильщики Русско-Балтийского завода в Твери 13 мая 1918 г. открыто выступили с критикой экономических мероприятий новой власти, с требованием создания лучших условий труда и жизни [13, с. 9]. Подобные требования предъявили 3 августа 1918 г. и тверские ткацкие подмастерья, объявив бессрочную забастовку [7]. 6 августа 1918 г. был провозглашен выход из Союза текстильщиков, образован забастовочный комитет и изложены требования: принять немедленные меры по улучшению материальных условий жизни, повысить заработную плату.

Особенностью выступлений рабочего класса являлось то, что многие из них, обуславливаясь экономическим фактором, выдвигали политические требования. Так, в ходе забастовки фабрик Твери в июне 1920 г. (бывшая Морозовская, Берга, Русско-Балтийский Завод, а также электростанция и типография) были выдвинуты требования замены лиц, стоящих у власти и неспособных стабилизировать экономическое положение в губернии [19]. С такими же требованиями выступали ярославские мануфактурщики в мае 1920 г. [1].

Одним из первых, декретированных советской властью в январе 1918 года, был тарифный договор петроградских металлистов; в начале 1918 года был заключен тарифный договор между текстильщиками и предпринимателями Иваново-Вознесенского и Московского районов. Уже весной 1918 года в распоряжении статистического отдела Наркомтруда было 86 тарифных договоров, разработанных профессиональными союзами в Твери, Смоленске, Костроме, Рязани [2, с. 93].

На основе накопленного и обобщенного материала правительство подготовило и 2 июня 1918 года опубликовало Положение «О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда» [17]. По установленному законодателем порядку в коллективном договоре должно было быть раскрыто большинство вопросов, по которым ранее возникали трудовые конфликты: порядок приема и увольнения рабочих, продолжительность рабочего дня, порядок сверхурочных работ и отпусков, оплата труда, нормы выработки, условия применения ученичества, срок действия договора и порядок его изменения и прекращения. Особыми пунктами законодатель обязал стороны указывать в договоре органы, на которые возлагается проведение договора в жизнь, наблюдение за его исполнением, разрешение конфликтов, а также меры к осуществлению вышеуказанного. Необходимо также было образовывать органы, определяющие порядок работы расценочных, технических и иных комиссий.

В середине 1918 г. Наркомтруд провел реорганизацию конфликтных органов, созданных в 1917 г. Министерством труда Временного правительства. Анализ документов и материалов, публикуемых органами НКТ, позволяет отметить, что в обстановке многочисленных индивидуальных конфликтов на частном производстве, уже в 1918 г. в центре и на местах – при губернских отделах (комитетах) труда, с участием профсоюзных организаций, восстанавливалась работа существовавших ранее, при Временном правительстве, примирительных камер, конфликтных отделений, расценочно-конфликтных и тарифно-согласительных отделений. При Центральном совете профессиональных союзов были созданы конфликтные комиссии, занимавшиеся рассмотрением трудовых конфликтов. Не получившие в них разрешения споры передавались в комиссариаты труда, которые выносили окончательное решение. Если действие комиссариата труда признавались незаконными, дело могло быть обжаловано в соответствующий исполнительный комитет [5].

Примирительные камеры разрешали трудовые конфликты исходя из условий коллективных договоров и других соглашений между профессиональными союзами рабочих и служащих и обществами предпринимателей.

Непосредственно в отделах наркомтруда споры рассматривались «единоличными конфликтными комиссарами», но в случае ходатайства недовольной стороны комиссару труда о пересмотре дела, вторично оно рассматривалось коллегией в составе не менее трех человек.

На губернском уровне создавались отделы взаимоотношений с целью статистического учета трудовых конфликтов. И.И. Цыганов отмечал, что

в законодательном порядке еще не были определены органы и порядок разрешения разногласий, которые возникали между участниками трудовых правоотношений, хотя здесь же автор отмечает, что профсоюзы и органы наркомтруда приступили к созданию органов рассмотрения трудовых споров – расценочно-конфликтных и тарифно-согласительных комиссий. И.А. Костян утверждает, что к концу 1918 года отсутствие централизованного правового регулирования трудовых отношений создавало объективные условия для трудовых конфликтов, число которых было значительным [8; 20].

Таким образом, к середине 1918 г. трудовые споры решались различными органами: а) расценочными комиссиями на предприятиях (по своему прямому назначению расценочные комиссии занимались утверждением норм выработки и расценок, но на их разрешение поступало и значительное количество споров, связанных с применением норм выработки и расценок на выполняющуюся работу); б) техническими комиссиями на предприятиях (функции этих комиссий были аналогичны функциям расценочных комиссий); в) тарифно-согласительными комиссиями на предприятиях; г) центральными тарифно-согласительными комиссиями, создававшимися при НКТ для разрешения споров между профсоюзами и наркоматами (ведомствами) по вопросам условий труда; д) фабричными, заводскими и местными комитетами профсоюзов; е) отделами труда и их конфликтными отделами («отделами борьбы труда с капиталом»); ж) народными судами; з) вышестоящими органами административно-хозяйственного руководства; и) примирительными камерами и третейскими судами, которые не являясь постоянно действующими органами [12, с. 25].

Кроме того, по инициативе местных органов власти, коллективов предприятий и учреждений могли создаваться и другие органы по разрешению трудовых споров. Большинство указанных органов и органов аналогичного характера создавались на предприятиях и в учреждениях стихийно. Между органами отсутствовало четкое распределение круга вопросов, по которым они могли выносить решения по существу трудовых конфликтов.

Кодекс законов о труде 1918 г. не предусматривал судебного порядка рассмотрения трудовых конфликтов, но в числе других гражданских дел суды могли разбирать и трудовые конфликты. Декрет о суде №1 предусматривал, что местные суды должны рассматривать все гражданские дела ценностью до 3000 руб. [16], а положение о народном суде 1918 года относилось к подсудности народных судов споры об имущественных и личных правах и интересах. Под это определение подходили и споры, вытекавшие из трудовых правоотношений.

В советском законодательстве о труде первоначально не было актов, специально посвященных

порядку разрешения трудовых споров, поэтому конфликтные органы вынуждены были руководствоваться дореволюционными правовыми нормами. Так, например, в отчете примирительной камеры при московском областном комиссариате труда за май 1918 года отмечалось, что работать приходилось, пользуясь старыми законами, старыми приказами и инструкциями, обычным правом, которое вырабатывалось практикой, а также теми коллективными договорами и соглашениями, которые были установлены между профессиональными союзами рабочих и служащих и обществами предпринимателей [4].

Таким образом, в первый год советской власти новое законодательство не содержало подробно разработанных норм, устанавливающих процедуру разрешения конфликтов. Однако издание ряда декретов, постановлений, положений и других документов, призванных осуществлять правовое регулирование трудовых отношений, своей направленностью и содержанием способствовали снижению числа трудовых конфликтов.

Библиографический список

1. Архив Федеральной службы безопасности (ФСБ) по Ярославской области. – Д. 7580. – Л. 91об.
2. *Астапович З.А.* Первые мероприятия Советской власти в области труда 1917–1918 гг. – М.: Госиздат политической литературы, 1958. – 144 с.
3. *Бугров Л.Ю.* Право на забастовку в СССР // Советское государство и право. – 1989. – № 9. – С. 65–72.
4. Бюллетень Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 1–4.
5. Бюллетень Народного Комиссариата Труда. – 1918. – № 5–6.
6. *Волкова О.Н., Леднев Ю.В.* К разработке закона о забастовках в СССР // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 85.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5451. – Оп. 2. – Д. 224. – Л. 7а.
8. *Костян И.А.* Индивидуально-трудоустройство и гарантии их разрешения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 24 с.
9. *Ленин В.И.* О голоде. Письмо к питерским рабочим. 2 мая 1918. Полн. собр. соч. Т. 36. – С. 357–364.
10. *Ленин В.И.* О стачках. Полн. собр. соч. Т. 4. – С. 288–289.
11. Малый энциклопедический словарь. Том. 1. Вып. IV. – СПб., 1907. – С. 1719.
12. *Митрохина Н.В.* Первые нормативные акты советской власти о рассмотрении трудовых споров // История государства и права. – 2000. – № 4. – С. 23–28.
13. *Молотов В.М.* 3 1/2 года советской власти в Тверской губернии. Сборник материалов. – Тверь, 1921.
14. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии и разрешение. Вып. 6: Конфликты в политике и экономике: мониторинг и менеджмент. – М.: Институт социологии РАН, 1994. – 128 с.
15. *Струмилин С.Г.* Наемный труд в России и на Западе. 1913–1925 гг. Ч. I. Наемный труд в России. – М., 1927. – С. 158–159.
16. СУ РСФСР. – 1918. – № 4. – Ст. 50.
17. СУ РСФСР. – 1918. – № 48. – Ст. 568.
18. СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.
19. Тверской центр документации новой и новейшей истории (ТЦДНИ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 2.
20. *Цыганов И.И.* Трудовые споры и порядок их разрешения на предприятиях: дисс. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1961.

РОЛЬ И МЕСТО КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ В СУДЬБАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ*

В статье представлена рецензия на новое учебное пособие, содержащее ценные сведения о писателях, поэтах, драматургах, чья жизнь тесно связана с Костромской землей.

Ключевые слова: литература Костромского края, учебное пособие, писатели-костромичи, краеведение, история литературы, методика преподавания литературы.

Ученными-литературоведами Юрием Владимировичем Лебедевым и Аленой Николаевной Романовой подготовлено учебное пособие для 10 класса, которое должно восполнить важнейший пробел, существующий ныне в изучении литературы определенного региона, в данном случае – Костромской области. Указанное издание сочетает в себе все признаки современного, нового учебного пособия, ориентированного на учебную литературу последнего поколения, с классическим подходом к изучению истории литературы, биографии и творческого пути литературных деятелей.

Основу авторского текста составили литературоведческие статьи доктора филологических наук, профессора Ю.В. Лебедева, автора целого ряда учебников по русской литературе для школ и вузов. В некоторых главах учебного пособия авторы используют также работы костромских, ивановских и ярославских литературоведов, посвященные писателям Костромского края. Статьи А.В. Миროнова, Б.М. Козлова, Л.А. Розановой, П.М. Тамаева представлены в ярких цитатах или сжатом изложении с указанием источника, а также включены в списки рекомендованной литературы к каждому разделу пособия.

Макет издания и сигнальные экземпляры подготовлены в издательстве «Русское слово» (г. Москва), специализирующемся на выпуске учебной и методической литературы. Поэтому пособие отличается высоким полиграфическим качеством и выполнено с учетом всех современных требований к учебникам для старшей школы.

Особенностью учебного пособия, приближающей его к жанру учебника-хрестоматии, является совмещение историко-литературного текста с приведенными литературными шедеврами и отрывками из произведений писателей, жизнь которых связана с Костромским краем. Без сомнения, публикация текстов литературных произведений делает изучение творчества определенного писателя наглядным, позволяет значительно сэкономить время учеников. Особенно важным это оказывает-

ся в том случае, когда поиск художественных произведений для школьников затруднителен (это касается, в первую очередь, некоторых произведений С.В. Максимова, А.Н. Плещеева, А.А. Потехина, Н.А. Чаева, а в еще большей степени – произведений малоизвестных писателей: М.И. Готовцевой, В.А. Деметьева, П.В. Жадовского, Н.А. Потехина, А.А. Лугового (Тихонова) и критиков: (В.А. Зайцева, Н.Н. Страхова, Н.К. Михайловского, М.А. Протопопова).

Чтение этих текстов, умело подобранных авторами учебного пособия, является не простым занятием. Необходимо понимать, что чтение русской классики – это не отдых или наслаждение, это труд, который особенно значим в процессе становления человека. Об этом в разных своих работах, посвященных русской литературе и ее изучению, чутко и точно пишет Ю.В. Лебедев: «Художественное освоение жизни в русской классической литературе никогда не превращалось в сугубо эстетическое занятие, оно всегда преследовало живую духовно-практическую цель» [1, с. 305].

Благодаря продуманной подаче материала и выверенным методическим указаниям, учебное пособие способствует организации деятельности учащихся, а также позволяет им самостоятельно продумывать путь собственного развития в плане получения новых знаний. Безусловная ценность книги состоит в том, что ею можно пользоваться как на уроках, так и во время внеклассного чтения.

В учебном пособии собран важнейший материал, позволяющий четко и грамотно организовать работу по изучению литературы Костромского края. Композиционно книга делится на десять объемных частей. Восемь из них посвящены описанию жизни и творчества крупнейших литературных деятелей, связанных с Костромой – Ю.В. Жадовской, Н.А. Некрасову, А.Ф. Писемскому, А.Н. Островскому, С.В. Максиму, А.Н. Плещееву, А.А. Потехину, Н.А. Чаеву, а еще две части содержат описание деятельности ряда критиков и малоизвестных писателей Костромского края второй половины XIX века.

* Рецензия на книгу: *Лебедев Ю.В., Романова А.Н.* Литература Костромского края. Вторая половина XIX в. Учебное пособие для 10 класса общеобразовательных организаций / под ред. Ю.В. Лебедева. – М.: Русское слово – учебник, 2017. – 552 с.

Каждый из указанных разделов книги, с одной стороны, отвечает общей схеме построения глав, с другой стороны, оказывается уникальным и неповторимым, так как имеет своеобразную микрокомпозицию, способствующую лучшему запоминанию материала. Общая схема структурирования разделов заключается в определенном количестве сходных элементов и их последовательности. Как правило, авторы пособия останавливаются на разных этапах жизни и творчества отдельных мастеров слова, выделяя кульминационные периоды, определяют вклад писателя или поэта, драматурга в литературу, его значение для развития Костромского края и всей России, описывают круг взглядов и убеждений того или иного писателя, его отношение к родной земле и актуальным проблемам рассматриваемого времени. Огромным достоинством учебного пособия является то, что описание жизни и творчества писателей, связанных с Костромским краем, неотделимо от истории России, судьбы страны, общего литературного процесса XIX века.

Авторы книги показывают, как от личного, от собственных проблем писатели-костромичи приближаются к общечеловеческому, поднимаются на огромную высоту жизненного обобщения. Изучение литературы Костромского края по учебному пособию Ю.В. Лебедева и А.Н. Романовой может способствовать пониманию того, каким образом факты и события жизни одного талантливого, одаренного человека становятся достоянием народным, ложатся в основу размышлений о человечестве.

Читая учебное пособие «Литература Костромского края. Вторая половина XIX в.» понимаешь, что все то, что изображено русскими писателями и поэтами в художественных произведениях, прочувствовано и пережито ими. Так, к примеру, «глубокий психологический анализ», «поэтическое проникновение в тайны влюблённой женской души» оказываются подвластными Ю.В. Жадовской, пережившей сложную любовную драму, рожденную внешними столкновениями и внутренними конфликтами.

Книга открывает читателю непростые судьбы писателей-костромичей, показывает, какое огромное значение в формировании и становлении писателей и поэтов, в их судьбе играла Костромская земля. Охота в костромских лесах, общение с костромскими крестьянами очень благотворно влияли на Н.А. Некрасова: поэт привозил в Петербург не только новые произведения и новые идеи, он активно расширял круг своих читателей, осваивал тот эпический взгляд на русскую жизнь, который немислим без близкого общения с простым народом. Костромская земля стала колыбелью А.Ф. Писемского, его пристанищем на долгие годы: именно в Костроме пробуждается у Писемского дар к сочинительству, костромские впечатления ложатся в основу многих его произведений, «в чухломской

глуши, “в захоластной деревушке, в тёмном и холодном флигелишке” созревают замыслы лучших произведений Писемского». Большое значение для организации творческой работы А.Н. Островского в 1870–1880-х годах имела усадьба «Щельково», авторы учебника-хрестоматии отдельно говорят и о «костромских мотивах» у Островского, и о его самых «костромских пьесах» – «Воевода», «Лес», «Снегурочка». Именно костромская земля подарила С.В. Максиму массу тех детских и юношеских впечатлений, которые потом легли в основу его наблюдательности, тяги к изучению родной страны, прекрасного знания народной жизни. А для Ю.В. Жадовской, по словам авторов учебного пособия, характерен тот особенный «склад души и характера русского просвещённого человека XIX столетия», который был обусловлен во многом «синтезом высокой европейской образованности с народно-крестьянской душевной цельностью». Указанный синтез давала русскому писателю деревенская дворянская усадьба.

Учебное пособие ненавязчиво и уверенно способствует значительному расширению познаний школьников. Те или иные события жизни писателей-костромичей, образы их произведений комментируются авторами с привлечением широкого контекста, на фоне эпохи и разнообразных читательских и литературоведческих оценок. Например, рассказывая о том, как молодежь России негативно восприняла пародийно изображённую А.Ф. Писемским русскую революционную эмиграцию и столичных нигилистов, авторы делают характерные обобщения, проводя параллель между писательскими судьбами А.Ф. Писемского, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева. А после оговариваются о современном, уже беспристрастном понимании тех произведений, которые долгое время считались второстепенными, и до сих пор нуждаются в справедливой художественной и идейной оценке.

Большое значение в процессе проведения историко-литературных параллелей имеют подразделы книги под названием «Кстати говоря», которые повествуют о знакомстве известных писателей (о знакомстве Н.А. Чаева и А.Н. Островского) или их творческой полемике (полемика Н.С. Лескова и А.Ф. Писемского), о взаимосвязи разных искусств («Воевода» А.Н. Островского в русском музыкальном театре) и причудливых сцеплениях и перекличках судеб (история романа на стихи Ю.В. Жадовской, исполнявшегося Полиной Виардо), о тех или иных костромских прототипах, событиях, которые оказались воплощенными в художественных произведениях (так, в основе поэмы «Коробейники» Н.А. Некрасова лежит эпизод, рассказанный поэту на охоте его другом и попутчиком) и т. д.

Огромное внимание авторы учебного пособия уделяют личности. От личности писателя выстраивается прямая линия к личности воспринимаю-

щего (ученика), а учитель литературы в этом процессе призван стать помощником и наставником, направляющим школьника не только по пути изучения литературы, но и по дороге нравственного совершенствования.

Духовно-нравственная проблематика является основой учебного пособия, и его авторы помогают школьникам прийти к осознанию тех значимых вопросов, которые ставит перед каждым читателем наша литература. Вечные, онтологические проблемы характерны для всей русской классической литературы. А воспринимая уроки и заветы писателей-костромичей, ученики должны осознавать особую связь с ними, со своими земляками.

Кроме содержательной части каждый из разделов учебного пособия содержит продуманную систему заданий, направленную на развитие умений и навыков школьников. После определенного раздела или художественных текстов того или иного автора в книге представлены вопросы и задания, призванные проконтролировать усвоение прочитанного материала. Большой методической помощью учителю являются разработанные авторами учебного пособия проектные задания, задания для работы в группах. Как правило, многие из представленных заданий частично содержат указания по подготовке ответа, его сжатую схему или последовательность действий для выполнения.

С другой стороны, среди предложенных авторами заданий немало творческих, присутствуют такие задания, для выполнения которых ученику потребуется проделать значительную работу не только по поиску необходимого для прочтения художественного текста, но и по поиску иллюстраций, различных справочных материалов. Вся методическая система учебного пособия выверена и продумана до мельчайших тонкостей, способствует как повторению, так и усвоению литературоведческого материала, литературных понятий и терминов.

Заключительными в изучении целых разделов или подразделов, посвященных одному значимому произведению, являются отрывки из критических

статей, важнейшие эпизоды из трудов современных литературоведов. Эти материалы позволяют школьникам подняться над собственными мерками, прилагаемыми ими к творчеству того или иного автора, на совершенно ином образном и научном уровне оценить мастерство писателя или оригинальность и своеобразие его произведений. Необходимо отметить интересный и продуманный выбор критических и литературоведческих материалов, представленных авторами-составителями учебного пособия. К примеру, после вопросов и заданий, ориентированных на работу с приведенными стихотворениями А.Н. Плещеева, читателю предлагаются два отрывка: отрывок из статьи Ю. Айхенвальда (1906 г.) и небольшой фрагмент оценки литературного творчества Плещеева литературоведом М.Я. Поляковым (1964 г.). Мы видим, что авторами предложен наиболее интересный и в то же время контрастный в оценке творчества поэта материал.

При чтении учебного пособия «Литература Костромского края. Вторая половина XIX в.» неизменно вспоминается русская народная пословица: «Человек без Родины, что соловей без песни». Авторы учебного пособия показывают, что Костромской край на самом деле славится талантливыми литераторами: писателями, поэтами, критиками, издателями – для некоторых из них костромская земля была малой Родиной, для других она стала одним из самых любимых мест во всей России, а может быть, и во всем мире. Учебное пособие содержит ценные материалы о разных уголках Костромской области, а живой и яркий язык книги способствует тому, что эти места, гордость костромской земли, буквально визуализируются перед читателем.

Библиографический список

1. *Лебедев Ю.В.* «О слово русское, родное!» Страницы истории отечественной литературы: сб. науч. ст. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – 512 с.

ГЕНЕАЛОГИЯ КОСТРОМСКОГО КУПЕЧЕСТВА (концепция исследования)*

Публикуется концепция поддержанного Российским государственным научным фондом комплексного исследования происхождения, численности, состава и структуры, родственных и производственных связей, имущественного и семейного положения, общего и специального образования, направления и содержания предпринимательской и государственной, муниципальной, земской, корпоративной, конфессиональной, общественной, попечительной, благотворительной, культурной, художественной, литературной и научной деятельности, заслуг и достижений, званий и наград, опубликованных и неопубликованных произведений, документальных, художественных и книжных собраний, портретов, псевдонимов, автографов, инскриптов, экслибрисов, эпитафий и некрополей, места и роли костромского купечества в региональной и общероссийской экономической, политической, социальной и культурной истории на основании законодательных актов, официальных документов центральных и провинциальных архивов, статистических сводов и сборников, исторических очерков и записок, регулярных и текущих отчетов и постановлений, журналов и протоколов заседаний государственных, муниципальных, земских, корпоративных, конфессиональных, попечительных, благотворительных, судебных, лечебных, учебных и научных учреждений, заведений и объединений, адресных, справочных и памятных книжек, ведомостей и списков чиновников, избирателей, домо- и землевладельцев, попечителей и благотворителей, выпускников и преподавателей учебных заведений, личного состава учреждений, заведений и объединений, фабрик и заводов, акционерных предприятий и торговых домов, музейных каталогов, архивных путеводителей и библиографических указателей и материалов центральных и провинциальных периодических и неперидических изданий прошлого и позапрошлого столетий, предполагающего создание первого отечественного историко-родословного словаря третьего сословия.

Ключевые слова: костромское купечество, костромской край, костромичи, история родов и фамилий.

После общегородского пожара 18 мая 1773 года от Костромы осталось фактически одно название, однако не прошло и четверти столетия, как был построен крупнейший из провинциальных Гостиный двор, восстановлены два собора, три монастыря и три десятка приходских церквей. Полтора десятка полотняных мануфактур и столько же кожевенных заводов выпускали половину всех русских тканей и кож, которые продавались на всех ярмарках и вывозились в Англию, Голландию, Испанию, Францию, Америку, Персию и Китай.

В середине XIX столетия костромская тяжелая промышленность производила все – от иголки до парохода, остальные нужды обеспечивались легкой и пищевой промышленностью. В порту ежегодно отгружалось 200 000 пудов товара, выгружалось – полтора миллиона, три десятка корпусов Гостиного двора насчитывали свыше 300 лавок.

Возраставшие доходы позволили властям города замостить, озеленить и осветить улицы, открыть приюты и богадельни, учебные и лечебные заведения, газеты, банки, театры и кинотеатры, музеи и библиотеки, соединить город с миром железной дорогой и украсить памятниками.

Инвестиционная привлекательность Костромы была такова, что свои заводы и фабрики в ней строили москвичи Павел Михайлович (1832–1898) и Сергей Михайлович (1834–1892) Третьяковы, Андрей Алексеевич Зотов (1803–1868) и Василий

Иванович Брунов (1870–1930), австрийские, бельгийские, германские и швейцарские концессионеры Гирлинг, Гатри, Жерар, Зауль, Куни, Петцольд, Тшарнер и др., а строительство железной дороги финансировал не кто иной, как Савва Иванович Мамонтов (1841–1918).

Костромскими фабрикантами являлись и депутаты Комиссии для составления нового уложения (1767) Алексей Иванович Июдин (1727–1798) и Василий Иванович Стригалева (1735–1812), член Правительствующего сената (1901) Александр Константинович Гожев (1847–1912), член III Государственной Думы (1907–1912) Геннадий Николаевич Ботников (1859–1922) и товарищ председателя IV Государственной думы (1912–1914) и Временного правительства (1917) Александр Иванович Коновалов (1875–1949), рассматривавшие эту свою деятельность как поручение всех своих предков.

И наоборот, такие костромские миллионеры и меценаты, как золотопромышленник Платон Васильевич Голубков (1786–1855), винные откупщики Василий Александрович Кокорев (1817–1889) и Геннадий Васильевич Юдин (1840–1912), чае-торговец Константин Абрамович Попов (1814–1872), железнодорожный магнат Федор Васильевич Чижов (1811–1877) и Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934), зарекомендовавшие себя, несомненно, как выдающиеся предприниматели, считались все же исключениями из правила, согласно которому купеческие капиталы, особенно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Генеалогия костромского купечества» № 16-11-44001.

в провинции, являлись родовыми, накапливались столетиями и представляли собой преимущественно капиталовложения в производство.

Родовые промыслы также насчитывали два – три столетия, а трудовые династии – в несколько раз больше. Как, например, у серебряников Гожевых, Еранцевых, Заводовых, Савельевых, произведения которых хранятся в крупнейших отечественных музеях, однако метрические, генеалогические и биографические сведения об экспонентах в каталогах отсутствуют.

Из костромского купечества, наконец, происходили основатель отечественного театра Федор Григорьевич Волков (1728–1763), актер Алексей Семенович Яковлев (1773–1817), драматурги и театральные деятели Василий Викторович (1835–1908) и Виктор Васильевич (1877–1926) Демидовы, писатели Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924), Александра Петровна Кобякова (1823 – не ранее 1892), Сергей Федорович Рыскин (1859–1895), Николай Павлович Смирнов (1898–1978), Алексей Алексеевич (1853–1914) и Владимир Алексеевич (1857–1914) Тихоновы, историк Иван Васильевич Мешалин (1901–1942), литературовед Владимир Яковлевич Стоюнин (1826–1888), языковед Василий Константинович Чичагов (1906–1955), театровед Александр Александрович Дьяконов (1882–1963), музыковеды Сергей Алексеевич Жаров (1896–1985) и Елена Михайловна Орлова (1908–1985), композитор Сергей Алексеевич Разоренов (1909–1991), архитекторы Степан Андреевич (1741–1792) и Сергей Петрович (1840 – не ранее 1840) Воротиловы, Леонид Александрович (1880–1933), Виктор Александрович (1882–1950) и Александр Александрович (1883–1959) Веснины и Евгений Алексеевич Трубников (1883–1964), художники Иван Иванович (1835–1899) и Петр Иванович (1837–1892) Подозеровы и Дмитрий Алексеевич Трубников (1886–1947), философ Александр Федорович (1816–1879) и математик Михаил Федорович (1828–1901) Окатовы, механики Павел Алексеевич Зарубин (1816–1886) и Александр Васильевич Красильников (1774–1852), авиаконструктор Петр Петрович Красильщиков (1903–1965), селекционер Николай Лукич Скалозубов (1861–1915), почвовед Василий Васильевич Квасников (1889–1965), геологи Михаил Александрович Толстопяттов (1835–1890) и Лев Дмитриевич Шевяков (1889–1963), химики Петр Павлович Орлов (1859–1937) и Николай Николаевич Рогаткин (1885–1948), физик Геннадий Иванович Таганов (1917–1988), физиолог Алексей Николаевич Крестовников (1885–1955), врачи Константин Михайлович Быков (1886–1959), Дмитрий Петрович Скалозубов (1839–1892) и Николай Евграфович Щепетильников (1805–1862) и др., в немногочисленных и немногословных жизнеописаниях которых не имеется сведений даже о родителях.

Как видно, для выяснения происхождения, численности, состава, структуры, достатка, образованности, направления и содержания деятельности, заслуг и достижений, места и роли костромского купечества в региональной и общероссийской истории, политике, экономике и культуре перечисления нескольких общеизвестных фамилий и предприятий недостаточно, и ретроспективное исследование целесообразно распространить на все поколения наиболее крупных костромских купеческих родов, их родственные и производственные связи, имущественное и семейное положение, общее и специальное образование, государственную, муниципальную, земскую, профессиональную, конфессиональную, общественную, попечительную, благотворительную, культурную, литературную, художественную и научную деятельность, заслуги и достижения, опубликованные и неопубликованные произведения, документальные и книжные собрания, археологические и художественные коллекции и пр.

Источниками этой информации служат законодательные акты и официальные документы XVII–XX столетий из более чем полутора сотен фондов Государственного архива Костромской области и Костромского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, а также фондов других провинциальных и центральных архивов.

Источниками генеалогических и метрических сведений являются дозорные, писцовые, переписные, обывательские и метрические книги, ревизские сказки, уставные грамоты и пр., биографических сведений – формулярные списки, свидетельства, протоколы выборов, представления к наградам, владельческие, оценочные, окладные и податные ведомости, объявления о капиталах, учредительные заявления, духовные завещания, списки выморочного имущества и пр. отчетная и текущая документация наместнических, губернских, земских и городских распорядительных, исполнительных, надзорных, налоговых, нотариальных и судебных учреждений, учебных и лечебных заведений, сословных, профессиональных, конфессиональных, попечительных, благотворительных и научных объединений.

Для комплексного исследования важен системный подход, позволяющий получить целое по частям, свойства которых определяют его структуру и типологию, но поскольку целое приобретает еще и дополнительные свойства, невозможно обойтись без системного анализа, который наряду с объективными выводами допускает и субъективные оценки и суждения.

Состав и объем исследования определяются всей совокупностью источников, каждый из которых рассматривается по правилам источниковедения и археографии. Достоверность полученных

сведений по правилам текстологии обеспечивается привлечением независимых современных, а полнота – разнообразием разновременных источников, точность – воспроизведением их содержания в адекватном или аналогичном виде. Поколенные росписи купеческих родов составляются и оформляются по правилам генеалогии, персоналии – по правилам документоведения, библиография – согласно ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и т. д.

В перспективе настоящий проект предполагает создание первого отечественного историко-родословного словаря третьего сословия, содержащего сведения об основных промыслах, доходах, имуществе, строительной, общественной и благотворительной деятельности, обществах и корпорациях, званиях и отличиях, составе и численности, генеалогии и некрологии двух с половиной сотен купеческих родов, статья о каждом из которых будет состоять из аннотации и поколенной росписи со ссылками на источники.

Сведения о происхождении, численности, составе и структуре костромского купечества, наиболее крупных костромских купеческих родах и наиболее видных их представителях, их родственных и производственных связях, имущественном и семейном положении, общем и специальном образовании, государственной, муниципальной, земской, профессиональной, конфессиональной, общественной, попечительной, благотворитель-

ной, культурной, художественной, литературной и научной деятельности, заслугах и достижениях, званиях и наградах, опубликованных и неопубликованных произведениях, документальных и книжных собраниях, художественных коллекциях и пр., а также описания их торгово-промышленных предприятий будут полезны не только для региональной, но и общероссийской экономической, политической, социальной и культурной истории, а кроме того, генеалогических, этнографических, географических, урбанистических, социологических, культурологических, религиоведческих, науковедческих, литературоведческих, искусствоведческих и др. обобщений. Сведения о серебряниках, в частности, могут послужить материалами для словаря «Художников народов СССР». Соответственно, персоналии вышеперечисленных мультимиллионеров, меценатов, государственных деятелей, художников, ученых и писателей также получат не только генеалогические, но и метрические и библиографические уточнения и дополнения.

Предполагаемое издание, однако, может быть рекомендовано не только специалистам – историкам, географам, экономистам, социологам, культурологам, генеалогам и педагогам-краеведам, но и всем жителям региона, включающего территории нынешних Ивановской, Костромской, Нижегородской и Ярославской областей, как проливающее свет на прошлое донныне существующих предприятий и жизнь предков наших современников.

К ЮБИЛЕЮ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ:
М.И. СИНЯЖНИКОВА, К.А. БУЛДАКОВА, В.Л. МИЛОВИДОВА

Летом 2016 года в КГУ проходила конференция, посвященная памяти основателей, замечательных учителей, организаторов исторических исследований в провинции – Михаила Ивановича Синяжникова, Константина Александровича Булдакова, Владимира Леонидовича Миловидова.

Все эти выдающиеся люди служили России и были преданы исторической науке. Они заложили фундамент исторического образования в Костромской области. Каждый на своём посту: Михаил Иванович – ректор педагогического института с 1961 по 1986 годы; Константин Александрович – декан историко-филологического факультета с 1958 по 1963 год; Владимир Леонидович – заведующий кафедрой с 1964 по 2000 год. К этой когорте я бы отнёс и своего отца Михаил Никитича Белова, который по распределению из Москвы приехал в Кострому на должность заведующего кафедрой истории в 1955 году.

Михаил Иванович и Константин Александрович родились ещё в дореволюционной России. Владимир Леонидович уже в Советской России. Но все они выдвинулись из народа, получили образование в советской средней и высшей школе.

М.И. Синяжников, К.А. Булдаков, В.Л. Миловидов были яркими представителями народной интеллигенции и, конечно же, представителями *поколения победителей*. М.И. Синяжников и К.А. Булдаков участвовали в Великой Отечественной войне, оба получили ранения: Константин Александрович – тяжёлое в ногу, лишившись её, Михаил Александрович в руку. В. Л. Миловидова можно также смело причислить к поколению победителей. По возрасту он не был призван в армию, на фронт, но был ветераном трудового фронта. И все пережитые трудности сделали наших учителей не просто преподавателями вузов, но и убеждёнными сторонниками социалистических идей и того строя, который одержал победу над фашизмом.

1990-е годы, тяжёлая морально-нравственная обстановка в стране серьезно повлияла на пожилых преподавателей. В 1993 году Россия оказалась фактически накануне Гражданской войны в результате противостояния президента Б.Н. Ельцина и съезда народных депутатов. Думаю, что душевные переживания о том, что страна, которую они защищали, распалась, что идёт открытое противостояние власти и народа, привели к тому, что М.И. Синяжников в сентябре 1993 года ушёл из жизни.

Вместе с тем, в эти годы фронтовую стойкость проявил В.Л. Миловидов, который подхватил упавшее было знамя в борьбе за сохранение нашей

истории, обеспечил её преемственность. В чём это выражалось? В том 1993 г. начинает функционировать диссертационный совет по историческим наукам при Костромском государственном педагогическом университете. На достойном научном уровне проходят защиты диссертаций. Высокую планку научных исследований обеспечивает председатель диссертационного совета, профессор В.Л. Миловидов.

В эти же 90-е годы XX века Владимир Леонидович вместе с генералом Евгением Яковлевичем Лебедевым стали вдохновителями исследований, а потом организаторами издания многотомной «Книги Памяти». «Книга Памяти» не только сохранила имена соотечественников, отдавших жизни в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., но помогла духовно выстоять, не сломаться в это сложное время участникам ее создания, а также коллективу кафедры политической истории России, которую возглавлял В.Л. Миловидов. Именно поэтому можно смело причислить Владимира Леонидовича Миловидова к поколению победителей.

И ещё один важный урок. Сейчас много говорят о правах человека, мы видим как выросло целое поколение тех, кто говорит «дай!» Нахрапистость расчищает себе место под солнцем, не стесняясь саморекламы: об этом говорят и современные бесчисленные избирательные компании. А наши учителя М.И. Синяжников, К.А. Булдаков, В.Л. Миловидов учили нас другому, учили труду. Учили тому, что нужно не только брать, но и отдавать, соответствовать высокому уровню преподавателя, учёного, человека. И быть интеллигентом! И очень хорошо запомнились нюансы интеллигентности во внешности наших учителей: глубокая основательность и солидность, неспешность и фундаментальность в работе, чуткость и внимательность к людям.

Очень много лично для меня как исследователя сделали эти люди. Раньше всех я познакомился с К.А. Булдаковым. К нему родители брали меня мальчиком несколько раз в гости, и я прекрасно запомнил семью Булдаковых, некоторые разговоры Константина Александровича и Михаила Никитича об истории, о войне, науке. Помню, что именно Константин Александрович показал мне другую сторону войны, не только победу, он объяснил, что война может приносить тяжёлые ранения, доставлять страдания людям.

Меньше – лично, больше по трудам я знал М.И. Синяжникова, в частности прекрасный сборник, подготовленный под его редакцией: «Заре на встречу. Костромской совет рабочих депутатов в 1905 г.». Когда Михаил Иванович присутствовал

на заседаниях кафедры, он всегда выступал с интересными докладами, высказывал компетентные суждения, демонстрируя прекрасное знание источников по истории большевизма, работ Ленина, причём не только вышедших в Полном собрании сочинений, но и малоизвестных, опубликованных в Ленинских сборниках. Одна из проходивших на кафедре дискуссий об истории создания и скрытых смыслах «Письма к съезду» показала, сколько идей было в одном только ленинском предложении, где характеризовались его соратники Сталин, Каменев, Зиновьев, Троцкий, Бухарин.

При всей сложности советской эпохи это были, по моему, счастливые люди: у них слово и дело никогда в жизни не расходилось. Они не могли крикнуть душой, лгать, жить в противоречии с совестью. Наверное, поэтому Михаил Иванович Сняжников, Константин Александрович Булдаков, Владимир Леонидович Миловидов до сих пор для нас дорогие учителя, чей пример и ведёт нас по жизни.

*Белов Андрей Михайлович
доктор исторических наук, профессор
Костромской государственной университет*

Вспоминая своих учителей, мы вспоминаем и свои студенческие годы. Прошло, в моем случае, более 40 лет. Как сегодня, вижу идущего по коридору уверенным шагом Михаила Ивановича Сняжникова... Тогда мы были молоды и о многом не задумывались, но Михаил Иванович запомнился как умелый руководитель вуза, требовательный преподаватель, добрый человек. Его улыбку и глаза, излучавшие свет, надо было видеть, а еще слышать прекрасный голос, когда он пел в кругу друзей. Боялись мы, идя на семинары по истории партии, ведь их вел сам ректор!

Да, много всего выпало на долю наших преподавателей: противоречивые послеоктябрьские и 1930-е годы, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление, хрущевская оттепель... Эти трудности их сформировали, закалили, научили ответственности, порядочности, отзывчивости, а они все это, как жизненный опыт, возвращали людям: преподавателям и студентам, встав во главе института, факультета, кафедры.

За то, что стала преподавателем, благодарна не только родителям, но и своим учителям, определившим мою педагогическую судьбу, поверившим мне и доверившим обучать студентов. Поступив в вуз студенткой, а потом, став преподавателем, мне было с кого брать пример.

Тепло вспоминается и Михаил Никитич Белов, который будоражил наши мысли на своих интересных ярких занятиях по истории России на-

чала XX века, а помогал потом как наставник, заведующий кафедрой истории СССР. С его легкой руки я проводила открытые занятия, разрабатывала новые курсы, совершенствуясь как преподаватель. Михаилу Никитичу я обязана направлением в аспирантуру в Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова к профессору В.С. Флерову и возвращением на кафедру в Кострому.

Нельзя забыть и «шалапинский бас» – голос Константина Александровича Булдакова, «железную логику» в его подаче лекционного материала, что, безусловно, способствовало быстрому пониманию и запоминанию, его методику работы с историческими документами.

Кроме этого, каждый из них привил нам интерес к истории Костромского края, так как под руководством наших чутких учителей проводились краеведческие конференции, выходили учебные пособия, путеводители, сборники документов. Сегодня уже мы продолжаем их дело.

Вспоминаются и заседания кафедры, где наши преподаватели показывали себя мудрыми, решавшими вопросы с учетом высокой гражданской позиции, понимавшими студентов, я бы сказала, действовавшими по-отцовски: пожурят, пожалуют, посоветуют. А еще запомнилось то, что все преподаватели составляли коллектив, которому было под силу решить любые задачи. Этому способствовала всегда доброжелательная атмосфера.

Вспоминается мне Израиль Петрович Шульман – жизнерадостный человек с чувством юмора, очень энергичный, участливый; человек, всегда знавший до подробностей, что и где в мире происходит. Постоянное чтение, самосовершенствование, активная жизненная позиция, преподавательское мастерство (до вуза многие были учителями), любовь к России, ее истории и людям, передались и нам студентам, и молодым тогда преподавателям.

Даже будучи на пенсии наши учителя продолжали заниматься научными исследованиями, интересовались делами родного вуза и факультета. Фактически за все эти годы сложились их семейные педагогические династии, сейчас их дети и внуки продолжают начатое дело.

Сегодня – другое время, но общечеловеческие ценности, которым они следовали, никто не отменял. Они должны оставаться во главе угла всей нашей современной жизни, научно-педагогической деятельности, без этих опор все здание просвещения рухнет. Поддерживать эти опоры должны мы, с благодарностью своим учителям.

С уверенностью можно сказать, что история их жизни – это жизнь во имя истории.

*Миловидова Наталья Владимировна,
кандидат исторических наук
Костромской государственной университет*

О ТЕХ, КОГО ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ

В статье представлены воспоминания о преподавателях-историках легендарного историко-педагогического факультета 70–80-х гг. XX в. – М.Н. Белове, К.А. Булдакове, Б.М. Косарева, М.И. Синяжникове. Показаны характерные черты взаимоотношений преподавателей и студентов тех лет.

Ключевые слова: историко-педагогический факультет, история, преподаватели-фронтовики.

Вспоминая годы студенчества, самое насыщенное впечатлениями время, когда каждое событие воспринимается как явление яркое, трогающее сердце и душу, выделю тех, с кем мне довелось общаться в течение пяти лет, а с некоторыми из них – и в последующие годы. Это наши замечательные учителя, преподаватели-историки – К.А. Булдаков, М.Н. Белов, Б.М. Косарев, В.Л. Миловидов, М.И. Синяжников и др.

Мое первое знакомство с ними состоялось заочно, на традиционном для историко-педагогического факультета лагерном сборе. Наш куратор – студент пятого курса, секретарь комсомольской организации Лева Чернов (Лев Алексеевич Чернов) – с первых же дней ввел нас в курс дела, коротко рассказав о преподавательском составе факультета, а потом много полезного мы узнали и от других старшекурсников, работавших с группой. Добрые слова были сказаны о лекциях К.А. Булдакова, который на своих занятиях не просто приводил событийный ряд, но и основательно анализировал, систематизировал материал, информировал об источниках, историографии. М.И. Синяжников был в то время ректором вуза. В отзывах чувствовалось уважительное отношение не только к его должности, но и к человеческим качествам. Рассказывая о М.Н. Белове, Б.М. Косарева, В.Л. Миловидове, наши наставники с ностальгией говорили, что нам ещё предстоит, а у них уже прошли встречи с этими энциклопедически образованными, умными, понимающими людьми.

В целом же было понятно, что с точки зрения исторической подготовки мы будем в надежных руках – нас научат работать, добывать знания, не бояться трудностей.

Первый учебный день начался с лекции Константина Александровича Булдакова. Мы увидели преподавателя среднего роста, крепкого телосложения, со светлыми глазами и строгим взглядом. Поразило одно обстоятельство: Булдаков вошел в аудиторию размеренным шагом, поздоровался, поздравил с первым студенческим днем и сразу же присел на стул, достал листочки с текстом лекции. Его голос с хрипотцой был хорошо слышен – лекция читалась размеренно, в среднем темпе, некоторые особенно важные моменты повторялись дважды. Он не ходил по аудитории, не проверял, как студенты работают, но сам материал, его содержа-

тельная сторона, трепетное отношение преподавателя к истории, глубокие знания (а это ощутили все и сразу) заставляли вести записи, а потом и читать рекомендованную дополнительную литературу, как можно лучше готовиться к занятиям. Лекции К.А. Булдакова были настолько ценны, что их записи, а я это знаю точно, выпускники факультета хранят до сих пор. Есть они и у меня, несмотря на то, что много в исторической науке изменилось, появились новые исследования, технологии, интернет.

Первые впечатления оказались верными. В последующие годы с удовольствием посещала спецкурс по внешней политике России начала XIX века, писала курсовую работу по истории восстания декабристов. На консультации Константин Александрович приходил подготовленный, никогда не давал пустых обещаний, делал замечания, советовал, каким образом, на основании каких данных можно уточнить или дополнить выводы.

В ходе общения узнала, что уважаемый преподаватель – фронтовик. Был удостоен орденов Славы III степени и Отечественной войны I степени, нагрудного знака «Отличник народного просвещения СССР», медалью «За трудовую доблесть» [1, с. 243]. В войну был ранен в ногу, вот почему занятия проводил сидя, любое дело стремился доводить до конца, был всегда честен со студентами.

Одно из первых мест в когорте преподавателей факультета и вуза принадлежало ректору М.И. Синяжникову. Он был невысокого роста, седой. Поражало волевое лицо, упрямо сжатые губы, светлые глаза. Чувствовалось – за его плечами большая и сложная жизнь. Через много лет узнала, что в ноябре 1941 года Михаил Иванович вместе со своими учениками-старшеклассниками добровольно ушел в формирующуюся Ярославскую коммунистическую дивизию. Был политруком роты и парторгом батальона, участвовал в боях на Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. За мужество, проявленное в сражениях, был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалью «За боевые заслуги», был тяжело ранен [1, с. 147]. Михаил Иванович гордился боевым прошлым, но был скромным, никогда не выделял себя из общего ряда преподавателей – участников Великой Отечественной войны. Боль от пережитого периодически прорывалась: как-то за праздничным столом он потрясающе прочитал стихотворение

поэта-фронтовика, в другой раз исполнил фронтовую песню. Наш ректор обладал певческим талантом: в родном Бурмакине Ярославской области играл в народном театре и даже был принят на первый курс Российской академии музыки им. Гнесиных, поэтому мог исполнить арию из оперы или романс.

С нами, студентами, он был суров и требователен, умел спросить с нерадивого, при этом подбирал слова, заставлявшие стыдиться за свои поступки. Будучи ректором, при огромной занятости, профессор тем не менее всегда проводил собеседования по литературе, просматривал конспекты, поддерживал трудолюбивых, стремившихся к знаниям, совестливых, честных и порядочных студентов. Особенно уважал, как-то по-особенному опекал пришедших в вуз после рабфака или армии. Но у профессора Синяжникова не было любимчиков, преобладало ровное отношение ко всем студентам и главное – он ценил людей с аналитическим складом ума.

Михаил Иванович никогда не опаздывал на занятия, не забывал отпустить на перерыв. Лекции читал хорошо поставленным голосом, в высоком темпе, лаконично. Материал выстраивал в логической последовательности, по возможности насыщал краеведческими и статистическими данными, в совершенстве владел педагогическими технологиями, был убедителен в аргументации. Мы прекрасно понимали, что преподаватель не просто сообщает необходимый учебный материал в соответствии с программой курса, он убежден в верности приводимых им теоретических установок.

Михаил Иванович ничего не делал на публику, хотя и был артистичен. Он умел держать паузу, когда начинал говорить, все замолкали и слушали, так как хорошо знали – разговор будет по существу, без цветистости и реверансов.

Не случайно во время традиционных слетов выпускников историко-педагогического факультета имя Михаила Ивановича Синяжникова звучит в числе самых уважаемых и любимых преподавателей вуза, его фото встречается уже давно поседевшими истпедовцами громом аплодисментов.

В годы моего студенчества заведующим кафедрой истории СССР работал профессор Михаил Никитич Белов, читавший на втором курсе историю России второй половины XIX в. и до 1917 г. Мы знали, что он – воспитанник московской школы историков, выпускник Московского областного педагогического института, известный в стране специалист по истории рабочего класса дореволюционной России. Значительно позже узнала, что Михаил Никитич в соавторстве подготовил замечательнейшие путеводители по Костроме, написанные на основе архивных материалов, досконально выверенные, и как действующий экскурсовод со знанием дела могу утверждать – пользующиеся спросом даже в наши дни.

Как преподаватель М.Н. Белов был удивителен. Его лекции и семинары были насыщены яркими фактами, порой не представленными в исследованиях известнейших ученых страны и обязательно дополненными костромскими материалами, при этом всегда подчеркивалась уникальность освещаемых событий, много внимания уделялось причинно-следственным связям.

Профессор Белов был необычайно артистичен. Его лекции никогда не были монотонными, ученый обогащал их красками, впечатлениями. Его можно было слушать и слушать, так что иногда студенты даже забывали делать записи. Говорил Белов громко, четко, делал паузы, подчеркивая тем самым значимость сообщаемого.

Михаил Никитич мог пошутить, рассказать интересную историю, не связанную с темой лекции, но по исторической проблематике. Тем не менее профессор Белов был серьезен и строг, на экзамене спрашивал долго, выяснял подробности, обращая внимание на тонкости вопроса. Во внеучебное время был добр, коммуникабелен, относился к студентам с пониманием, сочувствовал и помогал, если у кого-то были серьезные трудности.

Михаила Никитича уважали за знания, умение преподносить материал, основательность в работе, организаторские способности, честность и порядочность, а любили за человечность.

Коллеги, учителя, бывшие студенты с уважением и чувством глубокой благодарности вспоминают доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории Бориса Михайловича Косарева. Память сохранила тихий голос, аккуратную бородку, очки, невысокую, но крепкую фигуру. Борис Михайлович производил впечатление потомственного интеллигента, а на самом деле происходил из крестьянской семьи. Как в народе говорят, воспитал себя сам, пройдя суровую школу жизни. Учился в Энгельском военном авиационном училище, воевал на Сталинградском фронте, получил тяжелое ранение и инвалидность в 21 год. После войны обучался в Горьковском государственном педагогическом институте на историческом факультете, работал учителем в сельской школе, закончил аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Все это – свидетельство огромного трудолюбия ученого. Все, кто с ним общался, отмечали именно это качество профессора и добавляли, что Косарева как преподавателя отличали высокий научно-теоретический уровень чтения лекций и проведения практических занятий по новой истории, а в общении со студентами и преподавателями – принципиальность.

На факультете знали, что Борис Михайлович ведет большую общественную работу: руководит методологическим семинаром преподавателей кафедр истории СССР и всеобщей истории, городского методологического совета по пропаган-

де исторических знаний, является председателем методической комиссии, лектором горкома партии. Для студентов читал спецкурс «Рабство и негритянская проблема в США», вел спецсеминар «Вторая американская революция и национальные процессы в США», которые были весьма популярны.

В общении был доступен, мог оказать помощь ценным советом, добрым словом, поощрительным взглядом. Не случайно выпускники факультета благодарны профессору Б.М. Косареву за то, что привил умение трудиться, добиваться поставленной цели, отстаивать свою точку зрения.

Итак, преподаватели, о которых шла речь, прошли через Великую Отечественную войну. Все они – фронтовики, что, конечно, у студентов моего поколения рождало уважительное к ним отношение. Большинство из них – выходцы из крестьянской среды, простые парни, воспитанные в труд-

ные 20–30-е годы XX века. Отсюда – трудолюбие, идейная убежденность, непреклонная вера в светлое и достойное будущее.

Наши преподаватели-фронтовики были очень разными, но их многое объединяло. Прежде всего – человечность, жизнелюбие, целеустремленность, умение не отступать перед трудностями, принципиальность, знание психологии студента.

Благодаря им мы, бывшие студенты, стали учителями истории и обществознания, преподавателями вузов, управленцами, психологами – людьми, которые хотят быть достойными своих учителей.

Библиографический список

1. Костромской университет: страницы истории и современность / сост.: Д.А. Волков, В.А. Миловидов, А.Н. Рябинин. – Кострома, 1999. – С. 147, 243.

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ МИЛОВИДОВ: ИСТОРИК И ЕГО ЭПОХА

В статье представлены основные вехи жизненного пути, направления научной деятельности, краткая характеристика наиболее значимых работ, научный вклад доктора исторических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, Почетного гражданина Костромской области В.Л. Миловидова.

Ключевые слова: доктор исторических наук, профессор В.Л. Миловидов, биография, наука, научный вклад.

Доктор исторических наук, профессор Владимир Леонидович Миловидов пользовался непререкаемым авторитетом в кругу своих коллег, ученых, общественности, являлся примером бесконечной преданности делу и высокого профессионализма. Его талант был многогранен: умелый руководитель, блестящий преподаватель, маститый ученый и организатор науки. Вместе с тем Владимир Леонидович был необыкновенно цельным человеком. Главное, что это определяли его любовь к Отечеству, к родной земле. История родной земли и была смыслом, образом мышления и жизни этого человека.

Становление профессора Миловидова как будущего ученого и руководителя началось в начале 50-х гг. прошлого века в стенах Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского. Именно здесь формировались научные интересы, во многом благодаря участию в работе кружка по Истории СССР (советского периода) под руководством известного ученого, доктора исторических наук, профессора Лазаря Борисовича Генкина. Владимир Леонидович называл его своим Учителем, который помог ему определиться в дальнейшем с темой кандидатской диссертации.

Большую роль в формировании Владимира Леонидовича как ученого сыграла и заведующая кафедрой Истории КПСС естественных факультетов МГУ, д.и.н., проф. Полина Ивановна Соболева, ставшая его научным руководителем в работе над кандидатской диссертацией, а далее и научным консультантом. «Ее поддержка в моих начинаниях, – вспоминал Владимир Леонидович, – многого стоила. Человек, умудренный жизненным опытом, научно эрудированный, наделенный прекрасными личными качествами, – все это обусловило наши добрые отношения на многие годы».

Большое человеческое участие в научных начинаниях В.Л. Миловидова принимал и Михаил Иванович Синяжников, в течение 25 лет являвшийся ректором Костромского пединститута.

Почти пять десятилетий научной деятельности В.Л. Миловидова – это время напряженных поисков, открытий, сомнений, эволюции взглядов и подходов в анализе сложных и неоднозначных процессов общественно-политического развития страны в пред- и послереволюционный период.

В 1962 г. состоялась защита кандидатской диссертации В.Л. Миловидова по теме «Военно-организаторская деятельность партийной организации Костромской губернии в годы гражданской войны 1918–1920». Чуть раньше по данной проблеме вышла его работа «На защиту революции. О военной работе костромских большевиков в годы гражданской войны» (Кострома, 1959).

Выбор направления научных исследований был отнюдь не случаен. Революция и гражданская война являлись теми сюжетами российской истории, которые для поколения Владимира Леонидовича значили гораздо больше, чем просто предмет академического исследования. Эпоха революционной ломки воспринималась как важнейшая точка отсчета, как некий исходный рубеж, фундамент в истории страны, прикосновение к которому означало обращение к истокам самих себя. При этом решающую роль в развороте революционных событий играл субъективный фактор, и этот вывод, к которому неизбежно приходит каждый исследователь той переломной эпохи, во многом определил направление дальнейших научных исследований В.Л. Миловидова. Тема его докторской диссертации – «Деятельность Коммунистической партии по формированию партийно-советских кадров в годы гражданской войны и восстановительного периода (1918–1925 гг.)». Ее защита состоялась 28 сентября 1973 г. на заседании Специализированного совета по истории КПСС МГУ им. М.А. Ломоносова. В качестве официальных оппонентов выступили известные и авторитетные в научном мире специалисты по данной проблеме, доктора исторических наук – Б.М. Морозов, М.А. Водолагин, П.П. Андреев, С.С. Хромов, которые отметили высокий научно-теоретический уровень исследования, его богатейшую документальную базу (было использовано около 700 единиц хранения, более 60 наименований периодической печати), которая позволила комплексно и в систематизированном виде осветить кадровую политику партии за первые восемь лет Советской власти. Вскоре в журнале «Вопросы истории КПСС» (1973 г, №11) был опубликован отзыв о прошедшей защите, в котором особо подчеркивалась научная новизна представленного исследования – единственного в тот период времени обобщающего труда по данной теме.

Актуальность и практическая значимость данной работы отнюдь не утрачена в новых политических реалиях сегодняшнего дня. Изучение опыта кадровой политики КПСС раскрывает один из ключевых рычагов осуществления ею монополии на власть, исторически подтверждает сколь определяющую роль «подбор и расстановка кадров», состав политической элиты общества играет в направленности тех или иных общественно-политических процессов, да и в целом в судьбе страны.

Закономерно в этом плане обращение ученого к жанру политического портрета, персоналиям, изучению и постижению психологии, помыслов, поступков тех, на ком «держалась» советская власть. Внимание исследователя привлекали государственные, военные, общественные деятели, писатели, ученые, вузовские преподаватели, связанные рождением или работой с Костромским краем, чье влияние на развитие края и страны в целом было очевидным. Это М.С. Кедров, Б.М. Волин, В.Н. Лазарев, Н.А. Филатов и др. В галерее персоналий по-человечески привлекателен политический портрет Павла Андреевича Бляхина – председателя Костромского губисполкома и горисполкома, горкома и губкома РКП/б, одного из инициаторов открытия в Костроме рабоче-крестьянского университета. В посвященной ему книге В.Л. Миловидова «Рожденный временем: документальная повесть о жизни и деятельности П.А. Бляхина», вышедшей в 2000 г., на основе документов центральных и местных архивов, личных фондов П.А. Бляхина, его произведений, дневников, писем, воспоминаний о нем увлекательно рассказывается о жизни, общественно-политической и литературной деятельности известного писателя, журналиста, автора полюбившихся книг «Красные дьяволята», «Дни мятежные», талантливого сценариста, стоявшего у истоков советской кинематографии. Жизнь П.А. Бляхина, когда-то полуграмотного сельского батраченка, ставшего со временем благодаря постоянному самообразованию и литературному таланту известным общественным деятелем и популярным писателем, представлена автором как яркая иллюстрация сложных и противоречивых процессов рождения новой советской интеллигенции, лучшая часть которой, продолжая традиции старой российской интеллигенции, бескорыстно служила своему народу.

Исследовательскую позицию В.Л. Миловидова всегда отличал скрупулезный анализ документальной базы. Однако в тот период усилия любого историка, работающего в русле партийной проблематики, неизбежно были ограничены в возможности формирования максимально широкой источниковой базы. В центральных, да и в местных архивах существовала система дозированного предоставления информации, выписки нередко изымались и шивались в личное дело исследова-

теля. Ученые-обществоведы были «рупором» официальной идеологии, их научная и педагогическая деятельность жестко контролировалась соответствующими партийными органами.

Новые политические реалии конца 80-х гг. для Владимира Леонидовича, как и для большинства людей его поколения, стали временем трудного и мучительного процесса переосмысления пройденного страной пути и себя в нем. Для ряда историков он свелся к «смене погон», полному отказу от прежних общественно-политических ориентиров. Профессор В.Л. Миловидов относился к тем ученым-обществоведам, для позиции которых был характерен взвешенный и объективный подход к анализу реальных достижений, просчетов и ошибок, трагедии советского периода истории. В создавшихся условиях он видел возможность для существенного приращения исторических знаний, прежде всего за счет введения в научный оборот ранее недоступных документов и материалов, возможности использования новых методологических подходов. Все это значительно расширило круг научных интересов ученого, проблематику исследований. Главным был поиск ответа на вопрос, где и в чем истоки того кризиса, в котором оказались в этот период партия и само общество в целом. В центре внимания исследователя стал вопрос о деформациях в истории большевистской партии, факторах ее превращения по сути в государственную структуру, утраты черт общественно-политической организации – словом, всего того, что сделало ее ядром тоталитарного политического режима. Историк писал, что все эти явления – результат не только целенаправленной сталинской политики. Истоки обозначенных тенденций уходят в первые послеоктябрьские годы. В ряде работ В.Л. Миловидов убедительно показал, что проблема взаимоотношений партийных и государственных органов, РКП/б и Советов приобрела весьма острый характер уже в 1918–1919 гг., когда смешение функций партийных и советских органов приняло огромные масштабы. Сказывалась, по мнению ученого, и недостаточная теоретическая разработка вопроса о месте компартии и Советов в создававшейся политической системе общества, поскольку главное внимание в прошлом уделялось формированию партии и ее кадров, выработке стратегии и тактики в нелегальных условиях. Сложившийся в обстановке подполья тип партийца уже не отвечал новым условиям. Пришедшее в партию в годы гражданской войны новое пополнение мало владело качествами руководителя и организатора. Организационной формой партии, ее моделью в годы гражданской войны стала милитаризация партийной организации. С переходом к нэпу партия, по мнению исследователя, не смогла, хотя и пыталась утвердить новую модель рабочей демократии. Непосредственное вмешательство

в деятельность советских и хозяйственных органов постоянно возрастало. В итоге, как отмечал ученый, деформировался и утрачивался характер партии как политического вождя и первоначальный характер Советов.

Анализ механизма формирования однопартийного политического режима в стране после 1917 г. сопровождался попыткой исследователя объективно и непредвзято оценить роль в судьбе страны и другой политической силы, претендовавшей стать партией истинно «народной свободы» – партией конституционных демократов. История возникновения партии, специфика ее программных установок, состав, лидеры, стратегия и тактика – весь этот комплекс вопросов рассматривался профессором В.Л. Миловидовым в ряде работ 90-х гг. Как одна из актуальных задач отечественной исторической науки им была поставлена проблема взаимоотношений РСДРП и партии кадетов, их взаимовлияния и взаимодействия. Обращаясь к вопросу о причинах исторического поражения российского либерализма начала XX века, ученый подчеркивал, что «драма» последнего определена тем, что, с одной стороны, демократическая альтернатива была отвергнута самодержавием, с другой – западная модель развития общества, предлагаемая кадетами, отказ от первоначальных революционных лозунгов и левых союзников, сосредоточение на парламентской деятельности, настойчивые поиски компромиссов с царизмом, неспособность решать в интересах народа насущные задачи – все это вызывало растущее недоверие к партии кадетов со стороны народных масс и в конечном итоге после февраля 1917 г. фактически проложило дорогу леворадикальной альтернативе. Чрезвычайно важным ученый считал анализ регионального среза деятельности кадетской партии как с точки зрения воссоздания полноценной картины жизни провинции первых десятилетий XX века, так и с точки зрения адекватности восприятия истории кадетской партии, зачастую сводимой лишь к деятельности ее руководящих органов. Среди членов костромского отделения партии кадетов исследователя особенно привлекала личность З.Г. Френкеля, члена ЦК партии «Народной Свободы», чья профессиональная деятельность, в отличие от других руководителей местного отделения, продолжилась при советской власти, в том числе в качестве основателя и многолетнего руководителя ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества и члена Академии медицинских наук.

Постижение коллизий межпартийной борьбы в России закономерно определило «выход» Владимира Леонидовича на тему особенностей генезиса дореволюционной российской многопартийности, той особой роли, которую сыграла российская интеллигенция в ее складывании. Обращение к проблемам «интеллигентоведения» явилось новым,

важным и закономерным этапом в развитии научно-исследовательской деятельности профессора В.Л. Миловидова. Прежде всего, ученого волновала ключевая проблема современного интеллигентоведения – определение понятия «интеллигенция», соотношение культурологического и социологического подходов при ее характеристике. По сути это вопрос о признании или непризнании самого феномена российской интеллигенции и той особой роли, которую она играет в общественно-политическом процессе. По этому поводу В.Л. Миловидов так определял свою позицию: следует не противопоставлять эти два подхода, а воспринимать их в диалектическом сочетании, взаимном обогащении, что помогает понять двуединую природу интеллигенции, представляющую собой и социальную сущность тружеников духовного производства, и общность культурную, поскольку предполагается, что эти культурно-личностные характеристики составляют понятие «интеллигентность».

Обращаясь к теме историософских и идейно-нравственных исканий российской интеллигенции, в частности теории Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах, ученый фактически формулирует собственную позицию по проблеме специфики российского исторического процесса, в котором в большей степени заложено «не буржуазно-рыночное», как на Западе, а «коллективно-социалистическое начало». Вместе с тем, ученый убежден в том, что нельзя противопоставлять Запад и Восток, «поскольку они нуждаются друг в друге», «через борьбу противоположных культур рано или поздно верх одерживала тенденция их взаимного притяжения и дополнения друг друга». Вполне логичен интерес исследователя и к теории евразийства, поскольку именно в нем идея о России, как специфической цивилизационной общности, интегрирующей импульсы Запада и Востока, по-своему их преломляющей, нашла наиболее полное воплощение. Отмечая не востребованность взглядов евразийцев, ученый, тем не менее, был далек от того, чтобы призывать к утверждению в российской действительности евразийской модели общества, отмечая наличие в данной концепции утопических и даже консервативных черт.

Значительное внимание в работах В.Л. Миловидова последних лет уделялось противоречивому опыту формирования и осуществления государственной политики в отношении «старой» и механизма формирования «новой» советской интеллигенции в первые послеоктябрьские десятилетия, раскрытию места и роли интеллигенции в социокультурной жизни провинции. В соавторстве с преподавателями кафедры доцентом Д.А. Волковым и доцентом А.Н. Рябининым профессором В.Л. Миловидовым была подготовлена целая серия публикаций, посвященных становлению системы высшего образования в Костромском крае.

Центральное место в них занимал сюжет об основных этапах развития педагогических учреждений, преемственности традиций и поиске новаций в их работе, давались яркие портретные характеристики отдельных преподавателей, внесших большой вклад в дело обучения и воспитания подрастающего поколения. В связи с 80-летием Костромского государственного Рабоче-крестьянского университета, создание которого и положило начало высшему образованию в Костроме, и 50-летием со дня открытия Костромского госпединститута им. Н.А. Некрасова, под руководством В.Л. Миловидова коллективом кафедры была подготовлена обширная монография (теперь уже переизданная), посвященная истории нашего вуза, содержащая богатейший материал о работе кафедр, факультетов, подразделений института, общественных организаций, раскрыты основные направления учебно-воспитательной и научной работы, их эволюция, динамика, дана целая галерея портретов преподавателей и сотрудников, внесших существенный вклад в дело подготовки российского учительства.

Изучение общероссийских проблем в их провинциальной проекции было одной из важнейших характеристик научной позиции В.Л. Миловидова. Он был глубоко убежден в том, что не только в столицах и крупных центрах совершается история; и здесь на местах, в провинции бушевали страсти шекспировского масштаба, достойные художественного воплощения. Не случайно столь значительное место в научном наследии В.Л. Миловидова занимают работы, посвященные истории Костромского края. Широка и разнообразна их тематика. Кроме упомянутых тем, касающихся истории народного образования, важное место в них занимали вопросы, связанные с революционными событиями 1917 г., гражданской войны, новой экономической политики, раскрывающих региональное преломление общероссийских тенденций с одной стороны, с другой – влияние происходившего в провинции на события в центре, реальный вклад Костромской земли в становление и упрочение российской государственности, в развитие национальной культуры, сохранение и обогащение духовных традиций. Особое внимание исследователя привлекала военная тема. Важное место в этом плане в жизни профессора В.Л. Миловидова заняла работа над 8-ми томной областной Книгой Памяти, выход которой был приурочен к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Владимир Леонидович являлся научным редактором, одним из составителей, ведущим автором, членом редколлегии и рабочей группы этого издания. Участие профессора Миловидова в подготовке данного издания отмечено почетным Дипломом Российского оргкомитета, Почетной грамотой и премией Администрации Костромской области, нагрудным знаком «За активный поиск». Анализ поименных

списков погибших в боях за Родину дал возможность ученому объективно и непредвзято подойти к освещению важной научной и нравственной проблемы – цены Победы для Костромской области, показать вклад костромичей в разгром врага.

Весьма неожиданным, на первый взгляд, было обращение ученого к исследованию взаимоотношений государства и церкви в годы Великой Отечественной войны. Сам профессор В.Л. Миловидов не раз объяснял свой повышенный интерес к той или иной теме возникающей проблемной ситуацией, когда прошлые знания приходят в противоречие с вновь открывшимися источниками и новыми подходами в исторической науке. Именно последние позволили ученому прийти к выводу, что годы Великой Отечественной войны и послевоенный период стали временем наиболее благоприятного сотрудничества государства и церкви, когда произошел поворот от конфронтации к диалогу, к лояльному отношению с РПЦ; «новый курс» в государственно-церковных отношениях позволил советскому руководству использовать потенциал церкви в сплочении общества на патриотической основе, восстановлении экономики и укреплении государства в целом. Ученый был убежден в том, что опыт данного периода может быть востребован и критически использован в современных условиях, поскольку существует реальная общественная потребность с одной стороны, разграничения сфер деятельности государства и РПЦ, с другой – равноправного их взаимодействия на основе принципов сотрудничества и партнерства.

Этапным событием как в жизни самого ученого, так и его многочисленных учеников, коллег стало издание в 2006 г. избранных произведений В.Л. Миловидова (*Миловидов В.Л.* Страницы Российской истории. Избранные статьи и очерки. – Кострома, 2006). В этом издании – квинтэссенция того, что составило Владимиру Леонидовичу Имя в исторической науке, определенный итог его научных исследований, своего рода научное завещание новым исследователям российской истории. Книга отражает взгляды автора на содержание и особенности российского исторического процесса, его противоречия и движущие силы развития. В основе исследований положен комплексный подход к изучению российского социума, предполагающий в том числе и познание его через диалектику общего и особенного, части и целого, принцип множественности детерминаций исторического развития, огромной и особой значимости в нем субъективного фактора, действий конкретных личностей. В материалы сборника вошли 41 из более чем 200 научных и учебно-методических работ В.Л. Миловидова в целом. Под его редакцией были подготовлены и изданы ряд межвузовских научных сборников, коллективных монографий, пособий, материалов для студентов, школьных учителей.

Заслуженный авторитет Владимира Леонидовича в научном мире во многом связан и с его достижениями как организатора науки. Прежде всего, это нашло выражение в научной работе межфакультетской кафедры Истории России, которую Владимир Леонидович возглавлял с 1964 по 2000 г., а затем и на историческом факультете университета, в состав которого кафедра вошла в 2001 г. Под руководством В.Л. Миловидова разрабатывались три взаимосвязанные научные направления: «Интеллигенция и общество», «История Костромского края в XX веке», «Политические партии в контексте российской истории», которые по своей концепции, уровню и результатам рассматривались как школа профессора В.Л. Миловидова. Только за период с 1992 по 1998 г. преподаватели и аспиранты кафедры опубликовали 272 работы, посвященные указанной выше проблематике, систематически участвовали в работе международных и республиканских научных конференциях по проблемам интеллигенции, истории политических партий, российской провинции в Москве, Иванове, Ярославле, Владимире, Ставрополе, Костроме. Коллектив кафедры принял активное участие в подготовке исторической энциклопедии «Кострома» (2002), в которой профессор В.Л. Миловидов участвовал как автор и как редактор статей одного из разделов.

В течение многих лет Владимир Леонидович работал на историческом факультете университета, уделяя приоритетное внимание исследовательской работе студентов. На протяжении длительного периода времени он руководил студенческим научным кружком по истории местного края; многие его бывшие участники стали в дальнейшем аспирантами, учеными, преподавателями вузов. В течение ряда лет профессор В.Л. Миловидов возглавлял областной оргкомитет по проведению Всесоюзных конкурсов студенческих работ по общественным наукам. Эта работа была отмечена Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и Республиканского комитета профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений РСФСР.

Значителен вклад В.Л. Миловидова в подготовку научных кадров высшей квалификации. Многие годы Владимир Леонидович работал с аспиранта-

ми, умело ориентируя последних на достижение максимально высокой планки качества диссертационных исследований, их добротности и глубины. Под его руководством защитили диссертации 20 кандидатов исторических наук. Большинство из них защитились в диссертационном совете по защите кандидатских диссертаций при нашем университете. С момента открытия (ноябрь 1992 г.) его председателем являлся проф. В.Л. Миловидов. Именно фигура председателя во многом определяла атмосферу высокой требовательности и объективности в работе совета, что в немалой степени обеспечивало основательность защищенных в совете работ. Позиция и стиль работы В.Л. Миловидова в качестве председателя совета находили неизменно восторженные и добрые отклики всех, кто хоть раз побывал на заседаниях совета, в том числе ученых из крупных вузов Москвы, Петербурга, Иваново, Владимира, Ярославля.

Много лет профессор Миловидов сам активно работал в составе докторских диссертационных советов при Ярославском и Ивановском госуниверситетах. В 70–80-е гг. он был членом Ученой комиссии по историческим дисциплинам при Министерстве просвещения РСФСР.

За успехи в научно-педагогической деятельности и многолетний добросовестный труд Указом Президента РФ от 4 декабря 1998 г. В.Л. Миловидову присвоено Почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 2006 году он стал «Почетным гражданином Костромской области».

На всем протяжении свой научно-исследовательской деятельности Владимир Леонидович Миловидов являл собой пример исключительной научной добросовестности; неотъемлемыми чертами его как ученого были глубина теоретического обобщения, неукоснительное следование принципам историзма, научности, объективности, широкий научный кругозор, разнообразие методов исторического исследования. Все это позволило ему внести значительный вклад в науку. Школа Миловидова продолжает жить и сегодня в работе его многочисленных учеников и коллег на благо развития исторического знания, формирования и воспитания молодого поколения.

ТВОРЧЕСТВО МИХАИЛА НИКИТИЧА БЕЛОВА В КОНТЕКСТЕ ПОТЕНЦИАЛА ЛОКАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье предпринята попытка ретроспективного взгляда на опыт научного творчества одного из основателей центров изучения рабочего движения М.Н. Белова, долгие годы возглавлявшего кафедру истории СССР, ведущего преподавателя Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Представлен вклад костромского историка в изучение социальной истории края и страны. Дано описание его научного наследия в контексте развития современного исторического знания. Разносторонняя и плодотворная деятельность М.Н. Белова представлена в данной статье преимущественно с позиции актуализации его научного наследия. В условиях идеологизации гуманитарного знания ученому удалось сохранить свою профессиональную идентичность, стремление к объективному знанию. В статье подчеркивается роль провинциального научного сообщества в сохранении культурного и исторического наследия в послевоенный период. Не подлежит сомнению огромная роль Белова не только в приумножении исторического нарратива по проблеме рабочего движения в Центральной России, но и в сохранении ценных архивных материалов, организации научных конференций по данной проблематике. Выбор региона исследования, сам подход к изучению известной темы можно обозначить как новаторские для того времени. Творческий путь М.Н. Белова доказывает возможность специалиста по локальной истории независимо от зарубежной историографии в условиях 1960–80-х гг. прийти к необходимости всестороннего изучения социокультурной среды формирования промышленного пролетариата, обратиться к человеку, его мироощущению. Как социальный историк М.Н. Белов делает ряд глубоких умозаключений относительно мужского и женского присутствия в революционном движении рабочего класса, роли корпоративного и традиционного начал в социальной целостности русских рабочих.

Ключевые слова: М.Н. Белов, рабочее движение, первая русская революция, историография, Центральная Россия, Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова.

Послевоенный период для педагогического образования советского периода – одна из лучших страниц истории. Для Костромского государственного педагогического института он характеризуется становлением и резким подъемом, выведшим регион в число лидеров по подготовке педагогических кадров. Во многом этот рывок стал возможен благодаря усилиям поколения вчерашних фронтовиков, как никто осознававших ценность мирного времени, важность педагогического труда в деле борьбы за мир. К этой плеяде созидателей относится Михаил Никитич Белов (1923–1998), известный специалист по истории дореволюционного рабочего движения Центральной России, педагог-практик, активно участвовавший в жизни провинциального вуза.

К заслугам М.Н. Белова следует отнести: значительный вклад в изучение истории русских рабочих, в определение их культурного облика и места в социальной структуре, организацию конференций по изучению рабочего движения, руководство написанием фундаментальных работ по истории Костромского края, обеспечение развития историко-филологического, а затем историко-педагогического факультета в сложных условиях своего времени.

На сегодняшний день наиболее полные обзоры жизненного и профессионального пути М.Н. Белова даны в мемориальном сборнике, содержащем также фрагменты его трудов, а также в статье его коллеги профессора В.Л. Миловидова [2; 3; 5]. По свидетельствам коллег, друзей, учеников М.Н. Белов отличался серьезным отношением к делу,

чуткостью, добротой, скромностью, умением выслушать и поддержать, в тоже время – принципиальностью, энтузиазмом, преданностью исторической науке и сообществу историков.

Профессиональное творчество М.Н. Белова – прямое доказательство того, что даже в условиях жестких идеологических рамок можно оставаться верным исследовательским принципам, открывать новое в сфере гуманитарного знания и найти выход к междисциплинарной проблематике.

Профессиональный статус историка Белова получил высокую оценку ведущих научных сотрудников ИРИ РАН. В памятном слове о своем коллеге доктор исторических наук И.М. Пушкарева отметила следующее: «Новая рабочая история повернулась лицом к рабочему человеку. Но ведь уже много раньше в своих трудах Михаил Никитич Белов, скромный ученый из Костромы, независимо ни от каких школов Анналов, ни от других направлений, одним из первых обратился именно к рабочему человеку... ценность этих материалов, выявленных на микроуровне, возрастает во сто крат» [5, с. 100]. Стоит отметить, что в своих количественных исследованиях Белов обращает внимание на революционную активность женщин, «составляющих большинство текстильщиц города» [2, с. 67], хотя и отмечает, что «женщины-работницы были более религиозны и менее грамотны...» [2, с. 93]. Кропотливые подсчеты историка позволили установить важный факт, свидетельствующий о неразрывной связи столичной и провинциальной жизни дореволюционной России. Архивными ма-

териалами М.Н. Белов подтвердил, что свыше трети капитала, полученного от доли прибыли на костромских текстильных предприятиях, известный русский меценат П.М. Третьяков израсходовал на приобретение картин для своей коллекции русской живописи.

Позиция другого крупного отечественного специалиста А.В. Ушакова: «Все его (М.Н. Белова. – А. Ш.) научные изыскания основаны на огромном труде, на неопубликованных материалах, которые он добывал в архивах. И во всех его выступлениях присутствуют свежие мысли, какие-то находки, оригинальные оценки» [5, с. 108]. Собранные Беловым архивные материалы, в частности по истории Большой костромской льняной мануфактуры, приобретают особую научную ценность после пожара 1980 года в Костромском архиве [5, с. 99]. Пожар, ставший трагедией для всей истории края, был отдаленной реакцией на сознательное невнимание советских властей к изучению истории русских регионов, к их социальной и культурной инфраструктуре, а тем более к прошлому «колыбели Дома Романовых».

М.Н. Белов был представителем советской интеллигенции с крепкими крестьянскими корнями, прошедший суровую школу войны. В послевоенные годы он окончил Московский педагогический институт, был учеником профессора П.И. Кабанова. Защитив кандидатскую диссертацию по проблематике рабочего движения, в 1955 году Белов приступил к работе в Костромском государственном педагогическом институте. Вопросом о мотивах приезда молодого специалиста в провинциальный вуз задается Владимир Леонидович Миловидов: «Что двигало им? Может быть, привлекали широкие возможности изучения истории рабочих Костромской губернии, считавшейся одной из наиболее промышленных в России? Возможно, ему, выходящему из деревни, был ближе спокойный ритм провинциальной жизни? Но, главное, думается, он понимал, что здесь еще не было дипломированных специалистов-историков, его знания будут более востребованы» [3, с. 389]. Необходимо отметить, что для провинциального вузовского образования «приток» столичных кадров не был исключительным явлением. В этом случае молодой ученый связал свою последующую жизнь с Костромой и Костромским педагогическим институтом, став основателем династии профессиональных историков. В настоящее время историческую науку в Костроме достойно представляет его сын – доктор исторических наук, профессор Андрей Михайлович Белов.

Преодолевая «миф» о культурной отсталости русских рабочих конца XIX – начала XX века, М.Н. Белов противопоставлял обвинениям в безграмотности и пассивности факты, свидетельствующие о культурном развитии нового индустриального класса России, его стремле-

нии к политическому участию. В своих работах «О культурном уровне пролетариата Центральной России в конце XIX – начале XX в.», «Положение и борьба рабочих Большой костромской льняной мануфактуры (1866–1917 гг.)», «Экономическое положение рабочих Центральной России накануне первой русской революции», «О формировании облика рабочих Центральной России» историк опирался на широкий круг разноплановых источников: отчеты фабричной инспекции, полицейских властей, статистические исследования, воспоминания рабочих и революционеров.

Главным трудом костромского исследователя профессор В.М. Миловидов называет «Рабочее движение в Центральной России в 1895–1904 гг.» [3, с. 391]. Изучение Беловым положения рабочих на предприятиях Костромского уезда в условиях революционного кризиса 1905–1907 гг. основано на глубоком знании источников, что нашло отражение не только в научных публикациях, но и в содержании методических материалов.

Разделяя общие моменты марксистской методологии, в частности тезис о «пролетариате как авангарде борьбы с самодержавием», Белов последовательно реконструирует объективную картину бесправия, беспросветной нищеты и огромной социальной пропасти между фабрикантами и рабочими, остававшейся неизменной «как в период промышленного подъема конца XIX века, так и в годы экономического кризиса начала XX столетия».

С позиции политических и социальных реалий советского строя 1960–80-х гг. в работах историка дана не только неприглядная картина положения дореволюционных рабочих, но и критика глобального конкурента советской системы – капиталистического Запада: «правильно организованный режим труда и отдыха, который при капитализме исключался...», «рост интенсивности труда, падение уровня заработной платы, жесткая эксплуатация женщин и детей, массовый травматизм и профессиональные заболевания, произвол администрации, жизнь впроголодь, неуверенность в завтрашнем дне – таковы основные показатели исключительно тяжелого экономического гнета капитала» [2, с. 91]. В контексте социальной картины современного российского общества, когда большая часть бедных слоев населения, по данным социологических исследований, испытывает социальную и политическую апатию, рабочий в предреволюционной России «активно поднимался на борьбу с самодержавием и капиталистическим гнетом» [2, с. 91]. Не последнюю роль в радикализации рабочего сознания, по мнению Белова, сыграла агитация социал-демократов, охватывающая в основном рабочих, обученных грамоте. Исходя из тезиса об антагонизме предпринимателей и рабочих, исследователь не скрывает факты денежных наград, уступок со стороны администра-

ции, направленных на предотвращение социальных конфликтов, указывая, что «подобные приемы были широко в ходу на фабрике» [2, с. 52.]. Столь честное, ответственное отношение автора к источнику в разы повышает ценность его работ, учитывая то, как пострадали материалы Костромского областного архива.

Синтезируя микроисторические аспекты прошлого текстильного края, историк определил специфические черты облика рабочего человека Центральной России: преимущественное сохранение связи с земледельческим трудом; как следствие, большая сопричастность с крестьянско-патриархальной психологией; сохранение семейной поручи, землячества; расслоение рабочего класса при его национальной однородности.

Ученый не обошел стороной и вопрос о причинах бедности российских рабочих, лишь часть из которых отличалась радикальным, революционным духом.

Помимо огромной источниковедческой ценности работ М.Н. Белова, его труды отражают необыкновенную личность автора, его стремление извлечь нравственные и политические уроки из драматического прошлого России, обратиться к подлинному предмету истории – человеку. С теплотой и благодарностью ученики по-прежнему вспоминают ушедшего историка, педагога, челове-

ка, а в Костроме вновь и вновь собираются конференции по изучению рабочего движения, что само по себе является данью памяти и признанием трудов основателей данного научного направления.

Библиографический список

1. Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2014. – 304 с.
2. Избранные труды М.Н. Белова // Михаил Никитич Белов: историк, педагог, человек (мемориальный сборник). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. – С. 4–95.
3. *Миловидов В.Л.* Историк, преподаватель, человек (о М.Н. Белове) // Страницы российской истории: избранные статьи и очерки. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 388–395.
4. Революционное движение в Костромской губернии, накануне и в период первой революции: методические материалы в помощь лекторам и докладчикам. – Кострома, 1975. – С. 1–24.
5. Стенограмма заседания секции «Профессор М.Н. Белов: ученый, педагог, человек» международной научной конференции «Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века» // Михаил Никитич Белов: историк, педагог, человек (мемориальный сборник). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. – С. 96–113.

Новиков Алексей Валентинович
кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет
Anovikov111@mail.ru

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА

Кафедра отечественной истории КГПИ им. Н.А. Некрасова стала в 1960–1980-е годы одним из центров изучения истории рабочего движения. Эта проблема входила в число приоритетов советской исторической науки. Благодаря этому было налажено сотрудничество с академическими научными учреждениями, аналогичными кафедрами вузов Центральной России, Урала и Сибири. Руководители кафедры М.Н. Белов и Г.Н. Наянова включились в большую работу по проведению зональных научных конференций. Анализ их научного наследия демонстрирует системный подход авторов к изучению различных аспектов истории рабочего движения. в публикациях разных лет они возвращались к одним и тем же проблемам, разрабатывая новые подходы для их решения, привлекая ранее не использовавшиеся архивные источники. Приоритетным направлением исследований являлась характеристика структуры рабочего класса, положения и культурного облика рабочих Центральной России. Учёные заложили основы микроанализа рабочего вопроса, рассматривая развитие отдельных промышленных предприятий и рабочих забастовок. Большое внимание они уделяли сбору, анализу, систематизации источников и составлению вторичного источника, каким является «Хроника рабочего движения». Анализируемые в статье труды учёных стали основой научной школы, которая продолжает традиции, заложенные прошлым поколением исследователей.

Ключевые слова: рабочая история, зональные конференции, облик рабочих, научное наследие, хроника рабочего движения.

В 1960–80-е годы кафедра истории России в КГПИ им. Н.А. Некрасова стала одним из системообразующих центров сложившейся в вузах Центральной России научной школы, изучавшей историю рабочего движения и рабочего класса России. Эта тема для советской историографии была одной из приоритетных, в советской исторической науке достаточно много сказано об идеологических ограничениях. Однако политический заказ и контроль отнюдь не означал творческой зашоренности или ограниченности исследователей, занимавшихся разработкой этой проблематики. Напротив, накопленный ими научный багаж свидетельствует о широте взглядов, глубине анализа и опоре на богатую источниковую базу.

Тон задавали центральные научные учреждения страны. Прежде всего, это Группа по изучению истории пролетариата России периода капитализма, созданная в Институте истории СССР Академии наук СССР под руководством Л.М. Иванова в 1960-м г. Группа выступила организатором научных сессий и конференций, проходивших в Баку, Ростове-на-Дону, Харькове, Ленинграде, Одессе, Свердловске. Примечательной стала одесская сессия 1967 г., по итогам которой был опубликован сборник трудов, вызывавший резкую критику с позиций партийной идеологии. Ю.И. Кирьянов в своём очерке ввёл новое понятие – «облик рабочего класса», показывал его неоднородность, высокую долю негородских выходцев среди рабочих и, как следствие, их связь с крестьянством. Отмечались такие черты, как низкий образовательный уровень рабочих, их слабая организованность, которые компенсировались развитым чувством коллекти-

визма и солидарности [16]. П.В. Волобуевым поставлен под сомнение господствовавший в советской науке тезис о гегемонии пролетариата на всех этапах революционного движения в России в начале XX в. Свердловская сессия 1969 г. отмечена тем, что историки поддержали идеи Л.М. Иванова и К.Н. Тарновского о многоукладности российской экономики в период империализма. Новые идеи и разработки столь разошлись с историко-партийной концепцией, что последовали оргвыводы, и в 1972 г. сектор истории капитализма был разделён на сектора истории периода капитализма и периода империализма, а Группа по изучению истории пролетариата расформирована. С поста директора Института истории СССР был снят П.В. Волобуев. [14; 15, с. 118–119].

С этого момента дальнейшее развитие прогрессивных идей в области изучения рабочей истории переместилось на площадку девятнадцати зональных конференций по истории рабочего класса Центрального промышленного района (ЦПР). Конференции стали организовываться силами провинциальных вузов – Ярославского, Ивановского, Владимирского, Горьковского и Костромского. По составу участников и широте проблематики конференции носили всесоюзный характер. В этот период наиболее ярко проявились организаторские возможности и научный потенциал заведующих кафедры истории России КГПИ Михаила Никитича Белова, Галины Николаевны Наяновой, их учеников и последователей А.М. Белова, Т.В. Беловой, а также их коллег из Ярославля (М.Г. Мейерович, В.М. Малафеева, Ю.Ю. Иерусалимский, Т.И. Волкова), Иванова (Ю.А. Якобсон, К.Е. Бал-

дин), Владимира (Е.А. Егоров, Г. Аннин) и других исследователей. Продолжалось тесное сотрудничество с ведущими специалистами Института истории СССР Ю.И. Кирьяновым, И.М. Пушкарёвой, Н.А. Ивановой, С.В. Тютюкиным и многими другими учёными.

В данной статье предлагается краткий анализ научного наследия заведующих кафедры истории России костромского вуза – М.Н. Белова и Г.Н. Наяновой.

Список публикаций М.Н. Белова насчитывает 60 наименований. У Г.Н. Наяновой было опубликовано 27 научных работ и статей, не считая методических изданий. По нынешним меркам это кажется немного, но учёные того поколения не гнались за количественными показателями. Главными критериями были выверенность и источниковая обоснованность теоретических построений, убедительная доказательная база предлагаемых тезисов. Это не случайно, поскольку статьи, как правило, выносились на суд специалистов по проблеме в рамках тематических конференций. Атмосфера на этих конференциях была весьма взыскательная, и порой в докладах совершались серьёзные прорывы, а статьи содержали идеи не менее ценные, чем иные монографии. В то же время звучали спорные положения и подходы, некоторые из них были подвергнуты серьёзной коррекции в ходе разворачивавшихся на конференциях дискуссий. Объём статей – от одного до нескольких печатных листов – позволял представить вполне обоснованный взгляд на тот или иной аспект изучения рабочей истории. Примечательно, что в списках трудов монографии М.Н. Белова и Г.Н. Наяновой числятся лишь как депонированные в ИНИОН ввиду того, что костромской вуз не имел достаточных издательских мощностей для их публикации [7].

Предваряя анализ научного наследия Михаила Никитича Белова, хотелось бы обратиться к обзору, представленному его коллегами В.Л. Милонидовым и А.К. Шустовым на международной научной конференции, посвящённой памяти М.Н. Белова [11, с. 4]. Анализируя депонированную монографию, исследователи отметили вклад учёного в характеристику дореволюционной промышленности и рабочих Центральной России. М.Н. Белов выявил прежде всего следующие особенности: однородность производства; преобладание текстильных предприятий и в то же время – многослойность рабочей массы, у значительной части которой сохранились тесные связи с деревней; размещение промышленности вокруг небольшого числа городских центров и фабричных сёл, которые стягивали к себе рабочих своей округи; разветвлённая сеть железных дорог и водных путей, создавшая единую коммуникационную среду, в которой сложилось два центра влияния – Москва и Иваново-Вознесенск. В своей монографии

М.Н. Белов привел статистику, которая дает возможность сравнить стачечное движение рабочих Центральной России по десятилетиям: 1885–1894 и 1895–1904 гг. [11, с. 4–5] Эти подходы и идеи легли в основу понимания закономерностей развития промышленного пролетариата ЦПР и были признаны научным сообществом.

Рождались эти идеи в ходе кропотливой архивной работы. Уже на знаменитой одесской сессии 1967 г. М.Н. Белов представил доклад о культурном облике пролетариата Центральной России. Впоследствии учёный дважды возвращался к этой проблеме. В 1971 г. в «Учёных записках» Костромского и Ярославского педагогических институтов вышла новая статья М.Н. Белова, посвящённая культурному уровню рабочих. Наконец, на ивановской конференции 1993 г. М.Н. Белов вновь вернулся к вопросу формирования облика рабочих Центральной России. Эта тема, таким образом, прошла красной нитью через научное творчество исследователя. Представляя доклады в научных собраниях на разных этапах своей деятельности, автор старался рассмотреть новые аспекты проблемы, насыщал свои мысли новой аргументацией, стремился услышать от участников конференций вопросы и суждения, которые побуждали к выработке новых взглядов. Уже в первом своём сообщении на указанную тему автор рассмотрел масштабы и формы просветительской деятельности интеллигенции в рабочей среде. В статье 1971 г. представлен всесторонний анализ культурного уровня рабочих. Факторами его роста названы потребность в образовании самих рабочих и заинтересованность фабрикантов в технической грамотности рабочих. Определены трудности в удовлетворении этих потребностей: недостаток школ и тяжёлые условия труда, препятствующие их посещению. Отчасти нереализованную потребность в знаниях компенсировали воскресные и вечерние школы, которые стали ареной деятельности народников и социал-демократов. Автор показал процесс политизации воскресных школ и в то же время отметил, что в сфере образования им приходилось «выдерживать натиск церковно-приходских школ». В данной статье на материале Всероссийской переписи 1897 г. определена грамотность рабочих Центральной России. Показано, что она была существенно выше (более 60 %) среди металлистов и железнодорожников, а также среди молодёжи до 16 лет. Гораздо ниже уровень грамотности был среди рабочих-текстильщиков, женщин и старших возрастов [2]. В заключительном исследовании этого цикла статей, в 1993 г., М.Н. Белов выделил характерные черты облика рабочих Центральной России: отметил их крестьянское в своей массе происхождение, свойственные рабочим коллективам землячества и семейственность, консервацию на предприятиях пережитков патриархально-крестьянских отношений. Обра-

щено внимание на тот факт, что не меньше одной трети рабочих сохраняли в деревне своё хозяйство. Сделан вывод о внутренней неоднородности рабочей среды региона [4].

Другой крупной работой М.Н. Белова стало исследование положения и революционного движения рабочих Большой костромской льняной мануфактуры на протяжении всего периода существования предприятия. Статья объёмом почти три печатных листа представляет собой комплексное исследование социокультурной роли предприятия, основанного братьями П.М. и С.М. Третьяковыми в Костроме. Автор реконструировал удручающую картину 12-часового ежедневного труда рабочих, составленного из двух смен по 6 часов без обеденных перерывов. Часы отдыха между сменами автор сравнил с «часами оцепенения от изнурительного труда». Антисанитарные условия на производстве, отсутствие охраны труда, неустроенность жилья и быта усугубляли эту картину. Практикуемые на предприятии патерналистские мероприятия фабрикантов, такие как организация фабричной лавки, устройство рабочей казармы, справедливо показаны как средства влияния фабрикантов на рабочих, их втягивание в экономическую зависимость от фабрики. Объективно показано низкое качество предоставляемых рабочим услуг. Проанализировав жалобы рабочих, автор показал, что положение пожилых рабочих, всю жизнь отдавших предприятию и не способных к дальнейшей работе, было обречённым, жалобы рабочих в большинстве случаев отклонялись, а жалобщики увольнялись. Особенно нестерпимым положение рабочих стало в годы Первой мировой войны. М.Н. Белов показал, что рабочие предприятия довольно поздно вступили на путь рабочего протеста в силу неоднородности состава рабочих, сильных связей с деревней и денежных выплат «заслуживающим доверия рабочим в видах благотворения». Даже в июльскую общегородскую стачку 1905 г. рабочие включились, преодолевая сопротивление чесального цеха и консервативно настроенных работников. Примечательно, что в условиях негласного идеологического заказа советской власти на демонстрацию сознательности и революционной активности рабочих, М.Н. Белов стремился к объективному анализу противоречий в рабочей среде и их неоднозначного отношения к революционным выступлениям. Разочарование рабочих в массовой борьбе 1905 г. вылилось в 1906 г. в частичные забастовки в цехах и отделах предприятия, которые Н.М. Белов оценивал как разрозненные и неэффективные. Автор также осветил вопросы, связанные с участием рабочих БКЛМ в областной стачке текстильщиков в июле 1907 г., первомайской и июльской стачках солидарности с рабочими Ленских золотых приисков 1912 г., в протестном движении периода Первой мировой войны [6]. В данном

труде учёный применил принципы микроанализа рабочего вопроса, рассматривая развитие одного промышленного предприятия на протяжении всего дореволюционного периода. Эти принципы до сих пор актуальны в изучении рабочей истории.

Излюбленной темой, к постижению которой М.Н. Белов периодически возвращался, привлекая к ее исследованию творческих студентов при подготовке курсовых и дипломных работ, был источниковедческий анализ знаменитой газеты «Искра». Совместное со студентами исследование было опубликовано в 1988 г. в сборнике научных трудов Ярославского государственного университета. В статье было проанализирован вопрос, касающийся отражения на страницах газеты массовых выступлений рабочих Центрального промышленного района. Изучению были подвергнуты разделы «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», «Хроника революционной борьбы», «Из общественной жизни», в которых публиковалась корреспонденция о выступлениях рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Костромы, Ярославля, Шуи и других промышленных центров. М.Н. Беловым было подсчитано, что из 140 стачек в ЦПР в 1901–1903 гг. с участием 74,5 тыс. рабочих в «Искре» содержится описание 24 крупнейших стачек с участием 39 тыс. рабочих [9, с. 12]. Рассмотрены различные типы публикаций: письма с фабрик и заводов, информационные справки, сообщения о деятельности комитетов РСДРП, о выходе листовок, речи подсудимых и обвинительные заключения. Авторы отметили важную роль газеты в распространении в рабочей среде информации о рабочих выступлениях.

К анализу социал-демократических изданий и их источниковедческого потенциала М.Н. Белов вернулся в более широкой по тематике статье, представленной на XVIII зональной научной конференции в Ярославле в 1990 г. В статье проанализирован ряд изданий: статья В.И. Ленина 1895 г. «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах с оценкой Морозовской стачки 1885 г., брошюра «Стачки и их значение для рабочих» о забастовках на Ярославской большой мануфактуре, Прохоровской мануфактуре в Москве и ряде других предприятий, изданная московским «Рабочим союзом», брошюра московского «Рабочего союза» – «Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске» 1895 г. Информацию, представленную в этих брошюрах, автор сопоставил с официальными делопроизводственными документами и установил, что названные социал-демократические издания не пытались приукрасить выступления рабочих. В то же время эти издания содержали детали, не отражённые в других видах документов. Особо М.Н. Беловым отмечены доклады социал-демократических комитетов на II съезде и отчёты на III съезде РСДРП, в которых также содержатся

факты и оценки, отсутствующие в других источниках [1, с. 57, 60].

Совсем к иным выводам пришёл автор, анализируя шесть номеров неперIODического сборника «Работник», издаваемого «Союзом русских социал-демократов за границей» под редакцией группы «Освобождение труда». Эта же организация издала ряд брошюр о положении рабочих и рабочем движении в Центральном промышленном районе в 1897–1902 гг. Издания, по мнению автора, неравноценны по качеству. Для одних был характерен уклон в политическую агитацию, преувеличение уровня развития рабочего движения в Москве, другие редактировались в русле течения «экономизма» в социал-демократическом движении. Заслужив же этого сборника была первая попытка составить пусть и неполную хронику рабочего движения в России [1, с. 58].

Следует остановиться ещё на нескольких публикациях, в которых раскрываются исследовательские подходы М.Н. Белова. К числу таких работ мы бы отнесли статьи, опубликованные в сборниках трудов Московского государственного заочного педагогического института в 1977–78 гг. Первая статья на традиционную для советской историографии тему «По пути массовой политической агитации» [5] за типичной для тех лет тематикой предлагала новаторские подходы. В статье исследована деятельность рабочих организаций Центральной России ещё до формального создания РСДРП и за рамками изученных на тот момент центров социал-демократического движения в Санкт-Петербурге и на юге России. М.Н. Белов рассмотрел формирование московского и иваново-вознесенского «Рабочего союза», нижегородской социал-демократической организации (в 1895–1896 гг.) и московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (в 1897 г.). Автор отметил присутствие идей экономизма и реформизма в деятельности и документах этих организаций. Ему удалось показать, как социал-демократы создавали информационные поводы для массовой агитационной и организационной работы. В качестве таких поводов рассмотрены празднование 1-го Мая 1895 г., 25-летие Парижской коммуны, подготовка к Лондонскому конгрессу II Интернационала, забастовка текстильщиков Санкт-Петербурга (1896 г.). При всём внимании к забастовочным выступлениям и распространению листовки печати, автором ясно показано, сколь значимую роль для агитационной работы на этом этапе играли рабочие сходки и собрания. Уже в следующем году, стремясь к всестороннему взгляду на проблему, М.Н. Белов опубликовал статью о тактике и методах работы с московскими рабочими зубатовских организаций [3]. В этой публикации присутствуют параллели с предыдущей статьёй. Автором отмечена роль экономизма в идеологии зубатовских орга-

низаций, отмечено, что «основной формой связи с рабочими зубатовцы избрали собрания, переняв её у социал-демократов» [3, с. 101]. На агитацию социал-демократов зубатовцы ответили своей агитационной работой, включая выпуск прокламаций, критику социал-демократических листовок, агитационные усилия зубатовских идеологов Слепова, Красивского, Афанасьева и других. Особо отмечена просветительская деятельность зубатовских организаций, в частности, приглашение для бесед с рабочими профессора И.Х. Озерова. М.Н. Беловым отмечено, как зубатовские собрания (например, в Даниловском народном доме) становились ареной острой борьбы – от взаимной критики до кулачных боёв между агитаторами – зубатовцами и социал-демократами [3, с. 105].

Анализ рассмотренных статей показывает, что они никогда не становились для автора самоцелью или формальным проявлением «публикационной активности». Их генетическая взаимосвязь позволяла даже в условиях традиционной, официально признанной проблематики исследований сформировать всестороннее её освещение, последовательно и комплексно рассматривая проблему.

Как и М.Н. Белов, Г.Н. Наянова значительное внимание в своих исследованиях уделяла источниковедческому поиску и анализу. Большой интерес представляет её статья, посвящённая легальным периодическим изданиям времен первой российской революции. На основе сопоставления публикаций в либеральной газете «Костромской листок» с делопроизводственными документами местных органов власти, автор пришла к выводу о высокой степени достоверности сообщаемых в газете сведений. Г.Н. Наянова отмечала особую ценность опубликованных материалов для составления «Хроники рабочего движения», так как официальная статистика не учитывала сведения о протестных выступлениях рабочих мелких предприятий и сферы обслуживания. В газете отражена деятельность Депутатского собрания, которое советская историография оценивала как второй (после иваново-вознесенского) Совет рабочих депутатов [22, с. 83–84]. Ещё ценнее сведения периодики, касающиеся деятельности в Костроме Совета безработных, положения различных групп рабочих, забастовок на костромских предприятиях, выборов в Государственную думу.

Продолжением источниковедческого анализа стала статья, посвящённая исследованию делопроизводственных материалов органов губернской и уездной власти [21]. На основе классификации делопроизводственной документации, предложенной В.И. Стрельским и Н.Н. Лещенко, Г.Н. Наянова предложила свой вариант классификации этого наиболее массового типа документов. При этом было обращено внимание на предвзятость донесений, рапортов, отчётов должностных лиц

в вышестоящие инстанции. Отмечено, что уровень революционных выступлений рабочих в делопроизводственных документах мог как преувеличиваться, так и преуменьшаться с целью оправдать принятые меры или исказить причины рабочего протеста [21, с. 100]. Отмечено, что необходим анализ и сопоставление широкого круга источников, освещавших одно и то же событие.

В центре внимания Г.Н. Наяновой находилось рабочее движение в 1906–1907 гг. в губерниях Верхнего Поволжья. Этой теме была посвящена защищённая в 1980 г. диссертация и депонированная монография [20]. Исследование опиралось на хронику стачечного движения и богатую статистику, составленную и рассчитанную автором. Обращение к статистике стало характерной чертой большинства опубликованных ученым статей. Одна из них полностью посвящена статистике стачечного движения в указанный период. Автором была учтена 431 забастовка при 467 394 бастующих, в отличие от дореволюционных статистических подсчётов В.Е. Варзара, которым было учтено 312 стачек при 228 535 бастующих [23, с. 61]. На том этапе Г.Н. Наянова при составлении хроники использовала методiku, которая позже подверглась пересмотру. Исследовательница отказалась от отождествления понятий «стачка» и «бастующее предприятие» и рассматривала коллективную стачку (групповую или всеобщую) как одно выступление. При выработке методики составления хроники рабочего движения исследователи вернулись к принципу учёта «одно предприятие – одна стачка», ввиду чего впоследствии Г.Н. Наяновой были внесены существенные коррективы в собственные подсчёты. Статистические данные позволили дать подробную отраслевую и территориальную характеристику забастовочного движения, предложить периодизацию и увидеть причины изменения динамики движения. Исследования Г.Н. Наяновой позволили подробно охарактеризовать областную стачку текстильщиков ЦПР летом 1907 г. Предпосылками областной стачки, итоги которой по-разному оцениваются в историографии, названы: рост численности организаций РСДРП в Центральном промышленном районе в 1906–1907 гг., рост профессиональных союзов, рост числа забастовщиков в регионе в первой половине 1907 г. (даже по сравнению с предшествовавшим 1906 г.) [19, с. 102–103]. Однако, несмотря на широкую подготовительную работу партийных и профсоюзных организаций, размах забастовки оказался в 10(!) раз слабее, чем планировали организаторы [19, с. 105]. Наиболее активными были выступления текстильщиков Костромы, Орехово-Зуева, отдельных фабрик Иваново-Вознесенска, Москвы, Ярославля и Владимирской губернии [19, с. 106–110]. Всё это показывает, что в выступлениях периода первой русской революции велика была доля сти-

хийности, которую было не под силу преодолеть партийным агитаторам и организаторам коллективных революционных выступлений.

Наиболее ценным итогом исследовательского труда М.Н. Белова и Г.Н. Наяновой стала организация работы над составлением хроники рабочего движения в губерниях Верхнего Поволжья в 1895–1907 гг. в соответствии с методикой, предложенной Институтом истории АН СССР. Результаты этой работы были представлены в их публикациях конца 1980-х – начала 1990-х гг. Особое значение имело издание материалов для составления «Хроники рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 г.». Этот проект курировал Институт истории СССР (Институт российской истории РАН). Он объединял учёных вузов, архивов, других научных учреждений всего бывшего Советского Союза. Костромские исследователи также активно включились в эту работу. М.Н. Беловым были учтены 44 стачки с участием 21 тыс. рабочих, 12 волнений и одна политическая демонстрация, проходившие в Костромской губернии в 1895–1904 гг. В 1991 г. Г.Н. Наяновой была опубликована хроника рабочих выступлений в Костромской губернии в 1906–1907 гг., в которой были зафиксированы 156 стачек, волнений и демонстраций [24]. В то же время принятая автором методика учёта коллективных стачек как одного выступления, независимо от количества участвовавших в нём предприятий, потребовала в дальнейшем внесения корректив в приведённые данные.

М.И. Белов возглавлял кафедру истории России на протяжении длительного периода времени (1955–1989 гг.), а в 1989 г. эту эстафету приняла Г.Н. Наянова, заведовавшая кафедрой до 1993 г. Их авторитет в вузе был непререкаемым, а строился он на самодисциплине, организаторских способностях и научной добросовестности. Из трёх принципов советской исторической науки (объективность, историзм и партийность) в их исследованиях преобладали первые два, хотя идеалы советской страны они ценили и искренне отстаивали в острых дискуссиях периода так называемой перестройки. Это были годы стабильной и продуктивной работы кафедры не только в области изучения рабочей истории, но и истории культуры России, краеведческих исследований. В учебном процессе внедрялся проблемный метод изучения истории. Началось освоение программированного обучения с использованием учебных машин (ещё до начала эпохи компьютерных технологий).

В 1993 г. при кафедре истории России была открыта аспирантура. М.Н. Белов и Г.Н. Наянова приняли на себя научное руководство аспирантами, сформировав научную школу, представители которой продолжают разработку проблем рабочей истории, изучение революционной эпохи, проблем модернизации в России во второй половине XIX –

первой половине XX столетия. Была продолжена традиция организации и проведения научных конференций на базе кафедры. В 2001–2012 гг. проведено шесть международных научных конференций по истории взаимодействия власти – рабочих – предпринимателей в дореволюционной и Советской России. Первая из этих конференций была посвящена памяти и научному наследию М.Н. Белова.

В советские годы при оценке труда учёных не увлекались наукометрией, но можно утверждать, что труды М.Н. Белова и Г.Н. Наяновой были востребованы в научном мире.

В периодически выходивших историографических обзорах авторы неоднократно ссылались на работы этих учёных. Так, в статье М.Г. Мейеровича и В.С. Флерова сделано важное наблюдение, что если до 1980 г. в изучении рабочего движения преобладали исследования по истории пролетариата Москвы и Московской губернии, то в 1980–1985 гг. доля работ, посвященных Москве, уменьшилась, а две пятых работ было посвящено Верхнему Поволжью. При этом авторы ссылались на материалы кандидатской диссертации Г.Н. Наяновой и статей М.Н. Белова [18, с. 69]. Благодаря учёным Костромы, Ярославля, Иванова, других провинциальных вузов было восполнено изучение истории русских районов Центральной России, которые, по словам И.М. Пушкарёвой, долгое время оставались забытым участком исторической науки [27, с. 98].

Особенно востребован при подготовке диссертационных исследований был анализ статистики стачечного движения. Так, статистика стачек рабочих Центральной России в 1895–1904 гг., проанализированная М.Н. Беловым, была использована при подготовке докторской диссертации Е.И. Демешинной, а статистика стачек в губерниях Верхневолжья в 1906–1907 гг., составленная Г.Н. Наяновой, была полезна при подготовке кандидатских диссертаций Т.И. Волковой и В.М. Малафеевой. Значение статистических подсчётов Г.Н. Наяновой в изучении областной стачки текстильщиков ЦПР летом 1907 г. отмечали в указанном обзоре М.Г. Мейерович и В.С. Флеров. На труды М.Н. Белова и Г.Н. Наяновой ссылались в своих диссертациях Т.В. Белова, А.В. Новиков и ряд других исследователей [10, с. 8; 12, с. 6; 13, с. 16; 17, с. 6].

Однако особую ценность среди всех трудов названных учёных представляют материалы для составления хроники рабочего движения. Их востребованность отразилась в многотомном издании Института российской истории РАН «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника» [25]. В большинстве описаний костромских стачек, учтённых общероссийской «Хроникой», содержатся ссылки на хронику, ранее составленную М.Н. Беловым [8]. В научный оборот вошли также материалы для хроники рабочего движения, составленные Г.Н. Наяновой. На различные иссле-

дования костромских ученых неоднократно ссылались авторы академического издания «Рабочий класс в первой российской революции» [26].

Библиографический список

1. Белов М.Н. Материалы о рабочем движении в ЦПР в 1895–1904 гг. на страницах социал-демократических изданий // Проблемы историографии и источниковедения истории пролетариата Центрального промышленного района России / под ред. Н.А. Ивановой, М.Г. Мейеровича. – М., 1990. – С. 56–61.
2. Белов М.Н. О культурном уровне пролетариата Центральной России в конце XIX – начале XX вв. // Учёные записки Ярославского и Костромского педагогических институтов. – Кострома, 1971. – Вып. 24. – С. 3–35.
3. Белов М.Н. О тактике московских зубатовцев в борьбе с рабочим движением // Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма: сб. науч. трудов / отв. ред. А.В. Ушаков. – М.: МГЗПИ, 1978. – С. 99–106.
4. Белов М.Н. О формировании облика рабочих Центральной России // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века: Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России / отв. ред. И.М. Пушкарёва. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 65–69.
5. Белов М.Н. По пути массовой политической агитации (Агитационная деятельность социал-демократов центральной России в 1895–1897 гг.) // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России: сб. трудов / отв. ред. А.В. Ушаков. – М.: МГЗПИ, 1977. – Вып. 48. – С. 17–27.
6. Белов М.Н. Положение и борьба рабочих Большой костромской льняной мануфактуры (1866–1917 гг.) // Из истории Костромского края: сб. науч. трудов. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1972. – Вып. 33. – С. 3–40.
7. Белов М.Н. Рабочее движение в Центральной России в 1895–1904 гг. – Деп. в ИНИОН АН СССР, 1985.
8. Белов М.Н. Стачки, волнения и демонстрации в Костромской губернии в 1895–1906 гг. Хроника // Рабочее движение в России. 1895–1904 гг.: сборник статей и материалов для «Хроники рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 г.». – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1988. – С. 74–94.
9. Белов М.Н., Калинина С.В. Ленинская «Искра» о рабочем движении в Центральном промышленном районе // Печать и рабочее движение в Центральном промышленном районе в период империализма: сб. науч. трудов / отв. ред. М.Г. Мейерович. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. – С. 11–19.
10. Белова Т.В. Стачечное движение в губерниях Верхнего Поволжья в годы Первой мировой

войны (1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 1993. – 21 с.

11. *Миловидов В.Л., Шустов А.К.* Служение науке // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века: материалы международной научной конференции, посвящённой памяти профессора М.Н. Белова / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова. – Ч. 1. – С. 3–12.

12. *Волкова Т.И.* Подцензурная печать губерний Верхнего Поволжья как источник по рабочему движению в период первой российской революции (1905–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 16 с.

13. *Демешина Е.И.* Рабочее движение на Дону в период империализма (1900–1914 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 1979. – 32 с.

14. *Иванова Н.А.* Леонид Михайлович Иванов и его детище // Иванов Леонид Михайлович: Личность и научное наследие историка: сборник статей к 100-летию со дня рождения. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 59–91

15. Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым / подг. В.Л. Телицыным // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 99–123.

16. *Кирьянов Ю.И.* Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. – М.: Наука, 1970. – С. 100–140.

17. *Малафеева В.М.* Рабочее движение в Верхнем Поволжье на страницах центральной периодической печати революционно-демократического лагеря (1905–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1990. – 19 с.

18. *Мейерович М.Г., Флеров В.С.* Рабочее движение в ЦПР в советской исторической литературе первой половины 80-х гг. // Общественное движение в России в XIX – начале XX века: межвуз сб. науч. трудов. – Иваново: ИвГУ, 1988. – С. 62–80.

19. *Наянова Г., Реснянский С.* Областная стачка текстильщиков Центрального промышленного района летом 1907 года // Пролетариат Центрального промышленного района в 1907 – феврале 1917 гг.: межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново: ИвГУ, 1984. – С. 99–110.

20. *Наянова Г.Н.* Борьба пролетариата Верхнего Поволжья на втором этапе Первой русской революции 1906–1907 гг. (по материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний): дис. ... канд. истор. наук. – М., 1980. – 274 с.

21. *Наянова Г.Н., Марков И.А.* Делопроизводственные документы центральных и местных ор-

ганов власти как источник сведений о рабочем движении в ЦПР в 1906–1907 гг. // Проблемы историографии и источниковедения истории пролетариата Центрального промышленного района России / под ред. Н.А. Ивановой, М.Г. Мейеровича. – М., 1990. – С. 96–102.

22. *Наянова Г.Н.* Рабочее движение 1905–1907 гг. в Костромской губернии на страницах местной легальной печати // Печать и рабочее движение в Центральном промышленном районе в период империализма: сб. науч. трудов / отв. ред. М.Г. Мейерович. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. – С. 82–86.

23. *Наянова Г.Н.* Статистика стачечного движения рабочих Верхнего Поволжья в 1906–1907 годах // Пролетариат Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг.: межвуз. сб. / отв. ред. М.Г. Мейерович. – Ярославль: ЯрГУ, 1982. – С. 60–65.

24. *Наянова Г.Н.* Хроника стачек, волнений и демонстраций в Костромской губернии на втором этапе революции 1905–1907 гг. // Рабочее движение в России в период революции 1905–1907 гг. (материалы для «Хроники рабочего движения») / отв. ред. Ю.И. Кирьянов. – М.: Главное архивное управление при кабинете министров СССР, 1991. – С. 120–146.

25. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – М.: ИРИ РАН, 1992. – Вып. 1: 1895 год. – 176 с.; Вып. 2: 1896 год. – М.; СПб.: Блиц, 1993. – 247 с.; Вып. 3: 1897 год. – М.; СПб.: Блиц, 1995. – 351 с.; Вып. 4: 1898 год. – М.; СПб.: Блиц, 1997. – 352 с.; Вып. 5: 1899 год. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 391 с.; Вып. 6: 1900 год. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 411 с.; Вып. 7: 1901 год. – СПб.: Блиц, 2000. – 607 с.; Вып. 8: 1902 год: в 2 т. – М.: ИРИ РАН, 2002. – 838 с.; Вып. 9: 1903 год: в 4 т. – М.: ИРИ РАН, 2005. – 1304 с.; Вып. 10: 1904 год: в 3 т. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 810 с.

26. Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. / под ред. В.И. Бовыкина. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1981. – 299 с.

27. Стенограмма заседания секции «Профессор М.Н. Белов: учёный, педагог, человек» международной научной конференции «Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века» // Михаил Никитич Белов: историк, педагог, человек (мемориальный сборник) / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. – С. 96–113.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Gennadiy N. Kocheshkov

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

Pyotr G. Agrafonov

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

ppeter@yandex.ru

“Russian foreigners” of the 18th century and Yaroslavl region

The article considers the special category of the sources on the regional native history of the 18th—19th centuries – the works of the so-called “Russian foreigners”. In the article, we represent the chapters on Pereslavl from “Acta Topographica”, used for the completed geographic writing “The Russian Empire” by Hartwig Ludwig Christian Bacmeister, “Description of Moscow province cities” by Gerhard Friedrich Müller, the passage from “Travelling across the Russian Empire’s various places” by Peter Simon Pallas and some fragments from the works by Jacob von Stäehlin. The analysis of the materials testifies of the independent approach of the “Russian foreigners” to studying of the Russian history. Considering themselves as the part of Russia, they regard it another view than the other foreigners. The glance of the “Russian foreigners” on the reality of the Russian economic, social and cultural life on the regions is characterised by striving to the precision, reliability and objectivity.

Keywords: “Russian foreigners”, Yaroslavl region, Pereslavl-Zalessky, Hartwig Ludwig Christian Bacmeister, Gerhard Friedrich Müller, Peter Simon Pallas, Jacob von Stäehlin.

Marina V. Kochergina

Bryansk Institute of Management and Business

kochergina_mv@mail.ru

Valeriy V. Dzyuban

Bryansk Institute of Management and Business

bryanskdzyuban@mail.ru

Charity and patronage of art and literature among Russian Old Believers: a regional issue

The article is devoted to philanthropy and charity in the Russian province that are not known enough. The authors give facts of Old Believers’ and coreligionists’ contribution to setting up new schools, erection of public buildings, churches and conservation of cultural values to be achieved by wide segments of the society. Charitable and philanthropic activities of the Russian business circles of Moscow and St. Petersburg representatives have quite been studied, however the activities of the Old Believers and coreligionists in the Russian province have been researched poorly and remains an unclear issue in modern Russian studies. The subject of more scrutiny study by the authors in the field of charitable and philanthropic activities of the Old Believers and coreligionists in the Russian province – in the territory of such a centre as Starodubye, that comprised the Northern regions of Chernigov Province in the early 20th century – industrialists and entrepreneurs from this medium took active part in

charity and patronage of art and literature. They spent part of their income from industrial production for charity and philanthropic activities. These traditions were continued by brothers in faith, retaining a commitment to the idea of transferring an accumulated wealth to the community.

Keywords: Old Believers, coreligionist, philanthropy, charity, Russian province, cultural values.

Andrey A. Tabachenko

Kostroma State University

andrei.aat@ya.ru

Activities of the Russian Orthodox Church in aiding the wounded warriors in the beginning of the World War I (August to December, 1914)

In the proposed article, the author considers the relevance of the proposed research and the main directions of patriotic activities of the Russian Orthodox Church during the World War I in both the spiritual and the material dimension. First of all should attention be paid to the opening and maintenance of hospitals in Kostroma monasteries named after Saint Hypatius of Gangra and Epiphany (the latter founded by Anastasia, Dmitry Donskoy’s daughter), as well as in the cloister named after Venerable Macarius of the Yellow Water Lake and the Unzha (located in the village of Reshma, Kineshma district, Kostroma province), the organisation of charitable events for wounded and sick soldiers and their families, supporting clergy and laity of the Russian Red Cross society, holding the special mug collections for needs of the front and rear in the war. It should be noted that the Russian Orthodox Church did not forget about its main function of the spiritual care of its members. This work consists mainly on the materials of State Archive of Kostroma Region and local periodicals, some attention is paid to the personalities. What is emphasised, is the Church’s support of government initiatives, especially in the face of prohibition of dry law, which led to a sharp decline in crime.

Keywords: World War I, Russian Orthodox Church, patriotism, spiritual social zone.

Aleksandr S. Knyazev

Kostroma State University

alexlord09@mail.ru

The formation and functioning of regional archives in the Upper Volga (on materials of Kostroma, Ivanovo-Voznesensk, Yaroslavl Province): 1918—1929

The article examines the processes of formation and functioning of regional archives of the Upper Volga region after the October Revolution – a fragment of centralised archives’ history. Decree as of the 1st of June, 1918 started the reforms of archives in the RSFSR, began to form a centralised archiving system of the state. In the centre and in the provincial cities, some success was made, but in the regions, the government faced a number of problems – the lack of legislation, funding, facilities. At the beginning of the

archives' protection was conducted by the regions involved in the staff of the provincial archival bureau, then, by the authorised staff of provincial archival bureau, recruited among the local population, however, even the positive results, their work showed the need for the formation of the regional archives. The process of creating them revealed troubles typical for the majority of all archival institutions of the period – the lack of finance, vehicles and staff. Despite this, in the Upper Volga, what was formed, was a network of regional archives, successful enough in searching for and saving documents. However, the administrative-territorial transformations of the late 1920s—the early 1930s seriously destabilised that work.

Keywords: archives, reform, provincial archival bureau, district archives, regional archives, Upper Volga region.

Valeriy V. Dzyuban

*Bryansk Institute of Management and Business
bryanskdzuban@mail.ru*

Marina V. Kochergina

*Bryansk Institute of Management and Business
kochergina_mv@mail.ru*

The old believers' community of Starodubye and Vetka in the 1940s: the hard path of recovery

This article analyses little known events of the East Front of the World War II – the situation faced by the population in the occupied territory of boundary regions of Russia and Belarus, the territory of the Western Russian region, its steadfastness and courage, the ability to save Russian old believers' religious customs and traditions and to revive spiritual and religious activities in the 1940s. The authors present the facts of the ideological impact of the Soviet power and of the German invaders on the old believers, facts of repressions along with the facts of their patriotism and spiritual life in the post-war years. The authors have explored archival documents, analysed memories of local residents and former German officers, proving that it was the war which made the consolidation of the old believers' population to take place, prayerful communion was renewed and old believers' churches were restored. It contributed to the official registration of old believers' communities by the Soviet authorities after the liberation of the territory from the Nazi German invaders. During the war, the old believers' priesthood never left their flock, issued appeals to defend the homeland from the enemy.

Keywords: old believers' communities, spiritual centres, ideological influence, World War II (East Front), post-war recovery.

Sergey M. Zinchuk

*Kostroma State University
zinchuk_sergej@mail.ru*

The main directions of state Church relations in the USSR in 1946—1953

In the article, the author considers evolution of state-church interaction in 1945—1953. Particular attention is paid to the analysis of the reasons for the softening of attitudes of the Soviet government towards

the Russian Orthodox Church in the early postwar years and factors of tightening of state policy and increasing anti-religious component of the state-church relations in the very last years of stay in power of Stalin. On the one hand, the government could not but take into account the patriotic position of the Church during the World War II, the participation of the clergy and believers in military operations, having answered them with restoration of the patriarchate and some normalisation of church life. But on the other hand, the thesis of fighting religion and perception of the Church as an ideological enemy were not removed and remained one of the ideological priorities. The Power took the advantage of controllability of the Church, seeking to use it to achieve their own goals, especially in the field of foreign policy. The Church's position on major issues of foreign policy of the USSR in the first postwar decade, and the position on them of the Patriarch Alexy, and the role of the Metropolitan Nicholas (secular surname – Yarushevich) in the international church and the peacekeeping movements are considered in detail.

Keywords: state-church relations, Russian Orthodox Church, atheistic policy, Patriarch Alexy I, Metropolitan Nicholas (secular surname – Yarushevich).

Eleonora N. Nezhigay

*The Kuban State Social-Economic Institute, City of Krasnodar
myclub99@mail.ru*

Realisation of functions of festive culture by means of revolutionary holidays in the Soviet Russia (regional aspect)

The article represents the microhistorical research devoted to a problem of formation of the Soviet festive culture. A starting point of a research is idea of the author of a holiday being the event opposed to everyday life in which in the concentrated point spiritual, ideological bases of society and its valuable installations are reflected. The descriptive method used by the author allowed to trace the beginning of process of transition of the real historical event connected with seizing of the political power by the Bolsheviks in October, 1917, in the category of the ritual, mythologised, spectacular festive action which is regularly repeating further throughout all the Soviet period. On the example of the celebration of anniversary of the October revolution, the phenomenon of the revolutionary holiday representing a kind of the secular holiday, created in the conditions of radical painful withdrawal of the political and sociocultural system which received full nationalisation and turned into an official and ceremonial celebration, is described. The source base of article was made by documents of an official origin to which directive letters and circulars of the central and local Communist party's authorities belong. The rich factual material which is contained in the research is necessary base for development and justification of the general-theoretical provisions connected with studying of the phenomenon of festive culture and mass

consciousness within philosophy, cultural science, anthropology, psychology, and so on.

Keywords: revolutionary holidays, ceremonies, October revolution, dramatised procession, propaganda, promotion, slogans, “sectional associations”, mass celebrations, sociology and other humanities.

Sergey M. Usmanov
Ivanovo State University
ilapsi@yandex.ru

The intelligentsia members and the intellectuals in the modern world: the discussion issues and variations of scientific interpretation

The article studies the methodological problems of participation of intelligentsia and intellectuals in the social transformations of our time. An important place is given to the critical analysis of the works of leading Russian and foreign scientists on the designated topics. The author studies the problems of participation of Russian intelligentsia members and European intellectuals in the social and political processes of the modern society. The author shows the alternative models of participation of Russian intelligentsia members and European intellectuals in public and political life in the context of the modern world. The author focuses on the problem of scientific interpretation of this theme in the Russian science. We emphasise the value of case studies compared with the general arguments of the intelligentsia members and intellectuals. The author considers it especially important to take into account cultural-historical aspects of the research on the role of the Russian intelligentsia members and the Western intellectuals in the modern world.

Keywords: Russian intelligentsia, European intellectuals, the modern world, social transformation, discussion issues, variations of scientific interpretation, methodology problems.

SCIENCE OF LITERATURE

Mariya V. Yatsenko
Professor Bonch-Bruевич Saint Petersburg State
Telecommunications University
yatsenm@mail.ru

**Old English poem “Daniel”
in the Context of the Codex Junius**

The article is devoted to the specificity of the organization of the most unified Old English poetic manuscript – Codex Junius XI. The combination of the poems on Old (Genesis, Exodus and Daniel) and New (Christ and Satan) Testament plots meant not only their likeness but differences as well. The common feature of all the poems of the manuscript is the use of different biblical sources for each text. One of the peculiarities of the Codex is the orientation on hymnody: the inclusion of the plot of the book of Exodus together with the book of Daniel can be justified by the use of the Song of Moses and the Song of the Three Youths together in liturgy. The way the songs are presented is determined mostly by the artistic peculiarities of each of the poems. The heroic mood of Exodus explains the striking difference

of the song of Moses in it from the biblical text, the Song of the Three and the Song of Azarias in Daniel being very close paraphrases of the Latin sources. The common feature of the songs in the two poems is the communicative situation that looks much like that of the theatre performance or of the worship. The key difference of Daniel from the other texts of the manuscript is the presentation of moral ideal that is quite different from the heroic one. That is the reason why Daniel has so many comments and explanations of the behavior of the characters and of their vices, multiple moral remarks.

Keywords: Old English poem “Daniel”, Codex Junius, biblical paraphrases, hymnody, the Song of the Three Youths, Old English poem Exodus, heroic epic, biblical epic.

Andrey V. Golubkov
Gorky World Literature Institute, Moscow
andreygolubkov@mail.ru

**At the beginnings of the “preciosité”:
French gallant topography in the 1650s**

The research is centred on the tradition of allegoric maps, that became widespread in French aristocratic culture of the 1650s, mostly in the salons of “les précieuses” (Madeleine de Scudéry and others), as well as among their opponents, who used the similar maps to criticise the views of hostesses of these salons: “The Map of the Kingdom of Les Précieuses” by Maulevrière, “The Map of Tender” by Madeleine de Scudéry, “The Map of the Land of Love” by Tristan l’Hermite, “The Map of the Land of Frivolity” by Roger de Bussy-Rabutin, “An Allegoric Novel” by Antoine Furetière, and other. These gallant “maps” were refined literary texts inspired by baroque aesthetics and also had didactic functions, serving to explain or to ridicule the principles of polite high society behaviour in accessible and demonstrative way. The article is an analysis of the French sources of this literary style, also showing that a 17th century French allegoric map is a manifestation of a mainstream tradition in the Western culture, that can be traced up to Antiquity. There is a hypothesis that the rising popularity of salon style in the 1650s could be due to translation and assimilation of an ancient Greek literary work – “The Tablet” by Cebes.

Keywords: préciosité, courtliness, French aristocratic culture, allegory, topography, Madeleine de Scudéry.

German Yu. Filippovskiy
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
valteruruntaev@yandex.ru

**“A Song about Tsar Ivan Vasilyevich,
the Young Oprichnik,
and the Valorous Merchant Kalashnikov” :
aspects of epic typology**

Romantic, Byronic impact on the earlier greater poems by Mikhail Lermontov is of no doubt. But also doubtless are independent creative trends of the later period of the author’s life. What is especially linked to

both old folk tradition and medieval epics is “A Song about... and the Valorous Merchant Kalashnikov”. Christian trends in the epic imagery of “A Song...” related both to old Christian legend of St. George and Old English medieval epic poem “Beowulf”. Mikhail Lermontov’s “Death of the Poet” written after Alexander Pushkin’s deadly duel brought “A Song about... and the Valorous Merchant Kalashnikov” on the path of Alexander Pushkin’s late interests in “The Tale of Igor’s Campaign”, its medieval both pagan and Christian controversial imagery. The central creative idea of defending the truth, honour, human dignity and lady’s chastity is relevant not only to Mikhail Lermontov’s “The Death of the Poet” and “A Song about... and the Valorous Merchant Kalashnikov”, but also to its medieval counterparts, epic poems both in Old English and Old Russian: “Beowulf” and “The Tale of Igor’s Campaign”. “A Song about... and the Valorous Merchant Kalashnikov” by Mikhail Lermontov is one of the greatest creative works of the Russian original poetic genius at the same time belonging to the highlights of world epic poetry.

Keywords: epic imagery, “A Song about... and the Valorous Merchant Kalashnikov”, Christian trends, truth and honour, “Beowulf”, “The Tale of Igor’s Campaign”.

Vasiliy V. Ivanov

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
geolea@bk.ru*

A short story as a power-structural kernel of a polyphonic novel

This paper continues the researches in the poetics of the polyphonic novel on the example of the work of Fyodor Dostoyevsky. The aspect of the power-structural theory of the genres of the polyphonic novel is examined. The genre of the short story for the first time is examined as a power-structural kernel of the genre of the polyphonic novel. The author of the article makes the conclusion about the presence of the common power-structural kernel in the short story “The Peasant Marey” and in the novel “The House of the Dead” and bases his supposition. The author supposes, firstly, that not all the short stories can be named as the power-structural kernel of the polyphonic novel. For example, the short story “The Heavenly Christmas Tree” is the power-structural kernel of the tragedy rather than of the novel. Secondly, not all the short stories can be examined as the power-structural kernels of some large-scale works of the polyphonic genre, such as the novel, the poem or the tragedy. In this paper, the term of the principle of the gradation of the voice-position is introduced.

Keywords: triple-based polyphony principle, moral choice situation, voice position, voice-position gradation principle, polyphonic novel’s power-structure kernel.

Marina I. Shcherbakova

*Gorky World Literature Institute, Moscow
m-shcherbakova@mail.ru*

Kostroma in Nikolay Strakhov’s life

The article is devoted to the early period of life of the Russian philosopher and literary critic Nikolay Strakhov – first in Kostroma in theological seminary, where who was the rector, was his uncle, the future Archbishop of Chernigov Nathaniel (secular surname – Savchenko), and then as the student in St. Petersburg. The main source of information are archival documents preserved in Kiev, Nikolay Strakhov’s correspondence in 1844—1849 with the exiled Uniate priest John Skivskiy, who lived in Kostroma and took an active part in the education of the young man. Archive document copy of the letters was made in 1908 for publication of I.P. Matchenko, Nikolay Strakhov’s relative. That one also made a comment and translated letters of John Skivskiy, written mostly in French. Since the early 20th century, the correspondence has not been published. Nikolay Strakhov remarked that his correspondence with the priest John Skivskiy was a kind of diary: it reflects the details of the spiritual and creative development of the youth, overcoming himself, his mistakes and victories. Nikolay Strakhov’s letters show us that Kostroma has always remained a bright memory, moral tuning bifurcation with which he has always compared his subsequent life.

Keywords: Nikolay Strakhov, John Skivskiy, Kostroma, Russian literature history, epistolary.

Yevgeniya N. Stroganova

*Moscow State University of Design and Technologies
enstroganova@yandex.ru*

Mikhail Saltykov-Shchedrin and contemporary authoresses

The paper discusses the question of the composite approach to investigation of the unexplored topic which concerns connections between Mikhail Saltykov-Shchedrin and authoresses of his lifetime period. It seems important to us to discover the properties of Mikhail Saltykov-Shchedrin’s reception of the literary creative work of the authoresses and to ascertain the presence or absence of the discriminative elements in his comments about the authoresses and also to clear up whether he had the opinion about the “female aesthetics” or saw every authoress as the single creative personality. Finally, we need to present the history of Mikhail Saltykov-Shchedrin’s creative relations with the concrete authoresses and take into account their responses about Mikhail Saltykov-Shchedrin and do not ignore the possibility of their mutual influence. There are a number of main aspects of the insight into this issue, which, in particular, apply to the authoresses, whose works might had been read by Mikhail Saltykov-Shchedrin during his youth age, and also to his relationship with authoresses of the journals “Sovremenik” (The Contemporary) and “Otechestvennye Zapiski” (Annals of the Fatherland), to his editor’s

and critic's activity and to the question of the authoresses' attitude towards the works of Mikhail Saltykov-Shchedrin.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin, Russian authoresses, reading, editor's activity, critical literary practice, reception, gender-based approach.

Vladimir V. Tikhomirov
Kostroma State University
vtihom@mail.ru

**"The Snow Maiden" by Alexander Ostrovsky:
the problems of estimation and interpretation
(1873—1900)**

"The Spring Tale" (or "The Snow Maiden") aroused a certain bewilderment and even enmity of those people who considered Alexander Ostrovsky to be a playwright of ordinary life and an exposé of society's vices; of those people who maintained utilitarian views of art. It was held that the epic and the lyric elements in the play prevailed over the dramatic ones. At the same time, this poetic tale is connected with the author's constant search for the positive bases in the Russian life, in history, in people's character. According to Alexander Ostrovsky, the "new word" in "The Snow Maiden" is nothing but the artistic search for the good, for beauty and love; and that was perceived with difficulty not only by the readers of the play, but also by the casts, of both dramatic and musical ones, as well as of opera performances. Only when new aesthetic principles which synthesised various kinds of art (verbal, musical, choreographic, visual) had been widely spread by the late 19th century, the perception of "The Snow Maiden" in theatrical performances became deeper and more adequate. This tale play showed and reflected the profundity of people's culture.

Keywords: "New word" and tradition, overcoming of positivist aesthetics, search of arts synthesis, correlation of myth and reality.

Zinaida Ya. Kholodova
Ivanovo State University
kholodova_z@rambler.ru

**Mikhail Prishvin's artistic outlook:
the folklore aspect**

The article investigates the folklore aspect of Mikhail Prishvin's artistic outlook, the writer's folklore researches and activities are studied (collecting fairy tales; folklore comprehension in the article "Is Alexey Remizov a plagiarist?" and in diaries) as well as the ways and the means of mastering oral folk art in fiction. Mikhail Prishvin's originality as a writer determined his perception of the world as a fairy tale. Mikhail Prishvin's literary fairy tales content and range of problems are specific for novels ("new consciousness" birth, character's mental and moral development, mutual relations of a person and the society, etc.), but they are enriched by fairy tale "genre memory" which contains folk philosophy. Subject development in true-story tale "Sun's Pantry", novellette-tale "Ship Timber Grove" and novel-tale "The Sovereign's Road" is determined by folklore principles: there's a

story of dark and light forces struggle, searching for the Truth; fairy concepts form the categories of time and space; folk tale motives and images are used. Autobiographical novel "The Chain of Kashchey" is also marked by the combination of realism, philosophy and fairy tale. As Mikhail Prishvin confessed, he was enthralled by creating "a true tale, folklore in its nature, but without traditional folk myth". As Mikhail Prishvin could not think of literary creative work outside of people's art, he proudly named himself a writer who had passed through folklore school which identified the origins and specific features of his creative work.

Keywords: artistic outlook, diaries, fiction, folklore traditions, true-story tale, novellette-tale, novel-tale.

Aleksey N. Koptsov
Moscow Pedagogic State University
alekseykoptsov1991@mail.ru

**On the poetics of the novel "By the Cold Sea"
by Alexander Serafimovich**

The article deals with the poetics of the novel "By the Cold Sea" by Alexander Serafimovich. The author defines the role of the novel in the Russian Northern text, compares it with the early works of the writer, identifies the interaction of artistic and autobiographical component in the work. The author points to the realistic style of the novel, which features the latter text by Alexander Serafimovich in comparison with his previous stories and speak of a definite artistic method in the creative work of the writer.

Keywords: Alexander Serafimovich, novel, biographical novel, memoirs, autobiography, poetics of the genre, Russian North, Russian North text, political link, Pyotr Moiseyenko, realism.

Yekaterina A. Ogorodnikova
Kostroma State University
katogorod@gmail.com

**Genre of elegy in Igor Severyanin's poetic
collection "The Cup of Thunder"**

This article is devoted to the description of the functioning of the genre of the elegy in the lyrical poems by Igor Severyanin on the material of compilation "The Cup of Thunder". The article discusses how the artistic thinking of the poet manifests the elegical attitude. As on the most popular lyric genres both in the world and in the Russian poetry in general, elegy penetrates deep into the consciousness of authors on meaningful and formal levels. Analyses of poems by Igor Severyanin are preceded by a brief description of the views of Russian literature on this genre, provides of a brief sketch of the genesis of elegies in Greek literature and ancient cultural space. This article identifies the genre form signs of elegies. What is the most important for the analysis of the existence of the genre in the Igor Severyanin's lyrical poems as creative work by a representative of the Ego-Futurism, is lyrical egocentrism, deeping itself as a key genre point, mastering the uniqueness of human being in the world. In this article, we analyse three poems compendium: "Amber

Elegy” (1911) interpreted by pitting it with another lyric genre, idyll. The most traditional model is “Elegy” (1905), with a classical elegy it correlates through the system of values of the genre: feeling not repayment of epy lost, the motifs of the ritual of lamenting, aesthetics of death. “Little Elegy” (1909) can be regarded as the author’s transformation of this genre. Directly with the genre tradition of elegy, it makes only the narration in the past time, memories motif as a genre forming the sign. Thus it can be concluded that elegy in “The Cup of Thunder” has traditional genre forming signs, characteristic both for elegy of the ancient specimen and for classical Russian elegy. Innovation of the poet is to use satiric elements in the elegy as opposed to idyllic attitude in the snippet and the splitting of the genre at the formal level (reducing text volume).

Keywords: Russian poetry, Fin de siècle, Igor Severyanin, idyll, elegy, genre form signs, genre, transformations.

Aleksey S. Bokarev
Ushinsky Yaroslavl State University
asbokarev@mail.ru

Hieroglyphic word in the lyrics of Leonid Aronson

The article is devoted to the peculiarities of the functioning of the hieroglyphic word in the poetry of Leonid Aronson – one of the leading representatives of Russian literary underground of the second half of the 20th century. Hieroglyphics – words with continuous and relatively stable meaning throughout the author’s work – are examined as signals of the reality unattainable to the human experience: they are testimonies of what “cannot be heard with ears, seen with eyes, understood with the mind” (in Yakov Druskin’s opinion). Depending on what area of the ineffable their “improper”, figurative meaning indicates, we can distinguish three groups of hieroglyphics in Leonid Aronson’s poetry. The most hieroglyphics are those connected with the divine presence and “the fullness of creation” – “beauty”, “hill”, “child”, “virgin”. This category is closely followed by the hieroglyphics of wholesomeness and integrity of the world – “sky”, “landscape”, “face”. Finally, a completely different, opposite, semantics is found in the hieroglyphics of nothingness and death – “emptiness”, “silence”. Analysis of the context in which the hieroglyphic words are used determines a semantic halo of each concept and establishes the connections created between them. A detailed analysis of the poem “emptiness by emptiness” allows to trace interactions between the different hieroglyphics in the limited textual space, as well as to identify the mechanisms of their inclusion in the poetic utterance.

Keywords: Leonid Aronson, literary avant-garde, hieroglyph, hieroglyphic word, contextual links.

Gennadiy S. Zharnikov
Academician Korolyov Samara Research University
of the Russian Nation
zharnikov.gs@gmail.com

The mystery play and the farce of the Russian Revolution (on Isaac Babel’s “Red Cavalry”)

The article considers the main way of the construction of an image of a hero and the world in the “Red Cavalry” by Isaac Babel. The key concept, which characterises this manner of world’s formation, is a game. During the subsequent analysis of body structure of the hero (facial expressions, structure of hands, plasty) it was found a puppet simulation of characters and their special representativeness which are rather inherent to spectacular forms of art. The results of research help to attract attention to the world’s construction of “Red Cavalry”: the space has scenic functions in many short stories, and the world is represented as a combination of planes. It allows to notice that Isaac Babel creates an artistic universe which bases on the farce (theatrical model). The use of the one of the most expressive artistic languages helps to create a special “theatrical narrative” with a spectacular code which differs from the other narrative strategies. We also established a correspondence between the staginess of the text and the important worldview dominant of the writer, who considered that “theatre of life” is a justification of the human existence. The connection of artistic “material” and forms is illustrated clearly: in grotesque and fantastic feelings of the Red Army man could be placed only in the farcical “frameworks” which have supreme internal “latitude”. In conclusion, the article notes the close relationship of the farce and mystery play which has a high sacred content. The actualisation of such designs when creating the artistic world helps the hero to carry out an instant transition between sacred and profane status in the work.

Keywords: Red cavalry, Isaac Babel, October Revolution, Russian Civil War, game, carnival, farce, spectacular, mystery play, sacral.

Andrey S. Morozov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
morozoff111@yandex.ru

“The House on the Embankment” by Yury Trifonov and “In One Breath” by Vladimir Makanin: the narrative parallels

The article deals with the relationship of creativity Yury Trifonov and Vladimir Makanin. The authors refer to their works written in the mainstream of urban prose, to the inner world of a contemporary and draw their psychological portrait through the prism of an individual worldview. The main attention is paid to the peculiarities of narrative structure of the works. Yury Trifonov in his story “The House on the Embankment” and Vladimir Makanin in the story “One One Breath” (both appeared in 1976) use similar narrative techniques to convey the nature of the inner life of the

characters. The relationship can be expressed in three aspects. Firstly, writers avoid opened author assessments about of his characters and their actions. In the text by Vladimir Makanin, story tells the protagonist, and the text by Yuri Trifonov, an impersonal narrator. In both cases, the author's judgement is intentionally removed. Secondly, the reader draws a portrait of a character based on the character's own thoughts: the events are not important, important thoughts about it of the character. Thirdly, in both stories, there are similar narrative techniques, first and foremost – change of point of view on the protagonist. At the same time, this technique has important meaning within the works.

Keywords: Yuri Trifonov, Vladimir Makanin, narrative, narrative structure, urban prose, reflexion, point of view.

Tat'yana G. Kuchina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
tgkuchina@mail.ru*

Dar'ya N. Akhapkina

*Lomonosov Moscow State University
a.darja2010@yandex.ru*

To Convert the Existence into the Word:

Homo scribens in the prose of Eugene Vodolazkin

What is under consideration, is the meta-narrative aspect of Eugene Vodolazkin's two novels, "Laurus" (2012) as well as "The Aviator" (2016). What is in the centre of the author's attention, is Homo scribens, the core of his narrative intentions and his personal writing algorithm. In Eugene Vodolazkin's prosaic works, the process of writing serves as a synecdoche of existence, a factor of existential expansion of ego, a way to make an imprint in the universe, to preserve any object worth wording in the "cultural layer". For his characters, the very act of writing is a device to withstand time, oblivion and chaos. Moreover, in "The Aviator" of his own, the urge to write is motivated by the desire of the main character Innokenti Platonov, to reconstruct in detail his own past, the time he actually lived in as well as the time when he "dropped out" of time, being cryo-cooled for some experiment's sake. The written word is to help bring back one's personal universe which is otherwise irrevocably doomed to death. For Innokenti Platonov, the act of writing is not the result of his recalling activity, but the only possible way of his personal existence in which, logically and consistently, real events combine with imaginary fictional events. The autobiographical subject matter of the "20th century peer" appears to be packed tight with literary allusions from classic literature and stylistic hints at prosaic works of Ivan Bunin, Vladimir Nabokov; Alexander Blok's and Boris Pasternak's lyrical poems. For Homo scribens, the process of writing is the only mechanism to help overcome the irrevocability of time.

Keywords: Eugene Vodolazkin, "Aviator", "Laurus", scribe, narrator, autobiographic memory.

Sergey L. Strashnov

*Ivanovo State University
sstrashnov@yandex.ru*

On the main trends of modern poetic feuilleton

The poetic feuilleton, which was once again popularised at the early 21st century, necessitated the evaluation of its novelty. Hence, as the basis, the author of this article takes the principles of comparative historical analysis. At first, this article recreates and interprets the determinants of drastic genre transformations, implemented by Nikolay Nekrasov and representatives of his poetic school during the process of poetry prosaicism. Subsequently, the main stages of poetic feuilleton over the course of 1.5 centuries are being asserted; consecutive forms are emphasized: essay-review type, symbolically-rendered, balladic, monological, pamphletic, popular etc. A brief description of each form is given. The works of the following authors Dmitry Bykov, Igor Irtenyev, Vsevolod Yemelin, and Leonid Kaganov are deliberated based on the defined background. Particular problems, predominant formats, and creative solutions are being considered. As a result, it is concluded that our contemporaries do not generate truly unexpected genre discoveries. Their satire epigrams and portrait sketches are converted to feuilletons due to dynamic feedback on the most recent newsbreaks – most frequently political, more rarely – cultural. Genre predominantly acquires topical nature of the media. Although not excluding the grateful involvement in the literary tradition.

Keywords: feuilleton, poetry, satire, topical, intertextuality, genre forms, evolution, media.

Natal'ya V. Zakharova

*Gorky World Literature Institute, Moscow
adaeva2002@gmail.com*

Orthodox text's translation from Russian into the Chinese in the late 19th century.

On the question of creature of the literary translation in Russia

The article deals with the problem of the liturgical books translation from Russian into Chinese, made by members of the Orthodox Mission in Beijing in the 19th century. The main stage in the history of Orthodox text's translation began in 1863, when the Mission from the Russia Ministry of Foreign Affairs returned to Synod. Solving the problem: if Chinese neophytes were ready to percept the Christian ideas, missionaries during their translation work addressed to the lexical analogues in Confucianism, and chosen wenyuan simplified classical language, with its simple grammatical forms and spoken language's inclusions as a language of translation. The analysis of two parts of the translation of "Eve of the Nativity of Christ" includes the description of the beginning of the ceremony, and translation of the Fourth "God's Mother verses" and comments to the translation. The article investigates the complexity of the translation of the basic Christian

concepts from the Old Church language into Chinese, their semantic contrast, the Chinese terms. Translations were not completely cut off from the Old Slavonic text, but were enough autonomy, with the aim of using the usual Chinese literary forms, to help neophytes to adapt to new ideas. Translations made by Orthodox missionaries have outlined the important concepts of the theory of literary translation from Russian into Chinese.

Keywords: wenyan, translation, Orthodox text's hymnography, Christian literature, missionaries.

Lyudmila P. Gadzaova

*Hetagurov North Ossetian University, City of Vladikavkaz,
North Ossetia – Alania autonomy, Russia
gadzaova@list.ru*

**Comparative analysis of the ballad of F. Schiller
«Gero and Léandre» and her literary poetic
translation of V. V. Levik as means of development
by students of art of the translation**

The text as one of fundamental concepts of modern humanitarian knowledge is considered in article, and also various intrinsic characteristics of the text come to light. The phenomenon of the text is an object of a research of this article as manifestation of cognitive function of language which is carried out in one of the problems of cognitive linguistics as a result of cognitive and language activity of the person. The detailed comparative and comparative analysis review of the classical German ballad by Johann Christoph Friedrich von Schiller and its translation by Wilhelm Levick, the famous Russian poet-translator, as evident demonstration of a cognitive research as a whole within cognitive poetics with application of various stylistic, lexical and grammatical means of the Russian language and various approaches to studying the art poetic text which show a possibility of a research of these types of the text in cognitive aspect is given. Special attention is paid to training in the field of translation on the basis of communicative and functional approach.

Keywords: poetical text, comparative contrastive analysis, teaching to translate, language cognitive function, communicative-functional approach, communicative influence.

SCIENCE OF LANGUAGE

Irina Yu. Tret'yakova

*Kostroma State University
trirfr@mail.ru*

**Towards the question of occasional transforming
potential of verbal phraseological units**

The article deals with the question of transforming potential of verbal phraseologisms; in particular it studies one of the types of occasional transformations – substitution of a verbal component. Occasional transformations of phraseological units are conditioned by different factors, one of which are peculiar features of a verbal component. A phraseological verbal component keeps paradigmatic connections with units of its lexical-semantic group; these connections condition occasional substitution of components. Transforming

activity of phraseologisms depends on a number of substitutions of a verbal component by systematic synonym and antonym correlates. The increase of a number of phraseological transformations are conditioned by connections of a verbal component with verbs of the same lexical-semantic group and is, by correlates, based on associational connections. Systematic connections of correlates depend on the authors' intentions aimed at concretisation, explication of a phraseological meaning. The increase of occasional transformations depends on specific features of phraseological image: if the base of a phraseologism represents a picture of some actions that native speakers consider to be a "script" developing in time, substitutions of a verbal component by verbs showing phases of a script action become possible. Minor transforming potential of a verbal component occurs among verbal phraseological units with limited systematic connections.

Keywords: verbal phraseological units, phraseological units' occasional transformations, transforming phraseological units' potential.

Yelena N. Yermakova

*Mendeleev Tobolsk Pedagogic Institute (the branch) of federal
state autonomous educational institution of higher education
«Tyumen State University», town of Tobolsk, Tyumen Region
ermakova25@yandex.ru*

Mayya V. Prokopova

*Mendeleev Tobolsk Pedagogic Institute (the branch) of federal
state autonomous educational institution of higher education
«Tyumen State University», town of Tobolsk, Tyumen Region
maya-vladi@yandex.ru*

**Phrase-formation potential
of the lexemes denominating monetary units**

The article deals with the phrase-formation potential of lexemes denominating monetary units in the Russian language. The phraseological vocabulary of the language has reflected the ability of some monetary units to price and to confront different objects' price. Studying the linguoculturological heritage, it is necessary to mention that the lexemes denominating money, as a part of the phraseological unit, have the ability to price non-material objects. Not all of the money nominations ever issued or being currently used in Russia have become a part of the phraseological unit. Only such former lexemes as rouble, copeck, grosz (half-copeck), lepton (mite), altyn (three-copeck-piece) have received this right, but their activity to form phrases is different. The analysis of the semantic features of phraseological units with the component denominating a monetary unit allows us to come to the conclusion that the major part of Russian phraseological units has a negative connotation, no matter what sphere of life they characterise – material or non-material. This fact suggests that in the mentality of the Russian people, there is a derogatory attitude towards money and finance: the preference of material benefits to spiritual wealth and their transformation into goals in life are not just unsupported in the society, but strongly condemned.

Keywords: phraseological unit, phraseological unit component, monetary units denominating lexemes' phrase-formation potential.

Yelena R. Guseva

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
rafhatovna@mail.ru*

**Particular lexemes *нале, ноли* and derivatives
(according to Northern Russian patois)**

Particular lexemes are formed by means of agglutination of ancient primary elements – particulates *no, li* etc. under the influence of Wackernagel's law. The paper considers structural and semantic characteristics of the dialect particular lexemes – 2-, 3-component clusters (lexemes consisting of 2—3 particulates) from the point of synchronous and diachronous approaches, distinguishes their genetic relations and distribution in Slavic languages. The study shows that particular lexemes are found primarily in the Northern Russian patois and the dialects of Siberia and the Urals. Lexemes beginning with *на-* differ in structure – consist of two, three components. They mainly function with a meaning of “so much that...” or “than even...”, therefore adding a third *n-*particulate does not influence the shift in semantics of the lexeme. Clusters beginning with *но-* (of two- or three-component nature) differ in functionality; most of them also bare the meaning of “so much that...”. Four- and five-component clusters are not recorded in northern patois. These lexemes have parallels in Slavic languages. They are marked in the Ancient Russian language. In the 18th century, they functioned in colloquial speech and dialects. They are not used in the modern Russian literary language.

Keywords: conjunction, particle, adverb, agglutination, particulate, syntax, morphology, Northern Russian patois.

Lidiya G. Zolotykh

*Astrakhan State University
zolotyhlg@yandex.ru*

Mariya A. Firsova

*Astrakhan State University
filjak.er@mail.ru*

**Language aggression as a component
of modern media space (based on the Russian TV
program “However”)**

The article proves the author's hypothesis on the deliberate use of a journalist vocabulary with aggressive semantics, jargon irony in order to create and strengthen the image of the individual voice of the journalist. TV releases “However” for one year are analysed and the ratio of neutral vocabulary and vocabulary with aggressive semantics is given. Percentage of the parameters of linguistic aggression and their analysis is presented.

Keywords: media space, TV space, aggression, irony, jargon.

Larisa V. Ukhova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
larissauchowa@mail.ru*

Lyubov' A. Guseva

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
lagusevank@mail.ru*

Tolerance: the problem of understanding words

The word Tolerance moved in the late twentieth century from the passive vocabulary into active func-

tioning in the Russian language. It was not just a token expressing complex meanings, but also subject to intense linguistic reflexively on the part of both specialists and the broad reading public. In a relatively short time, tolerance has become a special subject of study by a number of scientific disciplines, including philology. In his article, we turned to the actual linguistic aspects of the description of the word Tolerance, which has become a phenomenon of the Russian literary language of the late 20th—early 21st century. The lexical meaning of the word Tolerance can be transferred or a very short “tolerance”, or is a very common four paragraphs of the first article of the Declaration of principles on tolerance, adopted by UNESCO. The word has a whole terminological system of values and, in addition, the ability to express evaluative meanings, both positive and negative – in the media language and a conversational style. The inconsistency of the semantic characteristics of words is due not least to its formal-grammatical features: morphological characteristics and derivational relationships.

Keywords: tolerance, lexical meaning components, derivational relations, abstract noun, word-use functional-stylistic aspect.

Dmitriy Yu. Ivanov

*Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru*

Sergey Z. Itkulov

*Academician Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
italian.sergey79@mail.ru*

**Verbal component as a synthetic language
personality in Russian nonsense literature
of the late 20th century**

In the article, the analysis of formation and development of a cognitive-pragmatic simulation programme synthetic language personality in Russian nonsense culture of the late 20th century occurs on the basis of cognitive cooperation between the two entities – subject source and subject-interpreter. A classification of different levels of development of this programme: the dialogic relationship of the subject source and the subject of the interpreter, based on partial comparison and contrast cognitive-pragmatic programmes; the development and adoption of a cognitive-pragmatic programmes of the subject source and its actualisation by the subject-interpreter; the development and upgrading a cognitive-pragmatic programme of the subject of the source in the context of cognitive-pragmatic programmes of the subject-interpreter; deep development (full adoption) of a cognitive-pragmatic programmes of the subject source, and further modelling of their cognitive-pragmatic programmes to its principles. We try to provide a cognitive pragmatic programme as an opportunity for modelling new frames and building inter-frame relations, as the subject-the interpreter is able to update a variety of meanings in cognitive and pragmatic programme of the subject source, including those which may be contrary to the meanings inherent in cognitive-pragmatic programme of the subject-source.

Keywords: synthetic lingual personality, cognitive and pragmatic programme, nonsense, literature, meaning, game, semantics, structure, language, frame.

Mariya M. Stepanova

*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
info@terralinguistica.ru*

Yekaterina V. Kovalyova

*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
91ekaterina.kovaleva@gmail.com*

Comparative analysis of memes as modern paremiological units in Russian, English and Spanish Internet discourse

The paper discusses modern paremiological units which are defined as new language units which transmit cultural information and reflect ordinary life situations. They are studied in terms of three languages: Russian, English and Spanish. The paper focuses on such a specific type of paremiological units as Internet memes, which are a set of graphic images and brief text containing cultural information, and, optionally, play on words. The paper proves that Internet memes can be considered as a type of paremiological units. A number of similarities and differences of Internet memes in Russian, English and Spanish linguistic cultures have been revealed. It is concluded that modern paremiological units operating in the online discourse reflect the main trends of development of modern society, in particular globalisation. Although Internet memes are comic, they reflect the negative assessment of the modern society, they discuss and ridicule the most acute social problems. Despite the fact that a number of modern paremiological units contain a reference to the unique realities that are relevant only to the recipient belonging to a particular cultural community, a gradual blurring of cultural differences in online discourse can be observed.

Keywords: paremiological units, Internet memes, Internet discourse, Internet communication, play on words, linguistic culture.

Tat'yana V. Levina

*Vladimir branch of Finance University under the Government
of the Russian Federation
eklevi@gmail.com*

Natal'ya A. Naumova

*Vladimir branch of Finance University under the Government
of the Russian Federation
natasha_nau@list.ru*

Epenthesis in modern English: a survival of the past or a future tendency?

The article is focused on one of the specific types of word re-segmentation classified in the scientific literature as epenthesis and described as a historical, etymological and synchronic realisation of a word form in speech. The research is aimed at revealing the nature and reasons of the epenthesis phenomenon taking into account the dualistic character of the tendencies in the process of epenthesis creation. Moreover, the research is due to determine the peculiarities of the epenthetic word transformation based on the principles of harmony and language optimisation. The problem statement is caused by the new tendencies in the development

of generative phonology, which make it possible to specify and re-evaluate the nature of several linguistic phenomena. The research attempts to view epenthesis in the Modern English synchrony and analyses the newest 18th edition of English Pronouncing Dictionary by Daniel Jones (2011). The continuous sampling method makes it possible to extract 1045 experimental units with epenthetic elements. The methodology of lexicographic, phonological, morphological and pragmatic analysis consists of three steps to observe the significance, relevance and importance of epenthesis as a phonological phenomenon. The results of the research help to denote its role in the development of Modern English and classify it as a relic of the past or a potential tendency of the future.

Keywords: epenthesis, epenthetic word transformation, enantiosemy, phonotactics, linguistic economy, linguo-dynamic analysis, representative analysis, Modern English.

Anzhelika V. Shitikova

*Moscow State Institute of International Relations
anbogdanova@yandex.ru*

Original and modified proverbs in the German press

The article analyses the original and modified German proverb "Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm" in the modern press of Germany. The modified proverb can be realised as variants, which do not change meaning of proverbial text, and as transforms, which change meaning of the proverb. The variants appear through lexical part (extension through citation, through one or several words) and grammar part (changing the words order or the verb form) or through the combination of these two parts. The most used transformations are eliminating of the negation "nicht" or replacement of the nominal part. The most variants do not change meaning of the proverbial text and can be considered to be lexical, grammatical, structural options of the proverb. This form of the proverb is used most of all and has the functions of confirming and appreciating. Transforms are used in the articles for shining a spotlight and have expressional function. The functions of original and modified proverbs are connected with their place in the article. The usual form in the title has anticipatory and prognostic functions, but most of all it appears in the middle of article. The analysis of mechanisms of modifications of proverbial text will allow modelling proverbs in the conditions of their speech realisation.

Keywords: proverbs, variants, transforms, modification, functions, communication, usage, conventional form.

Vladimir N. Babayan

*Yaroslavl Higher Military School for Air Defence
vladimirbabayan@rambler.ru*

Dialogue as a specific form of dyadic interpersonal interaction

The article is devoted to the study of dialogue characteristics as a specific dyadic interpersonal interaction form and to consideration of its differential features.

The author of the article tries to investigate what specific aspect of a dialogue are as there is still no common opinion among the linguists on this point. As is well-known, a dialogue in its own way can fix and register some more important moments of the ongoing process in people's communication and behaviour, visual forms of life, etc. Many linguists in their works have touched upon this topic, putting forward different characteristics of a dialogue. In this article, following Mikhail Bakhtin, the author gives a wider interpretation of a dialogue and studies the main characteristics of the said language phenomenon including linguistic and stylistic characteristics which enable realisation of the given characteristics. The problem raised in the article is topical. Dialogue is considered to be a functional type of speech, type of communication, principle of communication process organisation, realisation of which forms a specific type of a text. The results of the research can be widely used in the lectures on linguistics, stylistics and linguistic interpretation of the text.

Keywords: proverbs, variants, transforms, modification, functions, communication, usage, conventional form.

JURAL SCIENCES

Tamara V. Gubayeva

*Federal state budget higher education educational institution
"Russian State University of Justice", branch in the City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
yatsenm@mail.ru*

Lenar A. Gumerov

*Federal state budget higher education educational institution
"Russian State University of Justice", branch in the City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
toma345@yandex.ru*

The system of principles of legal regulation of scientific and technical sphere

The modern stage of development of Russia is associated with the formation of innovative economy based on the wide application of scientific and technical results. This process has an impact not only on the development and complexity of actual social relations in scientific and technical sphere, but also transforms their legal regulation. There are principles of legal regulation of social relations in scientific and technical sphere which have interbranch character in the legal system. Theoretical legal analysis of the "principle of law" category has allowed revealing features of understanding of this category at the present stage of development of legal science. In the article, the principles of legal regulation of social relations in scientific and technical sphere are identified on the base of the research of international-legal acts, Russian and foreign legislation. We have justified conclusion that the scientific and technical sphere legal regulation principles form a single system in which freedom of scientific researches principle has the crucial importance.

Keywords: principles of law, legal regulation, freedom of scientific research, scientific and technical sphere, law and scientific activity.

Zilya Z. Gumerova

*Federal state budget higher education educational institution
"Russian State University of Justice", branch in the City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
zilu.83@mail.ru*

The idea of law as determinant of legal education

Legal education has of a social nature and is influenced by various factors of which none cannot be considered as absolute. However, legal education is a kind of ideological influence on the consciousness of individuals, therefore, an ideological determinant should be recognised as a central component in the combination of the factors of influence on legal education. In its turn, ideological determinant is due to the understanding of law. The article explains that the idea of law is a form that embodies equitable content. It is proved that this form has the appearance of a normative structure, which not only provides, but also restricts the freedom of the subjects. It is based on total legal equality. The article offers the author interpretation of legal education in the aspect of its determinacy by different forms of law. The law as a measure of freedom and law as the order of power are considered as determinants. The differences between the mentioned approaches are shown and the advantage of the first of them is justified.

Keywords: legal education, law idea, legal ideology, legal consciousness, determinant, freedom of individual, understanding of law.

Ol'ga V. Aksyonova

*Federal state budget higher education educational institution
"Russian State University of Justice", branch in the City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
aksjus@mail.ru*

About some problematic aspects of legislative support of the norms of Civil law

The article reveals problems of the juridical technique of legislative development in current conditions of civil law's modernisation. The extension of the scope of legal regulation causes some terminology notation's introduction in the civil law, and in this connection questions of terminology's and definition's correctness and adequacy are paramount importance. The building the unified system of civil law's terminology maximally informative reflecting subject of legal regulation is the foundation of high quality and stability law, would help to avoid further spaces right, contradictions and other defects in the system of law generally. In order to avoid any varying interpretation of meaning of the law should be guided by one of the major the linguistic rights of legal drafting methodology, namely seek to simplify of legislative lexical constructions with the aim of not only experts rights but a wide range of citizens have a correct understanding of content of law. Analysis of the legal terminology of the rights in the draft of changes in Civil Code leads to the conclusion that some terminology notation's introduction in the civil law will entail ambiguous interpretation and objectively resists to understanding and implementation of legislative will.

Keywords: civil law, legal drafting methodology, legal terminology, definition, rights in draft.

Radik Yu. Zakirov

*Federal state budget higher education educational institution "Russian State University of Justice", branch in the City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
radikzakirov@rambler.ru*

Legal succession in obligations' legal relationship

The article describes the design of succession in obligations legal relationship. The author comes to the conclusion that the legislation does not contain rules allowing the termination of one relationship and the simultaneous occurrence of another relationship, identical to the first, but with a different subject. Succession occurs as a result of replacement of constituent entities debt relationship during the assignment (cession), debt transfer, in particular the relationship with the old subject structure is terminated with the emergence of a new relationship, the only novelty which is a new subject structure and content of legal relations (a set of rights and duties) remains the same, i.e. unchanged. The basis of admissibility of such understanding of succession is the immutability of basic legal characteristics of the rolling of the law or passing duty, as part of the relationship – the preservation of its contents. Therefore, it is possible to assert that the transfer of rights and obligations from one person to another with the maintenance of previously existing relationship, which in this case continues with the subsequent resumption, but only changes due to the replacement of the parties involved.

Keywords: succession, singular succession, obligation, obligation relationship, rights and obligations transfer, assignment of claim (cession), debt transfer.

Anna N. Klimova

*Yesenin Ryazan State University
a.klimova@rsu.edu.ru*

On the concept and signs of entrepreneurial activity

The article analyses the theoretical and practical aspects of the concept of "business". We consider the existing science business law approaches to its definition. The question of whether the definition of entrepreneurship, as enshrined in paragraph 1 of Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation, legal, is debatable. From the point of view of legal technique definition contained in this norm, it is not perfect. Nevertheless, the rate of claim 1 of the Russian Federation Article 2 of the Civil Code is the basis for the allocation of business signs. The article reveals the contents of the essential features of entrepreneurial activity, such as independence, risk and systematic nature of the profit. At present, the criterion of systematic profit is not disclosed in the legislation and is not designed uniquely science business law. In this connection, the article provides ships position on a number of issues, yet did not find a clear legislative regulation. The conclusion is that the courts have developed a certain position on the features of business and jurisprudence

develops a uniform, however, this does not make the legislative regulation of the problem fully.

Keywords: entrepreneurial activity, sign of business, entrepreneur, entrepreneurial risk, systematic profit.

Kamila M. Suleymanova

*Kutafin Moscow State Jural University
suleymanova.km@gmail.com*

Statutory construction as a law mechanism of a just rendition proceeding

The article considers the problem of statutory construction as a law mechanism of a just rendition proceeding. The author gives various opinions of scientists concerning ascertainment of moral facts during civil proceedings. The author pays attention to judicial law enforcement, its role in reinstatement of rights. Life circumstances can be different and sometimes, there is no law to regulate them. That is why statutory construction is an important law mechanism. The article contains judicial practice, concerning the problems of statutory construction in civil procedure. The author sets there are multiple methods of statutory construction, which should be used comprehensively.

Keywords: statutory construction, legality, justice, judicial law enforcement, liquidated definitions, teleological statutory construction, legal rules-principles.

Natal'ya A. Nozdrina

*Bryansk State Technical University
nozdrina.natalye@mail.ru*

Natal'ya N. Kharitonova

*Bryansk Institute of Management and Business
bforags-hnn@yandex.ru*

Bodies of "control branches of government" in the Russian Federation

Results of a research which is conducted in the field of establishment of the legal nature of bodies of the constitutional control in the broadest sense are given in this article. The ratio of a concept and bodies of "the control power" and a concept and bodies of the constitutional control is investigated. The place and a role of the head of state, prosecutor's office and other state bodies which have control functions in their ratio with functions of bodies of the constitutional control is explored by authors. These parallels are drawn taking into account that Russia is the federal state that complicates structure of government and distribution of functions and powers. Studying of separate historical aspects of the studied problem became necessary in the article for justification of conclusions. Thus, views of the Russian scientists of the pre-revolutionary period are given in work, and also a question of a ratio of concepts which are used in legal literature and the legislation – "the constitutional justice", "the constitutional legal proceedings", "the constitutional control", – are mentioned. Reflection of the problem of separation of the authorities at the present stage is essential as three-membered division of the authorities into legislative, executive and judicial branches is represented to outdated authors.

Keywords: constitutional control, government, separation of authorities, president, prosecutor's office, judicial authority.

Sergey I. Sayenko

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
sergeisaenko@rambler.ru*

The norm of administrative law in the spectrum of modern doctrinal interpretations

The article grounds the thesis that the concept, features, types, methods of implementation and sources of securing Russian norms of administrative law are considered to be sufficiently studied scientific problems by modern representatives of the Russian administrative science. Also, attention is drawn to the fact that most aspects of the development of the theory norms of administrative law of Russia revealed primarily in the educational and methodical literature. This approach helps to ensure that within the legal education the citizens of the Russian Federation are offered for mastering scientific developments that are only occasionally exposed to certain adjustments. The author on concrete examples proves that social and legal nature of the norms of Russian Administrative Law reveals by representatives of the Russian administrative science in most cases through the relevant definitions or by describing attributes of these rules. As examples, what is also provided, is the scientific position, in which scientists simultaneously involve two specified ways to highlight the subjects of administrative law. The article also states that in the case of radical renewal of the conceptual and terminological basis of the theory of norms of administrative law in Russia, this basis, as before, will be used by scientists, practitioners and ordinary citizens as conceptual communication. The renunciation of the term "rule of administrative law of Russia" will neither happen. What can maximally appear, is a need for updating the versions of the definitions of social regulator, which in its content, will more fully reflect the constitutionally protected social values, progressive achievements of scientists and especially administrative practices.

Keywords: administrative law, administrative science, administrative law norms, concept, public opinion.

Dmitriy A. Babichev

Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs

Information support units CID in the Russian Federation and in the unrecognised state of Lugansk People's Republic: a comparative analysis

The functional features of the informative CASS in-use of Ministries of internal affairs of the Russian Federation and the so-called Lugansk People's Republic are probed in the article. On the basis of their comparative analysis, examining legal frameworks of the informative providing of subdivisions of criminal search as well as the existent tendencies in Lugansk surroundings, the system of arguments lines up the necessity of organisation and concrete directions of col-

laboration between the MIA informative centers both in Russia and in the said unrecognised state.

Keywords: criminal search, operatively-search activity, criminality, information, informative system, informative CAS, intelligence system, co-operation.

Vitaliy V. Pavlyukov

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
ykc@mail.ru*

Operative face recognition for photo, video and audio data: perspectives for implementation of modern technologies in the activity of law enforcement authorities

The article deals with the legislative stages of computerisation of the activities of the internal affairs agencies and suggests the practical recommendations on the introduction of modern technologies of operative facial recognition for photo, video and audio data. What was analysed, was legislation in the field of reception and processing of photo, video, audio for internal affairs agencies of the Russian Federation and information that reside on the Internet. What was characterized, were the modern face recognition technology for photo, video, audio data, and were disclosed the contents of the stages of implementation of these technologies in the activities of the internal affairs agencies of the Russian Federation. It is indicated that the appropriate steps have important theoretical and practical significance for the receipt and use personal photo, video and audio data by employees of the internal affairs agencies. Their effective use is possible in establishing the identity of the suspect to the crime. The document also drew attention to the legislative restrictions of use in law enforcement activity of police Ministry of Interior of the Russian Federation, photo, video and audio data about person, which suspected of committing a crime. In this regard, the expediency of development and implementation in the practical activities of the internal affairs agencies mechanism for obtaining and using photo, video and audio data for the purpose of establishing the identity of the suspect.

Keywords: rapid detection, automation, "Portrait-Search", "Argus", "FindFace", Internet, photos, video, audio.

Stanislav V. Rozenko

*Yugra State University, town of Khanty-Mansiysk,
Khanty-Mansi Autonomous District AKA Yugra, Russia
rozenko_sv@mail.ru*

Medical and other assistance to the victim immediately after the crime, voluntary compensation for material and moral damage caused as a result of a crime, other actions directed on smoothing down of harm, caused to the victim as a circumstance mitigating criminal punishment

The article reveals the topicality, content and significance in Russian criminal law, the circumstances mitigating the punishment: medical and other assistance to the victim immediately after the crime, voluntary compensation for material and moral damage caused as a result of a crime, other actions directed on smoothing down of harm, caused to the victim. The article notes that health

care is a complex of measures aimed at maintaining and (or) recovery of health as directly to the victim and the victim's side, which include medical intervention or complex medical interventions aimed at diagnosis and treatment of injuries (diseases) affecting physical or mental condition of the person and having a diagnostic and therapeutic orientation. The article substantiates the thesis that voluntary compensation of damage by crime, not only the person who committed the crime, but by other persons, is also a circumstance mitigating the punishment. This circumstance, a mitigating sentence, structurally interconnected with the bases of exemption from criminal responsibility, but has independent significance. It is proposed, in order to standardise, the wording of clause "C" of part 1 of article 61 of the criminal code: "The compensation of socially dangerous consequences, caused as a result of the crime."

Keywords: punishment-mitigating circumstance; actions aimed at smoothing down harm, caused to victim.

Tat'yana S. Lebedeva

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
lebedevats51@yandex.ru*

On the role of the commissions on affairs of minors and on protection of their rights in implementation of technologies of juvenile justice

The article is devoted to the analysis of the role of the commissions on affairs of minors and protection of their rights in again arising industry of juvenile law and order. Arguments for benefit of consideration of this social institution as a backbone factor of implementation of juvenile justice technologies are adduced in the article. The attention is focused on strengthening the level of legal assistance of children from the commissions on affairs of minors and on protection of their rights. The innovation tasks which face the commissions in modern conditions – protective, social, organisational and methodical, administrative and jurisdictional ones – are discussed. The regional aspect of the analysed activity is distinguished in the article, work which is organised in Yaroslavl Region is given as an example. Own practical experience on use of juvenile technologies in the course of resolution of the problem of neglect and offenses of minors, the prevention of family trouble, social orphanhood, child abuse is described by the author.

Keywords: commissions on affairs of minors and on protection of their rights, juvenile justice, juvenile technologies, juvenile courts, constitutional state, subjects of juvenile law and order.

Tat'yana N. Martynova

*Professor Bonch-Bruевич Saint Petersburg State
Telecommunications University
martynova.info@mail.ru*

Ol'ga V. Sgibneva

*Moscow Polytechnic University
sgibneva.info@mail.ru*

Current trends of judicial practice on disputes connected with the termination of the employment contract by agreement of the parties

This article is devoted to topical issues of the latest judicial practice in cases related to the termination of

the employment contract by agreement of the parties. The publication raises an important question about the subjectivity of judicial acts of the various judicial bodies, about the possibility of different approaches to resolving similar disputes related to the termination of the employment contract by agreement of the parties and the payment of compensation to dismissed employees. The authors analysed the contemporary court practice related to the dismissal of a pregnant female employee by agreement of the parties who canceled the agreement on the termination of the employment contract under article 78 of the Labour code of the Russian Federation for reasons of her pregnancy. The main trends of the judicial practice about the payment to the dismissed employee by agreement of the parties – severance pay (compensation), the so-called "Golden parachute" – are also determined in the publication.

Keywords: termination of employment contract by agreement of parties, cancellation of agreement on termination of employment contract by agreement, dismissal by agreement of parties, court practice, compensation paid to employee, severance pay, Golden parachute, economically justified amount of compensation.

Gennadiy G. Bril'

*Kostroma State University
kuin@kstu.edu.ru*

Emergence and resolving of the social and economic conflicts in Soviet state: theoretical-legal aspect

The internal maintenance of such phenomenon of development of society as the social conflict, is considered in article. The typology of the social conflicts is presented, criteria on the basis of which it is possible to reveal this or that type of the conflict are given. Intrinsic characteristics of the social and economic conflicts (labour disputes) which arose in the first year of formation of the Soviet state are revealed. Classification of labour disputes is offered by the author, special attention is paid to their legal resolving.

Keywords: social conflict, socioeconomic conflict, conflict resolving, strike, walkout.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Valeriya G. Andreyeva

*Kostroma State University
lanfra87@mail.ru*

Role and the place of the Kostroma earth in destinies of the Russian writers

The review of the new education guidance, containing the valuable information about writers, poets, playwrights, whose life is closely connected with Kostroma land, is provided in the article.

Keywords: Kostroma Region literature, education guidance, Kostroma resident writers, local history study, literature history, technique of teaching literature.

Ol'ga V. Gorokhova

*Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy
of Radiational, Chemical and Biological Defence, City of Kostroma
o.gorokhova@gmail.com*

Kostroma merchants' genealogy (concept study)

What is published, is the concept supported by the Russian State Science Foundation of complex research of the origin, size, composition and structure, kinship and production linkages, property, marital status, general and special education, direction and content of the business and the state, municipal, rural, corporate, religious, social, keeping, charitable, cultural, artistic, literary and scientific activities, achievements and accomplishments, honours and awards, published and unpublished works, documentaries, art and book collections, portraits, pseudonyms, autographs, inscriptions, bookplates, epitaphs and cemeteries, the place and role of Kostroma merchants in regional and all-Russian economic, political, social and cultural history on the basis of legislation, official documents of the central and provincial archives, statistical codes and collections, historical essays and notes, regular and current reports and resolutions, journals and records of public meetings, municipal, zemstvo, corporate, religious, trustees', charities', judicial, medical, educational and research institutions', associations' and institutions', address, reference and commemorative books, statements and lists of officials, voters, households and landowners, trustees and benefactors, alumni and academic teachers institutions, personnel agencies, institutions and organisations, factories, joint ventures and trading houses, museum catalogues, archival guides and bibliographies, and materials of the central and provincial recurrent and non-recurrent publications of the last and before last centuries, involving the creation of the first national historical and genealogical dictionary of the Third Estate.

Keywords: merchants, business people, family tree, genealogy, bio-bibliography, personalities, Kostroma land.

Ol'ga A. Lebedeva

*Kostroma State University
kaf_history@ksu.edu.ru*

Of those who I remember and love

Memories of history teachers of the historicopedagogic faculty which was no less than the gem of Kostroma Pedagogic Institute in 1970s—1980s – Mikhail Belov, Konstantin Buldakov, Boris Kosarev, Mikhail Sinyazhnikov – have been presented in the article. Identity of teacher-student interaction than has been presented as well.

Keywords: Kostroma Pedagogic Institute historicopedagogic faculty, history, teachers who fought World War II.

Irina V. Golubeva

*Kostroma State University
may11599@mail.ru*

**Vladimir Leonidovich Milovidov:
the historian and his epoch**

The lifepath's main milestones, scientific activity direction, a brief characteristics of the most significant works, scientific contribution of Vladimir Milovidov – history doctor, professor, Russian Federation's higher school honoured worker, Kostroma Region's Honorary citizen – are presented in the article.

Keywords: Vladimir Milovidov (history doctor, professor); biography; science; scientific contribution.

Anna N. Shigareva

*Kostroma State University
zinchuk_sergej@mail.ru*

**Mikhail Nikitich Belov's creative work
in terms of post-WW II period of the Soviet local
historiography potential**

Attempt of a retrospective view of experience of scientific creative work of one of the founders of the centres of studying labour movement – Mikhail Belov – who for many years headed the USSR History department of Kostroma Pedagogic Institute and was an advanced teacher there, has been made in the article. Kostroma historian's contribution to studying social history of the land and the country is presented. The description of his scientific heritage is given in the modern historical knowledge development context. Mikhail Belov's versatile and fruitful activity is presented in this article mainly from the position of updating his scientific heritage. In the conditions of humanitarian knowledge ideologisation, the scientist managed to keep the professional identity, aspiration to objective knowledge. The role of provincial scientific community in preservation of cultural and historical heritage in the period of the Soviet history after the World War II is emphasised in the article. The huge role of Mikhail Belov in enhancement of a historical narrative on the Central Russia labour movement issue, as well as in preservation of valuable archival materials, and in organisation of scientific conferences on this topic is not subject to doubt. The choice of the region of the research, the very approach to studying the known subject can be designated as innovative ones for those times. Mikhail Belov's career proves that a local history specialist is able to come to need of comprehensive study of the industrial proletariat formation sociocultural medium, to address the person, its attitude – all in terms of the 1960s—80s and not dependent on foreign historiography. As a social historian, Mikhail Belov makes a number of deep conclusions of rather male or female representation in working class revolutionary movement, concerning the role of cor-

porate and traditional fundamentals in social integrity of the Russian workers.

Keywords: Mikhail Belov, workers' movement, Russian Revolution of 1905—07, historiography, Kostroma higher school.

Aleksey V. Novikov
Kostroma State University
anovikov111@mail.ru

**Labour movement history in scientific heritage
of Russian history department
of Nekrasov Kostroma State Pedagogic Institute**

Nekrasov Kostroma State Pedagogic Institute Russian history department became in the 1960s—1980s one of the working history studying centres. This issue was among priorities of the Soviet historical science. Thanks to that, the cooperation with the academic scientific institutions, similar departments of higher education institutions of the Central Russia, the Urals and Siberia was set up. The department heads – Mikhail Belov and Galina Nayanova – got into a lot of work on holding zone of scientific conferences. The analysis

of their scientific heritage shows systemic approach of authors studying various aspects of working history. In publications of different years, they returned to the same aspects, in a new way considering them, from taking into account attraction of new archival sources to development of new studying approaches. The characteristic of structure and provision, cultural shape of workers of the Central Russia belonged to number of priority subjects of the research. Scientists laid the microanalysis foundation on materials of separate industrial enterprises and workers' strikes. Much attention was paid to collection, analysis, systematisation of sources and creation of a secondary source what "the labour movement chronicle" is. The analysed works became a basis of a scientific school which carries on the traditions pledged by the later generation of scientists.

Keywords: working history, zone conferences, shape of workers, scientific heritage, labour movement chronicle.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2016 – Т. 22 – № 6

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 29.12.2016.

Дата выхода в свет 31.03.2017.

Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 33,4.

Уч.-изд. 34,7 л.

Тираж 500 экз.

Изд. № 276.

Подписной индекс: **18902**

Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.

Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,

E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная

При перепечатке ссылка обязательна